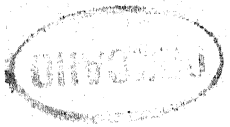
2 экз
Л

„Пров 49“



СОЧИНЕНІЯ
ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

Металлографія Ивансона въ С.Петербургѣ Вас.Ос.9 лин.№28.
О.Май гравировалъ.

Ferdinand Lassalle

„Пров 38“
„Пров 49“
2 экз
Л

СОЧИНЕНІЯ
ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора.

Переводъ В. ЗАЙЦЕВА.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1870.

225270

Печатано въ типографіи Н. Некрасова (Офицерская, № 7—14).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ сочиненія Лассаля, кромѣ двухъ обширныхъ трактатовъ: «Философіи Гераклита Темнаго» и «Системы пріобрѣтенныхъ правъ»; послѣднее изслѣдованіе, впрочемъ, приготовляется къ выпуску отдѣльнымъ изданіемъ.

Нѣкоторыя брошюры Лассаля доставались съ большимъ трудомъ, такъ что нельзя было держаться хронологической послѣдовательности въ помѣщеніи ихъ здѣсь; иначе выходъ настоящаго изданія затянулся бы на неопредѣленное время.

Вотъ послѣдовательный списокъ тѣхъ изъ нихъ, которыя по своему содержанію имѣютъ между собою болѣе или менѣе тѣсную связь: — 1) О сущности конституціи (1862 г.); 2) Программа работниковъ (читана 12 апрѣля 1862 г.); 3) Что же теперь? (1863 г.); 4) Сила и Право (февраль 1863 г.); 5, 6, 7) Три защитительныя рѣчи и 8) Приговоръ 1-й инстанціи; 9) Гласный отвѣтъ (мартъ 1863 г.); 10) Лейпцигская рѣчь (апрѣль 1863 г.); 11) Книга для чтенія рабочимъ (май 1863 г.); 12) Рейнская рѣчь (Празднества, пресса и пр.; сентябрь 1863 г.); 13) Къ берлинскимъ работникамъ (октябрь 1863 г.); 14) Капиталъ и Трудъ (январь 1864 г.); 15) Берлинскій процессъ (мартъ 1864 г.); 16) Ронсдорфская рѣчь (май 1864 г.); 17) Дюссельдорфскій процессъ (іюнь 1864 г.).

Оцѣнка личности подобной Лассалю, вліяніе котораго такъ сильно въ Германіи и до сихъ поръ, пока до-нельзя трудна; матеріаловъ для этого очень мало; нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно трудно добыть, такъ

какъ частью они находятся въ рукахъ лицъ близкихъ къ Лассалю и не обнародованы, частью же хотя и обнародованы, но сдѣлались библіографической рѣдкостью. Вотъ почему къ настоящему собранію сочиненій Лассаля не приложена его біографія. Издатель съ своей стороны принялъ всевозможныя мѣры для собранія необходимыхъ матеріаловъ, съ цѣлью издать впослѣдствіи отдѣльной брошюрой по возможности полный біографическій очеркъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

Программа работниковъ. Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія 1

Процессъ Лассаля (по поводу «Программы работниковъ»):

I. Наука и работники. Защитительная рѣчь 29

II. Стенографическій отчетъ объ уголовномъ судопроизводствѣ надъ Лассалемъ 64

III. Приговоръ первой инстанціи, съ критическими примѣчаніями Лассаля, написанными для апелляціи 87

IV. Приложеніе къ процессу: жалоба Лассаля оберъ-прокурору судебной палаты. 135

Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ 141

Гласный отвѣтъ центральному комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ. 229

По рабочему вопросу. Лейпцигская рѣчь 254

Книга для чтенія рабочимъ 269

Къ берлинскимъ работникамъ. Воззваніе отъ имени работниковъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза 333

Процессъ противъ Лассаля, по обвиненію въ государственномъ преступленіи (по поводу брошюры: «Къ берлинскимъ работникамъ»). 353

Приложеніе къ процессу: Уставъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза 407

Агитація Общаго Германскаго Рабочаго Союза и обѣщаніе прусскаго короля. Ронсдорфская рѣчь 410

О сущности конституціи 430

Что же теперь? О сущности конституціи рѣчь вторая 450

Сила и право 471

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Стр.		Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	сн.	15	въ ней,	къ ней,
2	сн.	4	она производительнымъ	производительнымъ
17	сн.	21	опредѣляется	опредѣляютея
21	сн.	8	привилегированной,	привилегированной
24	св.	8	какъ класса	какъ класса,
31	св.	15	мірнаго	мирнаго
36	сн.	19	ценузра	цензура
64	сн.	2—1	обвиненнаго,	обвиняемаго,
69	св.	8	осуществить	осуществитъ
87	сн.	5	Во всѣхъ	во всѣхъ
97	св.	18	Судъ [80])	Онъ [80])
105	сн.	16	исторгалась	исторгалось
129	св.	17	«стоитъ	«не стоитъ
160	св.	25	ученику,	ученому,
178	св.	5	7,941,15$^{1}/_{2}$	7,941,915$^{1}/_{2}$
237	св.	21	рокомъ	ракомъ
292	сн.	11—10	не въ пользу	на счетъ
308	сн.	4	въ Вами?!	съ Вами?!
317	сн.	11	учрежденія	къ учрежденію
345	св.	16	незаконномъ	незаконнымъ

ПРОГРАММА РАБОТНИКОВЪ.

Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія.

(Лекція, читанная 12 апрѣля 1862 г. въ берлинскомъ ремесленномъ союзѣ ораніенбургскаго предмѣстья.)

Господа!

Получивъ приглашеніе прочитать передъ Вами лекцію, я нашелъ, что необходимо избрать тему, которая по самой сущности своей могла бы особенно интересовать Васъ, и обработать ее строго научно. Я намѣренъ говорить объ особенной связи между характеромъ современнаго историческаго періода и идеей рабочаго сословія.

Какъ я сказалъ, я отнесусь къ этой темѣ строго научно.

Но истинная научность состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ совершенной ясности, слѣдовательно, требуетъ, чтобы ничего не говорилось бездоказательно, не предполагалось заранѣе извѣстнымъ.

Не желая ничего предполагать заранѣе, мы будемъ вынуждены въ теченіе этой бесѣды выяснить себѣ даже то, что понимаемъ мы подъ именемъ «работниковъ» и «рабочаго сословія». Даже это мы не можемъ предположить заранѣе извѣстнымъ, нетребующимъ объясненія. Никакъ не можемъ! Въ обыденной рѣчи слова «работникъ» и «рабочее сословіе» употребляются въ самыхъ различныхъ смыслахъ, и потому намъ необходимо выяснить себѣ, какое понятіе соединяемъ мы съ ними.

Но пока это еще рано. Мы начнемъ нашу бесѣду другимъ вопросомъ.

Рабочее сословіе есть лишь одно сословіе изъ нѣсколькихъ, изъ которыхъ состоитъ гражданское общество. Работники существовали во всѣ времена. Какъ же возможна какая-то особенная связь между идеей одного извѣстнаго сословія и общимъ принципомъ современнаго историческаго періода?

Что это значитъ?

Чтобы понять это, необходимо, господа, бросить взглядъ въ исторію, въ прошедшее, которое, если его вѣрно понять, всегда заключаетъ въ себѣ смыслъ настоящаго и показываетъ очерки будущаго.

Намъ необходимо, господа, придерживаться возможной краткости въ этомъ обзорѣ, потому что въ противномъ случаѣ намъ грозитъ опасность не успѣть добраться до настоящаго предмета въ отведенные для нашей бесѣды немногіе часы.

Но, не взирая на эту опасность, мы должны обратиться къ прошедшему хотя бы самымъ бѣглымъ взоромъ, ограниченнымъ хотя самыми общими чертами, потому что только этотъ обзоръ дастъ намъ возможность отвѣтить на нашъ вопросъ и понять нашу тему.

Обращаясь къ среднимъ вѣкамъ, мы находимъ, что и тогда существовали всѣ тѣ классы и сословія, изъ которыхъ теперь слагается гражданское общество, хотя, правда, они далеко не были такъ опредѣленно развиты, какъ нынѣ. Но далѣе мы находимъ, что въ то время одно сословіе и одинъ элементъ пользовались преобладаніемъ. То было землевладѣніе.

Землевладѣніе, господа, держало въ рукахъ своихъ въ средніе вѣка скипетръ общества, налагало свой особенный специфическій отпечатокъ на всѣ учрежденія и на всю жизнь того времени. Его надо признать господствующимъ принципомъ этого историческаго періода.

Причина его господства очень проста. Она заключается въ экономической, хозяйственной организаціи среднихъ вѣковъ, въ положеніи ихъ производства. По крайней мѣрѣ здѣсь это объясненіе для насъ вполнѣ достаточно. Въ то время торговля была развита еще очень мало; промышленность и того меньше. Главное богатство средневѣковаго общества состояло въ земледѣльческомъ производствѣ, которое безконечно перевѣшивало всѣ прочіе роды производительности.

Въ виду преобладающей поземельной собственности — движимой собственности не придавали въ то время большаго значенія. До чего простиралось пренебреженіе къ ней, ясно показываетъ средневѣковое гражданское право, которое всегда служитъ вѣрнымъ отраженіемъ экономическихъ отношеній создавшей его эпохи. Чтобы сохранять фамильное достояніе изъ рода въ родъ и предохранять его отъ расточенія, средневѣковое гражданское право постановляло неотчуждаемость семейнаго имущества или «отчины» безъ согласія наслѣдниковъ. Но подъ семейнымъ достояніемъ или «отчиной» разумѣлась только земля. Напротивъ того, движимость можно было отчуждать безъ спроса наслѣдниковъ. Вообще древне-германское гражданское право разсматриваетъ всякую движимость не какъ самостоятельный, производительный имущественный фондъ, капиталъ, а лишь какъ плоды земли и почвы, стало-быть, какъ, напр., годовой сборъ жатвы, которому она совершенно приравнивается. Самостоятельнымъ производительнымъ имущественнымъ фондомъ считалась тогда только поземельная собственность. Слѣдовательно, если въ то время землевладѣніе и тѣ сословія, которымъ оно преимущественно принадлежало, т. е., какъ вамъ извѣстно, дворянство и духовенство, были господствующими во всѣхъ отно-

шеніяхъ факторами средневѣковаго общества, то это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его экономическому положенію и было простымъ слѣдствіемъ его.

Какое учрежденіе среднихъ вѣковъ вы ни возьмете, всюду увидите это явленіе.

Съ насъ довольно взглянуть на нѣкоторыя важнѣйшія изъ этихъ учрежденій, въ которыхъ землевладѣніе является господствующимъ началомъ.

Такова, вопервыхъ, обусловленная имъ организація общественной власти или ленное устройство. Какъ вамъ извѣстно, господа, оно состояло въ томъ, что короли, князья и владѣтели уступали другимъ владѣтелямъ и рыцарямъ земли въ пользованіе, а получающіе обязывались за это преимущественно феодальной службой, т. е. принимали обязательство помогать своему сюзерену во всѣхъ его войнахъ и браняхъ, какъ лично, такъ и своими людьми.

Такова, вовторыхъ, организація публичнаго права или государственное устройство. На нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ представительство имѣли только сословіе князей и крупное землевладѣніе имперскихъ графовъ и духовенства. Даже города тогда только пользовались мѣстомъ и голосомъ на сеймѣ, если имъ удавалось пріобрѣсти привилегію вольнаго имперскаго города.

Втретьихъ, податная льготность крупнаго землевладѣнія. Мы постоянно видимъ, господа, одно и то же характеристичное явленіе, что всякое господствующее привилегированное сословіе непремѣнно старается свалить бремя общественныхъ расходовъ на угнетенные и неимущіе классы, какимъ бы то ни было способомъ, откровеннымъ или лицемѣрнымъ, прямымъ или косвеннымъ. Когда въ 1641 г. Ришльё потребовалъ съ духовенства 6 милліоновъ франковъ чрезвычайнаго налога, оно характеристично отвѣчало ему устами архіепископа санскаго: «L'usage ancien de l'église pendant sa vigueur était que le peuple contribuait ses biens, la noblesse — son sang, le clergé ses prières aux nécessités de l'Etat» («Древнимъ обычаемъ церкви во времена ея силы было, чтобы народъ служилъ нуждамъ государства своимъ имуществомъ, дворянство своею кровью, духовенство своими молитвами».)

Вчетвертыхъ, общественное презрѣніе, тяготѣвшее на всякомъ трудѣ, кромѣ занятія землей и почвой.

Вести промышленныя предпріятія, добывать деньги торговлей или промыслами считалось для господствующихъ, привилегированныхъ сословій, дворянства и духовенства, позорнымъ и безчестнымъ, и приличнымъ казалось только извлекать доходъ изъ поземельной собственности.

Этихъ четырехъ великихъ и знаменательныхъ фактовъ, опредѣляющихъ основной характеръ эпохи, совершенно достаточно для нашего обзора, чтобы доказать, что въ средніе вѣка землевладѣніе было господствующимъ началомъ и налагало свой отпечатокъ на все.

Дотого простиралось господство этого начала, что изъ него же исходило даже, повидимому, вполнѣ революціонное движеніе Крестьянской Войны, которая вспыхнула въ Германіи въ 1524 г. и обняла всю Швабію, Франконію, Эльзасъ, Вестфалію и другія германскія страны. Слѣдовательно, несмотря на свой революціонный видъ, этотъ мятежъ былъ въ сущности реакціонное

движеніе. Вамъ извѣстно, господа, что крестьяне жгли тогда замки дворянъ, убивали самихъ дворянъ или, какъ тогда было въ обычаѣ, прогоняли ихъ сквозь строй копій. Однако, несмотря на такую революціонную внѣшность, движеніе это по своей сущности и принципу было реакціей.

Дѣло въ томъ, что, по понятію крестьянъ, возрожденіе государственныхъ отношеній, германская воля, которую они хотѣли возстановить, должна была состоять въ уничтоженіи промежуточнаго положенія, занимаемаго князьями между императоромъ и имперіей, и въ замѣнѣ его на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ исключительнымъ представительствомъ свободнаго и независимаго землевладѣнія, нетолько крестьянскаго и рыцарскаго, которыя до сихъ поръ не имѣли представительства, но и настоящаго, независимаго землевладѣнія аристократіи разнаго рода, рыцарей, графовъ и прежнихъ князей. Приэтомъ не обращалось вниманія на прежнія различія, и дворянское землевладѣніе оставлялось при представительствѣ наравнѣ съ крестьянскимъ.

Итакъ, Вы видите, господа, что въ концѣ концовъ этотъ планъ клонился ни къ чему иному, какъ къ послѣдовательному и строжайшему проведенію общаго принципа тогдашней эпохи, впрочемъ уже приходившей къ концу вмѣстѣ съ этимъ своимъ принципомъ; онъ клонился къ послѣдовательному, чистѣйшему и строжайшему проведенію того принципа, что землевладѣніе должно быть господствующимъ началомъ и условіемъ, которое одно даетъ каждому человѣку право участвовать въ государственной власти. Крестьянамъ и на умъ не приходило, что каждый уже потому имѣетъ право на это участіе, что онъ—человѣкъ, что онъ—разумное существо, хотя бы безъ землевладѣнія! Для такого пониманія тогдашнее общество было еще недовольно развито, тогдашній строй идей еще недовольно революціоненъ.

Слѣдовательно, это движеніе, отличавшееся по внѣшности такою революціонною рѣшительностью, по содержанію было совершенно реакціонно, т. е. вмѣсто того, чтобы стоять на новомъ революціонномъ принципѣ, оно, само того не зная, стояло внутренно на старомъ принципѣ, на принципѣ существовавшаго порядка, на принципѣ періода, уже преходившаго, и именно потому и пало крестьянское движеніе, что, считая себя революціоннымъ, было въ дѣйствительности реакціонно.

Обоимъ тогдашнимъ движеніямъ, крестьянскому мятежу и дворянскому возстанію (Франца фонъ-Зикингена), которыя оба имѣли одинъ общій принципъ—еще послѣдовательнѣе прежняго основать участіе въ государственномъ управленіи исключительно на землевладѣніи—обоимъ имъ противостоялъ возвышавшійся монархизмъ князей. Основанный на идеѣ вѣрховной власти, независимой отъ поземельной собственности, представитель государственной идеи, независимой отъ частныхъ имущественныхъ отношеній—монархизмъ является передъ ними стремленіемъ сравнительно справедливымъ и революціоннымъ, и это-то дало самодержавнымъ тенденціямъ князей силу побѣдоносно развиться, подавивъ движенія крестьянъ и дворянъ.

Я нѣсколько подробнѣе занялся этимъ, господа, вопервыхъ, потому, чтобы показать Вамъ разумность и прогрессъ свободы въ историческомъ развитіи

даже на такомъ примѣрѣ, который при поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться доказательствомъ какъ-разъ противнаго; вовторыхъ, потому, что историки все-еще далеки отъ пониманія реакціоннаго характера крестьянскаго движенія и заключающейся въ этомъ характерѣ причины его неудачи; обманутые внѣшностью, они все-еще считаютъ Крестьянскую Войну движеніемъ революціоннымъ.

Втретьихъ, наконецъ, потому, что во всѣ времена часто повторяется это замѣчательное явленіе страшнаго заблужденія темныхъ умовъ, принимающихъ послѣдовательнѣйшее и чистѣйшее выраженіе идеи преходящаго періода и порядка за новый революціонный принципъ. И замѣтьте, господа, что это заблужденіе особенно свойственно именно самымъ, повидимому, просвѣщеннѣйшимъ людямъ; франкфуртское собраніе прискорбной памяти доказало намъ, что и профессоры какъ нельзя болѣе склонны къ нему.

Мнѣ хотѣлось предостеречь Васъ, господа, отъ подобныхъ людей и направленій, революціонныхъ лишь въ собственномъ воображеніи, потому что въ будущемъ ихъ будетъ у насъ также много, какъ было въ прошломъ!

Но это открываетъ намъ и большое утѣшеніе, потому что мы должны считать революціонными лишь въ собственномъ воображеніи всѣ многочисленныя движенія, вовсе неудавшіяся или павшія послѣ минутной удачи и паденіе которыхъ можетъ наполнить грустнымъ сомнѣніемъ сердце иного благонамѣреннаго, но поверхностнаго друга народа.

Болѣе глубокій мыслитель выноситъ изъ изученія исторіи, напротивъ того, утѣшительное убѣжденіе, что истинно революціонное движеніе, движеніе, основанное на дѣйствительно новомъ принципѣ, еще никогда не погибало, никогда не падало, по крайней мѣрѣ надолго.

Возвращаюсь къ моему предмету.

Если Крестьянская Война была революціонна только въ собственномъ воображеніи, то дѣйствительно, истинно революціонны были въ то время прогрессъ промышленности, гражданскаго производства, все болѣе и болѣе развивавшагося раздѣленія труда и возникшее вслѣдствіе этого богатство капитала, которое накоплялось исключительно въ рукахъ буржуазіи, такъ какъ это сословіе взялось за производство и присвоило себѣ его выгоды.

Окончаніе среднихъ вѣковъ и начало новой исторіи обыкновенно относятъ къ началу реформаціи, т. е. къ 1517 году.

Это дѣйствительно вѣрно въ томъ смыслѣ, что въ теченіе двухъ столѣтій, слѣдовавшихъ непосредственно за реформаціей, постепенно и незамѣтно совершался переворотъ, совершенно измѣнившій внѣшній видъ общества и произведшій внутри его перемѣну, которую французская революція 1789 г. не создала, а только провозгласила.

Въ чемъ состояла эта перемѣна, спросите Вы?

Въ правовомъ положеніи дворянства не произошло никакой перемѣны. По праву дворянство и духовенство все-еще были привилегированными сословіями, а буржуазія — сословіемъ затертымъ и угнетеннымъ. Но если ни-

чего не измѣнилось въ правахъ, зато фактически, въ дѣйствительности въ отношеніяхъ произошла громадная перемѣна.

Возникновеніе и накопленіе въ рукахъ буржуазіи богатства капитала, движимой собственности, въ противоположность поземельной собственности, низвели дворянство въ совершенное ничтожество,—мало того, въ настоящую зависимость отъ разбогатѣвшей буржуазіи. Чтобы держаться хотя наряду съ ней, ему приходилось измѣнить всѣмъ своимъ сословнымъ принципамъ, взяться за тѣ же средства промышленнаго пріобрѣтенія, которымъ буржуазія была обязана своимъ богатствомъ, а съ нимъ и своею фактическою силою.

Уже въ комедіяхъ Мольера, жившаго при Людовикѣ XIV, мы видимъ—явленіе въ высшей степени любопытное — тогдашнее дворянство презирающимъ богатую буржуазію и въ то же время паразитствующимъ у нея.

Самъ Людовикъ XIV, этотъ надменнѣйшій король, снимаетъ въ своемъ версальскомъ дворцѣ шляпу и унижается передъ жидомъ Самуиломъ Бернаромъ, тогдашнимъ Ротшильдомъ, чтобы выпросить у него засмъ.

Когда въ началѣ XVIII столѣтія знаменитый шотландскій финансистъ Ло составилъ во Франціи торговыя компаніи, акціонерное общество для торговой эксплуатаціи береговъ Мисиссипи, Луизіаны, Остъ-Индіи и пр., самъ регентъ Франціи былъ въ числѣ директоровъ этой компаніи, членомъ купеческаго общества! Мало того, въ августѣ 1717 г. регентъ былъ принужденъ постановить эдиктами, что дворяне могутъ вступать въ военную и морскую службу этой компаніи, не унижая своего достоинства! Вотъ до чего дошло воинственное и гордое феодальное дворянство Франціи! Ему служить вооруженными прикащиками въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ буржуазіи, раскапывающей всѣ части свѣта!

Согласно этой фактической перемѣнѣ, въ обществѣ развился въ то время матеріализмъ, голодное, алчное стремленіе къ деньгамъ и наживѣ, стремленіе, заглушавшее всѣ нравственныя идеи и даже всѣ сословныя преимущества, что́ со стороны привилегированныхъ классовъ, къ сожалѣнію, еще знаменательнѣе. При томъ же регентѣ во Франціи колесуютъ, какъ простаго разбойника, графа Горна, одного изъ первыхъ аристократовъ, состоявшаго въ родствѣ со многими знатнѣйшими домами, даже съ самимъ регентомъ. Герцогиня Орлеанская, урожденная нѣмецкая принцесса, пишетъ отъ 29 ноября 1719 г., что однажды шесть знатнѣйшихъ дамъ подкараулили во дворѣ одного дома упомянутаго Ло, который былъ въ то время первымъ и самымъ занятымъ лицомъ во всей Франціи и котораго поэтому было очень трудно захватить; подцѣпивъ его, онѣ пристали къ нему съ просьбами уступить имъ учрежденныхъ имъ акцій, которыя расходились тогда во Франціи на драку и стояли на биржѣ разъ въ шесть или восемь выше номинальной цѣны. Ло очень спѣшилъ, не хотѣлъ слушать и наконецъ сказалъ дамамъ, видя, что онѣ не отстаютъ: «Сударыни, тысячу разъ прошу извинить меня, но если вы меня не пустите, я лопну, потому что чувствую потребность помочиться и не могу больше удерживаться.» На это знатныя барыни отвѣчали ему: «Eh bien, monsieur, pissez, pourvu que vous nous écoutiez»—(«Ничего, милостивый государь, мочитесь,

только выслушайте»). И дѣйствительно, пока онъ отправлялъ свою нужду, онѣ стояли возлѣ и объясняли ему свое дѣло.

Если Вы спросите меня далѣе о причинахъ такого развитія промышленности и вызваннаго имъ обогащенія буржуазіи, то для подробнаго объясненія этого мнѣ понадобится гораздо больше времени, чѣмъ тѣ часы, которыми я могу располагать. Я могу только вкратцѣ перечислить важнѣйшія изъ этихъ причинъ: открытіе Америки и неизмѣримое вліяніе его на производство; открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію мимо мыса Доброй Надежды, тогда какъ прежде вся торговля съ Востокомъ и Индіей шла сухимъ путемъ черезъ Суэзъ; изобрѣтеніе магнитной иглы и компаса и вслѣдствіе этого бо́льшая быстрота и безопасность морской торговли, имѣвшія результатомъ пониженіе страховой преміи; проложеніе внутри странъ водяныхъ путей, каналовъ и шоссе, что̀ уменьшило расходы на перевозку и доставило возможность отдаленнаго сбыта многимъ продуктамъ, которые прежде не могли выносить повышенія цѣны перевозкой; болѣе дѣйствительное гражданское обезпеченіе владѣнія; организованное правосудіе; изобрѣтеніе пороха и, вслѣдствіе этого изобрѣтенія, обузданіе воинственнаго феодальнаго дворянства монархическою властью; распущеніе наемниковъ, ландскнехтовъ и рейтаровъ, вслѣдствіе разрушенія замковъ и уничтоженія независимыхъ дружинъ бароновъ, которымъ служили эти наемники, принужденные послѣ того искать себѣ занятія въ средневѣковыхъ рабочихъ мастерскихъ; — вотъ событія, которыя влекли впередъ побѣдную колесницу буржуазіи!

Всѣ эти событія и многія другія, которыя я могъ бы насчитать Вамъ, имѣли одинъ главный общій результатъ: они открыли производству обширные débouchés, т. е. рынки для сбыта, и удешевили стоимость производства и перевозки; этимъ они вызвали крупное производство, производство для всемірнаго рынка; это въ свою очередь породило потребность въ дешевомъ производствѣ, а эта потребность могла быть удовлетворена лишь дальнѣйшимъ раздѣленіемъ труда, т. е. все болѣе и болѣе совершеннымъ разложеніемъ труда на его простѣйшія механическія операціи; наконецъ, усовершенствованіе раздѣленія труда съ своей стороны вызываетъ все болѣе обширные размѣры производства.

Такимъ образомъ, господа, мы видимъ здѣсь рядъ взаимодѣйствій. Каждый изъ этихъ фактовъ вызываетъ другой, а этотъ другой въ свою очередь вліяетъ на первый, расширяя и увеличивая его объемъ.

Вы легко поймете, что производство какого-нибудь товара въ громадныхъ массахъ, т. е. производство его для всемірнаго рынка, возможно тогда только, если оно дешево и если и перевозка этого товара настолько дешева, что не повышаетъ его цѣну значительно. Это понятно, потому что производство въ громадныхъ массахъ требуетъ и громаднаго сбыта, а сбывать товаръ въ громадныхъ массахъ можно только при его дешевизнѣ, которая дѣлала бы его доступнымъ громадному числу покупателей. Стало быть, дешевизна производства и перевозки товара вызываетъ его производство въ большихъ размѣрахъ, въ громадныхъ массахъ. Также понятно, что и наоборотъ, производ-

ство товара въ большихъ массахъ вызываетъ и увеличиваетъ его дешевизну. Напримѣръ, фабрикантъ, сбывающій въ годъ 200,000 кусковъ миткаля, можетъ продавать каждый кусокъ до извѣстной степени дешевле, чѣмъ фабрикантъ, производящій въ годъ только 5,000 кусковъ, потому что первому сырой матеріалъ достается дешевле по случаю гуртовой закупки и потому, что онъ разлагаетъ на большее число кусковъ свою прибыль и проценты съ своего основнаго капитала, съ зданій и машинъ. Удешевленіе производства ведетъ, стало быть, къ усиленію его, что́ опять удешевляетъ его, удешевленіе опять усиливаетъ, а усиленіе еще болѣе удешевляетъ и т. д.

Точно тоже происходитъ и съ раздѣленіемъ труда, которое, съ одной стороны, необходимо предполагаетъ крупное производство и дешевизну, а съ другой, само есть необходимое условіе крупнаго производства и дешевизны.

Раздѣленіе труда разлагаетъ выдѣлку продукта на множество совершенно простыхъ, нерѣдко чисто механическихъ и безсмысленныхъ операцій и поручаетъ каждую такую операцію особому работнику. Оно возможно только при производствѣ продукта въ большихъ массахъ, такъ что вызывается и развивается крупнымъ производствомъ. Но и наоборотъ, разложеніе работы на такія простыя операціи и манипуляціи ведетъ далѣе: 1) къ постоянному удешевленію продукта, 2) вслѣдствіе этого къ производству все въ бо́льшихъ, громаднѣйшихъ массахъ, къ производству, разсчитанному все на болѣе отдаленныя мѣста сбыта, не на тотъ или другой мѣстный рынокъ, а на всемірный, и 3) этимъ и дальнѣйшимъ разложеніемъ рабочихъ операцій, которое дѣлается возможнымъ благодаря этому, — къ возрастающему прогрессу въ самомъ раздѣленіи труда.

Рядъ этихъ взаимодѣйствій постепенно произвелъ полный переворотъ въ общественномъ трудѣ, а вслѣдствіе этого и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Переворотъ этотъ всего лучше показать въ слѣдующей параллели:

Въ средніе вѣка люди производили только для потребностей своей мѣстности и очень ограниченнаго сосѣдняго круга сбыта, потому что лишь небольшое число драгоцѣнныхъ продуктовъ могло выдерживать дороговизну перевозки. Такимъ образомъ, производство всегда имѣло въ виду потребности ограниченныя, извѣстныя, твердо опредѣленныя и неизмѣнныя. Потребности, т. е. спросъ, предшествовали предложенію, т. е. производству, и составляли для него заранѣе извѣстное мѣрило. Другими словами: общественное производство было преимущественно ремесленное. Въ этомъ-то и состоитъ разница между фабричнымъ или крупнымъ производствомъ и малымъ или ремесленнымъ, что второе или выжидаетъ потребность, чтобы начать производить, какъ напр. портной ждетъ моего заказа, чтобы начать шить мнѣ сюртукъ, слесарь, чтобы дѣлать мнѣ замокъ, или, если по свойству продукта его надо заготолять заранѣе, ограничивается въ производствѣ его минимумомъ потребностей своей мѣстности и ближайшаго сосѣдства, узнавая размѣръ этихъ потребностей въ точности опытомъ. Такъ, напр., мѣдникъ заранѣе изготовляетъ извѣстное количество фонарей, которое, какъ ему навѣрно извѣстно, будетъ скоро потреблено городскою потребностью.

Характеристическія свойства общества, производящаго преимущественно этимъ способомъ, состоятъ, господа, въ бѣдности или по крайней мѣрѣ въ самомъ скромномъ достаткѣ, но зато въ извѣстной прочности и устойчивости всѣхъ отношеній.

Но вотъ непрестанное взаимодѣйствіе, которое я Вамъ показалъ, постепенно придало общественному труду и всѣмъ общественнымъ отношеніямъ совершенно противоположный характеръ; зародышъ его запалъ въ общество давно и теперь только окончательно выработался, громадно развился и придалъ общественному труду его нынѣшній отличительный видъ. Въ своемъ нынѣшнемъ громадномъ развитіи этотъ характеръ представляется въ противуположность прежнему въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: какъ прежде потребность, спросъ, предшествовала производству, предложенію, вызывала и опредѣляла его, служила ему руководствомъ и заранѣе извѣстнымъ мѣриломъ, такъ теперь производство, предложеніе, предшествуетъ потребности, спросу, старается вызвать его. Производство имѣетъ въ виду не извѣстную мѣстность, не извѣстную потребность близкаго круга сбыта, а всемірный рынокъ. Люди производятъ для всего міра, для всѣхъ людей, для неизвѣстной и недоступной опредѣленію потребности, а чтобы продуктъ могъ вызывать потребность въ себѣ, ему дается оружіе — дешевизна. Дешевизна есть оружіе продукта, которымъ онъ, съ одной стороны, завоевываетъ себѣ покупщика, а съ другой, выбиваетъ съ поля всѣ прочіе товары того же рода, которые также навязываются покупщику. Такимъ образомъ, въ системѣ свободной конкуренціи каждый производитель, какія бы громадныя массы ни производилъ, можетъ надѣяться найти сбытъ всему, если ему удастся лучше вооружить свой товаръ дешевизною, такъ чтобы онъ могъ поразить товары другихъ производителей.

Отличительный характеръ такого общества состоитъ въ великомъ, неизмѣримомъ богатствѣ, но зато въ крайней шаткости всѣхъ отношеній, почти въ постоянной тревожной сомнительности положенія каждаго человѣка и наконецъ въ чрезвычайно неравномѣрномъ распредѣленіи выгодъ производства между участниками въ немъ.

Вотъ какъ великъ былъ, господа, переворотъ, незамѣтно произведенный въ самомъ сердцѣ общества тихимъ, революціоннымъ, подкапывающимъ дѣйствіемъ промышленности гораздо раньше конца прошлаго вѣка.

Мы видѣли, что люди Крестьянской Войны еще не дерзали и помыслить о какомъ-нибудь другомъ основаніи для государства, кромѣ землевладѣнія, не могли даже въ мысли отдѣлаться отъ убѣжденія, что землевладѣнію необходимо принадлежитъ господство надъ государствомъ и что участіе въ этомъ владѣніи есть непремѣнное условіе участія и въ этомъ господствѣ. А между тѣмъ тихій, незамѣтный революціонный прогрессъ промышленности еще задолго до конца прошлаго вѣка низвелъ землевладѣніе до совершенно ничтожнаго значенія сравнительно съ его прежней важностью. Землевладѣніе заняло второстепенное мѣсто при громадно-развившейся промышленности съ ея новыми способами производства и съ богатствами, которыя въ ней заключались и ежедневно накоплялись. Огромное вліяніе, которое она пріобрѣла

этимъ на все населеніе и на всѣ его отношенія, распространилось даже на дворянство, большею частью обѣднѣвшее.

Итакъ, внутри общества, въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, революція наступила гораздо раньше, чѣмъ вспыхнула во Франціи, и оставалось только доставить этому перевороту внѣшнее признаніе, дать ему правовую санкцію.

Таково, господа, значеніе всѣхъ революцій! Нельзя сдѣлать революцію; можно дать только внѣшнее признаніе и послѣдовательное развитіе революціи, уже совершившейся въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ общества.

Хотѣть сдѣлать революцію можетъ только глупость неразвитыхъ людей, неимѣющихъ понятія о законахъ исторіи.

Но такая же глупость, такое же ребячество въ желаніи попятить и остановить революцію, уже совершившуюся во внутренности общества, въ сопротивленіи ея правовому признанію, въ упрекахъ обществу, въ которомъ произошла такая революція, или людямъ, которые участвовали въ повивальномъ служеніи революціи. Какъ скоро революція находится внутри общества, въ его дѣйствительныхъ отношеніяхъ, — ей надо выйти на свѣтъ, войти въ законодательство, и никакими усиліями не задержишь ее.

Какъ это дѣлается и какъ далеко зашло это въ то время, о которомъ я говорю, лучше всего покажетъ Вамъ слѣдующій фактъ.

Я уже сказалъ Вамъ о раздѣленіи труда, развитіе котораго состоитъ въ разложеніи производства на рядъ простыхъ, механическихъ и безсмысленныхъ операцій.

Разложеніе это идетъ все дальше и дальше, пока наконецъ открываютъ, что эти отдѣльныя простыя и безсмысленныя операціи могутъ съ такимъ же успѣхомъ или даже еще лучше исполняться неразумными факторами. Такимъ образомъ въ 1775 г., стало быть, за 14 лѣтъ до французской революціи, Аркрайтъ изобрѣтаетъ въ Англіи первую машину, свою знаменитую хлопчатобумажную ткацкую машину.

Конечно, Французскую Революцію произвела не эта машина; она была изобрѣтена слишкомъ незадолго до Революціи, чтобы оказать такое вліяніе, да притомъ и введена была во Франціи не тотчасъ по изобрѣтеніи. Но можно сказать, что она воплощала въ себѣ революцію, фактически уже наступившую, уже совершившуюся. Она сама, эта машина, несмотря на свой невинный видъ, была революція въ вещественномъ образѣ.

Это легко объяснить.

Вы, конечно, слыхали о цехахъ, въ которыхъ вращалось средневѣковое производство.

Я не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе цеховъ, какъ и въ разсмотрѣніе свободной конкуренціи, всюду замѣнившей цехи со времени Французской Революціи. Я не могу только не заявить, въ видѣ удостовѣренія, фактъ, что средневѣковые цехи были нераздѣльны со всѣми прочими учрежденіями среднихъ вѣковъ. Хотя сегодня я не могу объяснить Вамъ причинъ этой неразрывной связи, однако самый фактъ ея можно доказать просто исторически. Цехи существовали во все теченіе среднихъ вѣковъ до самой Французской

Революціи. Еще въ 1672 г. объ отмѣнѣ ихъ толковали на нѣмецкомъ имперскомъ сеймѣ, но тщетно. Еще раньше, въ 1614 г., на французскихъ États généraux, французскомъ собраніи государственныхъ чиновъ, буржуазія требовала отмѣны цеховъ, всюду стѣснявшихъ производство. Также тщетно. Мало того: за тринадцать лѣтъ до Революціи, въ 1776 г., французскій министръ, знаменитый реформаторъ Тюрго, отмѣнилъ цехи. Но феодальный привилегированный свѣтъ среднихъ вѣковъ справедливо сообразилъ, что ему грозитъ смертная опасность, если его жизненный принципъ, привилегія, перестанетъ проникать всѣ классы общества, и черезъ шесть мѣсяцевъ по уничтоженіи цеховъ король былъ побужденъ дворянствомъ отмѣнить свой эдиктъ и возстановить цехи. Только Революція ниспровергла, — но зато въ одинъ день штурмомъ Бастиліи,—то, чего законнымъ путемъ тщетно добивались въ Германіи съ 1672 г., а во Франціи съ 1614 г., стало быть, почти два столѣтія.

Изъ этого Вы видите, господа, что при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ легальныя преобразованія имѣютъ очень важное неудобство, неудобство безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія; съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на свои неоспоримыя невыгоды, имѣетъ то преимущество, что быстро и энергически ведетъ къ практической цѣли.

Если мы примемъ за доказанное, что цехи были нераздѣльны со всѣмъ общественнымъ строемъ среднихъ вѣковъ, то тотчасъ увидимъ, почему первая машина, ткацкая машина Аркрайта, содержала въ себѣ полное преобразованіе всего этого общественнаго строя.

Ибо возможно ли было машинное производство при цехахъ, гдѣ было закономъ опредѣлено для каждой мѣстности, сколько подмастерій и учениковъ можетъ держать каждый мастеръ? Или возможно ли было машинное производство, требующее соединенія самыхъ разнородныхъ работъ подъ рукой одного капитала, при цехахъ, гдѣ всѣ отрасли труда были строжайше отдѣлены другъ отъ друга закономъ, гдѣ каждый мастеръ могъ заниматься лишь исключительно какою-нибудь одной отраслью, такъ что напр. парижскіе портные и кузнецы вели по сту лѣтъ процессы съ заплаточниками и слесарями изъ-за опредѣленія границъ своихъ ремеслъ?

Такимъ образомъ, производство собственнымъ постояннымъ и постепеннымъ усовершенствованіемъ дошло, наконецъ, до изготовленія такихъ рабочихъ инструментовъ, отъ которыхъ весь общественный порядокъ долженъ былъ разлетѣться въ прахъ, рабочихъ инструментовъ и способовъ производства, которые не могли найти себѣ мѣста въ этомъ порядкѣ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что первая машина сама по себѣ была революціей, потому что заключала въ своихъ зубцахъ и колесахъ зародышъ всего новаго общественнаго порядка, основаннаго на свободной конкуренціи; этотъ порядокъ необходимо долженъ былъ энергически развиться изъ нея, хотя внѣшній видъ ея, конечно, не имѣлъ въ себѣ ничего угрожающаго для старыхъ отношеній.

Такъ и теперь, господа, если не ошибаюсь, есть нѣсколько явленій, со-

держащихъ въ себѣ новый порядокъ и долженствующихъ необходимо развить его изъ себя. И эти явленія по наружности совершенно безобидны, такъ что власти, неутомимо преслѣдующія какихъ-нибудь ничтожныхъ агитаторовъ, нетолько проходятъ мимо нихъ, ничего не подозрѣвая, но даже признаютъ ихъ необходимыми условіями нашей культуры, привѣтствуютъ ихъ, какъ цвѣтъ и апогей ея, и при случаѣ восхваляютъ и славятъ ихъ въ торжественныхъ спичахъ.

Теперь, господа, Вы вполнѣ поймете истинное значеніе знаменитой брошюры аббата Сійэса, изданной за годъ до Французской Революціи, въ 1788 г. Содержаніе ея можно вкратцѣ выразить въ слѣдующихъ словахъ самого автора: Qu'est-ce que c'est que le tiers-état? Rien! Qu'est-ce qu'il doit être? Tout!

Tiers-état, т. е. третьимъ сословіемъ называлась во Франціи буржуазія, потому что составляла на собраніи государственныхъ сословій при двухъ привилегированныхъ сословіяхъ, духовенствѣ и дворянствѣ, третье сословіе, представлявшее весь непривилегированный народъ.

Итакъ, все содержаніе брошюры Сійэса сводится къ двумъ вопросамъ, которые онъ самъ задаетъ и на которые самъ отвѣчаетъ: «что такое третье сословіе? — Ничто! Чѣмъ оно должно быть? — Всѣмъ!»

Такъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ Сійэсъ. Но изъ всего, что я до сихъ поръ сказалъ, слѣдуетъ, что истинный смыслъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ гораздо лучше и вѣрнѣе выразить бы такъ:

«Что такое третье сословіе фактически, въ дѣйствительности?—Все.

Но что такое оно по праву? — Ничто!»

Дѣло, стало быть, въ томъ, чтобы уровнять правовое положеніе третьяго сословія съ его дѣйствительнымъ значеніемъ; дѣло шло о томъ, чтобы доставить уже пріобрѣтенному третьимъ сословіемъ дѣйствительному значенію правовое признаніе и санкцію; и въ этомъ именно состояло дѣло и значеніе побѣдоносной Революціи, которая вспыхнула въ 1789 г. во Франціи и оказала преобразовательное вліяніе на всѣ европейскія страны.

Мнѣ нельзя разсказывать Вамъ теперь, господа, исторію Французской Революціи. Мы можемъ остановиться здѣсь только на важнѣйшихъ и рѣшительнѣйшихъ переходныхъ точкахъ общественныхъ періодовъ, да и то лишь бѣгло и мимоходомъ, насколько позволяетъ время.

Прежде всего необходимо спросить, кто было это третье сословіе или буржуазія, которое одержало во Французской Революціи побѣду надъ привилегированными сословіями и достигло господства въ государствѣ?

Имѣя противъ себя привилегированныя сословія общества, обладавшія законными преимуществами, третье сословіе сочло себя сгоряча, въ пылу борьбы, солидарнымъ со всѣмъ народомъ, сочло свое дѣло дѣломъ всего человѣчества. Отсюда то возвышенное и мощное одушевленіе, которое господствовало въ эту эпоху. Провозглашаются Права Человѣка, и можно подумать, что съ освобожденіемъ и владычествомъ третьяго сословія въ обществѣ кончились всякія привилегіи, что всякое правовое, привилегированное различіе между людьми погибло, поглощенное въ единой свободѣ человѣка.

Правда, уже тогда, въ началѣ движенія, въ одномъ далеко не револю-

ціонномъ журналѣ писали въ апрѣлѣ 1789 г. по случаю выборовъ въ государственные чины, когда король предписалъ, чтобы на этотъ разъ третье сословіе одно выслало столько депутатовъ, сколько дворянство и духовенство вмѣстѣ: Qui peut nous dire, si le despotisme de la bourgeoisie ne succédera pas à la prétendue aristocratie des nobles †) «Кто поручится, что мнимую аристократію дворянства не замѣнитъ деспотизмъ буржуазіи».

Но въ тогдашнемъ общемъ одушевленіи такихъ возгласовъ не слушали.

Несмотря на это, мы должны возвратиться къ нашему вопросу; мы должны прямо поставить такой вопросъ: было ли дѣло третьяго сословія дѣйствительно дѣломъ всего человѣчества или не заключало ли въ себѣ это третье сословіе, буржуазія, еще четвертаго сословія, отъ котораго ей предстояло отдѣлиться въ правахъ и которое она должна была современемъ подчинить себѣ?

Однако, господа, мнѣ пора объяснить значеніе слова буржуазія, какъ названіе политической партіи; пора сказать, въ какомъ смыслѣ употребляю я это слово, потому что иначе мнѣ грозитъ опасность, что моя лекція подвергнется важнымъ недоразумѣніямъ. Слово буржуазія въ переводѣ значитъ собственно гражданство. Но я употребляю его не въ этомъ значеніи; мы всѣ граждане, и работникъ, и мелкій промышленникъ, и крупный и т. д. Съ теченіемъ исторіи слово буржуазія приняло совершенно особенное значеніе, стало обозначать извѣстное политическое направленіе, которое я сейчасъ объясню.

Весь классъ гражданъ недворянъ раздѣлялся при наступленіи Французской Революціи и раздѣляется до сихъ поръ на два подкласса; а именно, вопервыхъ, классъ лицъ, извлекающихъ свой доходъ исключительно или преимущественно изъ собственнаго труда, причемъ они или вовсе не поддерживаются капиталомъ, или обладаютъ самымъ скромнымъ капиталомъ, который даетъ имъ лишь возможность заниматься производительной дѣятельностью, прокармливающею ихъ самихъ и ихъ семейства; слѣдовательно, къ этому классу принадлежатъ работники, ремесленники, мелкіе промышленники и вообще крестьяне. Вовторыхъ, классъ лицъ, располагающихъ крупнымъ имуществомъ, большимъ капиталомъ, производящихъ на основаніи подобнаго большаго фонда и извлекающихъ прибыль. Этихъ лицъ можно бы назвать крупными промышленниками. Но, господа, крупный промышленникъ самъ по себѣ, какъ таковой, еще не буржуазъ!

Гражданину нѣтъ дѣла до того, что дворянинъ, сидя въ своей комнатѣ, радуется своимъ предкамъ и своимъ помѣстьямъ. Но если дворянинъ вздумаетъ выдавать этихъ предковъ и эти помѣстья за условія особеннаго значенія и исключительныхъ преимуществъ въ государствѣ, за условія владычества надъ государственной волей, гражданинъ разсердится на дворянина и обзоветъ его феодаломъ.

Такъ и въ гражданскомъ мірѣ, въ отношеніи фактическихъ имущественныхъ различій.

Нѣтъ ничего проще, естественнѣе и законнѣе, какъ если крупный про-

†) «Ami du roi». См. Buchez et Roux: «Hist. parlament.» I, p. 310.

мышленникъ, сидя въ своей комнатѣ, наслаждается пріятностями и выгодами, которыя доставляетъ своему обладателю большое имущество.

Конечно, работникъ и мѣщанинъ, вообще весь невладѣющій классъ имѣетъ право требовать, чтобы государство обратило всѣ свои помыслы и стремленія на улучшеніе горькаго и удрученнаго нуждою матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ; онъ вправѣ требовать, чтобы государство поставило себѣ главною цѣлью помочь тѣмъ, чьими руками создаются всѣ богатства, которыми щеголяетъ наша цивилизація, всѣ продукты, безъ которыхъ общество не могло бы просуществовать ни единаго дня; онъ вправѣ требовать, чтобы государство помогло ему достичь болѣе обильнаго и обезпеченнаго дохода, а съ нимъ и возможности умственнаго образованія и, слѣдовательно, истинно достойнаго человѣка существованія. Но при всемъ томъ работникъ никогда не долженъ забывать и никогда не забудетъ, что всякая собственность, однажды законно пріобрѣтенная, законна и неприкосновенна.

Но если крупный промышленникъ, не довольствуясь фактическими пріятностями богатства, хочетъ еще поставить свое богатство, капиталъ, условіемъ участія въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, — онъ обращается въ буржуаза, онъ обращаетъ фактъ владѣнія въ правовое условіе политической власти, онъ выказываетъ себя новымъ привилегированнымъ сословіемъ въ народѣ, сословіемъ, которое хочетъ навязать всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ существенный характеръ своей привилегіи, какъ дѣлало въ средніе вѣка дворянство съ привилегіей землевладѣнія.

Стало быть, относительно Французской Революціи и открытаго ею историческаго періода намъ представляется слѣдующій вопросъ: оказалось ли третье сословіе, достигшее черезъ эту революцію господства, буржуазіей въ этомъ смыслѣ? Хотѣло ли оно подчинить и подчинило ли народъ своему привилегированному политическому владычеству?

На этотъ вопросъ должны отвѣчать великіе историческіе факты, и они рѣшительно отвѣчаютъ — да!

Мы можемъ бросить лишь бѣглый взглядъ на важнѣйшіе изъ этихъ фактовъ, впрочемъ достаточные для рѣшенія вопроса.

Еще въ первой конституціи, созданной Французской Революціею, въ конституціи 3 сентября 1791 г., постановляется (глава I, § 1 и 2) различіе между citoyen actif и citoyen passif, активнымъ гражданиномъ и пассивнымъ гражданиномъ. Только активные граждане получаютъ избирательное право, а активнымъ гражданиномъ конституція признаетъ только того, кто платитъ прямой налогъ извѣстнаго опредѣленнаго размѣра.

Размѣръ этотъ былъ опредѣленъ еще довольно умѣренно; онъ не превосходилъ сложности цѣны трехъ рабочихъ дней, стало быть, если считать рабочій день напр. въ 10 зильбергрошей (30 копѣекъ), то размѣръ налога полагался въ 1 талеръ (90 копѣекъ). Но, что гораздо важнѣе, пассивными гражданами были объявлены всѣ serviteurs à gages, служащіе за плату; этимъ постановленіемъ все рабочее сословіе было лишено избирательнаго права. Притомъ въ подобныхъ вопросахъ дѣло не въ размѣрѣ, а въ принципѣ.

Былъ введенъ цензъ, т. е. гражданское имущество извѣстной величины поставлено условіемъ участія въ опредѣленіи воли и цѣли государства посредствомъ избирательнаго права — этого перваго и важнѣйшаго изъ политическихъ правъ.

Всѣ неплатящіе прямыхъ налоговъ или платящіе меньше назначеннаго, а также всѣ работающіе за плату были устранены отъ государственной власти и обращены въ управляемую подчиненную массу. Буржуазное имущество или капиталъ сдѣлалось условіемъ участія въ государственной власти, какъ въ средніе вѣка было дворянское имущество или землевладѣніе.

За исключеніемъ краткаго періода Французской Республики 1793 г., погибшей вслѣдствіе собственнаго непониманія и вслѣдствіе общаго положенія тогдашнихъ отношеній, принципъ ценза остается основнымъ принципомъ всѣхъ конституцій, возникшихъ изъ Французской Революціи.

Мало того, съ послѣдовательностью, свойственною всѣмъ принципамъ, онъ долженъ былъ развиться до совершенно иного количественнаго размѣра.

Въ конституціи 1814 г., жалованной Хартіею Людовика XVIII, условіемъ избирательнаго права полагался прямой налогъ въ размѣрѣ 300 франковъ, вмѣсто прежняго размѣра—цѣны трехъ рабочихъ дней. Грянула іюльская революція 1830 г., и тѣмъ неменѣе закономъ 19 апрѣля 1831 г. въ условіе избирательнаго права требуется прямой налогъ въ 200 франковъ.

При Луи-Филиппѣ и Гизо такъ-называемый pays légal, законная страна, т. е. «страна, принимаемая закономъ въ соображеніе», состоялъ изъ 200,000 душъ. Во Франціи было только 200,000 избирателей, вооруженныхъ буржуазнымъ имуществомъ, и они владычествовали надъ 30 слишкомъ милліонами населенія страны!

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ сущности совершенно все равно, является ли принципъ ценза, устраненіе неимущихъ отъ избирательнаго права, въ прямой и открытой формѣ, какъ въ этихъ конституціяхъ, или въ какой-нибудь ухищренной, прикрытой. Результатъ всегда одинъ и тотъ же.

Такъ, вторая Французская Республика никакъ не могла въ 1850 г. открыто отмѣнить однажды провозглашенное общее и прямое избирательное право, которое намъ еще предстоитъ разсмотрѣть здѣсь. Но она обошла его закономъ 31 мая 1850 г., которымъ предписывалось допускать въ каждой мѣстности къ избирательному праву только гражданъ, проживщихъ тутъ не менѣе 3 лѣтъ безотлучно. Во Франціи работники часто бываютъ вынуждены своимъ положеніемъ мѣнять мѣстожительство, искать работы и занятія въ другой общинѣ; поэтому надѣялись, и вполнѣ основательно, устранить отъ избирательнаго права множество работниковъ, которые будутъ не въ состояніи доказать, что въ теченіе 3 лѣтъ безотлучно проживали въ одномъ мѣстѣ.

Слѣдовательно, это тотъ же цензъ, но замаскированный.

У насъ еще хуже со времени жалованнаго трехкласснаго избирательнаго закона, по которому 3, 10, 30 и болѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ, неимущихъ избирателей пользуются такимъ же избирательнымъ правомъ, какъ одинъ капиталистъ, крупно-промышленникъ, принадлежащій къ первому классу

избирателей. Выходитъ, что если среднимъ числомъ отношеніе это не болѣе 1:10, то изъ каждыхъ 10 человѣкъ, имѣвшихъ въ 1848 г. избирательное право, 9 утратили его черезъ жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 г. и теперь пользуются лишь призракомъ его.

Но чтобы показать, каково въ дѣйствительности это среднее отношеніе, мнѣ стоитъ только сообщить Вамъ нѣкоторыя цифры изъ офиціальныхъ правительственныхъ списковъ.

Въ 1848 г. вслѣдствіе введеннаго тогда общаго избирательнаго права у насъ было 3,661,993 общинныхъ избирателей.

Жалованный трехклассный избирательный законъ 31 мая 1849 г., исключивъ изъ числа избирателей всѣхъ неимѣвшихъ опредѣленнаго мѣстожительства и всѣхъ получавшихъ вспоможенія изъ кассъ для бѣдныхъ, низвелъ это число до 3,255,703. Стало быть, уже одно это лишило избирательнаго права 406,000 человѣкъ. Но это только цвѣтики.

Остальные 3,255,000 общинныхъ избирателей распадаются по жалованному избирательному закону на три класса, и по офиціальнымъ спискамъ, составленнымъ въ 1849 г., по изданіи жалованнаго закона, принадлежало:

1) къ первому классу избирателей. . . . . 153,808 человѣкъ.
2) ко второму классу » . . . . . 409,945 »
3) къ третьему классу » . . . . . 2,691,950 »

Оставимъ даже второй классъ въ сторонѣ и сравнимъ только первый и третій классы избирателей, крупныхъ капиталистовъ и неимущихъ. Оказывается, что 153,800 богатыхъ имѣютъ столько же голосовъ, сколько 2,691,950 работниковъ, мѣщанъ и крестьянъ; стало быть, одинъ богатый обладаетъ такимъ же избирательнымъ правомъ, какъ семнадцать неимущихъ. Вспомнимъ, что закономъ 8 апрѣля 1848 г. было утверждено общее избирательное право, что, слѣдовательно, въ 1848 г. 153,800 работниковъ имѣли на выборахъ одинаковый вѣсъ съ 153,800 богатыхъ, стало быть, одинъ неимущій значилъ тоже, что одинъ богатый. Оказывается, что теперь, при одинаковомъ избирательномъ правѣ семнадцати работниковъ съ однимъ богатымъ, изъ каждыхъ 17 неимущихъ 16 человѣкъ лишились своего законнаго избирательнаго права.

Но и это, господа, еще только среднее отношеніе. Въ дѣйствительности, дѣло еще хуже, вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ условій, и всего хуже оно тамъ, гдѣ всего сильнѣе имущественное неравенство. Такъ въ Дюссельдорфскомъ округѣ избирателей перваго класса 6,356, а третьяго—166,300; стало быть, 26 избирателей третьяго класса пользуются одинаковымъ правомъ съ однимъ богатымъ.

Возвратимся къ главной нити нашего изслѣдованія. Мы показали и покажемъ еще, что буржуазія, достигнувъ Французскою Революціею господства, сдѣлала свой элементъ, буржуазное имущество, господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій; что буржуазія, дѣйствуя совершенно такъ, какъ дѣйствовало въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила господствующій и исключительный характеръ своего особен-

наго принципа, буржуазнаго имущества или капитала, характеръ своей привилегіи, на всѣ общественныя учрежденія. Такимъ образомъ, между дворянствомъ и буржуазіей оказывается полная параллель.

Мы уже разсмотрѣли эту параллель относительно важнѣйшаго основнаго учрежденія — государственнаго управленія. Какъ въ средніе вѣка господствующимъ принципомъ представительства на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ было землевладѣніе, такъ теперь право выбора въ палаты, а съ нимъ, стало быть, и участіе въ государственной власти опредѣляется въ явномъ или прикрытомъ цензѣ размѣромъ налога, т. е. въ сущности капиталовладѣніемъ, такъ какъ размѣръ налога обусловливается величиной имущественнаго капитала.

Точно тоже и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ, какъ я Вамъ показалъ, въ средніе вѣка землевладѣніе являлось господствующимъ принципомъ.

Я указалъ Вамъ на податную льготность дворянскаго землевладѣнія въ средніе вѣка и сказалъ, что каждое господствующее привилегированное сословіе старается свалить бремя расходовъ на общественное благосостояніе на угнетенные, неимущіе классы.

Тоже дѣлаетъ и буржуазія. Правда, она не можетъ открыто объявить себя изъятой отъ податной повинности. Напротивъ того, она провозглашаетъ своимъ принципомъ, чтобы каждый платилъ налогъ пропорціонально своему доходу. Но она достигаетъ того же результата ухищреннымъ способомъ, посредствомъ различія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Прямыми налогами называются, господа, тѣ, которые взимаются съ дохода, какъ классифицированный подоходный налогъ или классная подать, и потому опредѣляется величиной дохода и капиталовладѣнія; косвенные же налоги — тѣ, которые налагаются на разныя потребности, какъ то: на соль, на хлѣбъ, на пиво, на мясо, на топливо, или на потребности въ государственной защитѣ, судебные расходы, гербовая бумага и т. д. Этотъ налогъ человѣкъ часто уплачиваетъ въ цѣнѣ вещей, не подозрѣвая и не замѣчая, что платитъ въ эту минуту подать, что цѣну покупаемыхъ вещей возвышаетъ ничто иное, какъ налогъ.

Но вѣдь Вы знаете, господа, что хотя бы одинъ былъ богаче другаго въ 20, 50, 100 разъ, онъ отъ этого однако не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50 или 100 разъ больше пива и вина, не чувствуетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности въ печной теплотѣ и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ работникъ или мѣщанинъ.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею частью своею на неимущіе, бѣднѣйшіе классы націи. Правда, не буржуазія изобрѣла косвенные налоги; они существовали раньше. Но буржуазія развила ихъ до неслыханной системы и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы.

Чтобы показать вамъ это, я загляну, напр., въ прусскій бюджетъ 1855 г.

Общая сумма доходовъ государства въ этомъ году простиралась круглымъ счетомъ до 108,930,000 талеровъ. Въ томъ числѣ было 11,967,000 талеровъ

дохода съ домены и лѣсовъ, стало быть, съ имуществъ, которыя въ наши соображенія не входятъ. Остается около 97 милліоновъ дохода изъ другихъ источниковъ. Изъ нихъ, по подраздѣленіямъ бюджета, около 26 милліоновъ получается прямыми налогами. Но это невѣрно и только такъ кажется, потому что нашъ бюджетъ никогда не придерживается научныхъ основаній и руководствуется въ своей классификаціи только внѣшнею формою сбора податей. Изъ этихъ 26 милліоновъ надо исключить 10 милліоновъ поземельной подати, которая хотя непосредственно взимается съ землевладѣльцевъ, но слагается ими на цѣну хлѣба и, стало быть, уплачивается въ сущности потребителями хлѣба, составляетъ, слѣдовательно, налогъ косвенный. По той же причинѣ надо отчислить 2,900,000 талеровъ промысловой подати.

Доходовъ дѣйствительно изъ прямыхъ налоговъ остается только:

2,928,000 талеровъ классифицированной подоходной подати,
7,884,000 » классной подати и
2,036,000 » со вводовъ во владѣніе.

Итого . . 12,848,000 талеровъ.

Итакъ, господа, въ дѣйствительности изъ 97 милліоновъ государственныхъ доходовъ прямыми налогами доставляется только 12,800,000 талеровъ. Все остальное приходится на косвенные налоги, за весьма немногими и ничтожными статьями, если только не держаться невѣжественной классификаціи бюджета, который, напр., не причисляетъ къ косвеннымъ налогамъ 8,300,000 талеровъ дохода съ соляной монополіи, что со включеніемъ расходовъ на его огражденіе составляетъ 8,849,000 талеровъ.

Косвенный налогъ, господа, есть, слѣдовательно, учрежденіе, посредствомъ котораго буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и сваливаетъ расходы по содержанію государства на бѣднѣйшіе классы общества.

Господа! Обратите вниманіе на это нелѣпое противорѣчіе, на эту своеобразную справедливость: все содержаніе государства взваливается на косвенные налоги, т. е. на бѣдный народъ, а мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, политической власти, поставляется прямой налогъ, вносящій на государственныя надобности изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю 12 милліоновъ!

Говоря о средневѣковомъ дворянствѣ, я сказалъ Вамъ далѣе, что оно презирало всякую гражданскую дѣятельность и промышленность.

И въ буржуазіи мы видимъ совершенно аналогичное явленіе. Правда, теперь всякій родъ труда пользуется одинаковымъ уваженіемъ, и еслибы человѣкъ нажилъ милліоны подбираніемъ тряпокъ или чисткой отхожихъ мѣстъ, онъ могъ бы быть увѣренъ, что найдетъ въ обществѣ почетъ.

Но зато общество поражаетъ презрѣніемъ тѣхъ, кто не имѣетъ за душой капитала, какъ бы и надъ чѣмъ бы они ни трудились. Это фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчающійся Вамъ въ жизни, чтобы мнѣ еще говорить Вамъ о немъ въ лекціи.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей особенной привилегіи и своего характеристическаго начала еще съ строжайшей послѣдовательностью, чѣмъ средневѣковое дворянство проводило свой принципъ землевладѣнія.

Народное преподаваніе — я говорю здѣсь о преподаваніи взрослымъ — въ средніе вѣка было предоставлено духовенству. Теперь мѣсто духовенства заняли журналы. Но залоги, которые журналы обязаны вносить, и еще болѣе штемпельная пошлина, которой они подвергаются во Франціи и въ другихъ странахъ, дѣлаютъ изданіе еженедѣльнаго журнала чрезвычайно дорогимъ предпріятіемъ, возможнымъ только при очень значительномъ капиталѣ. Такимъ образомъ, возможность дѣйствовать на народное мнѣніе, руководить имъ и просвѣщать его сдѣлалась привилегіей крупнаго капитала.

Не будь этого, господа, у насъ были бы не такіе журналы!

Любопытно видѣть, господа, какъ рано проявилось это стремленіе буржуазіи обратить прессу въ привилегію капитала, въ какой наивной и откровенной формѣ оно выразилось. Черезъ нѣсколько дней послѣ бастильскаго штурма, 24 іюля 1789 г., т. е. въ самые первые дни политическаго господства буржуазіи, городскіе представители парижской общины издали распоряженіе, которымъ подвергали типографщиковъ отвѣтственности за печатаніе брошюръ или листковъ писателей «sans existence connue» — «безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію». †) Итакъ, только-что завоеванная свобода печати была удѣломъ лишь писателей «съ опредѣленными средствами къ существованію». Собственность является условіемъ свободы печати, мало того — даже нравственности писателя! Эта наивность первыхъ дней буржуазнаго владычества выражаетъ тоже, только съ дѣтской откровенностью, что и нынѣшнія ухищренія, залоги и штемпеля.

Удовольствуемся, господа, этими великими, характеристическими фактами, соотвѣтственно нашему обзору среднихъ вѣковъ.

Мы разсмотрѣли два міровые періода, изъ которыхъ каждый состоитъ подъ господствующей идеей одного извѣстнаго сословія, налагающаго свой принципъ на всѣ учрежденія этого времени.

Сначала идею дворянства или землевладѣніе, составляющее господствующій принципъ среднихъ вѣковъ и проникающее всѣ ихъ учрежденія.

Этотъ періодъ окончился Французской Революціей, хотя, какъ Вы знаете, въ Германіи, гдѣ этотъ переворотъ былъ произведенъ не народомъ, а правительствами путемъ очень медленныхъ и несовершенныхъ реформъ, до сихъ поръ существуютъ весьма многочисленные и значительные выходцы этого историческаго періода, и до сихъ поръ они на каждомъ шагу мѣшаютъ и препятствуютъ буржуазіи.

Вовторыхъ, мы разсмотрѣли историческій періодъ, начавшійся Французскою Революціею въ концѣ прошлаго столѣтія, имѣющій своимъ принципомъ

†) См. это Arrêté у Buchez et Roux, «Hist. parl», II, 192.

крупное буржуазное владѣніе или капиталъ, который онъ возвелъ въ свою привилегію, проникающую всѣ общественныя учрежденія и обусловливающую участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства.

Но и этотъ періодъ, господа, повидимому, внутренно уже истекъ.

Двадцать четвертаго февраля 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода.

Въ этотъ день во Франціи, странѣ, титаническія внутреннія битвы которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменуютъ побѣды и пораженія всего человѣчества, разразилась Революція, воззвавшая работника въ члены временнаго правительства †), возвѣстившая цѣлью государства улучшеніе жребія рабочаго класса, провозгласившая общее и прямое избирательное право, въ силу котораго каждый гражданинъ, по достиженіи 21 года, получаетъ равное участіе въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, безъ вниманія къ его имущественнымъ обстоятельствамъ.

Итакъ, господа, если Революція 1789 г. была революціей Tiers-Etat, третьяго сословія, то революція 1848 г. есть революція четвертаго сословія, которое въ 1789 г. еще таилось въ складкахъ третьяго сословія и, повидимому, было тожественно съ нимъ. Теперь оно желаетъ сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества и проникнуть имъ всѣ его учрежденія.

Но здѣсь, въ господствѣ четвертаго сословія, тотчасъ выказывается громадная разница съ господствами другихъ классовъ. Дѣло въ томъ, что четвертое сословіе есть послѣднее и крайнее сословіе общества, сословіе обездоленное, немѣющее и не могущее выставить никакого исключительнаго, ни правоваго, ни фактическаго условія, ни дворянства, ни землевладѣнія, ни капиталовладѣнія, которое могло бы обратить въ новую привилегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества.

Мы всѣ равно работники, если только имѣемъ желаніе какимъ-нибудь образомъ приносить пользу человѣческому обществу.

Слѣдовательно, въ сердцѣ четвертаго сословія не можетъ быть зародыша новой привилегированности, и потому оно тожественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его владычество есть владычество всѣхъ.

Стало быть, провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, въ томъ смыслѣ, какъ я Вамъ развилъ его здѣсь, не есть возгласъ раздѣленія и вражды классовъ общества; это возгласъ примиренія, возгласъ, обращенный ко всему обществу, возгласъ, сглаживающій всѣ противорѣчія между общественными кружками, возгласъ единенія, на который должны отозваться всѣ нежелающіе привилегій и угнетенія ими народа, возгласъ любви, который, однажды раздавшись изъ сердца народа, навѣки оста-

†) Альбера. *Прим. перевод.*

нется истиннымъ лозунгомъ его и по смыслу своему пребудетъ возгласомъ любви, даже когда грянетъ браннымъ кликомъ народа!

Намъ остается теперь разсмотрѣть принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества, въ троякомъ отношеніи:

1) въ отношеніи формальнаго средства осуществить его;

2) въ отношеніи его нравственнаго содержанія, и

3) въ отношеніи присущаго ему воззрѣнія на цѣль государства.

Въ разсмотрѣніе другихъ сторонъ мы не можемъ входить сегодня, да и эти принуждены обозрѣть очень кратко, потому что уже поздно.

Средство осуществленія этого принципа заключается въ общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, о которомъ мы уже говорили. Я говорю не объ общемъ избирательномъ правѣ, какое мы имѣли въ 1848 г., а объ общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Учрежденіе между избирателями при выборахъ двухъ степеней, общинныхъ избирателей и прямыхъ избирателей, есть ничто иное, какъ ухищреніе съ цѣлью по возможности подмѣнять на выборахъ выраженія народной воли.

Впрочемъ, господа, и общее прямое избирательное право не будетъ какимъ-нибудь волшебнымъ жезломъ, который могъ бы предохранить Васъ отъ минутныхъ ошибокъ.

Мы видѣли во Франціи въ 1848 и 1849 гг., одно за другимъ, два неудачныхъ избранія. Но общее и прямое избирательное право есть единственное средство, само заглаживающее съ теченіемъ времени ошибки, къ которымъ можетъ повести неудачное пользованіе имъ въ данную минуту. Это—копье, само исцѣляющее раны, которыя наноситъ. При общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ невозможно, чтобы избранное собраніе не сдѣлалось, наконецъ, вѣрнымъ и точнымъ представителемъ избравшаго его народа.

Поэтому народъ долженъ всегда считать общее и прямое избирательное право своимъ необходимѣйшимъ политическимъ оружіемъ, самымъ кореннымъ и важнымъ изъ своихъ требованій.

Теперь я взгляну на нравственное содержаніе разсмотрѣннаго нами общественнаго принципа.

Быть можетъ, мысль сдѣлать принципъ нисшихъ классовъ общества господствующимъ началомъ государства и общества покажется очень опасною и безнравственною, грозящею гибелью нравственности и просвѣщенію, поглощеніемъ ихъ въ «новѣйшемъ варварствѣ».

Немудрено, что подобное опасеніе дѣйствительно явится, потому что теперь общественное мнѣніе чеканится капиталомъ, руками привилегированной буржуазіи посредствомъ, какъ я уже сказалъ, журналовъ.

Но этотъ страхъ—ложный предразсудокъ, и можно, напротивъ, доказать, что эта мысль представляетъ собою величайшій прогрессъ и тріумфъ нравственности, какой до сихъ поръ извѣстенъ въ исторіи.

Это опасеніе—предразсудокъ, сказалъ я; притомъ это предразсудокъ только именно нынѣшняго времени, одержимаго привилегіей.

Въ другое время, во время той первой Французской Республики 1793 г.,

которую, какъ я замѣтилъ выше, мы не можемъ сегодня подробно разсмотрѣть и которая погибла отъ собственнаго непониманія, господствовалъ даже совершенно противуположный предразсудокъ. Тогда было принято за догматъ, что всѣ высшіе классы безнравственны и развращены и что честенъ и добръ только нисшій народъ. Это мнѣніе было распространено Руссо. Въ новомъ возвѣщеніи Правъ Человѣка, изданномъ великимъ французскимъ учредительнымъ собраніемъ, Конвентомъ, было провозглашено особой статьей, статьей 19, что: toute institution, qui ne suppose le peuple bon et le magistrat corruptible, est vicieuse («всякое учрежденіе, не предполагающее народъ честнымъ, а начальство подлымъ, — порочно»). Вы видите, господа, что это какъ разъ противуположность той блаженной довѣрчивости, которой теперь отъ Васъ требуютъ, той замашки считать величайшимъ преступленіемъ всякое сомнѣніе въ благихъ намѣреніяхъ и добродѣтеляхъ начальства и систематически изображать народъ какимъ-то лютымъ звѣремъ, гнѣздилищемъ всѣхъ пороковъ.

Въ то время этотъ противуположный догматъ былъ доведенъ до того, что почти каждый, на комъ былъ цѣлый камзолъ, за одно это казался гнуснымъ и подозрительнымъ, и добродѣтель, честность и патріотическая нравственность считались возможными только въ лохмотьяхъ. То былъ періодъ санкюлотства.

Господа, этотъ взглядъ имѣетъ своимъ основаніемъ истину, которая только выражается имъ въ ложной и превратной формѣ. А нѣтъ ничего опаснѣе истины въ ложной и превратной формѣ, потому что, какъ ни отнесись къ ней, всячески будетъ дурно. Если истина будетъ принята въ своей ложной, превратной формѣ, то изъ этого произойдутъ самыя печальныя безобразія, какъ было съ санкюлотствомъ. Если же изъ-за ложной и превратной формы все положеніе будетъ отвергнуто, то будетъ еще хуже, потому что въ немъ будетъ отвергнута истина, и здѣсь, въ санкюлотствѣ, такая великая истина, безъ познанія которой въ нынѣшней государственной жизни невозможенъ ни одинъ порядочный поступокъ.

Стало быть, возможно только одно: одолѣть ложную и превратную форму такого положенія и выяснить ея истинное содержаніе.

Какъ я сказалъ, нынѣшнее общественное мнѣніе склонно вовсе отвергать это положеніе, какъ совершенно ложное, какъ декламацію Французской Революціи и Руссо. Но еслибы и можно было относиться такъ небрежно къ Руссо и Революціи, то уже совершенно невозможно презирать мнѣніе величайшаго германскаго философа, столѣтній юбилей рожденія котораго этотъ городъ будетъ праздновать въ будущемъ мѣсяцѣ, самаго могучаго мыслителя всѣхъ временъ и народовъ, Фихте.

Фихте говоритъ прямо и буквально, что чѣмъ выше сословіе, тѣмъ больше въ немъ безнравственности. Вотъ его подлинныя слова: «развращенность усиливается пропорціонально возвышенію людей въ обществѣ».

Однако и Фихте не вполнѣ развилъ коренную причину этого. Онъ справедливо говоритъ, что причина развращенности высшихъ классовъ—ихъ своекорыстіе, эгоизмъ. Но тотчасъ рождается вопросъ: почему же въ нисшихъ

классахъ нѣтъ своекорыстія или почему его въ нихъ меньше? Не поразительное ли противорѣчіе, чтобы нисшіе классы были менѣе своекорыстны, чѣмъ высшіе, между тѣмъ какъ послѣдніе опередили первыхъ въ образованности и просвѣщеніи—элементахъ, какъ извѣстно, облагораживающихъ?

Истинная причина и примиреніе этого, повидимому, вопіющаго противорѣчія состоитъ въ слѣдующемъ:

Какъ мы видѣли, развитіе народовъ, духъ исторіи съ давнихъ поръ клонятся къ постепенному уничтоженію привилегій, гарантирующихъ высшимъ сословіямъ ихъ положеніе, какъ высшихъ, господствующихъ сословій. Но каждый членъ этихъ сословій, не возвысившійся разъ навсегда надъ своимъ личнымъ положеніемъ высокимъ пониманіемъ общаго положенія общества, — а Вы знаете, господа, что такіе люди всегда составляютъ рѣдкое исключеніе,— каждый членъ высшихъ сословій стремится сохранить это положеніе. Это стремленіе, составляющее его личный интересъ, по необходимости ставитъ его во враждебное по принципу отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни.

Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности привилегированныхъ классовъ. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость глубокаго нравственнаго паденія ихъ. Быть въ необходимости ежедневно противиться всему высокому и доброму, быть въ необходимости огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды; вѣчно жить какъ во вражеской странѣ — и кто же этотъ врагъ?— нравственная солидарность своего народа, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность—вотъ роковая судьба высшихъ классовъ. Они вѣчно осуждены жить среди своего собственнаго народа, какъ среди врага, должны считать его врагомъ, поступать съ нимъ какъ съ врагомъ, должны хитрить и скрывать эту вражду, облекать ее разными болѣе или менѣе искусственными покровами.

Прибавьте къ тому необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или задушить въ себѣ этотъ голосъ мерзкой практикой, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда ничего лучшаго не видать и не слыхать, какъ религія корысти!

Такая жизнь, господа, необходимо ведетъ къ совершенному презрѣнію и пренебреженію ко всякому идеальному стремленію; она дѣлаетъ способнымъ сострадательно усмѣхаться при великомъ имени идеи; она вселяетъ глубокую нечувствительность, даже отвращеніе ко всему прекрасному и великому; она губитъ всѣ нравственныя начала подъ одной всепоглощающей жаждой своекорыстной выгоды и скотскаго наслажденія.

У нисшихъ классовъ, господа, этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, къ счастью ихъ, нѣтъ.

Правда, къ сожалѣнію, и въ нисшихъ классахъ еще довольно своекорыстія, гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы. Но здѣсь оно есть порокъ индивидуальный, порокъ частныхъ людей, а не необходимый порокъ класса.

Самый простой инстинктъ подсказываетъ членамъ нисшихъ классовъ, что пока каждый изъ нихъ думаетъ, заботится только о себѣ, ему нельзя надѣяться на порядочное улучшеніе своего положенія.

Но когда нисшіе классы общества стремятся къ улучшенію своего положенія, какъ класса къ улучшенію участи своего сословія, ихъ личный интересъ совпадаетъ съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой идеи, съ прогрессомъ культуры, съ самимъ жизненнымъ началомъ исторіи, которое есть ничто иное, какъ развитіе свободы. Такимъ образомъ, это стремленіе далеко не идетъ въ-разрѣзъ съ историческимъ движеніемъ, далеко отъ подобной осуждающей безнравственности, потому что, господа, какъ я уже сказалъ, Ваше дѣло есть дѣло всего человѣчества.

Вы счастливы, господа, потому что, вмѣсто того, чтобы быть мертвыми къ идеѣ, Вы предназначены самимъ личнымъ интересомъ Вашимъ къ величайшей воспріимчивости къ ней. Вы—счастливцы, потому что Вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ погоняющимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Вы можете поэтому съ личною страстностью предаваться историческому развитію въ увѣренности, что чѣмъ жарче и жаднѣе будетъ эта страсть, тѣмъ она будетъ нравственнѣе.

Вотъ, господа, почему господство въ государствѣ четвертаго сословія принесло бы съ собой разсвѣтъ нравственности, культуры и науки, еще невиданный въ исторіи.

Къ этому присоединяется другая причина, тѣснѣйшимъ образомъ связанная со всѣмъ, что мы говорили, и составляющая краеугольный камень всего этого.

Четвертое сословіе имѣетъ нетолько иной политическій принципъ, чѣмъ буржуазія, а именно общее и прямое избирательное право вмѣсто буржуазнаго ценза; оно нетолько относится по своему положенію иначе, чѣмъ высшія сословія, къ нравственнымъ началамъ; оно имѣетъ еще совершенно отличный отъ буржуазіи взглядъ на нравственную цѣль государства.

Воззрѣніе на это буржуазіи состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ цѣлью исключительно лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами.

Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, еслибы всѣ мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы и равно богаты.

Но такого равенства нѣтъ и быть не можетъ; поэтому эта мысль недостаточна и по своей недостаточности приводитъ къ глубоко-безнравственнымъ выводамъ. Она приводитъ къ тому, что сильнѣйшій, хитрѣйшій, богатѣйшій эксплуатируетъ и прикарманиваетъ слабѣйшаго.

Напротивъ того, нравственная идея рабочаго сословія состоитъ въ томъ, что безпрепятственное и свободное пользованіе личностью, своими личными силами само для себя недостаточно и что для нравственной соціальной жизни необходимы сверхъ того: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи.

Соотвѣтственно этой разницѣ, буржуазія опредѣляетъ нравственную цѣль государства такъ: она состоитъ исключительно и единственно въ охраненіи личной свободы и собственности индивидума.

Это будочническая идея, господа, идея будочническая потому, что не можетъ представить себѣ государство иначе, какъ въ образѣ будочника, все назначеніе котораго состоитъ въ предупрежденіи разбоя и грабежа. Къ сожалѣнію, эта будочническая идея господствуетъ нетолько между либералами, но нерѣдко встрѣчается и у многихъ мнимыхъ демократовъ вслѣдствіе тупоумія. Еслибы буржуазія хотѣла послѣдовательно договориться до послѣдняго слова, она должна была бы признаться, что по этой идеѣ ея съ исчезновеніемъ разбойниковъ и воровъ государство становится лишнимъ. †)

Совершенно иначе понимаетъ цѣль государства четвертое сословіе; оно понимаетъ ее именно такъ, какъ она дѣйствительно есть.

Исторія, господа, есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, безсиліемъ и всяческой неволей, въ которой мы находились, когда родъ человѣческій начиналъ свою исторію. Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы, которое представляетъ исторія.

Мы никогда не сдѣлали бы ни шага впередъ въ этой борьбѣ, еслибы вели ее каждый самъ по себѣ, каждый одинъ.

Совершить это развитіе свободы, развитіе рода человѣческаго для свободы есть функція государства.

Государство есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны кратъ силы всѣхъ личностей, вступившихъ въ это единеніе, въ милліоны кратъ увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ.

Слѣдовательно, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидума, которыми по буржуазной идеѣ индивидумъ будто-бы уже обладаетъ при вступленіи своемъ въ государство; нѣтъ, цѣль государства въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая немыслима для отдѣльнаго индивидума.

Итакъ, цѣль государства — положительно развивать и постепенно

---

†) Эта государственная идея, совершенно уничтожающая государство и превращающая его просто въ буржуазное общество своекорыстныхъ интересовъ, есть государственная идея либерализма и исторически выработана имъ. При могуществѣ, котораго она достигла и которое находится въ прямомъ отношеніи съ ея пошлостью, она представляетъ истинную опасность умственнаго и нравственнаго отупѣнія, истинную опасность нынѣшняго «новѣйшаго варварства». Въ Германіи ей, къ счастью, противится сила античной цивилизаціи, ставшей разъ навсегда неизмѣнной основой нѣмецкаго духа. Изъ этой цивилизаціи вытекаетъ мысль «о необходимости дать понятію государства такое развитіе, какое, по моему мнѣнію, возможно ему, чтобы оно было учрежденіемъ, осуществляющимъ въ себѣ всю добродѣтель человѣчества» (Слова Августа Бёка изъ рѣчи на университетскомъ юбилеѣ 22 марта 1862 г.).

совершенствовать человѣка; другими словами,—осуществлять назначеніе человѣка, т. е. культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; государство есть воспитатель и развиватель человѣчества къ свободѣ.

Вотъ, господа, настоящая нравственная сущность государства, его истинная и возвышенная задача. Это такъ вѣрно, что государство болѣе или менѣе служило этой цѣли во всѣ времена, силою самихъ вещей, даже невольно, даже безсознательно, даже противъ желанія своихъ вождей.

Но уже самое безпомощное положеніе отдѣльныхъ членовъ рабочаго сословія, низшихъ классовъ общества, внушаетъ имъ глубокій инстинктъ, что назначеніе государства состоитъ и должно состоять въ оказаніи индивидуму помощи достигнуть черезъ соединеніе всѣхъ со всѣми—развитія, недоступнаго одинокой личности.

Правда, какъ я сказалъ, всѣ государства по самой природѣ вещей и по силѣ обстоятельствъ служили безсознательно и часто даже противъ воли этой нравственной цѣли своей. Но подъ господствомъ идеи рабочаго сословія государство стало бы служить ей съ полнымъ сознаніемъ и совершенною ясностью.

Оно исполняло бы совершенно добровольно и послѣдовательно то, что до сихъ поръ скудными клочками исторгалось необходимостью у сопротивленія. Время не позволяетъ мнѣ подробно показать Вамъ всѣ послѣдствія этого въ ихъ необходимой связи; но несомнѣнно, что это вызвало бы такой разсвѣтъ ума, такую сумму счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, которые не имѣютъ ничего подобнаго себѣ во всемірной исторіи и передъ которыми померкли бы самыя блистательнѣйшія явленія прежнихъ временъ.

Вотъ что, господа, должно назвать государственной идеей рабочаго сословія, его понятіемъ о государственной цѣли. Какъ Вы видите, это понятіе столь же далеко отъ буржуазнаго понятія о цѣли государства, какъ далекъ принципъ рабочаго сословія, принципъ участія всѣхъ въ опредѣленіи воли государства, т. е. общее избирательное право, отъ соотвѣтствующаго принципа буржуазіи—ценза.

Рядъ идей, который я здѣсь развилъ передъ Вами, есть то, что я назвалъ идеей рабочаго сословія. Ее-то я и имѣлъ въ виду, говоря Вамъ въ началѣ бесѣды о связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. Этому историческому періоду, открывшемуся 24 февраля 1848 г., принадлежитъ задача осуществить эту государственную идею, и мы можемъ поздравить себя, господа, что родились въ эпоху, предназначенную вмѣстить этотъ славнѣйшій трудъ исторіи, въ которомъ и мы можемъ принять полезное участіе.

Но отсюда для всѣхъ принадлежащихъ къ рабочему сословію вытекаетъ обязанность совершенно новаго способа дѣйствій.

Ничто до такой степени не придаетъ сословію достойнаго и глубоко нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что оно предназначено къ господству, призвано возвысить свой принципъ въ принципъ всего вѣка, сдѣлать свою идею руководящею идеею всего общества и такимъ образомъ обратить и самое общество въ свое подобіе.

Высокая всемірно-историческая честь такого назначенія должна преисполнить собою всѣ Ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ — все это теперь недостойно Васъ. Вы — камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго!

Пусть эта мысль во всей своей высокой нравственной строгости овладѣетъ Вашими умами съ страстною исключительностью, наполнитъ Вашъ духъ и содѣлаетъ всю Вашу жизнь достойною себя, сообразною съ собою и всегда обращенною на себя. Пусть не покидаетъ она Васъ никогда, ни въ мастерской за работой, ни въ часы досуга, ни на прогулкахъ, ни на сходкахъ, ни даже когда Вы ляжете на Ваше жесткое ложе, пусть и тамъ наполняетъ она и занимаетъ собою Вашу душу, пока Вы не забудетесь сномъ. Чѣмъ исключительнѣе углубитесь Вы въ нее, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ Вашъ пылъ къ ней, тѣмъ скорѣе осуществитъ современный историческій періодъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе достигнете Вы своей цѣли.

Господа, если изъ всѣхъ Васъ, слушающихъ меня сегодня, мнѣ посчастливилось воспламенить хотя въ двоихъ или троихъ нравственное пламя этой мысли въ той глубинѣ ея, какъ я ее понимаю и какъ я Вамъ изобразилъ ее, я сочту это великимъ пріобрѣтеніемъ и щедрымъ вознагражденіемъ за свою лекцію.

Главное, господа, не поддавайтесь сомнѣніямъ и душевному упадку, къ которымъ легко можетъ привести зрѣлище историческихъ событій, недостаточно освѣщенное мыслью.

Не вѣрьте, напримѣръ, будто государственный переворотъ 2-го декабря 1851 г. ниспровергъ во Франціи Республику.

То, что пало тогда во Франціи, было не Республика. То была республика, отмѣнившая, какъ я Вамъ сказалъ, закономъ 30 мая 1850 г. общее избирательное право и заведшая замаскированный цензъ для устраненія отъ него работниковъ; то была, слѣдовательно, республика буржуазная, хотѣвшая наложить на республиканское государство клеймо буржуазіи — владычество капитала. Вотъ что дало французскому узурпатору возможность подъ предлогомъ мнимаго возстановленія общаго избирательнаго права низвергнуть республику, которая иначе нашла бы несокрушимый оплотъ въ груди французскаго работника!

Итакъ, то, что пало тогда во Франціи, было не Республика, а буржуазная республика. Такимъ образомъ, при правильномъ взглядѣ на этотъ самый примѣръ, онъ именно доказываетъ, что историческій періодъ, открывшійся съ февраля 1848 г., не выноситъ государства, которое въ какой бы то ни было формѣ, монархической или республиканской, хочетъ навязать обществу или сохранить въ немъ господствующій политическій принципъ третьяго сословія.

Съ высокихъ вершинъ науки, можно раньше увидѣть зарю разсвѣта, чѣмъ среди обыденной сумятицы.

Смотрѣли ли Вы когда-нибудь, господа, съ высокой горы на восходъ солнца?

Багряная полоса кровавымъ цвѣтомъ окрашиваетъ край небосклона, возвѣщая новый день; туманы и облака поднимаются, сгущаются и бросаются

навстрѣчу зарѣ, на мгновеніе скрывая ея лучи; но нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы остановить медленное и величественное восхожденіе солнца, и часъ спустя, оно стоитъ на небѣ, на виду у всѣхъ, ярко сіяя и согрѣвая.

Что — часъ въ естественномъ зрѣлищѣ суточныхъ небесныхъ перемѣнъ, то — одно или два десятилѣтія въ неизмѣримо величественнѣйшемъ зрѣлищѣ всемірно историческаго восхода солнца.

ПРОЦЕССЪ Ф. ЛАССАЛЯ.

I.

НАУКА И РАБОТНИКИ.

(Защитительная рѣчь передъ берлинскимъ уголовнымъ судомъ противъ обвиненія въ открытомъ возбужденіи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ. †)

Господа президентъ и совѣтники!

Мнѣ приходится начать просьбой у Васъ снисхожденія. Моя защита будетъ подробна и потому длинна. Но я считаю себя вправѣ предпринять такую защиту, вопервыхъ, потому, что мнѣ грозятъ § 100 уголовнаго свода, который полагаетъ мнѣ максимумъ наказанія не менѣе 2 лѣтъ тюремнаго заключенія, а вовторыхъ, потому, что въ процессѣ этомъ дѣло идетъ объ интересахъ гораздо важнѣйшихъ, чѣмъ участь одного человѣка!

Позвольте мнѣ немедленно перенести преніе изъ предѣловъ обычной судебной рутины на ту высоту, которая ему принадлежитъ.

Взведенное на меня обвиненіе есть грустное и дурное знаменіе современнаго положенія дѣлъ.

Мало того, что оно нарушаетъ обыкновенные законы, оно составляетъ рѣшительное нарушеніе конституціи, и это первое, что я имѣю привести противъ него.

I. Статья 20 конституціи гласитъ:

«Наука и ея ученіе свободны».

---

†) Въ брошюрѣ Лассаля: «Программа работниковъ. Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія». См. Т. I, стр. 1 русск. изданія.

Что значитъ это «свободны», провозглашаемое конституціей, какъ не то, что наука и ея ученіе не должны связываться общимъ уголовнымъ закономъ?

Или, можетъ быть, это «наука и ея ученіе свободны» значитъ «свободны въ предѣлахъ общаго уголовнаго свода»? Но вѣдь въ этихъ предѣлахъ свободно всякое заявленіе мнѣнія, не только наука и ея ученіе. Въ предѣлахъ общаго уголовнаго свода всякій фельетонистъ и даже всякая баба торговка совершенно вольны писать и говорить все, что имъ угодно. Стало быть, незачѣмъ было возвѣщать особой статьей конституціи для науки и ея ученія такую свободу, которая принадлежитъ всякимъ выраженіямъ мнѣнія.

Толковать эту статью конституціи въ подобномъ смыслѣ значило бы просто напросто отрицать ее, значило бы утверждать, что подобной статьи въ конституціи вовсе нѣтъ. Впрочемъ въ наше время это любимый способъ втихомолку устранять конституцію.

Но, безъ сомнѣнія, первое правило юридическаго толкованія состоитъ въ томъ, чтобы не придавать законоположенію, а тѣмъ болѣе статьѣ конституціи смысла, при которомъ они становятся лишними и нелѣпыми, несуществующими. Если такъ, то эта статья конституціи значитъ то, что выражаетъ, а именно, что наука и ея ученіе должны быть свободны, несвязаны предѣлами общаго уголовнаго свода.

Дѣйствительно, господа, нѣтъ сомнѣнія, что намѣреніе этого постановленія конституціи заключалось въ дарованіи наукѣ привилегіи несвязываться ограниченіями, которыя общій уголовный законъ полагаетъ для простыхъ изъявленій мнѣній.

Весьма понятно, что законодательство защищаетъ учрежденія страны. Весьма естественно, что законы запрещаютъ возбуждать гражданъ къ насильственному возстанію противъ существующихъ учрежденій.

При извѣстныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ можно также понять, что законы запрещаютъ обращаться къ безсмысленной страсти, публично оскорблять и осмѣивать существующія учрежденія, возбуждать въ массѣ чувства ненависти и презрѣнія, вліяя на ея легко воспламеняющуюся воспріимчивость.

Но жажда научнаго познанія должна быть вѣчно, искони свободна, чужда всякихъ ограниченій, ибо она для самого государства важнѣе всякаго отдѣльнаго закона, и потому никакой отдѣльный законъ не можетъ служить предѣломъ для ея свободной дѣятельности.

Совершенства нѣтъ. Можетъ случиться, что учрежденія, почитаемыя необходимѣйшими и неприкосновеннѣйшими, въ сущности чрезвычайно пагубны и необходимо требуютъ перемѣны.

Станетъ ли отрицать это тотъ, чей взоръ когда-либо обозрѣвалъ историческія перемѣны со временъ индійцевъ и египтянъ или даже хотя ограниченный періодъ одного столѣтія?

Египетскій феллахъ топитъ очагъ своей жалкой глиняной хижины муміями египетскихъ фараоновъ, всемогущихъ зиждителей вѣчныхъ пирамидъ. Обычаи, учрежденія, законодательства, династіи, государства, народы—исчѣзали

въ вѣчномъ движеніи историческихъ перемѣнъ. Одно было могучѣе всѣхъ ихъ, одно никогда не исчезало, всегда лишь возрастало съ древнѣйшихъ временъ іонической философіи, пережило все, постоянно развиваясь и усиливаясь, передаваясь съ священнымъ благоговѣніемъ отъ государства государству, отъ народа народу, это—гордо высящееся древо научнаго познанія!

Да и въ чемъ, какъ не въ научномъ познаніи, источникъ всѣхъ непрерывно прогрессирующихъ, всѣхъ непрестанно и незамѣтно умножающихся, всѣхъ мирно совершающихся историческихъ улучшеній? Поэтому оно должно господствовать безпредѣльно; для него не должно быть ничего столь крѣпкаго, что не могло бы подвергаться процессу его химическихъ изслѣдованій, ничего неприкосновеннаго, никакого noli me tangere! Безъ свободы научнаго познанія будетъ только застой, отупѣніе, варварство! Будучи неизсякаемымъ источникомъ всѣхъ усовершенствованій человѣческаго быта, оно и его сила, медленно покоряющая себѣ понятія, представляютъ кромѣ того единственную гарантію мирнаго развитія. Слѣдовательно, кто затыкаетъ этотъ источникъ, кто мѣшаетъ ему притекать къ какимъ-либо сторонамъ жизни, къ какимъ-либо точкамъ ея, тотъ нетолько загораживаетъ источникъ совершенствованія, вызываямра къ и варварство,—тотъ нарушаетъ общественный миръ и ведетъ государство къ насильственнымъ переворотамъ и разрушеніямъ! Ибо онъ заперъ предохранительный клапанъ, черезъ который въ понятія и учрежденія общества постепенно, но непрерывно проникаетъ медленная работа науки соотвѣтственно незамѣтнымъ перемѣнамъ въ дѣйствительномъ положеніи общества. Онъ заперъ этотъ предохранительный клапанъ, и государству предстоитъ взрывъ! Онъ запретилъ наукѣ указывать раны и вмѣстѣ лекарства, и государству, вмѣсто изслѣдованія и исцѣленія болѣзни, предстоятъ судороги агоніи вслѣдствіе затаенной раны.

Итакъ, неограниченная свобода научнаго ученія есть нетолько неотъемлемое право личности, она есть прежде всего условіе жизни цѣлаго, важнѣйшій интересъ самого государства.

Вотъ почему общество провозглашаетъ положеніе: «наука и ея ученіе свободны», свободны безъ прибавленій, безъ условій, безъ границъ,—и чтобы показать, что это положеніе должно быть неприкосновенно даже для законодателя, что даже онъ не можетъ ни на минуту забыть и нарушить его, общество ставитъ его выше всего законодательства въ конституцію, какъ радостный залогъ мирнаго развитія общественной жизни до отдаленнѣйшихъ вѣковъ!

Такъ ли, господа? Быть можетъ, это неслыханная, совершенно новая теорія моего собственнаго изобрѣтенія? Быть можетъ, я злоупотребляю буквой конституціи, чтобы выпутаться въ судѣ изъ затрудненія?

Чтобы Вы не подумали этого, я долженъ исторически доказать Вамъ, что это положеніе конституціи никогда иначе не понималось, что эта теорія неоспоримо господствовала у насъ обычаемъ практики за многія столѣтія до конституціи, что она составляетъ традиціонную и характеристическую основную черту всѣхъ германскихъ націй съ древнѣйшихъ временъ.

Во времена Сократа еще можно было обвинить человѣка за то, что онъ училъ новымъ богамъ, καινοὺς θεούς, и подъ этимъ обвиненіемъ Сократу пришлось выпить ядъ.

Въ древности это было понятно. Античный духъ былъ дотого тожественъ съ государственнымъ бытомъ древности, что никакъ не могъ вылупиться изъ него, отскоблить его съ себя, и религія принадлежала къ основаніямъ государства. Духъ древности долженъ былъ жить и пасть нераздѣльно съ ея государственными учрежденіями, и дѣйствительно они пали вмѣстѣ. Въ такомъ народномъ духѣ всякое научное ученіе, составлявшее отрицаніе одного изъ основаній государства, было нападеніемъ на жизненный принципъ самого этого народа, и онъ могъ поступить съ нимъ какъ съ врагомъ.

Совершенно иное явленіе наступаетъ съ паденіемъ древняго міра, съ появленіемъ германскихъ націй. Это націи, способныя вылупляться и сбрасывать кожу, одаренныя жизненнымъ принципомъ, субъективнымъ духомъ, способнымъ развиваться и дающимъ черезъ это возможность имъ передѣлывать въ самихъ себѣ самыя разнообразнѣйшія перемѣны; націи, уже передѣлавшія многочисленныя и сильнѣйшія изъ этихъ перемѣнъ и нашедшія въ нихъ вмѣсто смерти и погибели лишь основанія высшаго развитія и процвѣтанія.

Средствомъ этихъ перемѣнъ, ведущихъ къ постоянно возрастающему процвѣтанію и начала которыхъ заключены въ самыхъ свойствахъ германскихъ націй, послужилъ имъ принципъ безграничной свободы научнаго изслѣдованія и ученія.

Современный образованный свѣтъ считаетъ свободу науки новѣйшимъ пріобрѣтеніемъ. Но гораздо раньше, чѣмъ онъ воображаетъ, явился въ этихъ народахъ инстинктъ, указавшій имъ, что свобода науки не должна быть связана ни авторитетомъ лица, ни какимъ бы то ни было закономъ, что она выше всѣхъ человѣческихъ учрежденій и есть сила, предшествующая имъ, основанная на божественномъ правѣ.

Въ средніе вѣка все существовало только корпораціями, и наука только какъ университетъ. Въ конституціи, данной Парижскому Университету въ 1255 году, папа Александръ IV говоритъ: «Quasi lignum vitae in Paradiso Dei et quasi lucerna fulgoris in Domo Domini, est in Sancta Ecclesia Parisiensis Studii disciplina». («Какъ древо жизни въ Раю Божіемъ и какъ сіяніе славы въ домѣ Господа, такъ въ Святой церкви порядокъ Парижской Науки»).

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что средневѣковые университеты основывали право научной цензуры—censura doctrinalis,—которое присвоили въ такихъ широкихъ размѣрахъ, на подобныхъ папскихъ, императорскихъ и королевскихъ конституціяхъ. Не ex jure humano,—говоритъ Petrus Alliacensis (Пьеръ д'Альи)—человѣкъ, избранный въ 1381 г. гросмейстеромъ Парижскаго Университета, впослѣдствіи архіепископъ и кардиналъ,— не ex jure humano,—говоритъ онъ, и ему вторятъ всѣ позднѣйшіе схоласты,—не изъ человѣческаго права, а ex jure divino, изъ права божественнаго вытекаетъ полномочіе науки владѣть цензурой, а привилегіи и конституціи папъ, им-

ператоровъ и королей суть лишь признанія этого права науки, вытекающаго ex jure divino или, какъ они также выражаются, ex jure naturali, изъ права естественнаго.

Мы привыкли, господа, взирать съ высоты нашего величія на средніе вѣка, какъ на время мрака и варварства.

Этотъ взглядъ во многихъ случаяхъ въ высшей степени несправедливъ и особенно несправедливъ въ отношеніи права науки, признаннаго неоднократно и торжественнѣйшимъ образомъ, возвышать свой великій голосъ, не взирая ни на что, даже противъ королей и папъ.

Недавно у насъ случилось столкновеніе между правительствомъ и палатой депутатовъ по случаю расходовъ, на которые палата не соглашалась. Въ странѣ распространяли богъ-вѣсть какіе толки о безграничной дерзости и мятежныхъ стремленіяхъ палаты. И многіе депутаты были сами изумлены и чрезвычайно гордились своею смѣлостью.

Но вотъ, господа, въ февралѣ 1412 г. Парижскій Университетъ, вовсе неуполномоченный вмѣшиваться въ финансовую администрацію страны или контролировать ее, позволяетъ себѣ обратиться къ французскому королю Карлу VI съ адресомъ, какъ самъ говоритъ, «pour la chose publique de vostre royaume» («по общественному дѣлу государства»). Въ этомъ адресѣ онъ подвергаетъ самой рѣзкой критикѣ финансовую администрацію страны, а потомъ и всѣ прочія отрасли управленія, и произноситъ надъ ними самый рѣшительный осуждающій приговоръ. И такъ ли выражается Парижскій Университетъ въ этой Rémonstrance, какъ наша палата депутатовъ, и того ли онъ требуетъ!

Онъ говоритъ королю, что государственные доходы расходуются не по назначенію («on appert clairement, que lesdictes finances ne sont point employées à choses dessusdictes» etc.), и въ заключеніе безцеремонно заключаетъ: «Item, et il fault savoir, où est cette finance» («Item, и надо дознаться, куда дѣвались эти деньги»). Онъ изображаетъ королю все его финансовое вѣдомство, особенно его высшихъ чиновниковъ, министровъ финансовъ, директоровъ и коронныхъ казначеевъ шайкой мошенниковъ, сговорившихся на погибель страны, не допуская ни одного исключенія! Онъ упрекаетъ короля въ оскорбленіи верховнаго суда, парижскаго парламента, говоря, что этимъ король осквернилъ святыню права! Онъ напоминаетъ ему, что предшественникъ его управлялъ съ гораздо меньшими расходами, «а между тѣмъ страна управлялась тогда хорошо, не то, что теперь» («au quel temps estoit le royaume bien gouverné, autrement que maintenant»).

Онъ описываетъ королю, какъ угнетены бѣдные, говоря, что имъ необходимо помочь, и требуетъ съ этою цѣлью принудительнаго займа съ богатыхъ. Наконецъ, онъ говоритъ ему, что все сказанное въ длинной Ремонстраціи далеко недостаточно, потому что для исчисленія всѣхъ недостатковъ управленія не хватило бы цѣлой недѣли.

Право свое дѣлать такія безпощадныя представленія университетъ основываетъ на томъ только, что онъ — наука, которая, какъ всякому извѣстно, совершенно безкорыстна, не имѣетъ привычки брать должностей и выгодъ,

ни къ чему не стремится, кромѣ познанія, но поэтому самому находится въ обязанности говорить, когда нужно; выводъ университета изъ всего сказаннаго въ Ремонстраціи не болѣе и не менѣе, какъ слѣдующій: король обязанъ безотлагательно (sans quelque dilacion) отрѣшить всѣхъ финансовыхъ директоровъ безъ всякаго исключенія (sans nul excepter), взять ихъ подъ стражу, секвестровать пока ихъ имущества и запретить нисшимъ чиновникамъ видаться и говорить съ ними подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества.

Прочтите, господа, эту длинную Ремонстрацію въ хроникѣ Enguerrand de Monstrelet (liv. I, c. 99, T. II, p. 307 sq. ed. Douet-D'agou), и Вы увидите, что еслибы подобный адресъ былъ изданъ въ наше время, напр. хотя бы берлинскимъ университетомъ, то едвали осталось бы въ уголовномъ сводѣ хотя одно преступленіе, котораго прокуроръ не отыскалъ бы въ немъ!

Оклеветаніе и оскорбленіе чиновниковъ относительно исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей, поношеніе и осмѣяніе государственныхъ учрежденій и распоряженій начальства, оскорбленіе величества, возбужденіе подданныхъ къ ненависти и презрѣнію и богъ-знаетъ какія еще преступленія нашли бы тутъ прокуроры.

Вѣдь завели же меньше года тому назадъ дѣло противъ одного нашего университета за совершенно другаго рода адресъ, которымъ онъ отказался отъ министерскаго приглашенія приступить къ выборамъ.

Но тогда, во мракѣ временъ, было не то. Тогда, согласно требованію университета, коронный казначей, Одри Гриффаръ, со многими другими высшими чиновниками финансоваго вѣдомства были арестованы, а прочіе избѣгли этой участи только бѣгствомъ въ церковь, имѣвшую право убѣжища.

Это было въ 1412 году. Но еще за 80 лѣтъ до этого случился другой фактъ, быть можетъ, еще знаменательнѣе.

Папа Іоаннъ XXII придумалъ новое толкованіе догмата de visio beatifica и велѣлъ проповѣдовать его въ церквахъ. Парижскій университетъ, по разсказу историка, nec pontificis reverentia prohibuit quominus veritati insisterent («не остановился передъ уваженіемъ къ первосвященнику, чтобы вступиться за истину»). Хотя дѣло шло о догматѣ, относительно котораго компетентность папы не могла подлежать сомнѣнію, однако 2 января 1332 г. университетъ декретомъ объявилъ папское толкованіе заблужденіемъ.

Король Филиппъ VI препроводилъ этотъ декретъ папѣ, жившему въ Авиньонѣ, съ присовокупленіемъ, что если онъ не откажется отъ своего заблужденія, то онъ велитъ сжечь его, какъ еретика, и Іоаннъ XXII, хотя лежалъ уже на смертномъ одрѣ, отрекся отъ своего толкованія. Все это Вы можете подробно прочесть у Булеуса въ «Historia Universitatis Parisiensis». Paris 1668. fol. T. IV, p. 235 sq.

Такихъ примѣровъ можно бы насчитать сколько угодно; но приведенныхъ достаточно, чтобы показать, какъ безгранична и чужда всякихъ уголовныхъ предѣловъ была свобода науки уже въ средніе вѣка даже противъ папъ и королей. Правда, повторяю, какъ все въ средніе вѣка, наука имѣла тогда лишь корпоративное существованіе.

Итакъ, выставленная мною теорія жила въ практикѣ еще 500 лѣтъ тому назадъ, въ католическія времена и у романскихъ народовъ.

Но вотъ является протестантизмъ и основываетъ самое государственное зданіе, которое возводитъ, на принципѣ свободнаго изслѣдованія! Съ тѣхъ поръ этотъ принципъ сдѣлался основаніемъ всего нашего государственнаго быта. Безъ него протестантскія государства не имѣютъ права существовать, не имѣютъ даже возможности существовать! Поэтому слыхано ли было когда-либо въ Пруссіи уголовное обвиненіе за научное ученіе?

Когда Христіанъ Вольфъ популяризировалъ въ Галле философію Лейбница, тогдашнему солдатскому королю Фридриху Вильгельму I кто-то шепнулъ, что по ученію Вольфа о предопредѣленной гармоніи солдаты дезертируютъ не по доброй волѣ, а въ силу этого особеннаго божьяго учрежденія, предопредѣленной гармоніи, и что поэтому это ученіе должно подѣйствовать очень опасно, если распространится въ арміи. Солдатскій король, для котораго все государство заключалось въ его полкахъ, ужасно взбѣсился и тотчасъ послалъ Вольфу, въ ноябрѣ 1623 г., кабинетный указъ выѣхать въ 48 часовъ изъ прусскихъ владѣній подъ страхомъ висѣлицы — и Вольфъ долженъ былъ бѣжать. Но если въ свое время королевскія lettres de cachet безъапелляціонны, зато въ исторіи онѣ ничтожны и недѣйствительны. Притомъ солдатскій король совершилъ просто явное насиліе, не оскверняя формъ права. Онъ грозилъ повѣсить Вольфа и привелъ бы угрозу въ исполненіе черезъ своихъ солдатъ. Насиліе, когда является открыто, имѣетъ своего рода достоинство. Но Фридрихъ Вильгельмъ I не нанесъ своимъ судамъ оскорбленія порученіемъ осудить науку! Ему не пришло въ голову облекать насиліе въ право!

Притомъ, едва Фридрихъ Великій, который, хотя пользовался солдатами, но все-таки былъ государственный, а не солдатскій король, вступилъ 31 мая 1740 г. на престолъ, какъ черезъ 6 дней, 6 іюня, написалъ консисторіальному совѣтнику Рейнбеку слѣдующій рескриптъ по поводу Вольфа, которому впрочемъ еще Фридрихъ Вильгельмъ I, раскаяваясь въ своемъ насиліи, посылалъ лестныя, но тщетныя приглашенія: «Прошу Васъ поговорить Вольфу; всякое человѣческое общество должно дорожить человѣкомъ, который ищетъ и любитъ истину, и я думаю, что Вы сдѣлаете conquête въ странѣ истины, если уговорите Вольфа вернуться.»

Такимъ образомъ, и это столкновеніе послужило только къ торжеству и къ признанію съ высоты престола стараго правила, что научное изслѣдованіе и возвѣщеніе истины не связано никакими границами и авторитетами, имѣя самого себя единственнымъ и высшимъ авторитетомъ.

Даже бытіе Бога не было ограждено противъ ученія науки! Наука могла и теперь еще можетъ приводить свои доводы противъ его существованія, и даже новый уголовный сводъ запрещаетъ только кощунство, богохульство, оскорбительное для вѣрующихъ, но не запрещаетъ отрицать бытіе Божіе.

За цѣлые десятки лѣтъ до конституціи безусловная свобода науки въ Пруссіи была послѣднимъ убѣжищемъ поклонниковъ Пруссіи, послѣдней гордостью, которою они могли похвалиться.

Вы всѣ помните, какой страшный шумъ произвело дѣло Бруно Бауера, приватъ-доцента на богословскомъ факультетѣ въ Боннѣ, когда абсолютистско-піетистическое министерство Эйхгорна, позорной памяти, отняло у него licentiam docendi за его ученіе объ евангеліяхъ. Это былъ первый случай въ нашемъ столѣтіи, гдѣ дерзнули покуситься на свободу науки, но какъ ничтоженъ этотъ случай въ сравненіи съ нынѣшнимъ! Факультеты взволновались, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сыпали адресами; славнѣйшіе люди, какъ Маргейнеке и другіе, объявили, что если въ Пруссіи удастся такое неслыханное покушеніе, то протестантизмъ и интеллигенція будутъ принуждены трепетать за свои коренныя основанія; даже отзывы, составленные въ духѣ министерства, основывали свое согласіе съ его дѣйствіями только на томъ, что рѣчь идетъ о licentia docendi въ одномъ богословскомъ факультетѣ, которому ученіе Бауера противорѣчитъ въ его основныхъ принципахъ; они дѣлали оговорку, что еслибы рѣчь шла о licentia docendi не въ богословскомъ, а въ какомъ-нибудь философскомъ факультетѣ, то они высказались бы въ совершенно противуположномъ смыслѣ. Но никому, даже самому Эйхгорну, не приходило на умъ тащить это ученіе подъ уголовщину! Проповѣдника анти-богословскихъ научныхъ результатовъ лишили богословской каѳедры, но чтобы дѣйствовать противъ него черезъ хожалаго, до этого абсолютизмъ тогда еще не дошелъ!

Какъ жаль, что Эйхгорнъ, такъ часто поносимый, не дожилъ до нынѣшняго дня!

Съ какимъ восторгомъ и съ какимъ насмѣшливымъ самодовольствомъ посмотрѣлъ бы онъ на своихъ конституціонныхъ преемниковъ!

Даже абсолютистскіе піетисты Эйхгорна, эта воинствующая церковь помраченія, сохраняли еще столько остатковъ стыда передъ древними традиціями, что въ то время, когда предупредительная ценузра дѣлала лишними карательные законы, желали спасти достоинство и свободу науки передъ печатаніемъ. Они искали какого-нибудь внѣшняго критеріума научности книги и, хотя конечно очень глупо, предположили его во внѣшнемъ объемѣ сочиненія, вслѣдствіе чего постановили, что книги объемомъ болѣе 20 листовъ изъяты отъ цензуры.

Вотъ эти 500-лѣтнія традиціи, это правило, долго господствовавшее въ практикѣ и обычаяхъ всѣхъ новыхъ народовъ, прежде чѣмъ сдѣлалось закономъ, это древнее преданіе умственнаго жизненнаго процеса германскихъ націй—его то узаконило наконецъ общество въ 20-й статьѣ конституціи, предписавъ всѣмъ позднѣйшимъ законодателямъ нормой, чтобы наука и ея ученіе были свободны.

Свободны безъ предѣловъ, свободны безъ границъ, свободны безъ замковъ! Подъ господствомъ законности все имѣетъ свои предѣлы, всякая власть, всякая должность, всякое полномочіе. Только теоретическое познаніе, само безграничное и безконечное, должно парить въ безграничной и безконечной свободѣ, какъ солнце въ эѳирѣ надъ земными дѣлами!

Наука должна быть свободна, свободна даже до злоупотребленія! Ибо, если бы даже можно было говорить о злоупотребленіяхъ науки и ея ученія—что

весьма сомнительно, господа,—то здѣсь предупрежденіе одного злоупотребленія помѣшало бы милліонамъ благодатей употребленія. Еслибы какое-нибудь государственное учрежденіе, какой-нибудь сословный институтъ были ограждены отъ науки такъ, что она не могла бы учить, что они несовершенны или вредны, несправедливы или пагубны, — чей умъ былъ бы столь всеобъемлющъ, чей взоръ былъ бы настолько проницательнѣе всѣхъ современниковъ и всѣхъ позднѣйшихъ поколѣній, чтобы постичь, сколько благодатныхъ открытій, какое плодотворное развитіе, какія богатства для ума задушены въ зародышѣ этимъ однимъ огражденіемъ противъ злоупотребленія, какія страшныя потрясенія, какая гибель для государства были бы избѣгнуты, не будь этого огражденія?

Притомъ, что въ наукѣ дѣло и что злоупотребленіе? Гдѣ ихъ границы? Кто опредѣлитъ это? Вы понимаете, господа президентъ и совѣтники, при всемъ Вашемъ несомнѣнномъ просвѣщеніи, и понимаете тѣмъ живѣе, чѣмъ Вы просвѣщеннѣе, что это опредѣленіе принадлежитъ не суду, а развѣ ареопагу, составленному изъ цвѣта всѣхъ современныхъ научныхъ талантовъ всѣхъ спеціальностей и отраслей науки. Но что я говорю: изъ цвѣта всѣхъ современныхъ талантовъ! Нѣтъ, и изъ талантовъ всѣхъ грядущихъ временъ! Потому что какъ часто видимъ мы въ исторіи передовые умы науки во враждѣ съ современной имъ наукой!

Нерѣдко въ наукѣ 50 лѣтъ, 100 лѣтъ ведутся пренія, прежде чѣмъ опредѣлится, что истина, что злоупотребленіе.

Со времени конституціи еще ни разу не пытались подвергать научное ученіе обвиненію.

Господа, съ 1848 г., съ 1850 г. мы перенесли въ Пруссіи много горькаго и тяжкаго, и наши плечи утомлены и изранены этимъ ярмомъ!

Но даже при Мантейфель-Вестфаленѣ насъ одно не постигало — видѣть науку подъ судомъ!

Самыя рѣзкія нападки, нападки, которыя сами по себѣ могли бы какъ нельзя легче подвергнуться уголовному преслѣдованію, не преслѣдовались, какъ скоро являлись въ научномъ сочиненіи, какъ научное ученіе.

Я самъ могу представить примѣръ этого.

Менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ я издалъ сочиненіе, «Система пріобрѣтенныхъ правъ», въ которомъ мнѣ удалось двинуть нѣсколько впередъ Вашу собственную, господа, науку, науку, на которой основаны суды. Въ этомъ сочиненіи я говорю (Bd. I S. 238): «Наука, для которой проницательность мысли составляетъ первый долгъ, не можетъ отказываться отъ права выражать строгую опредѣленность понятій съ ей одной свойственными рѣзкостью и опредѣленностью выраженій.» И опираясь на это, я доказываю въ этомъ сочиненіи, что прусское аграрное законодательство съ 1850 г. есть ничто иное, какъ—я прямо такъ и говорю — противозаконный и противорѣчащій собственному сознанію права грабежъ бѣдняка въ пользу богатой землевладѣльческой аристократіи!

Какъ легко бы найти въ этихъ словахъ, еслибы они были сказаны въ

другомъ мѣстѣ, и открытое поношеніе государственныхъ учрежденій, и возбужденіе ненависти и презрѣнія къ распоряженіямъ начальства! Но они были написаны въ научномъ сочиненіи, были результатомъ тщательнаго научнаго изслѣдованія—и ихъ не преслѣдовали!

Впрочемъ, правда, это было 2 года назадъ!

Я съ своей стороны обвиняю взведенное на меня обвиненіе въ томъ, что оно опозорило нынѣшнимъ днемъ Пруссію, притащивъ науку передъ судилище уголовнаго права,—зрѣлище, невиданное въ этомъ государствѣ съ самаго начала его существованія!

Что можетъ отвѣтить мнѣ прокуроръ, если согласится съ тѣмъ, что я до сихъ поръ сказалъ, если признаетъ, что наука свободна,—свободна, стало быть, отъ всякаго уголовнаго ограниченія!

Станетъ ли онъ отрицать, что я—представитель науки? Станетъ ли оспоривать, что сочиненіе, за которое онъ меня обвиняетъ, есть научное произведеніе?

Повидимому, прокуроръ самъ чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ научнымъ произведеніемъ, потому что начинаетъ свое обвиненіе словами: «Хотя обвиняемый придалъ себѣ видъ научности, однако тенденціи его совершенно практическія.»

Видъ научности? Почему же только видъ? Приглашаю прокурора доказать мнѣ, почему этотъ научный трудъ имѣетъ только видъ научности!

Полагаю, я компетентнѣе прокурора рѣшать вопросъ, что̀ наука и что̀ не наука.

Я издалъ объемистыя сочиненія по самымъ труднымъ и разнообразнымъ отраслямъ науки; я не щадилъ трудовъ, не спалъ ночей, чтобы самому расширить предѣлы науки, и могу, быть можетъ, сказать съ Гораціемъ: militavi non sine gloria.

Но я самъ объявляю Вамъ, что никогда, въ самыхъ объективныхъ моихъ сочиненіяхъ, я не написалъ ни строчки болѣе строго научной, чѣмъ это произведеніе отъ первой его страницы до послѣдней.

Мало того, я утверждаю, что эта брошюра не простое научное сочиненіе, содержащее уже извѣстные выводы, а во многихъ отношеніяхъ составляетъ научный подвигъ, потому что развиваетъ совершенно новыя научныя мысли.

Что можетъ служить критеріумомъ научности сочиненія? Что, кромѣ его содержанія?

Бросьте же взглядъ на содержаніе этой брошюры.

Это содержаніе ничто иное, какъ сжатая на 28 страницахъ философія исторіи отъ среднихъ вѣковъ до настоящаго времени.

Это—развитіе объективнаго разумнаго процесса мысли, болѣе тысячи лѣтъ лежащаго въ основаніи европейской исторіи; разоблаченіе внутренней души, присущей исторической дѣйствительности, повидимому, лишь фактической, лишь эмпирической; души, которая своею движущею и производящею силою развила эту дѣйствительность изъ себя. Несмотря на краткость брошюры, это—глубоко развитое доказательство того, что исторія ничто иное, какъ не-

престанный прогрессъ разума и свободы, совершающійся по внутренней необходимости подъ покровомъ явленій, повидимому, чисто случайныхъ и матеріальныхъ.

Въ тѣсныхъ рамкахъ этой брошюры я провожу передъ читателемъ три великіе міровые періода, показывая, что каждый изъ нихъ основанъ на внутренней идеѣ, владычествующей надъ всѣми его областями, какъ бы далеко онѣ ни лежали другъ отъ друга, надъ всѣми его явленіями, какъ бы они ни были разнообразны и разсѣяны; я показалъ кромѣ того, что каждый предшествующій изъ этихъ періодовъ есть лишь необходимое подготовленіе слѣдующаго, каждый слѣдующій—лишь собственное имманентное развитіе, логическое слѣдствіе и исполненіе предъидущаго, такъ что всѣ три составляютъ другъ съ другомъ высшее единство и разумную необходимость.

Первый—періодъ феодализма и ленныхъ отношеній. Я показываю, что онъ основанъ всѣми своими сторонами на одномъ принципѣ владычества землевладѣнія, и кромѣ того показываю, почему землевладѣніе по необходимости должно было быть тогда господствующимъ началомъ, т. е. условіемъ всякаго государственнаго и общественнаго значенія, а именно потому, что производство общества было почти исключительно земледѣльческое.

И замѣтьте, господа, какой строгой научной объективности я держусь и до чего я чуждъ какихъ бы то ни было тенденціозныхъ поползновеній.

Если есть фактъ, къ которому могутъ придраться тенденціи, приписываемыя прокуроромъ этой брошюрѣ — возбужденіе въ неимущихъ ненависти къ имущимъ, — то прежде всего это Крестьянская Война.

Если есть фактъ, о которомъ наука и народное мнѣніе, особенно неимущихъ классовъ общества, вспоминали съ величайшей симпатіей, какъ о національномъ возстаніи, несправедливо подавленномъ силою, то прежде всего это Крестьянская Война.

И что же? Не обращая вниманія на эту симпатію и на ореолъ, которымъ наука и народное мнѣніе облекли Крестьянскую Войну, я срываю съ нея этотъ ложный блескъ и показываю, что въ сущности своей она была движеніе реакціонное и должна была пасть въ интересахъ развитія свободы.

Далѣе:

Если есть въ Германіи институтъ, къ которому я въ настоящемъ питаю глубочайшую вражду и который считаю причиною нашего національнаго упадка, нашего позора и безсилія, то прежде всего это областныя государства!

И что же? Такъ велика строгая объективная научность моей брошюры, дотого чуждъ я въ ней всякихъ личныхъ тенденцій, что я самъ доказываю, какъ для того времени возвышеніе областныхъ государствъ было исторически справедливымъ и революціоннымъ моментомъ, идеальнымъ прогрессомъ, потому что эти государства представляли государственную идею, независимую отъ имущественныхъ отношеній, между тѣмъ какъ даже Крестьянская Война еще хотѣла основать государство и государственныя права на принципѣ поземельной собственности.

Далѣе я показываю, какъ за феодальнымъ періодомъ наступилъ второй

міровой періодъ; показываю, какъ одновременно почти съ Крестьянской Войной, бывшей революціонною только въ собственномъ воображеніи, начинается настоящая Революція капиталомъ, возникшимъ вслѣдствіе развитія промышленности и гражданскаго производства, какъ капиталъ совершаетъ полный переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ, переворотъ, который Французская Революція 1789 г. только завершила, которому она только придала правовую санкцію, тогда какъ фактически онъ постепенно совершался уже три столѣтія.

Я указываю въ подробномъ разборѣ національно-экономическіе факторы этого переворота, перечнемъ которыхъ не буду утомлять Васъ; объясняю, какимъ образомъ новыя орудія производства и обусловленные ими новые способы его постепенно сдѣлали промышленность главнымъ источникомъ общественнаго богатства, оттѣснивъ землевладѣніе на задній планъ и низведя его до сравнительнаго ничтожества.

Я показываю, какъ капиталъ, сдѣлавшись вслѣдствіе этого господствующимъ элементомъ во второмъ міровомъ періодѣ, необходимо долженъ былъ сдѣлаться въ публичномъ правѣ привилегированнымъ условіемъ государственной правоспособности, условіемъ участія въ опредѣленіи воли и цѣли государства, какъ землевладѣніе было въ публичномъ правѣ феодализма. Я объясняю, что капиталъ долженъ былъ посредствомъ прямаго и косвеннаго ценза, залоговъ и пошлинъ печати, косвенныхъ налоговъ и пр. съ такою же послѣдовательностью и историческою необходимостью сдѣлаться условіемъ участія въ общественной власти, какъ прежде было землевладѣніе.

Далѣе я говорю, что и этотъ второй міровой періодъ, занимающій въ исторіи 350 лѣтъ, внутренно уже истекъ, и что съ Французской Революціей 1848 г. взошла заря новаго третьяго міроваго періода, который, провозгласивъ общее равное избирательное право, обезпечилъ всѣмъ равное участіе въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, безъ вниманія къ имущественнымъ отношеніямъ. Такимъ образомъ, этотъ періодъ сдѣлалъ свободный трудъ, несвязанный условіями ни землевладѣнія, ни капиталовладѣнія, господствующимъ принципомъ общества.

Потомъ я развиваю разницу между нравственной идеей буржуазіи и нравственной идеей рабочаго сословія, и затѣмъ указываю на вытекающее изъ этой разницы различіе въ пониманіи обоими сословіями цѣли государства. Какъ идея дворянства связывала значеніе личности съ извѣстнымъ естественнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ, такъ по нравственной идеѣ буржуазіи всякое подобное правовое ограниченіе несправедливо, личность должна значить только сама по себѣ, и государство должно гарантировать ей только безпрепятственное пользованіе своими индивидуальными силами. Еслибы мы, сказалъ я, были по природѣ всѣ равно богаты, равно ловки, равно образованы, то, можетъ быть, эта нравственная идея была бы удовлетворительна. Но какъ такого равенства нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ мы являемся на свѣтъ не просто индивидуумами, а съ опредѣленными различіями въ имуществѣ и способностяхъ, которыя потомъ въ свою очередь производятъ различія въ образованіи, то эта нравственная идея еще неудовлетворительна.

Еслибы въ обществѣ было гарантировано личностямъ только безпрепятственное пользованіе своими частными силами, то это повело бы къ эксплуатаціи слабѣйшаго сильнѣйшимъ. Нравственная идея рабочаго сословія, напротивъ того, состоитъ въ томъ, что безпрепятственное пользованіе своими частными силами само по себѣ недостаточно для личности, но что въ нравственномъ благоустроенномъ обществѣ сверхъ того необходимы: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи.

Изъ этой разницы въ нравственныхъ идеяхъ сословій возникаетъ разница и въ понятіяхъ ихъ о цѣли государства.

Буржуазія выставила ученіе, что задача государства состоитъ въ защитѣ личной свободы и собственности лица. Это—ученіе научныхъ представителей буржуазіи, ученіе ея политическихъ вождей, такъ-называемый либерализмъ.

Но это теорія весьма недостаточная, ненаучная и несоотвѣтствующая истинной природѣ государства.

Исторія, сказалъ я, есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, безсиліемъ, слѣдовательно, съ неволей всякаго рода, въ которой человѣкъ находится при вступленіи своемъ въ исторію. Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы, представляемое исторіею. Мы никогда не сдѣлали бы ни шагу впередъ въ этой борьбѣ, еслибы вели ее каждый отдѣльно, каждый самъ по себѣ и самъ за себя.

Я утверждаю, что государство есть именно это единеніе и сочетаніе личностей въ одно нравственное цѣлое, имѣющее функціей вести эту борьбу; это единеніе милліонократно умножаетъ силы всѣхъ составляющихъ его отдѣльныхъ лицъ, милліонократно увеличиваетъ силы, которыми каждая личность можетъ располагать отдѣльно, сама по себѣ.

Слѣдовательно, цѣль государства не въ томъ, чтобы защищать только личную свободу и собственность личности, съ которыми она, по буржуазной идеѣ, будто-бы уже вступаетъ въ государство, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она только въ государствѣ и черезъ государство пріобрѣтаетъ и то, и другое—и свободу, и собственность. Цѣлью государства можетъ быть лишь то, что съ самаго начала составляетъ его естественную функцію, т. е. соединеніемъ личностей въ государство давать имъ возможность достигать такихъ цѣлей и такихъ ступеней существованія, которыхъ отдѣльная личность сама собою никогда не можетъ достичь.

Слѣдовательно, послѣдняя и существенная цѣль государства такова: положительно развивать и прогрессивно совершенствовать человѣка; другими словами: осуществлять человѣческое назначеніе, т. е. всю культуру, къ какой родъ человѣческій способенъ. Цѣль эта — воспитаніе и развитіе человѣческаго рода къ свободѣ.

За такое воззрѣніе на государство въ насъ сильно стоитъ античная образованность, ставшая неотъемлемой основой нѣмецкаго духа, и я привожу въ доказательство слова великаго главы нашей науки, Августа Бёка: «Надо настолько расширить понятіе государства, чтобы оно являлось учрежденіемъ, предназначеннымъ осуществить всю добродѣтель человѣчества.»

Но, говорю я, развитую государственную идею надо прежде всего назвать идеей рабочаго сословія. Конечно, всякій можетъ возвыситься до нея умомъ и образованіемъ; но въ рабочемъ сословіи она существуетъ инстинктивно, матеріально и экономически, вслѣдствіе безпомощнаго положенія членовъ его, какъ отдѣльныхъ лицъ.

Это экономическое положеніе необходимо возбуждаетъ въ этомъ сословіи глубокій инстинктъ, что назначеніе государства состоитъ и должно состоять въ дарованіи личности черезъ соединеніе всѣхъ воедино возможности достигать такого развитія, которое для одинокой личности невозможно.

Но эта нравственная государственная идея была уже съ давнихъ поръ движущею идеею государства. Только это совершалось безсознательно, разумною силою вещей, помимо воли государства и даже противъ воли его вождей.

Слѣдовательно, если идея рабочаго сословія сдѣлается господствующею идеею государства, то это только приведетъ въ сознаніе и сдѣлаетъ сознательною цѣлью общества направленіе, всегда бывшее темной органической природой государства.

Таково единство и преемственность всякаго человѣческаго развитія, что въ него никогда не вторгается ничего новаго, что въ немъ всегда только приводится въ сознаніе и осуществляется свободною волею то, что искони было безсознательно дѣйствующею органическою природою вещей.

Съ Французскою Революціею 1848 г. это сознаніе наступило и было возвѣщено. Это было выражено символически введеніемъ работника въ число членовъ временнаго правительства, а потомъ провозгласили общее равное и прямое избирательное право, представляющее формальное средство къ осуществленію этой идеи. Такимъ образомъ съ февраля 1848 г. наступилъ историческій періодъ, сознательно объявившій нравственную идею рабочаго сословія господствующею идеею общества.

Мы можемъ поздравить себя, что живемъ въ историческомъ періодѣ, посвященномъ осуществленію этой высокой цѣли. Но прежде всего, такъ какъ этотъ историческій періодъ предназначенъ сдѣлать идею рабочаго сословія господствующей идеей общества, для сословія этого возникаетъ обязанность держать себя нравственно, достойно и соотвѣтственно строгости этой идеи.

Вотъ въ концентрированной краткости содержаніе и ходъ мыслей моей напечатанной лекціи.

Единственнымъ намѣреніемъ моимъ, читая ее, было сообщить слушателямъ внутреннее философское пониманіе исторіи, этой труднѣйшей изъ всѣхъ наукъ, привести ее имъ въ сознаніе, какъ разумное цѣлое, постепенно развивающееся по необходимымъ законамъ.

Человѣкъ, погруженный въ такую задачу, вправѣ сказать прокурору, какъ сказалъ при взятіи Сиракузъ Архимедъ, чертившій на пескѣ математическія фигуры и погруженный въ глубокія соображенія о нихъ, грубому наемнику, напавшему на него съ обнаженнымъ мечомъ: Noli turbare circulos meos («Не порть моихъ чертежей»)!

Болѣе пяти наукъ,—исторія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, правовѣдѣніе и исторія права, національная экономія, статистика, финансовѣдѣніе и наконецъ послѣдняя и труднѣйшая изъ наукъ, наука мысли или философія — вотъ что надо было соединить, вотъ что нужно было усвоить, чтобы написать эту брошюру.

Что же за чудовище учености этотъ прокуроръ, если всего этого недостаточно, чтобы придать въ его глазахъ сочиненію достоинство научности!

Но если внимательнѣе вглядѣться въ обвиненіе, то можно усмотрѣть, на какомъ основаніи оно не признаетъ это сочиненіе научнымъ.

Оно говоритъ: «Хотя обвиняемый Лассаль придалъ себѣ видъ научности, однако тенденціи его совершенно практическія.»

Стало быть, такъ какъ лекція имѣетъ будто-бы практическія тенденціи, поэтому она, по мнѣнію прокурора, ненаучна! По его мнѣнію, условіе научности состоитъ въ отсутствіи практическихъ тенденцій! Я желалъ бы спросить прокурора, котораго—надо замѣтить—зовутъ Шеллингомъ: Откуда онъ почерпнулъ это правило? Уже, конечно, не у своего отца! Шеллингъ-отецъ полагаетъ цѣлью философіи ничто иное, какъ преобразованіе всего своего времени! «Быть можетъ, говоритъ онъ, мнѣ скажутъ, что я ожидаю слишкомъ многаго отъ философіи, считая ее способной возстановлять общественный порядокъ.»—«Но,—отвѣчаетъ онъ на это,—видя въ философіи средство исцѣлить современную неурядицу, я говорю, конечно, не о малодушной философіи, не о пустыхъ хитросплетеніяхъ, а о философіи мощной, которая можетъ помѣряться съ жизнью, которая далека отъ чувства безсилія передъ жизнью и ея страшной дѣйствительностью, которая не ограничивается грустной обязанностью исключительнаго отрицанія и разрушенія, но заимствуетъ свою силу изъ самой дѣйствительности и потому сама создаетъ дѣйствительное и прочное.» †)

Такую же неудачу встрѣтитъ неслыханное и достопримѣчательное открытіе прокурора у другихъ научныхъ авторитетовъ.

«Къ чему же въ концѣ концовъ служатъ — говоритъ Фихте въ своихъ рѣчахъ къ германскому народу ††), — всѣ наши труды въ отвлеченныхъ наукахъ? Положимъ, что ближайшая цѣль этихъ трудовъ — передавать науку изъ поколѣнія въ поколѣніе и сохранять ее на свѣтѣ; но къ чему? Очевидно, затѣмъ только, чтобы, когда слѣдуетъ, устраивать общественную жизнь и весь человѣческій порядокъ вещей. Такова конечная цѣль ихъ; слѣдовательно, каждое научное усиліе посредственно служитъ государству, хотя бы въ отдаленнѣйшемъ будущемъ.»

Такъ говоритъ Фихте!

Господа президентъ и совѣтники! Я обнаружилъ бы неуваженіе къ Вашимъ просвѣщеннымъ взглядамъ, еслибы счелъ нужнымъ сказать Вамъ хотя

---

†) «Философія Откровенія», III, 11.

††) «Собр. Соч.» VII, 394.

одно слово въ опроверженіе этого прокурорскаго открытія, будто отсутствіе практическихъ тенденцій есть необходимое условіе науки.

Дѣйствительно, я имѣлъ въ этой брошюрѣ совершенно практическую тенденцію довести читателей до уразумѣнія своего времени и этимъ навсегда опредѣлительно повліять на ихъ поступки!

Какое же условіе научности можетъ прокуроръ считать несоблюденнымъ мною?

Быть можетъ, внѣшній объемъ книги, который ему кажется меньше, чѣмъ слѣдуетъ для научнаго сочиненія? Быть можетъ, то обстоятельство, что это сочиненіе — брошюра въ 2 печатные листа, а не in-folio въ трехъ толстыхъ томахъ?

Но съ какихъ же поръ научность сочиненія опредѣляется его объемомъ, а не содержаніемъ?

Можетъ быть, прокуроръ будетъ оспоривать научность отчетовъ, которые читаются на засѣданіяхъ членами королевской академіи наукъ и которые еще гораздо короче моей лекціи?

Въ прошломъ году на юбилеѣ Фихте я, какъ ораторъ философскаго общества, читалъ рѣчь†), въ которой представилъ внутреннюю исторію нѣмецкой метафизики. Въ этой брошюрѣ даже еще меньше страницъ, чѣмъ въ обвиняемой.

Можетъ быть, за такую краткость прокуроръ будетъ отрицать научность этой рѣчи?

Но всякій понимаетъ, что научное произведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ должно быть полнѣе и тѣмъ большихъ трудовъ стоить, что, съ одной стороны, я былъ принужденъ сжать мои мысли въ двухчасовой бесѣдѣ, въ предѣлахъ брошюры въ 28 страницъ, а съ другой стороны — говорилъ передъ публикой, въ которой не могъ предполагать никакихъ научныхъ свѣдѣній. Чтобы побѣдить эти затрудненія, нимало не пожертвовавъ научной глубиной, нужны опредѣленность, сосредоточенность и ясность мысли, далеко превосходящія обыкновенныя ученыя усилія самыхъ обширнѣйшихъ сочиненій.

Спрашиваю опять, какого же условія научности не достаетъ этой лекціи?

Быть можетъ, ее лишаетъ научнаго достоинства мѣсто, гдѣ она была читана?

Дѣйствительно, задавая этотъ вопросъ, я попадаю въ самое нутро, въ болячку обвиненія.

Пусть бы — такъ очевидно разсуждаетъ прокуроръ — онъ читалъ эту лекцію, гдѣ ему угодно, съ каѳедры или въ консерваторіи, передъ такъ-называемыми сливками образованной публики; но онъ читалъ ее народу, работникамъ, обращался къ работникамъ — вотъ почему эта лекція ненаучна, вотъ почему она преступленіе!

---

†) См. Соч. Лассаля, Т. II русск. изданія.

Crimen novum atque inauditum!

Я могъ бы ограничиться возраженіемъ, что для содержанія рѣчи и, слѣдовательно, для ея научности совершенно все равно, гдѣ она произнесена, въ берлинской ли королевской академіи наукъ, передъ цвѣтомъ учености, или въ предмѣстьи, передъ машинными рабочими.

Но я долженъ отвѣчать Вамъ полнѣе. Прежде всего я долженъ выразить Вамъ мое изумленіе, что здѣсь, въ Берлинѣ, гдѣ Фихте читалъ свои безсмертныя популярно-философскія рѣчи, свои рѣчи объ основныхъ чертахъ нынѣшняго вѣка, рѣчи, обращенныя ко всей германской націи, ко всякой публикѣ — можетъ кому нибудь входить въ голову ставить условіемъ научности рѣчи мѣсто ея произнесенія!

Въ томъ-то и состоитъ величіе этого вѣка, что ему суждено выполнить то, о чемъ въ предшествующіе вѣка и помыслить не могли, а именно, привести науку къ народу!

Пусть представляютъ себѣ какими угодно громадными препятствія, предлежащія этой задачѣ — мы готовы бороться съ ними, наши передовые бойцы идутъ сразить ихъ!

Въ глубокомъ упадкѣ, охватившемъ—на взглядъ глубокаго знатока исторіи — всѣ отрасли европейской жизни, только два элемента ея остались велики, свѣжи и способны къ развитію среди губительной чахотки своекорыстія, проникшей во всѣ фибры европейскаго общества. Эти два элемента — наука и народъ, наука и работники!

Только сочетаніе ихъ можетъ оплодотворить новою жизнью утробу европейскаго общества.

Союзъ науки и работниковъ, этихъ двухъ крайнихъ полюсовъ нынѣшняго общества, которые, когда обнимутся, раздавятъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ всѣ культурныя препятствія — вотъ цѣль, которой я рѣшился посвятить свою жизнь до послѣдняго вздоха!

Но, можетъ-быть, господа, это ученіе ново и неслыхано въ анналахъ науки?

Послушайте же, что говоритъ Фихте въ своихъ рѣчахъ къ германской націи, обращаясь къ образованнымъ сословіямъ:

«Теперь моя рѣчь обращается преимущественно къ образованнымъ сословіямъ Германіи въ надеждѣ въ первый разъ растолковать имъ и убѣдить ихъ, чтобы они взяли на себя это новое дѣло. Это примиритъ человѣчество съ ихъ прежней и нынѣшней дѣятельностью на свѣтѣ и заслужитъ имъ дальнѣйшее существованіе въ будущемъ. Въ теченіе этихъ рѣчей мы увидимъ, что до сихъ поръ все развитіе человѣчества въ германской націи исходило отъ народа, который всегда первый совершалъ великія національныя дѣла, одинъ велъ ихъ и развивалъ. Такимъ образомъ, теперь историческій прогрессъ націи въ первый разъ ввѣряется образованнымъ сословіямъ, и если они возьмутся за него, то это будетъ также въ первый разъ. Мы увидимъ, что эти сословія не могутъ разсчитать, долго ли еще будетъ зависѣть отъ нихъ принять на себя руководство этимъ дѣломъ, потому что оно уже почти готово ввѣ-

риться народу, почти уже созрѣло для него и вскорѣ сдѣлается само собою, безъ посторонней помощи.» †)

Такимъ образомъ, Фихте зналъ и говорилъ, что за великія національныя дѣла всегда брался только народъ, образованныя же сословія никогда.

Если тѣмъ неменѣе онъ обращался къ образованнымъ сословіямъ, то, какъ самъ говоритъ, только потому, что надѣялся впервые убѣдить ихъ, потому, что считаетъ народъ только еще «почти готовымъ и созрѣвшимъ» слушать научныя рѣчи, но въ сущности еще неготовымъ и несозрѣвшимъ.

Но вотъ теперь дѣлается то, что при Фихте считалось единственно плодотворнымъ, но въ то время еще недостаточно подготовленнымъ и зрѣлымъ, еще слишкомъ труднымъ. Въ этомъ и состоитъ весь немногій прогрессъ, совершившійся въ Германіи со временъ Фихте, т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, потому что въ нѣмецкихъ правительствахъ Вы, конечно, тщетно будете искать какого-либо прогресса!

Фихте обѣщалъ, что этотъ прогрессъ совершится «скоро». Это «скоро» оказалось пятидесятилѣтіемъ, и я надѣюсь, господа президентъ и совѣтники, что такой срокъ не покажется Вамъ слишкомъ поспѣшнымъ.

Чего же заслуживаютъ люди, которые, не взирая на затрудненія, борятся всѣми силами своего ума, чтобы совладать съ гигантской задачей сообщить народу науку и научную мысль? Того ли, чтобы ихъ обвиняли въ возбужденіи неимущихъ къ ненависти къ имущимъ? Или, напротивъ, любви и благодарности именно имущихъ классовъ, именно прежде всего буржуазіи?

Отчего буржуазія боится народа?

Вспомните событія марта, апрѣля и мая 1848 г.

Забыли ли Вы, что тогда было?

Полицейская сила была сокрушена; народъ наполнялъ всѣ улицы и площади. И всѣ улицы, всѣ площади, весь народъ находились исключительно въ рукахъ разныхъ Карбе, Линденмюллеровъ и тому подобныхъ безсмысленныхъ агитаторовъ, людей безъ познаній, безъ образованія, безъ разсудка, вскруженныхъ бурей, взволновавшей политическую жизнь до самаго дна! Буржуазія, встревоженная и испуганная, сидѣла по своимъ угламъ, ежеминутно трепеща за свою собственность и жизнь, которыя были въ рукахъ грубыхъ агитаторовъ, только слишкомъ добродушныхъ, чтобы воспользоваться своей властью такъ, какъ боялись буржуазы. Буржуазія втихомолку молилась о возвращеніи полицейской власти, трепеща страхомъ, который доселѣ незабытъ и воспоминаніе котораго до сихъ поръ дѣлаетъ ее неспособною къ политической борьбѣ!

Какимъ же образомъ могло случиться въ городѣ, который величаетъ себя столицей интеллигенціи, въ такомъ большомъ городѣ, резиденціи блистательнѣйшихъ умовъ, что народъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ повиновался разнымъ Карбе и Линденмюллерамъ, а Вы трепетали за жизнь и собственность?

---

†) «Собр. Соч.», VII, 278.

Гдѣ были берлинскіе умы, люди науки и мысли, гдѣ были всѣ Вы, господа?

Цѣлый городъ не можетъ быть трусомъ.

Но Вы разсуждали такъ: народъ не понимаетъ нашихъ мыслей, не понимаетъ даже нашего языка. Между нашей научной мыслью и образованіемъ массы, между языкомъ научной мысли и понятіями народа—цѣлая пропасть. Онъ не пойметъ насъ. А потому пусть говоритъ тотъ, кто всѣхъ невѣжественнѣе!

Вы разсудили такимъ образомъ и молчали! — Скажите же теперь, господа, увѣрены ли Вы, что больше никогда не повторится политическаго потрясенія? Присягнете ли Вы, что стоите въ концѣ историческихъ движеній?

А если повторится, то угодно ли Вамъ, чтобы Ваша жизнь и собственность попали опять на произволъ какого-нибудь Карбе и Линденмюллера?

Если не хотите, то благодарите же людей, посвятившихъ себя труду зарыть пропасть, отдѣляющую мысль и языкъ науки отъ народа, срыть заставу, разъединяющую буржуазію съ народомъ. Благодарите людей, которые цѣною собственныхъ умственныхъ усилій предприняли трудъ, столь полезный своими результатами для всѣхъ Васъ вообще и для каждаго изъ Васъ въ частности!

Угощайте этихъ людей въ Пританеѣ, вмѣсто того чтобы взводить на нихъ обвиненія!

Итакъ, и мѣсто, гдѣ была читана эта лекція, не можетъ считаться доводомъ противъ ея научности.

Стало быть, я достаточно доказалъ, что произведеніе это научно.

Еслибы сверхъ всякаго чаянія это продолжали оспоривать, чего я, конечно, ни на минуту не предполагаю со стороны столь просвѣщенныхъ лицъ, какъ Вы, господа президентъ и совѣтники, то я прибѣгнулъ бы подъ защиту права, которымъ пользуется всякій сапожникъ и въ которомъ Вы тѣмъ менѣе можете отказать мнѣ: я потребовалъ бы, чтобы эксперты изъ спеціалистовъ доказали, что можетъ существовать трудъ болѣе научный моего.

Вопросъ, научно ли данное произведеніе, есть въ сущности вопросъ спеціальности, котораго нельзя рѣшить, обладая лишь общимъ образованіемъ, нельзя рѣшить даже судебной палатѣ, потому что здѣсь рѣчь идетъ не о правовѣдѣніи, которое должно быть Вамъ знакомо, а о другихъ наукахъ, которыхъ Вы можете и не знать, и если случайно знаете, то знаете частнымъ образомъ, а не въ качествѣ судей.

Рѣшить этотъ вопросъ утвердительно — на это Вы компетентны, потому что присутствіе въ сочиненіи науки обыкновенно бросается въ глаза даже неспеціалисту.

Но отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, вопреки рѣшенію выставленныхъ мною экспертовъ, Вы не можете. Ибо только научный глазъ можетъ увидѣть съ тою достовѣрностью, которая необходима для произнесенія приговора, нѣтъ ли глубочайшей научной мысли подъ легкой популярной формой, принятой ради удобопонятности, не совершеннѣе ли тѣмъ произведеніе научной мысли, что мысли этой удалось очистить съ себя въ немъ всѣ слѣды борьбы съ самой собою, скрывъ всѣ затрудненія, всю неподатливость предмета и

явиться въ яснѣйшей прозрачности, научнымъ художественнымъ произведеніемъ, свергнувъ съ себя, по словамъ Шиллера, всѣ признаки человѣческой ограниченности, развиваясь свободно и легко, какъ-бы играя, сама собою, какъ-бы собственная мысль слушателя.

Итакъ, предлагаю отобрать отзывы у слѣдующихъ спеціалистовъ:

тайнаго совѣтника Августа Бёка,
дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, бывшаго директора министерства духовныхъ дѣлъ Іоганна Шульце,
профессора Адольфа Тренделенбурга,
тайнаго совѣтника оберъ-библіотекаря доктора Перца,
профессора Леопольда Ранке,
профессора Теодора Момзена,
тайнаго совѣтника профессора Гансена,

все членовъ королевской академіи наукъ. Спросите ихъ, не есть ли это сочиненіе — произведеніе строго научное.

Но въ такомъ случаѣ, какъ я доказалъ, оно не подлежитъ уголовному закону.

Я потому такъ распространился въ изложеніи этого перваго моего средства защиты, что нахожу нужнымъ въ интересахъ страны, въ интересахъ достоинства и свободы науки разъ навсегда установить основанный на великомъ принципѣ прецедентъ для всѣхъ будущихъ поползновеній прокурорскаго надзора, и потому прежде всего прочаго предлагаю Вамъ оправдать меня на основаніи 20 статьи конституціи.

Я желаю этого вовсе не для моего личнаго огражденія.

Потому что, еслибы даже уголовный законъ могъ быть примѣненъ здѣсь, то это нисколько не подвергло бы опасности мою личную безопасность, такъ какъ подводимый прокуроромъ параграфъ вовсе меня не касается.

Обвиненіе совершенно устраняется уже этими общими соображеніями, которыя ясно показываютъ, что въ моей брошюрѣ нѣтъ ни одного мѣста, ни одного положенія, подлежащаго обвиненію, что все это дѣло есть тенденціозный процессъ въ самой откровенной формѣ. Обвиняется извѣстное направленіе, — больше ничего; но за направленія нельзя наказывать.

Однако я не могу ограничиться такою легкою защитою. Обвиненіе въ возбужденіи неимущихъ къ ненависти противъ имущихъ таково, что, кромѣ наказанія, угрожаетъ еще потерей добраго имени гражданина. Оно таково, что, даже будучи опровергнуто чисто юридическими формальными доводами, оставляетъ обвиненнаго подъ тяжестью подозрѣнія. Защищая передъ Вами мою честь также настойчиво, какъ мою свободу, развивая поэтому фактическіе доводы также тщательно, какъ юридическіе, я этимъ докажу, что питаю къ Вамъ и къ Вашему мнѣнію, господа президентъ и совѣтники, глубокое уваженіе, и потому, надѣюсь, Вы простите мнѣ, что эта вторая часть моей защиты будетъ некороче первой.

Я обвиненъ въ нарушеніи § 100 уголовнаго устава. Вотъ этотъ §:

«Подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбуж-«деніемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти или презрѣнію под-

«вергается денежной пенѣ отъ 20 до 200 талеровъ или тюремному заклю-«ченію отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ.»

Такимъ образомъ, по этому § нужно совпаденіе трехъ условій, чтобы онъ могъ быть примѣненъ:

Надо,

I. чтобы было возбужденіе къ ненависти или презрѣнію;

Надо,

II. чтобы это возбужденіе было обращено противъ классовъ подданныхъ государства, и, дѣйствительно, прокуроръ обвиняетъ меня въ возбужденіи класса неимущихъ противъ класса имущихъ;

И надо,

III. чтобы возбужденіе это было способно подвергнуть опасности общественное спокойствіе.

Всѣ эти три условія должны совпадать, должны соединиться, чтобы этотъ § закона могъ быть примѣненъ; а между тѣмъ настоящій случай не представляетъ ни одного изъ нихъ!

ad I. Надо, чтобы было возбужденіе къ ненависти или презрѣнію.

Объ этомъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, и именно по многимъ причинамъ:

1) Проступокъ не можетъ подлежать § 100, если въ немъ не было намѣренія возбудить къ ненависти и презрѣнію. Невольное возбужденіе къ ненависти и презрѣнію немыслимо. Будь оно мыслимо, что бы изъ этого вышло? Напримѣръ, всѣ мы недавно прочли нѣкоторыя рѣчи палаты господъ, которыя, можетъ быть, преисполнили меня, а можетъ быть и не одного меня, господа, а большую часть націи ненавистью и презрѣніемъ до остервененія! Но слѣдуетъ ли изъ этого, что ораторы эти подлежатъ дѣйствію прокурорскаго надзора? Нѣтъ, и помимо ихъ политической привилегіи прокуроръ не могъ бы обвинить ихъ, потому что, хотя дѣйствіе рѣчей ихъ и было таково, но господа эти навѣрно не имѣли намѣренія возбуждать ненависть и презрѣніе. Равнымъ образомъ никто не будетъ отрицать, что намѣреніемъ моей лекціи было научить. Если такъ, то прокуроръ могъ бы еще, положимъ, утверждать, что мнѣ было все равно, возбудитъ ли сообщенное мною знаніе ненависть и презрѣніе; но было бы тоже все равно, сталъ ли бы онъ утверждать это или нѣтъ, потому что для обвиненія требуется именно умышленное возбужденіе къ ненависти и презрѣнію.

Но намѣреніе произвести подобное возбужденіе безусловно исключается въ этомъ случаѣ другою причиною, которая кромѣ того доказываетъ, что моя лекція не могла произвести и такого дѣйствія, чтобы возбудить ненависть и презрѣніе; во избѣжаніе повтореній я разсмотрю оба эти обстоятельства вмѣстѣ.

Итакъ, я говорю, вовторыхъ, что моя лекція не могла имѣть ни дѣйствія, ни намѣренія возбудить къ ненависти и презрѣнію.

Что̀ одно можетъ заслужить ненависть и презрѣніе?

Очевидно, порочность, которая въ свою очередь можетъ состоять только въ произвольно свободныхъ поступкахъ людей.

Но я въ моей лекціи доказываю, что владычество принципа буржуазіи, противъ которой, по словамъ прокурора, я возбуждалъ къ ненависти, есть всемірно-историческая необходимая экономическая и нравственная ступень развитія, что его не могло не быть и что оно также естественно-необходимо, какъ физическіе процессы развитія земнаго шара.

Но развѣ бороться съ природой значитъ ненавидѣть ее? Развѣ тотъ ненавидитъ природу, кто старается справиться съ ея процессами, улучшить ея произведенія?

Но далѣе: какъ понялъ прокуроръ мое ученіе?

Основная мысль моей лекціи состоитъ въ томъ, что имущіе вовсе не создали господство буржуазіи сознательно и произвольно, какъ лица, намѣренно и отвѣтственно; что, наоборотъ, сами буржуазы суть безсознательные, невольные и потому неотвѣтственные продукты, а не производители этого міроваго положенія, развившагося вовсе не изъ субъективной воли, а изъ законовъ совершенно другаго рода. Я объясняю даже сопротивленіе отказаться отъ этого господства закономъ человѣческой природы, которой свойственно упорно держаться даннаго и считать его необходимымъ. А прокуроръ обвиняетъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія это ученіе, которое освобождаетъ имущихъ даже отъ отвѣтственности за существующее положеніе, обращаетъ ихъ изъ виновниковъ въ продуктъ его!

Ибо по § 100 мы имѣемъ дѣло съ лицами и классами лицъ, а не съ государственными учрежденіями, какъ по § 101.

Ни одинъ работникъ не понялъ моей лекціи такъ дурно, какъ прокуроръ, и я предоставляю ему рѣшить, чего не достало ему, способности или доброй воли.

Этого мало: я показываю, что господство буржуазной идеи было всемірно-освобождающимъ историческимъ дѣломъ, что оно было самымъ великимъ нравственнымъ и культурно-историческимъ прогрессомъ, даже необходимымъ всемірно-историческимъ условіемъ и переходной ступенью развитія идеи рабочаго сословія.

Такимъ образомъ я примиряю рабочее сословіе съ историческимъ владычествомъ буржуазіи, показывая объективную разумность этого владычества. Этимъ я примиряю его съ нимъ, ибо высшее примиреніе состоитъ въ уразумѣніи разумности того, что насъ стѣсняетъ.

Далѣе я показываю, что впрочемъ идея буржуазіи еще не высшая ступень историческаго развитія, не послѣдній цвѣтъ усовершенствованія, что за ней слѣдуетъ еще болѣе высокое проявленіе человѣческихъ способностей, для котораго буржуазная ступень служитъ основой. Значитъ ли все это, что я возбуждаю ненависть и презрѣніе къ буржуазіи?

Вѣдь этакъ работникамъ пришлось бы ненавидѣть и презирать самихъ себя, всю человѣческую природу въ себѣ и въ другихъ, потому что таковъ законъ человѣческой природы, что она развивается лишь постепенно и въ каждомъ предъидущемъ развитіи имѣетъ необходимое условіе послѣдующаго.

Еслибы я любилъ пасторальный тонъ, господа, котораго я терпѣть не могу, я могъ бы съ совершеннымъ основаніемъ сказать, что внушилъ работникамъ историческое благоговѣніе къ буржуазіи, доказавъ имъ, что она была необходимою переходною ступенью и всемірно-историческимъ условіемъ развитія идеи рабочаго сословія. Сынъ можетъ превосходить отца болѣе свободнымъ и полнымъ образованіемъ и болѣе энергическимъ характеромъ, однако никогда не перестанетъ чтить въ немъ источникъ своей крови и виновника своего существованія. Въ какую же грязь влекутъ высшую изъ всѣхъ наукъ, обвиняя въ преступномъ подстрекательствѣ ученіе исторіи о постепенномъ развитіи разума и свободы?

Я долго не могъ понять, какимъ образомъ могъ прокуроръ заговорить тутъ о ненависти и презрѣніи. Наконецъ, я могъ объяснить себѣ это только съ помощью такого предположенія: прокуроръ, читая мою брошюру, вѣроятно, перенесся въ душу работника и тутъ почувствовалъ, что онъ, прокуроръ, на мѣстѣ работника возненавидѣлъ бы!

Стало быть, прокуроръ чувствуетъ, что онъ возненавидѣлъ бы!

Я могъ бы сказать, господа, что причина этого заключается въ оригинальной натурѣ прокурора, которую пусть онъ и обвиняетъ. Но я помогу прокурору! Я рѣзче поведу обвиненіе противъ себя, чѣмъ могъ вести прокуроръ; я мотивирую его такъ, какъ его слѣдовало бы вести, если уже вести. Чѣмъ рѣзче выясню я внутреннюю сущность обвиненія, тѣмъ рѣзче уничтожу его.

Прокурору слѣдовало сказать:

Правда, Лассаль въ своей лекціи обращался къ теоретической способности пониманія своихъ слушателей, а не къ ихъ практической волѣ и чувствамъ. Поэтому правда, что лекція эта не относится къ области уголовнаго закона.

Но въ нормально чувствующемъ человѣкѣ пониманіе, воля и чувство не отдѣльные карманы безъ взаимнаго сообщенія. Когда одно чѣмъ-нибудь переполнится, излишекъ содержимаго перетекаетъ въ другое. Воля и чувство служатъ пониманію и состоятъ подъ его господствомъ.

Правда, въ лекціи своей Лассаль ни слова не говоритъ о ненависти и презрѣніи; онъ только теоретически доказываетъ, что извѣстныя учрежденія, какъ, напр., трехклассный избирательный законъ, вредны и пагубны. Я не могу опровергнуть этого ученія. Но на основаніи непремѣннаго единства человѣческой природы я могу утверждать, что, если это правда, то каждый работникъ, какъ нормально чувствующій человѣкъ, долженъ ненавидѣть и презирать нетолько эти учрежденія, но и тѣхъ, кому они выгодны!

Вотъ логическій остовъ этого обвиненія; вотъ дедукція, логически неизбѣжно и безъ всякаго спасенія выражаемая этимъ обвиненіемъ, все равно, въ прямыхъ ли словахъ или нѣтъ!

Но не мнѣ, а прокурору вѣдаться за нее съ буржуазіей!

Что же отвѣчу я на это обвиненіе, обвиняющее меня за то, что дѣлается самимъ прокуроромъ?

Я имѣю на это четыре отвѣта.

Вопервыхъ, что однажды пріобрѣтенное познаніе недостаточности или порочности какого-нибудь существующаго учрежденія, конечно, необходимо вызываетъ въ каждомъ нормально чувствующемъ человѣкѣ на всю его жизнь желаніе по-возможности измѣнить это учрежденіе. Я сознаюсь, что вызвать это желаніе въ моихъ слушателяхъ на всю ихъ жизнь необходимо было цѣлью моей, какъ и всякой другой, научной дѣятельности. Но несомнѣнно, что это желаніе никакъ не можетъ быть воспрещено государствомъ, пока не выражается воспрещенными государствомъ поступками; точно также вольно и возбуждать это желаніе, если съ этимъ не связано возбужденіе къ недозволительнымъ поступкамъ. Кромѣ того, желаніе поправить дознанный недостатокъ не имѣетъ ничего общаго съ чувствами ненависти и презрѣнія къ этому недостатку, особенно, если онъ признается исторически оправданнымъ, исторически необходимымъ, даже исторически благотворнымъ и въ высшей степени культурно-прогрессивнымъ; сверхъ того, многія другія причины, повтореніемъ которыхъ я не хочу утомлять Васъ, доказываютъ, что чувства ненависти и презрѣнія совершенно чужды этому желанію. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ первый скачекъ прокурора.

Вовторыхъ, еслибы въ какомъ-нибудь случаѣ теоретическое, научное знаніе имѣло въ нормально чувствующемъ человѣкѣ необходимыми послѣдствіями ненависть и презрѣніе,—законодатель не имѣлъ бы права вмѣнять въ вину такую ненависть и такое презрѣніе.

Если вещь дотого гнусна, что познаніе ея необходимо возбуждаетъ ненависть и презрѣніе, то и должно ненавидѣть и презирать ее!

Законодатель вмѣняетъ въ вину такую ненависть и такое презрѣніе, которыя вызваны возбужденіемъ неразумныхъ чувствъ и страстей. Но онъ не вмѣняетъ въ вину разумъ и нравственную природу человѣка! Стало быть, онъ не вмѣняетъ въ вину и такую ненависть и такое презрѣніе, которыя суть необходимое слѣдствіе разума и нравственнаго сознанія. По понятіямъ прокурора выходитъ, что 100-мъ параграфомъ законодатель запретилъ разумъ и осудилъ нравственность человѣка! Но законодателю этого и въ голову не приходило. Ни одинъ судья не будетъ такъ толковать законъ, чтобы своимъ толкованіемъ представлять законодателя отъявленнымъ врагомъ разума и науки, и такимъ образомъ мы возвращаемся ко всѣмъ соображеніямъ, высказаннымъ мною въ первой части моей защиты по поводу 20 статьи конституціи. Здѣсь они получаютъ тотъ смыслъ, что еслибы даже наука и ея ученіе не были ограждены этой статьей отъ уголовнаго закона, то и тогда нельзя было бы, не желая разрушить всѣхъ основаній человѣческой природы, примѣнять § 100 къ такой ненависти и такому презрѣнію, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ науки и ея знанія.

Втретьихъ, ненависть и презрѣніе къ объективному учрежденію вовсе не то, что ненависть и презрѣніе къ лицамъ, которымъ это учрежденіе выгодно, а § 100 говоритъ только о ненависти къ лицамъ, такъ что здѣсь оказывается третій скачекъ прокурора, настоящій salto mortale!

Вчетвертыхъ, обвиненіе совершаетъ самое курьезное quid pro quo, какое мнѣ когда-либо попадалось въ юридическихъ преніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ промахъ прокурора составляетъ переходъ къ доказательству, что обвиненіе лишено и втораго условія, а именно, что еслибы даже можно было допустить здѣсь какія-нибудь ненависть и презрѣніе, то вовсе не къ тому, къ чему, по обвиненію, я будто-бы возбуждалъ ихъ.

ad. II. Меня обвиняютъ въ возбужденіи неимущихъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ классамъ.

«Такимъ изображеніемъ дѣла — говоритъ обвиненіе, излагая свои основанія—работники, очевидно, возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы противъ имущихъ.» Введя такимъ образомъ непримѣтно и потихоньку подобное опредѣленіе слова «буржуазія», обвиненіе заключаетъ формально такъ:

«Посему, частное лицо Ф. Л. обвиняется: 1) своею лекціею и т. д. 2) обнародованіемъ брошюры, содержащей эту лекцію,—въ публичномъ возбужденіи неимущихъ классовъ подданныхъ государства къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ.»

Дѣйствительно, въ моей брошюрѣ я говорю о «буржуазіи». Но какъ опредѣляю я это слово? Достаточно привести одно мѣсто изъ брошюры, гдѣ я даю опредѣленіе слова буржуазія, чтобы показать, какое неслыханное, какое непостижимое, какое имени неимѣющее quid pro quo старается подставить мнѣ прокуроръ, обвиняя меня въ возбужденіи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ.

На стр. 13—14 моей лекціи я говорю:

«Однако, господа, мнѣ пора объяснить значеніе слова буржуазія, какъ названіе политической партіи; пора сказать, въ какомъ смыслѣ употребляю я это слово, потому что иначе мнѣ грозитъ опасность, что моя лекція подвергнется важнымъ недоразумѣніямъ.

«Слово буржуазія въ переводѣ значитъ собственно гражданство. Но я употребляю его не въ этомъ значеніи; мы всѣ—граждане, и работникъ, и мелкій промышленникъ, и крупный и т. д. Съ теченіемъ исторіи слово буржуазія приняло совершенно особенное значеніе, стало обозначать извѣстное политическое направленіе, которое я сейчасъ объясню.

«Весь классъ гражданъ недворянъ раздѣлялся при наступленіи Французской Революціи и раздѣляется до сихъ поръ на два подкласса; а именно, во-первыхъ, классъ лицъ, извлекающихъ свой доходъ исключительно или преимущественно изъ собственнаго труда, причемъ они или вовсе не поддерживаются капиталомъ, или обладаютъ самымъ скромнымъ капиталомъ, который даетъ имъ лишь возможность заниматься производительною дѣятельностью, прокармливающею ихъ, ихъ самихъ и ихъ семейства; слѣдовательно, къ этому классу принадлежатъ работники, ремесленники, мелкіе промышленники и вообще крестьяне. Вовторыхъ, классъ лицъ, располагающихъ крупнымъ имуществомъ, большимъ капиталомъ, производящихъ на основаніи подобнаго большаго фонда и извлекающихъ прибыль. Этихъ лицъ можно бы назвать

крупными промышленниками. Но, господа, крупный промышленникъ самъ по себѣ, какъ таковой, еще не буржуазъ. Гражданину нѣтъ дѣла до того, что дворянинъ, сидя въ своей комнатѣ, радуется своимъ предкамъ и своимъ помѣстьямъ. Но если дворянинъ вздумаетъ выдавать этихъ предковъ и эти помѣстья за условія особеннаго значенія и исключительныхъ преимуществъ въ государствѣ, за условія владычества надъ государственной волей— гражданинъ разсердится на дворянина и обзоветъ его феодаломъ.

«Такъ и въ гражданскомъ мірѣ въ отношеніи фактическихъ имущественныхъ различій.

«Нѣтъ ничего проще, естественнѣе и законнѣе, какъ если крупный промышленникъ, сидя въ своей комнатѣ, наслаждается пріятностями и выгодами, которыя доставляетъ своему обладателю большое имущество!»

Итакъ, господа, замѣтьте мимоходомъ: я дотого возбуждаю въ моей брошюрѣ неимущіе классы къ ненависти къ имущимъ, что заступаюсь за законность этого имущества, называю законнѣйшимъ и естественнѣйшимъ дѣломъ радость о выгодахъ и пріятностяхъ, которыя оно доставляетъ!

Далѣе я продолжаю мое опредѣленіе:

«Конечно, работникъ и мѣщанинъ, вообще весь невладѣющій капиталомъ классъ имѣетъ право требовать, чтобы государство обратило всѣ свои помыслы и стремленія на улучшеніе горькаго и удрученнаго нуждою матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ; онъ вправѣ требовать, чтобы государство поставило себѣ главною цѣлью помочь тѣмъ, чьими руками создаются всѣ богатства, которыми щеголяетъ наша цивилизація, всѣ продукты, безъ которыхъ общество не могло бы просуществовать ни единаго дня; онъ вправѣ требовать, чтобы государство помогло ему достичь болѣе обильнаго и обезпеченнаго дохода, а съ нимъ и возможности умственнаго образованія и, слѣдовательно, истинно достойнаго человѣка существованія. Но при всемъ томъ работникъ никогда не долженъ забывать и никогда не забудетъ, что всякая собственность, однажды законно пріобрѣтенная, законна и неприкосновенна».

Вотъ дочего я возбуждаю неимущіе классы къ ненависти къ имущимъ, что проповѣдую имъ неприкосновенность и святость всякой однажды пріобрѣтенной законной собственности имущихъ классовъ и внушаю имъ уваженіе къ ней!

«Но если крупный промышленникъ, не довольствуясь фактическими пріятностями богатства, хочетъ еще поставить свое богатство, капиталъ, условіемъ участія въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, — онъ обращается въ буржуаза, онъ обращаетъ фактъ владѣнія въ правовое условіе политической власти, онъ выказываетъ себя новымъ привилегированнымъ сословіемъ въ народѣ, сословіемъ, которое хочетъ навязать всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ существенный характеръ своей привилегіи, какъ дѣлало въ средніе вѣка дворянство съ привилегіей землевладѣнія.»

Итакъ, я тщательно и положительно опредѣляю, что тогда только считаю крупнаго промышленника буржуазомъ, когда онъ задумываетъ обратить совершенно невинный и безобидный фактъ своего большаго имущества въ правовое

условіе участія въ государственной власти, т. е. когда онъ вознамѣривается обратить капиталовладѣніе въ юридическую политическую привилегію, уничтожить равенство правъ имущихъ и неимущихъ и конфисковать свободу и развитіе народа въ пользу крупнаго капитала и ради прочности его владычества. Только этимъ, доказываю я, буржуазія дѣлается привилегированнымъ сословіемъ, котораго иначе она не составляетъ, несмотря на всѣ фактическія имущественныя неравенства.

Я показываю въ брошюрѣ, что это дѣлается помощью ценза, который именно и ставитъ извѣстное капиталовладѣніе условіемъ участія въ государственной власти посредствомъ избранія въ законодательныя собранія. Далѣе, я показываю, что для сущности дѣла рѣшительно все равно, установленъ ли прямой, явный цензъ или ухищренно проводится скрытый и что нашъ нынѣшній жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 года представляетъ подобный скрытый цензъ.

Итакъ, моя брошюра содержитъ въ себѣ нападеніе, впрочемъ чисто теоретическое, только на трехклассный избирательный законъ, но отнюдь не на имущіе классы, фактическое имущество которыхъ я, напротивъ, неоднократно защищаю, какъ совершенно неприступное, неприкосновенное, безвредное и законное.

Трехклассный избирательный законъ есть учрежденіе нашего государства. Отчего бы прокурору лучше не обвинить меня по § 101 уголовнаго устава «въ возбужденіи ненависти или презрѣнія къ государственнымъ учрежденіямъ»? Конечно, я нашелъ бы, что отвѣтить и на это обвиненіе! Но теперь объ этомъ не стоитъ говорить, потому что въ этомъ меня не обвиняютъ; моя защита была бы безконечна, еслибы я сталъ еще оправдываться въ проступкахъ, въ которыхъ меня не обвиняютъ.

Но отчего изъ всѣхъ невозможныхъ обвиненій прокуроръ выбралъ именно самое невозможное? Зачѣмъ онъ подмѣняетъ предметъ моихъ нападокъ? Человѣкъ доказываетъ, что трехклассный избирательный законъ несправедливъ, потому что обращаетъ въ правовое условіе политической власти фактическія имущественныя различія, которыя впрочемъ этотъ человѣкъ признаетъ совершенно безобидными, — и вдругъ его ядовито обвиняютъ въ подстрекательствѣ неимущихъ классовъ къ ненависти къ имущимъ!

Неужели, господа, нѣтъ никакихъ средствъ противъ такого публичнаго поношенія добраго имени и репутаціи?

Можно ли сказать, что введеніе трехкласснаго избирательнаго закона есть у насъ дѣло имущихъ классовъ, что за него отвѣтственна нѣмецкая буржуазія? О французской буржуазіи это можно сказать. Тамъ еще революціонная Assemblée Constituante ввела цензъ. Но о нѣмецкой этого до сихъ поръ нельзя сказать.

Достигнувъ владычества мартовскою революціею 1848 г., прусская буржуазія закономъ 8 апрѣля 1848 г. ввела у насъ общее равное избирательное право!

Нѣмецкая буржуазія въ соборѣ Павла во Франкфуртѣ утвердила общее равное избирательное право!

Нашъ нынѣшній трехклассный избирательный законъ жалованъ, правительствомъ жалованъ!

Зачѣмъ же прокуроръ заставляетъ прусскую буржуазію подставлять спину за правительство?

A tout seigneur son honneur!

Не имущіе классы Пруссіи, а прусское правительство должно на всѣ времена и передъ всѣмъ народомъ нести на себѣ вину и отвѣтственность за жалованный трехклассный избирательный законъ!

Каковы бы впрочемъ ни были причины, побудившія прокурора къ такому странному смѣшенію—быть можетъ, онѣ еще обнаружатся,—во всякомъ случаѣ обвиненіе оказывается лишеннымъ и втораго условія. Никакого возбужденія противъ имущихъ классовъ, противъ того, на что указываетъ прокуроръ, не было.

Наконецъ, нѣтъ и третьяго условія — опасности для общественнаго спокойствія.

ad. III. Параграфъ 100 гласитъ: «Подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти или презрѣнію подвергается....»

Говоря объ общественномъ спокойствіи, государство разумѣетъ не душевное спокойствіе, потому что оно не суперинтендентъ изъ піетистовъ, чтобы заботиться о душевномъ спокойствіи и вообще о внутреннемъ назиданіи. Оно говоритъ объ уличномъ спокойствіи. Оно поясняетъ это, прибавляя къ слову «спокойствіе» прилагательное — «общественное».

Да этого и требуютъ всѣ начала права. Государство можетъ вѣдать только поступки; душевное же настроеніе не его дѣло. Стало быть, не его дѣло и ненависть, презрѣніе и возбужденіе къ нимъ, пока все это остается въ кругу внутреннихъ ощущеній, и оно вмѣняетъ возбужденіе въ вину тогда только, если оно по свойству своему можетъ повести къ внѣшнимъ дѣйствіямъ. Законодатель еще яснѣе выражаетъ это, говоря: подвергающій общественное спокойствіе опасности. Онъ говоритъ: подвергающій опасности, а не нарушающій.

Еслибы въ смыслѣ закона всякое возбужденіе къ ненависти и презрѣнію заслуживало наказанія, еслибы по его смыслу и это простое возбужденіе къ этимъ просто лишь внутреннимъ ощущеніямъ нарушало общественное спокойствіе, тогда законодатель сказалъ бы: нарушающій возбужденіемъ общественное спокойствіе. Скажи онъ такъ, могло бы еще казаться, что нарушеніе произошло, какъ скоро возбуждены ненависть и презрѣніе.

Но подвергать опасности значитъ производить возможность нарушенія, и этимъ выраженіемъ законодатель показываетъ, что подъ общественнымъ спокойствіемъ понимаетъ не согласіе душъ — уже нарушенное, а не только подвергнутое опасности — а уличное спокойствіе; что онъ не предполагаетъ общественное спокойствіе необходимо нарушеннымъ отъ всякаго возбужденія къ внутреннимъ ощущеніямъ ненависти и презрѣнія; что, слѣдовательно, не всякое такое возбужденіе подлежитъ наказанію, а только въ томъ слу-

чаѣ, если оно подвергаетъ уличное спокойствіе опасности нарушенія; другими словами, если возбужденіе къ ненависти и презрѣнію настолько опасно, что подвергаетъ опасности, т. е. можетъ повести къ недозволительнымъ поступкамъ. Стало быть, нельзя толковать § 100 такъ, что возбуждающій къ ненависти и презрѣнію подвергаетъ опасности общественное спокойствіе и долженъ быть наказанъ. Такое толкованіе было бы ложно нетолько юридически, но и грамматически. Этотъ § надо понимать такъ: долженъ быть наказанъ подвергающій общественное спокойствіе опасности возбужденіемъ къ ненависти или презрѣнію, т. е. если возбужденіе таково, что заключаетъ въ себѣ опасность для общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ, словами «подвергать опасности» законъ постановляетъ условіе для опредѣленія виновности возбужденія; чтобы подлежать наказанію, оно должно представлять хотя возможность возникновенія изъ него внѣшнихъ поступковъ, опасныхъ для уличнаго спокойствія.

Чтобы показать, дочего непримѣнимо ко мнѣ это третье условіе, дочего неспособно мое мнимое возбужденіе повести къ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ поступкамъ, подвергнуть опасности государственный миръ, уличное спокойствіе, мнѣ достаточно напомнить, что въ этой лекціи я занимался только разборомъ вѣковыхъ историческихъ періодовъ и въ заключеніе ея прямо сказалъ: «для всемірно-историческаго восхода солнца одно или два десятилѣтія тоже, что часъ въ естественномъ зрѣлищѣ суточныхъ небесныхъ перемѣнъ».

Итакъ, вотъ обвиненіе, въ которомъ изъ всѣхъ условій, требуемыхъ, чтобы основать его, нѣтъ ни одного!

Часто бываютъ обвиненія, въ которыхъ не достаетъ того или другаго условія.

Но обвиненіе, въ которомъ нѣтъ ни одного изъ всѣхъ требуемыхъ условій, заслуживаетъ особеннаго и во всѣхъ отношеніяхъ оригинальнаго почетнаго мѣста въ храмѣ юриспруденціи!

Однако — audiatur et altera pars! Бросимъ еще взглядъ на доводы, приводимые обвинительнымъ актомъ въ свое основаніе. Быть можетъ, окажется, что я, богъ меня вѣдаетъ какъ, изловчился скрыть существованіе и условія преступленія, или, быть можетъ, совершенное ничтожество обвиненія обнаружится въ худшемъ еще видѣ, чѣмъ даже выказалось до сихъ поръ.

Въ обвиненіи только одно положеніе, долженствующее служить ему стропиломъ. Зато ужъ, должно быть, оно изъ крѣпкаго дерева! Обвиненіе говоритъ въ началѣ: «Руководящія мысли этой лекціи состоятъ въ слѣдующемъ», и, представивъ яко бы изложеніе этихъ мыслей, продолжаетъ: «Этими изображеніями и неоднократными указаніями на предстоящую соціальную революцію работники, очевидно, возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы подстрекаются противъ имущихъ, чѣмъ подвергается опасности общественное спокойствіе, именно потому, что въ этомъ заключается и прямое воззваніе преслѣдовать цѣль господства рабочихъ классовъ надъ другими классами общества съ самой пылкой и всепожирающей страстью».

Вотъ единственное юридическое основаніе обвиненія. Разберемъ это разсужденіе, отъ чтенія котораго человѣкъ, неодаренный богатырскими легкими, можетъ задохнуться, и которое написано такъ, что подъ непонятнымъ трескомъ путаницы мыслей можетъ скрыть отъ поверхностнаго взора свою совершенную пустоту. Разберемъ его, и Вы изумитесь, господа, увидавъ, какая масса юридическихъ чудовищностей, фактическихъ выдумокъ и искаженій сидитъ въ немъ!

Чѣмъ возбуждалъ я къ ненависти и презрѣнію, по разсужденію прокурора? «Этими изображеніями», говоритъ онъ; стало быть, чисто теоретическимъ, чисто объективнымъ изложеніемъ, тѣмъ, что̀ само обвиненіе называетъ изложеніемъ моихъ главныхъ мыслей; ничѣмъ инымъ, какъ научнымъ ученіемъ я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію! Вы видите, что какъ бы ни изворачивался обвинительный актъ, онъ не можетъ уклониться отъ признанія, что обвиняетъ чисто научное изложеніе, науку и ея ученіе!

Но въ разсужденіи есть еще «и». Этими изображеніями «и неоднократными указаніями на предстоящую соціальную революцію» я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію.

Что это за указанія на «предстоящую соціальную революцію»? Гдѣ они? Отчего прокуроръ не приводитъ ихъ? Приглашаю его привести ихъ! Но онъ не можетъ этого сдѣлать. Въ моей брошюрѣ нѣтъ ни одного мѣста, которое могло бы поддержать его инсинуацію.

Правда, хотя о «предстоящей соціальной революціи» я не говорю, какъ утверждаетъ прокуроръ, хотя я, наоборотъ, говорю о соціальной революціи, уже наступившей съ февраля 1848 г., однако, дѣйствительно, я часто употребляю въ моей брошюрѣ слова «революціонный» и «революція». Этимъ словомъ прокуроръ хочетъ сразить меня! Принимая его всегда въ его строго юридическомъ смыслѣ, онъ не можетъ прочесть слово «революція» безъ того, чтобы воображенію его не представились поднятыя вилы! Но это вовсе не научное значеніе этого слова, и прокуроръ могъ бы изъ частаго употребленія его въ моей брошюрѣ узнать, что я беру его въ совершенно иномъ, научномъ смыслѣ. Такъ я называю развитіе областныхъ государствъ явленіемъ революціоннымъ.

Такъ я говорю, что Крестьянская Война, кажется, достаточно сопровождавшаяся насиліями и кровопролитіемъ, была революціонна только въ собственномъ воображеніи, въ дѣйствительности же была явленіемъ не революціоннымъ, а реакціоннымъ.

Зато прогрессъ промышленности съ XVI столѣтія я неоднократно и постоянно называю «дѣйствительно и истинно революціоннымъ фактомъ», хотя тутъ и помину не было о свалкѣ; такъ изобрѣтеніе хлопчатобумажной ткацкой машины въ 1775 г. я называю полною революціею, фактически наступившею.

Можетъ быть, я злоупотребляю словами или ввожу новый способъ выраженія, принимая слово «революція» въ этомъ смыслѣ, прилагая его къ мирнымъ явленіямъ и отказывая въ этомъ эпитетѣ кровавымъ возстаніямъ?

Шеллингъ-отецъ говоритъ («Изслѣдованія о сущности человѣческой свободы»,

VII, 351): «Мысль сдѣлать свободу единымъ и всеобщимъ элементомъ философіи больше всякой прежней революціи освободила человѣческій духъ вообще, нетолько по отношенію къ самому себѣ, и произвела могущественный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ науки.» Какъ видимъ, Шеллингу-отцу не мерещатся при словѣ «революція» вилы, какъ прокурору. Прилагая это слово къ вліянію основнаго принципа философіи, онъ, подобно мнѣ, употребляетъ его въ смыслѣ, неимѣющемъ ничего общаго съ матеріальнымъ насиліемъ.

Въ чемъ состоитъ научный смыслъ слова «революція» и какая разница между революціей и реформой?

Революція значитъ переворотъ и совершается всегда, когда существующее положеніе замѣняется совершенно новымъ принципомъ, все равно, силой ли или нѣтъ — средства тутъ ничего не значатъ. Реформа же бываетъ тогда, когда принципъ существующаго порядка сохраняется и только смягчается или послѣдовательнѣе и правильнѣе развивается. И тутъ средства ничего не значатъ. Реформа можетъ совершиться черезъ возстаніе и кровопролитіе, а революція среди глубочайшаго мира. Крестьянская Война была попыткой вынудить реформу вооруженной силой. Развитіе промышленности было полной революціей, хотя совершалось самымъ мирнымъ образомъ, но замѣнило прежній порядокъ совершенно новымъ принципомъ. Все это я тщательно и подробно объясняю въ моей брошюрѣ.

Отчего же одинъ прокуроръ не понялъ меня? Отчего ему одному осталось непонятнымъ то, что понялъ каждый работникъ?

Стало быть, еслибы я даже говорилъ о «предстоящей соціальной революціи», чего я впрочемъ не говорилъ, то слѣдовало ли бы, что я имѣлъ въ виду насильственный переворотъ, вилы и штыки?

Профессоръ Губеръ, строгій консерваторъ, крайній роялистъ, человѣкъ, добровольно отказавшійся при введеніи конституціи 1850 г. отъ каѳедры въ берлинскомъ университетѣ, потому что по убѣжденіямъ не могъ присягнуть ей, но человѣкъ преданный благу рабочаго класса съ трогательной любовью, тщательно изучившій его развитіе и написавшій превосходныя сочиненія по исторіи корпоративнаго движенія или промышленныхъ ассоціацій между работниками, доказываетъ въ своей послѣдней книгѣ («Concordia» p. 24), что рабочія ассоціаціи въ Англіи, Франціи и Германіи имѣютъ уже оборотнаго капитала 50 милліоновъ талеровъ, и потомъ говоритъ буквально такъ:

«При такихъ обстоятельствахъ и въ виду вышеуказанныхъ опытовъ можно, кажется, не ограждая себя противъ упрековъ въ утопическихъ бредняхъ объ облагодѣтельствованіи всего міра, сказать, что мы считаемъ возможнымъ существенное улучшеніе современнаго бѣдственнаго положенія фабричнаго населенія; мало того, это улучшеніе, равносильное полной соціально-экономической реформѣ, нетолько практически возможно, но въ обыкновенномъ теченіи вещей составляетъ вѣрное послѣдствіе корпоративнаго развитія.»

Итакъ, онъ предсказываетъ полный соціальный переворотъ, утверждаетъ, что онъ непремѣнно долженъ наступить въ обыкновенномъ мирномъ теченіи

вещей вслѣдствіе ассоціаціоннаго движенія. Не могу ли я тѣмъ болѣе ожидать такого переворота отъ соединеннаго вліянія обоихъ факторовъ—ассоціаціоннаго движенія и общей подачи голосовъ?

Что же мнѣ дѣлать, если прокуроръ такъ неначитанъ, если ему совершенно неизвѣстно, что теперь дѣлается во всѣхъ направленіяхъ и что уже признано и записано наукой? Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ незнаніе прокурора? Разумѣется, еслибы мнѣ отвѣчать за это, еслибы мнѣ нести вину за его незнакомство со всѣмъ, что уже признано и дознано по всѣмъ отраслямъ науки, то, господа президентъ и совѣтники, Вы могли бы въ Вашемъ негодованіи подвергнуть меня страшнымъ наказаніямъ!

Но кромѣ того, какимъ образомъ можетъ указаніе на предстоящую соціальную революцію — даже въ смыслѣ вилъ! — возбуждать къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи? А между тѣмъ прокуроръ принужденъ утверждать и дѣйствительно утверждаетъ это. Ненависть и презрѣніе можно возбудить противъ себя только собственными поступками и ихъ обнаруженіемъ. Но какимъ же образомъ поступки Фрица могутъ возбудить ненависть и презрѣніе къ Францу? Слѣдовательно, если человѣкъ говоритъ: «Работники сдѣлаютъ соціальную революцію», — какимъ образомъ это можетъ возбудить ненависть и презрѣніе къ буржуазіи? Какъ видимъ, въ разсужденіи прокурора нѣтъ даже грамматически-логическаго смысла. Оно нетолько трижды ложно, оно безсмысленно и противно всякому смыслу. Для меня по крайней мѣрѣ оно непонятно. Я также не понимаю прокурора, какъ онъ меня. Въ Греціи называли βάρβαρος, варваромъ, человѣка, который не понималъ нашего языка и котораго мы не могли понять. Такимъ образомъ, прокуроръ и я, мы варвары другъ для друга.

Но разбираемое разсужденіе указываетъ еще третье обстоятельство, будтобы доказывающее, что я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи. «Именно»—такъ заводитъ прокуроръ свое дальнѣйшее разсужденіе,—эти изображенія и указанія возбуждали къ ненависти и презрѣнію «именно» потому, что въ нихъ заключалось и прямое воззваніе преслѣдовать цѣль господства рабочихъ классовъ надъ другими классами общества съ самой пылкой и всепожирающей страстью». Положимъ, что воззваніе къ одному классу общества, приглашающее его преслѣдовать честолюбивую цѣль господства надъ другими классами, заслуживало бы порицанія; но по закону и оно было бы совершенно дозволительно, еслибы не возбуждало къ недозволительнымъ поступкамъ. Всякій классъ общества можетъ стремиться къ господству въ государствѣ, лишь бы это стремленіе не переходило въ недозволенныя дѣйствія. Государство не наказываетъ цѣлей, а только средства. Весь этотъ процессъ ведется противъ извѣстнаго направленія, что и обнаруживается въ каждой строчкѣ обвинительнаго акта, который обвиняетъ все только въ стремленіяхъ къ цѣлямъ и даже не пытается доказать присутствіе въ моей лекціи возбужденія къ незаконнымъ средствамъ. И еслибы даже я подстрекалъ рабочіе классы преслѣдовать незаконными средствами цѣль господства надъ прочими классами общества, то, смотря по обстоятельствамъ, могъ бы быть об-

виненъ по § 61 или какому-нибудь другому § уголовнаго закона, но никакъ не по § 100, никакъ не въ возбужденіи работниковъ къ ненависти и презрѣнію. Возбуждать работниковъ къ стремленію пріобрѣсти господство надъ прочими классами общества значитъ возбуждать въ нихъ честолюбіе, а вовсе не ненависть и презрѣніе къ какому-нибудь третьему лицу. Вѣдь честолюбіе работниковъ нельзя было бы вмѣнить въ вину буржуазіи; слѣдовательно, чѣмъ же возбуждались бы ненависть и презрѣніе къ буржуазіи? Стало быть, въ разсужденіи опять не оказывается грамматически-логическаго смысла. Прокурорское «именно», которымъ онъ открываетъ свое послѣднее доказательство возбужденія къ ненависти, оказывается скорѣе «имени неимѣющимъ» безсмысленнымъ утвержденіемъ. Но откуда вычиталъ прокуроръ въ моей брошюрѣ, что я возбуждалъ рабочіе классы стремиться къ господству надъ прочими классами общества?

Во всей моей брошюрѣ я говорю только о томъ, что міровой періодъ, открывшійся съ февраля 1848 г., предназначенъ сдѣлать господствующимъ принципомъ общества, руководящею государственною идеею нравственный принципъ рабочаго сословія, его идею, развитую въ моей брошюрѣ и объясненную въ началѣ этой рѣчи.

Я говорю объ этомъ самымъ яснымъ и опредѣленнымъ образомъ. Я говорю на стр. 20, что «если революція 1789 г. была революціей третьяго сословія, то теперь четвертое сословіе желаетъ сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества и проникнуть имъ всѣ его учрежденія.» Или на той же страницѣ: «Стало быть, провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества»... и на страницѣ 21: «теперь мы разсмотримъ принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества, въ троякомъ отношеніи» .... «Быть можетъ, мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ общества господствующимъ началомъ государства и общества покажется очень опасной.» Потомъ, съ 23 стр. я развиваю различіе между нравственной и политической идеей буржуазіи и нравственной политической идеей рабочаго сословія и на стр. 26 заключаю словами: «Вотъ что, господа, должно назвать государственной идеей рабочаго сословія» и проч.

И изъ того, что я считаю высокую нравственную идею, высшую нравственную идею, какую только можетъ вообразить мой умъ, самую высокую нравственную идею, которую до сихъ поръ выработала государственная философія, что такую идею я считаю предназначенною сдѣлаться руководящею государственною идеею въ текущемъ историческомъ періодѣ; изъ того, что я доказываю, что идею эту слѣдуетъ назвать идеей рабочаго сословія, потому что она естественно соотвѣтствуетъ естественному инстинкту и экономическому положенію рабочаго сословія,—изъ этого прокуроръ взводитъ на меня чудовищность, будто я возбуждалъ рабочіе классы стремиться къ сословному господству надъ прочими классами общества!

Прокуроръ, повидимому, думаетъ, что мнѣ хочется, чтобы рабочіе классы

покорили имущіе классы, что я хочу перевернуть исторію и обратить помѣщиковъ и фабрикантовъ въ крѣпостныхъ и батраковъ работниковъ.

При всемъ различіи нашихъ языковъ, при всемъ нашемъ взаимномъ варварствѣ, неужели возможно было такое или подобное недоразумѣніе?

На стр. 24 я подробно развиваю, что четвертое сословіе именно тѣмъ и отличается, что въ его принципѣ нѣтъ никакого исключительнаго условія, ни правоваго, ни фактическаго, которое оно могло бы обратить въ господствующую привилегію и провести въ учрежденія общества. Я говорю ясно (стр. 20): «Мы всѣ равно работники, если только имѣемъ желаніе какимъ-нибудь образомъ приносить пользу человѣческому обществу. Слѣдовательно, въ сердцѣ четвертаго сословія не можетъ быть зародыша новой привилегированности, и потому оно тожественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его владычество есть владычество всѣхъ.» И далѣе я продолжаю: «Стало быть, провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, въ томъ смыслѣ, какъ я Вамъ развилъ его здѣсь, не есть возгласъ раздѣленія и вражды классовъ общества; это возгласъ примиренія, возгласъ, обращенный ко всему обществу, возгласъ, сглаживающій всѣ противорѣчія между общественными кружками, возгласъ единенія, на который должны отозваться всѣ нежелающіе привилегій и угнетенія ими народа и т. д.» Но въ то время, какъ я изъ глубины души и отъ полноты сердца взываю о прекращеніи всякаго сословнаго владычества и всякихъ сословныхъ противорѣчій, прокуроръ обвиняетъ меня въ подстрекательствѣ работниковъ къ сословному господству надъ имущими классами!

Спрошу опять: какъ объяснить такое удивительное недоразумѣніе? Пусть опять отецъ обличитъ сына: «Посредствующая среда,—говоритъ Шеллингъ («Соч.» I, 443) въ своихъ статьяхъ, объясняющихъ идеализмъ научнаго ученія,—посредствующая среда, черезъ которую умы сообщаются другъ съ другомъ, есть не окружающая атмосфера, а общая свобода, сотрясенія которой достигаютъ до глубочайшихъ тайниковъ души. Если духъ человѣка не преисполненъ сознанія свободы, то у него прерывается всякая умственная связь нетолько съ другими, но даже съ самимъ собой. Немудрено, что такой человѣкъ остается непонятенъ ни себѣ, ни другимъ и надсажается въ своей страшной пустынѣ только надъ пустыми словами, на которыя не откликнется дружескаго отзыва ни изъ своей, ни изъ чужой груди. Остаться непонятнымъ такому человѣку есть честь и слава передъ Богомъ и людьми!»

Такъ говоритъ Шеллингъ-отецъ!

Кончаю, господа. Тщетно спрашиваю себя, могло ли подобное обвиненіе обѣщать себѣ успѣхъ передъ Вами, господа президентъ и совѣтники. Но быть можетъ, тутъ былъ другой разсчетъ. Политическая борьба между буржуазіей и правительствомъ получила нѣкоторое слабое оживленіе. Быть можетъ, думали, что при подобныхъ обстоятельствахъ обвиненіе въ возбужденіи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ можетъ служить

отличнымъ отвлекающимъ средствомъ; быть можетъ, надѣялись, что такое обвиненіе, хотя бы и отвергнутое Вами, все-таки подѣйствуетъ, какъ мокрый платокъ, приложенный къ вспыхнувшему легкимъ румянцемъ лицу нашей буржуазіи, и мнѣ суждено было сдѣлаться козломъ отпущенія, посылаемымъ за это въ пустыню! Притомъ Вы знаете, господа, старое правило: Calumniare audacter, semper aliquid haeret — «клевещи смѣлѣе, все что-нибудь пристанетъ»! Но всѣ эти намѣренія останутся тщетны, господа!

Они посрамятся при простомъ чтеніи моей брошюры, и я приглашаю буржуазію почитать ее. Они посрамятся силою моего голоса, и вотъ почему въ моей защитѣ я такъ подробно развивалъ и фактическую сторону дѣла. Буржуазія и работники, мы все-таки члены одного народа и тѣсно соединены противъ нашихъ угнетателей!—На человѣка, посвятившаго, какъ я Вамъ сказалъ, свою жизнь лозунгу: «Наука и Работники!», приговоръ, попавшійся ему на пути, не произведетъ иного впечатлѣнія, какъ лопнувшая реторта на погруженнаго въ научные опыты химика. Онъ слегка поморщится на сопротивленіе матеріи и, какъ скоро препятствіе устранится, спокойно будетъ продолжать свои изслѣдованія и труды.

Но ради націи и ея чести, ради науки и ея достоинства, ради страны и ея законной свободы, ради памяти въ исторіи Вашихъ собственныхъ именъ, господа президентъ и совѣтники, говорю я Вамъ: Оправдайте меня!

ПРОЦЕССЪ Ф. ЛАССАЛЯ.

II.

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

ОБЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ

НАДЪ

ФЕРДИНАНДОМЪ ЛАССАЛЕМЪ

въ IV депутаціи берлинскаго городскаго суда, въ отдѣленіи слѣдственныхъ дѣлъ, 16 января 1863 г.

Ubi scandalum est *veritas*, ibi scandalum jam *fit*, sed veritas *modo dicitur*.
St. Augustinus.

(Гдѣ скандалъ—правда, тамъ и правду разсказывать—скандально).
(Святой Августинъ).

Сообщаемая въ этомъ стенографическомъ отчетѣ уголовная процедура происходила 16 января 1863 г. въ одной изъ меньшихъ залъ зданія уголовнаго суда на Молькенмарктѣ въ Берлинѣ. Дѣло было открыто вызовомъ экзекутора въ $9^1/_4$ часовъ по полудни. Судейская коллегія состояла изъ трехъ членовъ, городскихъ судебныхъ совѣтниковъ — предсѣдателя Пильхена, Колька (бывшій совѣтникъ окружнаго суда) и фонъ-Вульфена (недавно переведеннаго въ Берлинъ изъ Инстербургскаго департамента). Первые двое давно служатъ чиновными уголовными судьями. Представителемъ прокурорскаго надзора явился одинъ изъ пяти товарищей прокурора городскаго суда (фонъ-Шеллинга), прокуроръ Гольцъ; ему временно поручена эта часть прокурорскаго вѣдомства за отсутствіемъ вѣдающаго ее фонъ-Мёрса. Обвиненный явился лично въ сопровожденіи адвоката, юстиціи совѣтника Гольтгофа. Собралось много слушателей, литературныхъ и политическихъ друзей обвиненнаго, его родственниковъ, членовъ ремесленнаго союза Ораніенбургскаго пред-

мѣстья и чиновниковъ суда; по тѣснотѣ помѣщенія, отведеннаго для слушателей, многіе изъ нихъ слушали дѣло изъ открытой комнаты судей. Прокуроръ фонъ-Шеллингъ по временамъ являлся въ залу въ качествѣ слушателя и садился возлѣ своего товарища, который велъ обвиненіе.

Зала низка, безъ вентиляціи, такъ что въ ней дѣлается нестерпимо душно; окна, завѣшанныя темными занавѣсами, пропускаютъ очень мало свѣта. Старые стѣнные часы пронзительнымъ боемъ возвѣщаютъ время. Всѣ эти подробности, быть можетъ, нелишены интереса, какъ дополненіе картины процесса.

Передъ самымъ открытіемъ дѣла обвиняемый обратился къ суду съ просьбой дозволить ему занять мѣсто возлѣ своего адвоката, за столомъ защиты, говоря, что не можетъ удобно расположить всѣхъ нужныхъ ему книгъ и рукописей на узкой оградѣ передъ обвинительной скамьей.

Президентъ сначала коротко и рѣшительно отвергъ эту просьбу, признавъ совершенно невозможнымъ исполнить ее.

Обвиняемый настаивалъ на ней и требовалъ, чтобы ему поставили по крайней мѣрѣ на обвинительную скамью столъ для помѣщенія книгъ и документовъ; онъ говорилъ, что препятствовать ему помѣщеніемъ на обвинительной скамьѣ наводить нужныя справки значитъ физически нарушать необходимую свободу и равенство защиты въ виду гораздо выгоднѣйшей обстановки обвинителя.

Президентъ обратился съ вопросомъ къ прокурору. Прокуроръ кратко и вѣрно замѣтилъ ему, что желаніе обвиненнаго имѣетъ въ виду внѣшній распорядокъ, подлежащій единственно благоусмотрѣнію суда. Президентъ чуть слышно произнесъ, если не ошибаемся: «Судъ ничего противъ этого не имѣетъ.» И обвиняемый сѣлъ подлѣ своего защитника.

(Присутствующіе замѣтили впослѣдствіи, что въ другихъ случаяхъ, напр. въ процессѣ редактора Шаривари, Гелъда, въ той же залѣ, подобныя просьбы обвиняемыхъ принимались безъ всякихъ возраженій.)

Затѣмъ послѣдовало законное установленіе тожества обвиненнаго:

Президентъ. «Обвиняется частное лицо Фердинандъ Лассаль, жительствующій въ Берлинѣ, родившійся въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 г., еврейскаго вѣроисповѣданія.»

Обвиняемый подтверждаетъ это.

Президентъ. Были Вы наказаны? Именно, были Вы наказаны шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ по приговору 5 іюля 1849 г. королевскаго дюссельдорфскаго земскаго суда за возбужденіе гражданской стражи къ насильственному до кровопролитія сопротивленію ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника въ отношеніи его служебныхъ обязанностей?

Обвиняемый. Г. президентъ! Вы вспоминаете о славной ранѣ, которую я получилъ, служа свободѣ отечества...

(Прокуроръ встаетъ, громко протестуя; въ тоже время поспѣшно прерывая):

Президентъ. Я не могу допустить подобныхъ выраженій со стороны обвиняемаго.

Обвиняемый. Г. Президентъ! Если мнѣ ставятъ теперь въ укоръ прежнее наказаніе, то надо же мнѣ попытаться объяснить его, а объяснять его я могу только по-своему. Позвольте же досказать, а потомъ судите, умѣстно ли мое выраженіе! Дѣйствительно, Вы упомянули о славной ранѣ, которую я...

(Обвиняемый тщетно старается договорить. Прокуроръ и президентъ одновременно прерываютъ его.)

Президентъ. Вопросъ здѣсь просто только въ фактѣ, были ли Вы наказаны по подобному приговору?

Обвиняемый. Отвѣчать лишнее, потому что Вы сами прерываете отвѣтъ, который я считаю нужнымъ дать и который едва успѣлъ только начать.

(Садится.)

Прокуроръ. Прошу принять фактъ прежняго наказанія признаннымъ in contumaciam.

Судъ принимаетъ предложеніе.

Президентъ. Теперь Вы обвиняетесь въ томъ, что подвергли опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти. — Г. прокуроръ прочтетъ обвиненіе.

(Прокуроръ встаетъ, отходитъ къ окну насупротивъ своего мѣста и, очевидно пользуясь лучшимъ освѣщеніемъ у окна, читаетъ слѣдующее:)

ОБВИНЕНІЕ

ПРОКУРОРА ПРИ КОРОЛЕВСКОМЪ БЕРЛИНСКОМЪ ГОРОДСКОМЪ СУДѢ

ПРОТИВЪ ЧАСТНАГО ЛИЦА

Фердинанда Лассаля

жительствующаго въ улицѣ Бельвю, № 13, родившагося въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 г.. еврейскаго вѣроисповѣданія, уже подвергавшагося наказанію шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ по приговору 5 іюля 1849 г. королевскаго дюссельдорфскаго земскаго суда за возбужденіе гражданской стражи къ насильственному до кровопролитія сопротивленію ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника въ отношеніи его служебныхъ обязанностей,

ВЪ ТОМЪ, ЧТО

подвергъ опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти.

Обвиняемый сознался, что 12 апрѣля 1862 г. говорилъ въ Берлинскомъ ремесленномъ союзѣ Ораніенбургскаго предмѣстья рѣчь объ особенной связи

современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія, и потомъ напечаталъ эту рѣчь, совершенно въ томъ видѣ, какъ говорилъ, въ типографіи Нёринга въ числѣ 3000 экземпляровъ. Главныя мысли этой рѣчи слѣдующія:

Подобно тому, какъ въ средніе вѣка господствовали одно сословіе и одинъ элементъ, а именно, дворянство и его землевладѣніе, такъ теперь, со времени французской революціи, доставившей господство буржуазіи, элементъ этого сословія, гражданское имущество, капиталъ, сдѣлался господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій. Буржуазія подчинила народъ своему привилегированному политическому владычеству. Она постаралась взвалить бремя расходовъ по охраненію общественнаго благосостоянія на угнетенные, неимущіе классы.

Правда, она не могла открыто объявить, что хочетъ быть освобождена отъ налоговъ, но достигла этого хитростью, установивъ различіе между прямыми и косвенными налогами. Послѣдніе платятся несравненно большею частью неимущими, бѣднѣйшими классами націи. Правда, не буржуазія изобрѣла эти косвенные налоги, но она развила ихъ въ неслыханную прежде систему и взвалила на нихъ почти всю тяжесть государственныхъ расходовъ. Косвенные налоги представляютъ учрежденіе, которымъ буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и взваливаетъ государственные расходы на бѣднѣйшіе классы общества. Зато мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, а съ нимъ и права политической власти, сдѣланы прямые налоги, которые изъ 108 милліоновъ общаго расхода Прусскаго государства доставляютъ только 12 милліоновъ.

Что буржуазія презираетъ всѣхъ, неимѣющихъ гражданскаго имущества, какъ бы и въ чемъ бы они ни работали, — есть будтобы фактъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчающійся работникамъ въ ежедневной жизни. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ владычество своей особенной привилегіи и элемента даже гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ поступало въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ. Однако періодъ, имѣющій принципомъ крупное гражданское имущество или капиталъ и обращающій его въ привилегію, внутренно, повидимому, уже истекъ, потому что съ февральской революціей 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода, въ которомъ 4-е сословіе хочетъ возвысить свой принципъ на степень господствующаго въ обществѣ принципа и проникнуть имъ всѣ общественныя учрежденія. Это 4-е сословіе, рабочее сословіе, обездоленное сословіе общества, тожественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть поэтому дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его владычество — владычество всѣхъ. Кто, стало быть, провозглашаетъ идею рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, тотъ издаетъ возгласъ примиренія, уравненія всѣхъ противорѣчій въ общественныхъ слояхъ, возгласъ любви, который всегда останется истиннымъ лозунгомъ народа и по смыслу своему пребудетъ возгласомъ любви, даже когда грянетъ браннымъ кликомъ народа.

Формальное средство провести принципъ рабочаго сословія состоитъ въ общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Мысль сдѣлать принципъ нисшихъ классовъ общества господствующимъ принципомъ общества и государства знаменуетъ высшій прогрессъ и высшее торжество нравственности, какіе только извѣстны во всемірной исторіи. Безнравственность тѣмъ больше, чѣмъ выше сословіе, между тѣмъ какъ въ низшихъ классахъ всего меньше своекорыстія. Въ низшихъ классахъ общества, къ счастью ихъ, нѣтъ противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, тогда какъ это противорѣчіе вызываетъ высокую и необходимую безнравственность въ высшихъ классахъ, жизнь которыхъ ведетъ къ полной погибели всѣхъ нравственныхъ началъ въ людяхъ и къ всепоглощающей страсти своекорыстной выгоды и животныхъ наслажденій.

Правда, и въ нисшихъ классахъ также есть своекорыстіе, но тутъ оно—порокъ частныхъ лицъ, а не необходимый порокъ класса. Члены нисшихъ классовъ общества могутъ ожидать улучшенія своего положенія только отъ улучшенія положенія всего своего класса, и такимъ образомъ интересы ихъ совпадаютъ съ развитіемъ всего народа, съ жизненнымъ принципомъ исторіи развитія свободы; поэтому дѣло ихъ есть дѣло всего человѣчества. Это ставитъ работниковъ въ такое счастливое положеніе, что ихъ личный интересъ заставляетъ ихъ быть въ высшей степени воспріимчивыми къ идеѣ. Они находятся въ такомъ счастливомъ положеніи, что ихъ дѣйствительный личный интересъ какъ разъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ погоняющимъ жизненнымъ принципомъ нравственнаго развитія. Поэтому они могутъ предаваться историческому развитію съ личною страстью, въ увѣренности, что чѣмъ пылче и жаднѣе будетъ эта страсть въ ея чистомъ смыслѣ, въ какомъ она здѣсь объяснена, тѣмъ нравственнѣе они будутъ.

Еслибы поставить государство подъ владычество идеи рабочаго сословія, оно представило бы такое развитіе генія, счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, какого не было примѣра во всей всемірной исторіи.

Вотъ что слѣдуетъ назвать государственной идеей рабочаго сословія, его воззрѣніемъ на цѣль государства; это воззрѣніе также рѣзко отличается отъ соотвѣтствующаго взгляда буржуазіи, какъ принципъ рабочаго сословія—участіе всѣхъ въ опредѣленіи государственной воли или общее избирательное право,—отъ соотвѣтствующаго принципа буржуазіи—ценза.

Вотъ въ чемъ состоитъ связь современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія.

Этому періоду, открывшемуся съ февраля 1848 г., выпала на долю задача осуществить эту государственную идею, и работники могутъ поздравить себя, что живутъ въ эпоху этой славнѣйшей исторической работы, въ которой сами могутъ принять полезное участіе.

Но изъ этого для всѣхъ принадлежащихъ къ рабочему сословію вытекаетъ обязанность совершенно иначе держать себя. Ничто не можетъ придать сословію такого достоинства и такой глубокой нравственности, какъ сознаніе, что оно опредѣлено къ господству, призвано сдѣлать свой принципъ

принципомъ всего вѣка, свою идею—руководящею идеею всего общества и обратить его этимъ въ свое подобіе.

Работники должны предаться этой высоконравственной мысли съ страстною исключительностью; она должна наполнить собою ихъ духъ и сдѣлать достойною всю ихъ жизнь. Нравственная строгость ея должна всегда быть у нихъ въ виду. Чѣмъ исключительнѣе углубятся они въ нее, чѣмъ нераздѣльнѣе будетъ ихъ страсть къ ней, тѣмъ скорѣе нашъ современный историческій періодъ осуществитъ свою задачу, тѣмъ скорѣе она сбудется.

Хотя обвиняемый Лассаль придалъ себѣ въ этой брошюрѣ видъ научности, но тенденціи его совершенно практическія. Именно, представляя рабочее сословіе, обездоленное сословіе, какъ онъ его называетъ, единственно нравственнымъ элементомъ въ народѣ, призваннымъ притомъ февральской революціей 1848 г. къ господству, увѣряя работниковъ преувеличеннымъ и софистическимъ прославленіемъ ихъ, что они призваны господствовать, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ, что буржуазія до сихъ поръ правитъ на ихъ счетъ, да еще вдобавокъ презираетъ ихъ.

Чтобы доказать несправедливость этого господства, онъ указываетъ, что буржуазія почти не платитъ налоговъ и взваливаетъ государственные расходы на бѣднѣйшіе классы; онъ называетъ жизнь высшихъ сословій безнравственною и посвященною исключительно религіи барыша и наслажденія.

Этими изображеніями и неоднократными указаніями на предстоящую будто бы соціальную революцію работники, очевидно, возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы подстрекаются противъ имущихъ, чѣмъ подвергается опасности общественное спокойствіе, именно потому, что въ этомъ заключается и прямое воззваніе—преслѣдовать цѣль господства рабочихъ классовъ надъ другими классами общества съ самой пылкой и всепожирающей страстью.

Поэтому рѣчь и напечатанная по заказу обвиняемаго брошюра составляютъ нарушеніе § 100 уголовнаго уложенія.

Обвиняемый сознался судебнымъ порядкомъ, что произнесъ эту рѣчь 12 апрѣля 1862 г. въ Берлинскомъ ремесленномъ союзѣ Ораніенбургскаго предмѣстья. Типографъ Нёрингъ прислалъ обвиняемому 50 экземпляровъ брошюры, содержащей эту рѣчь, но при обыскѣ, произведенномъ 28 іюня 1862 г. въ квартирѣ обвиняемаго уголовнымъ коммиссаромъ Пикомъ, у обвиняемаго не нашлось уже ни одного экземпляра, изъ чего можно съ достовѣрностью заключить, что обвиняемый Лассаль распространилъ эти 50 экземпляровъ, и потому здѣсь имѣется обнародованіе брошюры въ смыслѣ § 33 законовъ о печати.

Притомъ обвиняемый судебнымъ порядкомъ призналъ, что распространилъ сказанную брошюру, хотя съ оговоркой, что дѣлаетъ это признаніе только для сокращенія процедуры.

Посему частное лицо Фердинандъ Лассаль обвиняется:

въ Берлинѣ въ 1862 году

1) Рѣчью своею объ особенной связи современнаго историческаго періода

съ идеей рабочаго сословія, произнесенною 12 апрѣля въ собраніи Берлинскаго ремесленнаго союза Ораніенбургскаго предмѣстья, и

2) обнародованіемъ брошюры, содержащей эту рѣчь,—въ публичномъ возбужденіи неимущихъ классовъ подданныхъ государства къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ, чѣмъ подвергъ опасности общественное спокойствіе. — Проступокъ противъ §§ 100 и 56 уголовнаго свода.

Предлагается:

Открыть противъ обвиненнаго слѣдствіе по обвиненію въ томъ, что онъ подвергъ опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію, и пригласить для выслушанія какъ свидѣтелей обвиненія

1) Собственника типографіи Нёринга, Принцева улица, № 27, и

2) Уголовнаго коммиссара Пика.

Къ сему прилагаются протоколъ предварительнаго розыска и двѣ тетради предварительныхъ актовъ.

Берлинъ, 4 ноября 1862 г.

Прокуроръ

фонъ-Шеллингъ.

Заключеніе

Слѣдствіе открывается согласно обвиненію.

Берлинъ, 17 ноября 1862 г.

Королевскій городской судъ,
Отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ,
Депутація IV для проступковъ.

Подпис. Пильхенъ, Колькъ, фонъ-Вульфенъ.

Президентъ. Обвиняемый! Признаете ли Вы, что въ апрѣлѣ прошлаго года говорили въ Берлинскомъ ремесленномъ союзѣ Ораніенбургскаго предмѣстья рѣчь объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія?

Обвиняемый. Да!

Президентъ. Была эта рѣчь произнесена въ томъ самомъ видѣ, какъ напечатана въ брошюрѣ, вышедшей изданіемъ и печатаніемъ у Карла Нёринга въ Берлинѣ, 1862 года?

Обвиняемый. Совершенно слово въ слово такъ.

Президентъ. По рукописи, переданной Вами Нёрингу для напечатанія?

Обвиняемый. Конечно!

Президентъ. Сколько экземпляровъ напечатано?

Обвиняемый. Я заказалъ три тысячи.

Президентъ. И Вы знаете, что Нёрингъ три тысячи и напечаталъ?

Обвиняемый. По крайней мѣрѣ онъ такъ сказалъ мнѣ, и я не имѣю причины сомнѣваться.

Президентъ. Поручали ли Вы также Нёрингу выпускать брошюру въ свѣтъ?

Обвиняемый. Я потребовалъ у него 50 экземпляровъ и получилъ.

Президентъ. Содѣйствовали ли сами Вы распространенію и обнародованію?

Обвиняемый. Я ничего не скажу, кромѣ того, что получилъ эти 50 экземпляровъ, и предоставляю прокурорскому надзору доказать мнѣ, что я дѣйствительно совершилъ фактъ распространенія.

Президентъ. Ваше нынѣшнее показаніе отличается въ этомъ случаѣ отъ прежняго.

Обвиняемый. Нѣтъ, г. президентъ! Я не хотѣлъ только прежде спорить о томъ, составляетъ ли простое напечатаніе сочиненія его обнародованіе въ смыслѣ закона. И теперь, какъ и прежде, я предоставляю этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе судей.

Президентъ. Въ актахъ предварительнаго слѣдствія объ этомъ есть два отзыва; одинъ въ протоколѣ уголовнаго коммиссара Пика о первомъ Вашемъ допросѣ. Тамъ прямо сказано *(читаетъ)*: что Вы для сокращенія процедуры согласны признать, что распространеніе брошюры «въ смыслѣ закона» было. Потомъ при Вашемъ отвѣтственномъ допросѣ 3 октября прошлаго года Вы сказали: «Чтобы содѣйствовать скорѣйшему рѣшенію дѣла о пріостановленіи книги, я нынѣ объявляю, что признаю за собой обнародованіе ея, но не иду далѣе судебнаго признанія въ томъ, что обнародованіе точно было.»

Обвиняемый. Изъ этихъ отзывовъ Вы видите, г. президентъ, что я согласенъ былъ дать только судебное признаніе, но фактовъ отнюдь не допускалъ.

Президентъ. Признаете ли Вы—я долженъ спросить Васъ объ этомъ, потому что это обстоятельство указано въ обвиненіи—признаете ли Вы, что когда, послѣ первыхъ Вашихъ показаній уголовному коммиссару Пику, въ Вашей квартирѣ былъ сдѣланъ по требованію прокурорскаго надзора домашній обыскъ, тамъ не нашлось ни одного экземпляра брошюры?

Обвиняемый. Да!

Президентъ. Вы протестовали противъ этого обыска...

Обвиняемый. Разумѣется!

Президентъ... объявили к. Пику и впослѣдствіи повторяли, что изъ этого противъ Васъ ничего не могутъ вывести,—ссылаясь на законоположенія, дозволяющія Вамъ имѣть у себя свое сочиненіе въ какой угодно формѣ?

Обвиняемый. Совершенно справедливо.

Президентъ. Такъ какъ фактическіе предварительные вопросы для свѣдѣнія прокурорскаго надзора сдѣланы, то теперь остается только спросить. потребуетъ ли прокурорскій надзоръ или обвиняемый или защита, чтобы было приступлено къ чтенію брошюры? Я съ своей стороны могу удостовѣ-

рить, что гг. члены суда за нѣсколько недѣль получили по экземпляру изъ числа лежащихъ здѣсь и объявили, что прочли брошюру неоднократно и съ полнымъ вниманіемъ.

Обвиняемый. Что касается меня, г. президентъ, то, дорожа драгоцѣннымъ временемъ суда, я отказываюсь отъ прочтенія брошюры. Моя защита и безъ того будетъ некоротка. А при удостовѣреніи, которое судъ только-что далъ мнѣ, мнѣ нѣтъ никакой надобности просить о прочтеніи брошюры.

Прокуроръ. Присоединяюсь къ заявленію обвиняемаго и съ своей стороны отказываюсь отъ прочтенія брошюры.

Президентъ. Въ такомъ случаѣ слово за г. прокуроромъ.

Прокуроръ. Полагаю, что могу быть краткимъ, потому что сущность содержанія брошюры уже изложена въ обвинительномъ актѣ.

Обвиняемый предпосылаетъ своей рѣчи замѣчаніе, что намѣренъ обработать свою тему въ чисто научной формѣ и строго научнымъ образомъ. Уже въ обвинительномъ актѣ на это замѣчаніе сдѣлано возраженіе, что и въ рѣчи, и въ брошюрѣ обвиняемый выказалъ мало научности, что въ брошюрѣ, напротивъ того, заключаются софизмы и односторонніе, ложныя изображенія. Но я нахожу нужнымъ подробнѣе разобрать причины, по которымъ обвиняемый избралъ эту научную форму.

Имъ руководили тутъ три причины: вопервыхъ, намѣреніе обмануть полицейскихъ чиновниковъ, бдящихъ въ этихъ собраніяхъ ремесленнаго союза. Это намѣреніе было вполнѣ достигнуто, обвиняемый могъ договорить свою рѣчь до конца. *(Удивленіе въ публикѣ.)*

Второе намѣреніе было: приготовить себѣ оправданіе здѣсь, на обвинительной скамьѣ. Это я могу вполнѣ предоставить защитѣ и сужденію высокой коллегіи.

Третья причина—и важнѣйшая!—почему обвиняемый избралъ эту quasi-научную форму, заключается въ томъ, что онъ хотѣлъ придать въ глазахъ работниковъ, которымъ говорилъ, особенное значеніе своей главной мысли, тому, что̀ главнымъ образомъ хотѣлъ внушить имъ своею рѣчью; онъ хотѣлъ особенно заинтересовать работниковъ и привлечь ихъ къ своимъ внушеніямъ посредствомъ облеченія этихъ внушеній во множество ученыхъ, мнимо ученыхъ, статистическихъ, историческихъ данныхъ; хотя эти данныя вообще совершенно непонятны работникамъ, хотя рабочее сословіе совершенно не въ состояніи провѣрить ихъ, но онъ, основываясь на ежедневномъ опытѣ, полагалъ, что эти данныя тѣмъ сильнѣе подѣйствуютъ на нихъ.

Съ этой третьей причиной находится преимущественно въ связи то, что̀ мнѣ надо еще сказать въ дополненіе обвиненія. Главное содержаніе брошюры состоитъ въ проведеніи параллели между порядкомъ, предшествовавшимъ французской революціи,—этотъ періодъ, замѣтимъ мимоходомъ, простирается у него съ 1524 до 1794!—и современнымъ порядкомъ. Обвиняемый старается доказать, что положеніе дѣлъ передъ французской революціей было совершенно таково же, какъ современное. Другими словами: онъ желаетъ доказать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высказываетъ это прямо, что въ настоя-

щее время мы опять находимся въ революціонномъ положеніи. Какъ передъ революціей третье сословіе, капиталъ или буржуазія, постепенно достигало власти, исторгая ее изъ рукъ дворянства и духовенства, основывавшихъ свое владычество на землевладѣніи, такъ теперь рабочее сословіе фактически уже владѣетъ властью, но по праву еще нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи, чтобы доказать, что подобная параллель съ цѣлями, очевидно, практическими, а не теоретическими и научными, дѣйствительно проводится, я нахожу нужнымъ сослаться на два мѣста, которыя показались мнѣ особенно замѣчательными. Вопервыхъ, обвиняемый говоритъ (на стр. 3—5) о крестьянскомъ возстаніи, что оно было не революціоннымъ знаменіемъ, какъ до сихъ поръ понимала его исторія, а, напротивъ, реакціоннымъ. Крестьяне распространили и на себя присущую среднимъ вѣкамъ теорію землевладѣнія, и въ смыслѣ этой теоріи возстали противъ дворянства и духовенства, желавшихъ исключительно владѣть землею. Потомъ обвиняемый ставитъ въ параллель этому современный порядокъ, прямо указываетъ на франкфуртское собраніе и представляетъ его символомъ реакціи третьяго сословія противъ фактически уже существующаго и все болѣе и болѣе выясняющагося владычества четвертаго сословія. Онъ говоритъ *(читаетъ)*:

«Наконецъ, втретьихъ, потому, что во всѣ времена часто повторяется зрѣлище страшной ошибки темныхъ умовъ, которые принимаютъ послѣдовательнѣйшее и чистѣйшее выраженіе идеи преходящаго періода и порядка за новый революціонный принципъ; и ошибка эта, господа, преимущественно свойственна самымъ, повидимому, просвѣщеннымъ людямъ, профессорамъ, какъ доказало франкфуртское собраніе прискорбной памяти.»

Въ другомъ мѣстѣ параллель дополняется и прямо употребляется это самое слово (стр. 16) *(читаетъ)*:

«Возвратимся къ главному предмету. Мы показали и покажемъ еще, что буржуазія, достигнувъ французскою революціею господства, сдѣлала свой элементъ, гражданское имущество, господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій; что буржуазія, поступая совершенно такъ же, какъ въ средніе вѣка духовенство и дворянство поступали съ землевладѣніемъ, наложила господствующій и исключительный отпечатокъ своего особеннаго принципа, гражданскаго имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи на всѣ учрежденія общества. Такимъ образомъ параллель между дворянствомъ и буржуазіей оказывается полная.»

Если я правъ, утверждая, что обвиняемый имѣлъ намѣреніе провести параллель между дореволюціоннымъ временемъ и настоящимъ, то, полагаю, онъ не станетъ противорѣчить мнѣ и въ томъ, что въ своей рѣчи онъ рѣзкими красками изобразилъ порочность дореволюціоннаго порядка, показывая, что таковъ же и современный. Онъ указалъ на монополію, которой духовенство и дворянство пользовались въ средніе вѣка, чтобы владычествовать надъ прочими сословіями; онъ указалъ, что духовенство и дворянство совершенно господствовали надъ государственнымъ строемъ, что о представительствѣ третьяго сословія не было и помина и что его создала только французская революція.

Это отчасти совершенно исторически вѣрно, не должно и не можетъ быть оспариваемо.

Но въ параллель этому обвиняемый ставитъ современную буржуазію! Онъ говоритъ (стр. 15), и это служитъ подтвержденіемъ обвиненія, что буржуазія овладѣла притомъ господствомъ не честно, откровенно, а ухищренно, что она достигла этого посредствомъ избирательной системы. Здѣсь обвиняемый приводитъ рядъ чиселъ; но я не стану разбирать, вѣрны они или нѣтъ; для меня это все равно, потому что вся теорія обвиняемаго очевидно основана на софизмѣ. Исходное положеніе его состоитъ въ томъ, будто всѣ граждане государства должны имѣть равное участіе въ пользованіи правами, которыя доставляетъ государственный союзъ. Онъ забываетъ, что повинности государственной жизни распредѣляются далеко неравномѣрно и что степень участія въ правахъ должна соотвѣтствовать степени участія въ повинностяхъ. Это находится въ связи со вторымъ пунктомъ параллели. Онъ указываетъ, что до французской революціи дворянство и духовенство были изъяты отъ платежа повинностей — фактъ, который мы также допустимъ и не будемъ оспаривать. Потомъ онъ начинаетъ говорить о современномъ порядкѣ и утверждаетъ, что теперь буржуазія старается освободить себя отъ налоговъ, опять прибавляя, что и тутъ она поступаетъ не честно, какъ дворянство и духовенство, которыя открыто говорили, что даютъ государству свои шпаги и молитвы и потому не должны давать ему денегъ. Буржуазія дѣйствуетъ коварно, ухищренно, взваливая на народъ бремя государственныхъ расходовъ посредствомъ косвенныхъ налоговъ.

Я и тутъ не буду разбирать, справедливы ли цифры, приводимыя обвиняемымъ, потому что дѣло не въ цифрахъ, а въ софистическомъ пользованіи ими. Обвиняемый говоритъ, что государство расходуетъ ежегодно около 108 милліоновъ талеровъ налоговъ (въ 1855 году), изъ коихъ около 12 милліоновъ доставляется прямыми налогами, а остальныя 96 милліоновъ косвенными, хотя изобрѣтенными не буржуазіей, но возведенными ею въ неслыханную систему. Эти налоги, заключаетъ онъ далѣе, падаютъ исключительно на низшій народъ †). Буржуазія, говоритъ онъ (стр. 18), почти ничего не вноситъ на государственныя надобности. Вотъ его подлинныя слова:

«Замѣтьте, господа, оригинальное противорѣчіе и оригинальную справедливость этого образа дѣйствій, гдѣ всѣ государственныя потребности взваливаются на счетъ косвенныхъ налоговъ, т. е. бѣднаго народа, мѣриломъ же и условіемъ избирательнаго права, а съ нимъ и политической власти ставятся прямые налоги, доставляющіе на государственныя потребности изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю 12 милліоновъ!»

Я полагаю, что слушатели обвиняемаго не могли понять этого иначе, какъ буквально, въ томъ смыслѣ, какъ еслибы онъ сказалъ имъ такъ: По-

---

†) Прокуроръ невѣрно передаетъ слова обвиняемаго о косвенныхъ налогахъ. Ср. стр. 17 этого тома.

смотрите, народъ четвертаго обездоленнаго сословія одинъ несетъ на своихъ плечахъ все бремя 96 милліоновъ косвенныхъ налоговъ!! — Правда, обвиняемый говоритъ, что косвенные налоги потому несправедливы, что основаны на невѣрномъ принципѣ, будто два лица съ равными потребностями должны платить равные налоги, хотя бы одно имѣло больше дохода, чѣмъ другое. «Вы понимаете, — говоритъ онъ (стр. 17), что если одинъ богаче другаго въ 20, 50, 100 разъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ потреблялъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, выпивалъ въ 50, 100 разъ больше пива и вина, имѣлъ въ 50, 100 разъ больше потребности въ теплѣ, а слѣдовательно и въ топливѣ, чѣмъ работникъ или мѣщанинъ.»

И тутъ все только одни софизмы. Разумѣется, богатому нужно больше соли, хлѣба, мяса, топлива — предметовъ, которые притомъ теперь рѣдко гдѣ обложены податями, каковы, мучная пошлина, убойная и т. п. Богатому нужно этихъ предметовъ больше потому, что онъ кормитъ много людей, именно изъ низшихъ классовъ, частью за своимъ столомъ, частью наемной платой, размѣръ которой опредѣляется тѣмъ же отношеніемъ. Притомъ, обвиняемый намѣренно забываетъ, что косвенные налоги лежатъ нетолько на соли, мясѣ, хлѣбѣ и топливѣ, подъ которымъ онъ, вѣроятно, разумѣетъ каменный уголь, но и на другихъ предметахъ и преимущественно на предметахъ роскоши. Налоги на эти предметы, напр. на шолкъ и даже на сахаръ, не касаются бѣдныхъ. Точно также бѣдному рѣдко приходится платить за штемпеля, именно, высокіе, и такимъ образомъ и этотъ налогъ— тоже косвенный! — не касается его.

Полагаю, что въ этомъ отношеніи софистика обвиняемаго слишкомъ очевидна и что подобная рѣчь къ работникамъ представляетъ неслыханнѣйшее возбужденіе слушателей къ нарушенію общественнаго спокойствія!

Перейду къ послѣднему пункту параллели. Указавъ (стр. 6), какъ презирало дворянство прочія сословія, онъ потомъ послѣдовательнѣйшимъ образомъ довершаетъ параллель, утверждая (стр. 16—17), что теперь буржуазія точно также презираетъ рабочее сословіе; мало того, что теперь противоположность между богатствомъ и бѣдностью еще чувствительнѣе, чѣмъ прежній контрастъ между могуществомъ и ничтожествомъ средневѣковыхъ сословій. Я полагаю, что такія слова, какъ на стр. 18:

«Къ сожалѣнію, вамъ слишкомъ часто приходится испытывать въ ежедневной жизни, съ какимъ общественнымъ презрѣніемъ относятся къ тѣмъ, кто не имѣетъ за собой гражданскаго имущества, какъ бы и въ чемъ бы онъ ни работалъ.»

Полагаю, что подобная фраза, совершенно доступная и понятная слушателямъ обвиняемаго, тогда какъ все прочее оставалось для нихъ загадкой, полагаю, что она была способна возбудить смуту.

Мнѣ могутъ возразить юридическимъ доводомъ, что все это не относится ни къ какому осязательно опредѣленному классу. Но я скажу на это, что обвиненный самъ положительно опредѣлилъ, къ какому классу должно это

относиться. Онъ возбуждалъ третій классъ общинныхъ избирателей противъ перваго, какъ неимущихъ противъ первоклассниковъ, которыхъ онъ называетъ клеймящимъ именемъ «богатыхъ».

Я полагаю, что виновность обвиняемаго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Предоставляя себѣ опредѣлить степень наказанія, которому, по моему мнѣнію, онъ подлежитъ, по выслушаніи его защиты, я замѣчу еще въ-заключеніе, что не хочу возражать на гимнъ четвертому сословію, воспѣтый на послѣдней страницѣ брошюры, не хочу потому, что нахожу достаточнымъ ограничиться одной практической стороной рѣчи.

Президентъ. Слово за обвиняемымъ.

(Обвиняемый началъ свою защитительную рѣчь въ $9^3/_4$ часовъ утра. Около 12 часовъ судъ далъ получасовой отдыхъ. Потомъ обвиняемый продолжалъ говорить до 3 часовъ. Во время его рѣчи произошли слѣдующіе перерывы и препирательства, которыя мы сообщаемъ по стенографическимъ запискамъ.)

Въ самомъ началѣ рѣчи (стр. 29), послѣ словъ обвиняемаго: «Оно (обвиненіе) нарушаетъ нетолько обыкновенные законы, но составляетъ...»

(Прокуроръ встаетъ, протестуя.)

Президентъ. Прерываю обвиняемаго, замѣчая ему, что онъ позволяетъ себѣ дѣлать совершенно неумѣстные упреки королевскому прокурорскому надзору. Такъ нельзя говорить!

Обвиняемый. Мнѣ надо сослаться на законъ, г. президентъ, на статью конституціоннаго акта.

Президентъ. Въ такомъ случаѣ все-таки совѣтую обвиняемому выражаться иначе.

Обвиняемый. Не хочу перечить суду. Но, г. президентъ, одно изъ двухъ: обвиненіе или вѣрно примѣняетъ законъ, или нарушаетъ его. Что же, г. президентъ? Вы требуете отъ меня, чтобы я утверждалъ, что прокуроръ вѣрно примѣняетъ законъ?! *(Волненіе въ публикѣ.)*

Президентъ. Дѣло въ томъ, что Вы приписываете прокурору умышленное нарушеніе закона.

Обвиняемый. Это вопросъ другой. До сихъ поръ я не говорилъ объ умышленномъ нарушеніи.

Президентъ. Прошу продолжать.

Обвиняемый *(повторяя)*. Итакъ, я говорю, что обвиненіе нетолько нарушаетъ обыкновенные законы, но составляетъ рѣшительное нарушеніе конституціи... *(Прокуроръ и президентъ снова прерываютъ обвиняемаго.)*

Президентъ. Лишаю обвиняемаго слова. Судъ рѣшитъ, можно ли продолжать слушать его.

Обвиняемый. Позвольте, гг. президентъ и совѣтники! Мнѣ необходимо высказать это, если я считаю это обстоятельство существенно важнымъ. Что станется съ защитой, если не позволять обвиняемому самостоятельно и рѣшительно высказывать свое мнѣніе объ этомъ?!

(Волненіе. Судъ, не удаляясь изъ камеры, приступаетъ къ непродолжительному совѣщанію. Замѣтно, что совѣтники киваютъ президенту.)

Президентъ. Судъ находитъ, что обвиняемый въ формѣ и способѣ защиты заходитъ слишкомъ далеко и что ему нельзя дозволить продолжать въ подобной формѣ и способѣ; если обвиняемый будетъ продолжать выражаться такимъ образомъ, судъ лишитъ его слова.

Обвиняемый. Если я потерплю отъ нарушенія конституціи...

Президентъ. Да это вовсе не относится къ дѣлу! Обвиняемому слѣдуетъ отвѣчать на сдѣланный ему опредѣленный упрекъ, т. е. въ настоящемъ случаѣ отвѣтить, подвергъ ли онъ общественное спокойствіе опасности поступкомъ, въ которомъ его обвиняютъ, или нѣтъ. Причемъ тутъ нарушеніе конституціи?

Обвиняемый. Напротивъ того, г. президентъ, я именно утверждаю — дайте мнѣ только договорить хотя нѣсколько словъ; Вы увидите, что это очень идетъ къ дѣлу! — что меня совершенно невозможно обвинять въ этомъ поступкѣ, потому что я огражденъ въ этомъ случаѣ прежде всего конституціей, огражденъ вполнѣ ею одною. Вѣдь не могу же я заранѣе знать, какое соображеніе одно достаточно для моего оправданія, а какое излишне! Вѣдь долженъ же я быть свободенъ развивать по своему усмотрѣнію мысли и положенія моей защиты; въ противномъ случаѣ я лучше замолчу и буду, сложа руки, ждать своей участи!

(Обвиняемый садится. Сильное волненіе въ публикѣ.)

Защитникъ. Я того мнѣнія, что обвиняемый вправѣ сказать въ свою защиту, что его ограждаетъ конституція и что пренебреженіе къ этому огражденію нарушаетъ конституцію.

Президентъ. Конечно, вправѣ!

Обвиняемый *(поспѣшно вставая)*. Стало быть, мы сговорились, и прошу слушать меня.

(Ему не возражаютъ. Онъ продолжаетъ свою защитительную рѣчь.)

При словахъ (см. выше, стр. 38): «Я съ своей стороны обвиняю взведенное на меня обвиненіе въ томъ, что оно опозорило нынѣшнимъ днемъ Пруссію»...

Президентъ. Я принужденъ призвать Васъ за подобныя выраженія къ порядку. Прусскій судья не можетъ допустить такого рода защиты. Я лишу Васъ слова и передамъ его Вашему защитнику.

Обвиняемый. Вы не сдѣлаете этого, г. президентъ! Если Вы лишите меня слова, я уступлю насилію и удалюсь отсюда съ моимъ защитникомъ. Защита или будетъ свободна, или ея совсѣмъ не будетъ.

Прокуроръ. Прошу по крайней мѣрѣ занести эти выраженія въ протоколъ.

Обвиняемый *(продолжаетъ)*. При словахъ (см. выше, стр. 43): «Что же за чудовище учености этотъ прокуроръ»...

Президентъ *(когда прокуроръ встаетъ, чтобы протестовать, прерываетъ оратора)*: Въ согласіи съ судомъ въ послѣдній разъ призываю обвиняемаго къ порядку. Онъ грубо нарушаетъ его, называя прокурора прямо «чудовищемъ».

Защитникъ. Прошу посудить, можно ли такъ строго вмѣнять обвиняемому каждое слово, которое сорвется у него въ увлеченіи сознаніемъ своей невинности.

Президентъ. Чѣмъ больше убѣжденъ обвиняемый въ своей невинности и въ чистотѣ своего дѣла, тѣмъ меньше ему повода лично оскорблять г. прокурора.

Обвиняемый. Прошу позволить мнѣ объясниться...

Президентъ. Здѣсь не мѣсто для такихъ объясненій.

Обвиняемый. Я долженъ замѣтить, что мнѣ и въ голову не приходило оскорблять г. прокурора. Онъ имѣетъ полное право не подвергаться здѣсь оскорбленіямъ. Но на особенную пощаду онъ не имѣетъ права!

Прокуроръ. Я не прошу пощады. Но я требую, чтобы въ силу предъидущаго рѣшенія высокой коллегіи обвиняемый былъ лишенъ слова, потому что оскорбилъ прокурора. *(Краткая пауза. Судьи совѣщаются.)*

Президентъ. Судъ полагаетъ, что обвиняемый не хотѣлъ сказать, что прокуроръ дѣйствительно чудовище учености. Какъ ни неприлично кажется это выраженіе, судъ на этотъ разъ еще соглашается оставить слово за обвиняемымъ.

Обвиняемый. При словахъ: «Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ незнаніе прокурора?» (см. выше, стр. 60)

Прокуроръ *(торопливо прерывая)*. Г. Президентъ! Полагаю, что этого выраженія обвиняемаго достаточно, чтобы увѣнчать его выходки противъ прокурорскаго надзора. Предлагаю поэтому въ силу статьи 134 дополнительнаго закона 3 мая 1852 лишить обвиняемаго слова и удалить его изъ залы, если онъ будетъ продолжать отвѣчать. *(Волненіе.)*

Президентъ. Обвиняемый лишается слова, и потому никакихъ дальнѣйшихъ заявленій съ его стороны не допускается.

Обвиняемый *(съ живостью)*. Г. Президентъ! На это мнѣ надо заключеніе всего суда! Предлагаю постановить его и требую слова для оправданія этого предложенія.

Прокуроръ. Я долженъ протестовать противъ того, что обвиняемый продолжаетъ говорить послѣ того, какъ президентъ лишилъ его слова.

Обвиняемый. Вы смѣшиваете понятія. Я лишенъ слова au fond. Я потребовалъ на это рѣшенія суда, а судъ не можетъ постановить столь важнаго рѣшенія, не выслушавъ меня предварительно.

Президентъ. Обвиняемый можетъ говорить о томъ, слѣдуетъ ли лишить его слова.

Прокуроръ. Въ такомъ случаѣ прошу, чтобы по крайней мѣрѣ онъ не говорилъ ни о чемъ другомъ.

Обвиняемый. Успокойтесь, останусь на привязи.

Президентъ *(прокурору)*. Я вѣдь уже сказалъ, чтобы обвиняемый говорилъ только объ этомъ.

Обвиняемый. Г. Президентъ и господа совѣтники! Ставлю себя подъ защиту другой статьи, вмѣсто той, на которую ссылается прокуроръ, именно

статьи 108. *(Читаетъ:)* «Если защита обвиняемаго прерывается или существенно стѣсняется безъ достаточнаго основанія», то это составляетъ достаточную причину для кассаціи всей процедуры. Стало быть, теперь вопросъ только въ томъ: что разумѣть подъ недостаточнымъ основаніемъ для нарушенія защиты? Очевидно, достаточнаго основанія нѣтъ въ томъ случаѣ, если обвиняемый не нарушилъ никакимъ положительнымъ поступкомъ словесныхъ преній, каково бы ни было ихъ духовное содержаніе. Я не согласенъ даже, чтобы оскорбленіе прокурора какимъ-нибудь словеснымъ звукомъ могло служить достаточнымъ основаніемъ для нарушенія защиты. За это можно подвергнуть обвиняемаго особому преслѣдованію, но всякія предупредительныя мѣры поведутъ въ этомъ случаѣ къ нарушенію законной свободы защиты. Тѣмъ болѣе нѣтъ никакого основанія ставить обвиняемаго hors la loi за какое-нибудь сорвавшееся у него выраженіе. Я очень хорошо знаю исторію всѣхъ политическихъ процессовъ, и вся она, даже во времена величайшихъ волненій, не представляетъ примѣра, чтобы суды позволяли себѣ удалять обвиненныхъ отъ преній, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ они упорствомъ и буйствомъ дѣлали невозможнымъ разбирательство, какъ напр. въ буржскомъ процессѣ изъ дѣлъ парижской палаты перовъ. Было бы безпримѣрно и совершенно безосновательно и логически, и юридически, еслибы даже оскорбительная выходка противъ публичнаго обвинителя, вмѣсто того чтобы возбудить новое преслѣдованіе, была принята за поводъ лишить меня моихъ правъ въ этомъ дѣлѣ, пресѣчь мнѣ защиту въ немъ! Вовторыхъ, гг. президентъ и совѣтники, въ моемъ выраженіи нѣтъ ни малѣйшаго оскорбленія для прокурора. Законъ, повторяю, обязываетъ меня не оскорблять прокурора, и на это я согласенъ; но я намѣренъ держаться на этой крайней границѣ моихъ и его правъ; законъ не требуетъ отъ меня уваженія или почтенія къ прокурору. Стало быть, если я спрашиваю:

«Развѣ Я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ незнаніе прокурора?»

то какимъ образомъ эпитетъ, который я даю самому себѣ, можетъ служить оскорбленіемъ другому? *(Волненіе.)*

Попытаюсь еще лучше объяснить это суду. Позволю себѣ предложить способъ всегда рѣшать вопросъ, оскорбительно ли извѣстное выраженіе для прокурора или нѣтъ. Выраженіе только въ томъ случаѣ оскорбительно для прокурора, еслибы было оскорбительно и для каждаго частнаго человѣка, потому что прокуроръ не имѣетъ особенной, специфической чести, иной чести, кромѣ общегражданской. Правда, если оскорбленіе дѣйствительно существуетъ, то оно наказывается строже, когда относится къ должностному лицу по отношенію къ его служебнымъ обязанностямъ; но это—совершенно постороннее соображеніе. Теперь предположите, гг. судьи, что въ литературной полемикѣ я кому-нибудь сказалъ: «Развѣ я подставной болванъ, на которомъ вымещаютъ ваше незнаніе»?—и этотъ господинъ является въ судъ жаловаться на меня за оскорбленіе. Вѣдь Вы выпроводили бы его со смѣхомъ. Я утверждаю, что, предлагая удалить меня изъ залы... *(Волненіе.)*

....прокуроръ смѣшалъ почтеніе съ оскорбленіемъ!

(Краткая пауза; волненіе въ публикѣ. Судьи совѣщаются. Снова начинаетъ говорить)

Защитникъ. Господа! Убѣдительно прошу Васъ не стѣснять защиту подобнымъ образомъ. Я также ссылаюсь на содержаніе 134 статьи. Въ ней вовсе нѣтъ того, что, повидимому, находитъ въ ней г. прокуроръ; вотъ она *(читаетъ)*: «Если обвиняемый нарушаетъ судопроизводство непристойнымъ поведеніемъ...», то судъ долженъ удалить его. Господа судьи! Неужели Вы признаете непристойнымъ поведеніемъ въ смыслѣ закона со стороны обвиняемаго, если онъ въ глубокомъ душевномъ волненіи выразится, быть можетъ, нѣсколько рѣзко, скажетъ какое-нибудь жесткое слово, хотя бы даже впадетъ въ эту ошибку не разъ? Неужели Вы накажете его за это совершеннымъ удаленіемъ? Я нахожу неслыханнымъ, господа, поступать съ обвиненнымъ въ силу § 134, какъ съ грубымъ мужикомъ, который грубо нарушаетъ необходимый внѣшній порядокъ непристойнымъ поведеніемъ! Никто, конечно, не найдетъ въ поведеніи г. обвиняемаго ни малѣйшей тѣни чего-нибудь подобнаго. Я рѣшительно протестую поэтому противъ нарушенія защиты г. обвиняемаго. Основываясь на прежнемъ рѣшеніи, г. президентъ объявилъ теперь безъ всякихъ разсужденій, что обвиняемый лишается слова; но судъ не могъ постановить окончательнаго рѣшенія на случай, еще только ожидавшійся. Поэтому г. обвиняемый съ полнымъ правомъ требовалъ новаго рѣшенія высокаго суда, которое слѣдуетъ теперь постановить.

Президентъ. Судъ приступитъ къ совѣщанію и рѣшитъ.

(Краткая пауза. Сильное волненіе въ публикѣ. Судьи совѣщаются, не уходя. При словахъ президента наступаетъ напряженная тишина.)

Президентъ. Судъ призналъ въ неоднократныхъ оскорбленіяхъ обвиняемымъ прокурорскаго надзора и спеціально присутствующаго здѣсь г. прокурора, такъ какъ обвиняемый постоянно выражается прямо противъ прокурора,—непристойное поведеніе въ смыслѣ 134 статьи. Даже въ манерѣ говорить обвиняемаго было что-то непристойное. Поэтому надо было обратить вниманіе на 134 статью. Но, получивъ удостовѣреніе, что обвиняемый выразился не такъ, какъ мнѣ послышалось, потому что мнѣ показалось, будто онъ сказалъ, что прокуроръ есть юридическій болванъ...

(Оживленіе въ публикѣ)

...судъ *не* находитъ въ послѣдней фразѣ защиты новаго оскорбленія для г. прокурора. Поэтому судъ отказывается примѣнить къ этому случаю свое постановленіе, удерживаемое и теперь, о лишеніи обвиняемаго слова, и даетъ ему возможность продолжать, воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ оскорбленій.

При словахъ (см. выше, стр. 60): «Я такъ же не понимаю прокурора, какъ онъ меня. Въ Греціи называли βάρβαρος, варваромъ, человѣка, который не понималъ нашего языка и котораго мы не могли понять. Такимъ образомъ, прокуроръ и я, мы другъ для друга варвары.»

Прокуроръ *(встаетъ.)* Ну, теперь надо наконецъ лишить обвиняемаго слова!

(При этихъ словахъ въ публикѣ, которая до сихъ поръ при всемъ очевид-

номъ, иногда очень живомъ участіи къ дѣлу, ни разу не нарушила порядка, раздался, къ прискорбію, громкій смѣхъ, впрочемъ тотчасъ утихшій при угрозѣ президента удалить публику.)

На предложеніе прокурора не послѣдовало никакого рѣшенія; вѣроятно оно было забыто за усмиреніемъ публики, и обвиняемый безпрепятственно окончилъ свою рѣчь.

Защитникъ. Острая критика г. обвиняемаго открыла защитѣ свободное поле. Мнѣ даже жалко ослаблять своими дополненіями впечатлѣніе блестящей рѣчи, которую мы только-что прослушали. Но обвиненіе приводитъ два основанія — самую рѣчь и ея обнародованіе брошюрой. О послѣднемъ обстоятельствѣ обвиняемый ничего не сказалъ, и я нахожу очень понятнымъ, что онъ обошелъ его молчаніемъ. Но меня, его юридическаго защитника, слѣдовало бы подвергнуть упреку, еслибы я оставилъ безъ вниманія этотъ второй пунктъ обвиненія. Высокая коллегія навѣрно не согласится съ прокуроромъ, будто ненахожденіе при домовомъ обыскѣ у обвиняемаго 50 экземпляровъ брошюры, доставленныхъ ему типографомъ по собственному сознанію послѣдняго, служитъ доказательствомъ обнародованія и распространенія имъ своего сочиненія. На такое обвиненіе можно сказать только одно: значитъ, обыскивавшій чиновникъ плохо искалъ! Вѣдь мой кліентъ не былъ же обязанъ помогать ему въ поискахъ! Пусть обвиненіе представитъ доказательство, что распространеніе точно было. Предположенія здѣсь неумѣстны. Слѣдовательно, и эти соображенія очевидно доказываютъ невинность обвиняемаго.

Прокуроръ. Еще въ началѣ нынѣшнихъ преній я сказалъ, что обвиняемый безъ сомнѣнія не преминетъ воспользоваться научнымъ покровомъ, въ который онъ облекъ свою брошюру, для троякой цѣли. Двѣ стороны этой цѣли къ настоящему вопросу не относятся. Третья цѣль его quasi-научнаго изложенія, а именно, намѣреніе воспользоваться имъ на обвинительной скамьѣ, осуществилась совершенно согласно моему предсказанію. Онъ цѣлыхъ два часа доказывалъ Вамъ, что принципъ: наука и ея ученіе свободны,—долженъ служить защитой и ему за эту рѣчь, произнесенную въ ремесленномъ союзѣ.

На это я считаю достаточнымъ замѣтить обвиняемому просто, что во-первыхъ съ его стороны софизмъ—утверждать, будто изъ того, что онъ человѣкъ науки, что онъ денно и нощно занимается научными изысканіями, слѣдуетъ, что всякое его слово и дѣйствіе должны быть научны. *(Волненіе.)*

Полагаю, это ясно! Иначе остается утверждать, что ученый и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ, и отправляетъ прочія естественныя потребности все научнымъ образомъ! *(Выраженіе изумленія въ публикѣ.)*

Что касается другаго основанія его, а именно, что содержаніе рѣчи дѣйствительно научно, то я позволю себѣ обратить вниманіе на ненаучность способа доказательства этого основанія обвиняемымъ. Онъ нашелъ неудобнымъ возражать на мое утвержденіе, что рѣчь его содержитъ невѣрные факты. Напр., я указалъ, что онъ утверждаетъ въ своей рѣчи, будто буржуазія

взвалила все бремя налоговъ на народъ, развивъ до неслыханныхъ размѣровъ систему косвенныхъ налоговъ, существовавшую впрочемъ до нея. Не странно ли утверждать, что косвенные налоги платятся исключительно четвертымъ сословіемъ, бѣдными! Бѣднякъ фактически не въ состояніи нести такое бремя. Въ обширномъ смыслѣ четвертое сословіе совсѣмъ не платитъ налоговъ, потому что получаетъ обложенные косвенными налогами предметы отъ буржуазіи, какъ класса имущаго.

Это вполнѣ оправдываетъ мой упрекъ ему въ невѣрности представляемыхъ имъ фактовъ; еще основательнѣе упреки мои въ односторонности и въ недостаткѣ объективности въ немъ. Все это чуждо науки, какъ и запальчивость. Обвиняемый не допускаетъ никакого голоса, никакихъ мнѣній, кромѣ своихъ; для его идеи, почерпаемой имъ изъ исторіи, онъ находитъ неудобнымъ брать въ исторіи какой-либо иной отдѣлъ кромѣ среднихъ вѣковъ. Онъ намѣренно забываетъ, — я знаю, что это происходитъ не отъ недостатка познаній, — что до среднихъ вѣковъ протекъ цѣлый рядъ столѣтій, когда цвѣли исторія и философія. Онъ пропускаетъ эти столѣтія, а между тѣмъ представляетъ свои положенія выводами науки изъ всей исторіи. Онъ начинаетъ свою всемірную исторію съ среднихъ вѣковъ, но и средніе вѣка воспроизводитъ невполнѣ, именно пропускаетъ то, чему средніе вѣка учатъ насчетъ сословнаго быта. Притомъ обвиняемый исключительно ограничился Германіей и Франціей; о странѣ, не подходящей къ его воззрѣніямъ, Англіи, о ея могущественномъ дворянствѣ, о буржуазіи, которая есть идеалъ буржуазіи, проникнутой высокою идеей науки и являющейся виновницею общественнаго благосостоянія, умнаго индустріализма, онъ не говоритъ въ своей брошюрѣ ни слова, несмотря на общую моду вытаскивать на сцену все это, какъ скоро рѣчь заходитъ о политическихъ и соціальныхъ реформахъ. Полагаю поэтому, что сюда идетъ упрекъ въ односторонности. Это ненаучные критеріумы.

Наконецъ, считаю нужнымъ указать еще, что наука никогда не ругается. А между тѣмъ и прежняя и нынѣшняя рѣчи обвиняемаго доказываютъ, что онъ ругается. На стр. 25 мы находимъ такое мѣсто: «Согласно этой разницѣ, буржуазія понимаетъ нравственную цѣль государства такъ: она состоитъ исключительно и единственно въ охраненіи личной свободы и собственности индивидуума. Это идея будочническая.» *(Волненіе.)*

Полагаю, теперь достаточно доказано, что здѣсь нѣтъ и помина о научности и что обвиняемый имѣлъ въ виду только внушить ремесленникамъ, что́ ему было угодно.

Это приводитъ меня ко второй половинѣ защиты. Обвиняемый юридически разобралъ § 100 уголовнаго устава. Было бы толченіемъ воды съ моей стороны также пускаться въ юридическіе комментаріи этой статьи, которая и безъ того слишкомъ часто подвергалась оцѣнкѣ высокихъ судовъ. Однако, нахожу нужнымъ обратить вниманіе на два обстоятельства. Обвиняемый говоритъ, что хотѣлъ примирить работниковъ съ буржуазіей. Онъ находитъ это примиреніе въ томъ, что будто-бы ясно объяснилъ, въ чемъ состоятъ проти-

ворѣчія, что при помощи исторіи показалъ идею, по которой современемъ будетъ существовать только одно сословіе. Въ этомъ отношеніи я могу замѣтить только, что этого никакъ нельзя назвать примиреніемъ, а слѣдуетъ прямо признать возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію; чѣмъ иначе считать это воззваніе къ работникамъ съ указаніемъ имъ, что буржуазія презираетъ ихъ, что они ежедневно подвергаются этому презрѣнію, что они платятъ подати, тогда какъ буржуазія ухищренной системой освобождаетъ себя отъ повинностей?

Въ-заключеніе нахожу нужнымъ выставить на видъ еще одно увѣреніе обвиняемаго. Онъ утверждаетъ, что обвиненіе ложно приписываетъ ему прямое подстрекательство къ практическимъ результатамъ, къ революціи, — съ вилами, какъ онъ выражается. Я не хочу остаться у него въ долгу доказательства. Вотъ его слова на стр. 11:

«Изъ этого вы видите, господа, что какъ ни велики выгоды законнаго пути преобразованія, но онъ имѣетъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ большую невыгоду безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія; съ другой стороны, революціонный путь, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ невыгодахъ, имѣетъ то преимущество, что быстро и энергически ведетъ къ практической цѣли.»

Для уразумѣнія этихъ словъ надо прибавить, что обвиняемый ставитъ французской революціи въ упрекъ только то, что она слишкомъ долго продолжалась, что ей нуженъ былъ слишкомъ долгій періодъ 1524—1789 гг. для созрѣнія ея идей. До тѣхъ поръ довольствовались безсильными реформами. Въ Германіи идеи революціи и теперь еще не созрѣли, потому что здѣсь дѣйствовали только путемъ реформъ, значитъ, недостаточными средствами. Рекомендуя революціонный путь, несмотря на всѣ его невыгоды, онъ этимъ явно подстрекаетъ къ той самой революціи, которую сегодня самъ охарактеризовалъ вилами. Иначе нельзя объяснить всю эту связь мыслей, особенно параллель съ французскою революціею.

Обвиняемый рѣшительно нарушилъ § 100. Что касается фактическаго распространенія брошюры, я возражу защитнику, что обвиняемый положительно сознался въ этомъ. Теперь онъ взялъ назадъ свое сознаніе, но безъ всякаго основанія. Полагаю, стало быть, что виновность обвиняемаго доказана во всѣхъ отношеніяхъ, и, принимая въ соображеніе чрезвычайную страстность, выказанную имъ въ своей рѣчи, принимая въ соображеніе, что онъ уже подвергался наказанію, что также служитъ для его характеристики, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ это наказаніе славной раной за свободу, принимая въ соображеніе, что его нападки были очень опасны и что только благодаря здравому практическому смыслу нашего рабочаго населенія опасность эта миновала, я предлагаю подвергнуть обвиняемаго девятимѣсячному тюремному заключенію.

Обвиняемый. Я вынужденъ возразить прокурору на одно утвержденіе его, поразившее меня удивленіемъ, когда я его услыхалъ. Онъ утверждаетъ, что я привожу въ моей рѣчи невѣрные факты! Онъ увѣряетъ даже, что уличилъ меня въ одной подобной невѣрности! Изумленный, спрашиваю его:

въ какой?! Неправда, ни въ какой брошюрѣ, нигдѣ и никогда не стану я говорить чего-нибудь, что было бы мало-мальски невѣрно фактически. Что я говорю о косвенныхъ налогахъ? Я выставляю два факта и потомъ дѣлаю изъ нихъ выводъ. Вотъ эти факты *(читаетъ)*:

«Общій доходъ государства въ этомъ году простирался круглымъ счетомъ до 108,930,000 талеровъ. Отсюда надо исключить доходы съ доменъ и лѣсовъ, стало быть, изъ источниковъ, сюда не относящихся, — 11,967,000 талеровъ. Остается около 97 милліоновъ другихъ государственныхъ доходовъ. Изъ нихъ по классификаціи бюджета прямыми налогами доставляется около 26 милліоновъ.»

Цифры заимствованы совершенно точно изъ офиціальныхъ отчетовъ. Стало быть, объ этомъ пусть прокуроръ вѣдается съ министромъ финансовъ! Представляю суду печатный отчетъ за 1855 г. Далѣе я говорю:

«Но это невѣрно и только такъ кажется, потому что подраздѣленія бюджета основаны не на научныхъ принципахъ, а на внѣшнемъ способѣ взиманія налоговъ. Изъ этихъ 26 милліоновъ надо вычесть вопервыхъ 10 милліоновъ поземельной подати, которая хотя непосредственно взимается съ землевладѣльца, но складывается имъ на цѣну хлѣба, стало быть, уплачивается въ сущности потребителями хлѣба и потому составляетъ косвенный налогъ.»

Не станетъ ли прокуроръ утверждать, что это не косвенный налогъ? Я думаю, всякій знаетъ, какъ онъ складывается на цѣну хлѣба. Посмотрите объ этомъ у Рикардо, Мальтуса, у любаго англійскаго экономиста. Что называется косвеннымъ налогомъ? Во всей наукѣ — смотри любаго автора — косвеннымъ налогомъ называется тотъ, который не прямо ложится на доходъ лицъ, какъ таковой, а падаетъ на нихъ только посредствомъ ихъ особенныхъ потребностей. — Далѣе я говорю *(читаетъ)*:

«По той же причинѣ надо отчислить 2,900,000 талеровъ промысловой подати.

«Доходовъ дѣйствительно съ прямыхъ налоговъ остается только:

2,928,000 тал. классифицированнаго подоходнаго налога,
7,884,000 » классной подати и
2,036,000 » со вводовъ во владѣніе.

Итого 12,848,000 талеровъ.

«Стало быть, господа, изъ 97 милліоновъ государственныхъ доходовъ прямыми налогами доставляется въ дѣйствительности 12,800,000 талеровъ.»

Развѣ промышленникъ не складываетъ цѣну своего патента на цѣну продуктовъ? Чему мнѣ тутъ учить? Подобные факты подвергаются нападкамъ, какъ невѣрные! Бюджетъ руководствуется въ своей классификаціи лишь внѣшнимъ способомъ взиманія, да и не можетъ руководствоваться ничѣмъ инымъ. Получая подати прямо съ лицъ, онъ и называетъ ихъ прямыми, а всѣ остальныя для него косвенныя. Но это не научное основаніе, не коренной признакъ. Поземельная подать получается прямо съ лицъ, но они

сваливаютъ ее съ себя. Въ дѣйствительности-то ее платитъ потребитель; стало быть, въ дѣйствительности, это косвенный налогъ. Тоже и соляная монополія. Такъ какъ ее взимаетъ не сборщикъ податей и не таможенный чиновникъ, то бюджетъ заноситъ ее не въ число косвенныхъ налоговъ и даже вообще не въ число налоговъ, а въ особую рубрику: монополій. Но тѣмъ неменѣе она остается косвеннымъ налогомъ, и никто никогда не оспаривалъ этого.

Но гдѣ же я утверждалъ, что косвенные налоги платятся исключительно однимъ рабочимъ сословіемъ? Это была бы очевидная безсмыслица, потому что потребляетъ-то вѣдь каждый! Но что бѣдные платятъ несравненно большую часть ихъ, это я утверждаю и это болѣе 100 лѣтъ признано наукой. Вотъ мои слова *(читаетъ)*:

«Прямые налоги, господа, тѣ, которые взимаются съ дохода, какъ классифицированная подоходная подать или классный налогъ, и потому опредѣляются размѣромъ дохода и капитала. Косвенные же налоги тѣ, которые налагаются на какія-нибудь потребности, какъ напр. на соль, хлѣбъ, пиво, мясо, топливо, или напр. на потребность въ правовой защитѣ, судебные расходы, гербовая бумага и пр.; мы часто платимъ ихъ въ цѣнѣ продуктовъ, не зная и не замѣчая, что платимъ въ эту минуту подать, что цѣну вещи возвышаетъ налогъ.

«Но вы понимаете, господа, что если одинъ богаче другаго въ 20, 50, 100 разъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ потреблялъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, выпивалъ въ 50, 100 разъ больше пива и вина, имѣлъ въ 50, 100 разъ больше потребности въ шелкѣ, а слѣдовательно и въ топливѣ, чѣмъ работникъ или мѣщанинъ.

«Поэтому всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы ложиться на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, падаютъ гораздо большею частью на неимущихъ, платятся бѣднѣйшими классами націи.»

Этотъ фактъ для всякаго разумнаго человѣка необходимо вытекаетъ изъ того, что бѣдныхъ несравненно больше, чѣмъ богатыхъ. Я могъ бы доказать это всѣми статистиками на свѣтѣ, но думаю, что Вы сами знаете это. Какимъ же образомъ можно толковать тутъ объ искаженіи истины?!

Прокуроръ удивляется, что въ моей рѣчи я ничего не сказалъ объ Англіи, о древнемъ мірѣ и о разныхъ другихъ историческихъ эпохахъ, но дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что вопервыхъ, все это не относилось къ моему предмету, а вовторыхъ рѣчь моя и безъ того продолжалась уже болѣе двухъ часовъ и тянуть ее дольше было невозможно.

(Веселость въ публикѣ.)

Защитникъ. Касательно вопроса о печати г. прокуроръ замѣтилъ еще, что распространеніе брошюры признано обвиняемымъ и что потому этотъ вопросъ надо рѣшить противъ него. Но мы, юристы, всѣ согласны, что можно сознаваться только въ фактахъ, а не въ вопросахъ права. Обвиняемый отвѣчалъ утвердительно только на вопросъ права. Такое признаніе, очевидно, не имѣетъ никакого значенія. Что касается предлагаемой степени наказанія,

я не хочу тратить словъ на препирательство о ней. Я рѣшительно не могу понять, какимъ образомъ г. прокуроръ доходитъ до того, чтобы видѣть отягчающее обстоятельство для обсужденія настоящаго дѣла въ прежнемъ подобномъ или похожемъ проступкѣ или даже въ цѣлой сотнѣ подобныхъ проступковъ. Еще непонятнѣе для меня находить въ судимой рѣчи такое тяжкое фактическое покушеніе на общественное спокойствіе, чтобы считать недостаточнымъ за него денежный штрафъ, который можетъ въ этомъ случаѣ простираться до 200 талеровъ. Полагаю, что могу спокойно ожидать рѣшенія высокой коллегіи.

Президентъ. Съ какою цѣлью напечатана брошюра?

Обвиняемый. Для обнародованія.

Прокуроръ. Замѣчу, что 50 экземпляровъ выпущено!

Судъ удалился на совѣщаніе и, возвратясь, объявилъ слѣдующій приговоръ: †).

---

†) Здѣсь въ стенографическомъ отчетѣ сообщается полный приговоръ. Но тѣмъ же приговоромъ, только съ дополненіемъ примѣчаній Лассаля, начинается третья часть процесса (стр. 87-я I-го т. русск. изданія), причемъ Лассаль замѣчаетъ въ выноскѣ: «Печатаемый здѣсь приговоръ очень значительно и существенно отличается отъ прочтеннаго въ засѣданіи и записаннаго стенографами.» Сличивъ ихъ, я нахожу, что для Лассаля, какъ подсудимаго лица, разница между двумя редакціями приговора была дѣйствительно очень важна. Небезъинтересна также могла она быть для юристовъ и для нѣмецкой публики, какъ матеріалъ для характеристики прусскихъ судовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я нахожу, что въ отношеніи русскаго читателя было бы безбожно два раза сряду угощать его этимъ произведеніемъ судейскаго краснорѣчія, которое и одинъ-то разъ можетъ удостоиться помѣщенія здѣсь только какъ канва, на которой Лассаль вышилъ великолѣпные узоры своихъ образцово-сатирическихъ примѣчаній. Приводимую во II-й части процесса въ выноскѣ жалобу Лассаля помѣщаемъ въ заключеніе всей этой исторіи процесса, въ видѣ приложенія. *Прим. пер.*

ПРОЦЕССЪ Ф. ЛАССАЛЯ.

III.

ПРИГОВОРЪ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦІИ,

съ критическими примѣчаніями Ф. Лассаля, написанными для апелляціи.

Именемъ короля!

Въ слѣдственномъ дѣлѣ противъ частнаго лица Фердинанда Лассаля въ Берлинѣ королевскій берлинскій городской судъ, отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ, депутація IV для проступковъ, въ засѣданіи 16 января 1862 г., въ коемъ участвовали:

Пильхенъ, совѣтникъ городскаго суда, предсѣдательствующій,
Колькъ, » » » членъ,
фонъ Вульфенъ, городской судья, » ,

по словесномъ разбирательствѣ призналъ за право: что обвиняемый виновенъ въ томъ, что подвергъ опасности общественное спокойствіе, возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію, и подлежитъ за это наказанію четырехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ; брошюру: «Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. Рѣчь, произнесенная 12 апрѣля 1862 г. въ Берлинскомъ ремесленномъ союзѣ Ораніенбургскаго предмѣстія, Фердинанда Лассаля. Берлинъ, 1862 г. Типографія и изданіе Карла Нёринга.» Во всѣхъ имѣющихся экземплярахъ уничтожить; судебные расходы взыскать съ обвиняемаго.

Именемъ закона †).

---

†) Предварительное примѣчаніе. Всего замѣчательнѣе и характеристичнѣе въ этомъ приговорѣ то, что онъ даже не пытается опровергать никакихъ юри-

Основанія.

Частное лицо Фердинандъ Лассаль, родившійся въ Бреславлѣ 11 апрѣля 1825 г., жительствующій въ Берлинѣ и уже подвергшійся наказанію шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, по приговору 5 іюля 1849 г. королевскаго дюссельдорфскаго земскаго суда, за возбужденіе гражданской стражи къ насильственному сопротивленію до кровопролитія ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника въ отношеніи его должности, обвиненъ въ томъ, что подвергнулъ опасности общественное спокойствіе публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію.

Онъ говорилъ 12 апрѣля 1862 г. въ Берлинскомъ ремесленномъ союзѣ Ораніенбургскаго предмѣстья рѣчь объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія и потомъ напечаталъ ее совершенно въ томъ видѣ, какъ говорилъ, въ типографіи Нёринга въ 3000 экземплярахъ. Обвиняе-

---

дическихъ доводовъ, развитыхъ мною въ защитѣ! Кромѣ ссылки на 20 статью конституціи о свободѣ науки, я возражалъ противъ обвиненія, основаннаго на § 100 уг. св., слѣдующими доводами: 1) что моя рѣчь по нѣсколькимъ причинамъ не могла возбуждать къ ненависти и презрѣнію. Судьи не обратили вниманія ни на одну изъ этихъ причинъ и даже не попытались опровергнуть хотя которую нибудь изъ нихъ! 2) что даже согласно обвиненію, возбужденіе, опять по нѣсколькимъ причинамъ, никакъ не могло быть обращено противъ имущихъ классовъ; и судьи опять не обратили вниманія ни на одну изъ этихъ причинъ и не пытались опровергнуть ихъ; 3) что мнимое возбужденіе никакъ не могло подвергнуть опасности общественнаго спокойствія, что по закону должно быть непремѣннымъ условіемъ обвиненія. На это приговоръ пытался дать отвѣтъ, но какой—мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ!

Однако я не намѣренъ повторять въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ къ приговору этихъ доводовъ, развитыхъ въ защитительной рѣчи, которая также поступитъ на разсмотрѣніе к. палатнаго суда въ числѣ другихъ апелляціонныхъ документовъ, потому что, не будучи опровергнута приговоромъ, остается въ полной силѣ и сама собою, безъ утомительнаго повторенія, опровергаетъ приговоръ.

Точно также не стану повторять и тѣхъ опровергающихъ приговоръ доводовъ, которые были развиты мною при словесномъ разбирательствѣ въ первой инстанціи.

Цѣль послѣдующихъ примѣчаній преимущественно только въ томъ, чтобы указать многочисленныя фактическія невѣрности, очевидныя безсмыслицы и рѣзкія закононарушенія, въ которыя впадаетъ приговоръ. Впрочемъ и тутъ я ограничусь только тѣми мѣстами приговора, гдѣ мои замѣчанія выйдутъ рѣзче и разительнѣе отъ непосредственнаго сопоставленія ихъ съ словами судей. Развивая эти возраженія отдѣльно и самостоятельно, пришлось бы постоянно возвращаться къ фразамъ приговора для ихъ критическаго анализа, что повело бы къ скучнымъ повореніямъ. *Прим. Лассаля.*

мый все это призналъ, и нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ справедливости этого безусловнаго сознанія.

Эта брошюра, содержащая рѣчь обвиняемаго, еще не была обнародована. Дознано, правда, что типографъ Нёрингъ передалъ обвиняемому 50 экземпляровъ ея и что при домовомъ обыскѣ, произведенномъ 28 іюня 1862 г. въ квартирѣ обвиняемаго уголовнымъ коммиссаромъ Пикомъ †), у него не оказалось ни одного экземпляра [1]). Прокурорскій надзоръ заключаетъ изъ этого, что обвиняемый распространилъ эти 50 экземпляровъ; но это заключеніе оказывается неосновательно. По § 33 закона о печати обнародованіе печатнаго произведенія признается только тогда, если книга продавалась, разсылалась, распространялась или была выставлена въ мѣстахъ, доступныхъ публикѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного изъ этихъ условій; по крайней мѣрѣ ихъ невозможно съ достовѣрностью вывести изъ результатовъ домоваго обыска; въ томъ обстоятельствѣ, что экземпляры были препровождены обвиняемому, нельзя усматривать обнародованія, потому что онъ, какъ авторъ, имѣетъ право имѣть у себя свое произведеніе въ какой ему угодно формѣ, и черезъ это брошюра еще не дѣлается доступною читающей публикѣ. Хотя на предварительномъ слѣдствіи обвиняемый призналъ обнародованіе, но объяснилъ, что признаетъ этимъ только вопросъ права ради скорѣйшаго рѣшенія этого дѣла, положительно отрицая распространеніе и не допуская никакихъ фактовъ, изъ которыхъ можно бы заключить, что обнародованіе совершилось. Такимъ образомъ въ обнародованіи брюшюры обвиняемый не изобличенъ. Въ самой рѣчи прокурорскій надзоръ нашелъ проступокъ, предусмотрѣнный § 100 Уголовнаго Свода, ибо ею и неоднократными намеками на будто-бы предстоящую соціальную революцію работники возбуждаются къ ненависти и презрѣнію къ буржуазіи, т. е. неимущіе классы возбуждаются противъ имущихъ, чѣмъ подвергается опасности общественное спокойствіе, именно тѣмъ болѣе, что здѣсь содержится и прямое воззваніе къ рабочимъ классамъ—стремиться съ самой пылкой и всепожирающей страстью къ господству надъ другими классами общества. Обвиняемый объявилъ себя невиннымъ и доказывалъ, что рѣчь его научна и не подлежитъ уголовному закону въ силу 20 статьи конституціи, провозглашающей науку и ея ученія свободными.

Судъ долженъ былъ подвергнуть рѣчь во всей ея совокупности тщательному изслѣдованію [2]). Онъ нашелъ, что можетъ руководствоваться печатной брошюрой, въ которой, по сознанію обвиняемаго, рѣчь передана совершенно вѣрно. Въ этой брошюрѣ обвиняемый бросаетъ взглядъ на исторію, на прошедшее, которое, если его вѣрно понять, открываетъ значеніе настоящаго и показываетъ очерки будущаго. Онъ излагаетъ, что въ средніе вѣка, когда вообще, существовали всѣ тѣ же классы и сословія населенія, изъ которыхъ состоитъ нынѣшнее гражданское общество,—землевладѣніе, принадлежавшее преи-

†) Этотъ Пикъ названъ здѣсь Тикомъ, но какъ до сихъ поръ онъ всегда назывался Пикомъ, то и полагаю, что здѣсь это опечатка. *Прим. пер.*

мущественно дворянству и духовенству, составляло господствующій факторъ общества, владычествовало во всѣхъ отношеніяхъ, налагало свой особенный специфическій отпечатокъ на всѣ учрежденія и на всю жизнь того времени. Оно обнаруживалось господствующимъ принципомъ:

1) Въ обусловленной имъ организаціи общественной власти, ленномъ устройствѣ.

2) Въ организаціи общественнаго права или государственнаго уложенія, ибо на германскихъ имперскихъ сеймахъ представительство имѣли князья и крупное землевладѣніе имперскихъ графовъ и духовенства, а даже города только тогда пользовались тамъ мѣстомъ и голосомъ, если имъ удавалось пріобрѣсти привилегію вольнаго имперскаго города.

3) Въ податной льготности крупнаго землевладѣнія.

4) Въ общественномъ презрѣніи, тяготѣвшемъ на всякомъ трудѣ, кромѣ занятія сельскимъ хозяйствомъ.

Далѣе обвиняемый показываетъ, какъ въ два столѣтія, непосредственно слѣдующія за реформаціей, совершился медленный постепенный и незамѣтный переворотъ: открытіе Америки и огромное вліяніе его на производство; открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію мимо мыса Доброй Надежды, тогда какъ прежде вся торговля съ востокомъ и Индіей шла сухимъ путемъ черезъ Суезъ; изобрѣтеніе магнитной иглы и компаса и вслѣдствіе этого обезпеченіе и ускореніе морскихъ торговыхъ сношеній, имѣвшія результатомъ пониженіе страховой преміи; проложеніе внутри странъ водяныхъ путей, каналовъ и шоссе, что̀ уменьшало расходы на перевозку и доставило возможность отдаленнаго сбыта многимъ продуктамъ, которые прежде не могли выносить повышенія цѣны перевозкой; болѣе дѣйствительное гражданское обезпеченіе владѣнія; организованное правосудіе; изобрѣтеніе пороха и, вслѣдствіе этого изобрѣтенія, обузданіе воинственнаго феодальнаго дворянства монархическою властью; распущеніе наемниковъ, ландскнехтовъ и рейтаровъ, вслѣдствіе разрушенія замковъ и уничтоженія независимыхъ дружинъ бароновъ, которымъ служили эти наемники, принужденные послѣ того искать себѣ занятія въ средневѣковыхъ рабочихъ мастерскихъ; — всѣ эти событія вызвали развитіе промышленности и богатства въ буржуазіи; возникновенія и накопленія въ рукахъ буржуазіи капитала, имущества движимаго, въ противоположность поземельной собственности, низвели дворянство въ совершенное ничтожество, даже въ полную зависимость отъ разбогатѣвшей буржуазіи; тихій, незамѣтный, но революціонный прогрессъ промышленности сдѣлалъ то, что задолго еще до конца прошлаго столѣтія землевладѣніе сдѣлалось элементомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ прежнимъ своимъ значеніемъ, и дворянство низошло въ положеніе зависимое въ виду развитія новыхъ способовъ производства и новыхъ богатствъ, которыя заключались и въ прогрессѣ промышленности и ежедневно умножались имъ, давая буржуазіи огромное вліяніе на все населеніе, въ томъ числѣ и на обѣднѣвшее дворянство. Такимъ образомъ въ обществѣ, въ его фактическихъ отношеніяхъ, произошелъ переворотъ: буржуазія получила перевѣсъ надъ землевладѣніемъ и, какъ представительница богатства,

достигла господства на мѣсто дворянства и духовенства; французская революція 1789 г. не совершила, а только провозгласила этотъ переворотъ, только доставила ему внѣшнее признаніе, правовую санкцію. Далѣе обвиняемый доказываетъ, что эта буржуазія или третье сословіе, достигшее во французскую революцію торжества надъ привилегированными сословіями и владычества надъ государствомъ, сочла себя въ первую минуту тожественною со всѣмъ народомъ, взглянула на свое дѣло, какъ на дѣло всего человѣчества, и тогда казалось, что съ освобожденіемъ и господствомъ третьяго сословія въ обществѣ должны прекратиться всякія законныя привилегіи и что всѣ привилегированныя различія должны погибнуть въ единой свободѣ человѣка.

Но, какъ скоро оказалось, это третье сословіе, буржуазія содержала въ себѣ еще четвертое сословіе, отъ котораго въ свою очередь юридически отличалась и которое подчинила своему владычеству.

Ея элементъ, гражданское имущество, сдѣлалось господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, и буржуазія, дѣйствуя совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила на всѣ общественныя учрежденія господствующій и отличительный отпечатокъ своего исключительнаго принципа, гражданскаго имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи. Обвиняемый выводитъ тутъ полную параллель между дворянствомъ и буржуазіей. Потомъ онъ продолжаетъ, что 24 февраля 1848 г. взошла будто-бы заря новаго историческаго періода, когда во Франціи, странѣ, титаническія внутреннія битвы которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменуютъ побѣды и пораженія всего человѣчества, разразилась революція, призвавшая работника въ члены временнаго правительства, возвѣстившая цѣлью государства улучшеніе жребія рабочаго класса, провозгласившая общее и прямое избирательное право, въ силу котораго каждый гражданинъ, по достиженіи 21 года, получалъ равное участіе въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, безъ вниманія къ своимъ имущественнымъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, четвертое сословіе, которое въ 1789 г. еще таилось въ складкахъ третьяго сословія и повидимому было тожественно съ нимъ, возвысило свой принципъ на степень господствующаго въ обществѣ принципа и проникло имъ всѣ общественныя учрежденія; но между нимъ и третьимъ сословіемъ та громадная разница, что оно — послѣднее и крайнее, обездоленное сословіе общества, не имѣющее и не могущее выставить никакого исключительнаго, ни правоваго, ни фактическаго условія, ни дворянства, ни землевладѣнія, ни капиталовладѣнія, которое могло бы обратить въ новую привилегію и провести чрезъ всѣ учрежденія общества; не могущее содержать въ своемъ сердцѣ зародыши новой привилегированности и потому тожественное со всѣмъ человѣческимъ родомъ, такъ что его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его владычество есть владычество всѣхъ [3]). Средствомъ провести этотъ принципъ обвиняемый считаетъ общее и прямое избирательное право. Далѣе онъ доказываетъ, что господство четвертаго сословія [4]) одно основано на идеѣ истинной нравственности и вызоветъ такой разсвѣтъ нравственности, куль-

туры и науки, какого не было примѣра въ исторіи. Нравственная идея буржуазіи состоитъ исключительно лишь въ гарантированіи каждой личности безпрепятственнаго пользованія своими силами, тогда какъ по нравственной идеѣ рабочаго сословія безпрепятственнаго и свободнаго пользованія индивидуальными силами для личности недостаточно и въ нравственномъ общественномъ бытѣ нужны, сверхъ того, солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи. Согласно этой разницѣ, буржуазія опредѣляетъ нравственную цѣль государства исключительно и единственно охраненіемъ личной свободы и собственности индивидуума, между тѣмъ какъ дѣйствительная цѣль государства въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидуумовъ давать каждой отдѣльной личности возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая немыслима для отдѣльнаго индивидуума, положительно развивать и постепенно совершенствовать человѣка, другими словами — осуществлять назначеніе человѣка, т. е. культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; стало быть, истинная нравственная природа государства, его истинная и возвышенная задача состоятъ въ томъ, чтобы воспитывать и развивать человѣческій родъ къ свободѣ. Государство, поставленное подъ власть рабочаго сословія [5]), сдѣлало бы совершенно сознательно и вполнѣ ясно своей задачей эту нравственную сущность свою и добровольно, съ полнымъ самоотверженіемъ (?) исполнило бы то, что до сихъ поръ исторгалось необходимостью у сопротивленія скудными клочками; это необходимо вызвало бы такой прогрессъ ума, такую сумму счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, которыя не имѣютъ ничего подобнаго себѣ во всемірной исторіи и передъ которыми померкли бы самыя блистательнѣйшія явленія прежнихъ временъ.

Въ этомъ очеркѣ рѣчь обвиняемаго является и должна быть разсматриваема какъ вполнѣ дозволительное историческое развитіе реальныхъ фактовъ, какъ ихъ понимаетъ обвиняемый съ своей субъективной точки зрѣнія [6]). Но обвиняемый не удовольствовался [7]) этимъ историческимъ развитіемъ, чисто научнымъ анализомъ [8]), въ предѣлахъ котораго онъ находился бы подъ покровомъ 20 статьи конституціи [9]). Напротивъ того, въ рѣчи его господствуетъ мысль [10]), что періодъ владычества гражданскаго имущества [11]), по крайней мѣрѣ, повидимому, внутренно уже истекъ [12]); что современному историческому періоду принадлежитъ задача осуществить государственную идею рабочаго сословія [13]), которое сознаетъ [14]), что предназначено сдѣлаться господствующимъ сословіемъ [15]), призвано возвысить свой принципъ въ принципъ всего вѣка, сдѣлать свою идею — руководящею идеею всего общества, и такимъ образомъ обратить и самое общество въ свое подобіе [16]); что, наконецъ, рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права, должно въ скоромъ времени предпринять мѣры для доставленія своему владычеству и правоваго признанія [17]). Это явствуетъ [18]) изъ пріемовъ обвиняемаго при изображеніи преимуществъ господства рабочаго сословія [19]) и злоупотребленій [20]) буржуазнаго владычества [21]) и при воззваніи его къ рабо-

чему сословію — осуществить присущую этому сословію государственную идею [22]).

Проводя параллель между дворянствомъ и буржуазіей, онъ упоминаетъ, что какъ въ средніе вѣка землевладѣніе было господствующимъ принципомъ представительства на германскихъ имперскихъ сеймахъ, такъ теперь, прямымъ или скрытымъ цензомъ, полагается условіемъ права выборовъ въ палаты, а съ нимъ и участія въ государственной власти, — размѣръ налога, т. е. въ сущности капиталъ лица [23]); далѣе, что буржуазія, какъ всякое господствующее привилегированное сословіе, старается свалить бремя расходовъ на общественное благосостояніе, на угнетенные, неимущіе классы, причемъ хотя не можетъ открыто объявить себя изъятой отъ податной повинности, потому что провозглашаетъ своимъ принципомъ, чтобы каждый платилъ налогъ пропорціонально своему доходу, но достигаетъ того же результата ухищреннымъ способомъ, посредствомъ различія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ [24]). Косвенными налогами онъ называетъ [25]) тѣ, которые налагаются на разныя потребности, какъ-то на соль, на хлѣбъ, на пиво, на мясо, на топливо и пр. Далѣе онъ говоритъ: «Но вѣдь Вы знаете, господа, что хотя бы одинъ былъ богаче другаго въ 20, 50, 100 разъ, онъ отъ этого однако не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50, 100 разъ больше пива и вина, не чувствуетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности въ печной теплотѣ и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ мѣщанинъ» [26]). По его словамъ [27]), изъ этого слѣдуетъ, что косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею частью на неимущіе бѣднѣйшіе классы націи [28]). Онъ продолжаетъ, что не буржуазія произвела косвенные налоги, но развила ихъ до «неслыханной» системы [29]) и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы [30]). Въ примѣръ онъ приводитъ государственный бюджетъ 1855 года, гдѣ изъ общей суммы доходовъ государства круглымъ счетомъ 108,930,000 талеровъ только 12,800,000 было доставлено прямыми налогами, а все остальное [31]) — косвенными. Поэтому обвиняемый называетъ косвенные налоги учрежденіемъ, посредствомъ котораго буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и сваливаетъ расходы по содержанію государства на бѣднѣйшіе классы общества [32]).

Здѣсь обвиняемый обращаетъ вниманіе на нелѣпое противорѣчіе, на своеобразную справедливость взваливать все содержаніе государства на косвенные налоги, т. е. на бѣдный народъ, а условіемъ и мѣриломъ избирательнаго права, политической власти, ставить прямой налогъ, вносящій на государственныя надобности изъ 108 милліоновъ лишь ничтожную долю 12 милліоновъ [33]).

Далѣе обвиняемый замѣчаетъ, что теперь всякій родъ труда пользуется одинаковымъ уваженіемъ и что еслибы человѣкъ нашелъ милліоны подбираніемъ тряпокъ или чисткой отхожихъ мѣстъ, онъ могъ бы быть увѣренъ, что найдетъ въ обществѣ почетъ; но что зато общество поражаетъ презрѣніемъ тѣхъ, кто не имѣетъ за душой капитала, какъ бы и надъ чѣмъ бы

они ни трудились; что это фактъ, къ сожалѣнію слишкомъ часто встрѣчающійся въ жизни [34]). Наконецъ онъ прибавляетъ еще, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей привилегіи и своего начала еще съ строжайшей послѣдовательностью, чѣмъ средневѣковое дворянство проводило свой принципъ землевладѣнія [35]).

Такъ народное преподаваніе, воспитаніе взрослыхъ въ средніе вѣка было предоставлено духовенству, но теперь мѣсто духовенства заняли журналы. Залоги, которые журналы обязаны вносить, и еще болѣе штемпельная пошлина, которой они подвергаются, дѣлаютъ изданіе ежедневнаго журнала чрезвычайно дорогимъ предпріятіемъ, возможнымъ только при очень значительномъ капиталѣ, такъ что возможность дѣйствовать на народное мнѣніе, руководить имъ и просвѣщать его сдѣлалась привилегіей крупнаго капитала, и общественное мнѣніе чеканится капиталомъ [36]).

По его словамъ, не будь этого, у насъ были бы не такіе журналы [37]).

Такимъ образомъ обвиняемый выставляетъ классъ имущихъ [38]) по отношенію къ классу работниковъ несправедливо и безмѣрно взваливающимъ на нихъ всѣ государственныя тяжести и тѣмъ не менѣе отказывающимъ [39]) имъ въ участіи въ государственной власти, на которое имъ даетъ право ихъ участіе въ налогахъ, сверхъ того—презирающимъ ихъ и лишающимъ ихъ средствъ къ образованію [40]).

Въ этомъ изображеніи необходимо видѣть возбужденіе къ ненависти и презрѣнію [41]). Эта цѣль рѣчи обнаруживается еще яснѣе, если обратить вниманіе на выраженія, употребляемыя обвиняемымъ въ этомъ отношеніи, и направленіи относительно имущихъ классовъ. Такъ онъ говоритъ, что буржуазія развила косвенные налоги до «неслыханной» системы [42]), ввела косвенные выборы умышленно, какъ ухищреніе, съ цѣлью по возможности «подмѣнять» на выборахъ выраженія народной воли [43]). Далѣе обвиняемый говоритъ о нравственной испорченности высшихъ сословій общества [44]). Онъ говоритъ: «Это стремленіе сохранять свое привилегированное положеніе, составляющее личный интересъ каждаго члена этихъ сословій, по необходимости ставитъ каждаго изъ нихъ во враждебное по принципу отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни. Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину высокой и неизбѣжной безнравственности привилегированныхъ классовъ. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость глубокаго нравственнаго паденія ихъ. Быть въ необходимости ежедневно противиться всему высокому и доброму, быть въ необходимости огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды, вѣчно жить какъ во вражеской странѣ [45]),—и кто же этотъ врагъ? — Нравственная солидарность своего народа, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность, — вотъ роковая судьба высшихъ классовъ. Они осуждены вѣчно жить

среди своего народа, какъ среди врага, должны считать его врагомъ, поступать съ нимъ, какъ съ врагомъ, должны хитрить и скрывать эту вражду, облекать ее разными болѣе или менѣе искусными покровами.

«Прибавьте къ этому необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или задушить въ себѣ этотъ голосъ мерзкой практикой, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда ничего лучшаго не видать и не слыхать, какъ религія корысти!

«Такая жизнь необходимо ведетъ къ совершенному презрѣнію и пренебреженію ко всякому идеальному стремленію; она дѣлаетъ способнымъ сострадательно усмѣхаться при великомъ имени идеи, она вселяетъ глубокую нечувствительность, даже отвращеніе ко всему прекрасному и великому, она губитъ всѣ нравственныя начала подъ одной всепоглощающей жаждой своекорыстной выгоды и скотскаго наслажденія» [46]).

Въ противоположность этому обвиняемый объясняетъ далѣе, что этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, къ счастью, нѣтъ у низшихъ классовъ общества, гдѣ своекорыстіе, хотя и тутъ порядочное, составляетъ однако только порокъ индивидуумовъ, отдѣльныхъ лицъ, потому что самый простой инстинктъ подсказываетъ членамъ низшихъ классовъ, что пока каждый изъ нихъ заботится только о себѣ, ему нельзя надѣяться на порядочное улучшеніе своего положенія; такимъ образомъ, когда низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своего положенія, какъ класса, къ улучшенію участи своего сословія, ихъ личный интересъ совпадаетъ съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой идеи, съ прогрессомъ культуры, съ самимъ жизненнымъ началомъ исторіи, которое есть ничто иное, какъ развитіе свободы [47]).

Далѣе, онъ называетъ буржуазное пониманіе государственной цѣли будочнической идеей, потому что оно представляетъ себѣ государство въ образѣ будочника, все назначеніе котораго состоитъ въ предупрежденіи разбоя и грабежа [48]); въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества есть возгласъ примиренія, возгласъ единенія, на который должны отозваться всѣ нежелающіе привилегій и угнетенія ими народа, возгласъ любви, который, однажды раздавшись изъ среды народа, навѣки останется истиннымъ лозунгомъ его и по смыслу своему пребудетъ возгласомъ любви, даже когда грянетъ браннымъ кликомъ народа.

Наконецъ обвиняемый приглашаетъ своихъ слушателей предаться историческому развитію съ личною страстью [49]) въ увѣренности, что чѣмъ пылче будетъ эта страсть, тѣмъ она будетъ нравственнѣе [50]). Онъ говоритъ имъ, что высокая всемірно-историческая роль ихъ назначенія — сдѣлаться господствующимъ сословіемъ, вслѣдствіе чего имъ неприличны пороки угнетенныхъ [51]), и мысль, что они—камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго, должна овладѣть ихъ умами съ страстною исключительностью, наполнить ихъ духъ и содѣлать всю ихъ жизнь достойною сознанія, что они призваны возвысить

принципъ своего сословія въ принципъ всего вѣка, сдѣлать свою идею руководящею идеею всего общества и такимъ образомъ обратить его самого въ свое подобіе [52]); это должно внушить имъ поведеніе достойное ихъ, сообразное съ ихъ назначеніемъ, и они должны имѣть всегда въ виду [53]), что чѣмъ исключительнѣе углубятся они въ это сознаніе, чѣмъ безраздѣльнѣе будетъ пылъ ихъ къ нему, тѣмъ скорѣе осуществитъ современный историческій періодъ свою задачу, тѣмъ быстрѣе достигнутъ они своей цѣли [54]).

Въ-заключеніе онъ предостерегаетъ отъ сомнѣній и душевнаго упадка, къ которымъ легко можетъ привести страстное отношеніе къ историческимъ событіямъ, недостаточно освѣщенное мыслью; онъ напоминаетъ, что французскій государственный переворотъ декабря 1851 г. ниспровергъ только буржуазную республику, уничтожившую общую подачу голосовъ и введшую скрытый цензъ, т. е. хотѣвшую утвердить на республиканской почвѣ владычество капитала, тогда какъ настоящая республика нашла бы несокрушимый оплотъ въ груди французскаго работника. По мнѣнію обвиняемаго, этотъ примѣръ доказываетъ, что историческій періодъ, открывшійся съ февраля 1848 г., не выноситъ государства, которое въ какой бы то ни было формѣ, монархической или республиканской, хочетъ навязать обществу или сохранить въ немъ господствующій политическій принципъ третьяго сословія [55]).

Такимъ образомъ обвиняемый повторяетъ этими словами свое мнѣніе, высказанное выше, что періодъ владычества капитала внутренно уже истекъ [56]) и что теперь есть уже нѣсколько явленій, заключающихъ въ себѣ зачатки новаго порядка вещей, который они необходимо разовьютъ изъ себя [57]).

Надо притомъ обратить вниманіе на то, какъ обвиняемый упоминая о «революціонномъ по внѣшности, но реакціонномъ по содержанію и потому погибшемъ движеніи Крестьянской Войны 1524 г.», утверждаетъ, что истинное революціонное движеніе, движеніе, основанное на дѣйствительно новомъ принципѣ, еще никогда не погибало, по крайней мѣрѣ на долго [58]), что революція, однажды совершившаяся во внутренности общества, не можетъ быть остановлена, непремѣнно должна выйти на свѣтъ и перейти въ законодательство [59]). Далѣе надо принять въ соображеніе [60]), что въ другомъ мѣстѣ онъ противопоставляетъ переворотъ, производимый народомъ, медленнымъ и несовершеннымъ реформамъ правительствъ [61]), приписываетъ побѣдоносной французской революціи 1789 г. доставленіе правовой санкціи и признанія значенію третьяго сословія, фактически пріобрѣтенному раньше [62]), и, указывая, что эта революція въ одинъ день, штурмомъ бастиліи, достигла того, къ чему законнымъ путемъ тщетно стремились въ Германіи съ 1672 г. во Франціи съ 1614 г., т. е. почти 200 лѣтъ [63]), показываетъ [64]), что при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ легальныя преобразованія [65]) имѣютъ очень важное неудобство безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія, а съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на свои неоспоримыя невыгоды [66]), имѣетъ то преимущество, что быстро и энергически ведетъ къ практическимъ цѣлямъ [67]). Надо сопоставить [68]) эти примѣры, взятые обвиняемымъ изъ исторіи, которая, по его собственнымъ словамъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ настоящаго и по-

казываетъ очерки будущаго [69]), и выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этихъ примѣровъ, съ развитою въ лекціи идеей рабочаго сословія и ея связи съ современнымъ историческимъ періодомъ, съ задачей, доставшейся этому періоду, наступившему съ февраля 1848 г., осуществить государственную идею рабочаго сословія [70]), причемъ обвиняемый называетъ зарею новаго историческаго періода революцію во Франціи, «странѣ, титаническія внутреннія битвы которой своими побѣдами и пораженіями свободы знаменутъ побѣды и пораженія всего человѣчества» [71]). Изъ всего этого явствуетъ тенденція [72]), очевидная и несомнѣнная [73]), рѣчи обвиняемаго—возбудить въ рабочемъ сословіи убѣжденіе [74]), что къ достиженію владычества, къ выполненію ихъ задачи, всего скорѣе и вѣрнѣе ихъ приведетъ революціонный путь [75]).

Но понимаемая въ этомъ смыслѣ [76]) рѣчь обвиняемаго способна подвергнуть опасности общественное спокойствіе [77]).

Судъ не могъ признать рѣчь обвиняемаго чисто научнымъ сочиненіемъ, хотя она имѣетъ вполнѣ научную сущность [78]), ибо обвиняемый не ограничился въ ней научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій въ теченіе временъ, но вывелъ изъ историческаго развитія практическія послѣдствія относительно рабочаго класса [79]). Судъ [80]) призналъ себя компетентнымъ обсудить это и отклонилъ предлагаемое обвиняемымъ доказательство строгой научности его разбираемаго сочиненія черезъ экспертовъ, потому что дѣло идетъ не о степени научности, не о научномъ достоинствѣ его произведенія, а о томъ, имѣетъ ли это произведеніе исключительно научный характеръ и не переступилъ ли въ немъ обвиняемый границы науки [81]), съ нарушеніемъ уголовнаго закона, что вполнѣ подлежитъ сужденію судьи [82]).

Тутъ представляется нарушеніе § 100 уголовнаго свода, ибо [83]):

1) Возбужденіе къ ненависти и презрѣнію обнаруживается какъ въ обличеніи порочности высшихъ сословій [84]), подъ которыми разумѣются имущіе классы, и средствъ, которыми буржуазія сдѣлала капиталъ господствующимъ принципомъ общества [85]), такъ равнымъ образомъ именно изъ пріемовъ [86]) обвиняемаго сопоставлять [87]), формулировать [88]) и выражать результаты своихъ соображеній передъ публикой, не стоящей на той высотѣ просвѣщенія [89]), которая позволяла бы ей понимать научную сторону рѣчи; поэтому очевидно умышленная [90]) группировка историческихъ фактовъ [91]) необходимо должна была возбудить въ такой публикѣ ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ, когда ей говорили, что она, предназначенная быть господствующимъ сословіемъ [92]), угнетена и презираема [93]), лишена всякаго участія [94]) въ государственной власти и непомѣрно, несправедливо обременена государственными тяжестями [95]). Умышленность этого возбужденія [96]) явствуетъ изъ вышеупомянутой тенденціи обвиняемаго, который въ заключеніи своей рѣчи самъ говоритъ, что сочтетъ щедрымъ вознагражденіемъ и великимъ пріобрѣтеніемъ, если ему посчастливиться воспламенить хотя въ двоихъ или троихъ изъ слушателей нравственное пламя своей мысли [97]).

2) Публичность возбужденія доказывается мѣстомъ, гдѣ была произнесена рѣчь.

3) Подданные государства возбуждаются къ взаимной ненависти и презрѣнію тѣмъ, что обвиняемый строго различаетъ двѣ опредѣленныя общественныя категоріи, именно классъ имущихъ гражданъ отъ всего неимущаго класса, лишеннаго гражданскаго имущества, рабочаго сословія [98]).

4) Наконецъ очевидно, что рѣчью подвергнуто опасности общественное спокойствіе; законъ разумѣетъ подъ этимъ проступкомъ не активныя дѣйствія, нарушающія общественное спокойствіе, а лишь косвенное угрожаніе ему [99]), каковое и оказывается въ прямомъ воззваніи [100]) обвиняемаго къ рабочему сословію со всѣмъ пыломъ страстей [101]) вступиться [102]) за развитыя имъ идеи, развить ихъ пламенно и жадно [103]) и предаться имъ съ самою личною [104]) страстью, а также въ вышеупомянутомъ указаніи, которое онъ связываетъ съ этимъ [105]), что революціонный путь всего быстрѣе приводитъ къ цѣли [106]).

Посему признано фактически доказаннымъ:

Что обвиняемый въ Берлинѣ, въ 1862 году, своей рѣчью «объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія», въ собраніи 12 апрѣля 1862 г. берлинскаго ремесленнаго союза ораніенбургскаго предмѣстья, публично возбуждалъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію и тѣмъ подвергнулъ опасности общественное спокойствіе.

Посему обвиняемый признанъ виновнымъ въ проступкѣ противъ § 100 уголовнаго свода.

При опредѣленіи наказанія принято въ соображеніе, что:

1) Рѣчь обвиняемаго была произнесена въ собраніи рабочаго сословія, т. е. лицъ того самого сословія, которое возбуждалось къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ, и потому могла имѣть гораздо болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ еслибы была произнесена въ собраніи другихъ лицъ.

2) Обвиняемый, при своемъ научномъ образованіи, не могъ не знать опаснаго вліянія своей рѣчи и, напротивъ, вполнѣ сознавалъ возможныя результаты ея, какъ доказываетъ выборъ его выраженій.

3) Обвиняемый уже подвергался въ 1849 году наказанію за подобный же проступокъ, а именно за возбужденіе гражданской стражи къ насильственному сопротивленію ея обезоруженію.

Посему положено, устранивъ денежный штрафъ, подвергнуть обвиняемаго тюремному заключенію срокомъ на 4 мѣсяца.

Обвиняемый напечаталъ свою рѣчь, и хотя брошюру, въ точности передающую ее, нельзя считать обнародованною, однако такъ какъ она содержитъ въ себѣ фактъ проступка противъ § 100 уголовнаго свода и такъ какъ обвиняемый положительно призналъ цѣлью напечатанія ея намѣреніе обнародовать и распространить ее, слѣдовательно, предназначалъ ее къ новому проступку, то на основаніи § 19 уголовнаго закона постановлено уничтожить ее всюду, гдѣ она окажется съ цѣлью распространенія.

На основаніи § 178 указа 3 января 1848 г. судебные расходы возлагаются на обвиняемаго.

Берлинъ, 16 января 1863 г.

Королевскій городской судъ, отдѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ, депутація IV для проступковъ.

(Подп.) Пильхенъ, Колькъ, фонъ Вульфенъ.

Критическія примѣчанія.

1) Въ приговорѣ, читанномъ въ судѣ, въ этомъ мѣстѣ была такая фраза: «и произведенный впослѣдствіи домовой обыскъ—законность котораго впрочемъ въ высшей степени сомнительна — не обнаружилъ фактовъ и т. д.» Этимъ приговоръ выражаетъ согласіе съ найденной имъ въ актахъ жалобой моей на незаконность домоваго обыска, съ которой я тщетно обращался, отъ 28 іюня 1862 г., къ к. оберъ-прокурору (см. ниже приложеніе). Но эта единственная благопріятная мнѣ фраза была потомъ вычеркнута!

2) Не мѣшало бы однако обратить вниманіе на мои доказательства, о которыхъ приговоръ самъ упоминаетъ въ предъидущей фразѣ, что «критеріи § 100 уг. св. сюда не относятся»; не мѣшало бы опровергнуть это! Къ чему тогда защита, если судья не считаетъ своею обязанностью разбирать и опровергать ея доводы? Если судья не умѣетъ опровергнуть этихъ доводовъ, или не опровергаетъ ихъ,—виновность подсудимаго никогда не будетъ юридически доказанной и всегда останется голословной!

Не опровергать доводовъ защиты — значитъ дѣлать защиту практически призрачной, считать ее не существовавшей и такимъ образомъ нарушать всѣ касающіеся ея законы. Но диво ли, что приговоръ не обращаетъ вниманіе на мои доводы, когда онъ пренебрегаетъ и собственными своими доводами, разрушая и уничтожая въ писанномъ актѣ важнѣйшія основанія рѣшенія, объявленнаго въ судѣ? Рѣшеніе приговора, осужденіе, разумно должно быть результатомъ, обусловленнымъ его основаніями, необходимымъ выводомъ изъ нихъ. Стало быть, судья долженъ установить основанія, прежде чѣмъ самъ узнаетъ, будетъ ли результатомъ ихъ осужденіе или нѣтъ.

Но приговоръ повидимому думаетъ наоборотъ: главное дѣло осужденіе; разъ что осужденіе рѣшено—объ основаніяхъ много хлопотать не стоитъ! Основанія найдутся!

3) Всѣ эти мѣста, пространно перепечатанныя въ приговорѣ, заранѣе опровергаютъ все, что приговоръ будетъ говорить о мнимомъ стремленіи рѣчи водворить господство одного сословія (рабочаго) надъ прочими классами общества.

4) Неправда! Я никогда не говорилъ о «господствѣ четвертаго сословія», а только о томъ, чтобы сдѣлать развитую идею четвертаго сословія руководящей государственной идеей, его принципъ — господствующимъ принципомъ. Стало быть, я говорю о господствѣ мысли, а не о господствѣ сословія, из-

вѣстнаго класса лицъ, какъ утверждаетъ обвиненіе. Объ этомъ сказано въ защитительной рѣчи (стр. 40), и я не стану распространяться здѣсь объ этомъ, потому что и самъ приговоръ не придаетъ никакого значенія вопросу, о какомъ господствѣ идетъ рѣчь. Онъ цитируетъ мои слова, какъ попало, то вѣрно, то перевирая,—притомъ включая ихъ, и въ правильномъ видѣ, и въ перевранномъ, въ ту часть своего изложенія, которая, по его собственнымъ словамъ, содержитъ въ себѣ лишь дозволительную часть моей рѣчи.

5) Смотри примѣчаніе 4.

6) Вотъ какъ! Стало быть, все, что судья передавалъ изъ моей рѣчи до сихъ поръ, по свидѣтельству самого приговора, вполнѣ дозволительно, «должно считаться дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ!» Но теперь приговоръ примется пожирать самаго себя! Теперь онъ начнетъ, какъ мы увидимъ, едва вѣря своимъ глазамъ, перечислять сызнова уже какъ недозволительное все, что до сихъ поръ признавалъ дозволительнымъ!

7) Отмѣтимъ и это признаніе: до сихъ поръ, по свидѣтельству самого приговора, моя рѣчь все еще представляетъ «чисто научный анализъ»!

8) Опять отмѣтимъ признаніе! До сихъ поръ я все еще нахожусь подъ защитой 20 статьи конституціи!

9) А вотъ начинается преступное!

10) Этимъ «напротивъ того» начинается переходъ къ преступному. Преступно то, что «во мнѣ господствуетъ идея»!

11) Нѣтъ, я не допущу цитировать меня неточно. Мнимо цитируемыя здѣсь слова мои имѣютъ въ дѣйствительности слѣдующій видъ (стр. 19—20): «Вовторыхъ, мы разсмотрѣли историческій періодъ, начавшійся французскою революціей въ концѣ прошлаго столѣтія, имѣющій своимъ принципомъ крупное буржуазное владѣніе или капиталъ, который онъ возвелъ въ свою привилегію, проникающую всѣ общественныя учрежденія и обусловливающую участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства.—Но и этотъ періодъ, господа, повидимому внутренно уже истекъ». Слѣдовательно, я говорю о періодѣ крупнаго буржуазнаго владѣнія или капитала, какъ принципа государственнаго владычества, политическихъ привилегій, подобныхъ трехклассному избирательному закону, и т. д. Приговоръ искажаетъ мои слова, передавая ихъ такъ, что «періодъ господства гражданскаго имущества внутренно уже истекъ»—и пропускаетъ все, отъ словъ «своимъ принципомъ» до словъ «воли и цѣли государства», давая поводъ думать, будто я сказалъ, что истекъ періодъ гражданскаго имущества, что гражданскому имуществу пришелъ конецъ, и такимъ образомъ набрасываетъ на меня какую-то тѣнь коммунизма.

12) Такъ вотъ что преступно, по приговору; вотъ это преступное «напротивъ того»! Меня наказываютъ за то, что я думаю, что политическое владычество буржуазной идеи внутренно уже кончилось! Святая инквизиція въ Испаніи, суды надъ еретиками въ средніе вѣка, наказывали невѣровавшихъ въ Іисуса Христа, а меня въ XIX вѣкѣ наказываютъ за невѣріе въ буржуазную идею и въ ея прочность! Растолкуйте мнѣ, какая же тутъ разница?

13) Постой, приговоръ! Вѣдь это самое ты же призналь выше дозволеннымъ! Сообщая дозволительную часть моей рѣчи, ты передаешь ее такъ: «24 февраля 1848 г. взошла заря новаго историческаго періода, когда въ этотъ день» и т. д... «Такимъ образомъ четвертое сословіе, въ 1789 г. еще скрывавшееся въ складкахъ третьяго и повидимому совпадавшее съ нимъ, возвысило свой принципъ въ господствующій принципъ общества и проникло имъ всѣ его учрежденія»... «Средствомъ провести этотъ принципъ онъ считаетъ общее и прямое избирательное право. Далѣе онъ доказываетъ, что только господство четвертаго сословія основано на идеѣ истинной нравственности» и т. д. Все это ты сообщаешь какъ дозволительное и положительно говоришь, что «до сихъ поръ рѣчь надо разсматривать какъ дозволительное и историческое развитіе реальныхъ фактовъ, какъ ихъ понимаетъ обвиняемый съ своей субъективной точки зрѣнія». Далѣе, ты признаешь все это «чисто научнымъ анализомъ, состоящимъ подъ защитой 20 статьи конституціи». А теперь ты вдругъ объявляешь это самое господствующее во мнѣ убѣжденіе, что политическое владычество буржуазной идеи исторически миновало и что современному историческому періоду досталась задача осуществить государственную идею рабочаго сословія,—недозволительнымъ, преступнымъ содержаніемъ моей рѣчи, беззаконнымъ «напротивъ того», котораго уже не защищаетъ 20 статья конституціи!

14) Мимоходомъ замѣчу, хотя это не имѣетъ юридической важности, что я нигдѣ не говорилъ, будто «въ рабочемъ сословіи живо сознаніе, что оно предназначено сдѣлаться господствующимъ сословіемъ». Цитируй точнѣе!

15) Все это было уже приведено, какъ дозволительное содержаніе моей рѣчи. Ср. прим. 3.

16) Выше все это признано дозволеннымъ.

17) Стой! Это совершенная неправда! Вся эта фраза, отъ перваго слова до послѣдняго, прибавлена приговоромъ къ моей брошюрѣ; въ моей рѣчи нѣтъ изъ нея ни единаго слова! Я нигдѣ не приглашалъ въ ней рабочее сословіе «предпринимать мѣры», ни такія, ни сякія, ни мирныя, ни немирныя! Во всей моей брошюрѣ ни разу не встрѣчается фразы «предпринимать мѣры»! Точно также въ ней нѣтъ фразы «рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права». Точно также въ брошюрѣ нѣтъ ни словъ, ни даже понятія «въ скоромъ времени» («рабочее сословіе должно въ скоромъ времени предпринять мѣры»). Говоря объ объективномъ осуществленіи задачи современнаго міроваго періода, осуществленіи, котораго я ожидаю съ теченіемъ времени отъ самаго всемірно-историческаго развитія, я всюду говорю, что оно должно совершиться въ теченіе цѣлаго всемірно-историческаго періода; слѣдовательно, этотъ процессъ долженъ занять приблизительно такой же всемірно-историческій періодъ времени, какъ оба предъидущіе періода —землевладѣнія и буржуазіи, изъ коихъ одинъ продолжался 500 лѣтъ, а другой 350. Мало того, въ заключеніе брошюры, стр. 28, я положительно еще разъ замѣчаю, что для такого всемірно-историческаго процесса одно или два десятилѣтія все равно, что часъ. А судья превращаетъ это «въ пред-

приниманіе въ скоромъ времени мѣръ»! И точно также я нигдѣ не внушаю рабочему сословію «добиваться правоваго признанія своего владычества»! Я нигдѣ ни единымъ словомъ не внушаю рабочему сословію какихъ бы то ни было дѣйствій. Я внушаю ему только нравственность, нравственную строгость мысли, жизнь, достойную сознанія, что современный историческій періодъ предназначенъ возвысить идею рабочаго сословія въ господствующій принципъ общества (см. стр. 26—27).

Въ моей брошюрѣ нѣтъ ничего преступнаго; поэтому приговоръ самъ выдумываетъ и приписываетъ ей неблагонамѣренную фразу, которой въ ней нѣтъ! Что тутъ прикажете дѣлать!

Дѣло повидимому вотъ въ чемъ: правда, я нигдѣ не говорилъ, чтобы «рабочее сословіе, фактически завоевавшее себѣ права, должно было предпринимать мѣры (да еще «въ скоромъ времени» предпринимать), чтобы добиться своему владычеству правоваго признанія». Вся эта фраза — выдумка, если станутъ утверждать, что она написана у меня въ брошюрѣ. Но, разсматривая средніе вѣка и французскую революцію 1789 г., я показываю (стр. 10—12), что эта революція только доставила правовую санкцію фактическому могуществу и значенію буржуазіи, пріобрѣтеннымъ ею въ два послѣднія столѣтія передъ революціей. Слѣдовательно—разсуждаетъ за меня приговоръ, залѣзая въ мою душу — и, «фактически завоевавши себѣ права, рабочее сословіе должно» по-моему «предпринять мѣры, чтобы добиться своему владычеству правоваго признанія». Ничего этого я не говорилъ. Но приговоръ, справедливо или нѣтъ, полагаетъ, что прочелъ эту мысль на днѣ моей души, и караетъ меня не за то, что̀ я говорилъ, а за то, что̀ я, по его соображеніямъ, вѣроятно думаю въ глубинѣ души. Да развѣ ты смѣешь такъ пытать душу, приговоръ? Да вѣдь это хуже средневѣковыхъ религіозныхъ процессовъ, гдѣ довольствовались по крайней мѣрѣ судомъ надъ тѣмъ, что̀ обвиняемый свидѣтельствуетъ собственными устами, стало быть все-таки судили его за сказанное, не пытаясь уловлять его мысли, кромѣ развѣ инквизиціонныхъ судилищъ.

Но нѣтъ, и святая инквизиція все-таки въ концѣ концовъ держалась засвидѣтельствованнаго устами, такъ что ты, приговоръ, перещеголялъ и ее. Св. Тулузскій соборъ, при папѣ Григоріи IX, въ 1233 г. постановилъ, чтобы обыватели, заподозрѣнные по обстоятельствамъ и выраженіямъ въ ереси, были принуждаемы исповѣдовать свои вѣрованія съ предварительной клятвой говорить правду, а въ случаѣ отказа наказывать ихъ, какъ еретиковъ (см. постановленія Тулузскаго собора въ 28 томѣ «Collect. reg., Raynaldi», ann. 1233, № 58 и Fleury «Hist. ecclés.», I, 80, № 25). Даже по инструкціямъ испанской инквизиціи заподозрѣнному обвиняемому предлагали сперва отречься отъ всѣхъ ересей и особенно отъ той, въ которой его подозрѣвали, и только въ случаѣ отказа съ его стороны наказывали его какъ еретика (см. Льоренте, «Исторія испанской инквизиціи», т. I, IV, II отд.). Стало быть, и тутъ судили на основаніи свидѣтельства самаго подозрѣваемаго, предоставляя ему на выборъ доказать клятвой, что соображенія о его

задушевныхъ убѣжденіяхъ были ошибочны. Ты же, приговоръ, не оставляешь мнѣ даже этого выбора и осуждаешь меня на основаніи того, что, по твоему мнѣнію, высмотрѣлъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ моей души!

Притомъ это соображеніе, выведенное изъ аналогіи съ тѣмъ, что я говорилъ о революціи третьяго сословія 1789 г., сдѣлано совершенно криво и наобумъ. Вотъ почему:

a) Замѣчу больше какъ историкъ, чѣмъ какъ обвиненный, что фактическое могущество, значеніе и положеніе рабочаго сословія въ настоящее время еще далеко не то, чѣмъ было въ 1789 г. фактическое могущество, значеніе и положеніе буржуазіи.

b) Я самъ доказалъ въ моей лекціи, что фактическому могуществу буржуазіи, возникновеніе котораго я отношу къ началу XVI столѣтія, пришлось добиваться правовой санкціи цѣлыхъ 350 лѣтъ и что даже, достигнувъ въ обществѣ преобладанія, въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., буржуазія еще сто лѣтъ прождала этой санкціи.

Я ни слова не говорилъ о томъ, каково нынѣшнее положеніе фактическаго могущества рабочаго сословія. Стало быть, осуждая меня, приговоръ наказываетъ меня за стремленіе къ революціи, можетъ быть, въ будущемъ столѣтіи или въ 1890 году? Однако нѣтъ; какъ видно, приговоръ знаетъ условія осужденія, потому что сочиняетъ и приписываетъ мнѣ фразы нетолько про «предприниманіе мѣръ», но даже про «предприниманіе мѣръ въ скоромъ времени»!

c) Приговоръ упускаетъ изъ виду, что въ моей брошюрѣ я положительно опредѣляю, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, современный историческій періодъ выполнитъ свою задачу. Сказавъ, что хлопчато-бумажная ткацкая машина, изобрѣтенная Аркрайтомъ въ 1775 г., была «воплощеніемъ революціи», «революціей въ вещественномъ образѣ» (стр. 10), я, въ связи съ этимъ, говорю далѣе:

«Такъ и теперь, господа, если не ошибаюсь, есть нѣсколько явленій, содержащихъ въ себѣ новый порядокъ и долженствующихъ необходимо развить его изъ себя. И эти явленія по-наружности совершенно безобидны, такъ что власти, неутомимо преслѣдующія какихъ-нибудь ничтожныхъ агитаторовъ, нетолько проходятъ мимо нихъ, ничего не подозрѣвая, но даже признаютъ ихъ необходимыми условіями нашей культуры, привѣтствуютъ ихъ, какъ цвѣтъ и апогей ея, и при случаѣ восхваляютъ и славятъ ихъ въ торжественныхъ спичахъ» (стр. 11—12).

Пойми же, что явленія, привѣтствуемыя самими властями, не представляютъ необходимости вести непремѣнно къ насильственной революціи, въ революціи въ смыслѣ вилъ, а могутъ гораздо скорѣе совершить свое дѣло мирнымъ путемъ, подобно ткацкой машинѣ въ Англіи. Загляни объ этомъ въ мою защитительную рѣчь, стр. 58—60, гдѣ я цитирую профессора Губера. Подробности смотри въ словесныхъ преніяхъ.

Зачѣмъ же ты, приговоръ, такъ тщательно собирающій всѣ малѣйшія выраженія мои, которыя по-твоему могутъ возбудить мысль о «мѣрахъ»,

не замѣчаешь именно этого мѣста, гдѣ такъ прямо и откровенно выражено, что я представляю себѣ соціальное развитіе мирнымъ?

Ахъ ты, приговоръ, приговоръ!

Наконецъ, еслибы въ моей брошюрѣ была эта фраза, что «рабочее сословіе, фактически завоевавшее себѣ права, должно въ скоромъ времени предпринять мѣры, чтобы добиться правоваго признанія своего владычества», то меня можно было бы обвинить за нее въ возбужденіи къ революціи (§§ 61, 62 и 65 Уг. Св.). Но развѣ меня въ этомъ обвиняютъ? Развѣ меня за это осуждаютъ? Я обвиненъ и осужденъ по § 100 «за возбужденіе къ ненависти и презрѣнію!» А къ этому проступку фраза, сочиненная за меня приговоромъ, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія! Даже въ выдуманной фразѣ нѣтъ ничего, что могло бы возбуждать къ ненависти и презрѣнію. Въ защитительной рѣчи (стр. 48—59) я доказалъ противъ обвиненія, что, мотивируя мою виновность, оно упрекаетъ меня совершенно не въ тѣхъ проступкахъ, въ которыхъ обвиняетъ и противъ которыхъ я могу поэтому защищаться.

Приговоръ выдумываетъ фразу, которой нѣтъ въ моей брошюрѣ, и осуждаетъ меня за нее, не видя, что за эту фразу мнѣ слѣдовало бы подвергнуться гораздо болѣе тяжкому обвиненію, чѣмъ возбужденіе ненависти и презрѣнія къ имущимъ,—обвиненію въ подстрекательствѣ къ революціи противъ государственнаго порядка.

Если правда, что моя рѣчь подстрекала рабочее сословіе къ революціи, какъ доказываетъ выдуманная фраза, то судъ былъ не компетентенъ, а если такъ, то я долженъ подлежать государственному суду, чего и требую; во всякомъ случаѣ я не могу быть осужденъ подъ фирмой статьи закона, къ которой даже выдуманная приговоромъ фраза нисколько не относится.

18) Вотъ какъ: «явствуетъ!» «Изъ пріемовъ обвиняемаго явствуетъ и пр.» Стало быть самъ приговоръ сознается, что этой фразы въ брошюрѣ моей нигдѣ не встрѣчается, что ея въ ней вовсе нѣтъ! «Явствуетъ», что она лежитъ у меня въ глубинѣ души, и дальнѣйшія разсужденія представляютъ собою выпытываніе ея оттуда!

19) Неправда, приговоръ! Я не говорилъ и не упоминалъ ни единымъ словомъ въ рѣчи о «злоупотребленіяхъ» владычества буржуазіи. Это слово и эта мысль совершенно чужды моей брошюрѣ. Развитое въ ней воззрѣніе мое на исторію не позволяло мнѣ толковать про злоупотребленія, какъ средневѣковой аристократіи, такъ и современной буржуазіи. Въ каждой строкѣ этой брошюры тщательнѣйшимъ образомъ доказывается, что оба эти историческіе періода и ихъ учрежденія были необходимымъ осуществленіемъ, необходимымъ употребленіемъ лежавшихъ въ основѣ ихъ принциповъ. Можетъ ли быть тутъ рѣчь о злоупотребленіи! Главная цѣль моей брошюры—доказать, что всѣ учрежденія обоихъ міровыхъ періодовъ не могли быть иными, чѣмъ были, что они съ роковой необходимостью предписывались принципами, лежавшими въ основаніи этихъ періодовъ, какъ и сами принципы были необходимыми постепенными развитіями духа. Въ защитительной рѣчи (стр. 38—39) я опять настойчиво подтверждаю это. Все тщетно! Приговоръ тол-

куетъ себѣ про «злоупотребленія владычества буржуазіи», въ которыхъ я будто-бы упрекаю ее!

Что и говорить! Разумѣется, большая часть вины осужденія падаетъ на неспособность приговора понять философскій взглядъ на исторію!

20) Однако, приговоръ, вѣдь выше ты самъ призналъ все это дозволеннымъ! Подумай же! Выше ты такъ передаешь мою рѣчь: «Ея элементъ, гражданское имущество, сдѣлалось господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, и буржуазія, дѣйствуя совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка дворянство съ землевладѣніемъ, наложила на всѣ общественныя учрежденія господствующій и отличительный отпечатокъ своего исключительнаго принципа, гражданскаго имущества или капитала, отпечатокъ своей привилегіи. Обвиняемый выводитъ тутъ полную параллель между дворянствомъ и буржуазіей.» По-твоему, во всемъ этомъ состоитъ «злоупотребленіе», въ которомъ я упрекаю владычество буржуазіи. И все это ты призналъ «вполнѣ дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ», «чисто научнымъ анализомъ», который «находится подъ покровомъ 20 статьи конституціи». А теперь ты вдругъ объявляешь тоже самое преступнымъ? Сообщая преступную часть моей рѣчи ты повторяешь все тоже, что привелъ въ дозволительной части? Ахъ ты, приговоръ, приговоръ!

21) Однако опомнись, приговоръ! Вѣдь это самое объясненіе преимуществъ идеи рабочаго сословія и ея владычества ты, ты самъ, призналъ выше совершенно дозволительнымъ! Ты говоришь: «Далѣе онъ доказываетъ, что господство четвертаго сословія одно основано на идеѣ истинной нравственности и вызоветъ такой разсвѣтъ нравственности, культуры и науки, какого не было примѣра въ исторіи», и далѣе: «Государство, поставленное подъ власть рабочаго сословія, сдѣлало бы совершенно сознательно и вполнѣ ясно своею задачею эту нравственную сущность свою и добровольно, съ полнымъ самоотверженіемъ (въ моей брошюрѣ, стр. 26, сказано: совершенно послѣдовательно) исполнило бы то, что до сихъ поръ исторгалась необходимостью у сопротивленія скудными клочками; это необходимо вызвало бы такой прогресъ ума, такую сумму счастія, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, которыя не имѣютъ ничего подобнаго себѣ во всемірной исторіи и передъ которыми померкли бы самыя блистательнѣйшія явленія прежнихъ временъ».

И приведя эти слова, ты самъ, приговоръ, объявляешь, что въ нихъ все дозволительно, все строго научно, все защищено 20 статьей конституціи! И несмотря на это, оказывается, что изъ этого объясненія преимуществъ идеи рабочаго сословія, какъ руководящей государственной идеи, явствуетъ преступность! Зачѣмъ ты постоянно уничтожаешь самъ себя? Кчему это самопожираніе на каждомъ шагу, которое было бы чрезвычайно забавно, если бы дѣло не было такъ чрезвычайно серьезно? А штука объясняется очень просто: сначала приговоръ разсматривалъ сказанное мною, какъ сказанное, и какъ сказанное находилъ все это совершенно дозволительнымъ и чисто научнымъ. Но теперь, въ пытаніи души, онъ разсматриваетъ сказанное уже не какъ сказанное, а какъ лѣстницу для залѣзанія въ мою душу и для «явствованія»

моихъ недозволенныхъ мыслей (что за contradictio in adjecto!). Такимъ образомъ, при пытаніи души все дозволенное въ рѣчи естественно оказывается весьма подозрительнымъ!

22) Стой, приговоръ! Опять ты вынужденъ говорить... «вещь, которой нѣтъ», по выраженію турокъ. Ты самъ чуешь, что изображенія «злоупотребленій» владычества буржуазіи и преимуществъ идеи рабочаго сословія недостаточно для тебя, и вотъ ты попрежнему, см. прим. 17, вынужденъ повторять вкратцѣ сочиненную тобою за меня фразу, будто я призывалъ рабочее сословіе осуществлять его государственную идею. Но посмотри же, какъ ты это дѣлаешь, какъ ты вертишься и извиваешься! Выше ты сказалъ, что я подстрекалъ рабочее сословіе «предпринимать мѣры, чтобы добиться правоваго признанія своему владычеству». Вслѣдъ затѣмъ ты сознался, что я этого не говорилъ, но что это «явствуетъ» изъ пріемовъ моихъ при изображеніи злоупотребленій господства буржуазіи и преимуществъ владычества рабочаго сословія и изъ «воззванія моего къ рабочему сословію осуществить присущую ему государственную идею». Но вѣдь если я «взывалъ» къ рабочему сословію, чтобы оно осуществило эту идею, то къ чему тутъ толковать о косвенномъ «явствованіи»; вѣдь уже если я «взывалъ», такъ взывалъ, и чему тутъ явствовать! Но ты самъ видишь, что въ моей рѣчи нигдѣ этого воззванія нѣтъ, и хочешь, чтобы оно оказалось «явствующимъ», а теперь пошло «явствовать» изъ того, что это воззваніе есть въ рѣчи!

Но—см. прим. 17 и 18—такого воззванія въ моей рѣчи нѣтъ. Я нигдѣ не убѣждалъ рабочее сословіе «осуществлять присущую ему государственную идею», потому что, согласно моему философскому взгляду на исторію, всюду доказываю, что эта идея должна осуществиться сама собою, объективнымъ путемъ, чрезъ историческое развитіе, и, по моему воззрѣнію на исторію, субъективныя воззванія не могутъ даже нимало способствовать этому осуществленію. По моему философскому воззрѣнію на исторію, воззваніе трибуна также безсильно задержать развитіе историческаго періода или преждевременно осуществить его содержаніе, какъ дуновеніе мое—вызвать бурю на морѣ! Я только объяснилъ рабочему сословію процессъ, совершающійся самъ собою, только показалъ ему значеніе историческаго періода, въ которомъ мы уже живемъ; но я ничего, ничего не внушалъ ему, кромѣ — нравственности! Я говорилъ работникамъ, что познаніе назначенія современнаго историческаго періода, — сдѣлать принципъ ихъ сословія господствующимъ принципомъ общества — должно вмѣнить имъ въ обязанность совершенно иначе держать себя, обязанность чистѣйшаго нравственнаго поведенія. Прочтите, что я говорилъ имъ на стр. 26—27 моей брошюры. Это — самое чистое воззваніе къ нравственности, къ мыслящему существованію, съ какимъ когда-либо философія обращалась къ массамъ! Гретхенъ Гёте сказала бы объ этомъ:

«Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,
Nur mit ein bischen andern Worten.» †)

†) Почти тоже говоритъ и священникъ, только немножко другими словами.

Это слова восторженныя, вытекшія изъ восторженнаго ума! Это воззваніе къ работникамъ сдѣлать самихъ себя, всю свою жизнь достойными времени, въ которое мы живемъ, индивидуальнымъ просвѣщеніемъ, нравственностью и углубленіемъ въ мысли. Это самое могучее воззваніе, какое когда-либо возглашала философія! Ибо работникъ не можетъ просвѣщаться, съ цѣлью найти въ просвѣщеніи пріятное развлеченіе въ часы досуга. Такой призывъ къ просвѣщенію не могъ бы тронуть его! Онъ только тогда можетъ предаться страсти къ просвѣщенію, къ развитію мысли, которому столько препятствій въ его общественномъ положеніи, когда сознаетъ, что это просвѣщеніе будетъ для него не пріятнымъ время-препровожденіемъ, а условіемъ всего его положенія и значенія въ современной исторіи, условіемъ всего его существованія!

Итакъ, я призывалъ работниковъ образовать себя и такимъ образомъ возвыситься на высоту своего времени. Я призывалъ ихъ, правда, и къ «осуществленію присущей имъ государственной идеи»; насколько просвѣщеніе рабочаго сословія способствуетъ этому осуществленію, настолько я дѣйствительно призывалъ каждаго изъ нихъ «осуществить» ее въ своей индивидуальной личности. И вотъ этотъ-то призывъ къ нравственности и просвѣщенію признается преступленіемъ! Что же? Надо, чтобы рабочее сословіе не просвѣщалось? Надо, чтобы масса оставалась груба, животна, невѣжественна, чтобы удобнѣе было управлять ею? Пусть такъ, но дѣло ли приговора требовать этого? Въ такомъ случаѣ пусть государство уничтожитъ школы и постановитъ: «Рабочіе классы должны быть необразованы». Тогда поговоримъ!

Наконецъ, вотъ еще что, приговоръ: еслибы даже я «внушалъ рабочему сословію осуществлять присущую ему государственную идею» — вѣдь тебѣ изъ этого не было бы никакого прока, и для извлеченія прока тебѣ пришлось бы присовокупить еще критерій: «осуществлять преступными средствами.» Неужели ты этого не понимаешь? Какъ же ты думаешь? Развѣ имъ нельзя осуществлять этого посредствомъ избирательной урны, выбирая въ палаты людей, раздѣляющихъ эти воззрѣнія?

23) Все это выше признано дозволительнымъ.

24) Ахъ, приговоръ! Вѣдь все это ты объявилъ дозволительнымъ! Все это ты призналъ чисто научнымъ! Если это дозволительно сказать, то дозволительно и доказать. Тѣмъ и отличается наука отъ фразеологіи, что послѣдняя остается при общихъ фразахъ, тогда какъ первая приводитъ конкретныя доказательства. Ты призналъ дозволительнымъ сказать, какъ сказано у меня на стр. 3, что дворянство, какъ всякое господствующее сословіе, присвоило себѣ податную льготность и старалось свалить государственныя тяжести на подчиненныя сословія; ты призналъ также дозволеннымъ сказать, какъ сказано у меня на стр. 17, что буржуазія поступаетъ съ своимъ принципомъ, капиталомъ, совершенно также, какъ въ средніе вѣка поступало дворянство съ землевладѣніемъ, и старается наложить на всѣ общественныя учрежденія отличительный отпечатокъ своей привилегіи; если все это дозволительно было сказать, то позволительно и показать, что и от-

носительно податной льготности буржуазія поступила, какъ дворянство. Но вѣдь ты самъ знаешь и говоришь это! Ты самъ, сказавъ, что «обвиняемый выводитъ тутъ полную параллель между дворянствомъ и буржуазіей, говоришь, что все до сихъ поръ приведенное, значитъ и эта параллель, есть «вполнѣ дозволительное историческое развитіе реальныхъ фактовъ».

Тамъ ты признаешь дозволительнымъ, что «обвиняемый выводитъ», а тутъ объявляешь этотъ выводъ преступнымъ! Если бы ты приводилъ подлинныя слова мои, тебѣ пришлось бы оба раза привести одну и туже страницу 17. Но ты въ одномъ мѣстѣ просто говоришь, что «тутъ обвиняемый выводитъ полную параллель» и для краткости справедливо не приводишь эту параллель въ подробности; а въ другомъ мѣстѣ ты пространно передаешь эту дозволительную, по твоему, параллель и объявляешь ее преступною! Вся разница въ твоихъ передачахъ этой страницы моей брошюры состоитъ въ томъ, что въ первый разъ ты пропускаешь цифры, а во второй приводишь ихъ. Вѣроятно, преступность заключается въ этихъ цифрахъ, взятыхъ изъ государственнаго бюджета!

Приговоръ! Приговоръ! Истинно говорю тебѣ, трудно сохранить съ тобой равнодушіе и снисходительность! Съ львинымъ мужествомъ пожираешь ты строка за строкой собственные члены свои, чтобы осудить меня! Но и на этотъ разъ все это вавилонское столпотвореніе разрѣшается такъ же просто, какъ въ 21 примѣчаніи. Разсматриваемый лишь какъ сказанный, мой выводъ совершенно дозволителенъ. Но страшные криминалы открываются въ немъ, если взглянуть на него, какъ на подножку и орудіе пытки, предназначенные для проникновенія въ душу обвиняемаго и выпытыванія изъ нея, каковы-то вообще мысли у человѣка, который говоритъ подобныя вещи про косвенные налоги!

25) Вотъ какъ? Это только я ихъ такъ называю? Подробнѣе см. объ этомъ въ словесныхъ преніяхъ.

26) Правда это или неправда, приговоръ? Какъ по-твоему?

Моя критика косвенныхъ налоговъ составляетъ главное основаніе осужденія. Въ приговорѣ, который читали въ судѣ, было даже сказано, что обвиняемый «приводитъ во многихъ отношеніяхъ доказательства, лишенныя научной логичности, а иначе отъ вниманія его не могло бы укрыться, что все, что онъ говоритъ о косвенныхъ налогахъ, — невѣрно и что бремя этихъ налоговъ не падаетъ на бѣднѣйшіе классы такъ, какъ утверждаетъ обвиняемый».

Такова была дерзость первоначальной редакціи приговора, что рѣшались отрицать вѣрность того, что я говорилъ о косвенныхъ налогахъ. По счастію, опомнились и въ окончательной редакціи отступились отъ этой дерзости.

Повидимому, какъ-то убѣдились въ невозможности утверждать такую вещь и вычеркнули эту фразу! Но это вовсе не поправило, а еще хуже испортило дѣло!

Пока приговоръ думалъ, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ — ложно, онъ еще могъ разсуждать такимъ образомъ: такъ какъ это ложно и такъ какъ я самъ долженъ былъ знать, что говорю неправду, то сказано это было мною только для подстрекательства.

Но съ той минуты, какъ убѣдились, что моя, еще слишкомъ мягкая, критика косвенныхъ налоговъ объективно истинна, и потому вычеркнули свою фразу, отрицавшую это, — мой разборъ косвенныхъ налоговъ становится «дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ» и «чисто научнымъ анализомъ».

Но, несмотря на это, и во второй редакціи приговора мой разборъ косвенныхъ налоговъ остался главнымъ основаніемъ осужденія. Приговоръ неоднократно возвращается къ нему, цитируетъ мѣста моей брошюры, относящіяся къ этому предмету и всюду выдаетъ его за главную сущность проступка! Подробности см. въ словесныхъ преніяхъ. А здѣсь я еще спрошу васъ: Какъ? Богу, монархіи и аристократіи приходится ежедневно подвергаться критикѣ, — и только косвенныхъ налоговъ нельзя критиковать, только про нихъ нельзя сказать, что они непропорціонально обременяютъ бѣдные классы, непропорціонально облегчаютъ крупный капиталъ? Приговоръ самъ представляетъ приводящее въ изумленіе подтвержденіе выведенной мною параллели между средневѣковымъ владычествомъ дворянства и современнымъ владычествомъ капитала! Господствующій капиталъ не допускаетъ даже противъ себя критики! До этого дворянство въ средніе вѣка не доходило!

27) Право? Только «по его словамъ?» А не ге vera? Въ первой редакціи приговора прямо отрицали вѣрность моихъ словъ о косвенныхъ налогахъ (см. предъидущее примѣчаніе); во второй это смягчили, и теперь представляютъ сказанное мною о нихъ моимъ голословнымъ утвержденіемъ, не рѣшая, право оно или нѣтъ. Но если я правъ, то можетъ ли быть рѣчь о виновности?

28) Правда или нѣтъ? См. въ словесныхъ преніяхъ.

29) Повидимому, это тебя чрезвычайно удивляетъ, приговоръ, потому что ты дважды проводишь въ ковычкахъ этотъ заявленный мною историческій фактъ. Но что же мнѣ дѣлать съ тобой, если ты не знаешь исторіи? См. словесныя пренія.

30) Правда или нѣтъ? Смѣю я критиковать косвенные налоги, или не смѣю?

31) Тутъ ты опять говоришь въ пылу усердія, чтобы обличить меня въ неправдѣ или преувеличеніи, «вещь, которой нѣтъ». Прочти, что я говорю объ этомъ на стр. 17—18. Сказавъ, что остается около 97 милліоновъ дохода съ налоговъ, я говорю, что изъ нихъ, за исключеніемъ 12,800,000 талеровъ и «нѣкоторыхъ весьма немногихъ и ничтожныхъ статей, все остальное [redacted]ится на косвенные налоги» (стр. 18). Какъ видите, я считаю сл[redacted]арательно и добросовѣстно, чтобы утверждать, что на косвенные налоги [redacted]даютъ всѣ 108 милліоновъ дохода за исключеніемъ 12 милліоновъ прямыхъ налоговъ; я вычитаю изъ нихъ доходъ съ доменовъ и лѣсовъ и отношу къ косвеннымъ налогамъ только остающіеся затѣмъ 97 милліоновъ за вычетомъ 12 милліоновъ прямыхъ налоговъ и еще «нѣкоторыхъ статей». Я стараюсь считать вѣрно, хотя въ моихъ разсчетахъ заинтересовано только достоинство моего сочиненія. Отчего же ты, приговоръ, усердствующій при-

говоръ, не соблюдаешь такой точности и тщательности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о свободѣ человѣка? Зачѣмъ ты выдумываешь на меня ложные факты?

32) Безпамятный приговоръ! Вѣдь всю эту параллель между податными льготностями дворянства и буржуазіи и «выведеніе» ея ты призналъ дозволенными и весьма научными! См. примѣч. 24.

33) Правда или нѣтъ? Преступленіе ли финансовая статистика?

34) Ты думаешь, что народъ узналъ это отъ меня перваго? Развѣ онъ не зналъ этого гораздо лучше по собственному опыту? По комедіямъ? По сотнямъ народныхъ пословицъ, которыя характеризуютъ это?

И притомъ вѣдь все это относится къ параллели между дворянствомъ и буржуазіей, которую ты призналъ дозволительной, къ дозволенному тобой «выведенію» ея! См. примѣч, 20 и 24. Что это, какъ ты безпамятенъ, приговоръ!

35) Т. е. все тоже, что ты выше призналъ дозволительнымъ (примѣч. 20 и 24)! Вообще въ моей брошюрѣ нѣтъ ни одного слова, которое не промаршировало бы передъ тобой дважды, сперва благонамѣреннымъ, а потомъ преступнымъ!

36) Какъ! Я не смѣю даже отдавать предпочтеніе воспитанію средневѣковаго духовенства передъ журнальнымъ просвѣщеніемъ? До чего ты доходишь, приговоръ!

37) Каково! Не вѣрить въ «Народную Газету» и «Національную Газету!» Вотъ такъ преступленіе!

38) Приговоръ! Это важное, плохое перевираніе! Забывай, сколько хочешь, свои собственные слова, топчи ихъ, уродуй, глотай, какъ хочешь! Это твое дѣло. Но мои слова прошу не переиначивать, не передѣлывать въ совершенно противоположныя по смыслу! А ты это дѣлаешь. Я нигдѣ не говорю этого о «классѣ имущихъ»; я говорю какъ разъ противное! Я никогда не говорилъ этого про «классъ имущихъ», а говорилъ только про буржуазію, притомъ именно съ оговоркой и строго опредѣляя значеніе этого слова, что разумѣю подъ нимъ не классъ имущихъ, а только тѣ личности, которыя хотятъ обратить имущество въ правовое условіе политической власти посредствомъ трехъ-класснаго избирательнаго закона, ценза (стр. 13—14). Какъ ты ни безпамятенъ, но этого ты не могъ проглядѣть, потому что я особенно налегъ на это опредѣленіе, выставилъ его основаніемъ всего моего изложенія и слишкомъ часто повторялъ его. Кромѣ того, я обращалъ на него вниманіе и въ защитительной рѣчи (стр. 52—54), цитировалъ относящіяся сюда мѣста изъ брошюры и объяснялъ ихъ. Стало быть. ты не могъ [redacted]ѣть все это. Но дѣло понятно! Если подъ словомъ буржуазія [redacted]лъ только личности, желающія сдѣлать капиталъ правовымъ условіем[redacted]итической власти, то значитъ, я нападалъ только на политическій принципъ, а не на какой-нибудь классъ подданныхъ государства! Вѣдь нельзя прямо указать, какія именно личности въ Пруссіи хотятъ сохраненія трехъ-класснаго избирательнаго закона! А для осужденія требуется, чтобы я нападалъ на какой-нибудь классъ подданныхъ государства. И вотъ, не долго думая, пишутъ

вмѣсто буржуазія — классъ имущихъ, хотя это выраженіе какъ разъ противуположно моему опредѣленію слова буржуазія!

39) А каковъ же, по твоему, результатъ трехъ-класснаго избирательнаго закона? И не призналъ ли ты все это дозволительнымъ историческимъ анализомъ? Загляни у себя въ стр. 91 и 93: призналъ или нѣтъ?

40) Приговоръ! Опять вещь, которой нѣтъ! Я не говорилъ ни слова о томъ, чтобы «она лишала ихъ средствъ къ образованію», я и не заикался объ этомъ; я только сказалъ, проводя историческую параллель между дворянствомъ и буржуазіей, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія проводитъ господство своей привилегіи еще съ стражайшей послѣдовательностью, чѣмъ средневѣковое дворянство. Я говорилъ, что въ средніе вѣка воспитаніе народа было въ рукахъ духовенства, а теперь за него взялись журналы, но что залоги и пошлины дѣлаютъ изданіе журнала возможнымъ только при большомъ капиталѣ, вслѣдствіе чего возможность дѣйствовать на народное мнѣніе, руководить имъ и просвѣщать его сдѣлалось привилегіей крупнаго капитала. Слѣдовательно, я говорю о томъ, что возможность просвѣщать другихъ, руководить образованіемъ народа, вліять на него, формировать политическое народное мнѣніе поставлены въ условіе отъ владѣнія капиталомъ. А ты искажаешь мои слова и увѣряешь, будто я сказалъ, что имущіе классы лишили работниковъ средства индивидуально образовывать себя! Увѣряю тебя, приговоръ, я предпочитаю просидѣть въ тюрьмѣ четыре мѣсяца и даже четыре года, чѣмъ, по-твоему, заниматься по обязанности службы умышленнымъ извращеніемъ чужихъ словъ, приписываніемъ людямъ фразъ, которыхъ они никогда не говорили, — подумай, который уже разъ я ловлю тебя на этомъ, — и все это съ безуспѣшнымъ намѣреніемъ найти хотя самое жалкое основаніе для осужденія!

41) Приговоръ! Опомнись! Вѣдь это «изображеніе» есть то самое, которое ты призналъ выше «дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ, какъ ихъ понимаетъ обвиняемый съ своей субъективной точки зрѣнія», изображеніемъ, которое даже «должно быть разсматриваемо какъ чисто научный анализъ» и состоитъ подъ покровомъ 20 статьи конституціи!

42) См. прим. 29.

43) Смѣю я критиковать косвенный способъ выборовъ или не смѣю?

44) Однако, приговоръ, вѣдь это сказано еще Руссо, еще Фихте, который сдѣлался уже офиціальнымъ и еще недавно прославлялся всѣми офиціальными корпораціями Германіи! Вѣдь все это было напечатано въ Пруссіи еще подъ цензурой. Вѣдь это говорилось и многими другими, да знаешь ли даже — самимъ евангеліемъ! Христосъ сказалъ: истинно говорю вамъ, легче канату (вельбуду κάμηλος, прежде переводили верблюду) пройти сквозь ушко игольное, чѣмъ богатому войти въ царствіе небесное! Что такое?! Я проповѣдую евангельскій текстъ, и за это меня осуждаютъ! Подумай, приговоръ, вѣдь еслибы древніе отцы церкви были живы, они прокляли бы тебя на всѣхъ соборахъ, предали бы тебя анаѳемѣ и осудили бы на вѣчныя муки за такую выходку противъ словъ Господа, который изрекъ совершенно тоже,

что сказано и доказано у меня! Приговоръ, побойся Бога! Дѣло идетъ нетолько о твоей чести на землѣ, но и о спасеніи твоемъ на томъ свѣтѣ!

Подробнѣе см. въ словесныхъ преніяхъ.

45) Это выраженіе, кажется, крайне удивляетъ тебя, приговоръ? Вѣдь это «такъ сказать, воплощенная государственная измѣна» — какъ сказалъ бы полицейскій служитель Деревянное Яблоко въ Шекспировомъ «Много шума изъ пустяковъ».

Позволь привести только одну цитату! Boisguillebert, lieutenant-général au baillage de Rouen, котораго издатели большаго французскаго Collection des Economistes называютъ Христофоромъ Колумбомъ національной экономіи, выражается въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1697 г. при Людовикѣ XIV, «Le détail de la France», обо всей финансовой администраціи короля буквально такъ: «on considère la France à l'égard du prince comme un pays ennemi» — «въ отношеніи короля Франція считается непріятельской страной».

Правда, Буагильберъ попалъ за свою книгу въ немилость при Людовикѣ XIV. Но не болѣе! Его не обвиняли. А въ XIX столѣтіи за это и въ тюрьму сажаютъ, и наказываютъ по судебному приговору! Какой прогрессъ сравнительно съ самодержавіемъ 1697 года!

46) Опять позволь процитировать тебѣ кое-кого изъ писателей. Фихте (Ges. W. Bd. VII. p. 519 ff.) говоритъ, что человѣческая жизнь поймется въ общихъ чертахъ, «если представить ее себѣ постепеннымъ развращеніемъ по мѣрѣ возвышенія въ возрастѣ и въ общественномъ положеніи, причемъ это развращеніе возрастаетъ еще въ каждомъ новомъ поколѣніи сравнительно съ предшествующимъ. Чѣмъ старѣе и важнѣе человѣкъ, тѣмъ, говоря вообще, надо предполагать его порочнѣе; кромѣ того можно съ увѣренностью сказать, что черезъ годъ вся масса будетъ порочнѣе, чѣмъ теперь». «Лѣта и опытность научили ихъ только мудрости себялюбія, убѣдили только въ общей порочности по себѣ и по другимъ, такъ что, когда они пришли въ разумъ, оказалось, что качества, считавшіяся хорошими задатками молодежи, были просто неразуміе; когда они все сознали и уяснили себѣ, отъ этихъ качествъ не осталось и слѣда. Когда имъ стукнуло за тридцать лѣтъ, къ чести ихъ и для блага міра надо было пожелать, чтобы они умерли, потому что съ этихъ поръ они жили только для того, чтобы все болѣе мерзавить себя и окружающихъ». «Насчетъ усиленія развратности, пропорціонально возвышенію людей въ обществѣ, надо сказать вотъ что: чѣмъ выше стояло дитя по рожденію, тѣмъ уже и мелочнѣе представлялась ему жизнь человѣка, и тѣмъ раньше обнаруживалось передъ нимъ растлѣніе этой жизни, которая была для него лишь условнымъ приличіемъ; все окружавшее его было мерзко, а чтобы въ низшихъ презираемыхъ имъ классахъ могло быть что нибудь достойное уваженія, не могло ни прійти ему самому въ голову, ни дойти до него отъ другихъ. Такимъ образомъ ему съ самаго рожденія было очень облегчено раннее пріобрѣтеніе яснаго пониманія людей. Какимъ образомъ могло проникнуть въ эту душу стремленье быть

чѣмъ-нибудь инымъ,—не тѣмъ что всѣ? Его преимущества, богатство, подчиненіе ему низшихъ классовъ народа открывали ему обширное поприще развивать и вырабатывать свое себялюбіе во всѣхъ направленіяхъ, постоянно усиливать его постояннымъ удовлетвореніемъ; не было силы, которая противодѣйствовала бы этому; государство, позволявшее все, чего не запрещало, запрещало высшимъ классамъ очень мало и даже смотрѣло сквозь пальцы на то, что они дѣлали противъ запрещеній; религія также обратилась въ проповѣдь наслажденія; общественная мораль вполнѣ соглашалась, что жизнь состоитъ только въ наслажденіи, и называла глупостью противное мнѣніе. Напротивъ того, низшіе классы, по ограниченности своихъ свѣдѣній объ условіяхъ жизни, никогда не могли прійти къ ясному пониманію современной жизни, а высшіе классы еще пускали имъ пыль въ глаза кое-какими услугами своими всему обществу и кое-какими достоинствами; притомъ угнетеніе ихъ высшими сословіями невольно внушало имъ нѣкоторую религіозную надежду на другую жизнь, что́ высшимъ классамъ было очень пріятно, и они старались сохранить въ народѣ вѣру, предоставляя себѣ не вѣрить. Поэтому низшіе классы никогда не могли пасть такъ низко, тогда какъ высшіе тѣмъ глубже погрязали въ мерзость, чѣмъ ближе стояли къ вершинѣ. Впрочемъ изъ нихъ рѣдко кого можно было назвать злымъ или страшнымъ, потому что для этого большинству надо имѣть силу; обыкновенно они были просто глупы, невѣжественны, лѣнивы, трусливы и подлы».

Видишь, приговоръ, насколько я мягче Фихте! Да иначе и быть не можетъ, потому что я касаюсь этого предмета въ брошюрѣ только для того, чтобы смягчить это воззрѣніе Фихте, Руссо и конституціи 1793 г., чтобы болѣе глубокимъ развитіемъ заключающейся въ немъ истины оградить его отъ преувеличенія, въ какомъ оно является у нихъ и въ которомъ оно порождаетъ «самыя печальныя безобразія, какъ было съ санкюлотствомъ» — какъ я прямо говорю на стр. 22!

Во всякомъ случаѣ ты видишь, приговоръ, что, запретивъ меня, ничего не выиграешь! Тебѣ надо запретить всю философію, надо устроить вмѣсто юбилея Фихте — конфискацію Фихте, надо перехватать книги, изданныя во времена абсолютизма въ Берлинѣ съ разрѣшенія и одобренія прусской цензуры, и только тогда можно будетъ приняться запрещать, конфисковать и наказывать меня!

47) Смѣю я разсуждать о духовныхъ качествахъ, свойственныхъ разнымъ сословіямъ общества по условіямъ ихъ жизни, или не смѣю?

48) Въ первой редакціи приговора сочли даже доказательствомъ ненаучности моего сочиненія это образное наименованіе государственной идеи буржуазіи будочнической идеей, потому что буржуазія не можетъ представить себѣ государство иначе, какъ въ образѣ будочника, имѣющаго чисто отрицательное назначеніе. Тамъ было сказано насчетъ этого, что «обвиняемый впадаетъ во многихъ мѣстахъ въ шутовство, что́ недостойно человѣка науки».

Вотъ напр. и Гегель оказывается «недостойнымъ науки»—приговоръ, разумѣется, знаетъ о наукѣ больше Гегеля, — потому что въ своей Философіи Права говоритъ хотя бы о самоубійствѣ такъ (стр. 109): «Можно, пожалуй, считать самоубійство геройствомъ, но развѣ геройствомъ портныхъ и судомоекъ.» Эти портные и судомойки, конечно, стоятъ моихъ будочниковъ, такъ что Гегель, очевидно, также «впадаетъ въ шутовство». Но къ чему цитаты, когда приговоръ самъ понялъ свою нелѣпость! Приговоръ раздумалъ выражаться такимъ образомъ, какъ въ другомъ мѣстѣ раздумалъ упрекать меня въ невѣрности моихъ словъ о дѣйствіи косвенныхъ налоговъ. Приговоръ заблагоразсудилъ не вступать со мной въ научный споръ, зная, что ему придется въ немъ попасть въ непріятныя волчьи ямы цитатъ.

Какъ въ отношеніи косвенныхъ налоговъ (см. прим. 26), такъ и насчетъ будочнической идеи, вторая редакція приговора предпочитаетъ взять назадъ научныя открытія первой.

Однако будочническая идея, хотя уже не шутовская, остается, какъ подозрительный признакъ подозрительной подозрительности, какъ нѣчто важное «при этомъ воззрѣніи», о чемъ мы услышимъ ниже, словомъ, какъ доказательство преступности, подобно критикѣ косвенныхъ налоговъ, которая осталась преступной, хотя оказалась вѣрной.

49) Какъ кажется, приговоръ считаетъ «страсть» чѣмъ-то очень дурнымъ. Приговоръ! Ты, должно быть, не силенъ въ богословіи! Иначе ты зналъ бы, что всѣ отцы церкви, всѣ старыя духовныя книги требуютъ, чтобы мы предавали себя Богу съ величайшею «страстью». Стало быть, дѣло въ томъ, на что обращена страсть, каково ея содержаніе. Почему же нельзя питать страсть къ историческому развитію, къ развитію культуры, этому высшему интересу ума и человѣчества?

50) Не надо дѣлать такихъ пропусковъ, приговоръ, которые злые языки могутъ назвать злонамѣренными! Сравни стр. 24.

51) Какъ это позорно съ моей стороны!

52) Все это было признано тобою дозволительнымъ. Однако мнѣ уже надоѣло повторять тебѣ это на каждомъ словѣ.

53) Тутъ, цитируя меня, ты самъ сознаешься, что я внушалъ работникамъ сдѣлать ихъ собственное индивидуальное существованіе достойнымъ своего времени, т. е. индивидуально преисполнить себя просвѣщеніемъ и нравственностью. Про какія же «мѣры» ты говорилъ выше, которыя я будто внушаю имъ въ отношеніи постороннихъ. См. прим. 17.

54) Не понимаешь? Что же тутъ непонятнаго, что чѣмъ болѣе «предается», какъ я говорю, «рабочее сословіе нравственной строгости мысли», чѣмъ болѣе оно возвышается къ мысли, къ нравственности, къ просвѣщенію, тѣмъ болѣе усиливается его значеніе въ обществѣ, тѣмъ невозможнѣе становится хотя бы напр. трехклассный избирательный законъ? Совершенно образованному рабочему сословію не стали бы отказывать въ равномъ участіи въ избирательномъ правѣ. Тогда уничтожился бы и послѣдній еще приводимый теперь предлогъ—недостатокъ въ рабочемъ сословіи пониманія.

Такимъ образомъ я ясно выражаю въ этой фразѣ, за которую приговоръ осуждаетъ меня, что ожидаю исполненія задачи, приписываемой мною современному историческому періоду, только отъ исторіи, отъ объективнаго развитія самихъ вещей, а не отъ личностей работниковъ; я довольно понятно показываю словами, которыя цитируетъ приговоръ, что ожидаю этого не нынѣче и не завтра, а въ очень долгій періодъ, обнимающій по крайней мѣрѣ нѣсколько десятилѣтій; наконецъ я говорю работникамъ, что лично они могутъ ускорить рѣшеніе этой задачи исторіей, могутъ лично содѣйствовать ему, только образовывая, облагораживая самихъ себя, предаваясь силамъ мысли и нравственности!

Приговору очень хочется доказать, что я подстрекалъ работниковъ «принимать мѣры» (см. прим. 17). Это былъ его аргументъ! Это «явствовало» (см. прим. 18). «Мѣры»! «Мѣры» предпринимаются на улицѣ или вообще гдѣ-нибудь во внѣшнемъ мірѣ. А «явствуетъ»-то что же? Что я убѣждалъ работниковъ, о чемъ приговоръ опять неблаговидно умалчиваетъ, предаваться облагораживающимъ силамъ мысли и нравственности «въ мастерскихъ, за работой, въ часы досуга, на прогулкахъ» (стр. 27), словомъ, въ ихъ личной частной жизни! Если это облагораживаніе, по-твоему, — «мѣра», то спрашивается, не хочешь ли ты и эту «мѣру» и внушеніе ея признать преступными? Итакъ, эта единственная фраза, заключающая въ себѣ воззваніе къ работникамъ и долженствующая послужить доказательствомъ моей преступности, нетолько не доказываетъ ее, а доказываетъ какъ разъ противное! *Ибо* она доказываетъ, что я убѣждалъ работниковъ, что только самообразованіемъ могутъ они помочь исторіи выполнить ея задачу.

55) Развѣ въ Пруссіи запрещено разсуждать и о французскихъ дѣлахъ?

56) Да, приговоръ, я повторяю, и ты повторяешь, только ты повторяешь какъ вещь преступную и въ высшей степени подозрительную то, что выше призналъ дозволительнымъ историческимъ анализомъ.

57) Подожди! Это именно мѣсто особенно ограждаетъ меня противъ твоихъ ухищреній и инсинуацій, какъ я уже доказалъ въ примѣчаніи 17. Но тутъ съ тобой опять случилась невинная ошибка, что ты проглядѣлъ во фразѣ и выпустилъ изъ нея слова, доказывающія, что рѣчь идетъ именно о мирномъ развитіи. Ты пропустилъ слова мои о томъ, что «сами власти рукоплещутъ этимъ явленіямъ». Ясно, что это должны быть мирныя явленія, изъ которыхъ и развитіе должно выйти мирное, хотя бы они тѣмъ неменѣе производили полную революцію, совершенный переворотъ въ положеніи общества. Напр. на стр. 7 я показываю, и ты передаешь эти слова мои, какъ въ средніе вѣка промышленность произвела мирнымъ образомъ полный переворотъ въ тогдашнемъ обществѣ, основанномъ на принципѣ землевладѣнія, посредствомъ раздѣленія труда, открытія Америки, уменьшенія страховой преміи, проведенія каналовъ и шоссе и пр. Но не правда ли, приговоръ, будь твоя воля, ты запретилъ бы и раздѣленіе труда, и открытіе Америки, и каналы, и шоссе? Такъ по крайней мѣрѣ приходится думать, если ты находишь съ моей стороны

преступнымъ ожидать мирнаго, но тѣмъ неменѣе полнаго преобразованія общества отъ аналогичныхъ современныхъ явленій!

58) Слѣдовательно, и историческій взглядъ преступенъ и долженъ быть наказанъ! Пресвятой Торквемада! Я говорю въ брошюрѣ: «Истинно революціонное движеніе, движеніе, основанное на дѣйствительно новомъ принципѣ, еще никогда не погибало, никогда не падало, по крайней мѣрѣ надолго» (стр. 5). Если человѣкъ такъ смотритъ на прошлыя революціи, то нельзя ли заподозрить его въ подозрѣніи подозрительныхъ мыслей насчетъ какихъ-нибудь будущихъ революцій? Quod erat demonstrandum!

59) Но вѣдь если эта фраза преступна, то преступна вся философія исторіи! Еслибы ты былъ по крайней мѣрѣ такъ добръ, приводилъ бы осужденныя тобою мысли цѣликомъ, а не въ половину, которая тебѣ нужна. Дочитай-ка это мѣсто на стр. 10!

60) Славно, приговоръ, отличаешься! «Надо обратить вниманіе» — «Надо принять въ соображеніе»—«Надо замѣтить»—и, исполнивъ все это, придешь къ заключенію, что хотя ничего преступнаго авторъ не сказалъ, но можетъ-быть держитъ кое-что въ мысляхъ! И чѣмъ меньше онъ сказалъ, тѣмъ хуже, потому что тѣмъ онъ, значитъ, скрытнѣе! «Quantoque metu occultior», чѣмъ кто больше сдерживался изъ страха, тѣмъ подозрительнѣе казался государю— таково было правило еще Нерона, какъ говоритъ Тацитъ по поводу Рубеллія Плавта (Tac. Annal. XIV, c. 21).

Такимъ образомъ подозрѣніе злонамѣренности служитъ доказательствомъ ея. Правда, хотя и выпытали такое мнимое доказательство злонамѣренности, но все-таки нѣтъ объективной наличности преступленія. Пустяки! Стоитъ заботиться о такой мелочи! Сперва признай объективное содержаніе сочиненія дозволительнымъ, потомъ «прими въ соображеніе» тотъ же самый матеріалъ по отношенію къ подозрѣнію въ злонамѣренности, къ которому онъ приводитъ, несмотря на свою дозволительность; сдѣлавъ это, возьми въ третій разъ тотъ же самый матеріалъ и «обрати на него такое вниманіе», чтобы онъ доказалъ злонамѣренность, какъ объективное наличное преступленіе!

61) Вотъ какъ это сказано у меня: «Этотъ періодъ окончился французской революціей, хотя, какъ Вы знаете, въ Германіи, гдѣ этотъ переворотъ былъ произведенъ не народомъ, а правительствами, путемъ очень медленныхъ и несовершенныхъ реформъ, до сихъ поръ существуютъ весьма многочисленные и значительные выходцы этого историческаго періода, и до сихъ поръ они на каждомъ шагу мѣшаютъ и препятствуютъ буржуазіи» (стр. 19).

Эти слова слѣдовало бы считать просто необходимымъ историческимъ объясненіемъ того факта, что въ Пруссіи и вообще въ Германіи указанныя мною черты владычества буржуазіи, составляющаго общій характеръ втораго міроваго періода, не вполнѣ выражены. Да, да, само по себѣ это ничего иного не можетъ значить! Но вѣдь это только плоть фразы! Если же «взять во вниманіе», что тутъ революція, производимая правительствомъ, противуполагается революціи, предпринимаемой народомъ для водворенія владычества буржуазіи, если «принять въ соображеніе», что послѣдней отдается предпочтеніе, какъ

болѣе основательной, если «замѣтить», что тутъ почти выражается сожалѣніе, что въ Германіи владычество буржуазіи не водворено такъ послѣдовательно и совершенно, если опять «принять во вниманіе», что такое сожалѣніе о неполнотѣ буржуазной революціи даетъ поводъ подозрѣвать въ тайномъ желаніи рабочей революціи—то послѣ всѣхъ этихъ дополненій и передѣлокъ будетъ «явствовать», что обвиняемый уличенъ въ политической ереси! Дѣйствительно, въ 1481 году испанская инквизиція издала эдиктъ, третьей статьей котораго постановляется доносить святѣйшей инквизиціи о крещеныхъ евреяхъ, которые навлекутъ на себя подозрѣніе въ отступничествѣ, «утверждая, что законъ Моисеевъ такъ же дѣйствителенъ теперь для спасенія, какъ и законъ Іисусовъ» (Льоренте. Ист. исп. инквизиціи, т. I, от. V, гл. III).

Точно то же противупоставленіе и точно тотъ же выводъ! Разница только въ томъ, что испанская инквизиція считаетъ это противупоставленіе достаточнымъ основаніемъ лишь для доноса, за которымъ должно послѣдовать слѣдствіе, тогда какъ прогрессъ XIX столѣтія состоитъ въ томъ, что теперь оно признается судебнымъ основаніемъ для осужденія!

62) Стало быть, преступенъ всякій философскій взглядъ на исторію, преступно даже доказывать, что французская революція 1789 г. только дала правовую санкцію перевороту, совершившемуся до нея въ теченіе вѣковъ! Нѣтъ, вообще это не преступно! Это преступно только на стр. 96 приговора! На страницѣ же 91 та же самая фраза приводится въ числѣ дозволительныхъ положеній рѣчи. А кто не понимаетъ, какимъ образомъ можно признавать одно и то же положеніе на одной страницѣ дозволительнымъ, а на другой—преступнымъ, и притомъ и то, и другое «именемъ закона» — тотъ, значитъ, дуракъ или, вѣроятнѣе, бунтовщикъ и поноситель!

63) До чего, въ самомъ дѣлѣ, подозрительно и преступно сообщать подобные историческіе факты и хронологическія числа!

64) Опять ты осуждаешь чисто историческое мнѣніе, которое выше призналъ «дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ»!

65) Вотъ ты самъ сознаешься, до чего объективно выставляю я на видъ «преимущества легальныхъ преобразованій»!

66) Вотъ ты самъ сознаешься, до чего объективно я выставляю на видъ «неоспоримыя невыгоды революціоннаго пути»! Но все это ни къ чему не ведетъ! Возвращаются ужасы испанской инквизиціи, ужасы римской имперіи и, какъ я доказалъ, померкаютъ передъ новѣйшими ужасами! Это точь въ точь процессъ при Тиверіѣ Кремуція Корда, который назвалъ Кассія послѣднимъ римляниномъ! Совершенно такъ же обвиняютъ меня въ восхваленіи энергіи революціи за отзывъ о штурмѣ Бастиліи! Конечно! Можно кое-что вывести и изъ того отзыва, и изъ этого! Но если уже возвращаться къ ужасамъ римской имперіи, то выслушайте и отвѣтъ Кремуція: «Suum cuique decus posteritas rependit; nec deerunt, si damnatio ingruit, qui non modo Cassii et Bruti, sed etiam mei meminerint.» Выслушайте также, какой памятникъ воздвигаетъ Тацитъ этому процессу: «Libros per aediles cremandos censuere patres; sed manserunt, occultati et editi; quo magis socordiam eorum irridere

libet, qui praesenti potentia credunt exstingui posse etiam sequentis aevi memoriam. Nam contra punitis ingeniis gliscit auctoritas; neque aliud externi reges, aut qui eadem saevitia usi sunt, nisi dedecus sibi atque illis gloriam peperere» (Tacit. Annal. IV, 34 sqq.). Зачѣмъ учатъ насъ въ школахъ проклинать ужасы римской имперіи, если потомъ подвергаютъ насъ имъ во имя закона?!

67) Позволь спросить тебя, приговоръ: положимъ, нельзя возбуждать къ революціи, хотя здѣсь рѣчь совсѣмъ не объ этомъ преступленіи, а о нарушеніи § 100 У. С.; но, спрашиваю, можно или нельзя разсуждать о выгодахъ и невыгодахъ революцій? Могъ ли бы я, напримѣръ, еслибы захотѣлъ, читать публичныя лекціи въ консерваторіи «о выгодахъ и невыгодахъ революцій» и съ объективнымъ безпристрастіемъ разсматривать ихъ свѣтлыя и темныя стороны? Ты какъ полагаешь объ этомъ, приговоръ? Революція — вещь, которую нельзя дѣлать, а слѣдовательно, и возбуждать. Допустимъ, что тебѣ непріятно даже всякое напоминовеніе о революціи. Но скажи на милость, какая статья закона запрещаетъ разсматривать сущность революцій? Какая статья закона запрещаетъ издать, напримѣръ, «Физіологію революцій», причемъ, конечно, пришлось бы разсмотрѣть и показать ихъ свѣтлыя и темныя стороны? Суарецъ, авторъ Общаго Земскаго Права, опредѣляетъ въ своихъ «Аѳоризмахъ» «демократію» государствомъ, гдѣ всѣ права верховной власти отправляются собраніями или самоизбранными представителями, и потомъ въ § 9 показываетъ Sub A «преимущества», а Sub B — «недостатки» демократіи, причемъ оказывается, что преимущества далеко перевѣшиваютъ недостатки. Какъ ты думаешь, не пора ли конфисковать Суареца?

68) «Надо сопоставить!» «Надо обратить вниманіе», «надо принять въ соображеніе», «надо сопоставить» — и такимъ образомъ — такимъ образомъ! — можно извлечь всевозможные косвенные выводы изъ словъ, которыхъ не говорилось, изъ предполагаемыхъ мыслей, направленій, можно признать эти мысли фактами, за недостаткомъ настоящихъ фактовъ, и, хотя и тутъ еще все-таки не окажется ни тѣни преступности, можно объявить эти мнимые факты уголовщиной!

69) Какъ это предосудительно! Какъ очевидна моя виновность изъ того, что, по моимъ собственнымъ словамъ, исторія открываетъ значеніе настоящаго и показываетъ очерки будущаго! «По моимъ собственнымъ словамъ» — можно ли послѣ этого сомнѣваться въ моей преступности! Правда, выше эти самыя слова были приведены приговоромъ какъ «дозволительное историческое развитіе», «чисто научный анализъ», «защищенный 20 статьей конституціи». Но это ничего не значитъ! Тамъ эта фраза разсматривалась только какъ сказанная, въ своемъ объективномъ существѣ. А теперь «надо сопоставить». Сопоставленная съ другой фразой, которая, какъ сказанная, также совершенно дозволительна, она позволяетъ желающему сдѣлать заключеніе насчетъ несказаннаго! Вѣдь обязанность судьи очевидна: онъ долженъ наказывать меня за все преступное, что не сказано въ моей брошюрѣ!

Вотъ это такъ юморъ! сказалъ бы Пистоль.

70) Это объясненіе задачи современнаго историческаго періода признано тобою выше «дозволительнымъ историческимъ развитіемъ реальныхъ фактовъ», «чисто научнымъ» анализомъ, защищеннымъ 20 статьей конституціи!

71) Но вѣдь твое безпамятство просто безпримѣрно! «Γνῶθι σαυτόν»— въ переводѣ: «читай самого себя»—приходится мнѣ сказать тебѣ! Выше ты процитировалъ эту самую фразу и призналъ ее дозволительной! Ну такъ что же? Никакого въ этомъ противорѣчія нѣтъ! Вѣдь дозволительно это только само по себѣ; но изъ того, что само по себѣ дозволительно, очень легко можетъ «явствовать» преступная тенденція! Напримѣръ: слезы сами по себѣ, конечно, дозволительны. Однако при Неронѣ казнили мать Фуфія Гемина, quod filii necem flevisset, за то, что плакала о казни сына, потому что въ этихъ слезахъ «явствовала тенденція» (Tacit. Ann. VI, 10).

72) Слава Богу! Per tot discrimina rerum добрался ты до «тенденціи»! Наконецъ-то извлекъ-таки ты недозволительную тенденцію изъ совершенно дозволительныхъ положеній, изъ положеній, которыя ты самъ призналъ вполнѣ дозволительными!

73) Еще бы! Тѣмъ очевиднѣе и несомнѣннѣе эта недозволительная тенденція, что весь матеріалъ, изъ котораго ты извлекъ ее, признанъ самимъ тобою совершенно дозволительнымъ!

74) Такъ вотъ оно! Вотъ мое преступленіе! Но не говоря уже о томъ, что ты строишь «тенденцію» «возбудить это убѣжденіе» все изъ дозволенныхъ матеріаловъ, — скажи пожалуйста, съ какихъ поръ сдѣлалось преступнымъ «возбуждать убѣжденіе»? Параграфъ 100 У. С., на основаніи котораго я осужденъ, запрещаетъ только «возбуждать къ ненависти и презрѣнію», а не «возбуждать убѣжденіе». И нѣтъ такого закона, который запрещалъ бы это! Ты учреждаешь poena sine lege — наказаніе безъ закона! Вотъ что ты творишь, приговоръ!

Посмотри, какъ ты вертишься, ворочаешься и изворачиваешься въ неслыханныхъ усиліяхъ и мукахъ противорѣчій, чтобы измыслить доказательство, про которое самъ долженъ, послѣ всѣхъ противорѣчій, сознаться, что не могъ измыслить его. Выше (см. прим. 17) ты формулировалъ свое доказательство такъ, будто я подстрекалъ «рабочее сословіе, фактически уже завоевавшее себѣ права, предпринять мѣры, чтобы добиться правоваго признанія своего владычества».

Вслѣдъ затѣмъ ты сознался (см. прим. 18), что я, правда, не подстрекалъ къ этому прямо, но что это явствуетъ косвенно, и ты предпринялъ длинное, мучительное, напичканное противорѣчіями доказательство этого. Не буду повторять, что это доказательство было незаконно, противузаконно, беззаконно, нелѣпо; положимъ, оно было прекрасно; но спрашивается, куда оно теперь дѣвалось? Теперь ты самъ сознаешься, что не могъ вывести его даже косвенно! Теперь ты самъ сознаешься, что это мнимое косвенное доказательство, выведенное изъ объективно дозволенныхъ положеній, не доказываетъ тенденціи возбудить работниковъ къ «мѣрамъ», а доказываетъ

тенденцію «возбудить въ нихъ убѣжденіе»! Вотъ какъ ты измѣняешь, путаешь, забываешь собственную тему, думая, что и я забуду изъ-за скуки твоихъ разглагольствованій, что̀ ты говорилъ выше! Или, можетъ быть, ты не видишь неизмѣримой разницы между тѣмъ, что ты предпринялъ доказать, и тѣмъ, что ты, по твоему, доказалъ? Подстрекать къ «мѣрамъ» значитъ — побуждать къ практическимъ дѣйствіямъ, а намѣреніе «возбудить убѣжденіе» есть чисто теоретическое вліяніе, огражденное 20 статьей конституціи, по которой «наука и ея ученіе свободны», и незапрещенное и помимо конституціи никакимъ закономъ. По закону каждый воленъ самъ имѣть и возбуждать въ другихъ какія угодно убѣжденія.

Хочется тебѣ доказать существованіе несуществующаго, но какой-то богъ управляетъ твоимъ завирающимся языкомъ и вынуждаетъ тебя заключить свое доказательство, надъ которымъ ты столько промучился, сознаніемъ, что не къ «ненависти и презрѣнію я возбуждалъ», а хотѣлъ поселить убѣжденіе. Этимъ ты блистательно подтвердилъ все, что я доказывалъ въ моей защитительной рѣчи (стр. 49 — 52)!

75) Такъ? Ср. выше прим. 63 — 68 и ниже прим. 106.

Но предположивъ даже, что я хотѣлъ возбудить въ работникахъ это убѣжденіе — знай, что совершенно дозволительно по закону имѣть и вызывать въ другихъ какое угодно убѣжденіе о выгодахъ и невыгодахъ революціоннаго пути.

Запрещаетъ ли это какой-нибудь законъ? Нѣтъ, ни одинъ не запрещаетъ, и меньше всѣхъ § 100 У. С., запрещающій «возбуждать подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію». А между этимъ и всѣми возможными убѣжденіями о всевозможныхъ выгодахъ революціоннаго пути столько же общаго, сколько между Сиріусомъ и землей!

Возбужденіе такого убѣжденія есть дѣйствіе чисто теоретическое и потому совершенно дозволительное; это вовсе не то, что возбужденіе къ практическимъ «мѣрамъ».

Еслибы и судебная палата, соглашаясь съ приговоромъ, нашла въ моей рѣчи практическое возбужденіе къ революціи, ей прежде всего слѣдовало бы признать себя некомпетентной судить это дѣло, что̀ я на этотъ случай и предлагаю, и передать его въ государственный судъ.

Тамъ я могъ бы по крайней мѣрѣ защищаться противъ обвиненія въ этомъ преступленіи, тогда какъ тутъ, гдѣ меня обвиняютъ и осуждаютъ на основаніи § 100 У. С., я даже не могу защищаться!

76) «Понимаемая въ этомъ смыслѣ»! О, да! «Понимаемыя въ этомъ смыслѣ» слезы матери Фуфія Гемина о казни сына — преступленіе; «понимаемыя въ этомъ смыслѣ» слова Кремуція Корда о Кассіѣ — при Тиверіѣ преступленіе. «Понимаемый въ этомъ смыслѣ» поступокъ Кассіева потомка, хранившаго изображеніе своего предка съ подписью «dux partium», — при Неронѣ преступленіе, особенно «если принять въ соображеніе очевидную и несомнѣнную тенденцію» этой подписи (Tacit. Ann. XVI, 7)! Право, приговоръ, въ твоемъ завираніи есть что-то фатальное! Ты осуждаешь не мою рѣчь, а

твое собственное пониманіе ея — и такъ прямо и говоришь! «Понимая тебя въ этомъ смыслѣ», благодарю тебя, приговоръ!

77) Постой! Въ который уже разъ приходится мнѣ побивать тебя! Въ который разъ повергаешься ты на остріе собственныхъ своихъ словъ! Развѣ меня обвинили и осудили за подверганіе общественнаго спокойствія вообще опасности, какими бы то ни было средствами? Нѣтъ, § 100 гласитъ: «подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію» и т. д. Стало быть, ты долженъ доказать, что я «подвергъ общественное спокойствіе опасности возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію». Преступленіе, о которомъ говоритъ § 100, есть, слѣдовательно, возбужденіе къ ненависти и презрѣнію и притомъ въ той мѣрѣ, чтобы оно грозило опасностью общественному спокойствію. Проступокъ только въ томъ случаѣ подходитъ подъ этотъ §, если общественное спокойствіе подвергнуто опасности вліяніемъ возбужденныхъ ненависти и презрѣнія, а не распространеніемъ какихъ бы то ни было мнѣній и убѣжденій.

Зачѣмъ же ты забываешь слова твоего собственнаго текста закона? Зачѣмъ ты дѣлаешь видъ, будто этотъ законъ запрещаетъ всяческіе способы подвергать опасности общественное спокойствіе, что̀ неправда, хотя, конечно, можно, по крайней мѣрѣ, вообразить себѣ и такое положеніе, гдѣ и распространеніе идей и познаній подвергаетъ общественное спокойствіе опасности. Зачѣмъ же, спрашиваю, зачѣмъ ты такъ коверкаешь твой собственный текстъ закона? Понятно, зачѣмъ. Затѣмъ, что ты только-что самъ сказалъ, что моя рѣчь имѣетъ тенденцію «возбудить убѣжденіе въ выгодахъ революціоннаго пути» и что «понимаемая въ этомъ смыслѣ она можетъ подвергнуть опасности общественное спокойствіе». Все тотъ же богъ тянетъ тебя за языкъ, заставляя свидѣтельствовать противъ самого себя, такъ что по собственному твоему признанію, по собственнымъ словамъ твоимъ — выходитъ, что ты осуждаешь меня не за «навлеченіе опасности на общественное спокойствіе возбужденіемъ подданныхъ государства къ взаимной ненависти и презрѣнію», а за «навлеченіе опасности на общественное спокойствіе возбужденіемъ убѣжденій», т. е. за преступленіе, неизвѣстное закону.

78) Въ этой фразѣ акробатскій талантъ приговора является въ полномъ блескѣ! Противорѣчіе, протянутое строка за строкой черезъ весь приговоръ, сосредоточивается здѣсь въ одной фразѣ и само себѣ корчитъ хари! Всякій одушевленный и неодушевленный предметъ есть то, сущность чего онъ имѣетъ—да еще вполнѣ! Только мое несчастное произведеніе находится въ ужасномъ положеніи не быть тѣмъ, «сущность чего вполнѣ имѣетъ»!

Объявить, что моя рѣчь—ненаучное произведеніе, было неудобно. Самъ приговоръ испугался такого покушенія! Надо, стало быть, придумать что-нибудь другое. И вотъ сперва требованіе 20 статьи конституціи «научности» усиливается и превращается въ требованіе «чистой научности», что уже само по себѣ противно конституціи. Однако потомъ допускается и даже рѣшается судебнымъ приговоромъ, что рѣчь «вполнѣ имѣетъ чисто научную сущность», и

наконецъ дѣлается открытіе, превосходящее всѣ прочія открытія нашего вѣка, что тѣмъ неменѣе она не то, сущность чего имѣетъ, да еще вполнѣ!

Какъ же это ты такъ, приговоръ! Вѣдь если рѣчь, какъ ты самъ рѣшилъ, имѣетъ сущность чисто научнаго произведенія, то это и значитъ, что она чисто научна! Такъ вещи уже устроены, что суть именно то, чего вполнѣ имѣютъ сущность!

Противъ этого ничего не подѣлаетъ никакое «ибо»! Мы скоро увидимъ, что это за «ибо»; но еслибы это «ибо» могло имѣть какой-нибудь смыслъ, то развѣ тотъ только, что рѣчь моя не «имѣетъ вполнѣ сущности чисто научнаго произведенія». Но если она имѣетъ эту сущность, то уже никакія «ибо» и никакія силы небесныя и земныя, въ томъ числѣ и судейская, не воспрепятствуютъ ей быть тѣмъ, чего она вполнѣ имѣетъ сущность!

Ахъ, приговоръ! Что сказала бы про тебя кор.-прусская юридическая экзаминаціонная коммиссія, еслибы тебя поднесли ей какъ пробную работу!

79) Вотъ какъ! Я не ограничиваюсь «научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій въ теченіе временъ»? Нѣтъ, я вывожу «изъ историческаго развитія практическія послѣдствія относительно рабочаго класса»? Не дурно сказано! Можно подумать, что тутъ въ самомъ дѣлѣ есть какой-нибудь смыслъ! Но подожди, дай допросить тебя на основаніи твоихъ собственныхъ признаній. Ты у меня опять скажешь гораздо больше, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось. Итакъ:

а) Правда, въ моей брошюрѣ все послѣдовательно,—каждое положеніе есть послѣдствіе предыдущаго. Послѣднее слово ея есть строгое послѣдствіе перваго. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что я выводилъ «практическія» послѣдствія? Практическими послѣдствіями называются, приговоръ, такія, которыя ведутъ къ поступкамъ, составляютъ факты. Такихъ послѣдствій въ моей брошюрѣ нѣтъ ни одного. Я просто объяснялъ людямъ ходъ и значеніе исторіи, ничего не говоря имъ о томъ, что имъ дѣлать, и только убѣждая ихъ всѣми силами стараться вести нравственную и мыслящую жизнь, образовывать и облагораживать себя (см. прим. 22, 53, 54). Но ты хочешь сказать, что изъ всего моего историческаго разбора двухъ прежнихъ періодовъ, господства дворянской идеи и буржуазной, я вывелъ послѣдствіе, что міровой періодъ, начавшійся 1848 годомъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ осуществленіе господства рабочей идеи. Это, скажу тебѣ, называется выводить теоретическія послѣдствія! Но тебѣ дѣла нѣтъ, какія тамъ послѣдствія! Для тебя все равно, сказать ли «теоретическія» или «практическія» послѣдствія, хотя это двѣ вещи діаметрально противоположныя! Ты находишь, что «практическія» будетъ приличнѣе, и ты правъ, потому что осуждать за теоретическіе выводы неприлично!

b) Во-вторыхъ: по-твоему, это «выведеніе теоретическихъ (или, какъ ты говоришь: практическихъ, думая, что это все равно) послѣдствій изъ историческаго развитія по отношенію къ рабочему классу» состоитъ въ объясненіи, что современный историческій періодъ имѣетъ задачей осуществить господство рабочей идеи! Другими словами это значитъ, что ты позволяешь

мнѣ разсуждать о прошломъ до 1848 г., но съ 1848 г. мои научныя разсужденія должны прерываться! Ты, видно, не знаешь, что наука можетъ дѣлать предметомъ своихъ изслѣдованій и настоящее. Развѣ ты не слыхалъ, что естествоиспытатели могутъ опредѣлять по зародышу, какова будетъ будущая форма, въ которую онъ разовьется по естественнымъ законамъ своей природы? Вотъ точно также ученые, занимающіеся духовными науками, въ томъ числѣ и я, утверждаютъ, что при помощи разныхъ знаній, почерпнутыхъ изъ умственныхъ и историческихъ наукъ, опытный взглядъ можетъ заранѣе опредѣлить по зародышу міроваго періода его будущую форму, въ которую онъ разовьется самъ по естественнымъ законамъ своей сущности; а такимъ зародышемъ современнаго историческаго періода можно считать уже истекшія полтора столѣтія его.

Быть можетъ, ты поймешь, что такое опредѣленіе и объясненіе значенія едва начавшагося историческаго періода, это начертаніе будущей формы его по признакамъ, представляющимся въ его зародышѣ, есть дѣло въ высшей степени научное! Вотъ это-то я и дѣлаю. Я объясняю объективное значеніе современнаго историческаго періода. Я не говорю, какъ должно быть, не дѣлаю субъективныхъ предписаній, а говорю, что̀ есть! Я не указываю слушателямъ, что̀ имъ дѣлать (практическія послѣдствія), не требую, чтобы они дали историческому періоду тотъ или другой характеръ, а только показываю имъ то, что̀ уже есть. Поразмысливъ ты, можетъ быть, самъ поймешь, что самая сущность этого объективнаго ученія устраняетъ возможность подобныхъ субъективныхъ воззваній съ моей стороны. Но всему, что я толковалъ имъ, слушатели мои, очевидно, не могли предписать этому міровому періоду то или другое содержаніе по своей личной волѣ; очевидно, что это содержаніе въ немъ уже дано и что онъ имѣлъ бы его, хотя бы меня и моихъ слушателей вовсе не существовало. Они могли только понять его, и единственною цѣлью моей рѣчи было объяснить имъ его. Я говорилъ, что содѣйствовать ему они могутъ только образованіемъ и нравственностью, и если къ чему уговаривалъ ихъ, то только къ этому. Слѣдовательно, ты не можешь препятствовать наукѣ дѣлать предметомъ своихъ изслѣдованій настоящее и будущее. Ты не можешь и не смѣешь передѣлывать 20 статью конституціи прибавленіемъ къ ея словамъ: «наука и ея ученіе свободны» выдуманнаго тобою дополненія: «свободны, только пока имѣютъ предметомъ давнопрошедшіе періоды, а не недавнее, не настоящее и не будущее»; а ты дѣлаешь это, обзывая объясненіе содержанія настоящаго періода «выведеніемъ практическихъ послѣдствій».

с) Но къ чему учить ученаго? Вѣдь ты самъ все это не хуже меня знаешь и самъ во всемъ этомъ сознался, такъ что я опять могу доказать тебѣ все это тобой самимъ противъ тебя самого! Все, что ты называешь тутъ «практическими послѣдствіями», было приведено тобою выше подъ именемъ «дозволительнаго историческаго развитія», «чисто научнаго анализа» и признано «прикрытымъ 20 статьей конституціи»!

Но мнѣ ненужно даже напоминать тебѣ твоихъ прежнихъ признаній, чтобы

вынудить у тебя сознаніе! Въ этой самой фразѣ заключается полное сознаніе! Ты говоришь, что я «не ограничился научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій въ теченіе временъ, а вывелъ изъ историческаго развитія практическія послѣдствія относительно рабочаго класса». Стало быть, еслибы я ограничился первымъ, рѣчь моя была бы совершенно научна. Теперь спрашивается: развѣ рабочій классъ не «сословіе», подобно дворянству и буржуазіи? И развѣ будущее, настоящее и недавно прошедшее не точно также находятся въ «теченіи временъ», какъ и давнопрошедшее? И развѣ развитіе настоящаго изъ прошедшаго не точно также «историческое развитіе»? Такимъ образомъ, ты видишь, что и этой фразой ты опять призналъ «практическія послѣдствія изъ историческаго развитія относительно рабочаго класса» «чисто научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій въ теченіе временъ»!

Позволь же мнѣ теперь дополнить твою фразу согласно всѣмъ этимъ признаніямъ твоимъ. Выйдетъ: «ибо онъ не ограничился научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій въ теченіе временъ, но все это должно быть разсматриваемо какъ дозволительное историческое развитіе реальныхъ фактовъ, какъ чисто научный анализъ, защищаемый 20 ст. конституціи».

Вотъ, стало быть, въ чемъ состоитъ это знаменитое «ибо», вслѣдствіе котораго происходятъ такія чудеса, что вещь оказывается не тѣмъ, чего она имѣетъ сущность!

d) Но можетъ быть, подъ «практическими послѣдствіями» ты исключительно подразумѣваешь то воззваніе къ нравственности и просвѣщенію (стр. 91 и 92), которое тебѣ такъ не по нутру (ср. прим. 22, 53 и 54) и которое составляетъ единственное воззваніе мое въ этой рѣчи? Хорошо, въ угоду тебѣ, я готовъ допустить, что оно ненаучно. Допустимъ даже, что это есть «выводъ послѣдствій», и даже, хотя рѣчь идетъ только о собственномъ индивидуальномъ образованіи, предположимъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, что это—«практическое послѣдствіе». Правда, и при всемъ этомъ воззваніе это остается такимъ, что сдѣлало бы честь любому пастору! Но забудемъ и это! Предположимъ, что это воззваніе вовсе не воззваніе къ нравственности и просвѣщенію, а содержитъ въ себѣ невѣсть какіе ужасы! И все-таки въ немъ рѣчь идетъ только о рабочемъ классѣ! Все-таки въ немъ ни слова не сказано про буржуазію и ни про какое другое сословіе, кромѣ рабочаго! Какія бы страсти ни заключались въ этомъ воззваніи къ рабочему сословію предаться мысли и нравственности, во всякомъ случаѣ оно не можетъ «возбуждать къ ненависти и презрѣнію» къ другимъ сословіямъ, потому что и не упоминаетъ о нихъ. Такого возбужденія слѣдуетъ искать въ описаніи косвенныхъ налоговъ, ценза, нравственныхъ качествъ высшихъ сословій, необходимо обусловливаемыхъ ихъ положеніемъ, въ историческомъ изображеніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ революцій и реформъ—словомъ, въ такихъ мѣстахъ, которыя приговоръ признаетъ этой фразой «научнымъ изображеніемъ историческаго развитія господства разныхъ сословій», а не «практиче-

скими послѣдствіями» относительно рабочаго сословія. Самъ приговоръ сознался наконецъ, что всѣ эти историческія соображенія, будто-бы возбуждающія къ ненависти и презрѣнію, не выходятъ за предѣлы чисто научнаго изображенія и потому остаются подъ покровомъ 20 ст. конституціи. Какая же тебѣ польза, приговоръ, еслибы внѣ всего этого въ моей рѣчи и нашлось какое-нибудь «практическое послѣдствіе», которое, какъ ты его ни толкуй, никакъ не окажется «возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію»?

80) Онъ? Кто онъ? По грамматикѣ выхожу я!

81) Что это за границы?

82) Нѣтъ, приговоръ, вотъ послушай, что подлежитъ сужденію судьи! Судьѣ слѣдовало: а) доказать in jure, что 20 ст. конституціи — «наука и ея ученіе свободны» — постановляетъ ученію науки какія-нибудь границы.

Въ самомъ началѣ моей защитительной рѣчи я подробно и вполнѣ доказалъ, что для науки и ея ученія не существуетъ и не можетъ существовать никакихъ границъ, какъ показываетъ прямой смыслъ словъ этой статьи конституціи; я доказалъ, что границъ не можетъ быть и для моей рѣчи, которая, по собственному твоему признанію, «вполнѣ имѣетъ сущность чисто научнаго сочиненія».

Я показалъ, что еслибы 20 ст. конституціи: «Наука и ея ученіе свободны» могла значить: «свободны въ предѣлахъ общаго уголовнаго права», то она ничего не значила бы, что въ такомъ случаѣ наука имѣла бы столько же свободы, какъ и всякое другое мнѣніе, что толковать эту статью такимъ образомъ значитъ отрицать ее.

Теперь я приведу еще одно доказательство этого. Конституція утверждаетъ свободу выраженія всякаго другаго мнѣнія другой статьей, именно 27 статьей, гдѣ говорится:

«Всякій пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свое мнѣніе словесно, письменно, печатно и образнымъ изображеніемъ».

Но вслѣдъ затѣмъ присовокупляется:

«Цензуры не должно вводить; всякое другое ограниченіе свободы печати допускается только путемъ законодательства.»

Итакъ, здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о простомъ выраженіи мнѣнія, конституція сама прибавляетъ, что эта свобода можетъ быть ограничена путемъ законодательства и стѣснена этими границами. Но тамъ, говоря о свободѣ науки, она не дѣлаетъ такихъ оговорокъ, и это обстоятельство, какъ и то, что она говоритъ о свободѣ науки и о свободѣ простыхъ выраженій мнѣнія въ двухъ разныхъ статьяхъ, доказываетъ, что свобода первой не тожественна со свободой вторыхъ и не можетъ быть ограничена ихъ предѣломъ, уголовнымъ закономъ.

Слѣдовательно, для науки и ея ученія, для рѣчи, которая, по твоему собственному отзыву, «вполнѣ имѣетъ сущность чисто научнаго сочиненія», нѣтъ никакихъ границъ ни на небѣ, ни на землѣ, и онѣ имѣютъ право говорить свободно все, хотя бы это очень не нравилось тебѣ и уголовному закону.

Вотъ что тебѣ слѣдовало сперва опровергнуть, доказать ex jure, что «наука и ея ученіе», «рѣчь, имѣющая вполнѣ научную сущность», тѣмъ не-менѣе имѣютъ границы!

Но ты нетолько не сдѣлалъ этого, а даже не попытался сдѣлать!

Вмѣсто того, чтобы опровергать это, чтобы хотя попытаться опровергать, ты высказываешь какъ аксіому, что границы эти существуютъ, какъ будто о противномъ и рѣчи не было!

b) Далѣе, тебѣ слѣдовало развить in jure, въ чемъ состоятъ эти границы науки и научности.

Ты и этого не попытался сдѣлать, не сдѣлалъ даже намека на это!

c) Но въ особенности слѣдовало тебѣ доказать наконецъ in facto, что преслѣдуемыя тобою уголовнымъ закономъ мѣста моей брошюры состоятъ внѣ этихъ границъ научности, что они относятся не къ главному содержанію рѣчи, которое ты самъ призналъ научнымъ, а къ побочной, ненаучной части, будто-бы имѣющейся въ моемъ сочиненіи.

Тогда ты нашелъ бы, что всѣ мѣста, обвиняемыя тобою въ возбужденіи ненависти и презрѣнія, косвенные налоги и ихъ неравномѣрность, психологическое вліяніе привилегій на привилегированныя сословія, историческія замѣчанія о природѣ революцій и реформъ при отмѣнѣ цеховъ и пр.—что всѣ эти мѣста, на которыя ты ссылаешься, принадлежатъ къ признанному тобою чисто научнымъ главному содержанію рѣчи, находятся въ «границахъ научности», а внѣ ея у меня нѣтъ никакихъ мѣстъ или, по крайней мѣрѣ, есть лишь такія, на которыхъ ты не можешь основать обвиненія въ возбужденіи ненависти и презрѣнія.

Но изъ всего этого, что «подлежитъ сужденію судьи», ты не сдѣлалъ ничего.

Еслибы ты шелъ этимъ логическимъ путемъ, то самъ увидѣлъ бы, что осужденіе невозможно, что оно громко вопіетъ къ небесамъ, какъ невинно пролитая кровь! Но, разумѣется, если вмѣсто логическаго пути обращать начало въ конецъ, конецъ въ начало, то все окажется возможнымъ. Вмѣсто того, чтобы сперва поставить три указанные вопроса и отвѣтить на нихъ, потомъ выдѣлить мѣста, которыя считаешь ненаучными, и изслѣдовать ихъ по отношенію къ уголовному закону, ты на многихъ страницахъ доказываешь сначала мнимую преступность рѣчи, перемѣшивая въ ней безъ разбора то, что по-твоему существенно, съ тѣмъ что по-твоему несущественно, дѣлаешь открытіе, что рѣчь не то, чего имѣетъ сущность, и въ-заключеніе, чтобы уклониться отъ предложеннаго мною доказательства черезъ экспертовъ, замѣчаешь вообще, что дѣло не въ научности всей рѣчи, а въ томъ, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь «преступающаго границы научности». Тутъ ты рѣшаешь, что опредѣлить это есть дѣло не ученыхъ, а юристовъ, стало быть, судей.

Нетрудно объяснить тебѣ сравненіемъ съ первой редакціей твоей, какимъ образомъ произошло съ тобой это послѣднее несчастіе. Тамъ говорилось: «Хотя рѣчь обвиняемаго имѣетъ вполнѣ научную сущность, однако не со-

всѣмъ и не въ томъ смыслѣ, какъ обвиняемый утверждаетъ. Обвиняемый во многихъ мѣстахъ впадаетъ въ шутовство, что̀ недостойно человѣка науки, и приводитъ часто доказательства, лишенныя научной логики; иначе онъ понялъ бы, что сказанное имъ о косвенныхъ налогахъ въ дѣйствительности несправедливо и что бремя этихъ налоговъ не падаетъ на бѣднѣйшіе классы такъ, какъ онъ утверждаетъ. Имѣя передъ собой матеріалъ (?) и самую научную рѣчь, судъ счелъ себя совершенно вправѣ отклонить предложеніе обвиняемаго насчетъ доказательства черезъ экспертовъ мнимо-строгой научности его рѣчи.»

Такъ гласила первая редакція приговора, гдѣ уже было сдѣлано открытіе, что моя рѣчь, восьмое міровое чудо, чудеснѣе семи первыхъ, не есть то, чего имѣетъ сущность. Тамъ же было совершено и вопіющее беззаконіе недопущеніемъ предложенныхъ мною экспертовъ. Это беззаконіе было тѣмъ вопіющѣе, что я приводилъ хорошіе доводы противъ компетентности судей рѣшать вопросъ спеціальности, и еще тѣмъ вопіющѣе, что приговоръ самъ представилъ поразительныя доказательства этой некомпетентности. Надо обладать этой некомпетентностью въ превосходной степени, чтобы оспаривать сказанное мною о косвенныхъ налогахъ или находить мою рѣчь шутовскою и ненаучною.

Это тебѣ самому показалось рискованнымъ! У тебя не хватило духа противорѣчить мнѣ въ ученыхъ матеріяхъ, отвергать истину сказаннаго мною о косвенныхъ налогахъ и попрекать меня въ недостаткѣ «научной логики». И хорошо ты сдѣлалъ, приговоръ, что отсталъ отъ этого; vaut mieux tard que jamais; лучше опомниться поздно, чѣмъ никогда; очень хорошо сдѣлалъ ты, приговоръ, потому, что въ «наукѣ и логикѣ» судейскій авторитетъ уже непричемъ, и ты, я думаю, смекаешь теперь; какъ непріятно угостилъ бы я тебя «наукой и логикой».

Вотъ ты и попробовалъ взяться иначе. Ты вычеркнулъ оба единственныя основанія, на которыхъ въ первой редакціи утверждалась ненаучность моей рѣчи — мое шутовство и ложность словъ моихъ о косвенныхъ налогахъ (зато ты оставилъ фразу, что рѣчь не есть то, чего имѣетъ сущность; оно и понятно! Кто рѣшится разстаться съ такимъ перломъ, разъ открывъ его!). Затѣмъ ты разсуждаешь такъ: экспертовъ? Къ чему? Мы вѣдь не оспариваемъ научнаго достоинства сочиненія! Мы утверждаемъ только, что въ немъ не все «исключительно научно», но есть и такое, что «преступаетъ границы науки», а рѣшить это — дѣло юриста, т. е. судьи.

Но это только перебрасываетъ тебя изъ Сциллы въ Харибду.

Беззаконный отказъ въ экспертахъ остался, и кромѣ того, ты самъ обязалъ себя привести и указать мѣста, «преступающія границы научности», и не исполнилъ этого!

Но еслибы ты и исполнилъ это, то все-таки не имѣлъ бы права отказать мнѣ въ доказательствѣ черезъ экспертовъ. Разсуди же, разсуди съ «наукой и логикой», ты, научно-логичный приговоръ: вѣдь вопросъ, есть ли въ моемъ сочиненіи мѣста ненаучныя, «преступающія границы науки»—

есть вопросъ фактическій, стало быть, въ этомъ случаѣ научный вопросъ, который могутъ рѣшить только люди науки. Только по установленіи in facto, что такія мѣста въ брошюрѣ есть, начинался бы юридическій вопросъ, подлежащій сужденію судьи, — нарушаютъ ли эти мѣста уголовный законъ.

Покажу тебѣ твою путаницу еще яснѣе! Ты говоришь, что вопросъ, «переступаетъ ли рѣчь границы научности», подлежитъ сужденію судьи. Нѣтъ! Вопросъ, преступаетъ ли рѣчь границы науки, какъ я сказалъ выше, распадается на два вопроса, а именно: 1) вопросъ: существуютъ ли для науки такія границы, и 2) если существуютъ, то нарушены ли онѣ. Этотъ вопросъ точно подлежитъ рѣшенію судьи. Но вопросъ: «переступаетъ ли рѣчь границы научности» — совершенно другой, чѣмъ вопросъ о границахъ науки. Это вопросъ о томъ, есть ли въ моей брошюрѣ фактически ненаучныя вещи, и онъ подлежитъ рѣшенію экспертовъ научнаго,—ученыхъ.

Тебя ввело въ заблужденіе сходство словъ: наука и научность! Дѣйствительно, похоже! А все-таки разныя вещи!

И впредь будь такимъ «научно логичнымъ», любезный приговоръ!

83) Пресвятой Златоустъ! Послѣ столькихъ разглагольствованій въ доказательство моей виновности, приговоръ только теперь начинаетъ доказывать, что я нарушилъ § 100! Слѣдовательно, онъ самъ сознается, что до сихъ поръ доказывалъ лишь виновность вообще, какую-то парящую въ воздухѣ виновность, а не проступокъ противъ § 100 или противъ какого бы то ни было опредѣленнаго законоположенія; онъ доказывалъ просто такъ, вообще проступокъ! Несмотря на все сказанное до сихъ поръ, оказывается, что мы только теперь добрались до «возбужденія ненависти и презрѣнія».

84) Конфискуй же Фихте, конфискуй евангеліе, приговоръ! Ср. выше прим. 44. Слыхалъ ли ты когда-нибудь великопостныя католическія проповѣди? Въ нихъ и не то еще говорится о высшихъ сословіяхъ на этотъ текстъ, говорится также всенародно, передъ публикой, которая «не стоитъ на высотѣ просвѣщенія», какъ ты намъ скоро скажешь. О, какъ бы намъ, людямъ науки, въ протестантской странѣ пріобрѣсти ту свободу, которой пользуются католическіе священники!

85) Опять про косвенные налоги! Но не о «средствахъ» я говорилъ, а объ учрежденіяхъ, въ которыхъ выражается привилегія буржуазіи какъ господствующій принципъ, выражается сама, необходимо, непроизвольно и безсознательно. Стало быть, тутъ большая разница со «средствами», которыя непремѣнно имѣютъ въ виду цѣль, стало быть всегда употребляются сознательно. Но для «научно-логическаго» приговора это все равно, какъ все равно — наука или научность.

86) Такъ не содержаніе, а «пріемы», «именно изъ пріемовъ!» «О, какой тонъ!» говоритъ графиня въ «Эмиліи Галотти». «О, какъ бы мнѣ упечь этотъ тонъ подъ судъ!»

87) Слыханное ли дѣло! Человѣкъ осужденъ за «сопоставленіе результатовъ»! Сами по себѣ результаты еще ничего, но «сопоставленіе результатовъ»

или, точнѣе, «именно пріемы при сопоставленіи результатовъ»,—да, да, вотъ что преступно! И въ довершеніе, самый фактъ—выдумка. Я ничего не сопоставлялъ, а все у меня стоитъ на своемъ мѣстѣ. Сопоставляетъ самъ приговоръ. См. объ этомъ прим. 106.

88) Ну, конечно! Все было бы хорошо, еслибы только я не «формулировалъ» своихъ результатовъ! И къ чему было мнѣ «формулировать результаты своихъ соображеній»? Да, это ужасно съ моей стороны! Кто формулируетъ результаты? Формулировать! Посмотрите, что говоритъ мировой судья Шаль у Шекспира въ «Генрихѣ IV» насчетъ «аккомодированія». Славная фраза; да, да, отличная фраза!

89) См. защитительную рѣчь, стр. 44—46, и словесныя пренія.

Однако надо спросить тебя, приговоръ, какого ты мнѣнія о 7 статьѣ конституціи: «Всѣ пруссаки равны передъ закономъ»? Какъ, по-твоему, равны ли они и передъ уголовнымъ закономъ, равны ли они и предъ вопросомъ: что дозволено имъ по закону говорить? Что ты объ этомъ скажешь, мой «научно-логическій» приговоръ?

Положимъ, что эта публика «стоитъ на высотѣ просвѣщенія». Слѣдуетъ ли изъ этого, что не надо и стараться поднять ее на эту высоту? Не слѣдуетъ ли изъ этого, наоборотъ, что ей надо говорить все, что можетъ поднять ее?

90) «Очевидно умышленная» надпись «dux partium», см. прим. 76.

91) Человѣкъ осужденъ за «группировку историческихъ фактовъ»! Читая это, каждый историкъ почувствуетъ мурашки на кожѣ! У каждаго ученаго замретъ перо въ рукѣ!

И въ довершеніе и это неправда! Не я группирую, а приговоръ. См. ниже прим. 106.

92) См. прим. 4.

93) См. прим. 34.

94) Въ своемъ священномъ рвеніи ты забываешь, приговоръ, что я высчиталъ ариѳметически (См. стр. 16). Я доказалъ вычисленіями, что работникъ имѣетъ $^1/_{17}$ долю того участія въ государственной власти, какое имѣетъ капиталистъ. У тебя это превращается во фразу: «лишено всякаго участія».

«Wie kannst Du Deine Rednerei
Nur gleich so hitzig übertreiben?» †)

95) Опять косвенные налоги! Первое и послѣднее слово этого приговора—косвенные налоги! Косвенные налоги для него то, что Зевсъ въ орфическомъ стихѣ, который цитируетъ Проклъ:

«Зевсъ — голова, Зевсъ — середина, весь изготовленъ міръ изъ Зевеса.»

96) Прежде предполагалось доказать возбужденіе умышленностью, теперь умышленность выводится изъ возбужденія, и оба должны «явствовать» изъ вышеупомянутой тенденціи!

---

†) Какъ можно такъ завираться?

97) Нѣтъ, Торквемада ни за что не написалъ бы этого! Чувствуешь ли ты, приговоръ, какую пощечину даешь ты себѣ, цитируя эту фразу?

Для философа, одушевленнаго своей идеей, конечно, достаточно воспламенить въ двухъ-трехъ изъ двухсотъ слушателей нравственный пылъ своей мысли. Онъ сочтетъ себя щедро вознагражденнымъ такимъ результатомъ.

Но для человѣка, желающаго «подвергнуть опасности общественное спокойствіе возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію», увлечь двоихъ или троихъ изъ слушателей, нѣтъ никакой пользы. Развѣ два или три работника могутъ подвергнуть опасности общественное спокойствіе?

О, научно-логическій приговоръ, какъ убѣдительно доказываешь ты «умышленіе».

98) Нѣтъ, вѣдь это уже изъ рукъ вонъ! Ты опять повторяешь, будто я нападалъ на «классъ имущихъ гражданъ», повторяешь вопреки актамъ, вопреки фактамъ, несмотря на то, что выше (прим. 38) и въ защитительной рѣчи (стр. 52—54) я доказалъ, что не говорю о классѣ имущихъ гражданъ, что даже прямо оговариваю въ лекціи, что говорю не о нихъ, а о буржуазіи, которую положительно отличаю отъ класса имущихъ и опредѣляю какъ классъ тѣхъ только имущихъ, которые хотятъ себѣ и политическихъ, и правовыхъ привилегій, стоятъ за трехклассный избирательный законъ. Такимъ образомъ приговоръ не можетъ указать опредѣленнаго класса подданныхъ, чтобы сказать, что я нападаю вотъ именно на него, и мнимое возбужденіе оказывается возбужденіемъ противъ политическаго принципа, а не противъ класса подданныхъ государства.

Это понялъ даже прокуроръ и старался вывернуться другимъ способомъ. Онъ говоритъ (См. стенограф. отчетъ, т. I, стр. 75): «Мнѣ могутъ возразить юридически, что я не могу указать опредѣленнаго класса, къ которому можно бы прямо отнести эти нападки. На это я отвѣчу просто, что обвиняемый самъ ясно опредѣлилъ такой классъ. Онъ возбуждалъ третій классъ общинныхъ избирателей противъ перваго.»

Итакъ, самъ прокуроръ свидѣтельствуетъ, что я не возбуждалъ противъ класса имущихъ. Но зато я возбуждалъ третій классъ избирателей противъ перваго.

Хорошо, это еще можно было бы допустить, еслибы чѣмъ-нибудь доказывалось, что лица, принадлежащіе къ первому классу избирателей, учредили трехклассный избирательный законъ, что они могутъ быть какимъ-нибудь образомъ отвѣтственны за него, что они по крайней мѣрѣ желаютъ его. Иначе, лица, поставленные закономъ въ какой бы то ни было классъ избирателей, не могутъ быть отвѣтственны за дѣйствіе этого закона, который изданъ не ими; слѣдовательно, ихъ нельзя ненавидѣть и презирать за это.

Депутатъ фонъ-Унру, принадлежащій, разумѣется, къ первому классу избирателей, недавно положительно объявилъ въ засѣданіи второй палаты, что онъ и его друзья вовсе не желаютъ трехкласснаго избирательнаго закона и ничего не имѣютъ противъ его отмѣны.

Но вѣдь никто же не заподозритъ депутата фонъ-Унру въ революціонномъ образѣ мыслей, а еще менѣе въ сочувствіи къ рабочимъ!

Еще въ защитительной рѣчи (стр. 55) я доказалъ, что имущіе классы Германіи совершенно неповинны въ трехклассномъ избирательномъ законѣ, что всюду, гдѣ они достигали власти, они постановляли общее равное избирательное право.

Но приговоръ игнорируетъ мою защитительную рѣчь, ничего въ ней не опровергаетъ, ни на что не отвѣчаетъ и вопреки актамъ, вопреки фактамъ утверждаетъ, что я «возбуждалъ противъ класса имущихъ гражданъ», чего, какъ мы видѣли, не допускалъ даже прокуроръ.

99) Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ страшнѣе противорѣчія, тѣмъ очевиднѣе замѣшательство твое, приговоръ!

Въ первой редакціи у тебя было здѣсь сказано: «предстоящее угрожаніе». Но ты разсудилъ потомъ, что тутъ смысла нѣтъ, или, вѣрнѣе, что смыслъ-то ужъ очень хорошъ, и передѣлалъ въ «косвенное угрожаніе».

Вотъ что ты дѣлаешь въ этой фразѣ: здѣсь въ первый разъ ты дѣлаешь попытку опровергнуть мои юридическіе доводы касательно отсутствія критеріевъ § 100. Но это просто потѣха видѣть, какъ ты это дѣлаешь, и не имѣй эта драма такихъ послѣдствій, она была бы самымъ увеселительнымъ зрѣлищемъ, какое только можно вообразить! Дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Въ защитительной рѣчи (стр. 56) я неопровержимо доказалъ, что законъ признаетъ возбужденіе къ ненависти и презрѣнію преступнымъ только въ томъ случаѣ, если оно «представляетъ хотя возможность возникновенія изъ него внѣшнихъ поступковъ, опасныхъ для уличнаго спокойствія.»

Потомъ я доказалъ, что совершенно невозможно приписывать такія послѣдствія рѣчи, которая всюду заявляетъ, что считаетъ задачу, приписываемую ею исторіи, задачей цѣлаго міроваго періода, обнимающаго по аналогіи съ двумя другими изображенными въ ней періодами цѣлыя столѣтія; я напомнилъ заключительныя слова этой рѣчи, что для такихъ историческихъ задачъ одно или два десятилѣтія все равно, что часъ!

Ты принимаешь видъ, будто намѣренъ возражать на это замѣчаніе, равно основательное какъ in jure, такъ и in facto, и возражаешь, научно-логическій приговоръ, такъ:

а) «Подвергать общественное спокойствіе опасности» не значитъ по закону «нарушать общественное спокойствіе активными дѣйствіями». Конечно, не значитъ! Совершенно согласенъ! Можетъ ли законъ требовать отъ «возбужденія» «активныхъ дѣйствій»? Возбужденіе само никогда не дѣйствуетъ активно, а только побуждаетъ другихъ къ дѣйствіямъ! Стало быть, ты говоришь фразы ни къ селу, ни къ городу, толкуешь о томъ, о чемъ я и не заикался. Но я говорилъ, что возбужденіе, чтобы быть преступнымъ, должно возбуждать другихъ къ активнымъ дѣйствіямъ, должно, если не производить такія дѣйствія, то хотя представлять возможность возникновенія ихъ изъ него, потому что иначе оно не будетъ угрожать опасностью общественному спокойствію; и я доказывалъ, что рѣчь моя не представляетъ такой возможности.

А на это ты отвѣчаешь, что законъ не требуетъ отъ возбужденія «активныхъ дѣйствій», о чемъ никогда и рѣчи не было!

b) «А лишь косвеннаго угрожанія ему» требуетъ законъ, говоришь ты. Это значитъ, что ты опять находишься въ недоразумѣніи, научно-логическій, но повидимому нѣсколько туговатый на ухо приговоръ! Ты возбуждаешь здѣсь вопросъ о томъ, требуется ли закономъ, чтобы общественное спокойствіе было подвергнуто опасности «прямымъ угрожаніемъ» ему (прямымъ возбужденіемъ къ нарушенію его) или «косвеннымъ» (косвеннымъ возбужденіемъ къ нарушенію). Я не разбиралъ этого вопроса, не касался его. Я и теперь не буду разбирать его. Положимъ, стало быть, что достаточно и «косвеннаго угрожанія» общественному спокойствію. Но вѣдь и «косвенное угрожаніе» все-таки должно угрожать, т. е. представлять хотя возможность нарушенія имъ общественнаго спокойствія; иначе оно ничему не угрожаетъ и ничего не подвергаетъ опасности! Стало быть, оно должно представлять возможность произвести какое-нибудь дѣйствительное нарушеніе, т. е. возможность нарушить спокойствіе сегодня или завтра, или черезъ недѣлю, или, не стану съ тобой торговаться, любезный приговоръ — положимъ, что хотя черезъ годъ! Но уже ни въ какомъ случаѣ не на такой срокъ, для котораго «одно или два десятилѣтія все равно, что часъ»! Какъ, другъ приговоръ? Тебѣ хочется распространить свою полицейскую дѣятельность и на то время, когда всѣ мы, и я, и мои слушатели, и тѣ, кто сочинилъ тебя, и все наше поколѣніе, и самый законъ твой, всѣ будемъ давно мертвы и погребены и косточекъ нашихъ не останется? Не думаешь ли ты наказывать меня за угрожаніе спокойствію грядущихъ десятилѣтій или даже XX столѣтія?

Итакъ, пусть будетъ косвенное угрожаніе, но пусть оно угрожаетъ нынѣшней современности.

А вѣдь ты это зналъ, голубчикъ! Это доказываетъ твоя первая редакція, гдѣ было сказано, что нужно «предстоящее угрожаніе», т. е. «относящееся къ тому, что предстоитъ». Вообще говоря, выраженіе «предстоящее угрожаніе» ужасно безобразно и нелѣпо. Такъ нельзя выражаться: «предстоящее угрожаніе». Но мысль, которую ты хотѣлъ передать нелѣпымъ выраженіемъ, совершенно вѣрна. Ты хочешь сказать, что угрожаніе должно угрожать предстоящими дѣлами, предстоящею, непосредственною опасностью! Совершенно справедливо, любезный приговоръ! Видишь, какъ я поразвяжу тебѣ языкъ, то и отъ тебя можно добиться путнаго. Но, сказавъ это, ты сообразилъ, что этимъ ты подтвердилъ справедливость моихъ доводовъ, самъ призналъ, что угроза должна относиться къ сегодня или завтра, а не къ отдаленному и неизвѣстному будущему; и вотъ ты передѣлалъ «предстоящее угрожаніе» въ «косвенное» и съ торжествомъ опровергаешь то, чего я никогда не говорилъ!

100) Все то же воззваніе къ нравственности. См. прим. 22, 53, 54.

101) Приговоръ, приговоръ! Что ты это творишь! Всякому извѣстно, что слово «страсть» въ единственномъ числѣ можетъ относиться и къ хорошему, великому, какъ и къ дурному. Говорятъ: страсть къ прекрасному и

благородному, страсть къ искусству и наукѣ, къ религіи и мысли, страсть возвышенная и т. д. Но во множественномъ числѣ «страсти» всегда говорится только въ дурномъ смыслѣ и само по себѣ уже значитъ, что рѣчь идетъ о «дурныхъ страстяхъ». Въ моей брошюрѣ нигдѣ не говорится о «страстяхъ», и въ этомъ мѣстѣ это слово стоитъ въ единственномъ числѣ. А приговоръ передѣлываетъ его на множественное!

102) Стой! Это уже черезъ-чуръ! «Вступаться» значитъ дѣйствовать. Подсунувъ мнѣ слово, котораго у меня никогда не бывало, онъ благополучно добываетъ наконецъ доказательство, что я возбуждалъ къ дѣйствіямъ. Но нигдѣ въ моей брошюрѣ я не возбуждалъ рабочее сословіе «вступаться», да еще «вступаться со всѣмъ пыломъ страстей», я убѣждалъ его только «углубляться въ нравственную строгость мысли, предаваться пылу ея (т. е. мысли, а не страстей)». О пылѣ страсти или «страстей» я вовсе и не говорилъ. «Пыла страстей» вовсе нѣтъ въ моей брошюрѣ. Приговоръ совершаетъ въ моихъ словахъ передѣлки, неимѣющія имени; впрочемъ я подобралъ бы имъ наименованіе, еслибы меня не останавливали нѣкоторыя соображенія. Невѣроятное дѣло! Дѣло неслыханное въ лѣтописяхъ прусской юриспруденціи! Приговоръ выхватываетъ изъ моей брошюры двѣ фразы, далеко другъ отъ друга отстоящія, совершенно различныя по смыслу, смѣшиваетъ ихъ, переводитъ слова изъ одной въ другую и такимъ способомъ составляетъ изъ двухъ фразъ третью, ничего общаго съ обѣими первыми не имѣющую, и совершенно чуждую моей брошюрѣ!

Въ доказательство сравни стр. 27.

Есть ли на ней слово «страсть»? Нѣтъ, его вовсе тутъ не существуетъ, а я убѣждаю работниковъ предаться нравственному пылу мысли, объясняя это именно какъ теоретическую преданность мысли во время работы, часовъ досуга, прогулокъ и т. д.

Другая фраза выхвачена за три страницы выше (стр. 24); но она представляетъ вовсе не воззваніе, а объясненіе; притомъ и на этой страницѣ нѣтъ слова «вступаться». Кромѣ того, тутъ говорится, правда, о «страсти», но не о «страстяхъ», а за то нѣтъ слова «пылъ». Приговоръ же мѣситъ обѣ эти фразы вмѣстѣ и составляетъ изъ попадающихся въ нихъ словъ съ прибавленіемъ выдуманнаго имъ самимъ «вступаться» совершенно новую третью фразу: «въ прямомъ воззваніи обвиняемаго къ рабочему сословію со всѣмъ пыломъ страстей вступиться за развитыя имъ идеи, развить ихъ пламенно и жадно и предаться имъ съ самою личною страстью».

И это дѣлаетъ судебный приговоръ!

Назову ли я этотъ поступокъ именемъ, котораго онъ заслуживаетъ, или умолчу — все равно; у всякаго читателя это наименованіе само вырвется изъ души!

103) И этого я не говорилъ. Это передѣлка моей фразы на стр. 24, что «чѣмъ пылче и жаднѣе будетъ эта страсть, тѣмъ она будетъ нравственнѣе». У приговора это превращается въ воззваніе «пламенно и жадно развивать идеи»!

104) Прошу тебя, приговоръ, не коверкай по крайней мѣрѣ моего языка! Я никогда не скажу такой чепухи, какъ «самая личная страсть», потому что личность есть понятіе, неспособное переходить въ превосходную степень, кромѣ какъ въ одномъ спеціальномъ смыслѣ, который сюда не можетъ идти, «Самая личная»! Чтобы тебѣ еще сказать: «Личнѣйшая».

105) Правда ли? *Я* ли связываю это?

106) Опять то же преступленіе, что я сдѣлалъ по поводу отмѣны цеховъ, которой тщетно добивались съ 1614 г. и достигли въ 1789 г. въ одинъ день штурмомъ Бастиліи,—историческое замѣчаніе о преимуществѣ революцій въ отношеніи быстроты, «при всѣхъ несомнѣнныхъ невыгодахъ ихъ»! Опять повтореніе процесса Кремуція Корда, назвавшаго Кассія послѣднимъ римляниномъ!

Еще словечко, приговоръ! Къ чему ты это ведешь, говоря о «связанномъ съ этимъ указаніи»? Выше (см. прим. 87 и 91) ты осуждалъ меня «именно за пріемы мои сопоставлять и формулировать результаты своихъ соображеній», за «очевидно умышленную группировку историческихъ фактовъ», и я обѣщалъ доказать тебѣ, что не я сдѣлалъ то сопоставленіе, которое будто-бы внесло въ рѣчь извѣстную тенденцію, а ты, ты, ты самъ! Вотъ тебѣ это доказательство. О тщетныхъ стремленіяхъ къ отмѣнѣ цеховъ съ 1614 г., о тщетной попыткѣ Тюрго отмѣнить ихъ въ 1776 г., о ниспроверженіи ихъ въ одинъ день революціей я говорю въ моей брошюрѣ по поводу развитія французской революціи и втораго міроваго періода; здѣсь же я дѣлаю и это замѣчаніе о безсиліи реформъ въ сравненіи съ энергіей революцій, которыя имѣютъ впрочемъ свои неоспоримыя невыгоды. Все это говорится на стр. 11. За сказанное о прошедшемъ времени меня нельзя преслѣдовать и не преслѣдуютъ. О третьемъ міровомъ періодѣ, за объясненіе котораго меня преслѣдуютъ, я начинаю говорить 9 страницами ниже (стр. 20). Въ этомъ объясненіи я не повторяю того замѣчанія ни единымъ словомъ, не напоминаю о немъ. Стало быть, не я «сопоставляю», не я предпринимаю «очевидно умышленную группировку историческихъ фактовъ», а ты, только ты, ты самъ творишь все это! Ты переводишь мое замѣчаніе съ 11 стр. на 20, ты «сопоставляешь» замѣчаніе 11 страницы съ воззваніемъ къ нравственности на стр. 27, т. е. черезъ цѣлый печатный листъ, чтобы насильно выжать неблагонамѣренную «тенденцію». Ты осудилъ меня за «сопоставленіе соображеній» и за «очевидно намѣренную группировку историческихъ фактовъ». Но богъ, тянущій тебя за упрямый языкъ, и на этотъ разъ принудилъ тебя произнести приговоръ не надо мной, а надъ самимъ собой и своими дѣяніями!

Ну, иди съ миромъ, приговоръ! Я предпочитаю просидѣть 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, чѣмъ быть на твоемъ мѣстѣ, чѣмъ быть тобою, и повѣрь, что многіе предпочтутъ это, еслибы имъ предложили такую дилемму!

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОЦЕССУ Ф. ЛАССАЛЯ.

Жалоба Лассаля оберъ-прокурору при К. судебной палатѣ, г. Адлунгу, на полицейскаго чиновника, производившаго у него 28 іюня 1862 г. домашній обыскъ, противъ котораго онъ тщетно протестовалъ, и на прокурора фонъ-Шеллинга, по требованію котораго былъ произведенъ этотъ обыскъ †).

Королевскому оберъ-прокурору при королевской судебной палатѣ въ Берлинѣ.

Довожу до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, что въ теченіе сегодняшняго дня въ квартирѣ моей королевскими чиновниками произведены важныя и насильственныя нарушенія конституціи и законовъ, а именно: въ особенности статьи 6 конституціи, § 128 Уголовнаго Устава, § 11 закона 12 февраля 1850 г. для охраненія личной свободы и § 29 закона 12 мая 1851 г., чѣмъ совершено преступленіе противъ § 315 уголовнаго свода.

Фактическія обстоятельства, подавшія поводъ къ настоящей жалобѣ, были слѣдующія:

Вслѣдствіе предписанія королевскаго прокурора объ арестованіи изданной г. Карломъ Нёрингомъ рѣчи моей, произнесенной здѣсь 12 апрѣля въ здѣшнемъ ремесленномъ союзѣ, все изданіе этой брошюры было конфисковано у г. Нёринга, за исключеніемъ 50 экземпляровъ, уже переданныхъ мнѣ.

Такъ какъ, слѣдовательно, арестъ брошюры былъ произведенъ до выпуска ея въ свѣтъ, то въ силу § 32 закона 12 мая 1851 г. его слѣдовало снять и въ ожиданіи судебнаго рѣшенія освободить конфискованные экземпляры.

---

†) Эта жалоба была сначала публикована въ журналѣ «Берлинская Реформа» (3 іюля 1862 г.) и затѣмъ помѣщена во II части процесса Ф. Л. См. т. I, примѣчаніе на стр. 86.

Во избѣжаніе этого к. прокуроръ потребовалъ полицейскаго слѣдствія надо мной о томъ, что̀ сталось съ переданными мнѣ 50 экземплярами.

На допросѣ я сказалъ, что единственно въ видахъ сокращенія процедуры признаю фактъ обнародованія брошюры въ смыслѣ закона совершившимся, оговоривъ сверхъ того въ протоколѣ, что если содержаніе брошюры есть преступленіе, то оно уже вполнѣ совершено произнесеніемъ рѣчи въ публичномъ собраніи.

Вслѣдствіе всего этого сегодня въ квартиру мою явился по требованію к. прокурора к. полицейскій коммиссаръ для отобранія отъ меня показаній о томъ, что̀ сталось съ переданными мнѣ 50 экземплярами, и, въ случаѣ моего отказа отвѣчать, для произведенія у меня домоваго обыска.

Въ своемъ предписаніи к. прокуроръ говоритъ, что мое признаніе, сдѣланное въ такомъ общемъ смыслѣ, не избавляетъ его отъ необходимости спеціальными фактами доказать фактъ распространенія, что̀ совершенно справедливо; онъ говоритъ далѣе, что произнесеніе рѣчи въ публичномъ собраніи составляетъ проступокъ отдѣльный и отличный отъ распространенія,—проступка, совершеннаго посредствомъ печати и подлежащаго настоящему разбирательству, что̀, мимоходомъ замѣчу, противорѣчитъ принципамъ, установленнымъ к. верховнымъ трибуналомъ въ рѣшеніи по дѣлу Кракрюгге; наконецъ, онъ говоритъ, что находится вынужденнымъ, въ случаѣ моего отказа сообщить дальнѣйшія свѣдѣнія, распорядиться произведеніемъ у меня домоваго обыска о 50 экземплярахъ, что̀ совершенно противозаконно по многимъ причинамъ.

1) Прежде всего несомнѣнно, повидимому, что прокуроръ — власть вовсе не компетентная распоряжаться домовыми обысками, которые могутъ предписываться только слѣдственнымъ судьей; стало быть, распоряженіе прокурора есть присвоеніе правъ судей, превышеніе власти и преступленіе противъ 6 статьи конституціи. Правда, въ практикѣ какъ-будто господствуетъ иное воззрѣніе. Но оно оказывается несостоятельнымъ, если тщательно сообразить относящіяся сюда законоположенія и исторію законодательства, особенно § 128 уголовнаго устава, отмѣненный законъ 24 сентября 1848 г., § 6, замѣнившій его, § 11 закона 12 февраля 1850 г., который разнится отъ предыдущаго только редакціей, основанія этихъ обоихъ законовъ, наконецъ законъ 3 января 1849 г. и спеціально §§ 42—44 его. Такъ какъ законопротивность произведеннаго у меня обыска несомнѣнна даже помимо некомпетентности прокурора, то подробный разборъ этихъ законоположеній я считаю пока излишнимъ и только въ такомъ случаѣ возьмусь за него, если, противъ чаянія, Ваше Высокоблагородіе сообщите мнѣ, что не раздѣляете моего взгляда, на основаніи такихъ-то статей закона.

2) Оставляя въ сторонѣ общую компетентность прокурора, мы не находимъ въ настоящемъ случаѣ и законнаго права. Прокуроръ предпочитаетъ обратить преслѣдованіе непосредственно противъ сочиненія, какъ произведенія печати, и лишь посредственно противъ меня, какъ противъ автора, вмѣсто того чтобы встать на ту точку, на которую я естественно хотѣлъ поставить его, т. е. обратить преслѣдованіе прямо противъ меня за произне-

сеніе въ публичномъ собраніи рѣчи преступнаго содержанія. Положимъ, что онъ былъ воленъ выбирать точку зрѣнія; но во всякомъ случаѣ онъ былъ обязанъ по крайней мѣрѣ строго держаться законныхъ предписаній, существующихъ для имъ самимъ избранной точки зрѣнія, т. е., въ данномъ случаѣ, законовъ о печати.

К. прокуроръ и чиновникъ, производившій обыскъ, основываются положительно на § 29 закона о печати 12 мая 1851 г. Этотъ § гласитъ:

«Если сочиненіе, предназначенное къ распространенію, не соотвѣтствуетъ предписаніямъ §§ 7 и 24, или если содержаніе сочиненія уже обнародованнаго оказывается фактомъ преступнаго дѣйствія, то прокурорскій надзоръ и его органы вправѣ налагать арестъ на сочиненіе, гдѣ таковое окажется съ цѣлью распространенія».

Достаточно одного взгляда на этотъ §, на который ссылается к. прокуроръ, чтобы самымъ яснымъ образомъ увидѣть противузаконность обыска. Это явствуетъ изъ нѣсколькихъ основаній.

Ибо:

а) Говоря: «если содержаніе сочиненія, уже обнародованнаго, оказывается фактомъ преступнаго дѣйствія», законъ очевидно ставитъ условіемъ арестованія предварительное обнародованіе сочиненія. Но вотъ именно этого-то прокуроръ и не знаетъ и не утверждаетъ. Находясь въ неизвѣстности насчетъ законности своихъ конфискаціонныхъ мѣропріятій у г. Нёринга, потому что не знаетъ, произошло ли уже обнародованіе брошюры, уполномочивающее на подобныя мѣропріятія, — прокуроръ впадаетъ въ circulus vitiosus; а именно, чтобы посмотрѣть, совершилось ли обнародованіе и законна ли поэтому первая конфискація, онъ пробуетъ произвести конфискацію у меня, хотя и на это имѣлъ бы право только по совершившемся обнародованіи;

b) вовторыхъ, этотъ § позволяетъ прокурору налагать арестъ, но вовсе не уполномочиваетъ его производить домовый обыскъ. Онъ позволяетъ ему искать въ лавкахъ и складахъ торгующихъ и производящихъ лицъ, а не дѣлать домовые обыски въ частныхъ квартирахъ;

с) наконецъ § ограничиваетъ свое позволеніе налагать арестъ положительно только тѣми мѣстами, гдѣ сочиненіе находится «съ цѣлью распространенія», стало быть, вовсе не дозволяетъ прокурору заарестовывать сочиненіе у частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе у автора, который имѣетъ законное право держать у себя свою умственную собственность въ какой угодно формѣ, въ печати и рукописи.

Чего яснѣе, стало быть, что § 29 закона о печати обличаетъ мѣропріятіе к. прокурора въ совершенной противузаконности, хотя онъ ссылается именно на него, преслѣдуя дѣло исключительно какъ проступокъ печати.

3) Быть можетъ, видя несостоятельность избранной имъ точки зрѣнія, к. прокуроръ отступится отъ § 29 закона о печати и будетъ стараться защитить свое мѣропріятіе тѣмъ, что обыскъ былъ произведенъ не съ цѣлью конфискаціи, а вообще съ цѣлью уличить преступленіе. Но и эта попытка оказывается несостоятельной, даже оставляя въ сторонѣ прокурорскую компе-

тентность вообще для произведенія обысковъ и прощая ему отступленіе отъ законной точки зрѣнія, имъ самимъ избранной — преслѣдованія проступка печати на основаніи закона о печати. Очевидно, что даже слѣдственный судья не имѣлъ бы права предпринять въ данномъ случаѣ домоваго обыска.

Домовыхъ обысковъ нельзя дѣлать какъ вздумается. Статья 6 конституціи говоритъ прямо:

«Жилище неприкосновенно. Вторженія въ нихъ и домовые обыски допускаются только въ законно-опредѣленныхъ случаяхъ и формахъ».

То же повторяетъ § 11 закона 12 февраля 1850 г.

Что же это за «законо-опредѣленные случаи»?

Правда, въ этомъ отношеніи наше законодательство пользуется весьма прискорбной неопредѣленностью. И конституція, и законъ 12 февраля 1850 г. неоднократно повторяютъ, что домовые обыски «допускаются только въ законно-опредѣленныхъ случаяхъ», заставляя думать, что подобные случаи въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь опредѣлены, а между тѣмъ о нихъ нигдѣ нѣтъ и помина, кромѣ установленія особыхъ категорій лицъ, если не считать полнымъ исчисленіемъ всѣхъ «законно-опредѣленныхъ случаевъ» слѣдующаго положенія § 125 Уголовнаго Устава:

«Судья имѣетъ право предпринять домовый обыскъ, если есть достаточное основаніе предполагать, что это поможетъ открыть обстоятельства или виновника дѣла, или вполнѣ или отчасти вознаградить вредъ, причиненный преступленіемъ».

Но при всей неопредѣленности, которою пользуется въ этомъ отношеніи законодательство, самое обширное толкованіе, какое только мыслимо, дозволительности домоваго обыска, очевидно, не можетъ простираться далѣе дозволенія его для всѣхъ цѣлей предварительнаго слѣдствія.

Цѣли предварительнаго слѣдствія опредѣляются § 44 закона 3 января 1849 г. такъ:

«Цѣль предварительнаго слѣдствія состоитъ въ открытіи и опредѣленіи существованія и сущности объявленнаго преступленія, личности виновника и уликъ, служащихъ для его обличенія настолько, насколько это необходимо для основанія обвиненія и для приготовленія къ словесному главному слѣдствію».

Итакъ, вотъ цѣль предварительнаго слѣдствія вообще — доказать существованіе проступка и собрать улики; это и есть крайній мыслимый предѣлъ дозволительности домоваго обыска, какъ показываетъ и цитированный § 125 Уголовнаго Устава, толкующій объ «открытіи обстоятельствъ дѣла». Самъ слѣдственный судья не можетъ идти дальше даже въ простомъ розыскѣ, нетолько въ обыскахъ. Цитированный § 44 закона 3 января 1849 г. прибавляетъ очень опредѣленно:

«Поэтому слѣдственный судья не долженъ простирать розысковъ далѣе, чѣмъ необходимо для этой цѣли».

Понятно, что особенно не долженъ онъ предпринимать домовыхъ обысковъ, не необходимыхъ для этой цѣли, даже совершенно неидущихъ къ дѣлу.

Таковъ былъ домовый обыскъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Еслибы искомые экземпляры нашлись, то это доказало бы не существованіе проступка, что составляетъ цѣль домовыхъ обысковъ, а отсутствіе проступка. Это доказало бы, что распространенія не было. Но и ненахожденіе экземпляровъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, какъ фактъ отрицательный, нимало не доказываетъ положительно совершившагося распространенія. Вѣдь я могъ спрятать экземпляры совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ искали.

Домовый обыскъ, нетолько «не необходимый» для доказательства существованія проступка, а, наоборотъ, необходимо недоказывающій его, необходимо безполезный, есть, очевидно, домовый обыскъ, неподходящій къ «законно-опредѣленнымъ случаямъ». А конституція говоритъ, чтобы обысковъ не предпринимать произвольно, чтобы къ нимъ приступать только въ «законно-опредѣленныхъ случаяхъ».

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній и законовъ, я тогда же протестовалъ въ протоколѣ обыскивавшаго чиновника противъ домоваго обыска, который призналъ незаконнымъ, и объявилъ, что уступаю только насилію.

Насиліе не заставило себя ждать: не взирая на принятую мною легальную позицію, занавѣсъ моей библіотеки былъ сдернутъ сильною рукою — и за нимъ, конечно, ничего не нашлось!

На основаніи § 130 Уголовнаго Устава:

«Если при домовомъ обыскѣ ничего подозрительнаго противъ лица, у котораго онъ произведенъ, не оказалось, то по требованію его слѣдуетъ выдать ему свидѣтельство объ этомъ въ его оправданіе».

Я могъ бы даже вытребовать у властей даровое оправдательное свидѣтельство!

Но я далекъ отъ того, чтобы извлекать изъ этого дѣла личныя выгоды. Зато я не могу отказаться отъ другаго удовлетворенія, объективнаго, и потому болѣе важнаго.

Тяжело настоящее время, г. оберъ-прокуроръ. Политическій барометръ предвѣщаетъ бури, и на горизонтѣ прессы и публичнаго права собрались густыя тучи гоненій. Въ такое время каждый гражданинъ, хотя практически не потерпѣвшій чувствительнаго вреда, обязанъ ревностно и старательно, такъ сказать, съ теоретическимъ упорствомъ, отстаивать законные ставни и бараки, могущіе представить странѣ хотя какое-нибудь убѣжище отъ грозящей непогоды. Въ такое время приходится преисполниться нетерпимаго, мрачнаго, ревнительскаго фанатизма, не признающаго ничего, кромѣ строгости жестокаго закона и, отложивъ въ сторону всякія гуманныя отношенія къ лицамъ и намѣреніямъ, какъ Шейлокъ, стоять на буквѣ своего права!

И я непоколебимо твердо стоялъ на почвѣ закона, протестуя и указывая на законъ. И также непоколебимо дергалъ обыскивавшій чиновникъ занавѣсъ моей библіотеки. Такимъ образомъ здѣсь вышелъ случай, предусмотрѣнный въ § 315 Уголовнаго Свода:

«Чиновникъ, злоупотребляющій своей служебной властью, чтобы противозаконно принудить кого-нибудь къ какому-нибудь дѣйствію, попущенію или

неисполненію обязанности, подвергается тюремному заключенію на срокъ не менѣе мѣсяца».

Поэтому почтительнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе также безпощадно, какъ я, вступиться за оскорбленный законъ и подвергнуть совершенное противузаконіе строжайшему взысканію. Съ отмѣннымъ уваженіемъ и пр.

Ф. Лассаль.

Берлинъ, 28 іюня 1862 г. †).

---

†) На эту жалобу оберъ-прокуроръ отвѣчалъ 7 іюля 1862 г., что она во всѣхъ отношеніяхъ безосновательна, и потому оставляется безъ вниманія. Но судъ въ приговорѣ (см. стр. 99) призналъ законность обыска «въ высшей степени сомнительною» и, стало быть, жалобу основательною. *Прим. Лассаля.*

КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ

и

ПОЛОЖЕНІЕ ТРУДЯЩИХСЯ КЛАССОВЪ.

(Защитительная рѣчь передъ королевской берлинской судебной палатой противъ обвиненія въ публичномъ возбужденіи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнію къ имущимъ.)

Господа!

Увлеченіе, сопровождавшее пренія этого процесса въ первой инстанціи, надѣюсь, уступитъ сегодня мѣсто хладнокровному обсужденію. Съ своей стороны, я очень желаю этого, потому что по многимъ причинамъ нахожусь сегодня гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ находился въ первой инстанціи.

Мнѣ нечего повторять Вамъ моихъ защитительныхъ доводовъ первой инстанціи, потому что я сообщилъ ихъ Вамъ какъ pars integra моей апелляціи въ напечатанной защитительной рѣчи моей. Эти доводы достаточно защищаютъ меня, и еслибы,—чего я впрочемъ вовсе не предполагаю,—Вы согласились съ приговоромъ первой инстанціи, ихъ и безъ повторенія слѣдовало бы предварительно опровергнуть, потому что въ первой инстанціи судъ и не попытался возражать на нихъ!

Вторая выгода моего нынѣшняго положенія состоитъ въ томъ, что приговоръ первой инстанціи ограничиваетъ поле моей сегоднишней защиты. Въ первой инстанціи мнѣ приходилось защищать всю мою рѣчь, потому что прокурорскій надзоръ нападалъ въ ней на все. Основанія перваго приговора ограничили число спорныхъ вопросовъ. Теперь мнѣ не надо защищать всей рѣчи, а только то, что приговоръ нашелъ въ ней преступнымъ.

Это ограниченіе произведено преимущественно тѣмъ, что приговоръ призналъ мою рѣчь по сущности чисто научною и въ предѣлахъ своей научности защищенною 20 статьею конституціи. Этимъ пренія о виновности ограничиваются тѣми частями моей рѣчи, которыя будто-бы не относятся къ общему научному содержанію ея. Правда, приговоръ не указалъ этихъ частей и не

могъ указать ихъ, какъ я доказалъ Вамъ въ моихъ критическихъ примѣчаніяхъ къ нему. Опровергнувъ всѣ основанія приговора, я представилъ Вамъ въ этихъ примѣчаніяхъ три важныя доказательства:

1) Что приговоръ самъ собственными словами призналъ научнымъ и дозволительнымъ все, что впослѣдствіи также собственными словами призналъ преступнымъ; что, стало быть, онъ строка за строкой самъ себя поѣдаетъ въ безпрерывномъ противорѣчіи;

2) Что приговоръ не указываетъ въ моей рѣчи преступныхъ словесныхъ фактовъ, а занимается неслыханнѣйшей инквизиціей мыслей,—за недостаткомъ преступныхъ фактовъ дѣлаетъ свои умозаключенія о моихъ невысказанныхъ мнѣніяхъ и вмѣняетъ мнѣ въ вину, какъ объективные преступные факты, эти соображенія свои о моихъ задушевныхъ, невысказанныхъ убѣжденіяхъ; я доказалъ Вамъ при помощи памятниковъ исторіи, что въ этомъ выпытываніи мыслей приговоръ далеко превзошелъ всѣ гнусности, которыми ужасали современниковъ и потомство святая инквизиція, средневѣковые религіозные процессы и звѣрства римской имперіи;

3) Что и въ этомъ выпытываніи мыслей, замѣняющемъ для приговора указаніе уголовныхъ фактовъ, онъ все-таки не нашелъ ничего, на чемъ могъ бы, даже по своимъ воззрѣніямъ, основать осужденіе; что вслѣдствіе этого онъ предпринимаетъ выдумывать и приписывать мнѣ слова, которыхъ я никогда не говорилъ, и осуждать положенія, которыхъ въ моей брошюрѣ нѣтъ.

Я не стану повторять здѣсь этихъ доказательствъ, не стану возвращаться къ нимъ, потому что вовсе не имѣю въ виду возбуждать волненіе. Эту цѣль ошибочно приписывали моей защитительной рѣчи въ первой инстанціи; это неправда,—дѣло только въ томъ, что я твердо намѣренъ говорить и доказывать все, что нужно или пригодно мнѣ для защиты, хотя бы это и могло возбудить волненіе.

Итакъ, я горячо, но безмолвно напоминаю Вамъ жестокія доказательства, которыя я развилъ въ моей апелляціи, и больше не буду возвращаться къ нимъ.

И эту возможность не возвращаться къ волнующимъ объясненіямъ въ моей защитительной рѣчи и моихъ апелляціонныхъ примѣчаній я причисляю къ выгодамъ моего нынѣшняго положенія.

Но главная выгода его состоитъ, по-моему, въ томъ, что сегодня я стою передъ болѣе высокимъ судомъ и, стало быть, передъ болѣе высокой интеллигенціей. Господа, въ сущности каждый изъ насъ совершенно остается въ своей роли! Судъ первой инстанціи исполняетъ свою роль, постановляя приговоръ, требующій передѣлки—потому что на то и существуютъ суды высшихъ инстанцій, чтобы передѣлывать приговоры низшихъ; я исполняю свою роль, протестуя противъ этого приговора; наконецъ Вы исполните Вашу роль, согласившись со мной и отмѣнивъ приговоръ!

Послѣдняя выгода нынѣшняго положенія, обѣщающая сдѣлать сегодняшнія пренія менѣе возбужденными, заключается въ перемѣнѣ моего личнаго настроенія.

Въ первой инстанціи прокурорскій надзоръ отнесся ко мнѣ недостойнымъ образомъ, чего сегодня, надѣюсь, не повторится. Онъ утверждалъ, что я лживо придалъ своей рѣчи видъ научности, чтобы обмануть полицію и судъ.

Господа, я считалъ недостойнымъ себя дать на это прокурору иной отвѣтъ кромѣ фактическаго. Судъ первой инстанціи и Вы сами, вѣроятно, достаточно убѣдились по моей первой защитительной рѣчи, до чего такіе обманы и притворства чужды моему характеру. Вызовъ прокурора побудилъ меня зайти въ моей защитѣ гораздо дальше, гораздо безпощаднѣе напасть на государственныя учрежденія, чѣмъ въ рѣчи. На храбрыхъ людей вызовъ всегда имѣетъ такое дѣйствіе, побуждаетъ ихъ поступать еще смѣлѣе, еще болѣе пренебрегать изворотами, и таковъ былъ мой фактическій отвѣтъ, фактическое опроверженіе на упрекъ прокурора въ трусливомъ образѣ дѣйствій. Впрочемъ осуждающій меня приговоръ далъ мнѣ въ этомъ отношеніи полное удовлетвореніе, признавъ, что рѣчь моя, хотя преступная, чисто научна, и такимъ образомъ отвергнувъ прокурорскій упрекъ въ приданіи ей ложнаго вида научности.

Но и помимо неприличныхъ выходокъ прокурорскаго надзора въ обвинительномъ актѣ я имѣлъ въ то время полное основаніе находиться въ возбужденномъ состояніи и дѣйствительно былъ взволнованъ. Представьте себя, господа, на минуту въ моемъ положеніи, въ положеніи ученаго. Вы посвящаете труднымъ изслѣдованіямъ время, которымъ другіе пользуются для наслажденія и обогащенія. Въ долгія ночи, проводимыя безъ сна при свѣтѣ лампы, одно поддерживаетъ бодрость въ усталомъ тѣлѣ,—жажда истины и сознаніе услуги, оказываемой ближнимъ. Эта услуга не вознаграждается ни внѣшними выгодами, ни признаніемъ. Положимъ, ученый не разсчитываетъ на нихъ и не ищетъ ихъ. Исторія научила его, что признаніе—растеніе, растущее лишь на могилахъ! Но каково ему, когда, углубленный въ размышленія, онъ внезапно пробуждается отъ нихъ, отрывается отъ своихъ занятій крикомъ, что его требуютъ въ судъ, что его собираются карать какъ преступника именно за то, чему онъ безкорыстно посвятилъ свои лучшія силы и чѣмъ по своему задушевному убѣжденію, составляющему единственную награду его, оказалъ услугу обществу! Удивительно ли, господа, что, потрясенный этимъ крикомъ, онъ вспыхиваетъ негодованіемъ, обращаетъ свою науку въ разящій мечъ и въ пылу гнѣва поражаетъ имъ все вокругъ себя?

Таково было естественное и необходимое дѣйствіе обвиненія. Казалось бы, что осуждающій приговоръ долженъ еще усилить это негодованіе. Но нѣтъ, онъ измѣняетъ его, обращаетъ его въ совершенно другое настроеніе духа, которое излишне было бы объяснять здѣсь, потому что оно овладѣетъ Вами самими, господа, въ теченіе этой рѣчи, если только справедливо довѣріе, возлагаемое мною на силу истины!

Итакъ, я коснусь здѣсь только тѣхъ пунктовъ и вопросовъ, которыхъ еще не разсмотрѣлъ въ моей апелляціи. Приступимъ же къ нимъ.

Главное основаніе приговора составляетъ сказанное мною въ рѣчи о косвенныхъ налогахъ. Приговоръ неоднократно повторяетъ, что именно этимъ я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію противъ имущихъ классовъ.

Посмотримъ же, что сказалъ я въ моей рѣчи о косвенныхъ налогахъ. Въ рѣчи я развиваю философское положеніе, что всякое господствующее сословіе старается сдѣлать свой основной принципъ господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, наложить на нихъ отличительный отпечатокъ своей особенной привилегіи. Разсматривая міровой періодъ дворянства или среднихъ вѣковъ, я доказалъ относительно его это положеніе четырьмя фактами. Перейдя потомъ къ разсмотрѣнію втораго міроваго періода или владычества буржуазіи, основаннаго на владѣніи капиталомъ, я показываю, что великій законъ, господствующій во всѣ историческія эпохи, и здѣсь не измѣняетъ себѣ и что въ этомъ періодѣ буржуазія дѣлаетъ капиталовладѣніе господствующимъ отпечаткомъ и привилегіей общества также послѣдовательно, какъ дворянство дѣлало землевладѣніе, и я доказываю это разборомъ тѣхъ же четырехъ фактовъ.

Я доказываю это, вопервыхъ, избирательнымъ правомъ, основаннымъ на цензѣ, соотвѣтственно государственному уложенію среднихъ вѣковъ, основанному на землевладѣніи.

Потомъ я перехожу ко второму пункту параллели, къ податнымъ учрежденіямъ, и говорю слѣдующее (стр. 17—18):

«Точно тоже и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ, какъ я вамъ показалъ, въ средніе вѣка землевладѣніе являлось господствующимъ принципомъ.

«Я указалъ Вамъ на податную льготность дворянскаго землевладѣнія въ средніе вѣка и сказалъ, что каждое господствующее привилегированное сословіе старается свалить бремя расходовъ на общественное благосостояніе, на угнетенные, неимущіе классы.

«Тоже дѣлаетъ и буржуазія. Правда, она не можетъ открыто объявить себя изъятой отъ податной повинности. Напротивъ того, она провозглашаетъ своимъ принципомъ, чтобы каждый платилъ налогъ пропорціонально своему доходу. Но она достигаетъ того же результата ухищреннымъ способомъ, посредствомъ различія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

«Прямыми налогами называются, господа, тѣ, которые взимаются съ дохода, какъ классифицированный подоходный налогъ или классная подать, и потому опредѣляются величиной дохода и капиталовладѣнія; косвенные же налоги тѣ, которые налагаются на разныя потребности, какъ-то на соль, на хлѣбъ, на пиво, на мясо, на топливо, или на потребности въ государственной защитѣ, судебные расходы, гербовая бумага и т. д. Этотъ налогъ человѣкъ часто уплачиваетъ въ цѣнѣ вещей, не подозрѣвая и не замѣчая, что платитъ въ эту минуту подать, что цѣну покупаемыхъ вещей возвышаетъ ничто иное, какъ налогъ.

«Но вѣдь вы знаете, господа, что хотя бы одинъ былъ богаче другаго въ 20, 50, 100 разъ, онъ отъ этого однако не съѣстъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, не выпьетъ въ 50 или 100 разъ больше пива и вина, не чувствуетъ въ 50 или 100 разъ больше потребности въ печной теплотѣ и, слѣдовательно, въ топливѣ, чѣмъ работникъ или мѣщанинъ.

«Отсюда слѣдуетъ, что всѣ косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы падать

на лица пропорціонально ихъ капиталу и доходу, ложатся несравненно большею частью своею на неимущіе, бѣднѣйшіе классы націи. Правда, не буржуазія изобрѣла косвенные налоги; они существовали раньше. Но буржуазія развила ихъ до неслыханной системы и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы.

«Чтобы показать вамъ это, я загляну, напр. въ прусскій бюджетъ 1855 г.

«Общая сумма доходовъ государства въ этомъ году простиралась круглымъ счетомъ до 108,930,000 талеровъ. Въ томъ числѣ было 11,967,000 талеровъ дохода съ доменовъ и лѣсовъ, стало быть, съ имуществъ, которыя въ наши соображенія не входятъ. Остается около 97 милліоновъ дохода изъ другихъ источниковъ. Изъ нихъ, по подраздѣленіямъ бюджета, около 26 милліоновъ получается прямыми налогами. Но это невѣрно и только такъ кажется, потому что нашъ бюджетъ никогда не придерживается научныхъ основаній и руководствуется въ своей классификаціи только внѣшнею формою сбора податей. Изъ этихъ 26 милліоновъ надо исключить 10 милліоновъ поземельной подати, которая хотя непосредственно взимается съ землевладѣльцевъ, но слагается ими на цѣну хлѣба и, стало быть, уплачивается въ сущности потребителями хлѣба, составляетъ, слѣдовательно, налогъ косвенный. По той же причинѣ надо отчислить 2,900,000 талеровъ промысловой подати.

«Доходовъ дѣйствительно изъ прямыхъ налоговъ остается только:

2,928,000	талеровъ	классифицированной подоходной подати,
7,884,000	»	классной подати и
2,036,000	»	со вводовъ во владѣніе.
Итого . . 12,848,000	талеровъ.	

«Итакъ, господа, въ дѣйствительности изъ 97 милліоновъ государственныхъ доходовъ прямыми налогами доставляется только 12,800,000 талеровъ. Все остальное приходится на косвенные налоги, за весьма немногими и ничтожными статьями, если только не держаться невѣжественной классификаціи бюджета, который напр. не причисляетъ къ косвеннымъ налогамъ 8,300,000 талеровъ дохода съ соляной монополіи, что со включеніемъ расходовъ на его огражденіе составляетъ 8,849,000 талеровъ.

«Косвенный налогъ, господа, есть, слѣдовательно, учрежденіе, посредствомъ котораго буржуазія осуществляетъ привилегію податной льготности для крупнаго капитала и сваливаетъ расходы по содержанію государства на бѣднѣйшіе классы общества.»

Въ этомъ заключаются слѣдующіе тезисы:

1) Что косвенные налоги ложатся на людей не пропорціонально ихъ капиталу и доходу, какъ прямые налоги, и непомерно обремѣняютъ бѣднѣйшіе классы;

2) что поэтому большая часть дохода съ косвенныхъ налоговъ взимается съ бѣднѣйшихъ классовъ націи;

3) что къ косвеннымъ налогамъ принадлежатъ нетолько причисляемые къ нимъ бюджетомъ, который руководствуется въ своей классификаціи лишь внѣш-

нимъ способомъ взиманія, но вообще всѣ падающіе на людей не на основаніи ихъ имущества, а по поводу какой-нибудь потребности ихъ;

4) что поэтому промышленныя пошлины и поземельный налогъ, причисляемые бюджетомъ къ прямымъ налогамъ, должны быть причислены, говоря по правдѣ и научно, къ косвеннымъ налогамъ;

5) что вслѣдствіе всего этого бюджетъ 1855 года, разобранный въ моей рѣчи и простирающійся всего до 108,930,000 талеровъ, составляется изъ троякаго рода источниковъ дохода: a) изъ 11,967,000 т. дохода съ государственныхъ имуществъ, b) изъ 12,848,000 т. дохода съ прямыхъ налоговъ и c) изъ всего остатка, т. е. 85 милліоновъ косвенныхъ налоговъ.

Прокуроръ въ первой инстанціи опровергалъ это слѣдующимъ образомъ. Онъ не оспаривалъ и, разумѣется, не могъ оспаривать вѣрность приведеныхъ мною цифръ, потому что онѣ списаны съ офиціальнаго бюджета, и я представилъ въ судъ одно сочиненіе по статистикѣ финансовъ, гдѣ этотъ бюджетъ напечатанъ.

Но, говорилъ прокуроръ, все это изложеніе основано просто на софизмѣ. «Разумѣется,—говоритъ онъ,—богатому нужно больше соли, хлѣба, мяса, топлива, потому что онъ кормитъ извѣстное число людей изъ низшихъ сословій, частью за своимъ столомъ, частью также рабочей платой, размѣръ которой опредѣляется тѣмъ же отношеніемъ. Сверхъ того обвиняемый умышленно упускаетъ изъ виду, что косвеннымъ налогамъ подлежатъ нетолько соль, хлѣбъ, мясо и топливо, но и другіе предметы и прежде всего предметы роскоши. Налоги на нихъ, напр. на шелкъ и даже на сахаръ, бѣдныхъ не касаются. Точно также бѣдному рѣдко приходится оплачивать штемпеля именно дорогіе, и такимъ образомъ онъ не участвуетъ и въ этомъ налогѣ, также косвенномъ! Полагаю, что въ этомъ отношеніи софистика обвиняемаго очевидна и что, говоря подобнымъ образомъ передъ работниками, онъ дѣлаетъ неслыханнѣйшее возбужденіе къ нарушенію общественнаго спокойствія.»

Я считалъ, господа, это разсужденіе незаслуживающимъ никакого отвѣта и потому въ защитѣ моей обошелъ его молчаніемъ. Но прокуроръ, возражая мнѣ, возвратился къ нему: «Что касается другаго основанія,—сказалъ онъ—что содержаніе рѣчи будто-бы чисто научно, то я позволю себѣ обратить вниманіе особенно на то, какъ ненаучно разсуждаетъ обвиняемый. Онъ счелъ неудобнымъ возражать на это замѣчаніе мое. Я сказалъ ему, что въ его рѣчи приводятся невѣрные факты. Для примѣра я указалъ, что онъ положительно утверждаетъ въ ней, будто буржуазія свалила на народъ все бремя налоговъ, развивъ косвенные налоги, какъ онъ выражается, до неслыханной системы, хотя они существовали и прежде. Какъ странно утверждать, что косвенные налоги взносятся исключительно четвертымъ сословіемъ, бѣдными! Бѣдный фактически не въ состояніи уплачивать ихъ. Говоря въ обширномъ смыслѣ, четвертое сословіе вовсе не платитъ налоговъ, потому что получаетъ предметы, подлежащіе косвеннымъ налогамъ, отъ буржуазіи, какъ класса имущихъ.»

На это я въ свою очередь возразилъ немногими, но убѣдительными замѣчаніями. Я замѣтилъ, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ состоитъ

изъ фактовъ и вывода. Фактовъ, цифръ—прокуроръ не отвергаетъ, сталобыть, не можетъ отрицать и вывода. Что прямые налоги составляютъ лишь очень небольшую часть государственнаго дохода—это фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ офиціальный бюджетъ, показывающій, что изъ 108 милл. общаго дохода ими взносится только 26 мил. Что изъ этихъ 26 милліоновъ суммы, получаемыя поземельнымъ налогомъ и промышленной пошлиной, сваливаются на потребителей и потому представляютъ косвенный налогъ—также фактъ, всѣмъ извѣстный, и въ наукѣ никто уже не сомнѣвается, что всѣ налоги, получаемые не съ имущества, а съ какой-нибудь потребности, принадлежатъ къ косвеннымъ. Итакъ, остается 12—13 милліоновъ прямыхъ налоговъ противъ 84 милл. косвенныхъ. Что косвенные налоги платятся исключительно бѣдными классами—этого я нигдѣ не говорилъ, и это была бы чистая безсмыслица, потому что потребляетъ каждый. Я сказалъ только, что они большею частью платятся бѣдными классами.

Но это ясно какъ день, что косвенные налоги ложатся на людей не пропорціонально ихъ доходу, а по потребности ихъ въ предметахъ, обложенныхъ этими налогами, между тѣмъ какъ эти потребности вовсе не пропорціональны доходамъ. Въ этомъ и состоитъ неравномѣрность распредѣленія косвенныхъ налоговъ. Какъ скоро дознано, что косвенные налоги обремѣняютъ людей не пропорціонально ихъ имуществу и доходу, что слѣдовательно человѣкъ, который въ 20, 50, 100 разъ богаче другаго, не потребляетъ отъ этого въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, пива, то уже одно то соображеніе, что бѣдныхъ гораздо больше, чѣмъ богатыхъ, очевидно доказываетъ, что большая часть косвенныхъ налоговъ платится ими. Наконецъ я замѣтилъ, что все это болѣе 100 лѣтъ тому назадъ установлено наукой и статистикой и что потому было бы безполезно поучать фактамъ, которые уже такъ давно приняты наукой.

Я удовольствовался этими краткими убѣдительными замѣчаніями, этимъ указаніемъ на всегдашнее единодушное свидѣтельство науки. Я считалъ несправедливымъ, недостойнымъ меня пользоваться своимъ превосходствомъ въ наукѣ, которую я съ давнихъ поръ усвоилъ себѣ; я не хотѣлъ пускаться въ подробности, которыя непріятнымъ образомъ дали бы почувствовать прокурору, до чего неудачна попытка его, предпринятая въ видахъ обвиненія, разсуждать о чуждыхъ ему научныхъ спеціальностяхъ.

Притомъ мнѣ казалось, что это будетъ нѣкоторымъ образомъ нравственное оскорбленіе для судей, если я стану подробно доказывать имъ вещи, болѣе 100 лѣтъ уже занесенныя во всѣ учебники.

Конечно, я не имѣлъ права предполагать въ судьяхъ спеціально научныхъ свѣдѣній въ національной экономіи и статистикѣ. Но я полагалъ, что имъ извѣстны, хотя бы въ общихъ результатахъ, по крайней мѣрѣ столь общеизвѣстныя вещи, вещи всѣми признанныя съ незапамятныхъ временъ, какъ то, что я говорилъ о косвенныхъ налогахъ; и я считалъ излишнимъ и даже нелѣпымъ серьезно доказывать такія всесвѣтныя вещи, давнымъ давно ставшія общимъ достояніемъ всѣхъ учебниковъ.

Я былъ не правъ, господа, но понятно, отчего я ошибся. Мы, люди, посвятившіе жизнь наукѣ, знаемъ кое-что и даже многое. Но зато въ одномъ отношеніи мы вѣчно остаемся невѣжественны, какъ дѣти: мы понятія не имѣемъ, до чего прочіе невѣжественны!

Приговоръ въ своей первой редакціи совершенно согласился съ доводами прокурора, объявивъ на отрѣзъ, что все сказанное мною о косвенныхъ налогахъ — не вѣрно, что бремя косвенныхъ налоговъ не падаетъ на бѣдные классы такъ, какъ я представилъ это.

По этой причинѣ приговоръ призналъ мою рѣчь, хотя въ сущности чисто научную, но не вполнѣ чисто научною, такъ какъ я привожу касательно косвенныхъ налоговъ доказательства, которыя нельзя назвать научно-логическими.

Во второй редакціи приговора это отрицаніе вѣрности сказаннаго мною о косвенныхъ налогахъ къ изумленію исчезло. Въ ней не оказывается ни одного слова, которымъ это ученіе мое упрекалось въ невѣрности или неточности.

Вы понимаете, господа, что первая редакція приговора, прочитанная въ судѣ, для меня важнѣе второй, составленной впослѣдствіи, потому что въ приговорѣ, объявленномъ тотчасъ въ засѣданіи, я могу разглядѣть дѣйствительныя психологическія причины своего осужденія, тогда какъ въ позднѣйшемъ своемъ видѣ приговоръ показываетъ мнѣ только основанія, которыми это осужденіе оправдывается впослѣдствіи! Впрочемъ и во второй редакціи мои разсужденія о косвенныхъ налогахъ остаются главнымъ основаніемъ осужденія, уликой, что я дѣйствительно возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію, хотя здѣсь уже не отрицается справедливость этихъ разсужденій! Изъ этого можно только заключить, что приговоръ лишь по внѣшности пересталъ отрицать справедливость моихъ разсужденій, а внутренно остался при этомъ отрицаніи.

Потому что одно изъ двухъ: или ученіе мое о косвенныхъ налогахъ научно-истинно — въ такомъ случаѣ оно не подлежитъ уголовному преслѣдованію. Если оно научно-истинно, то его защищаетъ 20-я статья конституціи: «Наука и ея ученіе свободны». Если оно истинно, то и помимо этой статьи оно не подлежитъ преслѣдованію, потому что въ наше время нельзя признавать преступленіемъ статистику и экономію, нельзя, гдѣ бы и когда бы ихъ ни проповѣдывали. Это призналъ самъ прокуроръ, потому что онъ основываетъ свое нападеніе только на томъ, что, по его мнѣнію, мое ученіе содержитъ «невѣрные факты» и «софизмы».

Другой на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, сказалъ бы вамъ: еслибы даже это ученіе было ложно, то и тогда оно все-таки было бы ложнымъ научнымъ ученіемъ, а съ какихъ же поръ наказываютъ уголовнымъ закономъ научныя заблужденія? Это замѣчаніе in jure было бы вполнѣ убѣдительно; однако я пренебрегу имъ. Допустимъ — я даже самъ приглашаю васъ сдѣлать это, — допустимъ, что если я не докажу Вамъ справедливость сказаннаго мною, то это будетъ значить, что я говорилъ это, самъ зная ложность его, и слѣдовательно, единственно для возбужденія. Но чѣмъ я уступчивѣе, чѣмъ рѣшительнѣе отказываюсь я пользоваться для своей защиты какими-нибудь слабостями, тѣмъ настойчивѣе долженъ я утверждать, что если сказанное

мною — научно-истинно, то преступно не проповѣдывать это научное ученіе, а преслѣдовать его! Теперь я докажу Вамъ, что это ученіе истинно, и вмѣстѣ съ тѣмъ Вы сами увидите изъ этихъ же доказательствъ, какъ чуждо было моей рѣчи намѣреніе возбуждать. Я покажу Вамъ, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ нетолько истинно, но представляетъ собою лишь очень слабую долю истины, выражаетъ ее слишкомъ мягко; что я могъ бы сказать о налогахъ вещи гораздо болѣе рѣзкія, гораздо болѣе волнующія; что, стало быть, я нетолько не имѣлъ цѣли возбуждать, но напротивъ, старался сказать какъ можно меньше, лишь столько, сколько было безусловно необходимо сказать, чтобы провести философскую мысль, составляющую сущность рѣчи.

Обратите, господа, вниманіе на то, какъ и кѣмъ я буду доказывать Вамъ это. Я не буду ссылаться на писателей, принадлежащихъ къ моему направленію въ національной экономіи, а именно на тѣхъ ученыхъ, которые служатъ представителями буржуазіи въ національной экономіи; я докажу Вамъ это словами вождей господствующихъ школъ, признаніями знаменитѣйшихъ и хваленнѣйшихъ буржуазныхъ экономистовъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Писатели, на которыхъ я буду ссылаться, раздѣляются на два разряда: одни — желающіе отмѣны косвенныхъ налоговъ по причинѣ ихъ недостатковъ; другіе—не желающіе этого. Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія практической рутины косвенные налоги имѣютъ извѣстныя большія выгоды. Они взимаются такъ, что платящіе и не замѣчаютъ этого, но тѣмъ не менѣе доставляютъ въ казну изумительно громадныя суммы, такъ что безъ радикальныхъ реформъ нельзя придумать, чѣмъ замѣнить этотъ источникъ дохода. По этимъ причинамъ многіе изъ писателей, на которыхъ я буду ссылаться, стоятъ за сохраненіе косвенныхъ налоговъ. Но всѣ безъ исключенія признаютъ факты, которые я высказалъ насчетъ косвенныхъ налоговъ въ моей рѣчи. Вы увидите, что въ этомъ отношеніи всѣ они единодушны.

Судъ первой инстанціи не хотѣлъ вѣрить мнѣ на слово, и потому я рѣшился ничего не говорить сегодня безъ подробныхъ доказательствъ. Я начну съ основнаго положенія моей критики косвенныхъ налоговъ, что всякій налогъ, падающій не пропорціонально его доходу—не равенъ и потому несправедливъ и что, слѣдовательно, равны только пропорціональные налоги. Въ подтвержденіе этого я приведу Вамъ авторитетъ, котораго Вы, конечно, не станете отрицать—авторитетъ прусскаго законодательства. Еще въ эдиктѣ 28 апрѣля 1743 г. сказано: «Въ государствѣ, гдѣ всѣ пользуются равнымъ покровительствомъ, всѣ должны и нести подати, которыя расходуются на это покровительство, и каждый долженъ нести ихъ въ размѣрѣ своихъ доходовъ» †).

Въ рѣчи моей я не занимался спеціально налогами, а упомянулъ о нихъ лишь мимоходомъ, вслѣдствіе чего пропустилъ многія другія важныя невыгоды косвенныхъ налоговъ, напр., чрезвычайно большіе расходы на ихъ взиманіе; но той же причинѣ я снисходительно допустилъ, будто пропорціональ-

†) Сравни правительственный проектъ чинамъ завоеванной Силезіи еще 1741 г. См. Ranke, Neue Bücher Preussicher Geschichte, II, 467.

ные прямые налоги, взимаемые въ равномъ процентномъ размѣрѣ съ доходовъ, вполнѣ удовлетворяютъ основному принципу справедливаго распредѣленія податей.

Но это неправда. Послушайте, что говоритъ Сэ, глава французской буржуазной экономіи, профессоръ политической экономіи въ Collége de France при Луи Филиппѣ, знаменитѣйшій и любимѣйшій авторитетъ правовѣрной буржуазной экономіи во Франціи. Въ своемъ Cours complet d'économie politique, VIII, partie IV, глава о налогахъ, ихъ законности и ея предѣлахъ, p. 495 брюссельскаго изданія 1844 г., онъ говоритъ слѣдующее: «Съ другой стороны налогъ просто лишь пропорціональный не тяжелѣе ли для бѣднаго, чѣмъ для богатаго? Долженъ ли человѣкъ, производящій только количество хлѣба, необходимое лишь для прокормленія семейства, платить налогъ совершенно въ той же пропорціи, какъ и тотъ, кто, благодаря своимъ превосходнымъ дарованіямъ, своимъ огромнымъ имѣніямъ, своимъ значительнымъ капиталамъ, нетолько самъ наслаждается всѣми благами самой пышной роскоши и доставляетъ ихъ своему семейству, но еще ежегодно умножаетъ свое богатство? Не находите ли Вы въ этомъ притязаніи, господа, нѣчто оскорбляющее справедливость?»

Итакъ, Сэ, а за нимъ и много другихъ, находятъ, что даже пропорціональный прямой налогъ несоразмѣрно обременителенъ для бѣдныхъ классовъ; онъ требуетъ, чтобы даже прямой налогъ, чтобы быть справедливымъ, былъ прогрессивнымъ, т. е. чтобы съ большаго дохода взимался большій процентъ; между тѣмъ я не сказалъ объ этомъ моей публикѣ ни слова,—вотъ до чего я былъ чуждъ намѣренія возбуждать и озлоблять!

Но что же говоритъ онъ о косвенныхъ налогахъ?

Вотъ что (p. 496):

«Налогъ на потребленія необходимо пропорціоналенъ количеству потребляемаго товара; но какъ количество потребляемаго товара не можетъ слѣдовать пропорціи состоянія, то изъ этого слѣдуетъ, что этотъ родъ налога, играющій главную роль въ странахъ, гдѣ налоги велики, тѣмъ тяжелѣе падаетъ на плательщика, чѣмъ онъ бѣднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, имѣющій 300,000 франковъ дохода, не можетъ потребить въ 300 разъ больше сахара и вина, чѣмъ человѣкъ, у котораго только 1000 франковъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мелкія состоянія подвергаются дѣйствительно прогрессивному налогу, т. е., тѣмъ пропорціонально большему, чѣмъ меньше состояніе плательщика. Это одинъ изъ великихъ недостатковъ косвенныхъ налоговъ, и возрастающая прогрессивность прямаго налога была бы лишь справедливымъ, но недостаточнымъ вознагражденіемъ за него.»

Слышите Сэ! А въ слѣдующей главѣ, сравнивая выгоды и невыгоды косвенныхъ налоговъ, онъ говоритъ (p. 499): «Говорили, что косвенные налоги менѣе притѣснительны и уплачиваются не такъ тяжело, какъ прочіе говорили даже, что плательщики платятъ ихъ, сами того не замѣчая и смѣшивая взносъ ихъ съ общей суммой пожертвованій, на которыя соглашаются, чтобы пользоваться предметами потребленія, обложенными пошлинами. Кажется, что они могли бы избѣжать уплаты этого налога, отказавшись отъ

потребленія предметовъ, дающихъ поводъ взыскивать его съ нихъ. Но такой отказъ сопровождается многими неудобствами.

«Вопервыхъ, очень важно неудобство производить и не потреблять своихъ продуктовъ или продуктовъ, которые можно было бы пріобрѣсти на собственные. Именно потому, что тутъ жаловаться не на кого и что агенты казны могутъ отвѣтить на жалобы: Вы вольны избѣжать этихъ налоговъ — казна имѣла возможность дать имъ скандальное развитіе, какъ напр. акцизнымъ пошлинамъ въ Англіи и вѣдомству косвенныхъ налоговъ во Франціи.

«Они непропорціональны средствамъ плательщиковъ. Соль потребляютъ и богатый, и бѣдный; но богатый, обладающій состояніемъ въ 100,000 разъ бо́льшимъ, чѣмъ бѣдный, не потребляетъ однако въ 100,000 разъ больше соли. Налогъ на спиртные напитки принуждаетъ $^7/_8$ населенія Франціи лишать себя въ обыденной жизни вина, укрѣпляющаго напитка, въ изобиліи производимаго ихъ почвою; но распредѣленіе, однимъ дозволяющее пользоваться продуктомъ, а другимъ запрещающее, очевидно несправедливо.

«Этотъ налогъ не имѣетъ также никакого соотношенія съ цѣнами. Онъ не можетъ соразмѣряться ни съ урожаями, ни съ качествами. Такса 30 франковъ, составляющая десятипроцентную съ бочки цѣною въ 300 франковъ, превращается въ 300-процентную съ бочки цѣною въ 10 франковъ; но хуже всего то, что высокую-то таксу платитъ бѣдный, а низкую богатый.

«Можно смѣло утверждать, что налоги на потребленія самые неравномѣрные изъ всѣхъ и что въ націяхъ, гдѣ они преобладаютъ, самыя недостаточныя семьи приносятся въ жертву. Это одна изъ язвъ Англіи».

Слышите Сэ! Я еще только что началъ, господа, безконечный рядъ цитатъ, рядъ, дотого безконечный, что я могъ бы, еслибы хотѣлъ, цѣлыхъ двѣ недѣли провести въ этомъ цитированіи; я только что еще началъ его, а Вамъ, можетъ быть, уже кажется, что приведенныхъ словъ одного изъ вождей господствующей буржуазной экономіи, заглаза достаточно для доказательства доказываемаго. Вы видѣли, что Сэ говоритъ точно тоже, что я, но гораздо рѣзче, выразительнѣе и обстоятельнѣе.

Я говорю, что косвенные налоги ложатся на людей не пропорціонально ихъ капиталу и доходу; Сэ говоритъ, что косвенные налоги представляютъ даже прогрессивный налогъ въ обратномъ смыслѣ, т. е., тѣмъ тяжелѣе ложатся на человѣка, чѣмъ онъ бѣднѣе. Я говорю, что это непомѣрно обременяетъ бѣдные классы; нѣтъ, поправляетъ меня Сэ, это приноситъ ихъ въ жертву, sacrifie, убиваетъ ихъ въ жертву. Я говорю, что европейская буржуазія не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, а только развила ихъ въ неслыханную систему; нѣтъ, говоритъ Сэ, она дала имъ скандальное развитіе!

Я говорю, что странно противорѣчіе и оригинальна справедливость взваливать всѣ государственные расходы на косвенные налоги, а мѣриломъ избирательнаго права, т. е. политической власти дѣлать прямые налоги, вносящіе изъ 108 милліоновъ общей суммы бюджета только 12 милліоновъ. Стало быть, я предоставляю думать, что по крайней мѣрѣ хотя эти 12 милліоновъ справедливы и равномѣрны, потому что у меня и въ мысляхъ не было возбуж-

дать противъ податныхъ учрежденій. Какъ можно! говоритъ Сэ; прямой налогъ тоже несправедливъ, если не прогрессивенъ, и возрастающая прогрессія ея процентнаго отношенія была бы только справедливымъ, но все-таки недостаточнымъ еще вознагражденіемъ за великую несправедливость косвенныхъ налоговъ, которые представляютъ также прогрессивное возрастаніе, но навыворотъ, по направленію внизъ, къ бѣднѣйшимъ классамъ!

Но, господа, этого не знали и осудили меня за фактъ, давно дознанный наукой!

Послушаемъ другой знаменитый авторитетъ, человѣка столь же великаго въ національной экономіи, какъ и въ исторіи, славнаго историка Франціи и Италіи, Симонда де Сисмонди, члена французскаго института, императорской петербургской академіи, королевской берлинской академіи наукъ и многихъ иныхъ ученыхъ обществъ, перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько минутъ.

«Если мы потрудимся—говоритъ онъ въ своихъ Nouveaux principes d'économie politique, T. II, p. 207 парижскаго изданія 1819 г., въ главѣ о Налогѣ — если потрудимся сосчитать различныя части дохода богатаго, которыя такимъ образомъ избѣгаютъ налога, то найдемъ, что онъ оплачиваетъ пошлины потребленія по большей мѣрѣ одной десятой доли своего расхода; мы найдемъ, что эти пошлины все возрастаютъ въ своей пропорціи съ доходомъ по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ болѣе бѣднымъ классамъ, и что самый несчастный классъ, классъ фабричныхъ работниковъ, расходъ котораго составляется почти исключительно изъ товаровъ, покупаемыхъ въ городахъ и привозимыхъ туда, не спасаетъ отъ налога ни малѣйшей доли своего дохода».

И вслѣдъ затѣмъ Сисмонди продолжаетъ: «Мы видимъ, стало быть, какъ несправедливо и какъ безчеловѣчно предлагать, какъ часто дѣлаютъ, уничтожить всѣ прямые налоги и взимать всю сумму государственныхъ доходовъ налогами на потребленіе; это предложеніе равносильно предложенію освободить всѣхъ богатыхъ отъ всякихъ налоговъ и взимать подати только съ бѣдныхъ. Во многихъ отношеніяхъ это значило бы возвратиться къ древней феодальной системѣ, гдѣ дворяне ничего не платили; но въ этомъ нововведеніи аристократизмъ былъ бы еще усовершенствованнѣе, потому что стоило бы только разбогатѣть, чтобы тѣмъ самымъ избавиться отъ платежей».

Вы видите, что и этотъ великій ученый, что и Сисмонди, какъ Сэ, говоритъ точно тѣже «софизмы», утверждаетъ точно тѣже «невѣрные факты», въ которыхъ упрекалъ меня прокуроръ и за которые осудилъ меня приговоръ, но еще рѣзче. Я говорю, что «косвенные налоги, вмѣсто того, чтобы ложиться на людей пропорціонально ихъ капиталу и доходу, взносятся несравненно большею частью бѣднѣйшими классами общества». Не «несравненно большею частью», говоритъ Сисмонди, а почти исключительно одними бѣдными; богатые же почти совершенно изъяты отъ платежа потребительныхъ пошлинъ.

Наука признала это еще въ 1819 г. Но такъ какъ прокуроръ и судъ находятся въ блаженномъ невѣденіи первыхъ началъ государственныхъ наукъ, то черезъ 50 лѣтъ послѣ этого признанія меня за него обвиняютъ, судятъ и наказываютъ!

Есть въ національной экономіи имя, еще болѣе знаменитое, чѣмъ имена Сэ и Сисмонди, имя человѣка, жившаго задолго до нихъ. Я говорю о великомъ основателѣ современной національной экономіи, о шотландцѣ Адамѣ Смитѣ, родившемся въ 1723 г. и издавшемъ свою книгу о богатствѣ народовъ, составляющую эпоху въ наукѣ, въ 1775 г. Послушаемъ, что говоритъ о нашемъ предметѣ Адамъ Смитъ †).

«Налоги на первыя жизненныя потребности оказываютъ на участь народа почти такое же вліяніе, какъ неблагодарная почва или дурной климатъ. Налоги эти поднимаютъ цѣну съѣстныхъ припасовъ, какъ-будто бы для произведенія послѣднихъ необходимо больше труда и расходовъ, чѣмъ сколько требуется въ дѣйствительности». «Когда такого рода налоги поднимутся до извѣстной степени, то они представляются такимъ же ужаснымъ бѣдствіемъ, какъ безплодіе почвы или суровый климатъ, а между тѣмъ они встрѣчаются вообще чаще всего въ богатыхъ и промышленныхъ странахъ. Никакая другая мѣстность не въ силахъ была бы выдержать такой жестокой болѣзни. Подобно тому, какъ только самое крѣпкое тѣло можетъ поддержать въ себѣ жизнь и даже здоровье при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, такимъ же точно образомъ существовать и даже благоденствовать подъ игомъ такого рода налоговъ могутъ только такіе народы, производительности которыхъ наиболѣе благопріятствуютъ самыя счастливыя обстоятельства, какъ естественныя, такъ и искусственныя». (Т. II, стр. 282 — 83).

Переходя потомъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію косвенныхъ налоговъ вообще и вліянія ихъ на положеніе рабочихъ классовъ, Адамъ Смитъ говоритъ (кн. V, гл. II, т. III, стр. 264): «Повышеніе цѣны предметовъ, обложенныхъ налогомъ, не вызоветъ необходимо увеличенія заработной платы. Налогъ на табакъ, напримѣръ, составляющій предметъ роскоши, какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго, не подниметь заработной платы. Хотя онъ обложенъ въ Англіи пошлиной въ три раза, а во Франціи пошлиною въ 15 разъ превосходящею его первоначальную цѣну, все-таки такой чрезвычайный даже налогъ, кажется, не произвелъ никакого вліянія на величину заработной платы, ни въ той, ни въ другой странѣ; тоже самое можно сказать и о налогахъ на чай и сахаръ, обратившіеся въ Англіи и Голландіи въ предметы роскоши для послѣднихъ классовъ народа, на шоколадъ, получившій, какъ говорятъ, тоже значеніе въ Испаніи. Различные налоги, установленные въ продолженіе послѣдняго столѣтія въ Англіи на спиртные напитки, не произвели, какъ думаютъ, никакого дѣйствія на величину заработной платы. Возвышеніе цѣны портера ††) вслѣдствіе добавочнаго налога въ 3 шилинга на боченокъ портера — (Вы знаете, господа, что этотъ напитокъ въ Англіи потребляется самыми низшими классами народа и сдѣлался у нихъ привычной потребностью;

†) Лассаль цитируетъ по французскому изданію А. Смита маркиза Гарнье, 1822 г., а мы по русскому, г. Бибикова, Спб. 1866 г.

††) Въ переводѣ г. Бибикова сказано «пива», но рѣчь идетъ о портерѣ.
Пр. Пер.

самое названіе его происходитъ отъ носильщиковъ—porters, portefaix)—не подняло заработной платы чернорабочаго въ Лондонѣ».

Въ другомъ мѣстѣ (кн. I, гл. XI, т. I, стр. 468) онъ говоритъ о рабочихъ классахъ: «Они терпятъ, быть можетъ, гораздо больше (чѣмъ отъ цѣнъ на хлѣбъ) отъ искусственнаго повышенія посредствомъ налоговъ цѣнъ на нѣкоторыя обработанныя произведенія, какъ соль, мыло, кожи, свѣчи, солодъ, пиво, эль и проч.».

Уже эти откровенныя указанія Адама Смита показываютъ Вамъ, господа, что налоги, лежащіе на предметахъ потребленія рабочихъ классовъ, не возвращаются имъ въ рабочей платѣ; впрочемъ объ этомъ я поговорю ниже подробнѣе.

Но что же думаетъ Адамъ Смитъ о другомъ вопросѣ, о томъ, дѣйствительно ли гораздо большая часть косвенныхъ налоговъ взносится бѣднѣйшими классами, какъ я утверждалъ въ моей рѣчи? Во времена Адама Смита статистики еще не было, и можно предположить, что въ этомъ отношеніи онъ могъ ошибиться. Но нѣтъ, господа. Ошибка была невозможна. Достаточно было здраваго смысла, какъ я сказалъ возражая прокурору въ первой инстанціи, чтобы a priori понять истинное положеніе дѣлъ, хотя у Адама Смита не было подъ рукой столбцевъ статистическихъ фактовъ.

Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ (кн. V, гл. II, т. III, стр. 285): «Слѣдуетъ замѣтить, что все количество потребленій низшихъ классовъ народа и тѣхъ, которые стоятъ вслѣдъ за средними классами, въ каждой странѣ превышаетъ нетолько количествомъ, но и цѣнностью все потребленіе среднихъ и высшихъ классовъ. Все количество издержекъ нисшихъ классовъ несравненно значительнѣе той суммы, которая истрачивается высшими классами».

И онъ заключаетъ изъ этого въ совершенномъ согласіи со мной (ib. стр. 286): «Слѣдовательно, налогъ на издержки, производимыя главнымъ образомъ высшими классами, какъ на меньшую часть годоваго дохода, должны дать меньше дохода государству, чѣмъ налогъ, падающій безразлично на все общество, или даже на одни только нисшіе его классы».

Итакъ, мои софизмы, мои невѣрные факты оказываются и у Адама Смита! Они приняты наукой еще съ 1770 г., стало быть, уже цѣлыхъ 100 лѣтъ!

Но можетъ быть, Вы предпочитаете послушать, вмѣсто англичанъ и французовъ, представителей нѣмецкой науки? Извольте!

Послушаемъ напр. герцогскаго саксенъ-кобургскаго регирунгсрата Лоца, который издалъ въ 1822 г. руководство государственной экономіи въ трехъ томахъ.

Онъ доказываетъ, подобно многимъ другимъ, что косвенные налоги возвышаютъ расходы низшихъ классовъ на предметы потребленія ихъ нетолько на всю сумму самихъ налоговъ, нетолько на громадныя издержки на взиманіе ихъ, въ десять разъ превышающія издержки на сборъ прямыхъ налоговъ, но еще болѣе потому, что предприниматели взимаютъ въ цѣнѣ вещей обычную прибыль еще со всей сбираемой ими суммы налога. Онъ говоритъ (B. III, p. 185): «Это главная причина, почему всѣ косвенныя потребительныя пошлины

всегда такъ тягостны для бѣднѣйшей и большей части народа. Возвышеніе цѣнъ на всѣ потребности жизни, всегда бывающее непремѣннымъ слѣдствіемъ этой податной системы, чрезвычайно само по себѣ угнетаетъ бѣднѣйшіе и низшіе классы народа; но еще больше или по крайней мѣрѣ столько же угнетаютъ ихъ барыши, которые они принуждены давать богатымъ классамъ за полученныя отъ нихъ ссуды; послѣдствіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ является почти безусловная невозможность развитія промышленности и благосостоянія низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ при подобной податной системѣ».

Какова возбуждающая сила выраженій, господа! Говорилъ ли я что-нибудь подобное? Какъ скромно, сдержанно, умѣренно оказывается въ сравненіи съ этимъ все, что я сказалъ въ моей рѣчи! Тотъ же чиновникъ и экономистъ продолжаетъ такъ (ib. p. 186): «Словомъ, потребительныя пошлины сваливаютъ бремя налоговъ на тотъ классъ народа, который имѣетъ всего меньше силъ и возможности платить ихъ, чѣмъ потрясаютъ до самыхъ коренныхъ основаній нетолько равенство распредѣленія общественныхъ податей, но и всѣ начала общественнаго благосостоянія».

И далѣе: «Конечно, зажиточный и богатый могутъ переносить эту податную систему безъ особенно чувствительнаго ущерба. Но для низшаго и бѣднѣйшаго класса она не можетъ не оказаться очевидно пагубной. Уже сама по себѣ она довольно обременительна. Но къ этому бремени присоединяется другое, вытекающее изъ преимущества, которое она даетъ богатому надъ бѣднымъ. Главная причина этого втораго бремени и его пагубности для бѣдныхъ заключается въ томъ, что потребности тяготятъ бѣднаго гораздо сильнѣе, чѣмъ богатаго; преимущественно же въ томъ, что этотъ гнетъ въ той же мѣрѣ понижаетъ для бѣднаго цѣну его труда и его услугъ, оказываемыхъ богатому, въ какой даетъ богатому возможность вымогать высшія цѣны за свои ссуды на потребности бѣднаго. Ибо, чѣмъ тяжелѣе положеніе бѣднаго народа и чѣмъ чувствительнѣе ухудшается оно податями, тѣмъ настоятельнѣе для бѣдныхъ необходимость искать чужой работы и тѣмъ нестерпимѣе тяготитъ ихъ преимущество богатыхъ. Потребительныя пошлины могутъ служить лишь къ вящему противоестественному усиленію этого преимущества, основаннаго на самой сущности дѣлъ, и къ окончательному нарушенію этимъ необходимаго равенства въ распредѣленіи общественныхъ налоговъ; и всего скорѣе достигается эта цѣль косвеннымъ способомъ взиманія этихъ пошлинъ».

И на стр. 188: «Такимъ образомъ легко можетъ быть, что этотъ налогъ, простирающійся по разсчету до 25% чистаго дохода каждаго лица, окажется для бѣднаго въ 40 и болѣе процентовъ, тогда какъ богатый уплатитъ только 10% или даже ничего не внесетъ, или наконецъ получитъ даже чистую выгоду вслѣдствіе пониженія рабочей платы, на которое бѣдные вынуждены теперь согласиться».

Но стоитъ ли приводить отрывки и цитаты, господа! По настоящему, мнѣ надо прочесть Вамъ цѣлыя сочиненія, цѣлыя библіотеки! Прочтите, напр., спеціальное сочиненіе ординарнаго профессора государственной экономіи въ гейдельбергскомъ университетѣ, д-ра Эшенмайера, «О потребительныхъ пош-

линахъ», вышедшее въ 1813 г. Онъ приводитъ противъ нихъ одиннадцать основаній, изъ коихъ второе состоитъ въ слѣдующемъ (р. 36): «онѣ никогда не могутъ соблюсти справедливаго и равнаго отношенія въ податныхъ повинностяхъ богатаго и бѣднаго»; а четвертое: «онѣ, хотя бы были наложены на абсолютныя потребности, всегда ложатся тяжелѣе и въ бо́льшемъ размѣрѣ, именно на бѣднѣйшій классъ, какъ самый многочисленный въ государствѣ». А то послушайте велико-герцогскаго гессенскаго гофкаммеррата Крёнке, который въ IV части своего «Трактата о государственно-экономическихъ предметахъ», р. 141 sqq., говоритъ о косвенныхъ налогахъ такъ: «По § 10 я называю косвенными тѣ налоги, доходъ съ которыхъ неопредѣленъ и которые взимаются не необходимо и не по заранѣе постановленнымъ опредѣленіямъ, а лишь въ исключительныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, обусловливающихъ платежъ налоговъ и большею частью предоставленныхъ на волю плательщиковъ». «Главные изъ нихъ суть таможенныя и мытныя пошлины, потребительныя пошлины, гербовая бумага и различныя судебныя пошлины». «Очевидно, говоритъ онъ, на стр. 146, что, имѣется ли въ виду установить налогъ пропорціонально положительному имуществу или относительному, во всякомъ случаѣ налоги на безусловныя жизненныя потребности или на предметы, которые привычка обратила въ жизненныя потребности большинства народонаселенія, не могутъ быть справедливы, потому что эти потребности вообще соразмѣряются числу душъ, и у бѣдныхъ нетолько не меньше, чѣмъ у богатыхъ, но часто даже больше. Такъ какъ потребности эти безусловно необходимы, то налоги на нихъ въ сущности все равно, что подушная подать. Для бѣдныхъ они даже гораздо убыточнѣе подушной подати, потому что этотъ классъ обыкновенно принужденъ тяжко трудиться, вслѣдствіе чего еще больше нуждается въ этихъ потребностяхъ и такимъ образомъ принужденъ вносить въ государственный доходъ, вытекающій изъ этого налога, больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ съ него по числу душъ».

Онъ доказываетъ, что кофе, табакъ, водка и пр. сдѣлались вслѣдствіе привычки необходимыми жизненными потребностями, и заключаетъ (р. 151): «стало быть, кофейный, табачный и водочный акцизы все равно, что подушная подать».

Назидательна также книга фонъ Ульменштейна «О выгодахъ и недостаткахъ косвенныхъ налоговъ», Дюссельдорфъ 1831 г. Рекомендую еще «Афоризмы и замѣтки о важныхъ отрасляхъ финансоваго вѣдомства», фонъ Лихтенштерна, Альтенбергъ 1821 г. Вотъ также, какъ выражается въ своемъ негодованіи, нѣсколько преувеличенно, д-ръ Беръ въ «Ученіи экономіи государства», Лейпцигъ 1822 г., стр. 151: «Этимъ подтверждается то, что я публично сказалъ въ 1810 г. и чему съ тѣхъ поръ постоянно встрѣчалъ подтвержденія, а именно, что косвенные налоги изобрѣтены или грубымъ невѣжествомъ или мошеннической хитростью, защищаются софистами или людьми перемудрившими, поддерживаются тунеядцами, размножаются нищетой и до сихъ поръ не отмѣняются по неохотѣ потрудиться водворить справедливость». Нѣтъ, господа, косвенные налоги изобрѣтены не тѣмъ, чѣмъ думаетъ

д-ръ Беръ. Д-ръ Беръ не видитъ внутреннюю историческую и органическую необходимость, въ силу которой косвенные налоги должны были возникнуть и распространиться; въ моей рѣчи я достаточно объяснилъ эту необходимость. Но приведенныя мною единодушныя свидѣтельства славнѣйшихъ представителей науки ясно показываютъ Вамъ, что негодованіе д-ра Бера вполнѣ законно и основательно.

Я привелъ Вамъ слова д-ра Бера нарочно, чтобы показать, какой свободой печати и публичнаго слова пользовалась Германія прежде, при абсолютизмѣ.

Вотъ меня наказываютъ четырехмѣсячныхъ тюремнымъ заключеніемъ за спокойное, умѣренное и строго объективное доказательство, что косвенные налоги ложатся на людей не пропорціонально ихъ доходу и капиталу и что поэтому несравненно большая доля косвенныхъ налоговъ взносится неимущими, бѣднѣйшими классами націи; что такимъ образомъ косвенные налоги оказываются учрежденіемъ, посредствомъ котораго крупный капиталъ обезпечиваетъ себѣ податную льготность, какою въ дворянскія времена пользовалось дворянское землевладѣніе. Что же сдѣлали бы съ этимъ экономистомъ за его страстную выходку, которую онъ совершилъ нетолько въ своемъ сочиненіи, но, какъ самъ говоритъ, и въ публичной рѣчи? Его по меньшей мѣрѣ оставалось бы только разстрѣлять на мѣстѣ!

Но всѣ приведенные мною авторитеты—позднѣе Адама Смита. Значитъ, наукѣ были необходимы новыя основанія, данныя имъ національной экономіи, чтобы понять столь ясныя и простыя вещи, какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь? Нисколько!

Прочтите знаменитую книгу Recherches et Considérations sur les Finances de France, вышедшую въ 1758 г. въ Базелѣ, въ двухъ большихъ томахъ in quarto, безъ имени автора, которымъ былъ генералъ-инспекторъ королевскихъ монетъ Франціи, Форбоне. Онъ сознается (t. I, p. 260), что отмѣна косвенныхъ налоговъ и удовлетвореніе государственныхъ потребностей посредствомъ прямаго налога на доходы должно быть цѣлью всѣхъ финансистовъ ради справедливости, ради общественнаго благосостоянія и увеличенія государственнаго могущества.

Онъ съ теплымъ сочувствіемъ сожалѣетъ о невозможности потреблять, въ которую бѣдные классы поставлены косвенными налогами и зависящей отъ нихъ дороговизной товаровъ. Онъ говоритъ, указывая въ примѣръ на провинцію Лангедокъ (t. I, p. 319): «Лангедокъ страдаетъ другимъ внутреннимъ порокомъ, тайна котораго хранится богатыми и который долженъ съ теченіемъ времени нанести этой провинціи большой вредъ». Этотъ порокъ,—говоритъ онъ,—заключается въ томъ, что цѣна на всѣ товары возросла, тогда какъ положеніе ремесленниковъ, арендаторовъ, сельскихъ работниковъ стало еще невыгоднѣе. «Что за причина такого, повидимому, страннаго явленія?»—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «Причина та, что цѣна рабочаго дня, барщины не возрасла въ той пропорціи, какъ цѣна товаровъ; во многихъ мѣстахъ этой провинціи она и теперь только 6 су, какъ сто лѣтъ тому назадъ; вотъ истинный источникъ безпорядка, скрываемый ложно понимаемымъ лич-

нымъ интересомъ». О, какъ часто слѣдовало бы припоминать эти великодушныя слова Форбоне! Онъ утверждаетъ, предполагая случай войны (t. I, p. 485): «Въ какомъ положеніи ни находились бы дѣла, въ богатой странѣ всегда можно учредить въ случаѣ войны значительный налогъ, не обременяющій бѣднѣйшій классъ гражданъ». И восклицаетъ въ благородномъ негодованіи (t. II, p. 83): «Можно было бы такимъ способомъ получить налогъ, который отнялъ бы у богатыхъ какой-нибудь десятокъ червонцевъ, бросаемый на игру и вообще на самыя вздорныя прихоти, тогда какъ работникъ зналъ бы о немъ только развѣ по наслышкѣ». «Но,—прибавляетъ онъ,—еслибы вышелъ эдиктъ, предписывающій подобный налогъ, поднялись бы вопли и ропотъ какихъ-нибудь 2—3 милліоновъ людей: Какъ можно брать съ насъ? Обирайте деревни; правда, народъ страдаетъ,—холодно скажутъ они,—но общій интересъ выше частнаго, и этимъ хамамъ (cette espèce d'hommes),—т. е. писпимъ классамъ, не слѣдуетъ пользоваться благосостояніемъ»!

Пойдемте еще дальше назадъ, заглянемъ въ еще болѣе знаменитую книгу, вышедшую въ 1697 г.: Le détail de la France Буагильбера, lieutenant général au baillage de Rouen, прозваннаго Христофоромъ Колумбомъ національной экономіи.

Вся эта книга, съ начала и до конца, представляетъ непрерывный рядъ доказательствъ вреда и неправды косвенныхъ налоговъ, обличаемыхъ съ благороднѣйшимъ жаромъ краснорѣчивой страсти.

Буагильберъ показываетъ, какъ тогдашніе косвенные налоги Франціи, la taille, т. е. пошлины на земледѣліе, les aides—винный акцизъ—и таможни, возвышая цѣну продуктовъ, лишаютъ народъ, т. е. бѣднѣйшіе классы возможности потреблять ихъ, давятъ эти классы, но этимъ самымъ наносятъ вредъ и богатымъ классамъ, хотя они этого не подозрѣваютъ; онъ доказываетъ, что страна легко доставила бы королю вдвое больше налоговъ, еслибы способъ распредѣленія, свойственный косвеннымъ налогамъ, не былъ такъ пагубенъ.

«Потребленіе прекратилось, потому что стало рѣшительно воспрещено и рѣшительно невозможно», говоритъ онъ (t. I, ch. II, p. 172 большаго французскаго Collection des économistes). «Въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ онъ (t. I, ch. X, p. 184),—бывали года, что пошлины въ розницу въ двадцать разъ превышали цѣну товара оптомъ; это до того уничтожаетъ потребленіе, что бѣднымъ работникамъ приходится пить воду, потому что къ спиртнымъ напиткамъ приступа нѣтъ». Далѣе (ch. XIX, p. 200) онъ показываетъ, что уничтоженіе потребленія вина работниками должно разорить десятокъ другихъ промысловъ: «Тоже и другіе товары,—восклицаетъ онъ;—нѣтъ ни одного, уничтоженіе потребленія котораго вышеуказанными безпорядками не подорвало бы тотчасъ десятокъ или дюжину другихъ ремеслъ, основанныхъ на одномъ съ нимъ началѣ, и не отразилось бы на королѣ и на всѣхъ остальныхъ профессіяхъ государственнаго организма». Онъ называетъ (VI part. ch. VI, p. 212) эти aides—акцизъ—«droits effroyables»—ужасающими налогами, обвиняетъ ихъ (ch. XIII, p. 188) «въ уничтоженіи потребленія и слѣдовательно, въ ра-

зоренiи страны ради частной выгоды, которая не вознаграждаетъ и тысячной доли зла, наносимаго ими государственному организму, который есть общiй источникъ всѣхъ доходовъ короля».

Вотъ какъ любопытно объясняетъ онъ основанiе этихъ налоговъ (part. II, ch. VIII, p. 225): «Во Францiи вѣчно вопятъ на налоги, и богатые еще громче бѣдныхъ; причина послѣдняго обстоятельства въ томъ, что завелось несчастное обыкновенiе не соблюдать никакой справедливости въ распредѣленiи общественныхъ тягостей; это приводитъ дѣло къ тому, что отстаивай себя всякiй, какъ можешь, вслѣдствiе чего, чѣмъ могущественнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше платитъ, потому что тѣмъ больше у него средствъ увольнять себя отъ этихъ обязательствъ. Вопли и жалобы служатъ однимъ изъ главныхъ средствъ пріобрѣтать эту привилегiю; но въ устахъ богатыхъ они гораздо звучнѣе, чѣмъ въ устахъ бѣдныхъ, вслѣдствiе чего послѣднiе всегда удручены; но угнетенiе ихъ отражается, какъ мы видѣли, и на богатыхъ, такъ что въ концѣ концовъ разоряются всѣ». «Итакъ, — говоритъ онъ, возвращаясь къ этому стр. 223 — вотъ каково несчастное положенiе перваго министра: онъ видитъ, что вся страна въ движенiи и всѣ милости въ ходу, чтобы нетолько обмануть его, но прямо заставить пожертвовать своимъ государемъ и народомъ частнымъ интересамъ; всѣ, почитающiе себя исключительно всѣмъ свѣтомъ, одобряютъ его лишь настолько, насколько онъ соглашается ловиться въ эту западню, а при малѣйшей попыткѣ его отступить — всѣ они накидываются на него».

Какое разительное сходство съ современными явленiями! Все это относится, конечно, не къ однимъ первымъ министрамъ, а ко всякому, кто заступается за бѣдные классы, и можно подумать, что это сегодня написано!

Обращаясь къ королю, онъ заключаетъ такъ: «Государь, вѣдь Вы хотите только, чтобы Вамъ платили, хотите только получать какъ можно больше денегъ; но способъ, которымъ Вы дѣйствуете, изобрѣтенъ, повидимому, чтобы разорять насъ и Васъ также; потому что все наше и Ваше богатство можетъ происходить только изъ продажи произведенiй Вашей земли; стало быть, Вашъ способъ губитъ все; пусть лучше Ваше Величество составитъ какой угодно счетъ всему, что Вамъ нужно, мы заплатимъ вдвое, только оставьте намъ свободу продавать и потреблять, что хотимъ».

Я могъ бы также привести обширныя цитаты изъ знаменитаго Projet d'une dîme royale, — проекта королевской десятины, маршала Вобана, который хотя и былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ Францiи, однако сохранилъ въ сердцѣ способность сочувствовать страданiямъ народа.

Наконецъ бросимъ взглядъ въ этомъ всемiрномъ обозрѣнiи и на Нидерланды. Въ одномъ 1748 году въ Нидерландахъ вышло цѣлыхъ 8 сочиненiй противъ косвенныхъ налоговъ; перечень ихъ Вы можете найти въ 1012 примѣчанiи «Исторiи экономическихъ воззрѣнiй нидерландцевъ», Гейдельбергскаго доцента, д-ра Этьена Ласпейреса, увѣнчанной ученымъ обществомъ князя Яблоновскаго.

Однако я опять очутился въ XVIII столѣтiи. Надо сдѣлать большой ска-

чекъ назадъ, въ 1649 годъ. Въ этомъ году испанецъ Діего Сааведра Фахардо издалъ свое сочиненіе «Idea Principis Christiano-Politici,» гдѣ въ 67 символѣ, р. 557 кёльнскаго изданія 1650 г., по которому я цитирую, говоритъ: «Nec imponi debent tributa iis rebus, quae ad vitam praecise sustentandam sunt necessariae; sed iis potius, quae deliciis deserviunt aut curiositati aut ostentationi et pompae; sic enim fiet, ut correcto immodico luxu, major oneris pars incumbat in ditiores et magis potentes et subleventur agricolae et opifices, quae communitatis pars vel maxime fovenda et conservanda est in Republica» †).

А то пойдемте еще на столѣтіе назадъ. Въ 1584 г. Жанъ Боденъ написалъ свою знаменитую книгу «De Republica»; (р. 661 и 663): «Quod si quis est qui scire de me velit, quodnam genus vectigalium immortali Deo gratissimum, civitatibus pulcherrimum, principibus honestissimum, plebi utilissimum videatur, illud est quod iis rebus imponitur, quae ad corrumpendos civium mores, quæ ad delicias, quæ ad luxum, quae ad libidinem spectant— — — rerum vero civibus utilium aut nulla aut levissima pretia esse debuerunt; ut vectigal facilius dissolveretur et peregrini mercatores ad eas res majore copia advehendas allicerentur. Et enim Romanis legibus vectigalia nulla indicta sunt earum rerum, quae ad vitam commodius honestiusque degendam asportantur» †).

Я могъ бы еще продолжить этотъ историческій обзоръ, но, полагаю, сказаннаго достаточно. Итакъ, вотъ уже три столѣтія, какъ эти положенія передаются въ наукѣ изъ одной книги въ другую! Безъ нихъ не выходитъ ни одного учебника, и вотъ почему, господа, мое осужденіе составляетъ такое вопіющее дѣло!

Всякое положеніе требуетъ своего особеннаго мужества. Исторія показываетъ ученику, что ему приходится дѣлать новыя великія открытія часто съ рискомъ, что онъ можетъ подвергнуться за нихъ гоненіямъ, клеветамъ, наказаніямъ. Это очень печально, но это такъ, и ученый знаетъ, что это такъ, и утѣшаетъ себя славой открытія.

Но быть наказаннымъ за положеніе, которое 300 лѣтъ таскается въ наукѣ по всѣмъ учебникамъ изъ книги въ книгу, быть наказаннымъ потому

---

†) Не должно налагать пошлинъ на вещи, которыя строго необходимы для поддержанія жизни, а лучше налагать на тѣ, которыя служатъ наслажденіямъ, или любопытству, или тщеславію и роскоши; такимъ образомъ противодѣйствуется непомѣрной роскоши, большая часть бремени складывается на богатыхъ и сильныхъ, а земледѣльцы и ремесленники получаютъ облегченіе, и въ нихъ поощряется и сохраняется въ государствѣ гораздо бо́льшая часть общества.

††) «Если кто-нибудь захочетъ узнать отъ меня, какой родъ налоговъ всего пріятнѣе безсмертному Богу, всего лучше для гражданъ, всего приличнѣе для государей, всего полезнѣе для народа, отвѣчу — тотъ, который налагаетъ на вещи, служащія для развращенія гражданскихъ нравовъ, для наслажденій, роскоши и сладострастія — — на вещи же, полезныя гражданамъ, не слѣдуетъ вовсе налагать пошлинъ или, по крайней мѣрѣ, самыя малыя, чтобы налогъ легче уплачивался и чтобы иностранные купцы приманивались къ привозу этихъ вещей въ большемъ количествѣ. Дѣйствительно, римскими законами вовсе не полагается налога на вещи, которыя принадлежатъ къ удобствамъ и приличіямъ жизни.»

только, что прокуроръ и судьи никогда не брали въ руки ни одного учебника политической экономіи — это ужасно, это дѣло вопіющее; тутъ есть отчего прійти въ негодованіе! Или, пожалуй, тутъ остается только забыть всякую злобу и преисполниться неописаннаго, всепрощающаго снисхожденія!

Однако прокуроръ привелъ въ подкрѣпленіе своего отзыва доводъ или, по крайней мѣрѣ, нѣчто вродѣ довода; справедливость требуетъ разсмотрѣть его.

Прокуроръ сказалъ, что бремя косвенныхъ налоговъ, хотя они, конечно, возвышаютъ цѣну продуктовъ, не можетъ однако падать на рабочее сословіе, потому что «тѣмъ же отношеніемъ опредѣляется и размѣръ рабочей платы», слѣдовательно, «рабочее сословіе вовсе не платитъ косвенныхъ налоговъ», такъ какъ рабочая плата сообразуется съ цѣной продуктовъ, стало быть, и съ косвенными налогами.

Должно быть, господа, прокуроръ слыхалъ когда-нибудь что-нибудь объ извѣстномъ экономическомъ законѣ, по которому средній размѣръ рабочей платы всегда представляетъ минимумъ средствъ, безусловно необходимыхъ для существованія. Изъ этого прокуроръ заключаетъ, что для работниковъ все равно, какъ бы ни дорожали отъ косвенныхъ налоговъ средства къ жизни. Рабочая плата всегда опредѣляется цѣною ихъ, возрастаетъ съ ихъ дорожаніемъ, и слѣдовательно, косвенные налоги, отъ которыхъ продукты дорожаютъ, уплачиваются не работниками, а предпринимателями.

Въ подобныхъ размѣрахъ это разсужденіе есть, конечно, плодъ круглаго невѣжества. Ни одному политико-эконому и въ голову не приходило утверждать нѣчто подобное. Вспомните, господа, слова Адама Смита, которыя я привелъ Вамъ выше, гдѣ онъ говоритъ, какъ чувствительно обременяютъ работника налоги на чай или кофе, пиво, масло, мыло, освѣщеніе, табакъ, вызывая вздорожаніе этихъ предметовъ; стало быть, это вздорожаніе не вознаграждается повышеніемъ рабочей платы, хотя всѣ эти предметы и въ дѣйствительности, и по словамъ Адама Смита принадлежатъ къ числу обычныхъ повседневныхъ потребностей работника.

Это мѣсто такъ важно, что я снова процитирую его: «Они терпятъ, быть можетъ, гораздо больше отъ искусственнаго повышенія, посредствомъ налоговъ, цѣнъ на нѣкоторыя обработанныя произведенія, какъ соль, мыло, кожи, свѣчи, солодъ, пиво, эль и пр.»

Припомните также другое приведенное мною мѣсто изъ Адама Смита, гдѣ онъ говоритъ, что вздорожаніе табака, чая, сахара и портера не подняло рабочей платы, хотя эти предметы, по его собственнымъ словамъ, принадлежатъ къ числу необходимыхъ и повседневныхъ потребностей послѣднихъ классовъ народа въ Англіи.

Понятно, стало быть, что Адаму Смиту и въ голову не приходило утверждать нѣчто подобное тому, что говоритъ прокуроръ.

Но и Адамъ Смитъ, и его еще болѣе геніальный преемникъ Рикардо утверждали нѣчто другое, и, вѣроятно, прокуроръ слышалъ этотъ звонъ, не зная, гдѣ онъ.

Именно, говоря о безусловныхъ и неизбѣжно необходимыхъ жиз-

ненныхъ потребностяхъ, подъ которыми разумѣется преимущественно хлѣбъ, Адамъ Смитъ и Рикардо утверждаютъ, что рабочая плата всегда должна быть достаточна для доставленія безусловно необходимой пищи, такъ что, слѣдовательно, возвышеніе посредствомъ налога на хлѣбъ цѣны на него всегда вознаграждается для работника повышеніемъ рабочей платы, и, стало быть, налогъ на хлѣбъ падаетъ не на работниковъ, а на предпринимателей и капиталистовъ.

Положимъ, что это такъ; но для настоящаго вопроса это рѣшительно все равно. Работникъ живетъ вѣдь не однимъ хлѣбомъ; ему вѣдь нужны пиво, чай, кофе, табакъ, мыло, свѣчи и пр.; а насчетъ этихъ предметовъ и Адамъ Смитъ говоритъ, что налоги на нихъ падаютъ на самаго работника; я же въ моей рѣчи говорю не о хлѣбномъ налогѣ только, а вообще о косвенныхъ налогахъ, и, слѣдовательно, сказанное мною совершенно подтверждается самими Смитомъ и Рикардо.

Однако посмотримъ, правы ли Смитъ и Рикардо даже относительно хлѣба, относительно безусловныхъ жизненныхъ потребностей, утверждая, будто работникъ можетъ посредствомъ рабочей платы свалить наложенную на нихъ пошлину на предпринимателя?

Нѣтъ, господа! Совершенно не правы! Со временъ Рикардо прошло 40 лѣтъ, въ теченіе которыхъ вся наука признала, что онъ ошибся. Даже школа самихъ Смита и Рикардо признала и отвергла эту ошибку, несмотря на упрямство, съ которымъ англичане держатся за авторитетъ своихъ великихъ учителей.

Я могу представить Вамъ на этотъ счетъ доказательства троякаго рода:

1) внѣшнее доказательство — свидѣтельствомъ новѣйшихъ современныхъ авторитетовъ науки.

2) внутреннее доказательство — доводами, обличающими ошибочность этого мнѣнія.

3) статистическое доказательство, подтверждающее справедливость этихъ доводовъ.

Итакъ, обратимся сперва къ авторитетамъ.

Возьмемъ учебникъ политической экономіи тайнаго совѣтника профессора Карла Рау въ Гейдельбергѣ, третье изданіе, 1851 г. Авторъ этого руководства далеко не имѣетъ намѣренія проводить въ немъ самостоятельныхъ еретическихъ воззрѣній, да и неспособенъ къ этому. Профессоръ Рау излагаетъ въ своемъ учебникѣ мнѣнія, господствующія въ его время въ наукѣ. Касательно хлѣбнаго налога профессоръ Рау говоритъ слѣдующее (Bd. III, 2 Abth. § 421):

«Налогъ на необходимыя средства жизни, какъ картофель, хлѣбъ, топливо, полотно и т. п., очень доходенъ и по дѣйствію почти одинаковъ съ подушной податью, потому что взносъ каждаго лица опредѣляется главнымъ образомъ числомъ душъ, составляющихъ его семью; но именно поэтому налогъ этотъ нарушаетъ правило, что взносъ лица долженъ опредѣляться размѣромъ его имущества. Этотъ налогъ защищали въ надеждѣ, что онъ сваливается на нанимателей, потому что будто-бы наемная плата непремѣнно доставляетъ не-

обходимое содержаніе. Но это весьма сомнительно. Наемная плата удовлетворяетъ только среднія потребности, такъ что напр. отецъ многочисленнаго семейства не получаетъ въ ней вознагражденія за вздорожаніе средствъ къ жизни. Вообще наемная плата не такъ измѣнчива, какъ цѣна товаровъ. Хотя цѣна жизненныхъ средствъ всегда до нѣкоторой степени опредѣляетъ размѣръ наемной платы, однако отношеніе предложенія труда къ запросу на него имѣетъ огромное вліяніе на положеніе наемнаго работника. Пока наемная плата еще держится выше предѣла, опредѣленнаго безусловно необходимыми потребностями жизни, конкуренція можетъ понизить ее, и тутъ вздорожаніе жизненныхъ средствъ не такъ-то скоро подниметъ ее. Если капиталъ націи возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ народонаселеніе, то налоги эти будутъ тяготѣть на работникахъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ впослѣдствіи замедленіе въ размноженіи народа не повыситъ наемную плату. Стало быть, въ этомъ случаѣ налоги эти очень вредны».

Итакъ, Вы видите, что профессоръ Рау совершенно подтверждаетъ сказанное мною. Кромѣ того, онъ замѣчаетъ, что хлѣбный налогъ дѣйствуетъ какъ подушная подать, т. е., что всѣ платятъ его въ одинаковомъ размѣрѣ, богатый столько же, какъ и бѣдный; это гораздо рѣзче того, что я говорилъ въ моей лекціи, гдѣ я утверждалъ только, что косвенные налоги не пропорціональны.

Или возьмемъ «Систему политической экономіи» лейпцигскаго профессора политической экономіи д-ра Рошера, 3 изданіе, 1858 г. Профессоръ Рошеръ говоритъ въ этой книгѣ (Bd. I, § 164): «Удешевленіе средствъ къ жизни влечетъ за собою пониженіе наемной платы, если кругъ потребностей рабочаго сословія не расширяется пропорціонально этому удешевленію; равнымъ образомъ вздорожаніе жизненныхъ средствъ должно поднимать наемную плату, если она такъ низка, что удовлетворяетъ только необходимѣйшимъ потребностямъ. Но въ первомъ случаѣ переходъ совершается легко, тогда какъ во второмъ сопровождается самыми печальными кризисами. Чѣмъ медленнѣе поднимается цѣна на средства къ жизни, тѣмъ болѣе поводовъ опасаться, что работники будутъ побуждены этимъ не къ переселеніямъ, не къ уменьшенію числа браковъ и т. д., а къ ограниченію своихъ потребностей, къ употребленію дурной пищи и т. д. Впрочемъ, все это относится только къ продолжительнымъ колебаніямъ цѣнъ на средства къ жизни, такія колебанія вызываются напр. развитіемъ земледѣлія, налогами и т. д.»

Учебники профессора Рау и профессора Рошера считаются лучшими изъ всѣхъ существующихъ у насъ руководствъ. Что касается до меня лично, то по моему настоящему научному убѣжденію эти люди — неисправимые оптимисты. Вы, можетъ быть, сами замѣтили это по тѣмъ усиліямъ, по тому отвращенію, съ которыми они высказываютъ сознаніе, стараясь какъ можно болѣе смягчить и ослабить его разными оговорками, предположеніями и увертками. Тѣмъ неменѣе сознаніе произносится рѣшительное. Оказывается, что дѣло не такъ, какъ воображали себѣ Смитъ и Рикардо; оказывается, что ученіе ихъ объ этомъ признано теперь всѣми заблужденіемъ.

Покончимъ съ авторитетами и перейдемъ къ внутреннимъ существеннымъ причинамъ, на которыя приведенныя цитаты только намекаютъ и которыя, когда я разовью ихъ, объяснятъ дѣло гораздо лучше. Я приведу Вамъ четыре причины.

Вопервыхъ:

Какъ скоро цѣна на хлѣбъ поднимается посредствомъ налоговъ, между разными сословіями общества начинается всеобщая борьба изъ-за того, что каждое хочетъ свалить эти налоги на другое. Работники занимаютъ въ этой борьбѣ самое невыгодное положеніе, потому что имъ ежедневно приходится думать о насущномъ хлѣбѣ; еслибы даже побѣда была имъ возможна, то не иначе, какъ послѣ очень долгихъ и мучительныхъ страданій.

Но возможна ли даже имъ побѣда, если, какъ единогласно признаютъ всѣ экономисты, высота рабочей платы зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ, т. е. между числомъ ищущихъ работы и величиной національнаго капитала, который можетъ быть выданъ на трудъ. Капиталъ націи, рабочій фондъ, нетолько не увеличивается косвенными налогами, но, по мнѣнію Смита и Рикардо, даже значительно уменьшается. Если рабочій фондъ, капиталъ, который можетъ быть обращенъ на трудъ, не увеличивается, т. е. если не увеличивается спросъ на рабочія руки, то рабочая плата не можетъ подняться, пока число работниковъ не уменьшится. По теоріи Смита и Рикардо выходитъ даже, что теперь работникъ вдвойнѣ стѣсненъ, поставленъ между двухъ огней: съ одной стороны его давитъ вздорожаніе хлѣба, а съ другой — уменьшеніе предпринимательскаго капитала, уменьшеніе спроса на трудъ. Можетъ ли быть тутъ рѣчь о возвышеніи рабочей платы?

Но это только первая причина. Вторая состоитъ въ слѣдующемъ:

Тамъ, гдѣ рабочая плата такъ низка, что доставляетъ только предметы, безъ которыхъ уже рѣшительно невозможно существовать, какъ напр. въ Ирландіи и у индійскихъ райотовъ, тамъ, дѣйствительно, возвышеніе цѣны на хлѣбъ должно влечь за собой повышеніе рабочей платы. Это правда. Дѣло только въ томъ, что экономисты любятъ умалчивать о способѣ, какимъ совершается въ дѣйствительности это повышеніе платы. Объ этомъ способѣ не любятъ говорить. Объ этомъ способѣ можно сказать то, что во II части «Фауста» Мефистофель говоритъ о «матеряхъ»:

«О нихъ говорить — неудобно!»

И если, подобно Мефистофелю, я скажу здѣсь:

«Не охотно выдамъ я эту высшую тайну» — то меня, какъ и Мефистофеля, принуждаетъ къ этому ходъ бесѣды.

Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ способъ. Когда рабочая плата стоитъ на крайнемъ минимумѣ пропитанія, какъ у ирландцевъ и индійскихъ райотовъ, тогда — ссылаюсь на Мальтуса, на Histoire de deux Indes аббата Рейналя, на History of British India Милля — тогда повышеніе цѣны на хлѣбъ вызываетъ въ рабочемъ сословіи болѣзни, атрофію, голодную смерть. И намъ знакомы эти явленія подъ именемъ силезскаго тифа ткачей! И когда ангелъ смерти

просвирѣпствуетъ нѣкоторое время между работниками, когда онъ свалитъ ихъ въ достаточномъ количествѣ и воспрепятствуетъ имъ составлять новыя семьи, когда «предупредительными и уничтожающими задержками», какъ выражается школа Мальтуса, онъ достаточно поубавитъ ихъ ряды, тогда дѣйствительно, да, тогда, господа, тогда только рабочая плата повысится пропорціонально повышенію цѣны на хлѣбъ, произведенному налогомъ, и будетъ опять представлять минимумъ пропитанія; она повысится потому, что рабочихъ уменьшилось и, стало быть, предложеніе рабочихъ рукъ понизилось пропорціонально пониженію спроса на нихъ.

Наука знаетъ этотъ способъ; послѣ долгихъ и жаркихъ преній она записала его въ свои протоколы и занесла въ архивы исторіи литературы. Говоря о повышеніи рабочей платы посредствомъ повышенія цѣны на хлѣбъ, безъ увеличенія національнаго капитала, а съ ними спроса на рабочія руки, авгуры науки очень хорошо знаютъ, какіе способы надо тутъ подразумѣвать, которыми это совершается въ дѣйствительности. Только они не любятъ распространяться объ этомъ и предпочитаютъ просто подразумѣвать это обстоятельство, очень хорошо знакомое всякому посвященному. Но мнѣ надо было разъяснить Вамъ, господа, любопытныя причины повышенія рабочей платы въ этомъ случаѣ. Но вѣдь мы еще не объирландились, господа! Германское рабочее сословіе еще не дошло до положенія ирландцевъ, индійскихъ райотовъ и силезскихъ ткачей. Ему еще есть что терять! Правда, рабочая плата даетъ только необходимыя средства существованія, но еще такого существованія, какое считается у насъ необходимымъ въ силу нашихъ обычаевъ и привычекъ. Къ потребностямъ такого существованія еще принадлежатъ у насъ, какъ и въ Англіи, по словамъ Адама Смита, кофе (или чай), сахаръ, пиво, табакъ, мясо, масло, мыло, свѣчи и пр., хотя не въ той мѣрѣ, какъ въ Англіи. Германское рабочее сословіе въ общемъ еще не снизошло до существованія ирландцевъ, чтобы питаться однимъ картофелемъ и спать со свиньей.

Слѣдовательно, опредѣляемыя привычкою потребности нашего рабочаго сословія еще таковы, что отъ нихъ еще можно кое-что отжилить. А пока это такъ, вздорожаніе хлѣба, производимое косвеннымъ налогомъ, падаетъ всею тяжестью на рабочее сословіе. Косвенные налоги — это гнетъ, давящій the standard of life (жизненность) рабочаго класса, а отъ высоты этого standard of life зависитъ вся культура и весь прогрессъ страны — это скажутъ Вамъ всѣ экономисты! Это сказали Вамъ Рау и Рошеръ въ приведенныхъ мною цитатахъ. Теперь я докажу Вамъ, что и англійскіе экономисты, сами нынѣшніе вожди школы Смита и Рикардо, признали его и сознались въ ошибкѣ своихъ учителей, хотя, правда, очень неохотно и съ явнымъ неудовольствіемъ.

Послушайте Джона Стюарта Милля, блистательнѣйшаго изъ современныхъ представителей школы Рикардо въ Англіи. Въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи» онъ говоритъ †) (т. II, стр. 367): «Если установляется на-

†) Лассаль цитируетъ по нѣмецкому переводу Зётбера, а мы по русскому изданію г. Пыпина, Спб. 1865 г. *Прим. пер.*

логъ, положимъ, на хлѣбъ, и поднимается соразмѣрно ему цѣна хлѣба, результатомъ этого вздорожанія бываетъ одно изъ двухъ. Вопервыхъ, отъ этого можетъ понизиться положеніе рабочихъ классовъ, и временнымъ образомъ оно понизится почти неизбѣжно. Если отъ этого работники начинаютъ потреблять земледѣльческихъ продуктовъ меньше прежняго или начинаютъ употреблять пищу, родящуюся изобильнѣе и потому болѣе дешевую, отъ этого въ извѣстной мѣрѣ земледѣліе сжимается на болѣе производительныя земли или на менѣе дорогіе процессы, и цѣнность и цѣна хлѣба понижаются, такъ что съ прибавкой налога хлѣбъ будетъ продаваться по цѣнѣ, возвысившейся не на всю сумму налога, а лишь на часть ея».

Слѣдовательно, Д. С. Милль предполагаетъ здѣсь, что вслѣдствіе налога потребленіе хлѣба уменьшится — что́ невѣрно, какъ мы увидимъ, разсматривая третью причину. Но и въ этомъ даже случаѣ, по его же словамъ, хлѣбъ вздорожаетъ, хотя не на всю сумму налога, а лишь на часть ея, и этою частью налогъ будетъ неизбѣжно нѣкоторое время тяготѣть на рабочемъ сословіи. Далѣе (т. II, стр. 398) онъ говоритъ прямо: «Должны быть отвергнуты также всѣ налоги на предметы первой необходимости и на матеріалы и орудія для производства такихъ предметовъ. Эти налоги всегда способны захватывать то, что должно быть изъято отъ налога, захватывать доходы не болѣе какъ достаточные для здоровой жизни». Въ другомъ мѣстѣ (т. II, стр. 355) онъ признаетъ истину гипотетически: «Попытка подвергнуть налогу простыхъ работниковъ въ старой странѣ просто оказывается равносильною установленію спеціальнаго налога со всѣхъ хозяевъ, употребляющихъ черный трудъ, если не производитъ такой налогъ другаго, гораздо худшаго дѣйствія пониженіемъ постоянной нормы того, что работники считаютъ благосостояніемъ».

Еще рѣшительнѣе признаетъ заблужденіе Смита и Рикардо другой современный вождь ихъ школы, Макъ Куллохъ, писатель, пользующійся въ Англіи большой славой, но, по моему, крайне несамостоятельный; впрочемъ это обстоятельство тѣмъ болѣе придаетъ вѣса его признаніямъ противъ авторитета его учителей.

Въ сочиненіи своемъ «A Treatise on the Principles and practical Influence of Taxation» — Трактатъ о принципахъ и практическомъ вліяніи налоговъ — London, 1845 г., p. 98, онъ говоритъ: «Д-ръ Смитъ утверждаетъ, что рабочіе классы платятъ очень незначительную долю налога, и Рикардо выразилъ свое согласіе съ этимъ мнѣніемъ. Но, при всемъ уваженіи къ ихъ авторитетамъ, очевидно изъ вышеприведенныхъ цифръ, что это мнѣніе надо принимать съ большими ограниченіями. Еслибы оно относилось только къ домашнимъ служителямъ, то было бы очень близко къ истинѣ; но оно можетъ быть, и мы полагаемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываетъ очень далеко отъ истины, если относится къ наемникамъ, работающимъ внѣ дома за поденную или за издѣльную плату».

Конечно, господа, домашняя прислуга, состоящая на хозяйскихъ хлѣбахъ, не терпитъ или мало терпитъ отъ повышенія цѣны на хлѣбъ; но въ такихъ

условіяхъ находятся только нѣкоторые сельскіе работники или нѣкоторые ремесленники. Великое промышленное рабочее сословіе, примѣру котораго все болѣе и болѣе слѣдуютъ и ремесла, давно сошло съ хозяйскихъ хлѣбовъ, да и въ деревняхъ денежная плата распространяется все болѣе и болѣе.

Перехожу къ третьей причинѣ, доказывающей ложность воззрѣнія Смита и Рикардо. Она состоитъ въ явномъ, прямомъ противорѣчіи этихъ писателей съ самими собой.

Вздорожаніе чая, кофе, табака, пива, мыла, спиртныхъ напитковъ, свѣчей и пр., вслѣдствіе наложенныхъ на эти предметы пошлинъ, не повышаетъ, по мнѣнію Смита и Рикардо, рабочей платы, хотя эти предметы, по ихъ собственнымъ словамъ, принадлежатъ къ числу повседневныхъ потребностей рабочаго сословія; тѣмъ неменѣе вздорожаніе ихъ не перекладывается на предпринимателя посредствомъ повышенія рабочей платы. Но налогъ на безусловно необходимыя средства жизни, на хлѣбъ, перекладывается на предпринимателя. Мнимое различіе между этими потребностями при внимательномъ разборѣ уничтожается, и стоитъ только вглядѣться, чтобы понять, что если въ первомъ случаѣ налогъ не можетъ перекладываться на предпринимателя, то не можетъ и во второмъ. Мнимая причина, почему во второмъ случаѣ онъ будто-бы можетъ перекладываться, заключается въ томъ, что хлѣбъ безусловно необходимъ для существованія. Но эта причина можетъ произвести только то, что работникъ превратитъ въ своемъ частномъ хозяйствѣ налогъ, наложенный государствомъ на хлѣбъ, въ налогъ на чай, кофе, табакъ, пиво, мыло, свѣчи и пр.; другими словами, работникъ будетъ потреблять хлѣба не меньше прежняго, несмотря на вздорожаніе его; но зато онъ ограничитъ себя въ другихъ предметахъ своего обычнаго потребленія, въ кофе, табакѣ, пивѣ и пр. настолько, чтобы покрыть вздорожаніе хлѣба. Стало быть, хлѣбный налогъ падаетъ на него, тяготитъ его и понижаетъ его standard of life.

Я могъ бы развить еще болѣе глубокія, коренныя причины. Но для этого мнѣ пришлось бы спускаться въ самую глубь національно-экономическихъ теорій, что здѣсь неумѣстно. Приведенныхъ трехъ основаній трижды достаточно, чтобы показать Вамъ, что хлѣбный налогъ и повышеніе имъ цѣны хлѣба дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ и налоги на прочіе предметы потребленія, и что рабочая плата не поднимается вслѣдствіе вздорожанія хлѣба отъ налога.

Наконецъ, вчетвертыхъ, я приведу Вамъ исторически-статистическое доказательство. Въ англійской литературѣ есть книга, представляющая безсмертный памятникъ человѣческаго трудолюбія—«Исторія цѣнъ съ 1793 по 1857» Томаса Тука, книга, надъ которою авторъ трудился большую часть своей необыкновенно долгой жизни. Тукъ былъ богатый англійскій купецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ значительнѣйшихъ политико-экономистовъ Англіи, пользовался такимъ значеніемъ, что парламентъ нерѣдко приглашалъ его въ эксперты при обсужденіи экономическихъ мѣропріятій. Относительно фактовъ, относительно указаній высоты и историческихъ измѣненій цѣнъ книга его пользуется въ наукѣ неоспоримой fides. Притомъ Тукъ — заклятый буржуазъ

и политико-экономистъ; онъ очень неохотно, съ отвращеніемъ дѣлаетъ признанія, стараясь по-возможности смягчить ихъ хотя способомъ выраженія. Быть можетъ, онъ и не сдѣлалъ бы ихъ, еслибы не имѣлъ въ виду противодѣйствовать своею книгою финансовымъ мѣрамъ сэра Роберта Пиля, а эта цѣль внушала ему безпристрастное, объективное отношеніе къ статистическому матеріалу, которымъ онъ пользовался ради ея въ своей Исторіи Цѣнъ.

Приведу Вамъ только нѣсколько выписокъ для образца изъ 6-ти томнаго сочиненія, которое въ нѣмецкомъ изданіи д-ра Ашера составляетъ 2 тома почти въ 1800 страницъ; я буду цитировать по нему.

Въ I томѣ, p. 219, онъ заключаетъ свои изслѣдованія о занимающемъ насъ вопросѣ слѣдующимъ выводомъ:

«Весь опытъ, какъ современныхъ наблюденій, такъ и историческихъ свидѣтельствъ, доказываетъ положительно, что изъ всѣхъ предметовъ обмѣна рабочая плата послѣдняя повышается въ цѣнѣ вслѣдствіе вздорожанія продуктовъ или паденія цѣны денегъ;» и въ подтвержденіе онъ приводитъ слова другаго англійскаго писателя: «Тщательное изученіе положенія народа въ царствованіе Елисаветы, которое представляетъ такое сходство съ нынѣшнимъ временемъ по уменьшенію цѣны денегъ, подтвердило бы правило, что рабочая плата не можетъ угнаться въ повышеніи за дорожаніемъ средствъ къ жизни».

Но гораздо краснорѣчивѣе этихъ общихъ, заглаженныхъ выводовъ его фактическія данныя.

Такъ, разсматривая 3-хъ лѣтній періодъ 1799 — 1801 (Bd. I, p. 111), онъ говоритъ: «Изъ разныхъ свидѣтельствъ того времени явствуетъ, что напр. портные подмастерья въ 1775—1795 гг. получали недѣльной платы 1 фунтъ 1 шилл. 9 пенсовъ, на которую могли купить 36 хлѣбовъ по $7^1/_4$ пенсовъ за штуку; въ 1801 г. высшая плата была 27 шилл., за что по тогдашнимъ цѣнамъ можно было купить только $18^1/_2$ хлѣбовъ.» Итакъ, Вы видите, господа, что номинальная плата увеличилась съ 22 до 27 шилл., но въ дѣйствительности, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба, упала въ покупательной силѣ своей на 50 процентовъ!

Далѣе Тукъ продолжаетъ: «Также не достаточно было возвышеніе рабочей платы наборщиковъ съ 24 шилл. на 30. По таблицамъ гринвичскаго госпиталя рабочая плата плотниковъ и другихъ строительныхъ работниковъ была въ 1801 г. только на нѣсколько пенсовъ выше, чѣмъ 20 лѣтъ раньше, а именно:

Плотниковъ вмѣсто	2	шилл.	6	пен.	3	шилл.	2 п.
Каменщиковъ »	2	»	4	»	3	»	— »
Камнетесовъ »	2	»	8	»	2	»	10 »
Кровельщиковъ »	3	»	—	»	3	»	3 » и т. д.

Рабочая плата возрасла только на нѣсколько пенсовъ, а въ тоже время цѣна хлѣба возрасла, по свидѣтельству Тука (ib., p. 108), такъ:

Пшеница	съ 49	шилл.	6	п.	на 134	шилл.	5 п.
Ячмень	» 29	»	4	»	» 69	»	1 »

т. е. почти втрое!

О періодѣ 1808—1812 гг. Тукъ говоритъ (ib., p. 150): «Когда вздорожаніе повторилось въ періодъ 1808—1812 гг., средства большей части разныхъ сословій находились уже въ лучшемъ, хотя еще неудовлетворительномъ отношеніи къ поднявшимся цѣнамъ. Иное дѣло однако рабочая плата фабричныхъ работниковъ. Здѣсь въ огромномъ большинствѣ случаевъ она вовсе не поднялась, а гдѣ и поднялась, то сокращеніе рабочаго времени по большей части болѣе, чѣмъ уравновѣсило это».

Еще категоричнѣе выражается онъ ниже (Bd. I, p. 409): «Положеніе рабочихъ классовъ въ 1839 г. въ противуположность только-что описанному благосостоянію ихъ 1835 г. представляетъ новое подтвержденіе опыта, что рабочая плата лишь долгое время спустя слѣдуетъ за повышеніемъ или пониженіемъ цѣнъ на средства существованія, но и то... слышите, господа! но и то!—непропорціонально ни тому, ни другому. Въ деревняхъ поденная плата кое-гдѣ поднялась, но незначительно въ сравненіи съ вздорожаніемъ жизненныхъ средствъ, притомъ болѣе вслѣдствіе страха или человѣколюбія, а не усиленнаго спроса на трудъ. Въ фабричныхъ же округахъ, напротивъ того, рабочая плата вовсе не поднялась и даже упала, такъ что при вздорожаніи хлѣба почти вдвое и при дороговизнѣ многихъ другихъ потребностей, какъ чая, сахара, табака, работники были вдвойнѣ обременены, съ одной стороны, менѣе получая, а съ другой—менѣе доставляя себѣ за полученное».

Вы видите, господа, что статистика подтверждаетъ сказанное мною Вамъ выше—что возвышеніе цѣнъ на средства существованія ставитъ даже работника между двухъ огней.

Этихъ статистическихъ доказательствъ достаточно, для убѣжденія, что вздорожаніе хлѣба имѣетъ совершенно тѣ же слѣдствія, какъ и вздорожаніе прочихъ товаровъ, и вовсе не вознаграждается повышеніемъ рабочей платы.

Я долго задерживаю Васъ, господа! Но это не моя вина. Мнѣ также скучно, какъ и Вамъ, и даже еще гораздо скучнѣе тратить на развитіе давно всѣмъ извѣстныхъ экономическихъ истинъ драгоцѣнное время, которое Вы могли бы гораздо лучше посвятить на свои служебныя дѣла, а я—на изслѣдованіе новыхъ научныхъ истинъ. Но меня вынудилъ прокуроръ! Прокуроръ позволилъ себѣ назвать ложными и софистическими «научныя положенія», которыя я высказалъ и которыя, какъ Вы видите, во всѣхъ пунктахъ основаны на точнѣйшихъ фактахъ и на самыхъ убѣдительныхъ доводахъ науки; прокуроръ призналъ ихъ за ихъ ложность преступными, назвалъ мой взглядъ на налоги «страннымъ» и этимъ принудилъ меня подробно научно разобрать и доказать, что моя «странная» для него теорія совершенно истинна и всѣми признана. Увѣряю Васъ, что, доказывая это, я еще очень ограничилъ себя по сравненію съ тѣмъ, сколько бы доводовъ я могъ привести, еслибы захотѣлъ исчерпать всѣ доказательства.

Стало быть, обращайте на прокурора всю досаду, которую можетъ возбудить въ Васъ продолжительность моей защиты; обвиняйте прокурора, кото-

рый такъ безразсудно вздумалъ тягаться со мною на чуждомъ ему научномъ поприщѣ.

Но — восклицаетъ прокуроръ — обвиняемый умышленно упускаетъ изъ виду, что косвенные налоги падаютъ не на одни предметы потребности, а налагаются и на другіе предметы, «прежде всего на предметы роскоши, и налоги на эти предметы, напр. на шолкъ и даже на сахаръ, не касаются бѣдныхъ!»

О, что бы я далъ, господа, за возможность раздѣлять райское невѣдѣніе прокурора въ этой мрачной наукѣ народной экономіи!

Будь только возможность удовлетворить налогомъ на предметы роскоши хотя сколько-нибудь значительной части, хотя сколько-нибудь стоющей вниманія доли государственныхъ потребностей — увѣряю Васъ, господа, кто бы ни былъ первымъ министромъ, я ли, господинъ ли фонъ-Бисмаркъ, Шульце Деличъ или г. фонъ-Мантейфель, словомъ, каковы бы ни были политическія воззрѣнія и направленіе правительства, налоги на потребности давно обратились бы въ налоги на предметы роскоши. Каковы бы ни были, говорю я, политическія убѣжденія и направленіе человѣка, стоящаго во главѣ правительства, самое должностное положеніе его даетъ ему чувствовать, какъ необходимо облегчить бремя налоговъ, выше всякой мѣры тяготящее низшіе классы народа. Еслибы можно было сдѣлать это такимъ легкимъ и дешевымъ способомъ, какъ налогъ на роскошь, давно замѣнили бы налоги на потребности налогами на предметы роскоши.

Но такъ-называемые налоги на роскошь страдаютъ оригинальною дилеммою:

Или налоги на роскошь — вовсе не налоги на роскошь, т. е. лежатъ на предметахъ, потребляемыхъ постоянно всѣми низшими классами народа, каковы кофе, чай, пиво, водка, мыло, свѣчи и т. п.; въ такомъ случаѣ неизмѣримо большая часть этихъ налоговъ платится низшими классами, работниками, крестьянами и мѣщанами, —

или они дѣйствительно налоги на роскошь, и въ такомъ случаѣ не приносятъ ничего, ничего, что стоило бы вниманія и упоминовенія въ виду дѣйствительныхъ государственныхъ потребностей и доходовъ.

Причины этого очень ясны и просты. Настоящіе налоги на роскошь могутъ представлять одно изъ двухъ:

Или они налагаются въ умѣренномъ размѣрѣ – и тогда это налогъ, падающій на горстку людей, изумительную, превосходящую всѣ ваши ожиданія, малочисленность которой мы будемъ еще имѣть случай увидѣть; если эта ничтожная горстка да платитъ еще понемногу, то сборъ оказывается такъ ничтоженъ, что объ немъ не стоитъ и говорить.

Или они налагаются въ большомъ размѣрѣ.

И тогда приносятъ еще меньше! Потому что тогда и та горстка людей за немногими исключеніями отказываетъ себѣ въ значительно вздорожавшихъ предметахъ роскоши, предпочитая искать наслажденія въ другихъ источникахъ, и налогъ почти ничего не приноситъ.

Я никогда не кончилъ бы, еслибы захотѣлъ цитировать Вамъ все безконечное множество свидѣтельствъ и статистическихъ фактовъ, подтверждающихъ это.

Послушайте отца офиціальной прусской статистики, учредителя правительственнаго статистическаго комитета, дѣйствительнаго тайнаго — нетолько тайнаго, дѣйствительнаго тайнаго оберрегирунгсрата Гофмана.

Въ сочиненіи своемъ «Ученіе о Налогахъ», Берлинъ 1840, онъ говоритъ р. 229: «Желая возстановить свои разстроенные финансы послѣ потрясеній, нанесенныхъ государству несчастной войной 1806—7, прусское правительство учредило новую податную систему и эдиктомъ 28 октября 1810 г. о новыхъ налогахъ на потребленіе и роскошь установило рядъ прямыхъ налоговъ на роскошь, какъ-то на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей и собакъ.

«Содержащій для личнаго удобства мужскую прислугу долженъ былъ платить въ годъ 6 талеровъ за одного слугу; если держалъ двухъ, то за каждаго въ годъ по 8 талеровъ, если трехъ, то по 10 за каждаго, если четырехъ, то по 12, если пять, то по 15, если шесть и болѣе, то по 20. Кто, содержа работника или ученика для сельскаго хозяйства или ремесла, употреблялъ его сверхъ того и на услугу, долженъ былъ платить за него по 3 талера въ годъ; изъ женской прислуги одну служанку можно было держать безпошлинно. При двухъ за одну полагалось вносить 2 талера; за трехъ—по 3 талера за каждую изъ двухъ лишнихъ; при четырехъ—за каждую, кромѣ одной, по 4; при пяти—по 5, при шести и болѣе—по 6 за каждую, кромѣ одной безпошлинной. Кто для личнаго удобства держалъ четырехколесный экипажъ, платилъ за него 8 тал., за двухколесный—6; при двухъ экипажахъ съ каждаго взималось 1 талеромъ больше, при трехъ—2 тал. больше съ каждаго. Съ верховой или упряжной лошади взималось 6 талеровъ въ годъ; съ двухъ—по 8 за каждую; съ трехъ—по 10, съ четырехъ и болѣе — по 15 тал.; съ собаки платилось по 1 талеру въ годъ; отъ налога были изъяты только собаки, содержащіяся для какого-нибудь ремесла, пастушьи собаки и крестьянскія дворняшки. Законъ былъ очень строгъ на счетъ всего этого и, казалось, представлялъ мало лазеекъ, чтобы обходить его подъ благовидными предлогами.»

Вы видите, господа, что этотъ налогъ на роскошь падалъ на все, что только можно было придумать, на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей, собакъ. Онъ простирался такъ далеко, какъ только можетъ простираться налогъ на роскошь, потому что постигалъ всѣ семейства, содержавшія двухъ служанокъ, что́ нерѣдкость и въ среднемъ сословіи, тогда какъ даже одинъ слуга уже составляетъ признакъ богатства. Притомъ налогъ былъ высокъ и прогрессивенъ, однако не настолько высокъ, чтобы кто-нибудь, державшій напр. экипажъ и лошадей, отказался отъ нихъ изъ-за него.

Тѣмъ неменѣе знаете ли, что вышло?

«Однако—продолжаетъ Гофманъ—доходъ съ налога оказался несообразно малъ. А именно, въ теченіе года, съ 1 іюня 1811 по 1 іюня 1812 г. съ этого налога въ казну поступило — — »...Ну сколько Вы думаете?

Гофманъ, спеціально обозначая доходъ съ каждой провинціи, насчитываетъ не болѣе 158,828 талеровъ, что́ для государственныхъ потребностей состав-

ляетъ сумму, ничтожную до смѣшнаго. 158,828 талеровъ всего сбора со всѣхъ налоговъ на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей и собакъ!

Гофманъ продолжаетъ: «Въ слѣдующіе года налогъ приносилъ еще меньше; между тѣмъ постоянно накоплялись недоимки и слѣдственныя дѣла о намѣренныхъ уклоненіяхъ отъ платежа налога, неопровержимо свидѣтельствуя, какъ онъ всѣмъ тяжолъ и ненавистенъ. Не дождались даже окончанія возобновившейся войны, и едва она получила благопріятный оборотъ какъ вышло распоряженіе объ отмѣнѣ налога на роскошь еще изъ главной квартиры въ Шомонѣ во Франціи. То былъ эдиктъ 2 марта 1814 г., заключавшій сверхъ того предписаніе прекратить сборъ налога за текущее полугодіе съ 1 декабря 1813 г. по 31 мая 1814 г., прощеніе всѣхъ недоимокъ и приказаніе отмѣнить всѣ слѣдствія объ укрывательствѣ предметовъ, подлежавшихъ налогу.»

Хотите еще примѣръ? Послушайте, что дальше говоритъ Гофманъ, дѣйствительный тайный:

«Еще до введенія этого налога на роскошь, по случаю закупки монетнымъ дворомъ золотой и серебряной посуды и установленія налога на нее и на драгоцѣнности, былъ введенъ эдиктомъ 12 февраля 1809 г. штемпельный сборъ со всей состоявшей тогда въ государствѣ въ наличности золотой и серебряной посуды, которую владѣльцы не хотятъ продавать правительству за ассигнаціи. Съ карата, т. е. $^2/_3$ лота золота взималось 3 талера, съ серебра— $^1/_4$ талера. Всѣ имѣвшіеся въ наличности драгоцѣнные камни и жемчуги были подвергнуты налогу въ $^1/_6$ ихъ цѣны. На всю золотую и серебряную посуду, которая будетъ изготовляться съ 25 апрѣля 1809 г., было предписано накладывать штемпеля, взимая приэтомъ по 2 тал. съ карата золота и по $^1/_6$ талера съ лота серебра». Тутъ Гофманъ пускается въ подробности насчетъ примѣсей неблагородныхъ металловъ въ золотой и серебряной посудѣ и продолжаетъ: «Эдиктъ предполагалъ взимать $^1/_3$—$^1/_4$ цѣны металла налогомъ; но если принять въ соображеніе эти примѣси, то налогъ былъ еще гораздо выше. Но именно поэтому налогъ далъ очень мало дохода. Большинство честныхъ владѣтелей золотой и серебряной посуды предпочло продать ее правительству за ассигнаціи, причемъ они были обезпечены, что получатъ полную цѣну за свою посуду, если употребятъ ассигнаціи на покупку государственныхъ имуществъ или на платежъ налоговъ, такъ какъ тутъ ассигнаціи принимались по номинальной цѣнѣ. Другіе уклонялись отъ налога, утаивая дорогую посуду тѣмъ легче, что изобличить ихъ можно было бы только гнуснымъ вторженіемъ въ домъ, а на такія мѣры правительство не рѣшалось. Штемпельная пошлина на серебро, какъ и налогъ 28 октября 1810 г. на роскошь, была вызвана критическими обстоятельствами государства; но первая, поскольку имѣла въ виду составить постоянный доходъ, была еще недоходнѣе и ненавистнѣе втораго. Вслѣдствіе этого 9 іюля 1812 г. было объявлено, что главная цѣль распоряженія 12 февраля 1809 г. вполнѣ достигнута закупкой посуды на ассигнаціи и потому дальнѣйшій штемпельный сборъ отмѣняется. Правительство отказалось отъ неудобныхъ преслѣдованій за утайку

золотой и серебряной посуды отъ предписаннаго въ 1809 г. сбора. Съ тѣхъ поръ прусское правительство вполнѣ оцѣнило и уважило основанія, говорящія противъ всѣхъ подобныхъ налоговъ, и по возстановленіи мира никто никогда и не помышлялъ о возстановленіи ихъ».

Вотъ что говоритъ Гофманъ! Вотъ всегдашняя участь всѣхъ налоговъ на роскошь, въ какой бы формѣ они ни учреждались. Всегда тотъ же результатъ или, вѣрнѣе, никакого результата! Но почему же всѣ налоги на роскошь такъ недоходны, почему бремя бюджета несравненно большею частью всегда по необходимости падаетъ на низшіе классы? Я объясняю Вамъ это основательно и ясно до осязательности.

Прокуроръ восклицалъ въ своей рѣчи: «Какъ странно утверждать, что косвенные налоги исключительно—я не говорилъ «исключительно»; это была бы безсмыслица; въ моей рѣчи сказано: «несравненно большею частью», и я опять и теперь говорю: несравненно большею частью—«платятся четвертымъ сословіемъ, бѣдными! Бѣдный фактически не въ состояніи платить такіе взносы косвенными налогами».

За одну эту фразу я прощаю прокурору все, что онъ наговорилъ. Потому что эта фраза показываетъ, что сердце у него недурно, что онъ вѣритъ тому, что говоритъ, и что винить надо не сердце, а голову!

Въ самомъ дѣлѣ, невѣжество всѣхъ матеріальныхъ обстоятельствъ общества, обнаруживаемое этой фразой, неимовѣрно, чудовищно!

Но и то сказать: нельзя научиться познанію матеріальныхъ тайнъ общества изучая параграфы уголовнаго свода и живя въ буржуазномъ обществѣ; познанія этого нельзя пріобрѣсти иначе, какъ посвятивъ нѣсколько лѣтъ своей жизни скучной и сухой наукѣ чиселъ. Я думаю, что и Вы будете грустно изумлены рядомъ фактовъ, которые я сейчасъ сообщу Вамъ въ самой убѣдительной формѣ.

Займемся немного отечественной статистикой.

Вамъ извѣстно, что новымъ податнымъ закономъ 1 мая 1851 г. всѣ жители монархіи, имѣющіе болѣе 1000 талеровъ дохода, подвергнуты классифицированному подоходному налогу.

Но какъ Вы думаете, сколько лицъ во всей Пруссіи подлежатъ классифицированному подоходному налогу? Т. е. сколько лицъ во всей Пруссіи, имѣющихъ болѣе 1000 талеровъ дохода?

Быть можетъ, Вы изумитесь, но вотъ офиціальныя, несомнѣнныя цифры. Онѣ публикованы по офиціальнымъ даннымъ въ отчетахъ правительственнаго статистическаго комитета, предсѣдателемъ его, недавно умершимъ тайнымъ совѣтникомъ Дитерици, членомъ корол. академіи наукъ, томъ (годъ) VII, 1854, p. 179. По этимъ отчетамъ оказывается, что во всей Пруссіи классифицированному подоходному налогу подлежитъ 44,407 лицъ †); въ монархіи

†) Ср. съ этимъ офиціальнымъ податнымъ отчетомъ и дальнѣйшими подробностями на послѣдующихъ страницахъ разсчетъ, сообщаемый мною въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» (см. ниже), на основаніи данныхъ III и IV томовъ трудовъ статистиче-

съ 17 милліонами населенія только 44,407 лицъ имѣетъ больше 1000 талеровъ дохода. Изъ этихъ 44,407 лицъ 14,428, т. е. 32%, состоятъ въ послѣднемъ податномъ разрядѣ, т. е. имѣютъ дохода 1000—1200 талеровъ; а Вы сами можете судить, какую умѣренную степень благосостоянія доставляетъ такой доходъ, принимая въ соображеніе, что обыкновенно на него приходится содержать цѣлое семейство.

Быть можетъ, скажутъ, что каждый естественно утаиваетъ свой доходъ отъ налога, и что поэтому число лицъ, имѣющихъ болѣе 1000 т. дохода, въ дѣйствительности должно быть гораздо больше, чѣмъ показываютъ офиціальные податные списки. Но это замѣчаніе не имѣетъ значенія для нашей цѣли. Притомъ государство очень заинтересовано не допускать слишкомъ низкой оцѣнки, потому что дѣло идетъ о его доходѣ. И дѣйствительно, часто приходится слышать о безуспѣшныхъ возраженіяхъ противъ слишкомъ высокой оцѣнки. Если доходъ однихъ оцѣненъ ниже дѣйствительнаго, зато доходъ другихъ преувеличенъ, и они не могутъ добиться переоцѣнки, потому что обширный кредитъ или какія-нибудь другія обстоятельства выказываютъ ихъ состояніе въ преувеличенномъ видѣ. Такимъ образомъ слишкомъ низкая оцѣнка вѣроятно вознаграждается слишкомъ высокой. Но кромѣ того, трудно, конечно, опредѣлить, имѣетъ ли человѣкъ 5000 или 8000 т. дохода, и въ этомъ отношеніи ошибки могутъ случаться очень часто. Но очень не трудно рѣшить, имѣетъ ли человѣкъ до 1000 талеровъ дохода или нѣтъ, потому что есть слишкомъ много симптомовъ, опредѣляющихъ такую общую черту состоянія, такъ что въ этомъ случаѣ большихъ ошибокъ быть не можетъ.

Наконецъ, допустимъ, что есть ошибки! Во всякомъ случаѣ онѣ должны составлять лишь извѣстное процентное отношеніе къ числу противуположныхъ ошибокъ, гдѣ оцѣнка слишкомъ низка. Положимъ, что онѣ составляютъ 3, 5, даже 10 процентовъ общей цифры; выходитъ, что и при 10 процентахъ на 44,000 человѣкъ получается только 4,400 лицъ—число совершенно ничтожное для цѣли нашего разбора.

Слѣдующій классъ платящихъ налогъ, разрядъ лицъ, владѣющихъ 1200—1400 т. дохода, заключаетъ въ себѣ 7355 человѣкъ; третій классъ, съ доходомъ 1400 — 1600 т., — 4721. Четвертый классъ, съ доходомъ 1600 — 2000 т., обнимаетъ 5499 лицъ. Отсюда, т. е. свыше 2000 талеровъ дохода, начинается уже дѣйствительное благосостояніе, хотя бы семейство состояло и изъ пяти особъ. Но всѣ остальные 26 разрядовъ лицъ, имѣющихъ свыше 2000 талеровъ дохода, содержатъ всѣ вмѣстѣ только 11,400 лицъ!

Итакъ, во всемъ государствѣ только 11,400 лицъ имѣютъ больше 2000 т. дохода, только 44,400 лицъ имѣетъ больше 1000 т. дохода.

Вотъ каковъ балансъ общества!

скаго комитета Дитерици, по которымъ 89—96 процентовъ населенія находятся въ стѣсненномъ положеніи, въ нуждѣ. Изъ этого видно, на какомъ невѣжествѣ основано невѣріе, которымъ разсчетъ Дитерици встрѣченъ публикой и разными газетами.

Не правда ли, господа, не будь это засвидѣтельствовано офиціально, Вы никогда не повѣрили бы этому, никогда не сочли бы это возможнымъ?

И вотъ эта-то до смѣшнаго ничтожная горстка людей съ своими семьями наполняетъ во всѣхъ городахъ всѣ театры, всѣ концерты, всѣ собранія, балы, гулянія, рестораны и погребки, производя своимъ вездѣсущіемъ чудесный миражъ многочисленности. Она думаетъ только о себѣ, только о себѣ говоритъ, воображаетъ, что она—весь свѣтъ, располагаетъ всѣми газетами, всѣми фабриками, гдѣ вырабатывается общественное мнѣніе, и успѣваетъ убѣдить и уговорить даже другихъ, что она,—эти 44,000 или, вѣрнѣе, эти 11,000, — составляетъ весь свѣтъ!

Эта жалкая клика копошится, волнуется, когда все кругомъ скована, одна разсуждаетъ, одна пишетъ, одна ораторствуетъ, вѣдаетъ только свои интересы, только за ними гоняется, увѣряетъ себя, что она—все, доводитъ свое самообольщеніе до воображенія, что и налоги она платитъ, а подъ ней, въ нѣмыхъ невыразимыхъ мукахъ изнемогаетъ безчисленное множество неимущаго народа, 17 милліоновъ человѣкъ, которые производятъ все, чѣмъ красна жизнь, что составляетъ необходимое условіе всякой нравственности, необходимое условіе существованія государства, которые разыгрываютъ битвы, платятъ налоги и у которыхъ нѣтъ никого, кто подумалъ бы о нихъ и вступился бы за нихъ!

И прокуроръ въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ, что имущіе, эти 44,000 человѣкъ, имѣющихъ больше 1000 талеровъ дохода, платятъ косвенные налоги!

Посчитаемъ по пальцамъ.

Еслибы государство брало съ имущихъ косвенными налогами эти 96 милліоновъ талеровъ, которые оно собрало прямыми и косвенными податями въ разобранномъ въ моей рѣчи бюджетѣ 1855 г., то каждому изъ 44,000 имущихъ пришлось бы заплатить среднимъ числомъ по 2186 талеровъ въ годъ налога. Но мы видѣли, что изъ этихъ 44,000 лицъ 14,428 человѣкъ имѣютъ только 1000—1200 т. дохода и 17,575—не болѣе 2000 тал. дохода; если сложить доходы всѣхъ лицъ, подлежащихъ классифицированному налогу, и раздѣлить эту сумму на число всѣхъ платящихъ этотъ налогъ, то получимъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ среднимъ числомъ 2357 талеровъ дохода!

Вовторыхъ, спрашивается, какъ велика должна быть сумма, ежегодно потребляемая каждымъ изъ этихъ 44,400 имущихъ съ семействомъ, чтобы съ нея приходилось заплатить 2186 талеровъ косвеннаго налога ежегодно? Другими словами, сколько долженъ человѣкъ потреблять въ годъ, чтобы съ его потребленія пришлось 2186 талеровъ косвеннаго налога?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо конечно знать, какой процентъ потребляемаго дохода составляетъ налогъ.

Прямой налогъ, самый высокій, именно, классифицированный подоходный налогъ, не можетъ законно превышать трехъ процентовъ съ дохода.

Положимъ, что косвенными налогами взимается 5 процентовъ съ общаго годоваго расхода каждаго изъ 44,400 имущихъ лицъ; это предположеніе будетъ преувеличено. Нѣкоторые изъ нашихъ косвенныхъ налоговъ составляютъ, правда, несравненно высшій процентъ потребляемой цѣнности; зато другіе со-

ставляютъ гораздо низшій; особенно бо́льшая часть и притомъ самыхъ дорогихъ расходовъ высшихъ классовъ вовсе не подлежитъ косвеннымъ налогамъ, какъ свидѣтельствуютъ цитированные мною экономисты. Стало быть, сосчитывая заодно всѣ расходы имущихъ классовъ, какъ подлежащіе налогамъ, такъ и не подлежащіе, слишкомъ преувеличенно принимать, чтобы косвенными налогами взималось 5 процентовъ цѣнности всего потребленія. Вспомните, что говоритъ Сисмонди, а именно, что косвеннымъ налогамъ не подлежитъ и 10% расхода богатыхъ; на эти 10% налогъ ложится опять-таки въ процентномъ отношеніи, которое должно простираться до 50%, чтобы составить 5 процентовъ съ общей суммы расхода.

Однако во избѣжаніе всякихъ препирательствъ, положимъ очевидно преувеличенно, что косвенные налоги составляютъ 5 процентовъ всего расхода имущихъ лицъ. Мало того: преувеличимъ вдвое, предположимъ, что они составляютъ 10 процентовъ.

Если косвенные налоги составляютъ 10 процентовъ общей суммы расхода, то чтобы каждое изъ этихъ 44,400 лицъ платило ежегодно среднимъ числомъ по 2186 талеровъ косвеннаго налога, надо помножить сумму 2186 талеровъ на 10 и получимъ общій средній расходъ каждаго изъ этихъ 44,400; выходитъ, что каждый изъ нихъ расходуетъ ежегодно среднимъ числомъ $2186 \times 10 = 21860$ талеровъ! Впрочемъ таковъ былъ бы расходъ ихъ, еслибы государство взимало всю сумму своихъ 96 милл. дохода съ 44,400 имущихъ посредствомъ косвеннаго налога.

Но если государство взимаетъ съ этихъ 44,400 лицъ посредствомъ косвеннаго налога половину тѣхъ 96 милл. талеровъ, которые доставлены ему въ 1855 г. налогами вообще, то каждому изъ этихъ лицъ пришлось бы заплатить среднимъ числомъ все-таки еще 1043 талера налога и, стало быть, расходовать ежегодно все-таки еще 10,430 талеровъ. А въ моей осужденной рѣчи я подробно доказалъ, что изъ 96 милл. государство получаетъ прямыми налогами только 13 милл., стало быть косвенными—цѣлыхъ 83 милл. Но положимъ наконецъ, что изъ этихъ 96 милл. государство получаетъ съ 44,400 имущихъ косвенными налогами только четвертую часть, т. е. только 24 милл. вмѣсто 83, — и все-таки каждому изъ этихъ лицъ придется расходовать въ годъ среднимъ числомъ по 5215 талеровъ. Допустимъ даже, что съ 44,400 имущихъ косвенными налогами взимается только десятая часть этихъ 96 мил., т. е. 9,600,000, — и тутъ каждому надо среднимъ числомъ ежегодно расходовать 2186 талеровъ! Но мы уже видѣли, что изъ этихъ 44,400 лицъ 14,428 имѣютъ только 1000 — 1200 талеровъ дохода, а 17,575 — только 1200—2000 талеровъ дохода; изъ тѣхъ же списковъ у Дитерици Вы можете убѣдиться, что во всемъ государствѣ существуетъ только 3340 человѣкъ, имѣющихъ дохода болѣе 4,000 талеровъ; и, какъ я уже сказалъ, доходъ каждаго изъ этихъ 44,400 лицъ простирается среднимъ числомъ только до 2,357 талеровъ. А вѣдь доходъ еще далеко не тожественъ съ расходомъ. Потому что извѣстно вѣдь, что богатые классы имѣютъ обыкновеніе откладывать и копить часть своихъ доходовъ!

Я сдѣлалъ Вамъ этотъ разсчетъ, господа, чтобы показать Вамъ, дочего невозможно, чтобы государство взимало косвенные налоги съ имущихъ и могло получить съ нихъ хотя бы только десятую, хотя бы только двадцатую часть своего дохода.

Я сдѣлалъ Вамъ этотъ разсчетъ, чтобы показать Вамъ, въ какихъ фантастическихъ представленіяхъ витаетъ прокуроръ, думая bona fide, что косвенные налоги взносятся цѣликомъ, или хотя на половину, или хотя на треть, или хотя на десятую часть, или даже хотя на двадцатую, имущими классами!

Я сдѣлалъ Вамъ этотъ разсчетъ, чтобы показать Вамъ, откуда, съ какого класса берутся деньги, на которыя содержимъ государство и пользуемся благами цивилизаціи.

Будьте же справедливы, господа, къ этому классу и не зажимайте рта тому, кто вступается за нихъ—онъ и безъ того одинъ въ полѣ воинъ!

Приведу Вамъ еще болѣе точное и краткое доказательство.

Понятно, что прямые налоги, взимаемые съ дохода въ извѣстномъ процентномъ отношеніи, прямые подоходные налоги, постигаютъ богатыхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ косвенные налоги. Прямые налоги взимаются съ каждаго пропорціонально его имуществу и доходу, тогда какъ косвенные налоги, по свидѣтельству самыхъ умѣренныхъ экономистовъ, дѣйствуютъ какъ подушная подать, т. е. берутъ съ каждаго одинаковый взносъ, а по словамъ другихъ берутъ даже съ человѣка тѣмъ больше, чѣмъ онъ бѣднѣе.

Какъ же можетъ прокуроръ находить страннымъ высказанное мною положеніе, что косвенные налоги несравненно большею частью уплачиваются бѣднѣйшими классами, когда это положеніе несомнѣнно даже относительно прямыхъ налоговъ?!

А что это несомнѣнно даже относительно прямыхъ налоговъ и до чего это несомнѣнно, Вы можете убѣдиться, бросивъ взглядъ на цифры, сообщаемыя правительствомъ въ бюджетѣ и статистическимъ комитетомъ въ его офиціальныхъ отчетахъ; Вамъ стоитъ только читать и считать, ничего отъ себя не прибавляя, ничего не предполагая.

Классифицированный подоходный налогъ, взимаемый во всемъ государствѣ со всѣхъ лицъ, имѣющихъ болѣе 1,000 талеровъ дохода, доставилъ, со включеніемъ прибавочныхъ 622 т. талеровъ, по офиціальному государственному бюджету за 1855 годъ, 2,928,000 талеровъ. Вотъ, стало быть, сколько заплатили прямаго налога всѣ лица, имѣющія свыше 1,000 талеровъ дохода.

По закону 1 мая 1851 г. взимается прямой подоходный налогъ, такъ-называемая классная подать, со всѣхъ лицъ, имѣющихъ менѣе 1,000 талеровъ дохода, но не во всей странѣ, а только въ мѣстностяхъ, не платящихъ пошлинъ съ муки и мяса. По тому же бюджету этотъ налогъ принесъ 9,920,000 талеровъ.

Итакъ, и прямыми налогами низшіе классы, и то только нѣкоторыхъ мѣстностей, внесли втрое и вчетверо больше, чѣмъ всѣ имущіе всего государства!

Но это еще пустяки, господа! Посчитаемъ-ка получше цифры классной подати: Вы увидите, какъ краснорѣчиво онѣ заговорятъ!

Подробно Вы можете найти эти цифры въ отчетахъ статистическаго комитета тайнаго совѣтника Дитерици, Bd. VII, p. 195, на основаніи офиціальной раскладки податей за 1853 г.

Всего классной подати за 1853 г. получено безъ дополнительныхъ суммъ 7,941, $15^1/_2$ талеровъ, т. е. столько же, сколько и въ 1855 г.

Эти 7,941,915 тал. распадаются на слѣдующіе три класса:

Первый, низшій классъ, состоитъ изъ трехъ разрядовъ съ назначеніемъ четырехъ ступеней налога: первый разрядъ $^1/_2$ — 1 талера классной подати съ семейства, второй — 2 талера, третій — 3 талера. Тайный совѣтникъ Дитерици полагаетъ (p. 175) ежегодные доходы этихъ трехъ разрядовъ плательщиковъ въ 100—120 т., 120—180 т., 180—250 т.

И на этотъ доходъ часто приходится еще содержать семьи! Вотъ, стало быть, бѣдняки, вотъ настоящіе пролетаріи!

А между тѣмъ этотъ-то низшій, бѣднѣйшій классъ и даетъ изъ всѣхъ классовъ самый большій, несравненно большій, взносъ прямыми налогами; какъ видно изъ таблицы у Дитерици, онъ платитъ:

$3,891,117^1/_2$ талеровъ классной подати, тогда какъ всѣ подлежащіе классифицированной подоходной подати, т. е. имѣющіе болѣе 1,000 тал. дохода, платятъ безъ прибавочныхъ суммъ только 2,306,000 талеровъ классифицированнаго подоходнаго налога.

Этотъ низшій, бѣднѣйшій классъ платитъ классной подати гораздо больше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ классовъ платящихъ классную подать; онъ платитъ даже почти столько же, сколько оба они вмѣстѣ. Онъ платитъ 3,891,117 т., тогда какъ 2-ой классъ только 2,625,294 т., а 3-ій только 1,425,504 т., слѣдовательно, оба вмѣстѣ только около 4 милл.,—почти столько же, сколько низшій классъ одинъ.

Но далѣе! Перейдемъ ко второму главному классу классной подати. Онъ обнимаетъ 5 разрядовъ, платящихъ 4, 5, 6, 8, 10 тал. классной подати и имѣющихъ, по разсчету тайнаго совѣтника Дитерици (p. 175), 250 — 300, 300 — 320, 320 — 400 и 400 — 500 талеровъ годоваго дохода. Въ первомъ классѣ мы имѣли совершенныхъ бѣдняковъ; но и второй классъ состоитъ еще изъ очень бѣдныхъ, потому что на эти доходы приходится содержать цѣлыя семьи. Изъ пяти разрядовъ этого класса больше всѣхъ платитъ все-таки низшій, а именно—747,780 т., а весь этотъ классъ бѣдныхъ и очень бѣдныхъ вноситъ 2,625,294 т. подати.

Затѣмъ слѣдуетъ 3-ій классъ платящихъ классную подать, состоящій изъ 4 разрядовъ, доходъ которыхъ опредѣленъ циркуляромъ самаго королевскаго министра финансовъ 8 мая 1851 г. Къ низшему разряду, обязанному платить 12 тал. подати, отнесены имѣющіе 500—650 т. дохода; ко 2-му, съ 16 т. подати, причислены лица, владѣющія 650—800 т. дохода; къ 3-му, 20 т. подати,—имѣющіе 800 — 900 т. дохода, и къ 4-му, 24 т. подати,—900—1000 т. дохода.

Надѣюсь, Вы согласитесь со мной, что низшій разрядъ этого класса, обладатели ежегоднаго дохода въ 500—650 т., на который надо содержать себя

и семейство, еще далеко не принадлежатъ къ буржуазіи, а къ тому мелкопромышленному рабочему и крестьянскому сословію, о которомъ я говорилъ въ лекціи. Этотъ низшій разрядъ платитъ 534,984 т. классной подати. Второй разрядъ, обладатели дохода въ 650—800 т., платитъ 366,832 т.; третій, съ доходомъ въ 800—900 т., — 264,080 т. и наконецъ 4-й, 900 — 1000 т. дохода, платитъ 259,608 т. классной подати.

Будемъ уступчивы! Будемъ считать, что всѣ имѣющіе съ семействомъ свыше 650 т. дохода уже не принадлежатъ къ неимущимъ и бѣднымъ классамъ націи, хотя это очевидно несправедливо. Теперь сдѣлаемъ простое сложеніе. Вотъ что получимъ:

Классъ.	Число плательщиковъ.	Процентное отношеніе къ общему числу плательщиковъ.	Ежегодный взносъ подати въ талерахъ.	Процентное отношен. къ итогу дохода съ классной подати.
I.	4,521,989	89,06	3,891,117½	48,99
II.	464,323	9,14	2,625,294	33,06
III класса низшій разрядъ.	44,582	0,88	534,984	6,74
Итогъ . . .	5,030,894 †)	99,08	7,051,395½	88,79

Три остальные разряда третьяго класса, которые мы причислили къ зажиточнымъ классамъ націи (!), представляютъ слѣдующія цифры:

Разрядъ.	Число плательщиковъ.	Процентное отношеніе къ общему числу плательщиковъ.	Ежегодный взносъ подати въ талерахъ.	Процентное отношен. къ итогу дохода съ классной подати.
10.	22,927	0,45	366,832	4,62
11.	13,204	0,26	264,080	3,32
12.	10,817	0,21	259,608	3,27
Итогъ . . .	46,948	0,92	890,520	11,21

Итакъ, три послѣдніе разряда классной подати платятъ 890,520 тал.

Причислимъ къ этой суммѣ доходъ съ классифицированной подоходной подати въ 1855 г. (не считая добавочныхъ 622,000, потому что мы не считали добавочныхъ суммъ и въ классной подати) . . . . . 2,306,000 »

Слѣдовательно, всѣ мало-мальски имущіе платятъ прямыхъ налоговъ . . . . . 3,196,520 тал., тогда какъ совершенно неимущіе классы платятъ 7,051,395 талерокъ, т. е. гораздо больше чѣмъ вдвое, почти 70% общей суммы прямыхъ налоговъ.—Если прямые налоги распредѣлены такимъ образомъ, то чему

†) Извѣстно, что, по предписанію закона насчетъ классной подати, въ это число безразлично занесены какъ одинокіе, такъ и семейные.

удивляется прокуроръ, что, говоря о косвенныхъ налогахъ, я выразился, что «они ложатся несравненно большею частью на неимущіе, бѣднѣйшіе классы націи»?

Если изъ прямыхъ налоговъ, которые распредѣляются пропорціонально имуществу и доходу, неимущіе платятъ почти 70%, то каково должно быть это отношеніе въ косвенныхъ налогахъ, которые распредѣляются пропорціонально потребленію, т. е. числу лицъ? Мы видѣли, что въ Пруссіи только 44,407 лицъ имѣютъ свыше 1,000 талеровъ дохода и потому могутъ быть названы зажиточными. Но причислимъ къ нимъ и три послѣдніе разряда третьяго класса классной подати, причислимъ къ нимъ всѣхъ имѣющихъ свыше 650 тал. дохода, хотя людей съ такимъ доходомъ очевидно нельзя считать зажиточными. Получимъ

44,407
+46,908

Итого 91,315 не неимущихъ налогоплательщиковъ въ государствѣ. Но 46,908 плательщиковъ, имѣющихъ 650 — 1000 талеровъ дохода, относятся только къ той части народонаселенія, которая платитъ классную подать. Хотя эта часть составляетъ почти $^7/_8$ всего населенія, однако все-таки есть мѣстности, платящія налоги на муку и мясо и неподлежащія классной подати. Стало быть, надо принять въ разсчетъ и эту меньшую часть населенія. Въ XIII томѣ офиціальныхъ статистическихъ извѣстій тайнаго совѣтника Дитерици (р. 182) населеніе прусскихъ мѣстностей, платящихъ мучной и мясной налоги, въ 1858 году показано въ 2,284,745 душъ; общее число народонаселенія Пруссіи показано тамъ же въ 17,739,913 душъ, такъ что платящихъ классную подать приходится 15,455,168 душъ. Мы должны предположить, что въ числѣ 2,284,745 платящихъ мучной и мясной налоги пропорціонально столько же лицъ имѣетъ свыше 650 талеровъ дохода, какъ въ числѣ платящихъ классную подать; сдѣлавъ разсчетъ, мы получимъ въ мѣстностяхъ, платящихъ мучной и мясной налоги, 6,954 лица, имѣющихъ свыше 650 тал. дохода. Сложимъ:

6,954
91,315

Итого 98,269 лицъ во всемъ прусскомъ государствѣ имѣетъ свыше 650 тал. дохода. Предположимъ, что каждое изъ нихъ представляетъ семью изъ 5 особъ, какъ обыкновенно предполагаютъ, когда говорятъ о всемъ населеніи вообще, хотя, говоря исключительно, о высшихъ сословіяхъ этого нельзя предполагать, потому что у нихъ дѣтей бываетъ среднимъ числомъ гораздо меньше, чѣмъ въ низшихъ сословіяхъ.

Однако предположимъ, хотя это будетъ преувеличено. Выходитъ, что 98,269 налогоплательщиковъ представляютъ 491,345 душъ. Эта цифра такъ ничтожна, что ею обыкновенно пренебрегаютъ при кругломъ счетѣ населенія большихъ государствъ; она меньше даже той цифры, которою я пренебрегъ въ счетѣ населенія Пруссіи; я сказалъ, что Пруссія имѣетъ 17 милліоновъ

жителей, между тѣмъ какъ, точно говоря, она имѣла въ 1858 г. болѣе 17,739,000 жителей.

Слѣдовательно, всѣ эти 17 милліоновъ, и съ излишкомъ еще, составляютъ совершенно неимущіе классы!

А та жалкая, ничтожная шайка все толкуетъ только о себѣ, все только про себя слышитъ, все наполняетъ своимъ шумомъ и доходитъ въ своемъ самообольщеніи до наивной увѣренности, что она одна платитъ косвенные налоги!

Видите, въ какой райской наивности пребывалъ прокуроръ относительно всѣхъ началъ государственныхъ наукъ, упрекая меня въ неправдѣ и софизмахъ и восклицая отъ полноты своего добраго сердца, что бѣдный людъ фактически не въ состояніи такъ много вносить косвенными налогами!

Честь и слава такому доброму сердцу!

Что касается наивности его головы, то на то онъ юристъ, чтобы не вѣдать такихъ вещей. Напрасно только обвиняетъ онъ въ неправдѣ людей, которые больше его смыслятъ, и требуетъ наказанія ихъ за то, что онъ не вѣдаетъ истиннаго положенія дѣлъ!

Гораздо печальнѣе, что заблужденіе прокурора раздѣляютъ высшіе промышленники, воображающіе себя людьми преимущественно «практическими». Но не удивляйтесь этому; припомните, что сказалъ я выше: что для познанія положенія народа недостаточно наблюденія практической жизни; что къ познанію этому ведетъ только одинъ путь — путь чрезъ скучную и сухую науку цифръ. Вотъ почему высшіе промышленники и вообще имущіе классы, оглушенные собственнымъ трезвономъ и неумолкаемой болтовней о самихъ себѣ, приходятъ, подобно прокурору, къ искреннему убѣжденію, что косвенные налоги платятся ими — имущими сословіями!

Одинъ коммерціи совѣтникъ услышалъ по поводу моего процесса, что я утверждаю, что бѣдные классы платятъ большую часть косвенныхъ налоговъ. У этого коммерціи совѣтника прекрасное состояніе, прекрасный домъ и прекрасная жена, вслѣдствіе чего онъ принадлежитъ къ числу самыхъ самодовольныхъ. «Какъ!—воскликнулъ онъ,—вотъ въ чемъ увѣряетъ насъ Лассаль!? А кто же пьетъ шоколадъ у Штегели?»

Правда, господа. Коммерціи совѣтникъ и его собратья пьютъ шоколадъ у Штегели.

Однако поглядимъ-ка хотя бы на этотъ шоколадъ.

Въ большомъ сочиненіи Гумбольдта и Бонплана, «Путешествіе въ равноденственныя страны», t. III, p. 206, мы находимъ свѣдѣніе, что въ 1818 г. ввезено во всю Европу 23 милліона фунтовъ бобовъ какао, на сумму 7,360,000 тал. Большая часть этого количества поступила въ Испанію и Италію, гдѣ шоколадъ пьютъ всѣ. Въ 1847 г. въ германскій Таможенный союзъ ввезено 1,143,500 фунтовъ бобовъ какао.

Въ Пруссію, по словамъ д-ра Мичерлиха въ его монографіи «Какао и шоколадъ», p. 43, было ввезено въ 1831 г. 500,000 фунтовъ. Ввозной пошлины взимается $6^1/_2$ талеровъ съ центнера. Итакъ, весь доходъ съ ввоза шоколада составляетъ 32,500 талеровъ косвеннаго налога.

Вы видите, господа, что если коммерціи совѣтникъ и его собратья оказываютъ государственному бюджету въ 108 милліоновъ услугу тѣмъ, что одни распиваютъ весь шоколадъ у Штегели, то во всякомъ случаѣ это услуга невидимая простымъ глазомъ.

Взглянемъ на нѣкоторые другіе предметы, потребляемые исключительно высшими классами.

По извѣстіямъ статистическаго комитета тайнаго совѣтника Дитерици, Bd. III, p. 110, ввозъ устрицъ и морской рыбы въ Таможенный союзъ — не въ Пруссію, господа, а въ весь Таможенный союзъ, — доставилъ пошлины 13,000 талеровъ!

Взглянемъ на самый главный предметъ роскоши, потребляемый богатыми классами, на офиціально признанную принадлежность ихъ — шампанское.

Таможенный союзъ не ведетъ особыхъ отчетовъ о ввозѣ шампанскаго. Только въ Берлинѣ главное пошлинное вѣдомство записываетъ особо бутылки шампанскаго, поступающія въ Берлинъ. Но надо замѣтить, что въ Берлинъ поступаетъ нетолько то количество шампанскаго, какое распивается въ немъ самомъ; черезъ Берлинъ проходитъ все шампанское, идущее во всю Бранденбургскую провинцію, и даже Силезія получаетъ большую часть шампанскаго отсюда.

Но довольно и одного Берлина, столицы и резиденціи государства, города съ 550,000 жителей. Что тутъ выпивается шампанскаго! Что тутъ пьется его при дворѣ, и у министровъ, и у иностранныхъ пословъ, и всей аристократіей, и нашими денди у Эвеста, Герольда, Медера и въ разныхъ другихъ ресторанахъ, и на балахъ, пикникахъ и свадьбахъ! Даже въ среднихъ сословіяхъ почти ни одно собраніе, ни одинъ званый обѣдъ не обходятся безъ этой церемоніальной и почти обязательной роскоши, требуемой ради соблюденія приличія и достоинства.

Казалось бы, шампанское должно литься въ Берлинѣ рѣкой.

И несмотря на это, несмотря на то, что и Бранденбургская провинція, и Силезія получаютъ шампанское изъ Берлина, его ввезено въ теченіе всего 1855 года—ну сколько бы Вы думали?—148,900 бутылокъ, какъ свидѣтельствуетъ тайный совѣтникъ Дитерици на основаніи отчетовъ главнаго пошлиннаго вѣдомства въ X томѣ, p. 134, статистическихъ извѣстій! Съ бутылки шампанскаго платится около $7^1/_2$ зильберграшей пошлины, такъ что всего получается 37,220 талеровъ налога.

Какъ видите, господа, все гомеопатическія дозы!

Чтобы добиться наконецъ порядочной суммы и такъ какъ общій ввозъ шампанскаго во все государство неизвѣстенъ, возьмемъ самый крупный предметъ исключительнаго потребленія имущихъ классовъ. Въ Пруссіи—это заграничное вино разныхъ сортовъ, въ томъ числѣ и шампанское. Съ него взимается столь большая ввозная пошлина, что по оцѣнкѣ статистика Гюбнера, въ «Журналѣ Народнаго Хозяйства и Статистики», 1852 года, p. 120, она простирается среднимъ числомъ до 56% продажной цѣны.

Въ бюджетѣ на 1855 г. и въ приложеніяхъ къ нему—таможенный сборъ

съ вина не показанъ особо, а включенъ въ общую рубрику ввозныхъ, вывозныхъ и провозныхъ пошлинъ.

Но мы можемъ опредѣлить цифру этого сбора по другимъ источникамъ.

Въ четвертомъ годѣ изданія статистическаго журнала Гюбнера, за 1856 г., р. 78 — 81, сообщены таблицы ввоза въ Таможенный союзъ. Изъ нихъ мы видимъ (р. 80), что въ 1854 г. въ Таможенный союзъ ввезено:

43,086 центнеровъ вина въ бутылкахъ, давшихъ таможеннаго дохода	344,688 т.
191,236 центнеровъ вина въ бочкахъ, давшихъ таможеннаго дохода	1,147,578 т.
Итого таможеннаго дохода съ вина.	1,492,266 т.

Но эта сумма приходится не на Пруссію, а на весь Таможенный союзъ.

Въ томъ же журналѣ (р. 87) мы находимъ разсчетъ въ десятичныхъ дробяхъ, сколько приходится таможеннаго сбора по каждому предмету ввоза на каждаго жителя всего Таможеннаго союза. Оказывается, что сбора съ вина въ этомъ году (1854) приходилось по 1,3 зильбергроша на душу.

Полагая населеніе Пруссіи въ 17 милліоновъ, мы получимъ, считая по 1,3 зильбергроша пошлиннаго дохода на душу, 733,333 талеровъ пошлиннаго дохода съ заграничныхъ винъ во всей Пруссіи.

Можетъ быть, потребуютъ, чтобы мы причислили къ этому и налоги на туземное винодѣліе въ Пруссіи. Эти налоги относятся преимущественно къ при-мозельской странѣ, а мозельское вино пьютъ не одни имущіе классы. Низшіе сорты мозельскаго вина потребляются на Мозелѣ и вообще въ Рейнской провинціи въ большомъ количествѣ мѣщанами и крестьянами. Однако не будемъ торговаться и допустимъ, что имущіе классы выпиваютъ одни рѣшительно все вино, выдѣлываемое въ Пруссіи. Государственный бюджетъ за 1855 г. показываетъ дохода съ налога на туземное винодѣліе 73,421 талеръ. Итакъ, заграничное вино, составляющее самый крупный предметъ исключительнаго потребленія высшихъ классовъ, и туземное вино даютъ вмѣстѣ 806,754 талера пошлиннаго дохода.

Видите,—считаемъ, считаемъ, а все ни съ мѣста!

Прокуроръ особенно налегъ на шолкъ, составляющій будто-бы предметъ потребленія исключительно высшихъ классовъ.

Это неправда. Многія кухарки, напр. моя, надѣваютъ по воскресеньямъ шолковыя платья. Шолковыя ленты и шейные платки очень распространены въ низшихъ классахъ у женщинъ. Для женъ и дочерей мелкаго мѣщанства они составляютъ соціальную необходимость на прогулкахъ и въ разныхъ торжественныхъ оказіяхъ.

Однако въ угоду прокурору согласимся съ нимъ и уступимъ шолкъ въ исключительное пользованіе высшихъ классовъ.

По таблицамъ Гюбнерова статистическаго журнала (годъ IV, р. 81) мы видимъ, что въ 1854 г. въ Таможенный союзъ ввезено:

Сырца 17,896 центнеровъ, давшихъ таможеннаго дохода .	8,948 т.
Шолковыхъ товаровъ 3,913 центнеровъ, давшихъ таможеннаго дохода	430,430 т.
Итого таможеннаго дохода	439,378 т.

И опять-таки это таможенный доходъ всего Таможеннаго союза.

Чтобы не наскучить Вамъ кропотливыми разсчетами, положимъ, что населеніе Пруссіи участвовало тутъ на $^3/_5$, что нетолько довольно, но непомѣрно; оказывается, что имущими классами Пруссіи заплачено по этому предмету 236,625 талеровъ.

Сложимъ теперь доходы съ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ четырехъ предметовъ исключительнаго потребленія высшихъ классовъ:

1) Шоколадъ коммерціи совѣтника.	32,500 т.
2) Шолкъ прокурора, хотя шолкъ потребляется не одними имущими классами	236,625 т.
3) Вина, считая тутъ шампанское и туземное вино, хотя послѣднее пьется не одними имущими классами	806,754 т.
4) Устрицы и морская рыба во всемъ Таможенномъ союзѣ, которыя мы предоставляемъ исключительно имущимъ классамъ Пруссіи	13,000 т.
Всего внесено косвеннаго налога	1,088,879 т.

Все еще не далеко уѣхали мы, господа! Сложивъ расходы на четыре предмета исключительнаго потребленія богатыхъ, мы получили сумму, которая, не говоря уже о какихъ-нибудь государственныхъ цѣляхъ, недостаточна даже для уплаты половины жалованья чиновникамъ, служащимъ по сбору податей. Мы видимъ изъ I тома приложеній къ государственному бюджету, р. 98, что на жалованье чиновникамъ по податному и таможенному вѣдомству расходуется 2,526,190 т.

И что же? Эти люди со своимъ милліономъ убѣждены, что платятъ всѣ подати!

Обратимся теперь къ бѣдному народу. Посмотримъ хотя на одинъ предметъ его потребленія, далеко не самый крупный.

По бюджету 1855 г. водочный акцизъ и пошлины съ вывоза водки доставили не менѣе 5,800,000 т.; исключивъ изъ этой суммы вывозную пошлину, мы находимъ, что съ водки, потребляемой въ странѣ, получается 5 милліоновъ талеровъ налога, какъ подтверждаетъ и тайный совѣтникъ Дитерици, Bd. III, p. 110.

Ну сколько же Вы вносите на этотъ налогъ, господа? Сколько потребляете Вы въ годъ водки?

Я думаю, ничего? — И я ничего.

Эти примѣры, заимствованные изъ предметовъ, предназначенныхъ по самой природѣ своей — одни на исключительное потребленіе имущихъ классовъ, а другіе—на исключительное потребленіе неимущихъ; это отношеніе пошлиннаго дохода съ водки къ доходу съ шоколада, вина и шолка — даютъ Вамъ лучшее мѣрило для оцѣнки участія того и другого класса въ косвенныхъ налогахъ и на тѣ предметы, которые потребляются обоими классами безразлично.

Однако мы имѣемъ возможность не удовольствоваться этимъ общимъ соображеніемъ; мы можемъ сдѣлать эту оцѣнку обстоятельнѣе.

Поземельный налогъ составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ статей бюджета; по бюджету 1855 г. доходъ съ него простирался до 10,084,182 т.

Бюджетъ, правда, причисляетъ его къ прямымъ налогамъ. Но я объяснилъ въ моей лекціи и ниже докажу еще убѣдительнѣе, что нашъ поземельный налогъ есть въ сущности хлѣбный налогъ, т. е. что онъ переводится на цѣну хлѣба, а въ домахъ — на цѣну квартиръ, слѣдовательно, уплачивается потребителями и потому составляетъ налогъ косвенный.

Сколько же изъ этихъ 10,084,182 т. уплачивается имущими и сколько неимущими?

Самые умѣренные изъ экономистовъ, профессоръ Рау и другіе, говорятъ, какъ Вы слышали выше, что хлѣбный налогъ все равно, что подушная подать. Но въ дѣйствительности онъ еще обременительнѣе для бѣднаго класса, потому что чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ меньше потребляетъ онъ хлѣба, насыщаясь другими вещами. Я много проживаю. Но хлѣба я лично не съѣдаю и на 9 пфениговъ, потому что ѣмъ много другихъ кушаній.

Однако, хотя это несправедливо, допустимъ, что хлѣбный налогъ распредѣляется какъ подушная подать.

Разсматривая офиціальные списки доходовъ съ податей, мы нашли, что въ Пруссіи всего 44,407 налогоплательщиковъ имѣетъ свыше 1,000 т. дохода. Положимъ, что каждый изъ нихъ представляетъ семью изъ пяти лицъ, что, повторяю, чрезвычайно преувеличенно относительно высшихъ сословій. Выходитъ, что 222,035 душъ принадлежатъ въ Пруссіи къ зажиточному классу.

Слѣдовательно, если хлѣбный налогъ распредѣляется какъ подушная подать, то изъ 10,080,000 т. дохода съ него съ душъ имущаго класса приходится 126,450 т., а съ неимущаго — 9,953,550 талеровъ!

Но причислимъ къ имущему классу всѣхъ имѣющихъ свыше 650 т. дохода. Мы знаемъ число ихъ. Выше я разсчиталъ, что ихъ 98,269 лицъ, считая тутъ и тѣхъ, которые имѣютъ свыше 1,000 т. дохода, и населеніе округовъ, подлежащихъ хлѣбному и мясному налогамъ; предполагая опять, что каждое изъ нихъ представляетъ семью изъ 5 лицъ, получаемъ 491,345 душъ; слѣдовательно, составляемъ пропорцію — $17,700,000 : 10,080,000 = 491,345 : X$, откуда $X = 279,200$ т., т. е. невполнѣ неимущіе души вносятъ 279,200 т. въ доходъ 10,080,000 т. съ хлѣбнаго налога; такимъ образомъ на долю совершенно неимущихъ остается внести изъ 10,080,000 т. дохода съ хлѣбнаго налога сумму въ 9,800,000 талеровъ.

А *тѣ* воображаютъ, что платятъ налоги!

На какой предметъ потребленія ни взглянуть, всюду увидимъ тоже.

Прокуроръ толковалъ про сахаръ, говоря, что налогъ съ него не касается бѣдныхъ классовъ. Это большое заблужденіе, господа! Виною этого опять-таки сердечная доброта прокурора, побуждающая его оттягивать у работающаго сословія даже сахаръ!

Я уже приводилъ Вамъ слова Адама Смита, что табакъ, сахаръ и чай, который у насъ замѣняется кофе, принадлежатъ къ числу общихъ привычныхъ, ежедневныхъ потребностей низшихъ сословій. Кофе составляетъ у насъ одну изъ необходимѣйшихъ потребностей низшихъ классовъ, а стало быть и сахаръ, потому что и работники пьютъ кофе обыкновенно съ сахаромъ.

Если Адама Смита мало, то послушаемъ тайнаго совѣтника Дитерици. Въ III томѣ офиціальныхъ статистическихъ извѣстій, р. 110, онъ говоритъ: «Мысль умножить косвенныя подати встрѣчаетъ важное возраженіе въ томъ, что эти подати тогда только приносятъ значительный доходъ, если налагаются на предметы общаго потребленія»; и на стр. 111 онъ поясняетъ это соображеніе такъ: «Сахаръ, кофе и табакъ доставляютъ больше половины всего дохода съ ввоза, потому что принадлежатъ къ числу предметовъ, потребляемыхъ и бѣднѣйшими классами народа. Если возвысить пошлины, уже лежащія на этихъ предметахъ, то можно опасаться уменьшенія потребленія, и во всякомъ случаѣ бѣднѣйшіе классы потерпятъ отъ этого всего больше. Если учредить новыя пошлины на предметы, еще свободные отъ налоговъ, то надо, конечно, избрать предметы общаго потребленія, и слѣдовательно, бремя это опять падетъ преимущественно на бѣдныхъ. Невозможно возвысить эти налоги, не обременяя преимущественно низшихъ классовъ общества, и было бы, напротивъ того, желательно уменьшить ихъ, дабы облегчить бремя простолюдиновъ и дать имъ возможность дешевле удовлетворять жизненнымъ потребностямъ».

Тайный совѣтникъ Дитерици, бывшій предсѣдатель нашего статистическаго комитета, не отличается, повидимому, такимъ благодушіемъ, какъ прокуроръ, но зато лучше его знаетъ дѣло, и Вы видите, что всякій знатокъ дѣла, въ какихъ бы чинахъ и должностяхъ ни состоялъ, всегда рѣшитъ этотъ вопросъ одинаково.

И Вы всюду увидите ту же громадную разницу, гдѣ только свойство предмета позволяетъ разсмотрѣть его распредѣленіе.

Вы знаете, господа, что высшіе классы курятъ только сигары, фабрикуемыя въ Америкѣ или Гамбургѣ и Бременѣ, которые не принадлежатъ къ Таможенному союзу, слѣдовательно, только ввозныя сигары. А какая пропасть, казалось бы, выкуривается ихъ съ ранняго утра до поздней ночи!

Изъ таблицъ Гюбнеровскаго статистическаго журнала, годъ IV, р. 81, видно, что въ 1854 г. во всѣхъ государствахъ Таможеннаго союза получено не болѣе 235,720 т. таможенныхъ пошлинъ со всего ввоза сигаръ изъ Гаванны, изъ Гамбурга, Бремена, вообще изъ-за границы. Изъ этой суммы на Пруссію приходится $^{52}/_{100}$; таково отношеніе потребленія Пруссіи къ потреб-

ленію всего Таможеннаго союза по разсчету т. с. Дитерици, въ IX т., р. 54, ститистическихъ извѣстій; слѣдовательно, на долю Пруссіи приходится 122,574 т. пошлины.

Неимущій классъ потребляетъ сигары внутренняго приготовленія и весь табакъ, за исключеніемъ развѣ самой ничтожной доли.

Изъ тѣхъ же таблицъ видно, что табаку въ листахъ и корешкахъ ввезено въ томъ же году въ Таможенный союзъ 367,462 центнера, давшихъ пошлины . . . . . 1,441,848 т.

Присовокупимъ пошлину съ табаку въ пачкахъ. . . . . 109,307 т.

Итого. . . . . 1,551,155 т.

На долю Пруссіи приходится $^{52}/_{100}$ этой суммы, т. е. 786,600 т. пошлины, стало быть, вшестеро больше, чѣмъ съ сигарной пошлины, уплачиваемой имущимъ классомъ. Однако это еще самое неблагопріятное для высшихъ классовъ отношеніе; на всѣхъ остальныхъ предметахъ общаго потребленія они платятъ еще меньше; невыгода ихъ въ этомъ случаѣ зависитъ оттого, что съ центнера ввозимыхъ готовыхъ сигаръ взимается 20 тал. пошлины, съ центнера же табака въ пачкахъ только 11 тал., а съ центнера табака въ листахъ и корешкахъ лишь 4 талера; между тѣмъ прочіе предметы общаго потребленія невозможно подвергнуть такой классификаціи относительно пошлинъ.

Къ этимъ 786,000 т. надо прибавить еще налогъ на туземное воздѣлываніе табака, доставляющій, по бюджету, 140,000 т. и также уплачиваемый исключительно неимущимъ классомъ.

Такое же и даже гораздо невыгоднѣйшее для низшихъ классовъ отношеніе представляютъ, разумѣется, и пошлины на муку, мясо, пиво, солодъ, лотереи и вообще всѣ статьи налога, доставляющія государству мало-мальски значительный доходъ; я охотно разсмотрѣлъ бы всѣ статьи бюджета, одну за другой, еслибы не считалъ себя обязаннымъ дорожить Вашимъ временемъ.

Притомъ, къ чему такой подробный разборъ послѣ того, какъ я доказалъ Вамъ, что во всемъ государствѣ только 44,407 налогоплательщиковъ, т. е. по большей мѣрѣ 222,000 душъ, имѣетъ свыше 1,000 талеровъ дохода, и только 98,269 налогоплательщиковъ, т. е. по большей мѣрѣ 500,000 душъ, имѣетъ свыше 650 талеровъ дохода. Очевидно, что такая ничтожная горсть людей не можетъ такъ много потреблять, чтобы государство получало съ ея потребленія сколько-нибудь значительный доходъ. И самъ тайный совѣтникъ Дитерици прямо говоритъ, какъ Вы видѣли, что всякій косвенный налогъ, какъ бы ни назывался, чтобы быть сколько-нибудь доходнымъ, долженъ падать на низшій классъ.

Ограничимся поэтому разборомъ распредѣленія одной изъ важнѣйшихъ статей налога — солянаго налога.

Какъ видно изъ бюджета 1855 г., соляной монополь приноситъ государству 8,302,924 т. дохода. Здѣсь не считаются еще доходы съ налога на добываніе соли. Бюджетъ отводитъ имъ особое мѣсто подъ заглавіемъ «дохо-

довъ съ солеваренъ» и считаетъ ихъ въ 1,190,583 т. Но въ этой суммѣ содержится извѣстный чистый доходъ съ этого производства, доставляемый казнѣ не солянымъ налогомъ, а барышами съ производства соли, какъ свидѣтельствуетъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ въ посмертныхъ сочиненіяхъ, р. 512, и какъ видно изъ самого бюджета, который считаетъ доходъ съ солеваренъ въ 1,190,583 т., а въ приложеніяхъ, т. I, р. 324, показываетъ расходы по соляному вѣдомству въ 1,121,920 т. Стало быть, чистаго дохода остается 70,000 т., которые надо причислить къ доходу съ солянаго налога и которые, какъ ни считай, составляютъ настоящій налогъ.

Какъ же распредѣляются эти 8,302,000 или, вѣрнѣе, 8,372,000 т. налога между классами населенія?

Относительно соли мы можемъ обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Я знаю, господа, что факты, къ которымъ мнѣ приходится теперь обратиться, возбудятъ въ Васъ непріятныя чувства. Но не могу избавить Васъ отъ нихъ. Необходимо показать вамъ хотя сколько-нибудь побужденія, вызывающія мою дѣятельность и руководящія мною въ ней.

Я опять приведу Вамъ офиціальныя сообщенія, заимствованныя изъ одного изъ самыхъ любопытнѣйшихъ правительственныхъ изданій. Въ іюнѣ 1848 г. королевская сельско-экономическая коллегія въ Берлинѣ нашла необходимымъ по обстоятельствамъ времени и по условіямъ своего назначенія и своихъ обязанностей подробно изслѣдовать положеніе рабочихъ классовъ, поскольку они входятъ въ спеціальное вѣдомство королевской сельско-экономической коллегіи, т. е. земледѣліе.

Вслѣдствіе этого 22 іюня 1848 г. королевская сельско-экономическая коллегія адресовала всѣмъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ циркуляръ, начинающійся слѣдующими словами:

«Вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія работающихъ классовъ есть вопросъ дня, въ высшей степени важный по всему современному направленію. Удовлетворительное разрѣшеніе его зависитъ отъ полнаго и точнаго знакомства какъ съ условіями, требующими улучшенія, такъ и съ потребностями, которыя желательно удовлетворить.» Сельско-экономическая коллегія поставила два главные вопроса: вопервыхъ, сколько приблизительно должна получать среднимъ числомъ ежегоднаго содержанія сельско-рабочая семья изъ пяти лицъ, чтобы безбѣдно существовать въ разныхъ правительственныхъ округахъ прусскаго государства. Вовторыхъ, насколько соотвѣтствуютъ этому среднему размѣру прочнаго достаточнаго существованія средства слѣдующихъ трехъ классовъ, на которые к. сельско-экономическая коллегія раздѣлила все сельское рабочее населеніе: 1) батраковъ или полевыхъ наемныхъ работниковъ; 2) поселенцевъ или колонистовъ, называемыхъ также коссетами; 3) жильцевъ или наемниковъ.

Вслѣдствіе этого циркуляра к. сельско-экономическая коллегія получила отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ 185 отчетовъ и поручила к. сельско-экономическому совѣтнику и генеральному секретарю сельско-экономической коллегіи, профессору Александру Фонъ-Ленгерке, составить изъ нихъ извлеченіе,

которое было представлено министерству сельско-хозяйственныхъ дѣлъ и по его повелѣнію обнародовано подъ заглавіемъ «Сельскій Рабочій Вопросъ, изданіе проф. доктора А. ф. Ленгерке, Берлинъ, 1849».

По выходѣ этой книги коллегія получила еще 56 отчетовъ, вслѣдствіе которыхъ проф. Ленгерке нашелъ необходимымъ сдѣлать новый разсчетъ средняго размѣра содержанія. Въ 1852 г. онъ представилъ этотъ трудъ к. сельско-экономической коллегіи, которая постановила напечатать этотъ новый разсчетъ и поправку прежняго въ официальныхъ извѣстіяхъ, издаваемыхъ статистическимъ комитетомъ, т. е. Дитерици, гдѣ они и напечатаны въ т. V, p. 270—387.

Всѣ эти подробности надо было сообщить Вамъ, чтобы Вы могли измѣрить вѣсъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

По той же причинѣ необходимо еще одно замѣчаніе. Весь этотъ трудъ былъ предпринятъ съ откровенно признанной цѣлью противодѣйствовать возникшей тогда въ печати агитаціи насчетъ рабочаго вопроса, съ цѣлью опровергнуть эту агитацію. Самъ проф. Ленгерке говоритъ это въ своемъ предисловіи. «Чѣмъ громче, говоритъ онъ, раздавался объ этомъ предметѣ голосъ общественнаго мнѣнія и органа его—печати, тѣмъ ощутительнѣе становился недостатокъ фактическихъ свѣдѣній объ условіяхъ и обстоятельствахъ, возбуждавшихъ этотъ шумъ. Спорящія стороны сражались больше фразами и разсужденіями; вмѣсто принциповъ и мотивовъ въ пренія вносилось совсѣмъ неидущее къ дѣлу, вносились страсти и духъ партій; такимъ образомъ постепенно утратили изъ виду цѣль изслѣдованія, и плодами его вмѣсто практическихъ мѣръ и вѣрной помощи предлагались большей частью совѣты, не выдерживающіе никакой критики, и опыты на-удалую. Вслѣдствіе этого коллегія признала дѣломъ первой необходимости получить по-возможности обширныя и полныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи обстоятельствъ, обратившихъ на себя такое вниманіе, дабы избѣгнуть опасности прійти къ заключеніямъ, несогласнымъ съ истиной и дѣйствительностью; такія заключенія приводятъ къ тому, что разборъ столь важнаго дѣла даетъ результаты безпокойные и тревожные вмѣсто успокоительныхъ и благодѣтельныхъ.»

Итакъ, цѣлью этого труда было по-возможности противодѣйствовать печати. Дѣло въ томъ, что тогда наша пресса, хотя ей дѣйствительно часто не доставало фактическихъ свѣдѣній, находилась еще въ своей юной порѣ! Она еще сочувствовала положенію и страданіямъ народа! Она еще заступалась за него! Она еще не дошла до рутиннаго, старческаго отупѣнія нашей нынѣшней прессы, у которой тогда только оказываются чувство, уши и голосъ, когда дѣло коснется интересовъ имущихъ классовъ.

Этой прессѣ собирались противодѣйствовать. Обратите вниманіе на эту цѣль. Напирая на нее, я не думаю подвергать этимъ сомнѣнію правдивость этого сочиненія; я хочу только обратить Ваше вниманіе на то обстоятельство, что книга, написанная, по собственнымъ словамъ автора, съ нарочитою цѣлью успокоивать и смягчать, склонна скорѣе ослаблять, чѣмъ преувеличивать, склонна грѣшить скорѣе излишнимъ оптимизмомъ, чѣмъ пессимизмомъ, склонна

по крайней мѣрѣ по собственному сознанію смягчать по-возможности факты, хотя бы способомъ выраженія.

И тѣмъ неменѣе, какихъ признаній полна эта книга!

Приблизительный средній размѣръ безбѣднаго существованія сельско-рабочей семьи изъ пяти лицъ былъ опредѣленъ въ каждомъ правительственномъ округѣ на основаніи дѣйствительныхъ потребностей тамошняго населенія и оказался слѣдующимъ (см. таблицы въ прибавленіяхъ у Дитерици V, 319):

Въ Кёнигсбергскомъ округѣ	109	т.	29	зильберграшей.
» Гумбинненскомъ »	85	»	12	»
» Данцигскомъ »	94	»	18	»
» Маріенвердерскомъ »	105	»	12	»
» Познанскомъ »	76	»	19	»
» Бромбергскомъ »	80	»	—	»
» Потсдамскомъ »	94	»	14	» и т. д.

Во всемъ государствѣ среднимъ числомъ 105 т. 2 з. 9 пф. Таковъ средній размѣръ необходимаго содержанія семейства изъ 5 лицъ, стало быть, по 21 т. на ежегодное потребленіе человѣка!

Но вѣдь это еще только желательное положеніе, господа! Желательно, чтобы каждая семья изъ 5 лицъ имѣла этотъ доходъ, который даетъ ей возможность существовать, удовлетворяя своимъ настоятельнѣйшимъ потребностямъ; но Вы увидите, что ей еще далеко до него! Теперь представляется другой вопросъ: имѣется ли этотъ доходъ у трехъ названныхъ выше классовъ, батраковъ, поселенцевъ и наемниковъ? Для большей ясности замѣчу, что подъ батраками или полевыми наемными работниками разумѣются тѣ работники, которые, не имѣя сами поземельной собственности, обязаны контрактомъ служить какому-нибудь помѣщику и состоять въ его исключительномъ распоряженіи за извѣстное содержаніе натурой и за опредѣленную плату.

Подъ поселенцами, колонистами или коссетами разумѣются хозяева-собственники небольшихъ участковъ, какъ-то дома, сада, клочка пашни и т. п., но не могутъ прокармливаться однимъ доходомъ съ этой собственности и принуждены искать сверхъ того работы за деньги.

Жильцами или наемниками называются лица, несостоящія въ опредѣленномъ служебномъ положеніи, но неимѣющія и поземельной собственности, живущія въ наемныхъ квартирахъ въ деревняхъ или колоніяхъ и вынужденныя пропитываться исключительно работой, которую должны искать.

Отвѣтъ проф. Ленгерке на вопросъ о положеніи ихъ заключается въ короткихъ словахъ въ томъ, что необходимое содержаніе имѣетъ только первая категорія, т. е. батраки, не имѣющіе никакой собственности, а двѣ остальныя, наемники и поселенцы, далеко не имѣютъ его.

На стр. 14 проф. Ленгерке говоритъ: «Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что батраки въ прусской монархіи вообще въ состояніи удовлетворять своимъ заработкомъ потребности свои достаточно, хотя не вездѣ прочно».

«Обратимся—продолжаетъ онъ—къ классу такъ-называемыхъ поселенцевъ (колонистовъ); изъ приведеннаго нами видно, что положеніе ихъ, говоря вообще, менѣе благопріятно, чѣмъ батраковъ; мало того: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и во многихъ случаяхъ положеніе ихъ ничѣмъ не лучше положенія жильцовъ или наемщиковъ.

А каково это положеніе, сообщаетъ проф. Ленгерке на стр. 17: «Положеніе сельскаго работника представляется въ самомъ худшемъ видѣ у наемщиковъ или жильцовъ; положеніе ихъ большею частью скудное и невыносимое».

Главное дѣло помните, помните, господа, не забывайте, что это положеніе скудно и невыносимо въ сравненіи съ чѣмъ? — съ нищимъ содержаніемъ 5 душъ на 105 талеровъ, что̀ считается уже благопріятнымъ и обезпеченнымъ положеніемъ!

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній слѣдуютъ подробныя свѣдѣнія касательно разныхъ правительственныхъ округовъ въ частности, и здѣсь заключаются признанія гораздо болѣе важныя и богатыя.

Возьму лишь нѣсколько примѣровъ.

Такъ на стр. 84 вотъ что сообщается о положеніи поселенцевъ, т. е. имѣющихъ собственность, въ Маріенвердерскомъ округѣ. «Собственники находятся почти въ одинаковомъ положеніи съ наемщиками, потому что собственность ихъ всегда очень ничтожна и большею частью обременена долгами; большинство и тѣхъ, и другихъ стоитъ на очень низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія». И на той же стр. о поселенцахъ Штумскаго округа: «Здѣсь этотъ классъ живетъ въ большой нищетѣ», и ниже: «несчастное, часто черезчуръ мелкое, дробленіе поземельной собственности значительно умножаетъ этотъ классъ, и повидимому необходимо поспѣшить на помощь ему посредствомъ законодательства».

На стр. 87 о жильцахъ или наемщикахъ Кёнигбергскаго округа, Мемельской области: «Положеніе этихъ работниковъ, называемыхъ здѣсь участковщиками—Loosleute, во всякомъ случаѣ самое необезпеченное».

Касательно положенія наемщиковъ въ округѣ Гумбинненъ онъ дѣлаетъ такой выводъ, р. 102: «Такое же вліяніе оказываетъ этотъ плодъ (картофель) на положеніе здѣшнихъ наемщиковъ. Оно положительно плохо всегда и всюду, самое худшее изъ всѣхъ. При неурожаѣ этого почти исключительнаго продовольствія они тотчасъ впадаютъ въ нужду и нищету».

Страница 107: «Рабочее сословіе жаждетъ облегченія, которое надо оказать ему и оказалось бы, еслибы произошла какая-нибудь перемѣна въ преимущественно угнетающей его податной системѣ».

Подчеркнутыя мною слова и у проф. Ленгерке напечатаны курсивомъ.

Послѣ подробнаго разбора округовъ онъ дѣлаетъ общій обзоръ каждой провинціи. На стр. 121 онъ высказываетъ такія замѣчанія о провинціи Пруссіи вообще: «Соображая все предыдущее, мы убѣждаемся, что обстоятельства сельскихъ работниковъ, не состоящихъ въ прочныхъ служебныхъ отношеніяхъ, особенно наемщиковъ и жильцовъ, чрезвычайно печальны почти во всѣхъ, да-

же рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Ихъ образъ жизни положительно жалокъ, т. е. болѣе чѣмъ скуденъ. Пища ихъ ограничивается картофелемъ, солью и водкой. Такое утрированное упрощеніе питанія, понятно, должно имѣть рѣшительное вліяніе на физическое состояніе этого класса населенія; большей частью онъ отличается вялостью и менѣе способенъ къ труду, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ что здѣсь при замѣчательно низкой рабочей платѣ трудъ часто все-таки обходится значительно дорого».

О Франкфуртскомъ округѣ провинціи Бранденбургъ онъ говоритъ (р. 158): «Гораздо хуже положеніе собственно поселенцевъ, у которыхъ кромѣ дома нѣтъ никакой земли, ни огорода, ни пашни. Большей частью имъ не приходится платить ни аренды, ни податей, потому что они получаютъ плату отъ жильцовъ; однако положеніе ихъ мало чѣмъ отличается отъ положенія жильцовъ, потому что дома ихъ требуютъ большихъ расходовъ на поправки. Поэтому можно считать, что и тѣ, и другіе находятся въ одинаковыхъ условіяхъ и т. д.» О жильцахъ и наемщикахъ Потсдамскаго округа (р. 161): «Вообще положеніе этихъ людей нестерпимо»;—Франкфуртскаго округа (р. 164): «Положеніе поденщиковъ, независимыхъ отъ господъ, становится все неблагопріятнѣе въ сравненіи съ положеніемъ рабочей прислуги у хорошихъ хозяевъ. Изъ молодыхъ поденщиковъ многіе не могутъ снискать прочныхъ средствъ къ существованію или спискиваютъ съ большимъ трудомъ; крупные и мелкіе землевладѣльцы едва въ состояніи доставлять всѣмъ независимымъ отъ господъ поденщикамъ кое-какую картофельную землю или совершенно избѣгаютъ этого, потому что на наличныя деньги могутъ покупать ихъ трудъ дешевле; такимъ образомъ коренное основаніе прежняго благосостоянія поденщиковъ, а именно возможность самимъ производить нужные имъ продукты въ достаточномъ количествѣ—все болѣе и болѣе уничтожается. Поэтому поденщики стараются пріобрѣсти во владѣніе покупкой или арендой маленькіе участки земли, но это приводитъ отчасти къ совершенно противуположному результату, потому что при слишкомъ ничтожномъ участкѣ земли, вдобавокъ дурной, существованіе поденщика скорѣе подвергается риску, чѣмъ обезпечивается». Потомъ онъ говоритъ обо всемъ вообще сельскомъ рабочемъ населеніи Франкфуртскаго округа (р. 172): «Касательно положенія вообще южной части Кёнигсбергской области нельзя отрицать, что физическая сила тамошнихъ сельскихъ работниковъ уменьшается; отчасти это—необходимое слѣдствіе преобладающаго потребленія картофеля и приготовляемой изъ него водки; отчасти же это зависитъ отъ недостаточной и дурной пищи вообще, вслѣдствіе недостаточнаго вознагражденія труда, что относится исключительно къ независимымъ отъ господъ поденщикамъ».

О положеніи поселенцевъ и колонистовъ въ Силезіи, въ Неймарктскомъ округѣ (р. 261): «Во всякомъ случаѣ они гораздо менѣе обезпечены, чѣмъ наемщики».

О бывшихъ барщинныхъ (р. 265): «При такихъ обстоятельствахъ этотъ классъ не можетъ существовать, особенно если приходится платить проценты за нѣсколько сотенъ талеровъ долга; онъ не можетъ существовать, если не

находитъ случая арендовать землю или найти работу у помѣщиковъ. Поэтому многіе желали бы никогда не получать свободы, которой прежде такъ желали и добивались».

Вообще о положеніи поселенцевъ во всей Силезіи (р. 268): «Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что положеніе этихъ людей часто ничѣмъ не лучше положенія неимущихъ работниковъ; только въ Лигницкомъ округѣ условія ихъ нѣсколько благопріятнѣе. Вообще поселенцамъ лучше тамъ, гдѣ еще сохранились остатки барщинныхъ отношеній» и т. д.

О положеніи наемщиковъ въ Оппельнскомъ округѣ (р. 276): «Такимъ образомъ большинство совершенно неимущаго рабочаго сословія, по недостатку работы и по всегдашнему отсутствію побочныхъ занятій, почти постоянно терпитъ недостатокъ въ пищѣ даже при дешевизнѣ ея».

Затѣмъ профессоръ Ленгерке пишетъ курсивомъ о положеніи всѣхъ сельскихъ работниковъ въ Оппельнскомъ округѣ (р. 292): «*Большею частью этотъ классъ людей не достигаетъ старости, чему виною, конечно, дурной образъ жизни, чрезмѣрный трудъ и недостатокъ пищи*».

Тоже и о Вестфаліи, Арнсбергскомъ округѣ (р. 355): «И въ этомъ округѣ (выше р. 354 было говорено о Мюнстерскомъ округѣ) положеніе этого класса работниковъ (поселенцевъ) въ главныхъ чертахъ одинаково съ положеніемъ третьяго класса, наемщиковъ».

Еще хуже въ Рейнской провинціи, гдѣ про поселенцевъ Дюссельдорфскаго округа говорится (р. 380): «Преимущества положенія этихъ людей большею частью мнимыя, ибо ихъ собственность обыкновенно дотого обременена долгами, что проценты съ нихъ приблизительно болѣе или менѣе поглощаютъ всю наемную плату, получаемую съ жильца или наемщика. Единственное дѣйствительное преимущество ихъ состоитъ въ томъ, что они имѣютъ свой клочекъ земли, на которомъ влачатъ убогое существованіе».

О поселенцахъ Кобленцскаго округа онъ говоритъ (р. 381), подтверждая сказанное мною выше: «*Положеніе ихъ ухудшаетъ еще то обстоятельство, что высота рабочей платы не измѣняется и при возвышеніи цѣны на хлѣбъ*». А о наемщикахъ Кельнскаго округа (р. 385): «Всего тревожнѣе то, что даже имущія рабочія семейства, находящіяся въ благопріятномъ условіи непрерывной дѣятельности, все-таки не въ состояніи обезпечивать себѣ существованіе своей выручкой».

Обращаясь къ общему положенію сельско-рабочаго населенія Рейнской провинціи, проф. Ленгерке говоритъ (р. 387): «Послѣ всего вышесказаннаго и принимая во вниманіе условія рабочаго класса, еще не упомянутыя тамъ, мы можемъ дать вообще слѣдующій отвѣтъ на вопросъ о достаточности и обезпеченности рабочей выручки:

«*Рейнско-прусскій работникъ большею частью не имѣетъ достаточнаго и правильнаго содержанія, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше недостатокъ въ постоянной работѣ, чѣмъ больше также возрастаетъ въ новѣйшее время дороговизна средствъ къ жизни, затрудняя ему удовлетвореніе его необходимыхъ потребностей*».

Но чтобы вполнѣ оцѣнить всѣ приведенныя фактическія данныя, мы должны еще бросить взглядъ на цифры, касающіяся трехъ упомянутыхъ категорій сельскихъ работниковъ.

По разсчету проф. Ленгерке число батраковъ или полевыхъ наемныхъ слугъ простирается до 903,181 (Прибавленія у Дитерици, т. V, р. 325). Это, стало быть, люди, дѣйствительно имѣющіе вышеприведеннаго средняго содержанія 80, 90, 100, 110 талеровъ и т. д., во всемъ государствѣ среднимъ числомъ—по 105 т. 2 зильбергроша 9 пфениговъ на семью изъ 5 лицъ; по словамъ проф. Ленгерке, они имѣютъ это содержаніе вполнѣ, но непрочно.

Двѣ другія категоріи, поселенцы и наемщики, не имѣютъ его, не имѣютъ даже этого средняго содержанія на семью изъ 5 лицъ 80, 90, 100, 110 т., смотря по среднему размѣру нищеты своего округа, или 105 т., по среднему размѣру нищеты всего государства. Пусть теперь проф. Ленгерке самъ скажетъ Вамъ, какъ громадно число людей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ классамъ.

Онъ считаетъ 1,467,440 поселенцевъ и 749,173 наемщика (Прибавл. у Дитерици, V, 325). Однихъ наемщиковъ со всѣми членами ихъ семействъ онъ насчитываетъ до 3,745,865 душъ. Предоставляю Вамъ самимъ сообразить, какъ громадно число душъ семействъ поселенцевъ; по Ленгерке, оно вдвое больше числа душъ въ классѣ наемщиковъ.

Замѣтьте притомъ,—какъ и оговариваетъ проф. Ленгерке (р. 324),—что тутъ считаются только работники, занятые въ сельско-хозяйственной промышленности, а не всѣ живущіе въ деревняхъ; тутъ не считаются занятые въ горныхъ промыслахъ, въ ремеслахъ, на фабрикахъ, хотя бы и жили въ деревняхъ.

Всѣ эти факты обнародованы самимъ министерствомъ, обнародованы, конечно, для того, чтобы ихъ узнали, чтобы привлечь къ нимъ свѣтъ и вниманіе общественнаго мнѣнія, чтобы тронуть ими сердца имущаго сословія, хотя наша пресса проходитъ мимо ихъ съ величайшей апатіей и величайшимъ равнодушіемъ.

Передъ этими вопіющими фактами, которые я былъ принужденъ развернуть передъ Вами, передъ великими вопросами, которые заключаются въ нихъ,—до какого ничтожества умаляется въ моихъ собственныхъ глазахъ, до какого ничтожества долженъ умалиться въ Вашихъ глазахъ жалкій вопросъ о томъ, гдѣ буду я штудировать въ теченіе 4 мѣсяцевъ, въ стѣнахъ ли моего кабинета, или въ стѣнахъ какой-нибудь тюрьмы!

Еслибы обнаруженіемъ этихъ фактовъ мнѣ удалось возбудить въ Васъ, господа, и вообще въ моихъ согражданахъ убѣжденіе, что въ такомъ положеніи дѣла не могутъ оставаться, что улучшеніе ихъ есть настоятельнѣйшая потребность нашего времени, о!—въ такомъ случаѣ я радовался бы этому процессу!

Но обратимся къ вопросу, который принудилъ насъ взяться за книгу проф. Ленгерке.

Сколько соли потребляетъ это народонаселеніе?

У проф. Ленгерке подробно обозначены въ 8 столбцахъ потребности насе-

ленія каждаго округа: квартира, отопленіе и освѣщеніе, пища, одежда, кормъ скота, ремонтъ рабочихъ инструментовъ, соль и подати. Лучше всего Вамъ справиться въ таблицѣ у Дитерици (V, p. 319), гдѣ цифры провѣрены и исправлены. Изъ этой таблицы Вы видите, что въ Кёнигсбергскомъ округѣ, гдѣ среднее содержаніе семейства—109 т. 29 зильбергр., потребность въ соли обходится въ 3 т. 14 зильб., въ Гумбинненскомъ, гдѣ среднее содержаніе — 85 т. 12 з., потребность въ соли стоитъ 3 т. 21 з., въ Данцигскомъ, гдѣ среднее содержаніе — 94 т. 18 з., соль обходится 3 т. 17 з. и т. д.; во всемъ государствѣ среднее содержаніе 105 т. 2 з. 9 пф. для сельско-рабочей семьи изъ 5 лицъ, а соль обходится среднимъ числомъ 2 т. 22 з. 2 пф., т. е. почти 3% дохода, идеальнаго дохода, которому дѣйствительный доходъ еще далеко не соотвѣтствуетъ!

Итакъ, здѣсь изъ 105 т. приходится расходовать на соль 2 т. 22 з. — какъ разсчитываетъ проф. Ленгерке, а ниже я докажу, что этотъ разсчетъ еще слишкомъ малъ; теперь спрашивается, насколько потребляетъ соли наше сословіе?

Полагая въ Вашихъ семьяхъ по 5 душъ, я имѣю основаніе утверждать, что Вы расходуете на соль по большей мѣрѣ, да, по большей мѣрѣ, по 1 т. 10 зильбергр. съ семьи. Спросите Вашихъ хозяекъ, господа, онѣ подтвердятъ мой разсчетъ.

Не удивляйтесь, что расходуете на соль сравнительно такъ мало. Извѣстно, что чѣмъ проще и менѣе питательна пища, тѣмъ больше надо прибавлять къ ней соли. Достаточно привести свидѣтельство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гофмана въ его посмертныхъ сочиненіяхъ (p. 499): «Она (поваренная соль) тѣмъ необходимѣе бѣднымъ, чѣмъ грубѣе и менѣе питательна ихъ пища.»

Стало быть, 98,269 семействъ, имѣющихъ во всей Пруссіи свыше 650 т. дохода, расходуютъ на соль по 1 т. 10 з. съ семейства, всего 131,355 т. Вотъ сколько вносятъ они государству изъ 1,190,583 т. его дохода съ производства соли и изъ 8,302,924 т., которые соляной налогъ доставляетъ бюджету. Весь остатокъ этихъ суммъ, т. е. около 9,360,000 т., вносится бѣдными классами.

И при такомъ положеніи дѣлъ на меня въ претензіи, что я стараюсь расположить общественное мнѣніе къ интересамъ низшихъ классовъ!

Изъ того, что я не могу успокоиться на пошлыхъ ходячихъ фразахъ, мнѣ приписываютъ мятежныя мысли, хотя впрочемъ и за мятежныя мысли нельзя наказывать, а только за мятежные поступки.

А знаете ли, почему я не могу успокоиться на пошлыхъ ходячихъ фразахъ?

Приговоръ говоритъ, что я причисляю самого себя къ рабочему сословію. Приговоръ, повидимому, не понялъ одной фразы моей лекціи, впрочемъ вполнѣ ясной. Я сказалъ, что мы всѣ работники въ томъ смыслѣ, что я причисляю къ работникамъ всякаго члена человѣческаго общества, въ томъ числѣ и Васъ самихъ,—если только онъ умѣетъ быть полезнымъ обществу. Причислять себя къ работникамъ въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ внѣшнемъ или

какомъ-нибудь особенномъ—я не имѣю никакой возможности. Положеніе мое самое буржуазное, потому что мои доходы даютъ мнѣ возможность вести жизнь, посвященную наукѣ, и приносить этой цѣли значительныя пожертвованія.

Что же побуждаетъ меня возставать противъ пошлыхъ фразъ и призывать вниманіе общественнаго мнѣнія на несправедливое и вопіющее положеніе низшихъ сословій?

Я иду своимъ путемъ одинокій, преслѣдуемый прокурорами, осуждаемый судами, ненавидимый современной либеральной прессой, которая—повѣрьте—смотритъ на меня еще съ большимъ внутреннимъ ужасомъ, чѣмъ всѣ прокуроры и суды!

Что же заставляетъ меня идти этой дорогой?

Объясню.

Потому нельзя мнѣ успокоиться на пошлыхъ ходячихъ фразахъ, что мои знанія глубже и шире, что мой кругозоръ обширнѣе. Да, я могу сказать это, и при настоящихъ обстоятельствахъ даже долженъ сказать!

Великія и могучія судороги, которыми Европа мучится уже цѣлыя десятилѣтія и которыя равно прискорбны для всѣхъ насъ, не могутъ имѣть ту цѣль, какую имъ приписываютъ временные предразсудки.

Не для того совершились величайшіе перевороты въ жизни народовъ, чтобы гг. фон-Унру и фон-Финке могли пикироваться съ королемъ и министрами и льстить себя пріятной фантазіей, что они тоже не послѣднія спицы въ колесницѣ, что они тоже люди съ вѣсомъ, тузы, hommes d'importance! Не для того пролилось столько крови, столько мукъ пережито, выдержаны такія страшныя судороги, чтобы крупная буржуазія,—сливки 44,407 зажиточныхъ лицъ,—могла, не довольствуясь своими дачами, операми, содержанками и прочими своими наслажденіями, доставить себѣ еще потѣху тщеславнаго самоуправленія, удовольствіе блистать передъ публикой въ парламентскихъ рѣчахъ! Нѣтъ, такой результатъ далеко не вознаградилъ бы общество за утраченное спокойствіе!

Выслушайте, что я вамъ скажу сейчасъ. Это будетъ послѣдній экстрактъ долгихъ и трудныхъ ученыхъ изслѣдованій; это будетъ въ одной фразѣ общій результатъ моихъ трудовъ въ самыхъ различныхъ отрасляхъ историческихъ наукъ.

Одно изъ двухъ: или давайте пить кипрское вино и лобзать красавицъ, т. е. предадимся животно-эгоистической жаждѣ наслажденій,—или, если хотимъ еще говорить о государствѣ и нравственности, то посвятимъ всѣ наши силы улучшенію мрачной участи безконечнаго большинства человѣческаго рода. Мы, имущіе, выдаемся изъ темной пучины его, какъ рѣдкія, разбросанныя сваи, поставленныя какъ-бы для того, чтобы показывать, до чего мрачна эта пучина, до чего глубока ея пропасть!

Не одного меня привели ученыя изслѣдованія къ этому конечному выводу.

Послушайте, какой отчаянный стонъ вырывается послѣ долгой борьбы съ

самимъ собою у блистательнѣйшаго изъ современныхъ представителей школы Рикардо, т. е. самаго глубокаго и научнаго направленія въ буржуазной экономіи, у Джона Стюарта Милля: «Еслибы масса человѣческаго племени, — говоритъ онъ, т. I, стр. 422,—навсегда должна была остаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, рабою труда, въ выгодахъ котораго не имѣетъ она никакого участія и къ которому она поэтому безучастна, — массою рабовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, невѣжественныхъ,—потому что нельзя учить тѣхъ, кого нельзя удовлетворительно прокормить,—эгоистичныхъ, не имѣющихъ ни побужденія, ни охоты быть гражданами и членами общества, волнуемыхъ ядовитымъ чувствомъ, что несправедливо лишены они того, чѣмъ пользуются другіе, — еслибы всегда должно было остаться такъ, то, мнѣ кажется, не слѣдовало бы человѣку, не лишенному разсудка, и думать о судьбахъ человѣческаго рода. Мудрость для каждаго состояла бы лишь въ томъ, чтобы съ эпикурейскимъ равнодушіемъ извлекать изъ жизни все личное наслажденіе для себя и любимыхъ имъ лицъ, сколько можно извлечь безъ обиды другимъ, а такъ-называемую цивилизованную жизнь съ ея безсмысленною суетою оставить безъ вниманія».

Не всегда-то онъ такъ разсуждалъ!

Было время, когда онъ яростно полемизировалъ противъ тѣхъ, кто говорилъ это, но дальнѣйшія изслѣдованія и размышленія привели его самого къ познанію этой истины.

А что говоритъ прусскій дѣйствительный тайный совѣтникъ? «Такимъ образомъ,—говоритъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ, р. 224 посмертныхъ сочиненій,—съ общаго одобренія всѣхъ благонамѣренныхъ и разумныхъ людей явилось средство уменьшить наемную плату ручнаго труда. Послѣдствіемъ его были ужасы развращенія; впрочемъ они развились вполнѣ только въ новѣйшее время и дошли при помощи ткацкихъ и прядильныхъ машинъ до такихъ размѣровъ, что теперь отъ нихъ гибнетъ большая часть нѣкоторыхъ особенно знаменитыхъ фабричныхъ мѣстностей. Остановить успѣхи этого зла могутъ только самыя энергическія правительства, и возвратъ къ лучшему возможенъ лишь очень медленный, постепенный. Великобританія, которая первая кинулась на этотъ гибельный путь, первая же начинаетъ теперь возвращаться съ него ограниченіемъ женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. Все, что до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ отношеніи, еще далеко не достаточно для прекращенія зла, однако въ законодательной и исполнительной власти уже начинаетъ обнаруживаться направленіе, которое должно имѣть своею конечною цѣлью освобожденіе промышленности отъ позорнаго упрека въ томъ, что она умѣетъ покупать богатство націи только цѣною развращенія большинства ея».

Что было бы, господа, скажи это я? Скажи я, что на современной промышленности тяготѣетъ позорный упрекъ въ покупкѣ богатства націи цѣною развращенія большинства ея? Какое разительное доказательство возбужденія къ ненависти и презрѣнію нашелъ бы въ этихъ словахъ прокуроръ!

Наши «фригендлеры» во что бы то ни стало, эти обезьяны манчестерцевъ, эти шуты, воображающіе себя экономистами, торчатъ толпами въ каждой складкѣ нашей журнальной прессы, поютъ обманутому народу Оссану на неисправимость и превосходство нашего экономическаго положенія, проклинаютъ, какъ злое начало, государство, отъ котораго и прусскій тайный совѣтникъ Гофманъ, и англійскій буржуазный экономистъ Милль ждутъ единственнаго возможнаго спасенія и улучшенія, тогда какъ эти барышники стараются не допустить никакой гуманной перемѣны въ нынѣшней выгодной для нихъ паскудной рутинѣ, стараются нагнать на здравый смыслъ общества смертельную летаргію и относительно самихъ себя уже успѣли въ этомъ. И въ виду этого неужели Вы запретите мнѣ создавать общественное мнѣніе для великой цѣли, которую, какъ Вы видите, единодушно признаютъ всѣ истинные ученые, несмотря на протесты алчныхъ лордовъ хлопка и ихъ дурацкихъ нѣмецкихъ поклонниковъ?

А другого средства дѣйствовать въ пользу этой цѣли у меня не было.

Въ началѣ этого столѣтія, во времена патріархальнаго абсолютизма, когда хотѣли предложить какія-нибудь необходимыя и спасительныя реформы въ государственной жизни, обращались къ королю и подавали ему памятную записку. Еслибы я жилъ въ то время, то, вѣроятно, избралъ бы этотъ путь.

Но нынѣ—какъ я докажу Вамъ, господа, разительнымъ примѣромъ—король и министры при всемъ желаніи не могутъ производить реформъ, если ихъ не поддерживаетъ достаточно сильное давленіе общественнаго мнѣнія. Что же мнѣ остается теперь, кромѣ того, чтобы привлечь къ занимающему меня вопросу вниманіе общества и вызвать это необходимое давленіе общественнаго мнѣнія?

Но прежде чѣмъ идти далѣе, мнѣ надо разъяснить Вамъ еще два пункта въ моей лекціи. Ибо не будетъ сказано, что я оставилъ недоказаннымъ хотя малѣйшую долю того, что прокуроръ оспаривалъ и подвергалъ сомнѣнію.

Въ лекціи и въ преніяхъ въ судѣ первой инстанціи я, къ величайшему изумленію прокурора, сказалъ, что помимо доходовъ съ коронныхъ имѣній, всѣ налоги, кромѣ классифицированнаго подоходнаго и класснаго, суть въ сущности косвенные налоги, хотя бюджетъ не причисляетъ ихъ къ нимъ и даже прямо ставитъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. промышленный и поземельный налоги, въ разрядъ прямыхъ. Это зависитъ отъ того, что въ своей классификаціи бюджетъ не слѣдуетъ и не можетъ слѣдовать научнымъ принципамъ, а соображается съ внѣшнимъ способомъ взиманія налоговъ. Въ научномъ смыслѣ и по истинѣ, прямые налоги—только тѣ, которые налагаются на имущество, т. е. на доходъ, тогда какъ косвенные налоги тѣ, которые ложатся на личность лишь посредствомъ какой-нибудь особенной потребности ея, такъ что къ нимъ принадлежатъ соляной, почтовый, лотерейный налоги и всѣ налоги, взимаемые прямо, но способные перекладываться, какъ напр. поземельный, словомъ, у насъ—всѣ налоги, какъ бы ни назывались, за исключеніемъ класснаго и подоходнаго.

Слушая эту теорію, прокуроръ выдѣлывалъ жесты удивленія.

Но послушайте, до чего она твердо установлена въ наукѣ.

Въ приложеніи къ № 304 офиціальной «Общей Прусской Государственной Газеты» за 1829 годъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ напечаталъ статью, впослѣдствіи перепечатанную въ его посмертныхъ сочиненіяхъ, p. 461. Она начинается такъ:

«Когда 20 лѣтъ тому назадъ спорили гораздо поверхностнѣе и случайнѣе, чѣмъ теперь, о выгодахъ и невыгодахъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, не чувствовалось еще потребности строго опредѣлить, какимъ именно налогамъ принадлежатъ эти названія. Хотя во Франціи обладаніе важными политическими правами зависитъ отъ платежа прямыхъ налоговъ извѣстнаго размѣра, однако и тамъ, повидимому, не было спора о томъ, какіе налоги считать прямыми. Особенно патентный сборъ, какъ у насъ соотвѣтствующій ему промышленный налогъ, считался всѣми прямымъ налогомъ, и только недавно нѣкоторые писатели начали отрицать это. У насъ, конечно, нѣтъ никакого повода возбуждать подобный споръ (потому—разумѣетъ Гофманъ—что тогда въ Пруссіи съ прямыми налогами еще не соединялось никакихъ политическихъ правъ); тѣмъ неменѣе нелишне будетъ напомнить понятія, на которыхъ основано общее раздѣленіе всѣхъ налоговъ на прямые и косвенные».

Видите, что говоритъ дѣйствительный тайный! Онъ говоритъ, что еслибы съ налогами были соединены политическія права, то это дало бы дѣйствительный поводъ разобрать понятіе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Вотъ уже 14 лѣтъ, какъ этотъ поводъ существуетъ. Я слѣдую совѣту дѣйствительнаго тайнаго. Я разбираю понятіе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и ихъ взаимное отношеніе — и прокуроръ съ судьями усматриваютъ въ этомъ возбужденіе къ ненависти и презрѣнію!

Но далѣе. Гофманъ объясняетъ, что классификація бюджета потому не представляетъ и не можетъ представлять научной строгости, что бюджетъ не можетъ рѣшать, насколько налогоплательщикъ самъ несетъ налогъ или перекладываетъ его на другихъ, а самъ, стало быть, только ссужаетъ.

Затѣмъ онъ ставитъ слѣдующее коренное различіе между прямыми и косвенными налогами: «Налогъ берется или съ того, что есть, или съ того, что дѣлается». Первые—прямые налоги, вторые — косвенные. Имущество есть нѣчто существующее; оно есть. Дѣйствіе есть то, что дѣлается.

Я могъ бы привести Вамъ еще множество авторовъ, которые подобнымъ же образомъ стараются опредѣлить истинное различіе между прямыми и косвенными налогами. Разбирая ихъ, Вы увидите, что всѣ они приходятъ къ той же мысли, которую мы видѣли у Гофмана и которую я, по моему мнѣнію, опредѣляю яснѣе и понятнѣе, называя косвенными всѣ тѣ налоги, которые падаютъ на личность не въ силу ея имущества, а вслѣдствіе какой, нибудь особенной потребности ея, имѣющей отношеніе къ налогу; притомъ не обращается вниманіе на то, въ какой формѣ налагается налогъ государствомъ и кто ссужаетъ его ему.

Впрочемъ не стоитъ препираться о томъ, какое опредѣленіе всего правиль-

нѣе теоретически; въ моей лекціи я вовсе и не разсуждалъ объ опредѣленіи, потому что это не шло къ дѣлу, а просто положилъ его въ основаніе выведенныхъ въ ней результатовъ. Что же касается до самыхъ этихъ практическихъ результатовъ, что касается того, что къ косвеннымъ налогамъ принадлежатъ всѣ падающіе на личность вслѣдствіе ея особенной потребности, какъ бы ихъ ни называлъ бюджетъ — косвенными ли налогами, или монополіями, или доходами съ разныхъ отраслей общественной службы — въ этомъ нимало не сомнѣваются ученые даже тѣхъ націй, которыя не ломаютъ головъ надъ опредѣленіями, подобно намъ, нѣмцамъ.

Вотъ напр. большое сочиненіе Instituts du Droit administratif français барона де-Жерандо, члена французскаго института. Онъ начинаетъ II главу косвенныхъ налоговъ (T. IV, p. 100) словами § 1045: «Подъ косвенными налогами разумѣютъ многоразличныя пошлины». Потомъ онъ объясняетъ понятіе косвенныхъ налоговъ примѣрами, что французскому уму гораздо понятнѣе нѣмецкихъ опредѣленій. «Нѣкоторые взимаются прямо съ извѣстныхъ предметовъ непосредственнаго потребленія; таковы пошлины на напитки, на соль, на игральныя карты». § 1046: «Нѣкоторые, установленные на предметахъ потребленія, связаны съ государственнымъ монополемъ, какъ напр. пошлины на табакъ, на порохъ». § 1048: «Иные наложены на перевозку, какъ сборъ съ судовъ, паромовъ и лодокъ, письменный штемпель, почтовый сборъ». § 1050: «Иные взимаются по причинѣ и по случаю извѣстныхъ актовъ, причемъ сопровождаются извѣстными гарантіями для нихъ; таковы судебныя пошлины, нотаріальныя, гербовая бумага, пробирный сборъ».

Итакъ, Вы видите, прокуроръ напрасно удивлялся, что я причислилъ штемпельный сборъ къ косвеннымъ налогамъ; кромѣ него, никто не сомнѣвается въ этомъ.

По этому случаю прокуроръ воскликнулъ: «Равнымъ образомъ бѣдному рѣдко приходится платить за штемпеля, именно цѣнные, и такимъ образомъ онъ не участвуетъ въ этомъ — косвенномъ! — налогѣ».

Зная сердечную доброту прокурора, я удивляюсь, какъ не понимаетъ онъ, что мелкому ремесленнику или землевладѣльцу также тяжело и даже гораздо тяжелѣе заплатить гербовую пошлину при займѣ 200 талеровъ, чѣмъ фабриканту или крупному землевладѣльцу гораздо высшую пошлину при крупномъ займѣ.

Но не въ томъ дѣло! Дѣло въ томъ, что прокуроръ, и тутъ увлекаемый очевидно своей сердечной добротой, не видитъ, что большая гербовая пошлина, взносимая богатымъ, только ссужается имъ, а въ дѣйствительности уплачивается въ концѣ концовъ потребителями, т. е. бѣдными же. Да, разумѣется! Еслибы займы предпринимались съ расточительными цѣлями, то нотаріальныя и вексельныя пошлины точно уплачивались бы изъ имущества занимающихъ. Но мы живемъ въ очень экономномъ обществѣ, и только самая ничтожная часть ежегодно заключаемыхъ займовъ тратится расточительно.

Зато при займахъ, заключаемыхъ помѣщикомъ для сельско-хозяйственныхъ заведеній и улучшеній, фабрикантомъ и купцомъ для веденія своихъ

дѣлъ, всѣ гербовые расходы по векселямъ, заемнымъ письмамъ и закладнымъ, какъ и проценты съ займовъ, причисляются къ необходимымъ расходамъ на производство, возвышаютъ его цѣнность и въ концѣ концовъ уплачиваются въ цѣнѣ продуктовъ потребителямъ, т. е. бѣднымъ.

Чтобы показать Вамъ, къ какимъ сложнымъ вреднымъ послѣдствіямъ, къ какимъ источникамъ обѣднѣнія, какихъ на первый взглядъ и не воображаешь, часто ведутъ гербовыя и судебныя пошлины,—я позволю себѣ привести одинъ отрывокъ изъ вышецитированнаго правительственнаго изданія профессора Ленгерке.

Вотъ что онъ говоритъ о поселенцахъ Рагнитскаго округа (р. 79): «Огромнымъ, часто непреодолимымъ бременемъ служатъ для этихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ выдѣлы. Они препятствуютъ улучшенію крестьянскаго хозяйства и ведутъ къ частымъ тяжбамъ и обѣднѣнію. Дѣлать выдѣлы побуждаетъ страхъ вмѣшательства судовъ въ распоряженія о наслѣдствѣ, такъ какъ это вмѣшательство влечетъ за собой огромные расходы. Собственники этихъ участковъ, опасаясь скорой смерти, особенно если и мужъ и жена подвержены продолжительной болѣзни, часто еще въ не старыхъ лѣтахъ уступаютъ свой участокъ сыну, но чаще постороннему, съ условіемъ жениться на ихъ дочери. Пишется купчая, и родителямъ выговаривается въ стариковскій выдѣлъ множество разныхъ довольствій. Иногда на одномъ участкѣ лежитъ 3 — 4 такихъ выдѣла. Но самое худшее еще то, что молодая чета, обыкновенно не старше 16, 20, 22 лѣтъ, по молодости и неопытности, не имѣетъ довольно энергіи и ума для пріобрѣтенія. Было бы очень желательно, чтобы подобные выдѣлы, деньгами ли или натурой, впредь не дозволялись, но въ такомъ случаѣ необходимо отмѣнить пошлины съ наслѣдствъ».

На стр. 83 о Гумбинненскомъ округѣ: «Большое зло составляетъ бремя такъ-называемыхъ выдѣловъ, тяготѣющее на участкахъ поселенцевъ,» и пр.

Изъ всего сказаннаго мною о косвенныхъ налогахъ по здравому смыслу только одно можетъ подвергнуться возраженію. Но по крайнему незнакомству своему съ экономической наукой прокуроръ именно это-то и упустилъ изъ виду.

Тѣмъ неменѣе я вкратцѣ оговорю это обстоятельство, потому что Вы, конечно, лучше знакомы съ этой наукой, чѣмъ прокуроръ, и можете сами сдѣлать мнѣ это возраженіе.

Оно состоитъ въ томъ, что я причисляю къ косвеннымъ налогамъ и поземельную подать. Въ наукѣ долго господствовало убѣжденіе, что поземельная подать есть налогъ на чистый доходъ землевладѣльца, т. е. что это налогъ на поземельную ренту.

Этого мнѣнія держались всѣ до Рикардо.

Но великій англичанинъ Рикардо доказалъ, что поземельный налогъ дѣйствовалъ бы такъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы совершенно не касался земель самаго низшаго качества, какія только разработываются у націи; напротивъ того, налогъ, распространяющійся и на эти земли — какъ у насъ и

вездѣ—какъ бы низокъ ни былъ и хотя бы пропорціонально возрасталъ на земли лучшаго качества, всегда дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать какъ налогъ на производство хлѣба, т. е. перекладываться платящимъ его землевладѣльцемъ на цѣну хлѣба.

Щадя Ваше время, не стану развивать причинъ этого, которыя необходимо коренятся въ самой сущности всей теоріи поземельной ренты Рикардо. Приведу только слова самого Рикардо (по большому французскому изданію экономистовъ, Т. XIII, р. 148). Сказавъ (гл. XII о поземельной рентѣ), что поземельный налогъ, не касающійся обработываемыхъ земель низшаго качества, дѣйствовалъ бы какъ налогъ на поземельную ренту, Рикардо продолжаетъ такъ: «Но если поземельный налогъ распространяется на всѣ воздѣлываемыя земли, то, какъ бы ни былъ низокъ, обращается въ налогъ на производство и потому возвышаетъ цѣну произведеній почвы».

Потомъ онъ беретъ именно тотъ случай, который господствуетъ у насъ, т. е. что поземельный налогъ распространяется на всѣ обработываемыя земли, но пропорціонально ихъ доходу. «Такой налогъ, говоритъ онъ, можетъ быть распредѣленъ пропорціонально качеству земель и ихъ производительности, и въ такомъ случаѣ, ничѣмъ не отличается отъ десятины!»

Стало быть, прежнее мнѣніе, котораго прокуроръ, правда, не привелъ противъ меня, но могъ бы привести, опровергнуто Рикардо и отвергнуто, какъ ложное, а Вамъ извѣстно, что школа Рикардо теперь господствуетъ въ наукѣ, какъ въ Англіи, такъ и всюду.

Но чтобы доказать, что и нѣмецкая наука принимаетъ ученіе Рикардо, я вкратцѣ приведу Вамъ сужденіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гофмана изъ его «Ученія о Налогахъ», р. 137: «Возвышеніе поземельнаго налога вызываетъ возвышеніе рыночныхъ цѣнъ и такимъ образомъ постигаетъ все народонаселеніе.»

Перехожу къ послѣднему пункту моего изложенія теоріи косвенныхъ налоговъ, котораго мнѣ надо коснуться. На стр. 17 моей лекціи я сказалъ: «Правда, не буржуазія изобрѣла косвенные налоги; они существовали до нея. Но буржуазія развила ихъ въ неслыханную систему и взвалила на нихъ почти всѣ государственные расходы.»

Прокуроръ усмотрѣлъ нѣчто въ высшей степени неблагонамѣренное въ этомъ отзывѣ, что буржуазія, хотя не изобрѣла косвенные налоги, но развила ихъ въ неслыханную систему. Онъ дважды съ большимъ чувствомъ вспоминалъ объ этомъ отзывѣ.

Но я не могу ни на іоту отступиться отъ этой исторической истины, какъ не могъ и отъ прежнихъ. Напротивъ!

Еслибы я не хотѣлъ соблюдать строжайшей фактической точности, я выразился бы съ полнѣйшей внутренней правдой, что буржуазія создала систему косвенныхъ налоговъ! Правда, еще у римлянъ и у другихъ древнихъ народовъ существовали vectigalia. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, при Каролингахъ, существовали, хотя лишь временно, нѣкоторые виды пошлинъ, какъ доказываютъ капитуляріи.

Но все это и тому подобное было совсѣмъ не то, что нынѣшняя система косвенныхъ налоговъ, и не то имѣло значеніе. Тѣмъ неменѣе я такъ щепетильно соблюлъ историческую вѣрность, что сказалъ, что буржуазія не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, а только развила ихъ въ неслыханную систему.

До чего это рѣшительно неоспоримо, доказываютъ вышеприведенныя слова буржуазнаго экономиста Сэ, что въ новѣйшее время косвеннымъ налогамъ дали une extension scandaleuse, скандальное распространеніе. Впрочемъ это лишь сужденіе, а вѣдь и Сэ, хотя буржуазный экономистъ, могъ судить ложно. Стало быть, посмотримъ факты.

Не безпокойтесь, чтобы я вдался подробно въ эту длинную и мозаичную матерію, которая задержала бы насъ еще на нѣсколько часовъ. За-глаза достаточно нѣсколькихъ замѣчаній и фактовъ.

Извѣстно, что въ началѣ среднихъ вѣковъ короли не взимали налоговъ, а покрывали государственные расходы изъ доходовъ своихъ частныхъ владѣній, такъ-называемыхъ доменовъ, которые предоставлялись имъ для этой цѣли. Иногда чрезвычайные расходы требовали чрезвычайныхъ вспомогательныхъ сборовъ, называвшихся adjutoria, по-французски—aides, у насъ Beden (отъ beden, bitten, просить или, по Юстусу Мёзеру, отъ Baete, Bat—помощь).

Эти aides или вспоможенія состояли очень рѣдко, и то лишь въ позднѣйшее время, въ очень незначительныхъ акцизахъ или потребительныхъ пошлинахъ, которыя требовались притомъ на короткое время.

Гораздо чаще состояли они въ окладахъ, т. е. прямыхъ налогахъ, которые были отчасти подушными, а отчасти — и это всего чаще — очень значительными прямыми подоходными налогами.

Такова въ общихъ чертахъ средневѣковая система налоговъ.

Я приведу нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе сказаннаго и въ доказательство разницы между духомъ пошлинныхъ мѣропріятій среднихъ вѣковъ и нынѣшнихъ.

Взглянемъ сперва на Англію.

Первый налогъ, съ виду похожій на косвенный, былъ установленъ при Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ. «Довольно замѣчательно, говоритъ сэръ Джонъ Синклеръ въ своей History of the Public Revenue of the British Empire, T. I, p. 96—что царствованію этого монарха суждено было представить примѣръ полученія дохода посредствомъ привилегій, которыя въ новѣйшія времена сдѣлались такимъ преобладающимъ средствомъ полученія дохода». Вы знаете, господа, что привилегіи принадлежатъ къ косвеннымъ налогамъ, о современномъ преобладаніи которыхъ баронетъ Синклеръ, какъ Вы видите, того же мнѣнія, что и буржуазный экономистъ Сэ. Но въ чемъ состоялъ этотъ косвенный налогъ при Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ? Онъ относился къ турнирамъ!

«Ричардъ постановилъ,—продолжаетъ сэръ Джонъ Синклеръ,—чтобы всякій желающій принять участіе въ этихъ упражненіяхъ покупалъ разрѣшеніе по слѣдующей таксѣ: съ графа—20 серебряныхъ марокъ, съ барона—10 марокъ, съ рыцаря, владѣющаго землей,—4 марки, съ безземельнаго рыцаря —

2 марки. Лица не рыцарскаго званія не имѣли права вступать въ состязаніе».

Вы видите, стало быть, что эта привилегія, хотя по формѣ была привилегіей, слѣдовательно, налогомъ косвеннымъ, по духу была совсѣмъ иное, даже какъ разъ противоположное тому, что нынѣ разумѣется подъ косвенными налогами. Это былъ прямой подоходный налогъ въ формѣ косвеннаго налога. Вмѣсто того, чтобы ложиться на потребленіе и потребности, онъ былъ классифицированный по званію и состоянію налогъ на удовольствія высшихъ классовъ.

Первая субсидія была введена при Ричардѣ II, въ 1379 году.

«Налогъ, — говоритъ сэръ Джонъ Синклеръ р. 128, — извѣстный подъ именемъ субсидіи, былъ впервые установленъ во второй годъ этого царствованія. Цѣлью этого налога было пощадить бѣдныхъ и возложить главное бремя на богатыхъ. Онъ взимался отчасти подушною, отчасти налогомъ на доходъ. Герцоги Ланкастерскій и Бретаньскій платили по 10 марокъ каждый; каждый графъ по 4 фунта; каждый баронъ по 40 шиллинговъ и т. д. Но масса народа, купцы, ремесленники и крестьяне, были обложены большими или меньшими суммами, сообразно величинѣ имущества каждаго».

Таковъ былъ духъ податной системы среднихъ вѣковъ!

Обратимся теперь къ Франціи. Въ 1147 Людовикъ Младшій установляетъ налогъ на имущества въ размѣрѣ $^1/_{20}$ имущества каждаго подданнаго, т. е. 5-ти-процентный сборъ съ капитала. Филиппъ Красивый въ первый разъ призываетъ третье сословіе на общее собраніе чиновъ, и въ 1302 г. оно даетъ ему подоходный налогъ въ 20 процентовъ со всѣхъ доходовъ.

Что сказали бы теперь имущіе классы, еслибы у нихъ попросили подоходный налогъ въ 20 процентовъ съ ихъ дохода?

При Іоаннѣ Добромъ въ 1350 г. чины утверждаютъ 4-хъ процентный налогъ съ дохода распространяющійся на всѣхъ, отъ принца крови до поденщика.

Поземельный налогъ, taille, дѣлается постояннымъ только при Карлѣ VII; нѣкоторые другіе налоги обратились въ постоянные еще съ половины XIV вѣка при Филиппѣ VI Валуа.

При Іоаннѣ Добромъ въ половинѣ XIV вѣка сдѣлали робкую попытку взимать пошлину 8 deniers съ ливра со всѣхъ съѣстныхъ и прочихъ товаровъ.

Но эти налоги приходились тогдашней эпохѣ не по вкусу. Въ 1484 г. Карлъ VIII замѣнилъ этотъ налогъ на съѣстные припасы добавкой къ taille, которая—надо оговорить—при тогдашнихъ условіяхъ производства была далеко не то, что нашъ нынѣшній поземельный налогъ.

Относительно Германіи я для краткости сошлюсь на превосходную книгу Ланга «Историческое развитіе нѣмецкихъ податныхъ учрежденій», Берлинъ, 1793. Приведу изъ нея только небольшой отрывокъ, который покажетъ Вамъ, когда и какъ возникли наши потребительныя пошлины и какъ распространились. Лангъ говоритъ объ эпохѣ вестфальскаго мира, р. 234: «Такимъ образомъ была введена потребительная пошлина, акцизъ, лиценція, прибавочный

налогъ, окладъ; всѣ эти слова употреблялись тогда безразлично, какъ однозначащія. Слово акцизъ было извѣстно еще въ XIV вѣкѣ, но подъ нимъ разумѣли скорѣе временную добавочную пошлину, чѣмъ постоянный государственный налогъ. То же значеніе имѣла пошлина, наложенная въ Австріи въ 1556 г. на вино, муку, рыбу и тому подобное, для войны противъ турокъ.

«Обыкновенно полагаютъ, что нынѣшнія потребительныя пошлины происходятъ изъ Соединенныхъ Нидерландовъ, которые первые учредили такъ-называемую лиценцію, пошлину съ товаровъ, которую взимали за разрѣшеніе (licentia) подвозить извѣстные товары своимъ непріятелямъ, испанцамъ.

«Говорятъ, что имперскій городъ Кёльнъ изъ возмездія ввелъ тоже у себя.

«Первый слѣдъ лиценціи въ Брауншвейгѣ находится, говорятъ, въ сеймовомъ постановленіи 3 ноября 1620 г. Однако въ 1639 г. попытка всеобщаго введенія лиценцій не удалась. Впрочемъ впослѣдствіи затрудненія были устранены» и т. д. «Первое формальное установленіе общаго потребительнаго акциза въ Курфиршествѣ Саксонскомъ относится къ 1707 г.». «Подобно лиценціямъ, гербовая бумага есть также изобрѣтеніе голландцевъ, которые пользовались ею, какъ налогомъ, impost van de bezegelde brieven. Въ 1682 г. штемпельная пошлина была введена нетолько въ Бранденбургѣ, но и въ Курфиршествѣ Саксонскомъ, гдѣ распространена, кромѣ бумаги, на башмаки, сапоги, туфли, парики».

Такъ говоритъ Лангъ. Вы видите, господа, какъ недавня эта система косвенныхъ налоговъ, какъ незначительны и робки были ея первые шаги. Вы видите, что она начала потихоньку развиваться и все болѣе и болѣе распространяться какъ разъ въ то время, когда начала впервые развиваться европейская буржуазія, какъ я показалъ въ моей подсудимой брошюрѣ. Такъ, шагъ за шагомъ, она достигла наконецъ могущества и господства. Вы видите, какъ строго научно и неприкосновенно мое положеніе, что буржуазія не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, но развила ихъ въ неслыханную систему.

Въ моей лекціи я вкратцѣ, но во всей глубинѣ ея, показалъ внутреннюю необходимую причину этого совпаденія. Капиталъ, дѣлаясь постепенно господствующею силою, долженъ стараться обезпечить себѣ привилегію податной льготности, которую всѣ господствующія сословія стараются придать коренному началу своего господства.

Нѣтъ никакой необходимости, чтобы въ головахъ капиталистовъ существовало ясное сознаніе этой связи; напротивъ того, это сознаніе встрѣчается рѣдко. Тѣмъ неменѣе эта связь служитъ вызывающею, поощряющею причиною этого явленія. Въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго, а тѣмъ болѣе не можетъ быть случайнымъ такое поразительное совпаденіе въ развитіи столь великихъ, правящихъ міромъ фактовъ.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ англійскихъ экономистовъ, сэръ Джемсъ Стюартъ, писавшій еще за 10 лѣтъ до Адама Смита, въ 1760 г., ясно понималъ эту связь между системой налоговъ и политическимъ владычествомъ. «Мнѣ кажется — говоритъ баронетъ въ своемъ въ высшей степени почтенномъ сочиненіи, An inquiry into the principles of political economy, t. II, p. 119, —

что я замѣтилъ замѣчательную разницу въ воззрѣніяхъ на налого-взиманіе въ странахъ, гдѣ установлены эти двѣ различныя формы правленія (самодержавная и конституціонная). Въ чистой (абсолютной) монархіи государь, повидимому, ревниво заботится о возростаніи богатства и потому налагаетъ подати на людей обогащающихся. Подъ ограниченною властью подати разсчитаны такъ, чтобы падали на бѣднѣющихъ».

Мы называемъ философіей, наукой, тотъ умственный трудъ, который раскрываетъ намъ невидимыя нити, внутренно связующія между собой всемірно-историческіе факты, а не тотъ, который нагромождаетъ матеріалъ и блистаетъ библіографической начитанностью; въ моей подсудимой брошюрѣ дано какъ можно меньше внѣшняго матеріала. Она занимается именно раскрытіемъ этой внутренней связи, молча храня демонстративный матеріалъ на своемъ днѣ. Тѣмъ глубже ея научность, потому что масса положительнаго матеріала, умственный экстрактъ котораго она представляетъ, находится не въ ней, а подъ ней, на неизмѣримой глубинѣ, «въ багряномъ сумракѣ».

И прокуроръ имѣлъ безпримѣрную храбрость выставлять эту лекцію сплетеніемъ лжи и софизмовъ! Это принудило меня ради Васъ и ради себя высыпать передъ Вами хотя часть—впрочемъ самую ничтожную—того матеріала, на которомъ она основана. Если это отняло у Васъ, несмотря на мое стараніе ограничить себя, слишкомъ много времени, то обвиняйте не меня, а прокурора. Моя цѣль достигнута: Вы убѣдились, что каждое слово мое облечено двойной броней истины и науки!

Слѣдовательно, довольно научныхъ цитатъ.

Однако, господа, я долженъ привести Вамъ еще одинъ авторитетъ, который скажетъ Вамъ о косвенныхъ налогахъ все тоже, что говорю я; но это будетъ не научный авторитетъ.

Какой же авторитетъ приведу я Вамъ въ свое подкрѣпленіе въ заключеніе моего разбора косвенныхъ налоговъ?

Авторитетъ—короля! Авторитетъ—правительства! Авторитетъ министерства Мантейфеля, извѣстнаго далеко не за революціонное!

Въ 1849 г. сентября 21 государственный министръ представилъ палатамъ высочайшее королевское предложеніе проэкта закона о введеніи подоходнаго и класснаго налога; какъ Вы сейчасъ узнаете, этотъ проэктъ былъ не принятъ.

Въ немъ предлагалось съ одной стороны отмѣнить пошлины съ муки и мяса, а съ другой—ввести классный и 3-хъ процентный подоходный налоги. Въ разъясненіи соображеній, вызвавшихъ этотъ проэктъ, государственное министерство говоритъ буквально тоже самое, что говорилъ я сегодня и въ моей лекціи. Вы можете найти этотъ проэктъ подъ №№ 171 и 172 оффиціальныхъ печатныхъ актовъ 2 палаты за 1849 годъ, т. II. Я позволю себѣ только прочесть изъ него нѣкоторыя выдержки.

Во введеніи государственное министерство объясняетъ, что проэктъ закона не имѣетъ въ виду увеличенія государственныхъ доходовъ, а исходитъ изъ той «едвали требующей дальнѣйшаго оправданія» мысли, что необхо-

димо болѣе справедливое распредѣленіе податнаго бремени. «Современныя соціальныя условія—говоритъ министерство—требуютъ поправки въ томъ отношеніи, что надо освободить, т. е. собственно облегчить, бѣднѣйшіе классы народа отъ тѣхъ государственныхъ податей, которыя непропорціонально обременяютъ ихъ своимъ размѣромъ и способомъ своей раскладки; возникающій такимъ образомъ недочетъ въ государственныхъ доходахъ долженъ быть покрытъ насчетъ тѣхъ, которые до сихъ поръ участвовали въ распредѣленіи государственныхъ повинностей недостаточно соотвѣтственно пользѣ, доставляемой имъ государственными учрежденіями, и своей податной способности. Надо дать всей финансовой системѣ основаніе, способное возбуждать въ народѣ довѣріе къ справедливости и безпристрастію распредѣленія налоговъ.»

Потомъ правительство напоминаетъ, что еще въ 1847 г. предлагало соединенному ландтагу, для отмѣны другихъ налоговъ, подоходный трехъ или двухъпроцентный налогъ, но безуспѣшно.

Правительство оговариваетъ, что желаетъ дѣйствовать какъ можно умѣреннѣе и осторожнѣе, что потому оно не имѣетъ въ виду прибѣгнуть къ прямому подоходному налогу, «какъ къ безотлагательному и неограниченному средству пополнить всѣ недочеты въ государственныхъ доходахъ, которые возникли бы отъ отмѣны другихъ податей». Оно утверждаетъ, что рѣшается коснуться основъ настоящей податной системы лишь настолько, насколько это «безусловно необходимо», и потому не имѣетъ въ виду требовать «отмѣны цѣлаго ряда существующихъ налоговъ на сумму дохода около 30 милліоновъ и замѣны ихъ общимъ подоходнымъ налогомъ.»

Оно предлагаетъ отмѣнить пока только мучную и мясную пошлины и замѣнить ихъ прямымъ подоходнымъ налогомъ.

«Въ такомъ ограниченіи этотъ проэктъ закона, быть можетъ, не удовлетворитъ ожиданій тѣхъ, кто видитъ спасеніе въ этой области государственной жизни только въ радикальномъ преобразованіи всей нынѣшней финансовой системы. Во всякомъ случаѣ ему не откажутъ по крайней мѣрѣ въ признаніи, что онъ представляетъ все-таки шагъ впередъ въ податной системѣ, а именно, клонится къ болѣе справедливому, чѣмъ нынѣшнее, распредѣленію государственныхъ повинностей, принимая въ соображеніе общественныя отношенія; онъ заявляетъ новый принципъ, по которому будутъ впредь располагаться политическія права гражданъ, въ отношеніи государства и общины, справедливѣе и сообразнѣе съ выгодами всего общества.»

Можно надѣяться, что постепенное распространеніе прямыхъ налоговъ дастъ возможность «убавить и отмѣнить еще нѣсколько податей изъ числа тѣхъ, которыя мало соотвѣтствуютъ желанію болѣе равномѣрнаго, справедливаго распредѣленія общественныхъ повинностей и возможнаго облегченія бѣднѣйшихъ классовъ народа.»

Далѣе правительство объясняетъ, почему прежде всего надо замѣнить прямымъ налогомъ мучную и мясную пошлины. Прошу Васъ обратить вниманіе на слѣдующія положенія его.

«Важнѣе всего тутъ то,—говоритъ королевское предложеніе, р. 8,—что

мучная и мясная пошлины въ своемъ настоящемъ видѣ, особенно первая, чрезмѣрно обременяютъ простой народъ въ сравненіи съ зажиточнымъ классомъ.» Слышите, господа,—чрезмѣрно обременяютъ! Королевскій проэктъ говоритъ совершенно тоже, что я. «На это обстоятельство было обращено особенное вниманіе и въ предложеніи 1847 года. Для примѣра укажемъ, до чего доходитъ это чрезмѣрное обремененіе бѣднаго народа въ Берлинѣ.» Чрезмѣрное обремененіе бѣднаго народа, господа!—Король говоритъ слово въ слово тоже, что я!

Правительство показываетъ, что рабочая семья, состоящая изъ мужа, жены и трехъ дѣтей, потребляетъ въ Берлинѣ среднимъ числомъ 1100 фунтовъ или 10 центнеровъ ржи въ годъ, причемъ мучная пошлина съ этого количества простирается до 2 талеровъ 15 зильберграшей.

«Изъ мяса бѣдное населеніе потребляетъ въ Берлинѣ преимущественно свинину. Если положить на рабочую семью только 6 фунтовъ въ недѣлю, что конечно немного, если только семья эта не совсѣмъ обнищавшая, то получимъ въ годъ 312 ф.; съ этого количества:

мясной пошлины приходится	4 тал. 7 зильбергр.
причисляя мучной пошлины.	2 » 15 »
получимъ всего подати съ семьи.	6 тал. 22 зильбергр.
Между тѣмъ классной подати (со включеніемъ 50% общественнаго сбора) съ этой семьи приходилось бы по большей мѣрѣ.	1 тал. 15 з.
Слѣдовательно, ей приходилось бы платить. . . .	5-ю тал. 7 з.

меньше теперешняго. Но въ дѣйствительности условія гораздо суровѣе—суровѣе, господа! — гораздо тяжелѣе — тяжелѣе, господа! — если принять въ соображеніе, что зажиточный человѣкъ участвуетъ въ этой повинности не въ большемъ размѣрѣ, сообразно своему благосостоянію, а напротивъ того въ дѣйствительности можетъ участвовать въ ней гораздо меньше бѣднаго».

Вотъ что говоритъ король: что богатый несетъ этихъ повинностей гораздо меньше, чѣмъ бѣдный!—Слово въ слово тоже, что говорю я!

«Если на это возразятъ, — продолжаетъ проэктъ, — что косвенные налоги уплачиваются незамѣтнымъ образомъ мелкими взносами, то все-таки остается фактъ, что нынѣшняя податная система отнимаетъ у бѣдняка часть его дохода, пріобрѣтаемаго съ такимъ трудомъ, тогда какъ при болѣе справедливомъ распредѣленіи государственныхъ повинностей онъ могъ бы употребить эту часть на улучшеніе своего экономическаго положенія. Приэтомъ онъ вовсе не получаетъ, какъ напрасно также возражаютъ, достаточнаго вознагражденія въ томъ, что цѣна труда и пр. до нѣкоторой степени сообразуется съ цѣнами необходимѣйшихъ потребностей жизни».

Такимъ образомъ королевское правительство признаетъ положительно ложнымъ, отвергаетъ, и тотъ доводъ прокурора, будто рабочіе классы вознаграждаются рабочей платой за дороговизну, вызываемую косвенными налогами. «Это

вовсе не такъ», говоритъ правительство. Не удивляйтесь, господа, что правительство до такой степени расходится съ прокуроромъ и утверждаетъ за вѣрное то, что прокуроръ считаетъ софизмами и выдумками. Дѣло въ томъ, что, разсуждая о такихъ предметахъ, правительство совѣтуется не съ такими знатоками, какъ прокуроръ.

Далѣе правительство говоритъ (р. 11): «Положеніе, вызываемое этими налогами, долѣе не совмѣстно съ принципами правильнаго государственнаго хозяйства и справедливаго податнаго законодательства; оно требовало бы пріисканія какого-нибудь средства замѣнить эти налоги, еслибы даже другія причины не требовали обширныхъ преобразованій въ системѣ налоговъ».

Касательно промышленной пошлины, которую бюджетъ считаетъ прямымъ налогомъ, проэктъ говоритъ (р. 12), что «она далеко не соотвѣтствуетъ намѣренію закона и имѣетъ всѣ послѣдствія косвеннаго налога, потому что всѣ промышленники, мало-мальски обезпеченные, могутъ возвращать себѣ налогъ, уплаченный въ размѣрѣ своего промысла, посредствомъ возвышенія цѣны своего товара, съ покупателей или съ работниковъ, такъ что сами совершенно освобождаются отъ платежа налога».

Далѣе (р. 13) правительство находитъ, что «послѣдствія поземельнаго налога совершенно таковы же, какъ эти только-что описанныя послѣдствія промышленнаго налога». Равнымъ образомъ правительству очень хорошо извѣстно, что низшіе классы по своему численному превосходству платятъ и прямыми налогами гораздо больше зажиточныхъ классовъ — а прокуроръ не допускалъ этого даже относительно косвенныхъ! Проэктъ доказываетъ это тѣмъ (р. 14), что изъ 4,891,777 налого-плательщиковъ, бывшихъ въ то время въ Пруссіи, къ двумъ первымъ классамъ тогдашней классной подати принадлежало только 86,632 налого-плательщика, плативщихъ налога 1,661,509 тал., а къ двумъ низшимъ классамъ—4,805,145 налого-плательщиковъ, плативщихъ 6,118,781 тал.

Разумѣется правительству очень хорошо извѣстно, что въ платежѣ косвенныхъ налоговъ эта непропорціональность еще несравненно рѣзче. Правительство продолжаетъ такъ: «Но именно поэтому-то и необходимо еще болѣе развить систему прямыхъ налоговъ, которые распространялись бы и на низшіе классы городскаго и сельскаго населенія; этого настоятельно требуетъ ближайшій интересъ этихъ самыхъ классовъ, потому что только это можетъ дать возможность обойтись безъ общихъ потребительныхъ пошлинъ въ большихъ городахъ, а, какъ мы выше доказали, эти пошлины еще гораздо обременительнѣе для низшихъ классовъ—еще гораздо обременительнѣе, господа, т. е. берутъ съ низшихъ классовъ еще гораздо больше, чѣмъ прямые налоги! Съ другой стороны, теперь, когда конституція дала всѣмъ народнымъ классамъ непосредственныя права въ отношеніи государства, легче опредѣлить и обязательства ихъ участвовать по мѣрѣ силъ своихъ въ государственныхъ повинностяхъ».

Видите! Правительство признаетъ даже и то, что прямой подоходный на-

логъ, чтобы быть справедливымъ, долженъ быть прогрессивнымъ, хотя пока еще не требуетъ этого.

Теперь Вы можете ясно видѣть, господа, въ чемъ дѣло. Все, что я говорилъ, говорится въ королевскомъ предложеніи. Люди науки такъ долго кричали про эти понятія, не щадя своего горла, что они дошли наконецъ и до ушей правительствъ. Только одинъ прокуроръ и одна судебная палата ничего не слыхали, только до нихъ не дошелъ общій шумъ, потому что они залѣпили себѣ уши воскомъ, какъ Одиссей отъ пѣнія сиренъ, и за это мнѣ приходится отправляться въ тюрьму! Это не ладно!

Вы спросите, можетъ быть, какая судьба постигла этотъ проэктъ министерства Мантейфеля?

Infandum regina jubes и т. д.! Еще въ комитетѣ 2-й палаты проэктъ съ трудомъ прошелъ большинствомъ 10 голосовъ противъ 8. Тщетно взывалъ въ палатѣ министръ финансовъ (р. 2333 стенографическаго протокола сессіи 1849—50): «Правительство Его Величества короля съ давнихъ поръ считаетъ эту реформу настоятельнѣйшимъ требованіемъ современной эпохи». Одинъ берлинскій депутатъ возразилъ на это—на что горько жаловался коммиссаръ правительства Биттеръ (р. 2333 стен. пр.),—что правительственный проэктъ «основанъ на пустой теоріи», совершенно какъ прокуроръ, говорившій, что моя лекція основана на выдумкахъ и софизмахъ.

Наконецъ министерскій подгоняло, какъ говорятъ въ Англіи, съ величайшимъ трудомъ сколотилъ въ пользу проэкта жалкое большинство 32 голосовъ.

Высшія сословія, работая всѣми силами противъ закона, возбуждаютъ противъ него общественное мнѣніе, что́ имъ, конечно, легко, потому что они располагаютъ всѣми средствами дѣлать общественное мнѣніе,—и при переходѣ въ 1-ую палату проэктъ падаетъ и отвергается!

Первая палата отвергла этотъ проэктъ, дотого робкій, нерѣшительный и смиренный въ своихъ предначертаніяхъ, несмотря на вѣрность и ясность своихъ мотивовъ, что я ни за что не подписалъ бы его, но впрочемъ представлявшій собой, по собственному признанію правительства, лишь первый пока шагъ на новомъ пути. Новый путь основательно законопачивается при первой же попыткѣ вступить на него! Вмѣсто него первая палата утверждаетъ другой законъ, превращающій этотъ робкій, болѣе чѣмъ умѣренный, проэктъ какъ разъ въ противоположность ему, искажающій его какъ разъ въ его важнѣйшихъ пунктахъ, въ его принципахъ! Мучная и мясная пошлины остаются; вмѣсто простаго процентнаго размѣра подоходнаго налога опредѣляются широкія ступени, учреждается максимумъ большаго дохода, такъ что доходъ еще большій совершенно освобождается отъ налога и т. д.

Но послушаемъ еще министерство Мантейфеля.

Отвергнутое въ первой палатѣ, почти отвергнутое во второй при большинствѣ только 32 голосовъ, сколоченномъ всѣми средствами правительственнаго вліянія, преслѣдуемое «общественнымъ мнѣніемъ», министерство Мантейфеля обратилось къ палатамъ 2 января 1851 г. съ новымъ королевскимъ

предложеніемъ, въ которомъ отрекалось отъ прежняго своего проэкта и принимало законъ, выработанный первою палатою.

«Правда», съ глубокимъ вздохомъ говоритъ министерство Мантейфеля, объясняя основанія новаго предложенія (печатные отчеты палатъ сессіи 1850—1851, I Bd. № 26, p. 22), «правительство и теперь вынуждено остаться въ убѣжденіи, что ясно обнаружившаяся и общепризнанная потребность преобразованій въ налогахъ можетъ быть удовлетворена основательно и соотвѣтственно новой организаціи государства только принятіемъ прежняго проэкта его, замѣняющаго всѣ различныя нынѣшнія формы налоговъ однимъ прямымъ налогомъ, распредѣленнымъ по одному принципу и обнимающимъ всѣ классы налого-плательщиковъ». Но министерство сознается, что не въ силахъ преодолѣть сопротивленія палатъ и общественнаго мнѣнія. «Нельзя не принять въ соображеніе,—говоритъ оно (p. 22),—что вторая палата приняла правительственное предложеніе очень незначительнымъ большинствомъ (32-хъ голосовъ); что послѣ этого заключенія, до преній въ первой палатѣ объ этомъ предметѣ, со всѣхъ сторонъ государства воспослѣдовали заявленія противъ предполагаемой и уже нѣсколько приблизившейся къ осуществленію системы налоговъ. Заявленія самыя рѣшительныя и многочисленныя, какія когда-либо обнаруживались со времени подобнаго же проэкта правительства въ 1847 г.; что наконецъ рѣшеніе первой палаты было такимъ образомъ лишь какъ-бы данью общественному мнѣнію, которое выразилось такъ опредѣленно».

Вслѣдствіе этого правительство говоритъ (p. 23), что «послѣ такихъ заявленій не смѣетъ надѣяться найти нынѣ общественное мнѣніе, на содѣйствіе котораго оно вынуждено разсчитывать, достаточно расположеннымъ въ пользу его проэкта».

Съ этимъ вздохомъ министерство Мантейфеля распростилось съ своимъ проэктомъ и приняло проэктъ первой палаты. Это нашъ нынѣшній податной законъ, и Вы знаете теперь, стало быть, какъ онъ возникъ!

Проэктъ министерства Мантейфеля и особенно объясненія его основаній дѣлаютъ честь этому министерству; но оно заслуживаетъ тяжкаго упрека за то, что не съумѣло преодолѣть въ этомъ вопросѣ сопротивленія первой палаты и общественнаго мнѣнія, которое составляетъ теперь монополь имущихъ и въ этомъ вопросѣ будетъ всегда неблагопріятно интересамъ низшихъ классовъ. Умѣло же министерство Мантейфеля преодолѣвать общественное мнѣніе, когда дѣло шло объ учрежденіи осаднаго положенія, объ отмѣнѣ суда присяжныхъ въ политическихъ процессахъ и въ дѣлахъ печати и вообще о конфискаціи общественныхъ вольностей? Вы видите, господа, что и теперь, какъ 200 лѣтъ тому назадъ при Буа-Гильберѣ, голосъ богатыхъ громче и звучнѣе вопіетъ о тяжести налоговъ и потому производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ голосъ бѣдныхъ.

Право было министерство Мантейфеля, говоря, что не можетъ надѣяться встрѣтить общественное мнѣніе достаточно подготовленнымъ.

Ну, вотъ я стараюсь поправить грустный фактъ, существованіе котораго

правительство признаетъ съ такимъ глубокимъ вздохомъ; я стараюсь подготовить общественное мнѣніе, расположить его въ пользу мѣры, которую правительство называетъ «настоятельно необходимою» въ интересахъ справедливости—и что же? Прокуроръ, буйно вламываясь въ мою лекцію, обвиняетъ эти старанія мои въ возбужденіи ненависти и презрѣнія, называетъ мою брошюру смѣсью выдумокъ и софизмовъ!

На этомъ я кончаю рѣчь о косвенныхъ налогахъ, кончаю опроверженіе доказательствъ, что я совершилъ преступленіе, и перехожу къ тому, что̀ судъ первой инстанціи призналъ внутреннимъ преступленіемъ моей лекціи—къ общему направленію ея.

Это внутреннее направленіе ея состоитъ въ историческомъ изложеніи, что, подобно тому, какъ въ средніе вѣка землевладѣніе, а въ новѣйшее время капиталы были господствующими началами общества, такъ въ третьемъ и новомъ міровомъ періодѣ, открывшемся съ 1848 года, господствующимъ началомъ общества должна сдѣлаться объясненная мною нравственная идея рабочаго сословія, принципъ труда.

Правда, приговоръ первой инстанціи не можетъ избѣжать признанія, что все это есть чисто научное изложеніе исторіи, «разсматриваемой — какъ онъ выражается—съ субъективной точки зрѣнія обвиняемаго».

Но, оправдывая меня этими словами, приговоръ все-таки не можетъ воздержаться, чтобы потомъ не осудить меня за то, что я представляю современный историческій міровой періодъ призваннымъ сдѣлать принципъ рабочаго сословія господствующимъ, сдѣлать рабочее сословіе, къ которому я положительно причисляю въ моей лекціи всѣхъ безъ исключенія, какимъ-либо образомъ приносящихъ пользу обществу—стало быть, и Васъ, и себя—господствующимъ сословіемъ общества.

Я достаточно показалъ въ апелляціи, въ какія ужасныя противорѣчія съ самимъ собою впадаетъ приговоръ первой инстанціи, и потому не стану больше возвращаться къ этому.

Я показалъ тамъ, что моя лекція представляетъ лишь строго объективное изложеніе того, что совершалось само собою, хотя очень медленно, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, по необходимымъ историческимъ законамъ.

Я доказалъ, что все это изложеніе чисто-научно: какъ естествоиспытатель заранѣе опредѣляетъ по зародышу будущую форму организма, такъ по зародышу современнаго міроваго періода, какъ можно назвать его первыя истекшія пятнадцать лѣтъ, я опредѣляю будущую форму его, въ которую онъ долженъ самъ собою развиться по своимъ естественнымъ законамъ.

Я показалъ, что въ моей рѣчи не было никакого воззванія къ рабочимъ классамъ, кромѣ увѣщанія образовывать себя; я показалъ, что всякое субъективное воззваніе само собою необходимо исключается сущностью такого объективнаго воззрѣнія на исторію, что оно заранѣе осуждается имъ какъ глупое и безполезное.

Я доказалъ наконецъ, что судъ первой инстанціи, желая во что бы то ни стало найти въ моей лекціи воззваніе, рѣшился — horribile dictu! — измѣ-

нять мои слова, подставлять, приписывать мнѣ слова, которыхъ я не говорилъ!

Не буду повторять здѣсь всего этого.

Приведу только одно еще доказательство, но зато дѣйствительно разительное!

Точно по предчувствію я сказалъ въ моей первой защитительной рѣчи, что меня никогда не подумали бы обвинить, еслибы моя лекція была прочтена напр. въ консерваторіи, передъ такъ-называемыми сливками хорошаго общества!

И въ самомъ дѣлѣ! Мое осужденіе произвело сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ и вслѣдствіе его мнѣ вскорѣ сообщили одну рѣчь, о которой я до тѣхъ поръ не слыхалъ. Эта рѣчь была произнесена именно въ консерваторіи почти одновременно съ моей осужденной рѣчью, 15 февраля 1862 г., и впослѣдствіи издана отдѣльнымъ оттискомъ, который я Вамъ представляю. Она принадлежитъ никому иному, какъ королевско-прусскому тайному правительственному совѣтнику, д-ру Энгелю, нынѣшнему директору государственнаго статистическаго комитета, ученому, котораго всѣ признаютъ первымъ статистикомъ Германіи. Заглавіе этой рѣчи слѣдующее: «Народныя переписи, ихъ отношеніе къ наукѣ и задача въ исторіи».

Тайный совѣтникъ Энгель говоритъ въ ней слѣдующее (р. 5): «Третье сословіе эмансипировалось. Возникла новая аристократія денегъ и ума. Ученые, чиновники и капиталисты, составляющіе буржуазію, сдѣлались господствующею силою. Но теперь, когда умственный трудъ, поддерживаемый крупнымъ капиталомъ, завоевалъ себѣ свои права, физическій трудъ, говоря вообще, лишенный помощи капитала, также потребовалъ признанія и уравненія въ правахъ. Подъ всемогуществомъ индустріализма, обязаннаго имъ пару, работающіе классы возрасли въ самостоятельное четвертое сословіе, сдѣлались общественной силой, которая естественно также стремится къ единовластью въ государствѣ, какъ стремились, пока могли, первое, второе и третье сословія.»

И далѣе (р. 6): «Конечно, производство, т. е. созданіе богатствъ много выиграло отъ торжества свободы торговли; но этимъ борьба четвертаго сословія еще не кончилась †). Для него вопросъ не столько въ созданіи новыхъ богатствъ, въ увеличеніи абсолютной массы накопленнаго богатства, сколько въ распредѣленіи его, т. е. въ отношеніи богатства къ числу лицъ, которые могутъ и должны участвовать въ пользованіи имъ. При ложномъ политическомъ и экономическомъ направленіи производства далеко не устранена опасность крезообразнаго обогащенія немногихъ при одновременномъ обнищаніи массъ ††), а это, конечно, всего вреднѣе

†) Avis для г. Шульце-Делича.

††) Avis для г. Шульце-Делича.

для четвертаго сословія при постоянно усиливающемся разложеніи его †). Остановить это разложеніе, снова сплотить элементы старыхъ связей ставшихъ безсмысленными и потому неудержимо разлагающихся, снова связать ихъ въ новыя, соотвѣтственныя нынѣшнему времени формы—такова одна изъ величайшихъ задачъ современной эпохи. Задача разумной государственной экономіи, понимающей требованія своего времени, задача, рѣшеніе которой до сихъ поръ удавалось только примѣрно,—состоитъ въ томъ, чтобы, рѣшивъ вопросъ о разумнѣйшемъ и обширнѣйшемъ производствѣ, рѣшить и вопросъ о болѣе удовлетворяющемъ общій интересъ распредѣленіи. Побѣда, эмансипація четвертаго сословія состоитъ въ рѣшеніи этихъ обоихъ вопросовъ. ††) Могучимъ орудіемъ этой побѣды служитъ общественная самопомощь, которую не должно смѣшивать съ разными порожденіями соціализма и коммунизма, имѣющими въ виду не здравое экономическое распредѣленіе, а болѣзненный или насильственный чисто физическій дѣлежъ.» †††)

Слышите, господа! То самое, что я признаю въ подробномъ историческомъ разборѣ новѣйшимъ фазисомъ постепенно развивающагося историческаго процесса, то самое, что судъ признаетъ преступнымъ общимъ направленіемъ моей лекціи—это самое также опредѣленно, но гораздо рѣзче говоритъ тайный совѣтникъ Энгель: «Работающія сословія—говоритъ онъ—возрасли въ самостоятельное четвертое сословіе, которое естественно стремится къ единовластью въ государствѣ, какъ стремились, пока могли, первое, второе и третье сословія».

Если судить по внѣшнему способу выраженія, то тайный совѣтникъ Энгель идетъ еще гораздо дальше меня. Онъ прямо говоритъ объ единовластіи, говоритъ, что рабочіе классы естественно должны стремиться къ нему, между тѣмъ какъ я говорю только о господствѣ идеи рабочаго сословія и признаю рабочее сословіе предназначеннымъ сдѣлаться господствующимъ постольку лишь, поскольку оно обнимаетъ насъ всѣхъ,—всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ приноситъ пользу обществу; поскольку — какъ я прямо говорю — оно обнимаетъ весь человѣческій родъ и не содержитъ больше въ себѣ ни малѣйшаго зародыша какихъ бы то ни было новыхъ различій; впрочемъ общій смыслъ приведенныхъ мной словъ тайнаго совѣтника Энгеля доказываетъ, что и онъ говоритъ объ единовластіи рабочаго сословія въ этомъ значеніи.

Во всякомъ случаѣ мы, я и тайный совѣтникъ Энгель, говоримъ, стало быть, одно и тоже.

Какое въ самомъ дѣлѣ поразительное согласіе, господа!

---

†) Опять avis для г. Шульце-Делича.

††) Ср. мой «Гласный Отвѣтъ» (см. ниже), гдѣ высказана совершенно та же мысль.

†††) Послѣднихъ словъ Лассаль могъ бы и не цитировать, потому что если все предыдущее принадлежитъ ученому экономисту, то послѣднее пустое petitio principium принадлежитъ тайному совѣтнику. *Пр. Пер.*

Въ одно и тоже время мы сочиняемъ, каждый у себя въ кабинетѣ, не зная другъ о другѣ, публичныя лекціи, въ которыхъ высказываемъ однѣ и тѣ же мысли одинаковыми словами!

Одни и тѣ же знанія привели насъ къ одинаковымъ познаніямъ!

Но почему же, спрашиваю Васъ, не сидитъ теперь тайный совѣтникъ Энгель рядомъ со мной на этой скамьѣ обвиненныхъ въ качествѣ моего соумышленника, обвиненный въ томъ же самомъ преступленіи? Куда же дѣвалось равенство передъ закономъ, господа?

Тайный совѣтникъ Энгель высказываетъ извѣстныя мысли и возсѣдаетъ, какъ подобаетъ ему, во всѣхъ государственныхъ почестяхъ.

Я высказываю тѣ же самыя мысли, и разсвирѣпѣвшая Ѳемида швыряетъ мнѣ въ лицо свои вѣсы и кидается на меня!

Но далѣе, господа! Тайный совѣтникъ Энгель напечаталъ свою рѣчь, произнесенную въ консерваторіи, въ редактируемой имъ съ 1862 г. офиціальной газетѣ статистическаго комитета. Газета эта издается и распространяется государствомъ, на государственныя деньги; расходы на нее идутъ изъ налоговъ, собираемыхъ съ гражданъ. Стало быть, ученіе, которое я возвѣщаю, есть государственное ученіе, ученіе, распространяемое государствомъ на свой счетъ и подъ покровительствомъ своего авторитета,—а я на скамьѣ подсудимыхъ, я приговоренъ!

Но и это еще не все, господа!

Прочитавъ уже по осужденіи эту лекцію тайнаго совѣтника Энгеля, я, хотя не имѣю чести знать его, препроводилъ ему мою осужденную брошюру съ кое-какими шутливыми замѣчаніями насчетъ противоположныхъ результатовъ, постигшихъ проповѣдованіе нами одного и того же ученія.

На это тайный совѣтникъ Энгель отвѣчалъ мнѣ письмомъ, которое я съ его разрѣшенія долженъ позволить себѣ сообщить Вамъ:

Берлинъ, 14-го февраля 1863 г.

«Многоуважаемый г. Лассаль!

«Почтительнѣйше отвѣчая Вамъ на Ваше вчерашнее письмо, свидѣтельствую Вамъ прежде всего мою благодарность за любезное сообщеніе мнѣ Вашихъ новѣйшихъ брошюръ. Лекцію о связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія я читалъ еще прошлымъ лѣтомъ и тогда же съ удовольствіемъ нашелъ въ Васъ одного изъ даровитѣйшихъ защитниковъ моихъ философскихъ и историческихъ воззрѣній. Съ такимъ же удовольствіемъ встрѣтилъ я подобныя же мысли въ умной книгѣ Арнольда о собственности. Относительно экономическихъ истинъ повторяется то же явленіе, которое мы ежедневно видимъ при всѣхъ открытіяхъ: онѣ оказываются зрѣлыми плодами древа, которое стоитъ только качнуть.

«Касательно Вашего замѣчанія, что судья, судящій спеціальныя сочиненія, долженъ самъ обладать свѣдѣніями въ этой спеціальности, позволю себѣ ис-

толковать его въ томъ смыслѣ, что во всѣхъ процессахъ о спеціально-научныхъ предметахъ рѣшеніе должно быть основано на отзывѣ экспертовъ-спеціалистовъ, подобно тому, какъ теперь это принято въ процессахъ о медицинскихъ, техническихъ, коммерческихъ дѣлахъ» и т. д.

Позволю себѣ, господа, пріобщить это письмо къ актамъ процесса.

Видали ли Вы, господа, когда-нибудь болѣе рѣзкое, болѣе вопіющее противорѣчіе?

Государственные чиновники, поставленные государствомъ во главѣ именно тѣхъ отраслей науки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, выражаютъ мнѣ благодарность и удовольствіе за обнародованные мною результаты моихъ научныхъ изслѣдованій, называютъ ихъ экономическими истинами, зрѣлыми плодами древа знанія,—а въ тоже время судебные чиновники преслѣдуютъ и осуждаютъ меня за тѣ же результаты!

Сознайтесь же, господа, въ томъ, что́ и безъ того ясно обнаружено рѣчью тайнаго совѣтника Энгеля: здѣсь осуждено не то, что́ уголовный судья имѣлъ право осудить, не то, что́ было сказано, не содержаніе! Нѣтъ! Здѣсь осуждены лицо сказавшее и мѣсто, гдѣ это было сказано!

Рѣчь осуждена потому, что *я* ее сказалъ и сказалъ передъ работниками!

Что это такое, господа? Справедливость или нѣчто какъ разъ противоположное, чему имени нѣтъ приличнаго?

Справедливость требуетъ, чтобы не взирали на лицо; а что касается мѣста, то по § 100 Уголовнаго Свода судья долженъ имѣть въ виду только одно — публичность его.

Но вѣдь и Консерваторія такое же публичное мѣсто, какъ и рабочее собраніе.

Что не преступно въ одномъ публичномъ мѣстѣ, не можетъ быть преступно и въ другомъ.

Судья, признающій преступнымъ для публичнаго собранія работниковъ то, что было бы не преступно во всякомъ другомъ публичномъ мѣстѣ, для публичнаго собранія буржуазіи, — совершаетъ этимъ неслыханное превышеніе власти, создаетъ новое запрещеніе, не извѣстное уголовному закону, оказывается притѣснителемъ сословія!

Судъ первой инстанціи самъ не могъ удержаться отъ сознанія, что потому осуждаетъ лекцію, что она была читана работникамъ. Приговоръ выводитъ преступность моей лекціи—буквально—«именно изъ пріемовъ обвиняемаго при сопоставленіи и формулированіи результатовъ своихъ размышленій передъ публикой, которая не находится на такой высотѣ образованія, чтобы понять научную сторону его рѣчи.»

Стало быть, потому моя рѣчь — преступленіе, что работники будто-бы необразованы.

Тутъ мнѣ приходитъ на умъ одно достопамятное историческое воспоминаніе изъ нашей отечественной исторіи. Въ 1811 г. мая 9 дворяне-помѣщики (чины) округовъ Лебуса, Шторкова и Бускова подали королю адресъ съ воз-

раженіями противъ революціонныхъ мѣръ Гарденберга, причемъ также говорили о необразованности низшихъ сословій. Король отдалъ адресъ государственному канцлеру Гарденбергу, который написалъ на полѣ такое замѣчаніе: «Толкуете про необразованныхъ? Кто же необразованные? Не сами ли дворяне-помѣщики, авторы этого адреса—первые? Все это шутовство!» †) Такъ-то судилъ Гарденбергъ!

Что касается до меня, я могу дать судьѣ два отвѣта — одинъ отвѣтъ in facto и другой in jure. Сперва отвѣтъ in facto. Судья страшно заблуждается, полагая, что работники, какъ люди необразованные, менѣе способны воспринимать научныя ученія, чѣмъ «стоящая на высотѣ образованія» публика Консерваторіи. Если рѣчь идетъ о свѣтскомъ образованіи изящныхъ салоновъ,— то конечно, между буржуазіей и работниками большая разница. Но если мы говоримъ о научномъ ученіи, то работники не менѣе, а гораздо болѣе способны понимать его, чѣмъ образованная буржуазія. Потому что худое знаніе и полузнаніе больше удаляютъ людей отъ науки и отъ способности воспринимать ее, чѣмъ незнаніе.

Впрочемъ работники конечно еще необразованны, въ томъ смыслѣ, что не обладаютъ результатами науки. Они дотого необразованны, что рукоплещутъ даже фригендлерамъ — во что бы то ни стало, которые проповѣдуютъ имъ такія вещи, что всякій знакомый съ экономической наукой съ изумленіемъ спрашиваетъ: что это такое — глубокое ли невѣжество или насмѣшка надъ этими бѣднягами?

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что работники не способны понимать истинное ученіе науки, когда оно доходитъ до нихъ?

Не слѣдуетъ ли изъ этого, напротивъ того, что надо доводить ихъ до него, знакомить ихъ съ результатами науки? Посмотрите на Англію! Тамъ министры зачастую посѣщаютъ собранія работниковъ и читаютъ имъ лекціи на самыя трудныя темы. Такъ 1 ноября 1854 г. лордъ Пальмерстонъ читалъ гампширскимъ поденщикамъ лекцію о догматѣ первороднаго грѣха. Онъ же читалъ 6 ноября 1856 г. манчестерскимъ работникамъ лекцію о двойственной природѣ человѣка, интеллектуальной и моральной, и о характерѣ нашего времени. Въ 1854 г. лордъ Россель читалъ работникамъ лекцію о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ прогрессомъ цивилизаціи.

Что касается ученія объ отношеніи между прямыми и косвенными налогами, составляющаго, по мнѣнію суда, преступность моей лекціи, то его-то и слѣдуетъ распространять именно въ рабочемъ классѣ.

Хотите знать, какой главный доводъ приводятъ защитники рутины въ пользу косвенныхъ налоговъ? Они сознаются, что налоги эти вредны, но находятъ невозможнымъ замѣнить ихъ прямыми налогами одинаковаго размѣра именно по причинѣ неудовольствія, которое подобная мѣра вызвала бы въ низшемъ народѣ. Говорятъ, что народъ ненавидитъ сборщиковъ податей и ни-

†) См. Новая и Новѣйшая исторія Пруссіи по многимъ доселѣ неизданнымъ источникамъ д-ра Фр. Фёрстера, Bd. II, p. 523.

зачто не согласится платить такихъ суммъ прямыми налогами, т. е. съ сознаніемъ, что платитъ налогъ; косвенные же налоги онъ платитъ безсознательно, воображая, что уплачиваетъ кущу за товаръ ту сумму, которую въ сущности взноситъ государству.

Джонъ Стюартъ Милль называетъ этотъ доводъ ребяческимъ и основаннымъ на заблужденіи, но не можетъ отрицать его относительной справедливости, и съ этимъ нельзя не согласиться.

Итакъ, стало быть, какъ утверждаютъ защитники косвенныхъ налоговъ, мнимый или дѣйствительный предразсудокъ низшихъ классовъ народа составляетъ важнѣйшее препятствіе замѣнѣ этого нечувствительнаго налога прямымъ и чувствительнымъ.

Если такъ, то кому какъ не работникамъ слѣдуетъ объяснить истинную природу косвенныхъ налоговъ, доказать вредъ ихъ для народа, раскрыть, какъ несправедливо обременяютъ они его! Кому какъ не рабочему сословію слѣдуетъ говорить все это, если, какъ не совсѣмъ несправедливо утверждаютъ, именно его нежеланіе дѣлаетъ эту реформу невозможною? Тотъ, кто объясняетъ ему это, дѣйствуетъ въ высшей степени благотворно, поступаетъ въ высшей степени политично; такая дѣятельность совершенно необходима; она неизбѣжно должна предшествовать реформѣ въ этомъ отношеніи, потому что безъ нея такая реформа невозможна.

Но судъ первой инстанціи ничего этого не вѣдалъ!

Въ 1856 г. въ Брюсселѣ происходилъ международный конгрессъ благотворительности (congrès international de bienfaisance) изъ экономистовъ всѣхъ странъ. Здѣсь были представители Англіи, Франціи, Германіи. Пренія этого конгресса изданы въ Брюсселѣ въ 1857 г. въ 2 томахъ.

Въ числѣ постановленныхъ этимъ конгрессомъ принциповъ и мѣръ мы находимъ первое слѣдующее постановленіе (I, p. 484): «Конгрессъ предлагаетъ принятіе слѣдующихъ началъ и мѣръ: 1) Свободу торговли съѣстными припасами и вообще всѣми предметами первой необходимости».

Это первое постановленіе относится къ авторитетамъ, свидѣтельствующимъ о вредности косвенныхъ налоговъ, въ числѣ которыхъ пошлины на предметы первой необходимости играютъ такую значительную роль; я говорилъ Вамъ, что продлю списокъ свидѣтельствъ въ пользу этого положенія. Но 9 постановленіе конгресса состоитъ въ слѣдующемъ: «Распространеніе политико-экономическихъ ученій, способныхъ разсѣевать предразсудки и доказывать необходимость свободы торговли хлѣбомъ, и вообще съѣстными припасами; популярныя изданія, могущія просвѣщать массы», и т. д.

Но конгрессъ ученыхъ всѣхъ націй обчелся, потому что не принялъ въ разсчетъ прусскаго прокурорскаго надзора.

Вотъ я распространяю подобныя ученія, дѣлаю подобныя популярныя изданія, какія постановлены международнымъ конгрессомъ благотворительности— и меня преслѣдуютъ и осуждаютъ за то, что я распространялъ эти ученія между работниками!

Отвѣтъ in jure будетъ, если возможно, еще вразумительнѣе.

Я уже замѣтилъ, что по § 100 законъ принимаетъ въ соображеніе только публичность мѣста, стало быть, не дозволяетъ признавать невинное въ одномъ публичномъ мѣстѣ преступнымъ въ другомъ.

Статья 4 конституціи говоритъ, что всѣ пруссаки равны. Стало быть, они должны быть равны и передъ мотивами судьи, и передъ ученіями науки, которыя можно сообщить имъ. У насъ нѣтъ кастовыхъ отличій, которыя запрещали бы распространять въ одной кастѣ свѣдѣнія, разрѣшенныя для другой.

Какъ? Статья 20 конституціи говоритъ, что «наука и ея ученіе свободны»,—а Вы хотите устранить рабочее сословіе отъ науки?

Но приговоръ, на который я жалуюсь, вызываетъ на размышленія еще болѣе серьезныя. Я докажу, что онъ составляетъ тяжкое посягательство на все наше публичное право, посягательство, которое не осталось бы безъ самыхъ серьезныхъ послѣдствій, еслибы теперь у насъ господствовала энергическая послѣдовательность прежняго времени.

Если бы прежде, въ самодержавномъ порядкѣ, судъ рѣшилъ, что рѣчь потому преступна, что произнесена необразованнымъ работникамъ—это было бы въ высшей степени не юридическое основаніе, но было бы по крайней мѣрѣ понятно. Въ то время господствовалъ девизъ: все для народа, ничего народомъ. Низшіе классы не имѣли никакого участія въ законодательной власти и никакого вліянія на нее. При такихъ обстоятельствахъ было понятно, что распространеніе научныхъ ученій въ низшихъ сословіяхъ считалось безполезнымъ возбужденіемъ.

Но можно ли такъ разсуждать въ конституціонномъ государствѣ? Что бы ни говорилъ судья первой инстанціи—эти необразованные участвуютъ въ законодательной власти, постановляютъ черезъ избранныхъ ими представителей законы, и стало быть, судья получаетъ законъ, который обязанъ прилагать, изъ ихъ рукъ!

Можно находить это хорошимъ или дурнымъ,—но это такъ!

Они не стоятъ «на высотѣ образованія», говоритъ судья. Но своими выборами они рѣшаютъ законодательные вопросы, возражаю я ему.

Будучи косвенно законодателями, не должны ли эти необразованные пользоваться своимъ выборнымъ и законодательнымъ правомъ cum cognitione causæ? Не хочетъ ли судья принудить ихъ слѣпо кидать шары въ избирательную урну, не вѣдая, что и о чемъ рѣшаютъ?

Не имѣютъ ли эти необразованные абсолютнаго права на полученіе свѣдѣній относительно всѣхъ вопросовъ законодательства, права, основаннаго на всемъ публичномъ правѣ государства и совпадающаго съ нимъ?

Могутъ ли мнѣ запретить предпринять мирную и законную агитацію для отмѣны косвенныхъ налоговъ и убѣждать этихъ необразованныхъ выбирать въ избиратели и представители только такихъ людей, которые раздѣляютъ мои воззрѣнія на косвенные налоги и на общее избирательное право?

Могутъ ли препятствовать этимъ необразованнымъ законодательствующимъ классамъ пріобрѣтать свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, чтобы пользоваться законодательствующимъ образомъ своимъ избирательнымъ правомъ?

Помните ли, какъ вздыхало министерство Мантейфеля, находя общественное мнѣніе еще недостаточно подготовленнымъ для этой необходимой реформы, для реформы, которую государство еще въ 1847 г. признавало необходимой? Помните ли, какъ призналось правительство, что ничего не въ состояніи сдѣлать, пока общественное мнѣніе не будетъ иначе настроено? У кого же его настроивать? У высшихъ сословій общества, которыя остались глухи даже къ правительственному предложенію? Или у низшихъ сословій, собственный величайшій интересъ которыхъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, которыя приносятся въ жертву нынѣшнимъ общественнымъ мнѣніемъ, но обладаютъ въ своихъ собраніяхъ и въ своемъ избирательномъ правѣ законными средствами настроить общественное мнѣніе иначе, по-своему?

Всѣ эти вопросы не пришли на умъ судьѣ когда онъ разсуждалъ о «публикѣ не стоящей на высотѣ образованія». Его сознаніе витало въ отдаленныхъ временахъ самодержавія, когда считалось безполезнымъ возбужденіемъ просвѣщать необразованный народъ, misera plebs contribuens, жалкую платящую чернь, насчетъ податныхъ учрежденій и другихъ законовъ, вліять на которые народъ не имѣлъ никакихъ законныхъ средствъ.

Судьѣ, вскормленному и взросшему въ самодержавіи, весьма естественно витать въ немъ сознаніемъ, и это само по себѣ была бы еще небольшая бѣда.

Но дѣло имѣетъ болѣе важныя послѣдствія.

Судебный приговоръ приводится въ исполненіе общественной силой, полиціей и войсками.

Всякій судебный приговоръ есть и долженъ быть, слѣдовательно, дѣйствіе, употребляющее силу, актъ силы.

Насильственно удерживая меня—и не одного меня, а всѣхъ находящихся въ томъ же положеніи и имѣющихъ то же желаніе, насильственно запрещая намъ просвѣщать низшіе классы насчетъ законодательныхъ дѣлъ, этотъ судебный приговоръ насильственнымъ дѣйствіемъ препятствуетъ народу пользоваться своимъ конституціоннымъ избирательнымъ и законодательнымъ правомъ cum cognitione causae. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ или, вѣрнѣе, возникъ бы, еслибы нынѣче господствовала твердая послѣдовательность римскихъ юристовъ: не представляетъ ли этотъ приговоръ насильственнаго посягательства на конституцію государства?!

Я доказалъ Вамъ, господа, приведя въ свидѣтельство официальные акты министерства Мантейфеля и королевское предложеніе, какъ совершенно законна и дозволительна, даже въ высшей степени политична и заслуженна была бы мирная агитація, предпринятая въ видахъ отмѣны косвенныхъ налоговъ посредствомъ убѣжденія общественнаго мнѣнія.

Но предпринималъ ли я такую агитацію? И того даже нѣтъ! Я не сдѣлалъ этого не потому, чтобы горячо не желалъ замѣны косвенныхъ налоговъ прямыми, а потому, что слишкомъ хорошо понимаю эти вещи, и знаю, что существенная податная реформа невозможна, пока не проведено предварительно другихъ мѣръ, особенно пока нѣтъ законодательнаго корпуса, избраннаго общимъ избирательнымъ правомъ.

Если Вы вспомните собственное сознаніе королевскаго правительства, что несмотря на всѣ свои усилія съ 1847 г. оно не могло сдѣлать даже перваго шага на пути нужныхъ податныхъ реформъ, то поймете, какъ основательно это мое убѣжденіе.

Стало быть, моя лекція могла имѣть лишь чисто научную и теоретическую цѣль—дать рабочимъ классамъ понятіе о духѣ настоящей эпохи.

Впослѣдствіи одинъ остроумный другъ замѣтилъ мнѣ: Вамъ слѣдовало озаглавить вашу лекцію: «Рабочее состояніе и состояніе рабочихъ въ исторіи». И въ самомъ дѣлѣ, это эпиграмматическое заглавіе выражаетъ собою вполнѣ основную мысль моей лекціи. Меня пригласили, — мнѣ не принадлежала даже иниціатива въ этомъ дѣлѣ, — прочитать лекцію въ рабочемъ собраніи. О чемъ мнѣ было читать имъ? О томъ, сколько тюковъ хлопка привозится изъ Америки въ Англію или что-нибудь подобное, что на другой день забывается? Нѣтъ, сказалъ я себѣ: надо представить имъ всю богатую исторію новѣйшихъ націй во всей простотѣ ея внутренняго закона, на что способна только величайшая научная энергія; надо раскрыть имъ внутреннія нити развитія этой исторіи и дать утомленнымъ душамъ угнетенныхъ бодрость и отраду, показавъ имъ, что дѣло ихъ идетъ впередъ, хотя медленно и непримѣтно, но постоянно и неотступно.

А прокуроръ называетъ эту бодрость и эту отраду — ненавистью и презрѣніемъ!

Если кромѣ того моя лекція имѣла еще какую-нибудь практическую цѣль, то развѣ дать теоретическое основаніе для мирной и законной агитаціи въ пользу общаго избирательнаго права.

Цѣль эта ясно выражена въ словахъ, которыми я заключаю мое разсужденіе о налогахъ: «Замѣтьте притомъ, господа, нелѣпое противорѣчіе и оригинальную справедливость того, что всѣ государственные расходы взваливаются на косвенные налоги, слѣдовательно, на бѣдный народъ, тогда какъ мѣриломъ и условіемъ избирательнаго права, а слѣдовательно и политической власти, ставятся прямые налоги, вносящіе изъ 108 милліоновъ государственнаго расхода лишь ничтожную сравнительно долю — 12 милліоновъ!»

Цѣль эта ясно выражена въ собственныхъ словахъ прокурора, который восклицаетъ: «Обвиняемый упускаетъ изъ виду, что повинности государственной жизни распредѣлены дѣйствительно очень неравномѣрно и что эти повинности должны влечь за собой соотвѣтствующія права»!

Я привязываюсь къ этому собственному юридическому тезису прокурора, крѣпко держусь за него, на немъ-то и построена вся моя лекція!

Если правда, что повинности должны влечь за собой соотвѣтствующія права, и если съ другой стороны правда, какъ утверждаетъ само правительство, что бѣдные классы платятъ безконечно больше зажиточныхъ даже прямыми налогами, а тѣмъ болѣе, стало быть, косвенными; если все это правда, то почему бѣдные классы, платя налоговъ въ 5, 6, 10, 20 и болѣе разъ больше зажиточныхъ, пользуются только $^1/_3$ избирательнаго права?

Гдѣ же тутъ справедливость? И почему преступно стараться расположить

общественное мнѣніе къ отмѣнѣ такихъ несправедливыхъ условій, осужденныхъ и словами правительства, и собственными словами самого прокурора?

Одно изъ двухъ, господа:

Или чистое самодержавіе — или общее избирательное право! О томъ и о другомъ можно судить различно, можно спорить; но все, что—между ними, все промежуточное во всякомъ случаѣ невозможно, непослѣдовательно и нелогично.

Самодержецъ, отчужденный своимъ положеніемъ отъ всѣхъ сословныхъ противорѣчій, вознесенный далеко внѣ общества и его интересовъ, по крайней мѣрѣ могъ посвятить себя по-возможности общему интересу, интересу безконечнаго большинства. Дѣлалъ ли онъ это и насколько дѣлалъ — зависѣло отъ случая, его личнаго ума, таланта и направленія характера. По крайней мѣрѣ онъ могъ это дѣлать, и положеніе его напоминало ему, что онъ долженъ это дѣлать. Таковъ и былъ дѣйствительно девизъ стараго самодержавія и добраго стараго времени: ничего народомъ, но все для народа.

Это время прошло. Наступило время конституціонализма, т. е. время, когда общество, считая себя совершеннолѣтнимъ, захотѣло взять въ собственныя руки судьбу своихъ интересовъ.

Съ этой минуты стало логической невозможностью, очевиднымъ противорѣчіемъ, вопіющей несправедливостью отдавать эту судьбу въ руки меньшинства, въ руки зажиточныхъ классовъ общества. Они не стоятъ внѣ общественныхъ интересовъ, напротивъ того, находятся на самомъ юру ихъ, подъ перекрестнымъ огнемъ ихъ; положеніе этихъ классовъ совершенно зависитъ отъ этихъ интересовъ, такъ что, имѣя въ своихъ рукахъ судьбу ихъ, они не могутъ рѣшить ее иначе, какъ въ своемъ общественномъ интересѣ, стало быть, жертвуя своему частному интересу—общимъ интересомъ безконечнаго большинства низшихъ классовъ, маленькій примѣръ чему я показалъ Вамъ въ судьбѣ Мантейфелевскаго предложенія. Разъ, слѣдовательно, что принятъ принципъ общественнаго самоуправленія, дѣлается вопіющей несправедливостью, логической невозможностью отдавать класснымъ избирательнымъ закономъ власть рѣшенія въ руки одного класса, вмѣсто того, чтобы ввѣрить ее всему народу; отдавать ее, какъ привилегію, въ руки именно тѣхъ классовъ, которые — ссылаюсь на собственный тезисъ прокурора! — принимаютъ лишь самое ничтожное участіе въ отправленіи государственныхъ повинностей!

Надо просвѣтить общественное мнѣніе насчетъ этой несправедливости и этой невозможности, надо возвысить ихъ въ общее убѣжденіе и проникнуть имъ даже упорствующіе умы. Надо положить основаніе мирному устраненію учрежденія, которое, если останется, дѣйствительно вызоветъ наконецъ сословную ненависть.

Надо прежде всего убѣдить самую буржуазію, что ей остается выбирать только между чистымъ самодержавіемъ и общимъ избирательнымъ правомъ, что все промежуточное должно быть раздавлено желѣзнымъ ходомъ исторіи, что если ей дѣйствительно дорогъ конституціонализмъ, то одно сред-

ство спасти его—дать ему въ основаніе общее избирательное право, сдѣлать избирательное право своимъ собственнымъ чистосердечнымъ лозунгомъ.

Я дѣлаю все это. Я стараюсь спасти буржуазію отъ участи, которая во Франціи повергла ее подъ ноги Наполеона, — а прокуроръ называетъ это обращеніе къ общественному разуму и общественной совѣсти возбужденіемъ ненависти и презрѣнія!

Мнѣ надо отвѣтить еще на два обстоятельства.

Въ первой части моей рѣчи, разсматривая средніе вѣка, я сказалъ, что еще въ 1672 г. на германскомъ имперскомъ сеймѣ, еще въ 1614 г. на французскихъ Etats généraux требовали отмѣны цеховъ. Я сказалъ, что въ 1776 г., во Франціи, реформаторъ министръ Тюрго уничтожилъ цехи, но что вопли привилегированныхъ классовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принудили короля отмѣнить свой собственный эдиктъ; что наконецъ штурмъ Бастиліи въ одинъ день сдѣлалъ то, къ чему тщетно стремились въ Германіи и во Франціи въ теченіе двухъ столѣтій.

Затѣмъ я сдѣлалъ слѣдующее, совершенно объективное и историческое замѣчаніе: «Изъ этого Вы видите, господа, что при всѣхъ великихъ выгодахъ легальныхъ реформъ онѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ представляютъ большую невыгоду безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія; и наоборотъ, революціонный путь, хотя сопряженъ съ неоспоримыми невыгодами, представляетъ то преимущество, что быстро и энергически ведетъ къ практической цѣли».

Въ этомъ замѣчаніи, строго объективномъ и историческомъ, одинаково указывающемъ на выгоды и на невыгоды революцій и сдѣланномъ по поводу историческаго изображенія средневѣковаго періода, судья первой инстанціи усматриваетъ основаніе для осужденія, заключая изъ него, что я слѣдовательно предпочитаю революціонный путь легальному и что я слѣдовательно думаю тоже самое и о современномъ историческомъ періодѣ и о предстоящихъ въ немъ цѣляхъ; что, слѣдовательно, я таю въ глубинѣ души мысль, что рабочимъ классамъ слѣдуетъ теперь дѣйствовать революціонно! Услыхавъ такое основаніе осужденія, я едва повѣрилъ своимъ ушамъ!

Не говоря уже о томъ, что еслибы и было что-нибудь подобное, то могло бы служить поводомъ развѣ къ обвиненію въ возбужденіи къ революціи противъ государственной власти, а не въ возбужденіи ненависти и презрѣнія противъ гражданъ, неужели судья не понялъ, что такой приговоръ, основанный на догадкахъ, представляетъ самое отчаянное нарушеніе всѣхъ принциповъ права?

Догадки его всѣ кривы и ложны. Ошибочность ихъ я достаточно доказалъ коротко, но ясно въ моей апелляціи.

Но будь онѣ столько же вѣрны, сколько онѣ ложны, — неужели судья не понимаетъ, что не имѣетъ права дѣлать ихъ? Что онъ обязанъ держаться только сказаннаго мною и не смѣетъ вламываться въ священное убѣжище моей внутренней свободы мыслей? Что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права тянуть въ уголовный судъ мои невысказанныя убѣжденія, хотя бы и могъ заключить по высказанному о существованіи ихъ въ глубинѣ моей души?

Мое изумленіе передъ этимъ приговоромъ было непомѣрно, потому что онъ представляетъ нарушеніе всѣхъ самыхъ святыхъ принциповъ права,—нарушеніе столь вопіющее, что не имѣетъ себѣ примѣра даже во временахъ величайшаго безправія.

Знаете, господа, какой случай приводятъ консервативные историки, какъ самый ужасный, разительный примѣръ дикаго безправія террористическихъ трибуналовъ французской революціи? Случай осужденія, основаннаго на томъ, что обвиненный былъ изобличенъ въ пѣніи стихотворенія: O, Richard, mon roi! «О, Ричардъ, мой король!»

Такъ! Но вотъ меня осудили не за то, что я пѣлъ голосомъ, а за то, что я, по догадкѣ судьи, пѣлъ въ глубинѣ моей души: O, Révolution, ma reine! «О, революція, моя царица!»

Что же, не хотятъ ли суды втянуть насъ на путь французскаго развитія? Неужели намъ приходится рѣзаться за мнѣнія? Неужели воззваніе къ германскому чувству права уже не найдетъ отголоска въ совѣсти нашихъ судей? Неужели оно вымерло въ насъ? Неужели сознаніе права личности, которымъ германская нація всегда славилась, совершенно истерлось и уничтожилось въ историческомъ процессѣ? Неужели мы дотого романизировались, чтобы преслѣдовать другъ друга какъ преступниковъ за убѣжденія?

Не скрою отъ Васъ, господа, что мы далеко расходимся въ убѣжденіяхъ. Я, конечно, желаю многаго, чего Вы вовсе не желаете, и не желаю многаго, чего Вы желаете.

Но имѣетъ ли это какое-нибудь отношеніе къ формѣ нашего права?

Еще болѣе желаній насъ раздѣляютъ вѣрованія.

Вы, господа, не вѣрите въ Революцію. Меня же, да, меня, мои ученыя изслѣдованія привели къ вѣрѣ въ Революцію.

Я объяснилъ въ защитительной рѣчи въ первой инстанціи научное значеніе слова Революція, въ какомъ я его всегда разумѣю.

Значеніе это состоитъ въ томъ, что на мѣсто существующаго порядка ставится новый принципъ, силой или безъ насилія — все равно.

Въ этомъ смыслѣ—говорю прямо—я убѣжденъ, что Революція должна совершиться!

Она совершится или съ полной законностью, среди всѣхъ благодатей мира, если будутъ имѣть благоразуміе вовремя рѣшиться произвести ее сверху — или ворвется она со всѣми судорогами насилія, съ дико-развѣвающимися волосами, въ желѣзныхъ сандаліяхъ на ногахъ!

Такъ или иначе, но она придетъ, и когда, вдали отъ уличнаго шума, я углубляюсь въ исторію, мнѣ слышатся издали ея приближающіеся шаги.

Но неужели вы не видите, что, несмотря на различіе вѣрованій, мы идемъ рука объ руку въ нашихъ стремленіяхъ?

Вы не вѣрите въ Революцію и потому хотите помѣшать ея совершенію. Хорошо! Вамъ такъ и слѣдуетъ: это долгъ Вашей службы. Но я вѣрю въ Революцію и, потому что вѣрю, хочу не произвести ее — ибо, какъ я доказалъ въ критикѣ приговора, какъ слѣдуетъ изъ всего моего историче-

скаго міросозерцанія, усилія трибуна такъ же безсильны произвести Революцію, какъ дыханіе моего рта безсильно вызвать бурю на морѣ—а хочу заранѣе цивилизовать, гуманизировать ее на случай ея прихода снизу!

Я докажу Вамъ это именно по послѣднему пункту взведеннаго на меня обвиненія.

Обвиненіе упрекаетъ меня за указаніе на эгоизмъ, т. е. на безнравственность высшихъ классовъ.

Не буду напоминать Вамъ, что на это указывали еще Фихте, еще Руссо, еще Евангеліе.

Но, спрашиваю, по какому поводу говорилъ я объ этомъ?

«Быть можетъ, — говорю я въ лекціи, — мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ общества господствующимъ принципомъ общества и государства покажется очень опасною и безнравственною, грозящею погубить цивилизацію и культуру въ новѣйшемъ варварствѣ». «Но—продолжаю я—это опасеніе есть лишь предразсудокъ, и можно, напротивъ, доказать, что эта мысль представляетъ высшій прогрессъ, высшее торжество нравственности, какіе извѣстны во всемірной исторіи до сихъ поръ. Это опасеніе есть предразсудокъ, притомъ предразсудокъ именно настоящаго времени, одержимаго привилегіей. Уже было время, когда господствовалъ даже какъ разъ противоположный предразсудокъ: то было время французской революціи 1793 г.»

Вы видите, стало быть, что я заговорилъ объ этомъ только для того, чтобы оправдать мое воззрѣніе на задачу, предстоящую нашему всемірно-историческому періоду противъ упрека въ варварствѣ и грубости, упрека, который многіе очень готовы сдѣлать, хотя онъ очень неоснователенъ.

Уже одно это намѣреніе лишаетъ все сказанное мною о состояніи нравственности въ высшихъ классахъ всякаго враждебнаго кому бы то ни было характера, всякаго духа возбужденія и вызова. Все это сказано лишь для того, чтобы научно развить значеніе нашего историческаго періода и опровергнуть ошибочные упреки. Но 20 статья конституціи: «наука и ея ученіе свободны»—должна же имѣть по крайней мѣрѣ хотя тотъ смыслъ, что наукѣ позволяется говорить все нужное для доказательства своихъ положеній, что для нея нѣтъ ничего объективно запретнаго, ничего такого, чѣмъ она не могла бы пользоваться для своихъ научныхъ цѣлей.

Впрочемъ дѣло не въ томъ. Я имѣю въ виду другое доказательство.

Въ какомъ смыслѣ обсуждаю я возрастающую по мѣрѣ сословнаго возвышенія безнравственность, какъ говоритъ Фихте, и въ какомъ смыслѣ толкую я противоположный предразсудокъ санкюлотства?

Я говорю: «Противоположный догматъ былъ доведенъ тогда до того, что стоило имѣть только цѣлый кафтанъ, чтобы вслѣдствіе этого казаться развращеннымъ и подозрительнымъ; добродѣтель, чистота и патріотическая нравственность казались возможными только въ лохмотьяхъ. То былъ періодъ санкюлотства. Это воззрѣніе, господа, заключаетъ въ своемъ основаніи истину, которая только выражается имъ въ ложной и превратной формѣ. Но нѣтъ ничего опаснѣе истины, выражающейся въ ложной и превратной

формѣ. Потому что какъ ни отнестись къ ней, все будетъ дурно. Если принять истину въ ея ложной и превратной формѣ, то это можетъ привести къ печальнымъ заблужденіямъ, какъ и было въ санкюлотствѣ».

Итакъ я прямо говорю противъ санкюлотскаго пониманія этого принципа, обвиняю его въ ложности и превратности, въ печальныхъ заблужденіяхъ, къ которымъ оно должно приводить, если заранѣе не убѣдить народъ въ его ложности и превратности; но для этого необходимо показать истинное основаніе этого ложнаго пониманія.

Согласно этому, я показываю, что высшія привилегированныя сословія необходимо, безъ всякой личной вины должны быть безнравственны, потому что личный интересъ ставитъ ихъ въ необходимое противорѣчіе къ историческому прогрессу, къ идеализму культурнаго развитія, въ преданности которому, напротивъ, состоитъ вся истинная нравственность. Вслѣдствіе этого противорѣчія преданность прогрессу могутъ питать въ средѣ высшихъ сословій только тѣ личности, которыя усвоили себѣ обширный кругозоръ, вознесшій ихъ надъ личными интересами, а таковыхъ конечно не много. Въ низшихъ классахъ нѣтъ такого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, тогда какъ высшіе обречены имъ на историческую безнравственность безъ всякой личной вины. Низшіе классы, напротивъ того, находятся въ счастливомъ положеніи, оттого что у нихъ историческая нравственность совпадаетъ съ ихъ личнымъ интересомъ. Поэтому имъ легко быть нравственными. Правда, и въ нихъ еще довольно себялюбія; но у нихъ это частный порокъ, тогда какъ въ высшихъ сословіяхъ это необходимый продуктъ ихъ сословнаго положенія.

Такимъ образомъ что же говорилъ я всѣмъ этимъ работникамъ? Чему поучалъ я ихъ?

Знаете ли Вы, господа, внутреннюю исторію французской революціи? Я знаю ее до ея сокровеннѣйшихъ фибръ.

Что вызвало французскій терроръ?

Nous battons de la monnaie sur la place de Grève — «Мы чеканимъ монету на Гревской площади» (гдѣ казнили) — говорилъ Барреръ. Во имя vertu, во имя республиканской добродѣтели, Робеспьеръ казнилъ богатыхъ, за то, что они не раздѣляли патріотической любви къ равенству, а ему это казалось личнымъ преступленіемъ. Тогда не видѣли никакой возможности измѣнить объективный химизмъ общественныхъ учрежденій, исправить объективное неравенство въ матеріальномъ положеніи, напротивъ того, въ принципѣ признавали его какъ догматъ, и въ ярости отъ невозможности измѣнить положеніе вещей, естественно и необходимо вызывавшее соотвѣтствующее направленіе въ личностяхъ, сваливали вину на личности и казнили богатыхъ во имя добродѣтели!

Наученный этимъ грознымъ прошлымъ и зная, какъ склонны бѣдные классы къ этой пагубной ошибкѣ, я говорю въ моей лекціи работникамъ: Если событія когда-нибудь предадутъ власть въ Ваши руки, то обращайте вниманіе на обстоятельства, старайтесь разумно исправить ихъ, измѣнить

ихъ химическія функціи, но личности оставьте въ сторонѣ! Ихъ безнравственность, отсутствіе въ нихъ патріотической добродѣтели есть не ихъ вина, а необходимое выраженіе ихъ сословнаго положенія. Будь Вы на ихъ мѣстѣ, Вы ни на волосъ не были бы лучше.

Это такое возбужденіе къ ненависти и презрѣнію, какъ напр. вызовъ Христа: «кто сознаетъ себя чистымъ, брось первый камень!» — былъ возбужденіемъ къ убійству!

Какая иронія! Я всей душею стараюсь внушить работникамъ не винить личности, потому что онѣ лишь невинный и непроизвольный продуктъ обстоятельствъ, а меня обвиняютъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ этимъ личностямъ!

Послѣднее слово, господа!

Какъ возможно было поднять противъ меня это обвиненіе, предположить во мнѣ умыселъ на это преступленіе, безъ чего обвиненіе вѣдь невозможно?

Какъ? Человѣкъ, одержимый страстью Фауста, дошелъ серіезнымъ, упорнымъ трудомъ отъ греческой философіи и римскаго права черезъ всѣ отрасли исторической науки до современной экономіи и статистики, а Вы въ самомъ дѣлѣ можете думать, что онъ закончитъ свое долгое изученіе тѣмъ, что подстрекнетъ пролетарія зажечь пламя мятежа?

Какъ? Неужели такъ мало знаютъ нравственную, цивилизующую силу науки, такъ мало вѣрятъ ей, что считаютъ это возможнымъ?

Неужели Вы не видите, что, допустивъ это, Вы оскорбили бы нетолько меня, но и себя, и всю науку?

Что же остается въ наукѣ, если она не даетъ необходимо уму этическаго направленія? Что же такое нравственность, если не необходимый результатъ истиннаго знанія? Еслибы предположеніе, которое Вамъ внушаютъ, было бы хотя лишь мыслимо, вся культура была бы просто громадной ложью, и уничтожились бы всѣ узы, внутренно связующія цивилизованный міръ.

Стало быть, я не могу имѣть намѣренія зажигать мятежъ.

Чего же хочу я, обращаясь къ работникамъ съ мирною агитаціей и стараясь дѣйствовать на ихъ убѣжденія?

Я чувствую, что мнѣ необходимо отвѣтить Вамъ на это въ двухъ словахъ. Я намекалъ на это еще въ моей защитительной рѣчи въ первой инстанціи и впослѣдствіи. Я желаю добровольныхъ ассоціацій работниковъ, но желаю ихъ въ связи съ общимъ избирательнымъ правомъ, потому что желаю ихъ и считаю ихъ возможными и дѣйствительными только подъ благодѣтельной, цивилизующей эгидой государства!

Я приписываю государству высокую, громадную задачу развивать элементы человѣчности, что́ оно дѣлало отъ начала исторіи и будетъ дѣлать во вѣки вѣковъ, и, какъ органъ всѣхъ, устроитъ своей покровительственной рукой положеніе всѣхъ.

Это ученіе, господа, не проповѣдь варварства и разрушенія; это въ высокой степени государственное ученіе!

Господа! Вѣдь Вы не принадлежите къ манчестерцамъ, къ этимъ совре-

меннымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, — не ту или другую государственную форму, а вообще государство! Которые, какъ сами иногда сознаются, хотѣли бы уничтожить всякое государство, продать съ молотка правосудіе и полицію и вести войну акціонерными обществами, дабы во всей вселенной не осталось ни одного нравственнаго пункта, откуда могло бы оказываться сопротивленіе ихъ вооруженной капиталомъ эксплуататорской алчности!

Какъ ни расходимся мы въ убѣжденіяхъ, господа, но мы за-одно противъ этого разрушенія всего нравственнаго! За-одно съ Вами защищаю я противъ современныхъ варваровъ вѣковѣчный святой огонь цивилизаціи, государство!

Кончаю.

Вы сами видите, какія громадныя усилія употребилъ я, чтобы добиться оправданія! Защита отняла у меня столько времени, задала мнѣ столько труда, что это почти превосходитъ неудобства четырёхмѣсячнаго ареста.

Но я былъ обязанъ вполнѣ разъяснить предметъ ради Васъ, чтобы предохранить Васъ отъ безпримѣрной несправедливости!

Я былъ обязанъ ради науки отстоять обширную область умственной дѣятельности.

Я былъ обязанъ ради страны испытать, тотъ ли остался у насъ судъ, о которомъ при Фридрихѣ Великомъ до Франціи дошла поговорка: il y a des juges à Berlin—есть судьи въ Берлинѣ!

Каковъ бы ни былъ Вашъ приговоръ—онъ будетъ достопамятенъ. Не пустымъ звономъ нашей журналистики грожу я Вамъ. Сама наука—да, я имѣю нѣкоторое право говорить отъ ея имени—запишетъ этотъ приговоръ въ лѣтописи исторіи!

ГЛАСНЫЙ ОТВѢТЪ

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ,

УЧРЕЖДЕННОМУ ДЛЯ СОЗВАНІЯ ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО КОНГРЕССА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

Господа!

Въ письмѣ Вашемъ Вы приглашаете меня изложить Вамъ, въ какой мнѣ угодно формѣ, мои взгляды на рабочее движеніе, на средства, къ которымъ надо прибѣгнуть для улучшенія положенія рабочаго сословія въ политическомъ, матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ, и особенно на значеніе ассоціацій для совершенно недостаточнаго класса народа.

Я не затрудняюсь исполнить Ваше желаніе и избираю для этого простѣйшую форму гласнаго отвѣта на Ваше письмо, что́ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ самому характеру вопроса.

Замѣчу только, что необходимыя занятія, отнимающія у меня все мое время, принуждаютъ меня сдѣлать это письмо какъ можно короче, что впрочемъ также согласуется съ Вашею цѣлью.

Когда въ октябрѣ прошлаго года, какъ разъ во время моего отсутствія отсюда, Вы держали въ Берлинѣ первое совѣщаніе о конгрессѣ германскихъ работниковъ, совѣщаніе, за которымъ я слѣдилъ по газетамъ съ величайшимъ интересомъ, въ собраніи Вашемъ были заявлены два совершенно противоположныя воззрѣнія.

Одни утверждали, что Вамъ вообще вовсе не слѣдуетъ заниматься политическимъ движеніемъ, что для Васъ оно лишено всякаго интереса.

Другіе, напротивъ, полагали, что Вы должны считать себя прихвостнями прусской партіи прогрессистовъ, служить ей хоромъ и эхомъ, лишенными всякой самостоятельности.

Будь я тогда въ Вашемъ собраніи, я возсталъ бы одинаково противъ обоихъ мнѣній.

Дѣйствительно, надо быть очень ограниченнымъ, чтобы находить, что работника не должно интересовать политическое движеніе и развитіе!

Наоборотъ, только отъ политической свободы можетъ онъ ожидать удовлетворенія своихъ законныхъ интересовъ.

Уже самый вопросъ о Вашемъ правѣ собираться, обсуждать Ваши интересы, составлять для осуществленія ихъ общества и пр. — есть вопросъ, зависящій отъ политическаго положенія и политическаго законодательства страны, и потому не стоитъ больше тратить слова на опроверженіе столь ограниченнаго воззрѣнія.

Но не менѣе ложно, не менѣе способно было ввести въ заблужденіе и противоположное воззрѣніе, внушавшее Вамъ считать себя въ политическомъ отношеніи лишь прихвостнями партіи прогрессистовъ!

Правда, было бы несправедливо отрицать, что въ то время прусская партія прогрессистовъ при столкновеніи своемъ съ прусскимъ правительствомъ пріобрѣла нѣкоторыя, впрочемъ умѣренныя, заслуги въ отношеніи политической свободы твердымъ отстаиваніемъ своего права контролировать бюджетъ и сопротивленіемъ военнымъ преобразованіямъ въ Пруссіи.

Но и тогда уже подобное воззрѣніе было совершенно немыслимо, и вотъ по какимъ причинамъ.

Вопервыхъ, такой могущественной и самостоятельной партіи, какъ германскіе работники,—партіи, имѣющей въ виду цѣли, заключающія въ себѣ столь великіе принципы, совершенно неприлично ставить себя въ подобное отношеніе къ прусской партіи прогрессистовъ, которая написала на своемъ знамени лишь приверженность прусской конституціи и ставитъ цѣлью своей борьбы сопротивленіе односторонней военной реформѣ или отстаиваніе права контролировать бюджетъ; какъ ограниченны эти цѣли, можно судить потому, что въ прочихъ германскихъ государствахъ никто и не думаетъ предпринимать подобныхъ реформъ и никто не помышляетъ отвергать право контроля палатъ.

Вовторыхъ, не было поруки, что прусская партія прогрессистовъ выдержитъ свое столкновеніе съ прусскимъ правительствомъ съ тѣмъ достоинствомъ и тою энергіею, которыя приличны рабочему сословію; не было поруки, что она будетъ достойна теплыхъ симпатій его.

Втретьихъ, ничто не удостовѣряло также, что прусская партія прогрессистовъ, если одержитъ побѣду надъ прусскимъ правительствомъ, воспользуется этой побѣдой въ интересахъ всего народа, а не привилегій буржуазіи, т. е. было сомнительно, послужитъ ли эта побѣда къ установленію общаго равнаго и прямаго избирательнаго права, чего требуютъ демократическіе принципы и законные интересы рабочаго сословія.

Въ отрицательномъ случаѣ партія прогрессистовъ, очевидно, не могла имѣть притязанія ни на малѣйшее сочувствіе германскаго рабочаго сословія.

Вотъ что сказалъ бы я Вамъ тогда по поводу этого мнѣнія.

Но теперь я имѣю факты, которые впрочемъ и тогда было не трудно предвидѣть, и на основаніи ихъ я могу прибавить, что прусская партія про-

грессистовъ совершенно лишена той энергіи, которая была необходима ей, чтобы съ достоинствомъ и побѣдой выйти даже изъ незначительнаго столкновенія, случившагося у нея съ прусскимъ правительствомъ.

Хотя правительство продолжаетъ фактически отрицать право контроля надъ бюджетомъ, партія эта продолжаетъ засѣдать въ палатѣ и вести парламентскія дѣла съ министерствомъ, которое сама признала подлежащимъ уголовной отвѣтственности. Позорищемъ такой безпримѣрной слабости и отсутствія чувства чести она унижаетъ и себя, и народъ!

Продолжая засѣдать, участвовать въ преніяхъ и вести съ правительствомъ парламентскія дѣла послѣ того, какъ сама объявила конституцію нарушенною, она помогаетъ правительству, способствуетъ ему сохранять призракъ конституціоннаго положенія.

Ей слѣдовало объявить засѣданія палаты закрытыми до тѣхъ поръ, пока правительство не прекратитъ расходовъ, отвергнутыхъ палатой. Этимъ она поставила бы правительство въ неизбѣжность выбрать одно изъ двухъ: или уважать конституціонное право палаты, или, отбросивъ всѣ внѣшности конституціоннаго положенія, явиться открыто и безъ обиняковъ самодержавнымъ, принимая всю громадную отвѣтственность, сопряженную съ абсолютизмомъ, и само вызывая кризисъ, который рано или поздно долженъ наступить вслѣдствіе явнаго деспотизма. Вмѣсто того она даетъ правительству возможность сочетать всѣ выгоды самодержавія со всѣми выгодами мнимо-конституціоннаго положенія.

Вмѣсто того, чтобы вынудить правительство къ открытому абсолютизму безъ прикрасъ и такимъ образомъ доказать народу фактами, что конституціи не существуетъ, она, стало быть, соглашается играть свою роль въ этой комедіи фальшиваго конституціонализма. Такимъ образомъ она помогаетъ поддерживать обманъ, который, какъ всякій другой, помрачаетъ смыслъ народа и развращаетъ его нравственность †).

Итакъ, эта партія доказала, что противъ рѣшительнаго правительства она есть и будетъ безсильна.

Она доказала свою совершенную неспособность содѣйствовать малѣйшему дѣйствительному осуществленію интересовъ свободы.

Она доказала, что не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на симпатіи демократическихъ слоевъ населенія и совершенно чужда чувства и пониманія политической чести, которою рабочее сословіе должно быть проникнуто.

Словомъ, эта партія фактически доказала, что она ничто иное, какъ воскресшая подъ новымъ красивымъ именемъ обезславленная Готская партія.

Вотъ что могу я прибавить теперь.

Наконецъ, теперь, какъ и тогда, я долженъ еще сказать Вамъ, что эта партія вынуждена своимъ догматомъ «прусскаго прогресса» видѣть въ прусскомъ правительствѣ призваннаго Мессію германскаго возрожденія, тогда какъ

---

†) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, рѣчь: «Что же теперь?»

нѣтъ ни одного нѣмецкаго правительства, не исключая гессенскаго, которое въ политическомъ отношеніи стояло бы позади прусскаго, и, наоборотъ, нѣтъ почти ни одного нѣмецкаго правительства, не исключая австрійскаго, которое не шло бы еще значительно впереди прусскаго. Уже одно это лишаетъ партію прогрессистовъ всякаго права служить представительницей германскаго рабочаго сословія, потому что это доказываетъ въ ней такое заблужденіе и самообольщеніе, такую неспособность, довольствующуюся трезвономъ словъ, что не остается никакой возможности ожидать отъ нея чего-нибудь для дѣйствительнаго развитія свободы германскаго народа.

Изъ всего сказаннаго само собою явствуетъ, какъ держать себя рабочему сословію въ политикѣ и какъ относиться ему къ партіи прогрессистовъ.

Рабочее сословіе должно организоваться въ самостоятельную политическую партію и принять лозунгомъ этой партіи общее равное и прямое избирательное право. Представительство рабочаго сословія въ германскихъ законодательныхъ собраніяхъ — вотъ одно, что можетъ удовлетворить его законные интересы въ политическомъ отношеніи. Согласно этому, политической программой рабочей партіи должна быть мирная и законная агитація въ этихъ видахъ при помощи всѣхъ законныхъ средствъ.

Само собою понятно, какъ должна относиться рабочая партія къ нѣмецкой партіи прогрессистовъ.

Всегда сознавать себя и являться партіей самостоятельной и совершенно отдѣльной отъ партіи прогрессистовъ, поддерживать ее въ вопросахъ и пунктахъ общаго интереса, но рѣшительно отворачиваться отъ нея и идти противъ нея, какъ скоро она удаляется отъ интересовъ рабочаго сословія, такимъ образомъ заставлять ее или идти впередъ и превзойти свой нынѣшній уровень, или все глубже погружаться въ болото ничтожества и безсилія, въ которомъ она теперь погрязла уже по-колѣна, — такова должна быть простая тактика германской рабочей партіи противъ партіи прогрессистовъ.

Вотъ все, что вамъ предстоитъ дѣлать въ политическомъ отношеніи.

Теперь перейдемъ къ соціальному вопросу, который справедливо занимаетъ Васъ еще гораздо больше.

Не безъ горькаго смѣха прочелъ я въ газетахъ, что пренія о свободѣ переходовъ и промысловъ входили въ программу занятій, проэктированныхъ Вами для конгресса.

Какъ, господа, — Вы намѣрены были препираться еще о свободѣ переходовъ?

На это я могу Вамъ отвѣтить только Шиллеровскимъ двустишіемъ:

«Многіе годы я пользуюсь носомъ для обонянья,
Но доказано ль мнѣ право мое на мой носъ?» †)

И не тоже ли самое съ свободою промысловъ?

---

†) Переводъ Н. В. Гербеля: Полное собраніе сочиненій Шиллера.

Въ этихъ преніяхъ по крайней мѣрѣ одинъ недостатокъ: они опоздали слишкомъ на 50 лѣтъ.

Свобода переходовъ и промысловъ — предметы, которые законодательное собраніе должно безъ разговоровъ постановлять, а не препираться о нихъ.

Неужели и германскому рабочему сословію суждено повторить зрѣлище тѣхъ собраній, которыя самоуслаждаются и тѣшатся длинными безцѣльными рѣчами?

Нѣтъ, серьезный духъ и энергія германскаго рабочаго сословія предохранятъ его отъ столь жалкаго зрѣлища!

Но вы хотите учредить сберегательныя, инвалидныя, вспомогательныя и больничныя кассы?

Я признаю въ этихъ учрежденіяхъ извѣстную относительную пользу, хотя въ высшей степени ничтожную и почти не стоющую траты словъ.

Но прежде всего отличимъ одинъ отъ другаго два вопроса, не имѣющіе между собою ничего общаго.

Въ томъ ли Ваша цѣль, чтобы сдѣлать бѣдствія рабочихъ индивидумовъ посносиѣе? Въ томъ ли, чтобы противодѣйствовать неразсчетливости, болѣзнямъ, старости, несчастнымъ случаямъ всякаго рода, которые случайно или необходимо низводятъ положеніе отдѣльныхъ личностей рабочаго класса на степень еще гораздо худшую общаго положенія всего сословія?

Въ такомъ случаѣ больничныя, инвалидныя, сберегательныя и вспомогательныя кассы, конечно, очень соотвѣтственныя средства. Но для подобной цѣли вовсе не стоило поднимать такое волненіе во всей Германіи, возбуждать общую агитацію во всемъ рабочемъ сословіи. Кчему раздувать горы, чтобы онѣ рожали мышей!

Гораздо лучше было бы спокойно предоставить эту въ высшей степени ограниченную и маловажную задачу мѣстнымъ обществамъ, которыя и разрѣшили бы ее гораздо успѣшнѣе.

Или въ томъ Ваша цѣль, чтобы улучшить и возвысить надъ нынѣшнимъ уровнемъ общее положеніе всего рабочаго класса?

Да, такова Ваша цѣль и таковой она должна быть. Но необходимо было провести строгую черту разграниченія между этими двумя столь различными цѣлями, чтобы показать Вамъ гораздо яснѣе, чѣмъ показало бы длинное разсужденіе, до какой степени всѣ эти учрежденія безсильны для достиженія второй цѣли и какъ чужды они, слѣдовательно, нынѣшнему рабочему движенію.

Позвольте мнѣ привести свидѣтельство лишь одного спеціалиста, признаніе строго консервативнаго, строго монархическаго профессора Губера, который посвятилъ свои занятія между прочимъ и соціальному вопросу, развитію рабочаго движенія.

Я люблю ссылаться на этого человѣка и потому сошлюсь на него въ этомъ письмѣ не однократно; я дорожу его свидѣтельствами, потому что въ политическомъ отношеніи онъ стоитъ со мной на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, а въ экономическомъ—на совершенно иной; стало быть, ссылкой на

него мнѣ всего удобнѣе устранить подозрѣніе, будто мое пренебреженіе къ этимъ учрежденіямъ зависитъ отъ предвзятыхъ политическихъ тенденцій; съ другой стороны, профессоръ Губеръ также далекъ отъ либерализма, какъ и отъ моихъ политическихъ воззрѣній, вслѣдствіе чего обладаетъ необходимымъ безпристрастіемъ для правдиваго свидѣтельствованія въ вопросахъ народной экономіи; между тѣмъ всѣ послѣдователи либеральной школы принуждены въ этихъ вопросахъ обманывать рабочихъ и даже, для лучшаго обмана ихъ, предварительно обманывать самихъ себя, чтобы согласовать факты съ своими тенденціями.

«Не отрицая — говоритъ профессоръ Губеръ въ своей Concordia — относительной пользы сберегательныхъ, вспомогательныхъ и больничныхъ кассъ и пр., насколько онѣ дѣйствительно полезны, нельзя однако не сказать, что эти хорошія вещи влекутъ за собой важныя отрицательныя невыгоды, потому что препятствуютъ лучшему».

Эти важныя отрицательныя невыгоды обнаружились бы въ особенно сильной степени, препятствуя лучшему, еслибы эти учрежденія заняли собою силы великаго общегерманскаго рабочаго движенія или даже еслибы отвлекли на себя хотя часть его силъ.

Но вотъ разныя газеты и совѣты, получаемые Вами отовсюду, какъ Вы сами говорите въ Вашемъ письмѣ, рекомендуютъ Вамъ воспользоваться для улучшенія рабочаго положенія учрежденіями Шульце-Делича, его ссудными и кредитными союзами, его обществами сырья и потребленія.

Здѣсь я осмѣлюсь попросить Вашего полнаго вниманія.

Шульце-Делича можно разсматривать въ троякомъ отношеніи.

Въ политикѣ онъ принадлежитъ къ партіи прогрессистовъ, которую мы уже разсмотрѣли.

Вовторыхъ, онъ заявляетъ притязаніе на званіе національнаго экономиста. Въ этомъ отношеніи, какъ теоретическій національный экономистъ, онъ вполнѣ принадлежитъ къ либеральной школѣ, раздѣляетъ всѣ ея заблужденія, обманы и самоослѣпленіе. Лекціи, которыя онъ до сихъ поръ читалъ берлинскимъ рабочимъ, служатъ этому разительнымъ доказательствомъ: извращенныя понятія, заключенія, не имѣющія никакого отношенія къ посылкамъ — таково ихъ содержаніе. Но здѣсь не мѣсто, и я не намѣренъ пускаться въ критику теоретическихъ національно-экономическихъ воззрѣній и лекцій Шульце-Делича, обличать всѣ софизмы и самонадувательства, общіе у него со всей либеральной школой, къ которой онъ принадлежитъ въ теоретическомъ, національно-экономическомъ отношеніи. Притомъ я и безъ того буду принужденъ возвратиться ниже къ сущности этого ученія.

Но сверхъ своего теоретическаго національно-экономическаго положенія Шульце-Деличъ имѣетъ еще, *втретьихъ*, *практическое значеніе*.

Онъ единственный членъ своей партіи, партіи прогрессистовъ, сдѣлавшій кое-что для народа — и тѣмъ болѣе ему чести!

Своею неутомимою дѣятельностью онъ въ самое тяжелое время, единственно личными силами сдѣлался отцомъ и основателемъ германскихъ ассо-

ціацій и далъ этому дѣлу толчекъ, представляющій въ высшей степени важныя и обширныя послѣдствія. Я пишу это съ самымъ теплымъ чувствомъ признательности и мысленно искренно жму ему руку за эту заслугу, хотя въ теоріи мы противники. Честно и справедливо судить даже противника есть первый долгъ человѣка, и рабочее сословіе прежде всего должно глубоко проникнуться этимъ убѣжденіемъ.

Если теперь движеніе германскихъ рабочихъ рѣшаетъ вопросъ, какъ понимать ассоціацію — въ смыслѣ ли Шульце-Делича, или въ моемъ, — то мы обязаны этимъ главнымъ образомъ ему; это истинная заслуга, заслуга неоцѣненная.

Но теплое чувство, съ которымъ я признаю эту заслугу, не должно мѣшать намъ съ критической строгостью взглянуть на вопросъ:

Могутъ ли шульце-деличевскія ассоціаціи, кредитныя и ссудныя общества, сырьевыя и потребительныя складчины, улучшить положеніе рабочаго сословія?

На этотъ вопросъ приходится рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣтить — *нѣтъ!*

Легко показать это вкратцѣ.

Что касается, вопервыхъ, кредитныхъ или ссудныхъ и сырьевыхъ обществъ, то и тѣ и другія существуютъ лишь для того, кто ведетъ дѣло на свой счетъ, стало быть, для мелкопромышленнаго ремесленника. Для рабочаго въ тѣсномъ смыслѣ, для работниковъ, занятыхъ въ фабричной крупной промышленности, не имѣющихъ собственнаго промысла, для котораго имъ были бы нужны кредитъ и сырые матеріалы, — эти общества не существуютъ.

Помощь ихъ можетъ, слѣдовательно, пригодиться лишь для ремесленной мелкой промышленности.

Но и въ этомъ отношеніи замѣтьте и запомните два существенныя обстоятельства.

Вопервыхъ, наша промышленность необходимо стремится къ замѣнѣ крупнымъ фабричнымъ производствомъ мелкаго ремесленнаго, или, какъ его прозвали, карликоваго; вслѣдствіе этого она ежедневно превращаетъ множество ремесленниковъ въ настоящихъ рабочихъ, занятыхъ въ крупномъ фабричномъ производствѣ. Англія и Франція, опередившія насъ въ экономическомъ развитіи, доказываютъ это еще убѣдительнѣе Германіи, которая впрочемъ тоже дѣлаетъ ежедневно большіе успѣхи на этомъ пути. Вашъ собственный опытъ, вѣроятно, достаточно подтверждаетъ Вамъ это.

Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что шульце-деличевскія кредитныя и ссудныя общества и его сырьевыя складчины, еслибы и могли помочь работникамъ, то очень немногимъ, число которыхъ ежедневно уменьшается, постепенно исчезаетъ въ силу необходимаго развитія нашей промышленности, переводящаго ихъ въ классъ собственно-рабочихъ, недоступный подобной помощи. Но это только первый выводъ. Второй, тѣсно связанный съ первымъ, но еще важнѣйшій, состоитъ въ слѣдующемъ. Кредитныя и сырьевыя общества никоимъ образомъ не могутъ защитить рабочихъ, остающихся еще въ ремеслен-

ной мелкой промышленности, противъ конкуренціи фабричной крупной промышленности. Опять ссылаюсь на признанія профессора Губера. Отозвавшись, подобно мнѣ, съ похвалой о кредитныхъ и сырьевыхъ обществахъ Шульце-Делича, онъ продолжаетъ: «Къ сожалѣнію, предположеніе, будто черезъ нихъ карликовая промышленность получитъ возможность конкурировать съ крупной, оказывается далеко неосновательнымъ».

Но лучше всякаго свидѣтельства могутъ убѣдить Васъ внутреннія причины того, что я доказываю; ихъ не трудно объяснить.

Какъ далеко можетъ простираться дѣйствіе кредитныхъ обществъ и обществъ для пріобрѣтенія дешевыхъ и доброкачественныхъ сырыхъ матеріяловъ? Они могутъ сравнять положеніе неимущаго ремесленника съ положеніемъ имущаго ремесленника, имѣющаго маленькій капиталъ, достаточный для его мелкой ремесленной промышленности. Стало быть, самое большее, что они могутъ сдѣлать, это дать неимущему ремесленнику возможность конкурировать съ хозяиномъ, обладающимъ собственнымъ капиталомъ, достаточнымъ для его ремесленной промышленности. Но дѣло въ томъ, что и хозяинъ, обладающій собственнымъ достаточнымъ для ремесленнаго производства капиталомъ, не можетъ выдерживать конкуренціи съ крупнымъ капиталомъ и фабричнымъ производствомъ, потому что обширный размѣръ промышленности удешевляетъ всѣ расходы на производство, даетъ возможность довольствоваться меньшей прибылью съ каждаго отдѣльнаго продукта, и по многимъ другимъ причинамъ. Но кредитныя и сырьевыя общества по большей мѣрѣ только уравниваютъ неимущаго работника съ мелкимъ капиталистомъ, хозяиномъ мелкопромышленнаго ремесленнаго заведенія †); а такъ какъ капиталистъ этотъ не можетъ выдерживать конкуренціи съ фабричной крупной промышленностью, то и ремесленникъ, ведущій дѣла съ помощью этихъ обществъ, не можетъ выдержать ее.

Итакъ, эти общества могутъ только продлить смертельную борьбу, въ которой мелкое ремесло погибаетъ подъ гнетомъ крупной промышленности и

---

†) Въ отношеніи закупки сырья можно даже сказать, что положеніе ремесленника, занимающагося своимъ мелкимъ промысломъ съ помощью сырьеваго общества, выгоднѣе, чѣмъ положеніе хозяина, имѣющаго свой частный мелкій промыселъ съ собственнымъ капиталомъ, потому что первый пользуется выгодами закупки гуртомъ, и профессоръ Губеръ считаетъ эти выгоды при пріобрѣтеніи сырыхъ матеріяловъ въ 20—30 процентовъ. Однако, какъ мы видѣли, это не мѣшаетъ ему сознаться, что и сырьевыя общества не выдержатъ конкуренціи съ фабричной крупной промышленностью; оно и понятно, потому что пріобрѣтеніе сырья по гуртовымъ цѣнамъ есть лишь одно изъ многихъ условій дешевизны производства, которыми пользуется крупная промышленность. Впрочемъ, положеніе ремесленника, промышляющаго съ помощью сырьеваго общества, уравнивается съ положеніемъ хозяина, промышляющаго съ помощью собственнаго мелкаго капитала, тѣмъ, что послѣднему не приходится отчислять процентовъ съ своего капитала, и кромѣ того, онъ можетъ вступить въ сношенія съ лучшими источниками добыванія по каждой нужной ему статьѣ товара, тогда какъ сырьевыя общества не могутъ обладать одинаковымъ знаніемъ всѣхъ товаровъ, какіе имъ могутъ понадобиться.

вскорѣ должно окончательно уступить ей; черезъ это они усилятъ муки этой смертельной борьбы и безполезно задержатъ развитіе нашей культуры. Но и это значеніе они имѣютъ только для малочисленнаго ремесленнаго класса, а рабочаго сословія, занятаго въ крупной промышленности и ежедневно умножающагося, вовсе не касаются!

Остается еще разсмотрѣть потребительныя общества.

Развитіе потребительныхъ обществъ распространилось бы на все рабочее сословіе.

Тѣмъ неменѣе они совершенно неспособны улучшить положеніе рабочаго сословія. На это есть три причины, которыя въ сущности составляютъ одну.

1) Какъ покажетъ экономическій законъ, который я разовью sub 2, рабочее сословіе терпитъ постигающій его ущербъ въ качествѣ не потребителя, а производителя. Стало быть, уже по одному этому ошибочно хотѣть помочь работнику, какъ потребителю, вмѣсто того, чтобы помогать ему съ той стороны, гдѣ его дѣйствительно давятъ, т. е. какъ производителю.

Какъ потребители, мы теперь пользуемся общимъ равенствомъ. Передъ торгашемъ всѣ люди равны, какъ передъ жандармомъ, если только платятъ.

Правда, по ограниченной способности рабочаго сословія къ платежамъ, для него возникъ въ этомъ особый побочный вредъ, который однако не имѣетъ ничего общаго съ съѣдающимъ его главнымъ недугомъ, съ его страшнымъ рокомъ; этотъ побочный вредъ заключается въ невыгодной необходимости покупать нужные ему припасы самыми ничтожными количествами и такимъ образомъ подвергаться лихоимству мелочной лавки—shopkeepers. Противъ этого зла потребительныя общества точно помогаютъ; но не говоря уже о томъ, что Вы увидите sub 3 насчетъ продолжительности этой помощи и срока ея окончанія, это ограниченное пособіе способно сдѣлать печальное положеніе работника лишь немного сноснѣе; стало быть, его никакъ нельзя причислять къ средствамъ того улучшенія положенія работающаго класса, къ которому стремится рабочее сословіе.

2) При теперешнихъ отношеніяхъ, подъ господствомъ спроса и предложенія труда, рабочую плату опредѣляетъ слѣдующій желѣзный законъ: средній размѣръ рабочей платы всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія. Вотъ точка, вокругъ которой вращается дѣйствительная поденная плата, какъ маятникъ, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже. Она не можетъ надолго подняться выше этого средняго размѣра, потому что тогда, вслѣдствіе улучшенія положенія рабочихъ, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размноженіе, рабочее населеніе умножилось бы и такимъ образомъ увеличилось бы предложеніе рукъ, что низвело бы рабочую плату къ прежнему размѣру или ниже.

Но рабочая плата не можетъ долго продержаться и ниже размѣра, безусловно необходимаго для существованія, потому что тогда наступаютъ выселенія, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и наконецъ уменьшеніе

числа рабочихъ посредствомъ нищеты, что ослабляетъ предложеніе рабочихъ рукъ и потому возводитъ рабочую плату до прежняго размѣра.

Слѣдовательно, дѣйствительный средній размѣръ рабочей платы состоитъ въ безпрестанномъ колебаніи вокругъ этого центра тяжести ея, причемъ она то возвышается (періодъ благоденствія во всѣхъ или нѣкоторыхъ отрасляхъ труда), то падаетъ (періодъ болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ).

Ограниченіе средняго размѣра рабочей платы предѣлами, по привычкамъ народа безусловно необходимыми для существованія и размноженія, — таковъ, повторяю, желѣзный и жестокій законъ, управляющій при нынѣшнихъ обстоятельствахъ рабочею платою.

Никто не можетъ оспаривать этотъ законъ. Я могу привести за него столько авторитетовъ, сколько есть въ національно-экономической наукѣ великихъ и знаменитыхъ именъ, притомъ изъ либеральной же школы, потому что законъ этотъ открытъ и доказанъ именно либеральной экономической школой.

Вы должны, господа, прежде всего глубоко, глубоко запечатлѣть въ душѣ этотъ желѣзный, жестокій законъ и исходить отъ него во всѣхъ Вашихъ сужденіяхъ.

По этому случаю я могу сообщить Вамъ и всему рабочему сословію вѣрнѣйшее средство разъ навсегда предохранить себя отъ всѣхъ обмановъ и сбиваній съ толку.

Какъ скоро кто-нибудь заговоритъ Вамъ объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ, Вы прежде всего задайте ему вопросъ: признаетъ ли онъ этотъ законъ или нѣтъ?

Если онъ не признаетъ его, то знайте, что онъ или хочетъ обмануть Васъ, или находится въ самомъ жалкомъ невѣжествѣ относительно экономической науки. Ибо, какъ я уже замѣтилъ, даже въ либеральной школѣ нѣтъ ни одного извѣстнаго экономиста, который отрицалъ бы его. Адамъ Смитъ и Сэ, Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Милль—всѣ сходятся на признаніи его. Въ этомъ отношеніи между людьми науки нѣтъ разногласія.

Если же толкующій о положеніи работниковъ на Вашъ вопросъ признаетъ этотъ законъ, то спросите его дальше: какъ онъ думаетъ устранить его? И если онъ не найдется, что отвѣтить Вамъ, — повернитесь къ нему спокойно спиной. Это пустой болтунъ, который хочетъ надуть и оглушить громкими фразами Васъ или самого себя.

Взглянемъ поближе на сущность и значеніе этого закона. Его можно другими словами выразить такъ:

Изъ продукта труда берется и раздается рабочимъ столько, сколько безусловно необходимо для поддержанія ихъ существованія (рабочая плата).

Весь остальной продуктъ труда достается предпринимателямъ.

Вотъ почему, вслѣдствіе этого желѣзнаго и жестокаго закона, Вы не можете воспользоваться выгодами, какія представляетъ усиленіе производительности прогрессомъ цивилизаціи, т. е. усиленіе продуктивности Вашего собственнаго труда, умноженіе его продуктовъ. И вотъ почему я назвалъ Васъ въ моей брошюрѣ для рабочихъ, о которой Вы упоминаете въ Вашемъ нись-

мѣ, классомъ обездоленныхъ. Вамъ всегда достается лишь безусловно необходимое для существованія, а предпринимателямъ всегда все, что трудъ производитъ сверхъ этого.

Но при очень большихъ успѣхахъ продуктивности (производительности труда) многіе продукты промышленности доходятъ до крайней дешевизны; такимъ образомъ можетъ случиться, что усиленіе производительности труда доставитъ Вамъ, вслѣдствіе этого удешевленія, извѣстную косвенную выгоду, не какъ производителямъ, а какъ потребителямъ. Въ Вашей производительной дѣятельности эта выгода Васъ не касается, не касается достающейся Вамъ доли продукта труда, нисколько не измѣняетъ величину этой доли; она касается Васъ только въ положеніи потребителей, какъ поправляетъ и положеніе предпринимателей въ качествѣ потребителей и даже положеніе лицъ, вовсе не участвовавшихъ въ трудѣ, но которые тоже потребляютъ; притомъ для нихъ эта выгода гораздо больше, чѣмъ для Васъ.

Однако даже и эта выгода, достающаяся Вамъ уже не какъ работникамъ, а просто какъ людямъ вообще, уничтожается тѣмъ желѣзнымъ и жестокимъ закономъ, который вскорѣ опять низводитъ рабочую плату къ размѣру потребленія, безусловно необходимому для существованія.

Можетъ наконецъ еще случиться, что производительность труда усиливается вдругъ и съ нею также внезапно наступаетъ удешевленіе продуктовъ; во-вторыхъ, это можетъ случиться какъ разъ въ довольно продолжительный періодъ усиленнаго спроса на рабочія руки; при такомъ благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ эти несоразмѣрно подешевѣвшіе продукты могутъ войти въ кругъ предметовъ, безусловно необходимыхъ въ силу народныхъ привычекъ для существованія.

Итакъ, слѣдовательно, эта пляска работника и рабочей платы на крайнемъ предѣлѣ содержанія, необходимѣйшаго по даннымъ потребностямъ для поддержанія жизни, пляска, то немного отступающая отъ этого предѣла, то перескакивающая за него, не прекращается никогда!

Этотъ крайній предѣлъ въ разныя времена можетъ самъ удаляться и отступать вслѣдствіе указаннаго стеченія обстоятельствъ; поэтому можетъ случиться, что, сравнивая разныя эпохи, мы найдемъ, что положеніе рабочаго сословія позднѣйшаго столѣтія или позднѣйшаго поколѣнія нѣсколько улучшилось противъ положенія его въ прошломъ столѣтіи или поколѣніи, потому что минимумъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей нѣсколько повысился.

Я былъ вынужденъ сдѣлать это небольшое отступленіе, господа, хотя оно вовсе не идетъ къ моей цѣли, потому что, съ легкой руки Бастіа, всѣ, желающіе пускать Вамъ пыль въ глаза, постоянно избираютъ это ничтожное улучшеніе, совершающееся цѣлыми вѣками и поколѣніями, темой грошовыхъ пустыхъ декламацій.

Прошу Васъ, господа, обратить вниманіе на точный смыслъ моихъ словъ. Я говорю: по указаннымъ причинамъ можетъ статься, что необходимый минимумъ средствъ, а съ нимъ и общее положеніе рабочаго сословія окажутся при сравненіи разныхъ поколѣній возвысившимися въ позднѣйшихъ. Дѣй-

ствительно ли такъ есть, дѣйствительно ли общее положеніе рабочаго сословія постоянно улучшается съ теченіемъ вѣковъ — это, господа, вопросъ очень трудный, очень запутанный, требующій слишкомъ ученаго изслѣдованія, чтобы за разрѣшеніе его, хоть сколько-нибудь, хоть приблизительно, могли браться тѣ лица, которыя безпрестанно забавляютъ Васъ разсужденіями о цѣнѣ миткаля въ прошломъ столѣтіи, о количествѣ потребляемаго Вами миткалеваго платья теперь и тому подобными пошлостями, списываемыми изъ любаго учебника.

Я не имѣю намѣренія пускаться здѣсь въ подобное изслѣдованіе, потому что здѣсь я долженъ ограничиться сообщеніемъ Вамъ лишь того, что нетолько безспорно, но кромѣ того удобопонятно. Допустимъ, стало быть, что минимумъ жизненныхъ потребностей повышается и что, слѣдовательно, положеніе рабочаго сословія постоянно улучшается съ теченіемъ вѣковъ и поколѣній.

Но все-таки мнѣ надо показать Вамъ, что этими общими мѣстами передергиваютъ вопросъ, о которомъ собственно идетъ рѣчь, и подставляютъ совершенно другой.

Васъ надуваютъ, Васъ обходятъ, господа!

Говоря о положеніи рабочихъ и о его улучшеніи, Вы разумѣете Ваше положеніе въ сравненіи съ положеніемъ Вашихъ современныхъ согражданъ, въ сравненіи, стало быть, съ размѣромъ современныхъ жизненныхъ потребностей.

А Васъ утѣшаютъ мнимымъ сравненіемъ Вашего положенія съ положеніемъ рабочихъ въ прежніе вѣка!

Допустивъ, что минимумъ жизненныхъ потребностей, опредѣляемый привычками, повысился и что поэтому положеніе Ваше лучше положенія рабочихъ, жившихъ 80, 200, 300 лѣтъ тому назадъ,—спрашивается, какое значеніе можетъ это имѣть для Васъ и какое удовлетвореніе можетъ оно дать Вамъ? Точно такое же, какъ тотъ уже совершенно безспорный фактъ, что нынѣшнее положеніе Ваше лучше положенія ботокудовъ и дикихъ людоѣдовъ!

Вѣдь удовлетвореніе человѣка всегда зависитъ только отъ отношенія имѣющихся у него средствъ удовлетворенія къ его потребностямъ, опредѣляемымъ привычкою, или — что тоже — отъ излишка средствъ удовлетворенія надъ опредѣляемымъ привычкою низшимъ предѣломъ его жизненныхъ потребностей въ данное время. Повышеніе минимума жизненныхъ потребностей также влечетъ за собой и новыя страданія и лишенія, прежде неизвѣстныя. Какое лишеніе ботокуду, что онъ не можетъ купить мыла? Какое лишеніе дикому людоѣду, что у него нѣтъ приличнаго платья? Какое лишеніе было работникамъ до открытія Америки, если у нихъ не было табаку? Какое лишеніе было для работника до открытія книгопечатанія въ невозможности пріобрѣсти полезную книгу?

Итакъ, всѣ человѣческія страданія и лишенія зависятъ отъ отношенія средствъ удовлетворенія къ существующимъ въ то же время потребностямъ и привычкамъ. Стало быть, всѣ человѣческія страданія и лишенія и всѣ че-

ловѣческія удовлетворенія, — слѣдовательно, все вообще положеніе человѣка измѣряется лишь сравненіемъ съ положеніемъ другихъ современныхъ людей относительно жизненныхъ потребностей, опредѣляемыхъ привычкой. Стало быть, положеніе одного класса всегда измѣряется только сравненіемъ съ положеніемъ другаго въ тоже время.

Слѣдовательно, еслибы и было доказано, что уровень абсолютно необходимыхъ условій жизни въ разныя времена повысился, что неизвѣстныя прежде удовлетворенія сдѣлались въ силу привычки необходимыми потребностями и именно чрезъ это наступили новыя, прежде неизвѣстныя лишенія и страданія, то все-таки все это не имѣетъ никакого отношенія къ Вашему человѣческому положенію, которое всегда остается одинаково, всегда состоитъ въ пляскѣ на крайнемъ предѣлѣ безусловно необходимаго по привычкамъ даннаго времени содержанія, то немного не доходя до него, то немного перескакивая за него. Ваше человѣческое положеніе осталось, слѣдовательно, одинаково, потому что оно измѣряется сравненіемъ не съ положеніемъ звѣря въ первобытномъ лѣсу, или негра въ Африкѣ, или крѣпостнаго среднихъ вѣковъ, или работника 200 или 80 лѣтъ тому назадъ, а съ положеніемъ современниковъ согражданъ, съ положеніемъ прочихъ классовъ въ ту же эпоху.

Но вмѣсто того, чтобы поразмыслить объ этомъ и посудить, какъ поправить это отношеніе, какъ измѣнить его жестокій законъ, который постоянно удерживаетъ Васъ на минимумѣ жизненныхъ потребностей каждой эпохи,—забавляются искуснымъ передергиваніемъ вопроса у Васъ подъ носомъ и развлекаютъ Васъ крайне сомнительными культурно-историческими соображеніями о положеніи рабочихъ въ древнія времена. До чего сомнительны эти соображенія, видно изъ того, что крайне подешевѣли только продукты промышленности, которые входятъ въ потребленіе работника въ несравненно ограниченнѣйшемъ размѣрѣ, тогда какъ съѣстные припасы, составляющіе главный предметъ его потребленія, вовсе не обладаютъ стремленіемъ къ постоянному удешевленію! Вообще подобныя соображенія тогда только могли бы имѣть значеніе, еслибы подвергли изслѣдованію общее положеніе работника въ разныя времена со всѣхъ сторонъ. Но такое изслѣдованіе крайне трудно и требуетъ величайшей добросовѣстности; а между тѣмъ толкующіе Вамъ объ этомъ не имѣютъ въ рукахъ даже матеріаловъ для подобнаго изслѣдованія и потому должны бы были предоставить его настоящимъ ученымъ.

3) Отъ этого, впрочемъ необходимаго, отступленія, вернемся къ вопросу: какое вліяніе могутъ имѣть потребительныя общества на положеніе рабочаго сословія подъ господствомъ опредѣляющаго рабочую плату закона, развитаго нами sub 2. Теперь отвѣтъ простъ.

Пока въ потребительныя общества будутъ вступать только отдѣльные кружки рабочихъ, до тѣхъ поръ общая рабочая плата не потерпитъ отъ нихъ измѣненія и, слѣдовательно, до тѣхъ поръ вступившіе въ нихъ работники, благодаря удешевленію предметовъ потребленія, получатъ отъ нихъ то слабое облегченіе своего стѣсненнаго положенія, которое мы разсмотрѣли sub 1. —

Но какъ скоро потребительныя общества начнутъ все болѣе и болѣе обнимать все рабочее сословіе,—законъ рабочей платы вступитъ въ дѣйствіе и необходимо понизитъ ее настолько же, насколько потребительныя общества удешевятъ средства существованія.

Итакъ, потребительныя общества никогда не могутъ помочь всему рабочему сословію, а составляющимъ ихъ отдѣльнымъ кружкамъ рабочихъ могутъ приносить разсмотрѣнную выше слабую помощь лишь до тѣхъ поръ, пока примѣръ этихъ кружковъ еще не найдетъ себѣ достаточно подражанія. Чѣмъ больше будутъ распространяться потребительныя общества, чѣмъ большія массы рабочихъ будутъ они обнимать, тѣмъ болѣе будетъ ослабѣвать та ничтожная выгода, которую они могутъ приносить своимъ членамъ, пока наконецъ она не обратится въ нуль въ тотъ самый день, когда потребительныя общества обнимутъ собою большую часть всего рабочаго сословія.

Но можно ли серьезно толковать, чтобы рабочее сословіе обратило вниманіе на средство, которое совершенно не можетъ помочь ему какъ сословію, а отдѣльнымъ членамъ его можетъ доставлять слабое облегченіе, лишь пока за него не примется все сословіе или даже хотя большинство его?

Если германское рабочее сословіе вздумаетъ заняться подобнымъ толченіемъ воды, то придется еще долго ждать дѣйствительнаго улучшенія его положенія!

Я разобралъ передъ Вами всѣ Шульце-Деличевскія учрежденія и показалъ, что они не помогаютъ Вамъ и не могутъ помочь.

Какъ же однако? Неужели принципъ свободной индивидуальной ассоціаціи работниковъ не можетъ улучшить положеніе рабочаго сословія?

Можетъ — но лишь по обращеніи и распространеніи его на фабричную крупную промышленность.

Сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ — вотъ единственное, какъ Вы сейчасъ сами увидите, средство устранить желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій рабочую плату!

Еслибы рабочее сословіе сдѣлалось своимъ собственнымъ предпринимателемъ, тогда уничтожилось бы различіе между рабочей платой и барышемъ предпринимателя, и вознагражденіемъ труда сталъ бы продуктъ труда!

Самое мирное, законнѣйшее, простѣйшее уничтоженіе предпринимательскаго барыша организованіемъ рабочаго сословія посредствомъ добровольныхъ ассоціацій въ положеніе своего собственнаго предпринимателя, устраненіе этимъ единственнымъ способомъ того закона, который при нынѣшнемъ производствѣ даетъ работникамъ лишь необходимое для жизни какъ наемную плату, а все остальное предоставляетъ предпринимателю — вотъ единственно истинное, единственно немечтательное, единственно соотвѣтствующее справедливымъ притязаніямъ рабочаго сословія средство улучшить его положеніе.

Но какъ? Взгляните на желѣзныя дороги, на машинные заводы, на корабельныя верфи, на хлопчато-бумажныя фабрики и пр. и пр., подумайте о милліонахъ, которыхъ все это требуетъ, вспомните о пустотѣ своихъ кар-

мановъ и спросите себя, гдѣ возьмете Вы когда-либо гигантскіе капиталы, нужные на эти предпріятія, и, слѣдовательно, возможно ли Вамъ будетъ когда-либо приняться за крупную промышленность на свой счетъ?

Разумѣется, нѣтъ ничего несомнѣннѣе, достовѣрнѣе, какъ то, что Вамъ это всегда будетъ невозможно, пока Вы исключительно предоставлены своимъ изолированнымъ индивидуальнымъ усиліямъ.

Но вотъ потому-то и обязано государство доставить Вамъ эту возможность, взять въ свои руки для поощренія и развитія великое дѣло свободныхъ индивидуальныхъ ассоціацій рабочаго сословія и положить себѣ въ священнѣйшую обязанность дать Вамъ средства и способы для Вашей самоорганизаціи и самоассоціаціи.

Не давайте сбивать себя съ толку криками, будто такое вмѣшательство государства уничтожаетъ общественную самопомощь.

Не правда, будто, давая человѣку лѣстницу или веревку, я этимъ мѣшаю ему собственными силами взобраться на башню. Не правда, будто, содержа для молодежи учителей, школы и библіотеки, государство мѣшаетъ ей этимъ образовывать себя собственными силами. Не правда, будто я мѣшаю человѣку собственными силами обработывать поле, если даю ему плугъ. Не правда, будто, давая человѣку оружіе, я этимъ мѣшаю ему собственными силами разбить непріятельское войско.

Правда, бывало, что люди влѣзали на башни безъ лѣстницъ и веревокъ; правда, случается, что человѣкъ образовываетъ себя безъ помощи учителей, школъ и публичныхъ библіотекъ; правда, въ революціонныя войны вандейскіе крестьяне иногда безъ оружія поражали непріятеля, — но эти исключенія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило. И то правда, что въ Англіи при извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ нѣсколько рабочихъ кружковъ нѣсколько улучшили свое положеніе въ нѣкоторыхъ мелкихъ отрасляхъ крупной промышленности посредствомъ ассоціаціи, созданной ихъ собственными усиліями; однако тѣмъ неменѣе остается неопровержимъ законъ, что только помощь государства можетъ произвести дѣйствительное улучшеніе въ положеніи рабочихъ,—улучшеніе, котораго работники могутъ совершенно законно требовать для всего своего сословія.

Не давайте также сбивать себя съ толку криками толкующихъ по этому поводу о соціализмѣ и коммунизмѣ и заглушающихъ подобными толками Ваши справедливыя требованія. Будьте твердо увѣрены, что эти люди или хотятъ Васъ надуть, или сами не знаютъ что говорятъ. Требованіе это какъ нельзя дальше отъ всякаго соціализма и коммунизма, потому что оставляетъ рабочимъ классамъ всю ихъ нынѣшнюю индивидуальную свободу, индивидуальный образъ жизни и индивидуальное вознагражденіе за трудъ; единственное отношеніе, въ которое оно ставитъ ихъ къ государству, состоитъ въ томъ, чтобы государство помогло ихъ ассоціаціи нужнымъ капиталомъ, т. е. нужнымъ кредитомъ. Но въ томъ-то и состоитъ задача и назначеніе государства, чтобы облегчать великіе культурные успѣхи человѣчества и помогать имъ. Въ этомъ его призваніе. Для этого оно и существуетъ; на это оно всегда слу-

жило и должно служить. Я могъ бы привести сотни примѣровъ подобнаго вмѣшательства государства въ устройство каналовъ, шоссе, почтъ, транспортныхъ сообщеній, телеграфовъ, земледѣльческихъ банковъ, въ сельско-хозяйственныя улучшенія, въ учрежденіе новыхъ отраслей промышленности и пр. †).

Но я укажу только одинъ примѣръ, зато стоющій одинъ цѣлыхъ сотней и притомъ особенно близкій: когда у насъ строились желѣзныя дороги, то во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ и почти во всѣхъ иностранныхъ, за исключеніемъ самыхъ короткихъ и отрывочныхъ линій, всюду потребовалось вмѣшательство государства, по меньшей мѣрѣ въ формѣ гарантіи акціонерныхъ процентовъ, а во многихъ странахъ еще въ большихъ размѣрахъ.

Гарантія процентовъ представляла еще слѣдующій львиный договоръ предпринимателей — богатыхъ акціонеровъ — съ государствомъ: если новыя предпріятія окажутся невыгодными, то убытки должны пасть на государство, слѣдовательно, на всѣхъ платящихъ налоги, слѣдовательно, спеціально на Васъ, господа, на великій классъ неимущихъ! Если же новыя предпріятія, напротивъ того, окажутся выгодными, то барыши—крупные дивиденды—достанутся имъ, богатымъ акціонерамъ. Этому вовсе не помогало то, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Пруссіи, государству были выговорены въ то время еще недостовѣрныя выгоды въ далекомъ, очень далекомъ будущемъ; такія выгоды могла бы доставить ему и ассоціація рабочаго сословія, притомъ гораздо большія и ближайшія.

Безъ этого государственнаго вмѣшательства, слабѣйшей формой котораго, какъ я сказалъ, была гарантія процентовъ, у насъ, на всемъ континентѣ, быть можетъ, и теперь не было бы еще желѣзныхъ дорогъ!

Какъ бы то ни было, вотъ факты: государство было принуждено вмѣшаться; гарантія процента была съ его стороны очень важнымъ вмѣшательствомъ; притомъ его вмѣшательство касалось имущаго, богатаго класса, который и безъ того располагаетъ всѣмъ капиталомъ и всѣмъ кредитомъ и потому могъ бы легче обойтись безъ государственнаго вмѣшательства, чѣмъ Вы; наконецъ, вся буржуазія требовала этого вмѣшательства.

Отчего же не кричали тогда противъ гарантіи процента, не называли ее «нестерпимымъ вмѣшательствомъ государства»? Отчего не говорили тогда, что она угрожаетъ «общественной самопомощи» богатыхъ предпринимателей этихъ акціонерныхъ дѣлъ? Отчего не старались прокричать ее «соціализмомъ и коммунизмомъ»?

---

†) Говорятъ обыкновенно, что подобнаго государственнаго вмѣшательства никогда не бывало въ Англіи, а между тѣмъ эта страна до сихъ поръ гордится уничтоженіемъ рабства въ своихъ колоніяхъ парламентскимъ актомъ 1833 г. Это, разумѣется, не могло обойтись безъ вмѣшательства государства и стоило ему 20 милл. фунтовъ стерлинговъ (около 130 милл. рублей) на вознагражденіе рабовладѣльцевъ. Освобожденіе безконечнаго большинства собственной націи отъ желѣзнаго закона рабочей платы должно, конечно, интересовать государство гораздо больше освобожденія чуждаго племени, и притомъ не потребуетъ отъ него никакихъ жертвъ.

Да, въ томъ-то и дѣло, что тогдашнее вмѣшательство государства происходило въ интересахъ богатыхъ классовъ общества, а съ этимъ условіемъ оно всегда допускалось и допускается! Но какъ скоро рѣчь заходитъ о вмѣшательствѣ въ пользу нуждающихся классовъ, въ пользу безконечнаго большинства — оно оказывается соціализмомъ и коммунизмомъ!

Отвѣтьте все это тѣмъ, кто болтаетъ Вамъ про неудобства государственнаго вмѣшательства, про нарушеніе этимъ вмѣшательствомъ общественной самопомощи и про заключающійся въ немъ соціализмъ и коммунизмъ, тогда какъ требованіе его ни къ чему подобному не можетъ подать повода. И прибавьте имъ, что если мы уже такъ долго живемъ въ соціализмѣ и коммунизмѣ, какъ доказываетъ гарантія процентовъ при желѣзныхъ дорогахъ и другіе мимоходомъ упомянутые примѣры, то желаемъ и остаться при нихъ!

Замѣтимъ еще, что, какъ ни былъ великъ прогрессъ, вызванный желѣзными дорогами, онъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ прогрессомъ, который совершится ассоціаціей рабочаго класса. Ибо какая польза отъ всѣхъ богатствъ и плодовъ цивилизаціи, если ими всегда пользуются лишь немногіе, а все безконечное большинство вѣчно пребываетъ въ положеніи Тантала, тщетно хватающаго плоды? Нѣтъ, хуже Тантала, потому что Танталъ, по крайней мѣрѣ, не самъ создалъ плоды, по которымъ былъ осужденъ томиться!

Слѣдовательно, если вмѣшательство государства было когда-либо допускаемо, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ оправдать его здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ громадномъ прогрессѣ, больше всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи.

Государство можетъ доставить Вамъ эту возможность легче всего посредствомъ своихъ большихъ кредитныхъ и оборотныхъ учрежденій (банковъ), не принимая притомъ бо́льшей отвѣтственности, чѣмъ брало на себя при гарантіи процента желѣзныхъ дорогъ; подробно объяснять это дѣло я здѣсь впрочемъ не могу †).

---

†) Я не могу подробно изложить здѣсь, какъ легко создать капиталъ или, вѣрнѣе, кредитъ, нужный для ассоціаціи, которая постепенно, съ теченіемъ времени, охватила бы собою все рабочее сословіе. Этому изложенію пришлось бы предпослать финансово-теоретическое объясненіе соціальныхъ функцій денегъ и кредита. Притомъ въ настоящее время такое разсужденіе о средствахъ осуществленія было бы совершенно напрасно и излишне. Практическую цѣну оно можетъ получить только тогда, когда можно будетъ подумать объ осуществленіи этого требованія, а когда именно — я скажу ниже. Теперь же прибавлю слѣдующее. Ассоціаціи обняли бы все рабочее сословіе, конечно, лишь постепенно, съ теченіемъ времени. Имъ слѣдуетъ начаться въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя по природѣ своей требуютъ сравнительно большаго числа работниковъ и потому больше всего годятся для ассоціацій. Кромѣ того, имъ слѣдуетъ начаться въ тѣхъ округахъ и мѣстностяхъ, которые способнѣе другихъ къ ассоціаціямъ по роду промышленной дѣятельности, по густотѣ населенія и по добровольному расположенію къ ассоціаціямъ — три условія, обыкновенно совпадающія. Какъ скоро образовалось бы нѣсколько такихъ ассоціацій, онѣ стали бы все легче распространяться въ другихъ отрасляхъ и мѣстностяхъ, потому что всѣ ассоціаціи, образующіяся съ помощью государства, разумѣется, должны были бы вступать между собой въ

Наконецъ, господа, вѣдь что такое государство?

Загляните въ статистику, въ статистику офиціальную, обнародываемую правительственными властями, потому что съ собственными моими вычисленіями и описаніями я и не приступаю къ вамъ.

Королевско-прусское статистическое бюро, управляемое тогда королевско-прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ, профессоромъ Дитерици, обнародовало въ 1851 г. перепись съ раздѣленіемъ населенія по величинѣ дохода на основаніи правительственныхъ податныхъ списковъ †).

Я сообщаю Вамъ результаты этой переписи съ буквальной и числовой точностью. По ней изъ населенія прусскаго государства имѣютъ:

дохода свыше 1000 талеровъ		$^1/_2$% населенія
» отъ 400 до 1000 »		$3^1/_4$% »

кредитный союзъ и, безъ сомнѣнія, вступали бы. Кромѣ кредитнаго союза, ихъ могъ бы соединять страховой союзъ для распредѣленія между ними до незамѣтно-ничтожной величины убытковъ, которые каждая изъ нихъ можетъ претерпѣвать. Государство впрочемъ не должно играть надъ ними роль диктатора, а лишь утверждать и одобрять уставы ихъ и имѣть за веденіемъ ихъ дѣлъ контроль, достаточный для обезпеченія своихъ интересовъ. Каждую недѣлю работникамъ выдавалась бы рабочая плата, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ обычаями мѣстности и промышленности, а въ концѣ года имъ раздавались бы барыши ассоціаціи въ видѣ дивиденда. Практическую удобовыполнимость и чрезвычайную прибыльность такихъ ассоціацій можетъ отрицать только невѣжество, которому неизвѣстно, что въ Англіи и во Франціи уже существуютъ многочисленныя рабочія ассоціаціи, достигшія высокаго процвѣтанія, хотя возникли при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой помощи и поддержки, предоставленныя единственно частнымъ усиліямъ составляющихъ ихъ работниковъ. Такъ-называемыхъ рочдельскихъ піонеровъ я не считаю. Кромѣ нихъ еще въ 1861 г. въ одномъ Ланкаширѣ была 31 такая ассоціація для фабричнаго производства, большей частью основанныя очень недавно, но уже дававшія въ дивидендъ 30—40% съ капитала. Во Франціи ассоціація des ouvriers maçons въ Парижѣ еще въ 1856—57 году дала 56% барыша на свой капиталъ; въ 1858 г. прибыль простиралась до 130,000 франковъ, изъ коихъ 30,000 было отложено въ запасъ, а 100,000 розданы въ дивидендъ, въ томъ числѣ 60% труду и 40% капиталу (общество имѣетъ des associés non travailleurs, которые должны вносить по меньшей мѣрѣ по 10,000 франковъ); также процвѣтаютъ les ouvriers lampistes, les ouvriers en meubles и пр. Исторію рабочихъ ассоціацій см. въ сочиненіяхъ профессора Губера, Cochut, A. Lemercier (Etudes sur les associations ouvrieres) и др. — Уставы и правила этихъ обществъ представляютъ драгоцѣнные матеріалы для внутренней организаціи ассоціацій. Всѣ эти общества были дѣйствительно «піонерами», піонерами будущности. Онѣ твердой рукой пробили путь и поразительными практическими результатами, достигнутыми наперекоръ предстоявшей имъ невозможности, показали, каковы могли бы быть эти результаты, еслибы еще государство помогло имъ побѣдить эти невозможности. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что вся наша исторія, все развитіе толкаютъ насъ на этотъ путь. Даже распространеніе акціонерныхъ предпріятій имѣетъ своимъ историческимъ и истинно-цивилизующимъ назначеніемъ открыть этотъ путь.

†) Dieterici, Mittheilungen des statistischen Bureaus, Jahr 1851, Bd. IV, p. 226; ср. Bd. III, p. 243.

дохода	отъ 200 до 400	тал.	$7^1/_4$%	насел.
»	» 100— 200	»	$16^3/_4$%	»
»	менѣе 100	»	$72^1/_4$%	»

И замѣтимъ, что этотъ доходъ принадлежитъ лицамъ, обязаннымъ платить налоги, а по разсчету Дитерици каждое такое лицо представляетъ среднимъ числомъ семейство изъ пяти лицъ; стало быть, этотъ доходъ принадлежитъ среднимъ числомъ семействамъ изъ пяти или, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ лицъ †). И въ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ должно быть такое же отношеніе.

Убѣдительнѣе толстыхъ томовъ говорятъ эти нѣмыя офиціальныя цифры, не имѣющія, какъ статистическія среднія числа, никакого притязанія на математическую точность, потому что въ виду налога каждый готовъ скрывать свой доходъ. Впрочемъ это обстоятельство не можетъ составить важной разницы, на которую стоило бы тутъ обращать вниманіе. У $72^1/_4$ процентовъ населенія дохода меньше 100 талеровъ! Стало быть, $72^1/_4$ процента населенія находится въ величайшей бѣдности! Еще у $16^3/_4$ процентовъ населенія дохода 100—200 талеровъ; слѣдовательно, положеніе ихъ немногимъ лучше и все-еще крайне бѣдственно! Еще $7^1/_4$ процента населенія имѣютъ лишь 200 — 400 талеровъ дохода, т. е. тоже находятся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. $3^1/_4$ процента населенія имѣютъ 400 — 1000 талеровъ дохода; слѣдовательно, находятся частью въ едва сносномъ положеніи, частью пользуются достаткомъ, и затѣмъ остается $^1/_2$ процента населенія, распредѣляющіеся по всевозможнымъ степенямъ богатства. Два послѣдніе класса, находящіеся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, составляютъ вмѣстѣ 89 процентовъ населенія, а если къ нимъ причислить еще $7^1/_4$% третьяго класса, все-еще неимущаго и стѣсненнаго, то окажется, что $96^1/_4$ процентовъ населенія обрѣтается въ стѣсненіи, въ нуждѣ. Стало быть, государство принадлежитъ Вамъ, господа, нуждающимся классамъ, а не намъ, высшимъ сословіямъ, потому что изъ Васъ оно и состоитъ! Что такое государство?—спросилъ я, и теперь Вы видите изъ нѣсколькихъ цифръ яснѣе, чѣмъ изъ толстыхъ томовъ, что государство — это Вы, великая ассоціація бѣднѣйшихъ классовъ!

Почему же Вашей великой ассоціаціи не оказывать поощренія и плодотворнаго вліянія на Ваши меньшіе ассоціаціонные кружки?

Отвѣчайте и этимъ вопросомъ тѣмъ, кто болтаетъ Вамъ о неудобствахъ

---

†) Въ дѣйствительности въ то время (1850) въ Пруссіи было, какъ показываетъ Дитерици (Bd. IV, p. 223), при 16,331,187 душахъ 3,181,968 семействъ что составляетъ $5^1/_{10}$ душъ на семью. Платящихъ налоги было тогда 4,950,454 человѣка (Дитерици, Bd. III, p. 243), стало быть, больше, чѣмъ семействъ. Но и то каждое платящее налогъ лицо представляетъ среднимъ числомъ семейство изъ трехъ лицъ слишкомъ, причемъ мы упускаемъ еще изъ виду, что именно у низшихъ классовъ и бываютъ самыя многочисленныя семьи.

государственнаго вмѣшательства и о соціализмѣ и коммунизмѣ, заключающихся въ требованіи его.

Наконецъ, не угодно ли Вамъ получить спеціальное доказательство невозможности поправить положеніе рабочаго сословія свободными ассоціаціями иначе, какъ при покровительственномъ вмѣшательствѣ государства? Такое доказательство мы найдемъ въ той самой Англіи, на которую больше всего ссылаются для подтвержденія возможности улучшить положеніе всего сословія ассоціаціями отдѣльныхъ работниковъ, устраиваемыми исключительно частными усиліями ихъ. Между тѣмъ дѣйствительно, по причинамъ, коренящимся въ особенностяхъ англійскаго быта, въ этой странѣ такой опытъ могъ бы всего скорѣе удаться, такъ что удача его въ Англіи еще не доказывала бы возможности того же въ другихъ странахъ.

Притомъ я заимствую это спеціальное доказательство именно изъ той англійской рабочей ассоціаціи, которая до сихъ поръ обыкновенно приводилась какъ торжественный примѣръ противнаго. Я говорю о рочдельскихъ піонерахъ. Это потребительное общество, существующее съ 1844 г., учредило въ 1858 г. ткацкую фабрику съ капиталомъ въ 5,500 фунтовъ ст. (около 35,000 рублей). По уставамъ этой фабричной ассоціаціи, работникамъ, занятымъ на фабрикѣ — все равно, акціонеры ли они ассоціаціи или нѣтъ — полагалось, сверхъ обычной рабочей платы, по равной долѣ дивиденда изъ барышей фабрики; работники и акціонеры получали равный дивидендъ, потому что полагалось дѣлить барыши въ равныхъ пропорціяхъ, отчисляя одинаковый процентъ на рабочую плату и на капиталъ акцій. Но вотъ оказалось, что акціонеровъ фабрики 1,600 человѣкъ, тогда какъ занято на фабрикѣ только 500 работниковъ. Слѣдовательно, изъ акціонеровъ очень многіе не работаютъ на фабрикѣ, а съ другой стороны, не всѣ работники — акціонеры. Вслѣдствіе этого акціонеры изъ работниковъ, неимѣвшіе занятій на фабрикѣ, а также тѣ, кто были и акціонерами и вмѣстѣ съ тѣмъ фабричными работниками, подняли агитацію (1861 г.), направленную противъ участія въ пользованіи барышами — продуктами труда — работниковъ, которые не состоятъ акціонерами.

Работники-акціонеры указывали совершенно просто и откровенно на тотъ принципъ, по которому во всемъ промышленномъ мірѣ разсчетъ съ трудомъ считается поконченнымъ съ выдачей ему рабочей платы, а рабочая плата въ свою очередь опредѣляется спросомъ и предложеніемъ (мы видѣли выше, какой законъ установляетъ это!). «Этотъ фактъ — говоритъ профессоръ Губеръ, разсказывая объ этомъ дѣлѣ — выставлялся безъ дальнѣйшихъ разсужденій какъ естественный законъ, не требующій никакихъ объясненій и оправданій, въ противоположность исключительному, произвольному нововведенію устава». Первоначальные учредители и старшины ассоціаціи оспаривали это предложеніе измѣнить уставъ храбро, но безъ яснаго пониманія своихъ основаній. Между работниками-акціонерами большинство $^5/_8$ голосовъ было за измѣненіе устава, совершенно въ духѣ буржуазныхъ предпринимателей, и передѣлка только потому и не прошла, что въ силу устава для его из-

мѣненія требовалось большинство $^3/_4$ голосовъ. «Но никто не обманывается,— говоритъ профессоръ Губеръ, — что на этомъ дѣло не остановится. Ассоціаціи предстоятъ жаркіе внутренніе раздоры, результатомъ которыхъ, можетъ быть, уже въ будущемъ году будетъ побѣдоносное повтореніе этого предложенія. Оппозиція рѣшилась пустить въ ходъ свое вліяніе и при выборахъ въ ассоціаціонныя должности; на этихъ выборахъ дѣло рѣшается абсолютнымъ большинствомъ, такъ что она можетъ вскорѣ забрать въ свои руки все правленіе ассоціаціи.» Далѣе Губеръ говоритъ: «Большая часть фабричнопромышленныхъ ассоціацій заранѣе приняли господствующій обычай, очевидно, безъ всякихъ размышленій и безъ доктринернаго сознанія; весьма немногія приняли принципъ сотрудничества въ пользу труда». И далѣе Губеръ принужденъ сдѣлать непріятныя и тяжелыя для него признанія, потому что онъ принадлежитъ къ приверженцамъ устройства ассоціацій исключительно частными средствами работниковъ. Онъ говоритъ, что «вопросы эти будутъ безъ сомнѣнія вскорѣ возбуждены и рѣшены во всѣхъ прочихъ производительныхъ ассоціаціяхъ, гдѣ существуетъ антагонизмъ капитала и труда, и воспроизведутся изъ промышленнаго макрокозма (т. е. общаго міроваго порядка) конкуренціи въ кооперативномъ микрокозмѣ (т. е. въ уменьшенномъ изображеніи міра рабочими ассоціаціями)».

Такимъ образомъ, размышляя объ этихъ фактахъ, Вы видите, господа, что великіе вопросы могутъ рѣшаться только въ великихъ размѣрахъ, никогда въ малыхъ. Пока вся вообще рабочая плата опредѣляется вышеразсмотрѣннымъ закономъ, до тѣхъ поръ и мелкія ассоціаціи не избѣгнутъ его господствующаго вліянія. Но какая же польза всему рабочему сословію вообще, работнику, какъ таковому, изъ того, что ему придется работать не на предпринимателя-буржуаза, а на предпринимателя-работника? Никакой! Вся разница будетъ въ томъ, что предприниматели, которымъ достается продуктъ Вашего труда, раздробятся. Но ни трудъ, ни рабочее сословіе не освободятся! Что же получаетъ рабочее сословіе отъ подобныхъ ассоціацій? Лишь одно— развращеніе, оподленіе, которыя начинаютъ одолѣвать его, обращая работника противъ работника, въ хищнаго предпринимателя! Личности предпринимателей перемѣнились, но сущность осталась та же; какъ прежде, такъ и тутъ единственный источникъ всякаго продукта—трудъ—остается на такъ-называемой платѣ, т. е. на кускѣ хлѣба, безъ котораго уже жить нельзя. И до того доходитъ извращеніе понятій подъ господствомъ этого закона, что вотъ даже незанятые на фабрикѣ работники-акціонеры не понимаютъ, что обязаны своими дивидендами труду занятыхъ работниковъ, что извлекаютъ выгоду изъ труда ихъ, и не хотятъ уступить имъ даже скромной доли продукта ихъ собственнаго труда, даже частицы того, что цѣликомъ принадлежитъ труду!

Работники со средствами работниковъ и съ алчностью предпринимателей— вотъ въ какую омерзительную карикатуру обращены эти работники!

Наконецъ, въ заключеніе, еще одно рѣзкое и рѣшительное доказательство, тѣсно связанное съ предыдущимъ.

Вы видѣли, что на фабрикѣ піонеровъ занято 500 работниковъ, а акціо-

нерами у нея 1,600 работниковъ. Но Вамъ и безъ того совершенно ясно, что занятые на фабрикѣ работники не могутъ достать изъ собственныхъ кармановъ весь капиталъ, необходимый для основанія этой фабрики, если только мы не вообразимъ себѣ работниковъ богатыми людьми, послѣ чего весь вопросъ перейдетъ въ область фантазій. Чтобы основать такую фабрику, имъ необходимо принимать акціонерами множество постороннихъ работниковъ, которые не будутъ заниматься на фабрикѣ. На фабрикѣ піонеровъ количественное отношеніе между работающими и посторонними работниками (1,600 работниковъ-акціонеровъ на 500 занятыхъ работниковъ, что составляетъ отношеніе болѣе 3 : 1) удивительно благопріятно и рѣдко, удивительно мало, что объясняется особенно счастливымъ положеніемъ піонеровъ, представляющимъ въ рабочемъ сословіи высокое исключеніе; кромѣ того, эта отрасль промышленности принадлежитъ къ числу нетребующихъ самой крупной затраты капитала, да и самая фабрика піонеровъ далеко не принадлежитъ къ числу очень обширныхъ заведеній, а еслибы была обширнѣе, то и въ этой отрасли промышленности вышло бы не то отношеніе. Вдобавокъ надо замѣтить, что это отношеніе должно съ каждымъ днемъ сильно возрастать вслѣдствіе успѣховъ цивилизаціи и развитія самой промышленности. Успѣхи цивилизаціи именно въ томъ и состоятъ, что человѣческій трудъ съ каждымъ днемъ все больше замѣняется мертвой силой природы, т. е. машинами, стало быть, съ каждымъ днемъ возрастаетъ отношеніе величины затрачиваемаго капитала къ количеству человѣческаго труда. Слѣдовательно, если для фабрики піонеровъ потребовалось 1,600 работниковъ-акціонеровъ, чтобы собрать капиталъ для 500 занятыхъ работниковъ, если, стало быть, тутъ оказывается отношеніе 3 : 1, то у другихъ работниковъ, въ другихъ отрасляхъ, въ болѣе обширныхъ заведеніяхъ и для соблюденія условій ежедневныхъ успѣховъ цивилизаціи, потребуются отношенія 1 : 4, 1 : 5, 1 : 6, 1 : 8, 1 : 10, 1 : 20 и т. д. Но положимъ даже, что достаточно отношеніе 1 : 3. Слѣдовательно, чтобы получить капиталъ, нужный для основанія фабрики, дающей занятіе 500 работникамъ, надо собрать 1,600 работниковъ-акціонеровъ. Пока рѣчь идетъ объ одной, о двухъ, о трехъ и т. д. фабрикахъ, это не представляетъ затрудненій въ воображеніи—вѣдь все это происходитъ въ воображеніи, въ мечтахъ, а на дѣлѣ вышло бы совсѣмъ иное. Но если вздумать распространить ассоціацію на все рабочее сословіе—а вѣдь рѣчь идетъ о немъ, а не о частныхъ лицахъ, желающихъ вылѣзть въ люди,—если съ теченіемъ времени хотятъ основать столько фабрикъ, чтобы все рабочее сословіе нашло въ нихъ занятіе, откуда же возьмется тройной, четверной, 5-ой, 10-ой, 20-ой комплектъ всего рабочаго сословія, необходимый, сверхъ занятыхъ работниковъ, въ качествѣ работниковъ-акціонеровъ, чтобы основать эти фабрики?

Итакъ, вы видите, господа, что освободить рабочее сословіе этимъ путемъ, изолированными индивидуальными усиліями его членовъ, — есть просто математическая невозможность; что предаваться подобнымъ мечтамъ могутъ только самыя неясныя представленія, лишенныя всякой критики, и что единственный путь къ этому освобожденію, единственное средство уничто-

жить жестокій законъ, опредѣляющій рабочую плату, законъ, къ которому рабочее сословіе приковано, какъ къ лобному мѣсту, состоитъ въ поощреніи и развитіи свободныхъ, индивидуальныхъ рабочихъ ассоціацій государствомъ. Ассоціаціонное движеніе, основанное исключительно на изолированныхъ силахъ отдѣльныхъ рабочихъ личностей, имѣло только одну заслугу, но заслугу громадную: оно осязательно указало практическій путь къ освобожденію, представило блестящія, практическія доказательства въ опроверженіе всѣхъ искреннихъ и напускныхъ сомнѣній въ его практической выполнимости и такимъ образомъ поставило государству въ непремѣнный долгъ протянуть руку помощи этому величайшему интересу культуры человѣчества.

Кромѣ того, я доказалъ Вамъ, что государство есть ничто иное, какъ великая организація, великая ассоціація рабочихъ классовъ. Слѣдовательно, помощь и поощреніе, которыми государство дало бы меньшимъ ассоціаціямъ возможность существовать, были бы ничто иное, какъ совершенно законная и естественная общественная самопомощь рабочихъ классовъ, какъ великой ассоціаціи, самимъ себѣ и своимъ членамъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ.

Повторимъ: «Свободная индивидуальная ассоціація работниковъ, но осуществленная помощью и покровительствомъ государства, есть единственный выходъ изъ бѣдственнаго положенія рабочаго сословія».

Но какъ склонить государство къ этому вмѣшательству?

И на этотъ вопросъ тотчасъ представляется ясный, какъ солнце, отвѣтъ: это возможно только при общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Тогда только склоните Вы государство выполнить свой долгъ, когда всѣ законодательныя собранія Германіи будутъ основаны на общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ.

Тогда въ законодательныхъ собраніяхъ будетъ поднято это требованіе; тогда можно будетъ разсуждать на основаніяхъ разума и науки о предѣлахъ, формахъ и средствахъ этого вмѣшательства; тогда—будьте увѣрены!—люди, понимающіе Ваше положеніе и преданные Вашему дѣлу, поднимутъ за Васъ свѣтлый мечъ науки и съумѣютъ отстоять Ваши интересы! И тогда, если защитники Вашего дѣла долго останутся въ меньшинствѣ, Вамъ, неимущимъ классамъ общества, придется пенять уже только на себя и на свой дурной выборъ.

Общее и прямое избирательное право есть, стало быть, какъ теперь обнаружилось, нетолько политическій принципъ Вашъ, но и Вашъ основной соціальный принципъ, коренное условіе всякаго соціальнаго улучшенія. Это—единственное средство улучшить матеріальное положеніе рабочаго сословія.

Но какъ добиться этого общаго и прямаго избирательнаго права?

Вотъ тутъ взгляните на Англію!

Болѣе пяти лѣтъ продолжалось великое движеніе англійскаго народа противъ хлѣбныхъ законовъ. Кончилось тѣмъ, что имъ пришлось пасть, что само торійское министерство было принуждено отмѣнить ихъ!

Организуйтесь въ общій германскій рабочій союзъ съ цѣлью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитаціи для введенія во всѣхъ германскихъ земляхъ общаго и прямаго избирательнаго права. Какъ скоро въ этомъ союзѣ будетъ хотя 100,000 германскихъ работниковъ, онъ станетъ силой, которую каждому придется уважать. Призовите къ нему всѣхъ; пусть дойдетъ Вашъ призывъ въ каждую мастерскую, въ каждую деревню, въ каждую хижину. Пусть городскіе работники сообщатъ сельскимъ свое высшее пониманіе и образованіе. Говорите, разсуждайте всюду, ежедневно, неустанно, безпрерывно, въ мирныхъ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ сходкахъ, вездѣ настаивайте на необходимости общаго и прямаго избирательнаго права, подобно великой англійской агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Чѣмъ больше милліоновъ голосовъ повторятъ Ваше требованіе, тѣмъ громче раздастся оно въ ушахъ тѣхъ, къ кому обращено.

Заводите кассы, куда каждый членъ германскаго рабочаго союза долженъ будетъ дѣлать взносъ; составляйте проэкты ихъ организаціи.

Эти кассы при самомъ ничтожномъ взносѣ составятъ громадную финансовую силу для агитаціонныхъ цѣлей, такъ что если каждый членъ союза будетъ вносить по зильберграшену въ недѣлю, то при 100,000 членовъ союзъ будетъ имѣть возможность тратить 160,000 талеровъ въ годъ. При кассахъ заводите газеты, которыя ежедневно повторяли бы то же требованіе и доказывали бы основательность его разборомъ общественнаго положенія. Тѣми же средствами и съ тою же цѣлью распространяйте брошюры. Содержите на средства союза агентовъ, которые разносили бы эти убѣжденія во всѣ закоулки страны, проникали бы однимъ и тѣмъ же стремленіемъ сердце каждаго работника, каждаго наемника и батрака. Вознаграждайте изъ средствъ союза всѣхъ работниковъ, потерпѣвшихъ убытки и гоненія за свою дѣятельность въ немъ.

Ежедневно, неутомимо повторяйте одно и тоже, всегда, постоянно все одно и тоже! Чѣмъ больше повторять это, тѣмъ больше оно распространится, и тѣмъ могучѣе выростетъ его сила.

Вся тайна практическихъ успѣховъ состоитъ въ искусствѣ всегда сосредоточивать всѣ свои силы на одномъ пунктѣ, на важнѣйшемъ пунктѣ, не смотря по сторонамъ. Не заглядывайтесь ни вправо, ни влѣво; будьте глухи ко всему, что не общее и прямое избирательное право или что не связано съ нимъ и не можетъ вести къ нему!

Когда этотъ призывъ распространится по всѣмъ 89—96 процентамъ населенія, которые, какъ я показалъ Вамъ, составляютъ бѣдные и неимущіе классы общества,—а распространится онъ въ нѣсколько лѣтъ,—тогда—будьте покойны!—недолго устоятъ противъ Вашего требованія! Правительства могутъ скряжничать политическими правами и препираться о нихъ съ буржуазіей. Даже Вамъ можно отказывать въ политическихъ правахъ, въ томъ числѣ и въ общемъ избирательномъ правѣ, при невниманіи Вашемъ къ этимъ правамъ. Но если 89 — 96 процентовъ населенія поймутъ, что общее избирательное право есть вопросъ желудка и потому примутся за него съ

страстностью голода—будьте увѣрены, господа, что нѣтъ той силы, которая долго устояла бы противъ нихъ!

Вотъ знамя, которое Вамъ слѣдуетъ поднять. Вотъ знамя, подъ которымъ Вы побѣдите, и другаго для Васъ нѣтъ!

Кланяюсь и жму руки.

Берлинъ, 1 Марта 1863 г.

ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ.

(Рѣчь въ рабочемъ собраніи въ Лейпцигѣ, 16 апрѣля 1863 г.)

(Рабочее собраніе, созванное на 16 апрѣля 1863 г. комитетомъ учрежденія германскаго рабочаго союза, было многочисленнѣе прежнихъ, потому что въ немъ долженъ былъ говорить Ф. Лассаль. Присутствовало болѣе 4000 человѣкъ, въ томъ числѣ впрочемъ нѣсколько студентовъ, купцовъ и вообще постороннихъ лицъ. Г. Юліусъ Фальтейхъ, провозглашенный сильнымъ большинствомъ президентомъ, открылъ засѣданіе и предоставилъ слово г. Ф. Лассалю, который произнесъ слѣдующую рѣчь, стенографированную д-ромъ Карломъ Альбрехтомъ).

Работники! Вашъ комитетъ давно приглашалъ меня въ Лейпцигъ повидаться и поговорить съ Вами. До сихъ поръ я отказывался, потому что не имѣлъ намѣренія лично производить агитацію между работниками или вообще распространять здѣсь какое бы то ни было волненіе. Затѣмъ я получилъ отъ здѣшняго комитета извѣстный Вамъ запросъ, и на вопросъ я былъ обязанъ отвѣчать, какъ честный человѣкъ, и постарался добросовѣстнѣйшимъ образомъ выполнить эту обязанность. Теперь, послѣ того, какъ Вы согласились съ мнѣніями, выраженными въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ», приняли мои воззрѣнія, я могу явиться къ Вамъ говорить лично, не давая повода сказать, что старался увлечь Васъ личнымъ вліяніемъ, рѣчами, обольщеніемъ; замѣтьте эту разницу: я готовъ служить моими способностями и энергіей рабочему сословію, принявшему выраженные мною принципы; но я не хочу насильно волновать рабочее сословіе, если оно еще не созрѣло до пониманія ихъ.

Ярость моихъ враговъ при обнародованіи моего отвѣта комитету была безгранична. Мнѣ не могли простить, что я выдалъ Вамъ, господа, экономическій законъ, управляющій рабочей платой рабочихъ классовъ и оковывающій Ваше существованіе словно желѣзными кандалами. Противъ меня поднялись

негодующіе голоса, какъ-бы въ древности противъ жреца, выдавшаго таинства Цереры. Будь мои враги римляне, они закололи бы меня на площади, какъ нѣкогда патриціи Гракха. Но они далеко не римляне, и потому вмѣсто мечей подняли на меня клеветы. Нѣтъ той позорной выдумки, которую они не выпустили бы противъ меня со времени появленія моего отвѣта Вамъ. Одинъ берлинскій журналъ, «Трибуна», слѣдующимъ образомъ объяснялъ мой поступокъ. Какъ Вамъ извѣстно, меня недавно приговорили за мою «Программу работниковъ» къ 4 мѣсячному тюремному заключенію; ну такъ вотъ эта либеральная газета и говоритъ, что въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я совершилъ отступничество, сошелся съ правительствомъ, для того чтобы получить нѣкоторыя льготы на время заключенія. (*Смѣхъ.*) Не возмутительно ли, что Вы такъ принимаете подобныя вещи! Я не хочу хвалиться этимъ 4 мѣсячнымъ заключеніемъ; но какъ бы то ни было, это—рана, понесенная мною въ служеніи Вамъ, и вотъ противъ меня хотятъ почерпнуть ядъ изъ этой самой раны! Другая мнимо-либеральная газета, «Реформа», говоритъ, что я сдѣлался ренегатомъ, дошелъ до тогоже, до чего и Бруно Бауеръ. Со стороны буржуазіи я ожидалъ всего этого; я зналъ, что возстающему за Васъ, работники, предстоитъ выпить до дна отравленную чашу клеветъ. Но что меня нѣсколько удивило, что̀ на минуту причинило мнѣ сердечную боль, это слышать тѣ же поруганія со стороны работниковъ, хотя, правда, въ совершенно отдѣльныхъ случаяхъ. Вы помните, господа, объявленіе, подписанное нюрнбергскимъ рабочимъ союзомъ, гдѣ меня называли подкупленнымъ орудіемъ реакціи,—меня, человѣка, два года высидѣвшаго въ тюрьмѣ, прошедшаго черезъ три уголовные процесса, и постоянно, во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ правительствомъ въ теченіе 15 лѣтъ, хранившаго, по сознанію даже враговъ, самый гордый, непреклонный, можно сказать, революціонный характеръ, гораздо болѣе независимый и вѣрный своему принципу, чѣмъ поведеніе всей партіи прогрессистовъ, которая теперь клевещетъ на меня. (*Свистки и браво.*) Я не виню въ этихъ клеветахъ всѣхъ членовъ прогрессистской партіи, у меня есть между ними добрые друзья; но я говорю о работающей и служащей ей печати, изъ которой исходятъ всѣ эти клеветы. Онѣ посыпались на меня за то, что я отвѣтилъ Вамъ, работникамъ. Я прибылъ сюда съ намѣреніемъ разобрать все, что возражалось на мои мысли, и опровергнуть все это цѣликомъ; но по нездоровью не могу исполнить этого намѣренія и принужденъ ограничиться главнѣйшимъ.

Вы помните, что вскорѣ по закрытіи Вашего собранія 24 марта, въ этомъ городѣ происходило другое собраніе, въ которомъ нѣкто г. д-ръ Максъ Виртъ имѣлъ дерзость утверждать, что сообщенный мною Вамъ экономическій законъ рабочей платы ложенъ; онъ назвалъ его возарѣніемъ, давно опровергнутымъ, брошеннымъ. Я формулировалъ этотъ законъ такъ:

«Желѣзный экономическій законъ, опредѣляющій рабочую плату при нынѣшнихъ условіяхъ, подъ господствомъ спроса и предложенія, таковъ, что средній размѣръ рабочей платы всегда сводится на необходимое содержаніе,

потребное по существующимъ въ народѣ привычкамъ для поддержанія жизни и размноженія».

Я объяснилъ и причины, по которымъ этотъ законъ необходимо долженъ господствовать. Именно: если національный капиталъ возрастаетъ и рабочая плата поднимается выше, чѣмъ нужно по вышесказанному, то умножается и число рабочихъ, вслѣдствіе умноженія браковъ и рожденій. Усиленное предложеніе рукъ вслѣдствіе свободнаго соперничества опять настолько понижаетъ рабочую плату, что ее хватаетъ лишь на необходимости существованія. Иногда рабочая плата падаетъ на короткое время еще глубже; тогда число работниковъ уменьшается, спросъ на нихъ превышаетъ предложеніе, и плата возвращается къ нормальной высотѣ. Все, что я говорилъ Вамъ въ моихъ брошюрахъ, есть лишь строго послѣдовательно развитыя слѣдствія этого желѣзнаго закона. Вдругъ является д-ръ Виртъ и утверждаетъ, что законъ, который я назвалъ единогласно признаваемымъ, совранъ, давно опровергнутъ, и я обманулъ Васъ имъ! Вы можете сами на себѣ убѣдиться, что положеніе мое истинно; но дѣло слишкомъ важно, чтобы оставить его безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Пусть не скажутъ, что я требую отъ Васъ in verba magistri jurare, слѣпой вѣры въ слова учителя. А такъ какъ оспариваютъ, что этотъ законъ признанъ наукой, то надо привести на это доказательства. Послушайте, что говоритъ глава французской буржуазной экономіи, Сэ.

Сэ («Cours complet d'économie politique», V part, ch. X, p. 333, ed. Brux.) говоритъ о платѣ обыкновеннаго труда слѣдующее: «Предложеніе этого труда возрастаетъ вмѣстѣ со спросомъ на него. Спросъ можетъ немного, очень немного, поднять рабочую плату выше размѣра необходимаго для того, чтобы рабочія семьи могли существовать и размножаться; т. е. размѣра необходимаго, чтобы каждая рабочая семья могла выкармливать достаточное число дѣтей для замѣны отца и матери. Если рабочая плата хотя сколько-нибудь поднимется выше этого уровня, число дѣтей рабочихъ возрастетъ, и усиленное предложеніе труда очень скоро уравновѣситъ усилившійся спросъ.

«Если, наоборотъ, спросъ на рабочихъ меньше числа людей, предлагающихъ свой трудъ, то доходы ихъ падутъ ниже того, что нужно для сохраненія этого класса въ данномъ числѣ. Семьи, наиболѣе обремененныя дѣтьми и больными, погибнутъ; вслѣдствіе этого уменьшится предложеніе труда, и цѣна на него поднимется, потому что его меньше предлагается. Изъ этого видно, что цѣна простой ручной работы не можетъ долго стоять ни выше, ни ниже того уровня, который необходимъ для поддержанія рабочаго сословія въ потребномъ числѣ, изъ чего слѣдуетъ, что доходъ простаго ремесленника не превышаетъ размѣра, необходимаго для поддержанія существованія его семьи.»

Итакъ, та-же пляска то ниже, то выше крайняго предѣла, которую я Вамъ описывалъ.

Послушаемъ далѣе великаго англійскаго экономиста Рикардо (гл. V) «о рабочей платѣ».

«Какъ всѣ вещи, которыя можно покупать и продавать, и количество ко-

торыхъ можно увеличивать и уменьшать, трудъ имѣетъ естественную цѣну и рыночную цѣну. Естественная цѣна труда та, которая доставляетъ работникамъ вообще средства существовать и продолжать свое племя безъ умноженія, но и безъ уменьшенія въ числѣ». Далѣе, онъ показываетъ, что рыночная цѣна, какъ я Вамъ сказалъ, колеблется въ обѣ стороны отъ естественной, тѣми колебаніями, о которыхъ я говорилъ. «Если — говоритъ онъ — число работниковъ умножается вслѣдствіе поощреннаго возвышеніемъ рабочей платы умноженія населенія, то плата опять падаетъ къ своей естественной цѣнѣ, а иногда и ниже,—такъ сильно дѣйствіе реакціи».

Я буду продолжать цитаты; это, правда, не весело, но я пришелъ сюда не увеселять Васъ, а говорить съ Вами о вещахъ, которыя близко касаются Васъ и требуютъ отъ Васъ полнаго вниманія. Г. Виртъ имѣлъ неслыханную наглость сослаться противъ этого закона на Адама Смита и Дж. Ст. Милля. Послушаемъ, что говоритъ Смитъ [Изслѣдованія, Т. I, кн. I, гл. VIII, с. 222—223 †)]. «Если спросъ (на трудъ) будетъ все болѣе увеличиваться, то рабочая плата ††) неизбѣжно доставитъ бракамъ и размноженію рабочаго населенія такое поощреніе, которое будетъ отвѣчать увеличеніемъ числа работниковъ возрастающему требованію на нихъ. Предположите, что вдругъ плата уменьшится и не будетъ производить подобнаго дѣйствія,—недостатокъ въ рукахъ не замедлитъ †††) повысить ее; а предположите, что въ другое время рабочая плата выше, чѣмъ необходимо для подобнаго дѣйствія ††††), то чрезвычайное распложеніе работниковъ не замедлитъ понизить ее до необходимыхъ размѣровъ».

Теперь послушайте и Милля, на котораго имѣлъ наглость ссылаться г. Виртъ. «Рикардо—говоритъ Дж. Ст. Милль (Т. I, кн. II, гл. XI), § 2, стр. 393—95)—полагаетъ..., что вездѣ существуетъ наименьшая величина рабочей платы, равняющаяся или самой низкой платѣ, при которой населеніе можетъ не вымирать съ голода, или самой низкой, при какой народъ соглашается не уменьшаться въ числѣ. Онъ принимаетъ, что общій уровень рабочей платы всегда клонится къ этой наименьшей величинѣ; что оставаться ниже этой величины онъ можетъ только на то время, какое нужно для осуществленія результата, производимаго ослабленіемъ размноженія людей, а выше этого уровня рабочая плата никакъ не можетъ удержаться долго. Такая теорія имѣетъ въ себѣ настолько истины, что можетъ быть принимаема въ со-

---

†) Изд. Бибикова.

††) У г. Бибикова «вознагражденіе за трудъ». Я позволяю замѣнить его «рабочей платой», такъ какъ оно слишкомъ характерно выражаетъ воззрѣнія и принципы устарѣлой, опровергаемой Лассалемъ буржуазной школы.

Пр. перев.

†††) У г. Бибикова: «немедленно». Это слишкомъ скоро.

Пр. перев.

††††) Здѣсь я опять нѣсколько измѣнилъ несовсѣмъ удачный переводъ г. Бибикова.

Пр. перев.

ображеніяхъ отвлеченной науки; а выводъ, дѣлаемый Рикардо изъ этой теоріи, тотъ выводъ, что рабочая плата въ разсчетѣ продолжительныхъ періодовъ возвышается и понижается сообразно долговременнымъ измѣненіямъ цѣны пищи,—это заключеніе, подобно почти всѣмъ заключеніямъ Рикардо, справедливо гипотетически, т. е. въ томъ случаѣ, когда существуютъ посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ. Но въ приложеніи къ практикѣ не слѣдуетъ забывать, что можетъ измѣняться самая норма наименьшей величины рабочей платы, въ особенности если эта норма опредѣлена не физическими, а нравственными потребностями». [Это—то самое, на что я такъ обращалъ Ваше вниманіе въ «Гласномъ Отвѣтѣ» †), что рабочая плата всегда есть минимумъ содержанія, привычнаго народу; что Вы всегда находитесь на крайнемъ предѣлѣ, но что самъ этотъ крайній предѣлъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ можетъ быть разный.] «Если рабочая плата была такъ высока, что могла быть доступна уменьшенію, и если препятствіемъ для уменьшенія была привычка работниковъ къ высокой нормѣ благосостоянія, то возвышеніе цѣны пищи и всякая другая невыгодная для работниковъ перемѣна обстоятельствъ можетъ произвести двоякій результатъ: она можетъ уравновѣситься повышеніемъ рабочей платы чрезъ постепенное дѣйствіе разсчетливой воздержности работниковъ отъ размноженія, или можетъ понизить благосостояніе работниковъ, если ихъ прежнія привычки относительно размноженія окажутся сильнѣе ихъ прежнихъ привычекъ относительно благосостоянія. Въ этомъ случаѣ вредъ, понесенный ими, останется вѣчнымъ, и новое положеніе, худшее прежняго, станетъ новою и наименьшею величиною рабочей платы, и эта величина будетъ имѣть тенденцію держаться неизмѣнно, какъ прежде имѣла прежняя не столь скудная наименьшая величина. Къ несчастью, надобно полагать, что этотъ послѣдній результатъ повышенія цѣны пищи бываетъ почти всегда-нимъ или по крайней мѣрѣ обыкновеннымъ результатомъ, такъ что въ практикѣ не имѣютъ силы всѣ теоріи, говорящія, будто бѣдствія, которымъ подвергается рабочій классъ, исцѣляются сами собой. Есть много фактовъ, доказывающихъ, что не разъ въ нашей исторіи положеніе земледѣльческихъ работниковъ въ Англіи подвергалось большому постоянному ухудшенію отъ причинъ, результатомъ которыхъ было уменьшеніе запроса на хлѣбъ. Эти причины имѣли бы лишь временное дѣйствіе, еслибы, воздержностью отъ размноженія, работники привели свое число въ соразмѣрность съ требованіями прежней нормы благосостоянія; но къ несчастью бѣдность, въ которую на много лѣтъ были они повергнуты, отучила ихъ отъ этой нормы, и слѣдующее поколѣніе, никогда не знавшее прежняго благосостоянія, стало въ свою очередь размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратить его».

Итакъ, вы видите, что Дж. Ст. Милль говоритъ совершенно тоже, что я, идетъ еще дальше Рикардо. Въ противоположность Бастіа и его поклонникамъ, Шульце и Фаухеру *(Свистки)*,—господа, еслибы г. Шульце былъ здѣсь, то

†) См. выше стр. 239—241.

самъ сказалъ бы Вамъ, что безусловно слѣдуетъ Бастіа, — Милль, какъ Вы видите, идетъ еще дальше; онъ принимаетъ, что въ большинствѣ случаевъ минимумъ потребностей существованія, представляемыхъ рабочей платой, т. е. необходимое по существующимъ въ народѣ привычкамъ содержаніе, скорѣе падаетъ, чѣмъ возрастаетъ, съ теченіемъ времени обыкновенно понижается, потому что такъ какъ рабочіе не отказываются отъ рожденія дѣтей, то и временныя ухудшенія имѣютъ наклонность вести къ прочнымъ ограниченіямъ необходимыхъ потребностей.

Далѣе (стр. 395—96) онъ продолжаетъ: «Когда цѣна предметовъ, необходимыхъ работникамъ, понижается земледѣльческими усовершенствованіями, отмѣною хлѣбныхъ законовъ и другими тому подобными причинами, когда работники за прежнюю рабочую плату могутъ получать больше условій благосостоянія, чѣмъ прежде, то происходитъ обратное явленіе. Рабочая плата упадетъ не тотчасъ; она можетъ даже возвыситься; но наконецъ она упадетъ потого, что положеніе работниковъ станетъ не лучше прежняго, если въ продолженіе благопріятнаго времени не возвысится прочнымъ образомъ норма благосостоянія, считаемаго работниками за необходимость для себя. Къ несчастью никакъ нельзя разсчитывать на это благотворное послѣдствіе. Норма благосостоянія, пользованіе которымъ считаютъ работники дѣломъ болѣе необходимымъ, чѣмъ жениться и имѣть семейство, — эта норма падаетъ легко, но возвышается вовсе не такъ легко. Если работники станутъ только пользоваться бо́льшимъ благосостояніемъ, пока оно продолжается, и не привыкнутъ считать его необходимостью, они размножатся до прежней нормы образа жизни. Если прежде они не могли по бѣдности хорошо выкармливать дѣтей, теперь они будутъ выкармливать дѣтей больше прежняго, и когда дѣти вырастутъ, то своимъ соперничествомъ понизятъ рабочую плату, понизятъ ее на всю ту пропорцію, въ какой увеличилась пища. Если не этимъ, то другими такими же способами, напр. увеличеніемъ числа бракосочетаній, болѣе раннимъ вступленіемъ въ бракъ, или увеличеніемъ числа рождающихся отъ каждаго брака дѣтей будетъ произведенъ такой же результатъ. Всѣ факты свидѣтельствуютъ, что за періодами дешевизны пищи и живаго запроса на трудъ непремѣнно слѣдуетъ значительное увеличеніе въ количествѣ браковъ. Потому я не могу приписывать отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ ту важность для благосостоянія работниковъ, какая часто ей приписывается; не могу также придавать важности ни одному изъ небольшихъ измѣненій въ положеніи работниковъ, ни одному изъ этихъ плановъ, непремѣнно бывающихъ въ модѣ. Небольшая перемѣна въ положеніи работниковъ не сдѣлаетъ прочнаго измѣненія въ ихъ привычкахъ и требованіяхъ, и скоро они спустятся до своего прежняго положенія. Для произведенія прочнаго улучшенія, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть такъ сильна, чтобы значительно измѣнить ихъ положеніе, такъ сильна, чтобы измѣнить его на многіе годы, несмотря на то, что отъ нея же увеличится размноженіе работниковъ въ теченіе жизни цѣлаго поколѣнія. Если улучшеніе имѣетъ такую большую силу, если явится поколѣніе, съ дѣтства привыкшее къ улучшенному положенію, то привычки этого

новаго поколѣнія относительно размноженія сформируются по высшей нормѣ наименьшей рабочей платы, и положеніе работниковъ улучшится прочнымъ образомъ.» «Самый замѣчательный примѣръ такого случая представляетъ Франція послѣ революціи», прибавляетъ Милль. Она разомъ доставила такое улучшеніе, что оно перевѣсило возрастаніе народонаселенія, несмотря на его безпримѣрную быстроту. Итакъ, Вы видите, что Милль говоритъ совершенно тоже самое, что̀ сказано объ этомъ въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ», стр. 240.

Судите же послѣ того, какой лобъ надо имѣть, чтобы ссылаться на Милля противъ меня.

И Бастіа не говорилъ ничего, что могло бы служить опроверженіемъ этого закона рабочей платы. Г. Виртъ ссылается на его положеніе, что съ развитіемъ промышленности и производства вообще возрастаетъ и пропорціональная доля въ нихъ труда. Никто изъ экономистовъ не поддерживаетъ этого положенія; оно ложно; но даже и въ немъ нѣтъ ничего, что по необходимости противорѣчило бы закону рабочей платы. Еслибы и допустить, что съ теченіемъ вѣковъ доля труда возрастаетъ, то это еще вовсе не значило бы, что и плата его возрастаетъ. Она можетъ не измѣниться или даже упасть, и это зависитъ единственно отъ того, что не возросло ли число работниковъ въ еще сильнѣйшей мѣрѣ, чѣмъ доля труда въ производствѣ. Дальнѣйшій разборъ положенія Бастіа завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и потому я не буду вдаваться въ него; но привести противъ него опроверженія очень легко; для этого достаточно сослаться на признанные научные авторитеты, писавшіе послѣ Бастіа. Къ числу ихъ принадлежитъ Милль, котораго я уже цитировалъ и который—нашъ современникъ, между тѣмъ какъ Бастіа давно умеръ. Я приведу еще мнѣнія значительнѣйшихъ новѣйшихъ экономистовъ, притомъ изъ руководствъ, заключающихъ въ себѣ лишь то, что̀ безусловно признается наукой. Послушайте гейдельбергскаго профессора Рау, автора самаго популярнаго руководства, выдержавшаго богъ-вѣсть сколько изданій; въ § 190 своихъ «Началъ политической экономіи» онъ говоритъ:

«Расходы, которые должны быть оплачены работнику въ рабочей платѣ, состоятъ—въ простыхъ, не требующихъ искусства ремеслахъ—только въ необходимомъ содержаніи, а въ ремеслахъ, требующихъ искусства, къ этому еще должны причисляться необходимые расходы на пріобрѣтеніе потребнаго умѣнія.

«Содержаніе должно быть расчислено нетолько на время работы, а и на года дѣтства и юности, когда будущій работникъ еще не въ состояніи пріобрѣтать, и вообще плата работникамъ должна быть достаточна для содержанія ихъ семей. Если заработка не хватаетъ на это, то рабочій классъ уменьшится въ числѣ, и въ работникахъ ощутится недостатокъ, пока уменьшенное предложеніе труда снова не подниметъ рабочую плату. По крайней мѣрѣ это относится къ простому наемному труду, получающему лишь скудное вознагражденіе, и къ семьямъ средняго числа членовъ. Въ болѣе искусственныхъ отрасляхъ труда можетъ случиться, что по обычному въ этомъ ремеслѣ образу жизни платы хватаетъ только на содержаніе одного работника безъ семьи, и число работниковъ тѣмъ неменѣе остается неизмѣнно вслѣдствіе наплыва изъ низшихъ классовъ.»

Въ здѣшнемъ (лейпцигскомъ) университетѣ читаетъ проф. Рошеръ, экономистъ буржуазный, но человѣкъ туго ученый. Что говоритъ онъ объ этомъ законѣ? Въ его «Системѣ народной экономіи» (1858 г., § 161, p. 308) говорится:

«Подъ словами расходы производства, обусловливающіе постоянное предложеніе труда, должно разумѣть обычныя потребности существованія не одного только настоящаго работника, а и его семьи, т. е. подростающаго рабочаго поколѣнія. Многочисленность его зависитъ главнымъ образомъ отъ спроса на трудъ. Если, напр., спросъ таковъ, что можетъ удовлетворить воспитанію среднимъ числомъ лишь 6 дѣтей на семью, то плата, кромѣ содержанія самого работника, должна еще покрывать расходы воспитанія 6 дѣтей. Гдѣ въ обычаѣ, чтобы жены и дѣти работали за плату, тамъ отцу уже не нужно самому пріобрѣтать все содержаніе для цѣлой семьи; слѣдовательно, индивидуальная рабочая плата можетъ быть меньше. Если же рабочая плата упадетъ ниже предположеннаго нами уровня, то вскорѣ усилившаяся смертность, переселенія, уменьшеніе браковъ и рожденій уменьшатъ предложеніе труда, вслѣдствіе чего при прежнемъ спросѣ рабочая плата поднимется. Наоборотъ, рабочей платѣ тѣмъ труднѣе удержаться выше этого уровня, чѣмъ болѣе почитаетъ народъ удовлетвореніе половаго влеченія величайшимъ чувственнымъ наслажденіемъ и любовь родителей къ дѣтямъ естественнѣйшею человѣческою обязанностью. ««Гдѣ существуетъ сильный спросъ на людей, тамъ непремѣнно явится и сильное предложеніе»» (Адамъ Смитъ).»

Вы видите, господа, какъ единогласно говорятъ всѣ эти авторитеты одно и тоже. Вы видите, какую неслыханную наглость надо имѣть, чтобы называть ложнымъ общепризнанный законъ, да еще ссылаться какъ разъ на Адама Смита и Милля, которые сами доказали его. И такимъ-то способомъ обсуждаютъ великій вопросъ! Дѣло, которое въ свою защиту прибѣгаетъ къ такому лганью, вредитъ самому себѣ и свидѣтельствуетъ о своей внутренней слабости. (*Браво и свистки.*)

Я хотѣлъ, господа, сдѣлать сегодня окрошку изъ всего, что мнѣ возражали; но это кушанье Вамъ пришлось бы расхлебывать часа три; впрочемъ, я не пощадилъ бы Васъ, еслибы не состояніе моего здоровья, которое не позволяетъ мнѣ войти сегодня во всѣ подробности и принуждаетъ отложить часть до другаго раза. Почти всѣ возраженія моихъ противниковъ состоятъ или въ умышленныхъ извращеніяхъ, или въ искреннихъ недоразумѣніяхъ, хотя я не понимаю, какъ можно было не понять чего-нибудь въ моихъ сочиненіяхъ, написанныхъ, кажется, чрезвычайно ясно. Такъ напр. г. Шульце-Деличъ восклицаетъ въ одной лекціи: «Какимъ же образомъ хочетъ Лассаль ввести въ свои ассоціаціи всѣхъ, если не желаетъ употреблять насилія?» Господа, я ничего подобнаго не имѣю въ намѣреніяхъ; я никого не хочу вводить противъ воли; кто не хочетъ, пусть съ богомъ остается; volenti non fit injuria — вольному воля! Кому пріятнѣе работать въ пользу фабриканта, чѣмъ въ свою собственную, пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. На вкусъ указчика нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ г. Шульце возникъ изъ недоразумѣнія.

Не принуждать Васъ хочу я, а хочу, чтобы Вамъ дали возможность употреблять свои силы въ собственную пользу. Возможность эту дадутъ Вамъ основанныя Вами ассоціаціи; но имъ необходимъ государственный кредитъ.

Далѣе говорили, — и это уже больше похоже на умышленное извращеніе, чѣмъ на недоразумѣніе, — говорили, особенно г. Фаухеръ, что мое предложеніе тожественно съ французскими національными мастерскими 1848 г. Я увѣренъ, что, говоря это, разсчитывали на Ваше незнакомство съ этимъ дѣломъ; дѣло въ томъ, что мастерскія эти были устроены такъ, что въ нихъ занимались только непроизводительнымъ трудомъ. Онѣ были предназначены только какъ-нибудь занять пролетаріатъ, лишившійся вслѣдствіе революціи работы, а такъ какъ больше всего не хотѣли именно составлять конкуренцію частной промышленности, то предпринимали непроизводительныя работы, напр. земляныя работы; притомъ, мастерскія эти были учреждены не соціалистами, а врагами ихъ противъ нихъ. Какимъ же образомъ могутъ сравнивать ихъ съ моими планами? На это рѣшаются только потому, что обстоятельства эти не всѣмъ извѣстны, хотя засвидѣтельствованы актами †). Кромѣ того спрашиваю, говорилъ ли я объ организаціи труда государствомъ, о государственной мастерской? На чьей сторонѣ недоразумѣніе? Кто не хочетъ понять? Вѣдь я неоднократно оговаривалъ, что желаю ассоціаціи индивидуальной, добровольной, желаю ея совершенно такою же, какою желаетъ ее Шульце, какова она существуетъ въ Англіи, въ Рочделѣ, Ланкаширѣ, Парижѣ и т. д.; я требую только, чтобы государство посредствомъ кредитной операціи дало этимъ ассоціаціямъ нужный капиталъ, чтобы онѣ могли возникнуть. Государство должно помочь имъ кредитною операціею, но не должно «организовать» ихъ, само вести въ нихъ работы на свой счетъ и въ свою выгоду, какъ предприниматель; наоборотъ, оно должно дать работникамъ кредитомъ своимъ возможность самимъ себя организовать и работать въ свою собственную пользу. Я не говорилъ и о томъ, что слѣдуетъ организовать одну большую ассоціацію, которая легко могла бы показаться государственнымъ учрежденіемъ. Напротивъ того, я всегда говорилъ объ особыхъ кружкахъ, которые должны соединяться между собою кредитными и страховыми союзами. Это ясно значитъ, что кружки эти должны быть въ отношеніи другъ друга особыми самостоятельными обществами, а не одною ассоціаціею, обнимающею все государство. Будь это одно общество, оно не могло бы само съ собою соединиться кредитнымъ и страховымъ союзомъ! Слѣдовательно, я имѣю полное право спросить, искренне ли было это недоразумѣніе или притворно?

О прочемъ я поговорю въ слѣдующей лекціи, которую, быть можетъ, прочту Вамъ недѣль черезъ 6. Сегодня же я хочу посвятить особенное вниманіе главному возраженію противъ меня, лежащему въ основаніи всѣхъ на-

---

†) См. признанія врага соціалистовъ, Ламартина, во 2 томѣ его исторіи февральской революціи; см. исторію революціи 1848 г. Гарнье-Паже. См. статью Лассаля: «Французскія національныя мастерскія 1848 г.», приложеніе А къ сочиненію «Капиталъ и Трудъ», т. II, стр. 224.

паденій либеральной партіи на мою брошюру. Шульце и вся либеральная школа затянули на всѣ голоса и лады припѣвъ: «Государство не должно вмѣшиваться въ экономическія отношенія!» Это припѣвъ старый, господа, распѣваемый уже болѣе 50 лѣтъ; теперь онъ такъ распространенъ, какъ едвали какое другое положеніе, а между тѣмъ нѣтъ фразы болѣе глупой, ложной и нелѣпой! Ее выпустили манчестерцы, и еслибы я только поразсказалъ Вамъ, на какія дѣла служитъ этотъ принципъ, то одинъ перечень этихъ случаевъ заставилъ бы Васъ окончательно отвергнуть этотъ девизъ либераловъ. Когда въ Англіи хотѣли ввести 10-ти часовой билль, которымъ полагался извѣстный максимумъ часовъ работы для работниковъ моложе 18 лѣтъ; когда намѣревались назначить срокъ возрасту, ниже котораго не позволять принимать дѣтей на фабрики; когда начали вводить обязательное обученіе, причемъ всѣ работающіе на фабрикахъ дѣти должны были посѣщать воскресныя школы, — во всѣхъ этихъ случаяхъ всѣ англійскіе фабриканты вопили: Государственное вмѣшательство! Государство не должно вмѣшиваться! Но англійскіе работники во всѣхъ этихъ случаяхъ всегда брали сторону тѣхъ, кто хотѣлъ подвергнуть ихъ насилію, какъ напр. заставить посылать дѣтей въ школы. Они поняли, что подобная свобода ихъ гибель!

Всѣ подобныя мѣры встрѣчали въ Англіи противъ себя крикъ либераловъ и проходили только съ помощью тори, лорда Ашли и другихъ. Даже 12-ти часовой билль прошелъ только при торійскомъ министерствѣ (Гремовъ билль). Пока я ограничусь этими немногими указаніями, потому что вскорѣ Вы услышите объ этомъ предметѣ подробнѣе съ другой стороны.

Г. Шульце говоритъ, и ему вторятъ всѣ приверженцы манчестерской школы: «Законы, управляющіе рабочею платою, суть законы естественные, противъ которыхъ государство не должно бороться». Естественный законъ имѣетъ силу необходимости; его нельзя отмѣнить, и нельзя также измѣнить его условій. Законъ рабочей платы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣйствительно обладаетъ такою же силою необходимости, какъ естественный законъ, но мы можемъ отмѣнить его условія, вмѣстѣ съ которыми измѣнится и самый законъ, слѣдовательно, это не «естественный законъ». Онъ основанъ на слѣдующихъ условіяхъ: если государство считаетъ принципомъ, что никоимъ образомъ не должно вмѣшиваться въ соціальныя и экономическія отношенія, если производство ведется насчетъ частныхъ предпринимателей и если господствуетъ свободное соперничество, то законъ этотъ дѣйствительно имѣетъ необходимость естественнаго закона и не можетъ быть устраненъ. Но уничтожьте одно изъ этихъ условій, и мнимый естественный законъ отмѣнится самъ собою. Напр., откиньте предположеніе, что производство необходимо ведется частными предпринимателями; работники составляютъ ассоціацію, и законъ рушится. Потому такъ и ненавидятъ манчестерцы государство, что оно представляетъ единственную точку, съ которой можно измѣнить эти условія. Поэтому они ненавидятъ не то или другое государство, не ту или другую государственную форму, а государство вообще, и еслибы могли, то, какъ сами иногда проговариваются, отмѣнили бы государство, уничтожили

бы его въ обществѣ, чтобы уже не оставалось ни единой точки, съ которой мыслимо бы было какое-нибудь спасеніе отъ ихъ вооруженной капиталомъ страсти эксплуатировать. Поэтому они провозглашаютъ государство источникомъ всякаго зла, и нѣкоторыя современныя обстоятельства придаютъ этому крику нѣкоторое правдоподобіе. Берегитесь этого заблужденія, которое могло бы стать роковымъ для нашего прогресса, если не противодѣйствовать ему въ общественномъ мнѣніи. Въ моей «Программѣ работниковъ» (см. выше, стр. 25) я говорю: «Цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидуума, какъ представляетъ ее себѣ буржуазія, а въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая немыслима для отдѣльнаго индивидуума». Таковъ великій цивилизаціонный принципъ государства, и это на вѣки останется назначеніемъ государства, несмотря на всѣ нынѣшнія заблужденія насчетъ его призванія.

Въ Англіи эти заблужденія особенно укоренены; но въ доказательство, что, несмотря на это, и тамъ не могли обойти того истиннаго естественнаго закона, что всѣ великія цивилизаціонныя дѣйствія должны исходить отъ государства, я указалъ на отмѣну невольничества въ колоніяхъ, стоившую государству не менѣе 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Г. Шульце-Деличъ не понялъ меня и возражаетъ: Да, такъ и слѣдовало, потому что невольники были собственностью; стало быть, владѣльцамъ ихъ слѣдовало дать вознагражденіе. Г. Шульце вообразилъ, что я осуждаю эту мѣру, чего я и не думалъ. Я указалъ на нее только въ доказательство несостоятельности принципа государственнаго невмѣшательства, такъ что даже въ Англіи при всякомъ истинно великомъ прогрессѣ государство должно вмѣшиваться. Правда, рабы были собственность; хоть Вы и не рабы, господа, но отчасти также составляете чужую собственность, какъ и рабы; чужою собственностью въ Васъ есть возможность работать для самихъ себя, пріобрѣтать въ собственный карманъ продуктъ и возрастающій продуктъ Вашей собственной производительности. Нынѣче Вы принуждены работать для тѣхъ, кто даетъ Вамъ ссуду на трудъ, матеріалъ, субстратъ труда; изъ этого и возникаетъ тотъ законъ рабочей платы, который я объяснялъ Вамъ. Въ этомъ дѣлежѣ, производимомъ предпринимателемъ, который впрочемъ не можетъ поступать иначе, Вамъ дается только необходимое, а за нимъ остается весь излишекъ. Какъ бы ни превосходилъ этотъ излишекъ необходимую стоимость Вашего существованія, во всякомъ случаѣ онъ весь, цѣликомъ, поступаетъ въ карманъ того, кто ссудилъ средства для работы. Такимъ образомъ Ваша способность производить своею рабочею силою больше, чѣмъ сколько нужно для Вашего существованія, составляетъ чужую собственность. Но эта собственность будетъ отмѣнена и ликвидирована, какъ скоро государство дастъ Вамъ возможность учредить свои ассоціаціи и работать для себя.

Господа!. Защищаемыя мною воззрѣнія все болѣе и болѣе распространяются въ наукѣ. Ежедневно являются признаки, которые вполнѣ можно считать за signatura temporis—знаменія времени. Четыре дня тому назадъ я получилъ «Хронику политической экономіи и статистики» іенскаго профессора Гильдебрандта. Этотъ ученый развиваетъ совершенно ту же теорію, притомъ съ слѣдующей точки зрѣнія. Утверждаютъ, говоритъ онъ, что договоръ между предпринимателями и работниками свободенъ; неправда,—работниковъ принуждаютъ къ нему голодъ и нужда. И это не ново, господа; разница только въ томъ, что прежде это говорили французскіе революціонеры, а теперь говорятъ нѣмецкіе профессора. Но это прогрессъ науки и справедливости въ обществѣ, и тщетно противятся ему манчестерцы.

Въ моей брошюрѣ я сказалъ, что по статистическимъ даннымъ рабочіе классы составляютъ 89—95% населенія. Г. Шульце отвѣчаетъ мнѣ: «Если такъ, то пусть они сами прямо и помогаютъ себѣ безъ вмѣшательства государства». Вотъ въ этомъ-то вся и суть, тутъ-то и есть самый punctum saliens. Г-ну Шульце хочется, чтобы Вы выручали себя въ-одиночку, пособляли себѣ частными силами своими; но частный человѣкъ, не обладающій капиталомъ, безпомощенъ, и слова г. Шульце имѣютъ такой же смыслъ, какъ еслибы кто-нибудь сталъ кричать утопающему, обремененному 10 пудовой тяжестью: да плыви же! Силу Вамъ можетъ дать государство, т. е. Ваша общая ассоціація; г. Шульце желаетъ не соціальной самопомощи, какъ говоритъ, а лишь индивидуальной, но такая самопомощь невозможна для людей, не имѣющихъ капитала, при свободномъ соперничествѣ. Соціальною самопомощью была бы та, которую Вы получили бы чрезъ соціальный бытъ, государство, черезъ соединенныя силы всѣхъ. Вотъ какую помощь проповѣдую я Вамъ! Манчестерская теорія приходитъ къ концу. Это доказываютъ у насъ утѣшительныя явленія въ области науки, а въ Англіи комическія событія въ практической политикѣ.

Какъ я сказалъ Вамъ, манчестерская школа распустила мнѣніе, что во всѣхъ общественныхъ вопросахъ государство есть принципъ зла, что оно не должно вмѣшиваться въ общественные вопросы. Но вотъ вслѣдствіе американской войны и недостатка въ хлопкѣ въ Ланкширѣ нужда работниковъ дошла до крайности. Работники вознамѣрились переселиться въ колоніи; по крайней мѣрѣ на это рѣшилась большая часть хлопчато-бумажныхъ работниковъ. Что же вышло? Тѣ же манчестерцы стали теперь всячески требовать государственнаго вмѣшательства въ свою пользу. Мистеръ Потгеръ, членъ парламента за Карлейль, потребовалъ отъ имени этой партіи, чтобы государство ссудило денегъ для доставленія работникамъ занятія до полученія хлопка. Зачѣмъ было имъ это нужно? А вотъ зачѣмъ: еслибы работники выселились, то по окончаніи войны и по возобновленіи ввоза хлопка оказался бы недостатокъ въ работникахъ, и имъ пришлось бы платить высокую плату. Стало быть, въ интересѣ манчестерцевъ было удерживать работниковъ дома. Поэтому государство и должно было вмѣшаться въ ихъ пользу и занять работниковъ на свой счетъ для выгодъ фабрикантовъ! Таково послѣднее слово

этой глупой и корыстной теоріи. Даже у Таймса, главной буржуазной газеты, хватило справедливости осмѣять манчестерцевъ въ двухъ номерахъ своихъ (25 и 31 марта) за ихъ ученіе, которое они 30 лѣтъ проповѣдывали, и присовѣтывать работникамъ переселяться. Печально однако, что для наказанія манчестерцевъ работникамъ приходится выселяться. Не допустимъ, чтобы и у насъ дошло до этого, чтобы и у насъ или государству пришлось вмѣшаться въ пользу фабрикантовъ, или работникамъ отрясти отечество какъ грязь съ подошвъ.

Слова мои могутъ, можетъ быть, подать поводъ къ ложному заключенію, будто Вы имѣете основаніе ненавидѣть фабрикантовъ или предпринимателей. Это было бы величайшее заблужденіе, потому что за существующія учрежденія никто не можетъ нести отвѣтственность. Какъ я объяснилъ Вамъ въ «Программѣ Работниковъ», они суть результатъ длиннаго историческаго процесса, который возникъ не по винѣ буржуазіи. Сама буржуазія, напротивъ того, есть невольный продуктъ его. Стало-быть, сословныя ненависть и отвращеніе могутъ быть лишь слѣдствіемъ грубаго непониманія и могутъ только отягчить Ваше положеніе. Надо снять оковы съ Вашихъ ногъ, но снять мирно, по иниціативѣ разума и съ симпатической помощью имущихъ классовъ, передовые люди которыхъ, люди науки, кладутъ начало освобожденію. Но если несправедливое и вредное ожесточеніе, способное только затруднить процессъ разрѣшенія узъ, не должно овладѣвать ими, то съ другой стороны также вредно было бы, еслибы Вы позволили приверженцамъ Бастіа ослѣпить Васъ и увѣрить, что этихъ узъ не существуетъ; также вредно было бы, еслибы обольщенія и обманы лишили Васъ духа и мужества. Вы должны сказать имущимъ и образованнымъ: «При настоящемъ уровнѣ цивилизаціи необходимо, чтобы Вы посвятили всѣ свои силы на освобожденіе насъ отъ этихъ узъ!» Если же Вы дадите увѣрить себя, что Вы свободны, если поддадитесь обманчивому обѣщанію, что Васъ освободитъ возрастаніе капитала и промышленности, то знайте, что никто не подумаетъ о Вашемъ освобожденіи и что Вы будете заслуживать своего бѣдствія! Помните же истину, свидѣтельствуйте ее непрестанно, безъ озлобленія, но на чистоту. Послушайте словъ Милля, знаменитаго англійскаго экономиста, во всѣхъ отношеніяхъ принадлежащаго къ первымъ рядамъ имущаго класса: «Очень сомнительно, облегчили ли до сихъ поръ всѣ механическія изобрѣтенія дневной трудъ какого-нибудь человѣческаго существа. Результатомъ ихъ было то, что теперь большее населеніе ведетъ ту же трудовую жизнь взаперти и большее число фабрикантовъ и другихъ лицъ пріобрѣтаетъ больше богатствъ; кромѣ того они увеличили комфортъ среднихъ классовъ. Но до сихъ поръ они еще не начинали производить тѣхъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ человѣчества, которыя предназначены произвести своею сущностью и въ будущемъ произведутъ.» И въ другомъ мѣстѣ: «Когда дѣло идетъ о прочномъ улучшеніи положенія народа, то мелкія средства производятъ не мелкіе результаты, а вовсе не производятъ никакихъ. Если они не пріучатъ цѣлое поколѣніе въ такой же мѣрѣ къ комфорту, въ какой теперь люди пріучены къ нуждѣ, то значитъ ими ничего

не достигнуто; слабыя полумѣры только расточаютъ средства, которыя лучше бы беречь до той поры, когда прогрессъ общественнаго мнѣнія и воспитанія образуетъ новыхъ политическихъ дѣятелей, не придерживающихся того мнѣнія, что планъ, обѣщающій великіе результаты, именно поэтому не долженъ предприниматься государственными людьми.»

Мнѣ осталось еще вкратцѣ коснуться политической стороны дѣла. Прогрессистская партія подвергла меня и ваши заключенія самымъ яростнымъ нападкамъ. По какому праву? Каковы были наши отношенія къ ней? Не явили ли мы образецъ величайшаго терпѣнія? Припомнимъ! Въ 1848 году была революція, которая дала народу общее избирательное право. Затѣмъ наступилъ періодъ реакціи. (Я говорю о Пруссіи, потому что рѣчь идетъ о прусской прогрессистской партіи.) Король прусскій пожаловалъ 5 декабря 1848 г. конституцію, въ которой тоже еще было сохранено общее избирательное право, и въ силу статей 60 и 112 король не могъ издавать новыхъ законовъ безъ утвержденія депутатовъ. Тѣмъ неменѣе вскорѣ былъ изданъ новый избирательный законъ съ трехклассной системой. Это еще куда бы ни шло, если-бы, согласно 60 и 112 статьямъ, этотъ законъ былъ утвержденъ палатой, избранною по старому избирательному закону. Но вмѣсто того новый избирательный законъ утверждала и новая палата, на основаніи этого новаго закона избранная! Для демократіи, а я принадлежу къ радикальной демократіи и надѣюсь, что и вы принадлежите къ ней, для демократіи новая конституція была правонарушеніемъ. Тѣмъ неменѣе въ 1858 г., когда новые прусскіе министры, Шверинъ и т. д., стали либеральничать, возгорѣлся конституціонный восторгъ, который былъ оскорбителенъ для всякаго истиннаго демократа, потому что для насъ конституція была правонарушеніемъ. Наши потери были забыты, хотя мы вели борьбу заодно съ буржуазіей; это было съ ея стороны предательство союзниковъ. Она хотѣла улизнуть изъ великой борьбы съ своей особой добычей—буржуазной конституціей, а мы, народъ, могли справляться, какъ знаемъ. (*Голосъ: неправда! Свистки и громкія одобренія.*) Мы молчали. Впослѣдствіи образовалась партія прогресса. Отчего она отреклась отъ имени демократіи? Очевидно потому, что теперь уже не желали быть демократами. И удивительно ли послѣ такихъ поступковъ, что демократія враждебна прогрессистамъ? Г. Штрекфусъ въ Берлинѣ, составляя при образованіи прогрессистской партіи въ первомъ засѣданіи программу партіи, помѣстилъ въ спискѣ требованій общее избирательное право, и въ этомъ засѣданіи оно прошло. Но черезъ нѣсколько дней въ другомъ засѣданіи, гдѣ онъ не присутствовалъ, оно было вычеркнуто; это прямо доказываетъ, что эти господа не желаютъ общаго избирательнаго права; да кромѣ того гг. Фаухеръ и Виртъ еще недавно объявили здѣсь, въ Лейпцигѣ, какъ говорятъ газеты, что такъ какъ трехклассный избирательный законъ доставилъ такую палату, какъ нынѣшняя прусская, то общаго избирательнаго закона ненужно. Ради мира мы все-еще молчали, несмотря на отреченіе отъ общаго избирательнаго права. Мы говорили себѣ: если прогрессистская партія станетъ дѣйствовать энергически, то хорошо, мы будемъ молчать, будемъ поддерживать ее; до-

бившись господства, она будетъ принуждена сдѣлать народу уступки и вообще уважить его нужды. Но нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Пруссіи вскорѣ показало, что прогрессистская партія рѣшительно не обладаетъ необходимой энергіей, чтобы привести въ смущеніе энергическое правительство. Она не можетъ даже сама достигнуть власти и не достигнетъ ея, и пока мы будемъ идти за ней, до тѣхъ поръ не выбьемся изъ болота. (*Ого! Браво! Требованія прекращенія рѣчи и возраженія на нихъ.*) Я убѣдился, что если мы будемъ оставаться позади прогрессистовъ, насъ неизбѣжно постигнетъ застой. Что же я сдѣлалъ? Въ какомъ смыслѣ обратился я противъ прогрессистской партіи?

Конечно, не въ томъ, чтобы совѣтовать намъ идти заодно съ реакціей. Нѣтъ, будемъ поддерживать прогрессистскую партію, насколько она враждебна реакціи; но будемъ въ тоже время подталкивать ее впередъ. Она сама объявила, что конституція не существуетъ больше. Зачѣмъ же она продолжаетъ засѣдать въ берлинской палатѣ, помогая этимъ правительству притворяться конституціоннымъ и только несогласнымъ съ представительствомъ по второстепеннымъ вопросамъ? Такое противорѣчіе должно влечь за собой полное извращеніе всѣхъ понятій права и народнаго смысла. Спросите лучшихъ изъ прогрессистовъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, зачѣмъ они не объявятъ, что пока конституціи не существуетъ они не могутъ представлять палату и обдѣлывать съ министрами парламентскія дѣла? Они отвѣтятъ, что, конечно, сдѣлали бы это, но что народъ еще не созрѣлъ и не одобрилъ бы такого поступка. Такъ говорятъ мудрецы, всегда воображающіе себя богъ-вѣсть насколько впереди народа! Ну такъ вотъ вы народъ, господа! Покажите же прогрессистамъ, порицаніемъ ихъ образа дѣйствій, что они заблуждаются насчетъ народа. Принудьте ихъ идти впередъ.

Я пришелъ къ вамъ сегодня не съ пустыми руками. Вы знаете, что порѣшено въ Гамбургѣ, Золингенѣ, Дюссельдорфѣ, Кёльнѣ, въ Рейнскихъ странахъ, гдѣ я десять лѣтъ прожилъ съ работниками. Но и люди науки отвѣтили на мое воззваніе. Нашъ великій экономистъ Родбертусъ прислалъ письмо, которымъ пристаетъ къ вашему дѣлу, и онъ не одинъ. Одинъ изъ первыхъ представителей науки въ здѣшнемъ университетѣ, проф. Вутке, поручилъ мнѣ передать вамъ, что пристаетъ къ вашему дѣлу и дѣлаетъ его своимъ; въ этомъ же смыслѣ онъ писалъ вашему комитету. Какъ видите, образуется тотъ союзъ, о которомъ я говорилъ и предсказывалъ въ моей защитительной рѣчи, союзъ науки и работниковъ; вы видите, что этотъ боевой кличъ начинаетъ исполняться. Счастливымъ предзнаменованіемъ считаю я, что дѣло началось здѣсь, въ Саксоніи и въ Лейпцигѣ; здѣсь въ Саксоніи Лютеръ привѣсилъ знаменитые тезисы у замковой церкви въ Виттенбергѣ; здѣсь въ Саксоніи послѣ лейпцигскаго диспута папская булла отлученія была сожжена виттенбергскими студентами. Будемъ надѣяться, что отсюда же повѣетъ животворный духъ великой реформаціи, которой требуетъ наше столѣтіе, и распространится по всему пространству нашей родины. (*Продолжительныя рукоплесканія.*)

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ РАБОЧИМЪ.

(Рѣчь, произнесенная во Франкфуртѣ на Майнѣ 17 и 19 мая 1863 года)

(При входѣ ораторъ встрѣченъ рукоплесканіями и свистками.)

Господа!

Вашъ комитетъ пригласилъ меня къ Вамъ, и, какъ Вы видите, я послѣдовалъ этому приглашенію. Я послѣдовалъ, надѣясь, что приглашеніе дѣлается не ради пустой формальности; я не думалъ, что заранѣе рѣшено быть противъ меня, и во всякомъ случаѣ не предполагалъ, что дойдутъ до того, чтобы заблаговременно организовать противъ меня этотъ замыселъ. Съ прискорбіемъ долженъ сказать Вамъ, господа, что эта надежда не сбылась; вижу, что ошибался въ своихъ предположеніяхъ. Но спрашиваю, честный ли это образъ дѣйствій — удалить отсюда большинство работниковъ и дать доступъ въ эту залу и право подачи голоса только членамъ рабочаго образовательнаго общества? Какой интересъ представляетъ нынѣшній день для меня и для страны? Узнать, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ рабочая масса. Но вотъ эта масса не допущена сюда, и рѣшать призвана какая-то новая аристократія, вдругъ получившая значеніе среди рабочаго сословія,—избранная категорія членовъ рабочаго образовательнаго общества! Вы знаете, во Франкфуртѣ рабочихъ тысячи; во франкфуртскомъ же рабочемъ образовательномъ обществѣ только 300 членовъ. Такая же пропорція и въ другихъ городахъ. Слѣдовательно, право дано лишь небольшому числу: принята аристократическая исключительность! Далѣе: вѣдь извѣстно, господа, что рабочія образовательныя общества подали голоса противъ меня, правда, не вездѣ, не во Франкфуртѣ и не въ Майнцѣ, но въ большей части городовъ Майнскаго округа. Правда также, что они подали голоса не прочтя моей брошюры. Но тѣмъ болѣе странно, что теперь право голоса дано исключительно тѣмъ, кто и такъ уже

подалъ голосъ значительнымъ большинствомъ. Спрашиваю опять: честно ли это, добросовѣстная ли эта игра или шулерская?

При подобныхъ обстоятельствахъ, Вы понимаете, господа, я былъ бы въ полномъ правѣ уклониться отъ преній и удалиться отсюда; но я рѣшился принять сраженіе, какъ и гдѣ бы мнѣ его ни предложили! (*Одобренія.*) Господа! Я такъ вѣрю въ силу истины, что не удивился бы, еслибы Вы, придя сюда съ единодушной рѣшительностью осудить меня, вышли отсюда единодушно одобривъ меня.

Не буду дѣлать длиннаго предисловія. Скажу Вамъ только, что, какъ Васъ уже предупреждалъ и президентъ, рѣчь моя будетъ длинна. Противники мои толковали Вамъ свои теоріи многіе годы; мнѣ же надо ограничиться одною рѣчью, такъ что въ отношеніи времени я въ величайшей невыгодѣ. Но какъ бы долго ни говорилъ я, подумайте объ одномъ: это говоритъ человѣкъ, не себя отстаивающій, а защищающій передъ Вами Ваше собственное дѣло.

Поэтому также знайте напередъ, что цѣль моей рѣчи не увеселять Васъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы увлекать Васъ ораторскими штуками.

Справедливо говоритъ д-ръ Бюхнеръ въ своемъ отчетѣ, что это движеніе вывело насъ наконецъ изъ краснобайства и тумана фразъ. Я обращаюсь къ Вашему разуму; мнѣ придется сообщать Вамъ научные факты, и я прошу Васъ посвящать моей рѣчи самое глубокое вниманіе именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она будетъ суха, будетъ состоять изъ цитатъ, цифръ и фактовъ. Наконецъ знайте и то, господа, что я пришелъ говорить не то, что Вамъ угодно слушать, а, какъ свободный человѣкъ, повѣдать Вамъ всю истину безъ прикрасъ и, когда нужно, безъ пощады; еслибы Вамъ и не понравилось то, что я Вамъ скажу, то я прошу Васъ и могу отъ Васъ требовать выслушать меня до конца въ нѣмомъ молчаніи.

Важнѣйшій пунктъ моего «Гласнаго Отвѣта», то, изъ чего все остальное вытекаетъ необходимо само собою, есть объясненный мною въ этой статьѣ законъ средней рабочей платы. Этотъ законъ такъ единодушно признанъ всѣми людьми науки, основанія его такъ просты и очевидны, что я считалъ невозможнымъ услышать возраженіе противъ него. Но когда требуется воспрепятствовать работникамъ понять свое положеніе, дѣлаются возможными самыя невозможныя вещи, и вотъ передъ Вами предсталъ нѣкій господинъ Максъ Виртъ, отрицающій этотъ законъ и утверждающій, что это—мнѣніе, давно опровергнутое, что это, какъ онъ выражается, гнилая выдумка Рикардо. Въ чемъ я охотно соглашаюсь съ г. Максомъ Виртомъ, это въ томъ, что, опровергни онъ этотъ законъ, онъ опровергъ бы все, что я говорилъ. И наоборотъ: если онъ его не опровергъ, то вмѣстѣ съ этимъ закономъ остается непреложнымъ каждое слово мое до послѣдняго, потому что, какъ говоритъ самъ г. Виртъ, вся моя брошюра представляетъ лишь послѣдовательное, логическое развитіе этого закона.

Какой же законъ противопоставляетъ г. Виртъ моему? Онъ говоритъ: Рабочая плата зависитъ не отъ необходимаго по народнымъ привычкамъ содержанія, а отъ процвѣтанія промышленности и національнаго капитала, отъ

спроса и предложенія. Въ этихъ словахъ обличается все плутовство г. Макса Вирта. Законъ, который онъ противопоставляетъ моему, есть тотъ же самый, съ тою только разницей, что, желая обмануть Васъ, онъ не договариваетъ второй половины своей собственной мысли †). Разумѣется, рабочая плата можетъ подниматься и поднимается вообще медленно и постепенно. Но въ той же пропорціи, въ какой она начинаетъ подниматься, возвышается и умножается и число работниковъ, ихъ браковъ и ихъ дѣтей, такъ что въ скоромъ времени одинъ факторъ, усиленное предложеніе рабочихъ рукъ, совершенно уравниваетъ другаго фактора, усиленный спросъ на рабочія руки, вслѣдствіе увеличенія національнаго капитала, и такимъ образомъ рабочая плата опять падаетъ на прежній уровень. Умноженіе населенія такъ неизбѣжно въ этомъ случаѣ, что статистика показываетъ значительное умноженіе браковъ между рабочими даже въ простые урожайные годы безъ возвышенія рабочей платы, какъ засвидѣтельствуетъ Вамъ и Милль. Теперь послушайте, какъ неоспоримъ, какъ единогласно признанъ въ наукѣ этотъ законъ, который господинъ Максъ Виртъ называетъ старой выдумкой. Я не буду, конечно, ссылаться на соціалистовъ, но сошлюсь Вамъ на главу французской буржуазной экономіи, Ж. Б. Сэ, на Адама Смита и Д. С. Милля, на которыхъ г. Максъ Виртъ имѣетъ завидную смѣлость ссылаться противъ закона Рикардо ††). Всѣ они говорятъ тоже, что я. Рабочая плата есть minimum со-

---

†) Дѣло въ томъ, что процвѣтаніе промышленности и національный капиталъ представляютъ собою только спросъ на трудъ. Другой членъ отношенія, предложеніе труда, представляется количествомъ населенія. Именно это господство спроса и предложенія вызываетъ законъ рабочей платы, который я объяснилъ и объяснилъ именно отношеніемъ спроса и предложенія. Но у насъ такъ распространено экономическое невѣжество, что на немъ сходятся самыя противоположныя партіи до такой степени, что франкфуртскій корреспондентъ прусской офиціальной газеты заодно съ господиномъ Феодоромъ Штрейтомъ въ Кобургской «Рабочей Газетѣ» нападаютъ на меня за отрицаніе закона спроса и предложенія, между тѣмъ какъ я изъ него-то все и вывожу! Вотъ противники мои, какъ напр. господинъ Максъ Виртъ, точно отрицаютъ этотъ законъ, потому что, хотя на словахъ признаютъ его, но когда дѣло доходитъ до выводовъ, то выводятъ рабочую плату не изъ спроса и предложенія, а изъ одного спроса. Господинъ Штрейтъ доходитъ до такого невѣжества и безсмыслія, что въ № 20 своей «Рабочей Газеты» приводитъ противъ меня слѣдующую цитату изъ Милля: «Рабочая плата зависитъ отъ спроса и предложенія труда или, какъ часто говорятъ другими словами, отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ.» Это какъ разъ тоже, что я говорю и изъ чего я вывелъ законъ рабочей платы. Особенно смѣшна покажется глупость или безсовѣстность этихъ господъ, обвиняющихъ меня въ отрицаніи закона спроса и предложенія, если вспомнить, что въ «Гласномъ Отвѣтѣ» у меня сказано прямо: «Желѣзный экономическій законъ, опредѣляющій рабочую плату при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ господствомъ спроса и предложенія, таковъ:» и т. д.

††) Здѣсь приводятся тѣ самыя цитаты изъ Сэ, Смита и Милля, которыя помѣщены въ предъидущей лейпцигской рѣчи (стр. 256 — 260) и которыхъ мы поэтому не повторяемъ. *Пр. перев.*

держанія, опредѣляемаго житейскими привычками народа. Этотъ minimum не у всѣхъ народовъ одинаковъ, потому что не всѣ народы довольствуются одинакими средствами, чтобы жить, жениться и наживать семью; поэтому онъ иной въ Россіи, чѣмъ въ Германіи, въ Германіи иной, чѣмъ въ Англіи, смотря по относительнымъ житейскимъ нуждамъ каждаго народа, которыя обусловливаются его привычнымъ образомъ жизни. Стало-быть, рабочая плата различна нетолько у разныхъ народовъ, но и въ разныя времена у одного и того же народа; въ одномъ только отношеніи она никогда не измѣняется — въ томъ, что всегда стоитъ на крайнемъ предѣлѣ содержанія, опредѣляемаго для каждаго народа и для каждой эпохи народными привычками.

Милль идетъ даже далѣе Рикардо и даже далѣе того, что я самъ счелъ нужнымъ сказать въ «Гласномъ Отвѣтѣ» Вамъ. Милль утверждаетъ то, что я оставилъ въ этой статьѣ подъ сомнѣніемъ, а именно, что въ большинствѣ случаевъ minimum потребностей существованія, изображаемыхъ рабочею платою, склоняется внизъ, что содержаніе, опредѣляемое привычками народа, чаще уменьшается, чѣмъ возвышается, что съ теченіемъ времени оно падаетъ, потому что и временныя ухудшенія имѣютъ склонность вести къ прочнымъ ограниченіямъ привычныхъ необходимыхъ потребностей, такъ какъ работникъ не отказывается отъ дѣторожденія.

Точно также и Бастіа ничего не говорилъ, что могло бы служить опроверженіемъ закона рабочей платы. Г. Максъ Виртъ ссылается на то положеніе его, что съ развитіемъ промышленности и производства вообще возрастаетъ и пропорціональная доля въ немъ труда.

Никто изъ экономистовъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, которое у Бастіа совершенно бездоказательно. Но будь оно даже справедливо, оно нисколько не противорѣчило бы закону рабочей платы; если даже допустить, что съ теченіемъ вѣковъ пропорціональная доля труда возрастаетъ, то это еще вовсе не значитъ, что возрастаетъ и рабочая плата; она можетъ остаться неизмѣнной или даже пасть, и все зависитъ единственно отъ того, возрастетъ ли число работниковъ въ еще большей пропорціи, чѣмъ доля труда въ производствѣ.

Но что бы ни говорилъ Бастіа, его мнѣнія ничего не значатъ противъ признанныхъ научныхъ авторитетовъ, писавшихъ позже его. Изъ нихъ я уже ссылался на Милля и сошлюсь еще на г. профессора Рау, который въ своемъ ученомъ сочиненіи говоритъ тоже самое. Но я замѣтилъ уже, что когда требуется помѣшать работникамъ понять свое положеніе, то совершаются удивительныя вещи, и, напр., этотъ самый проф. Рау напечаталъ въ «Южно-Германской Газетѣ» отзывъ противъ меня, въ которомъ, конечно, не возражаетъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, потому что не можетъ сдѣлать этого безъ самаго чудовищнаго противорѣчія самому себѣ, но посредствомъ разныхъ «если» и «однако» старается показаться на неопытные глаза противорѣчащимъ мнѣ!

Я недавно печатно осудилъ этотъ поступокъ, указавъ на нечестность говорить народу противоположное тому, что говоришь въ аудиторіи и въ ученыхъ сочиненіяхъ.

Я отвѣчалъ г. Рау просто цитатами изъ его собственныхъ сочиненій. Мой отвѣтъ былъ напечатанъ въ «Фоссовой Газетѣ» въ Берлинѣ; я послалъ его и въ «Южногерманскую Газету», которая напечатала отзывъ г. Рау противъ меня, но эта газета имѣла коварство и нечестность отказать мнѣ въ напечатаніи моего возраженія!

(Браво и призванія къ порядку.)

Я упомянулъ объ этомъ единственно въ Вашемъ интересѣ.

(Крики: Довольно и продолжать.)

Мнѣ рѣшительно все равно, напечатала Южногерманская Газета мой отвѣтъ или нѣтъ; но, не напечатавъ его, она не дала работникамъ возможности прочесть его.

Вся печать признаетъ за правило, что печатающій нападеніе обязанъ напечатать и отвѣтъ на него. *(Браво.)*

Президентъ: Я долженъ просить оратора умѣрить свои выраженія; мы собрались не для того, чтобы браниться, а чтобы объясниться и согласиться по самымъ важнымъ вопросамъ. Чѣмъ умѣреннѣе Вы будете, тѣмъ больше произведете впечатлѣнія на собраніе. *(Браво.)*

Лассаль. Я никого не бранилъ и говорилъ не о личностяхъ, а объ учрежденіи, коснувшись его нечестности. Всегда было, есть и будетъ высокой нечестностью печатать нападки и отказывать въ помѣщеніи возраженіямъ. Куда же дѣваться съ истиной, если ее нельзя будетъ говорить даже работникамъ?!

(Бурныя рукоплесканія и сильный шумъ.)

Послушайте, что говоритъ другой знаменитый ученый, проф. Цахаріэ въ своихъ «Сорока книгахъ о государствѣ», т. V, p. 156:

«Въ этой борьбѣ между капиталистами и работниками, работники всегда бываютъ слабѣйшей и потому побѣжденной стороной. Ибо вслѣдствіе закона, по которому родъ человѣческій размножается, предложеніе труда почти всегда превышаетъ спросъ, тѣмъ болѣе, что бѣднякъ очень легкомысленно рѣшается на женитьбу: Nam cantat vacuus coram latrone viator [т. е. путникъ съ пустыми карманами поетъ, встрѣтивъ разбойника; ему нечего терять, оттого легко пѣть. Такъ и работнику, по мнѣнію Цахаріэ, легко жениться, потому что нечего терять]. Поэтому почти всегда и бываетъ, что рабочая плата такъ падаетъ сравнительно съ прежней, что работнику остается только необходимое для существованія. Рабочая плата пала бы и ниже (и дѣйствительно, часто работникъ не зарабатываетъ и необходимаго), еслибы физическія свойства человѣка не удерживали ее на этой ступени.»

Тоже говоритъ и ученѣйшій экономистъ, лейпцигскій профессоръ Рошеръ †).

Вы видите, господа, какое единогласіе господствуетъ между всѣми авторитетами, всѣми людьми науки относительно этого закона и какой безпримѣрный лобъ надо имѣть, чтобы называть ложнымъ общепризнанный законъ,

†) См. выше, стр. 261, цитату въ статьѣ «По рабочему вопросу».

да еще ссылаться на Смита и Милля, которые сами доказали его. Все это я высказалъ уже въ Лейпцигѣ, и тогда даже «Среднегерманская Народная Газета», принадлежащая къ числу самыхъ яростныхъ враговъ моихъ, признала, что я окончательно и вполнѣ опровергъ цитату г. М. Вирта.

Кромѣ того Родбертусъ сказалъ Вамъ, господа, въ письмѣ своемъ къ Вамъ, что «всѣ великіе экономисты всѣхъ цивилизованныхъ народовъ единогласно признаютъ этотъ законъ.»

Вообще скажу Вамъ, господа, разъ навсегда. Въ своихъ мнѣніяхъ, выводахъ я могу ошибаться, какъ и всякій, потому что я не папа; но я Вамъ и выдаю это за свои мнѣнія и выводы, представляя причины и доводы и предоставляя Вашему разсудку отвѣтить себѣ, убѣждены ли Вы въ справедливости моихъ мнѣній или нѣтъ.

Но когда я говорю и когда буду впредь говорить Вамъ, что то-то и то-то есть фактъ, общепризнанный наукою, то Вы всегда можете повѣрить мнѣ на слово, что это правда, что фактъ этотъ точно общепризнанъ наукой; я не могу обмануть Васъ въ этомъ случаѣ; противъ обмана Васъ обезпечиваетъ тутъ нетолько мой характеръ,—Вы имѣете еще другую гарантію, которую я долженъ показать Вамъ не изъ хвастовства, а въ интересѣ дѣла и потому, что Вы—работники, сами ничего въ этомъ не смыслящіе!

Я пріобрѣлъ себѣ большими учеными трудами общепризнанное почетное имя во всемъ ученомъ мірѣ, притомъ въ различныхъ отрасляхъ знанія; я однимъ ударомъ погубилъ бы это имя, еслибы сталъ утверждать передъ Вами, что нѣчто признано наукой, когда оно не признано. Никто снискавшій себѣ въ наукѣ такое имя не рѣшится подвергнуть себя этому.

Спросите г. д-ра Бюхнера, который занимаетъ подобное положеніе въ естествознаніи, рѣшился ли бы онъ подвергнуть себя такому позору.

Но субъекты низшаго разряда, темные писаки,—иное дѣло! Они могутъ говорить, что вздумаютъ, потому что имъ терять нечего!

Наконецъ приведу Вамъ въ пользу моего закона еще одно доказательство, которое, можетъ быть, разсмѣшитъ Васъ, а можетъ быть приведетъ въ негодованіе.

Вотъ взгляните на эту книгу. Это «Основанія Политической Экономіи» г. Макса Вирта. Онъ говоритъ на стр. 36:

«Цѣнность годоваго труда работника должна, стало быть, равняться по крайней мѣрѣ суммѣ, обезпечивающей его существованіе.

«Цѣна труда, рабочая плата будетъ вентилировать вокругъ этого размѣра, какъ около своего центра, подъ вліяніемъ спроса и предложенія.»

Какъ Вы видите, за исключеніемъ одного неудачнаго слова, потому что вентилировать здѣсь сказано безсмысленно, г. Максъ Виртъ говоритъ буквально тоже самое, что я говорилъ, и что онъ опровергалъ!

Видите ли, господа,—наемный работникъ достоинъ глубокаго уваженія, но чего достоинъ наемный писака?!

(Призванія къ порядку. Сильный шумъ. Требованія продолженія рѣчи. Кончать! Кончать! Нѣтъ! Говорить дальше!)

Президентъ: Я рѣшительно прошу оратора не оскорблять личностей. На этотъ разъ онъ говоритъ о личности.

Лассаль: Сцена, которую я только-что видѣлъ, представила мнѣ явленіе совершенно новое и показала мнѣ, до чего мы дожили! Но, господа, ничто не заставитъ меня поступиться свободой своихъ сужденій! *(Браво.)*

Кромѣ того прошу Васъ замѣтить слѣдующее.

Я не судилъ о личности, а просто высказалъ общую сентенцію.

Я не сказалъ, что г. Максъ Виртъ — наемный писака; этого навѣрно никто не слыхалъ.

Ссылаюсь на стенографовъ. Я сказалъ только, что наемный работникъ достоинъ уваженія, а наемный писака кое-чего иного.

Это общая сентенція.

Президентъ не имѣетъ права цензуровать смыслъ моихъ словъ.

(Браво изъ залы и изъ ложъ. Кончать! Кончать! Говорить!)

Президентъ: Развѣ Вы не знаете, господа, что половина Германіи взираетъ на наше собраніе? Не доводите же себя до того, чтобы сказали, что собраніе разстроилось по отсутствію парламентскаго такта въ работникахъ.

Я прервалъ г. Лассаля, потому что онъ произнесъ слова «наемный писака» въ связи съ именемъ г. М. Вирта. Въ этомъ никто не сомнѣвается, и смыслъ этого сопоставленія всѣмъ ясенъ, хотя, быть можетъ, выраженіе было не совсѣмъ точно.

Поэтому я имѣю право обратить вниманіе оратора на воздержаніе впредь отъ подобныхъ выходокъ.

Лассаль: Повторяю президенту, что онъ можетъ цензуровать только парламентскій способъ выраженія, но отнюдь не смыслъ рѣчи. На томъ и основана вся свобода рѣчи, что можно дѣлать намеки, не объясняясь прямо, что въ дозволенныхъ парламентскихъ выраженіяхъ можно высказывать что угодно; на этомъ основана свобода рѣчи, ловкость оратора. Иначе какъ Вы выскажете дурное мнѣніе, которое имѣете о чемъ или о комъ-нибудь? *(Одобреніе.)*

Я доказалъ Вамъ, что въ книгѣ своей г. Виртъ говоритъ тоже самое, что я. Правда, я не читалъ этой книги, и можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ ея говорится совершенно противное. Но въ такомъ случаѣ что остается заключить? Знаете, какъ опредѣляетъ безуміе знаменитый англійскій поэтъ, лордъ Байронъ? Соединеніе не соединимаго! †) Я только-что сказалъ, что не читалъ этой книги, и вы, можетъ быть, удивитесь, какъ же я могъ цитировать вамъ ее. Надо объяснить это. По выходѣ въ свѣтъ книга эта попала-было мнѣ въ руки. Но, перелистовавъ нѣсколько страницъ, я увидѣлъ, что это безсмысленнѣйшій ветошникъ, и съ отвращеніемъ выкинулъ книгу, потому что мнѣ некогда читать бездарныхъ наборовъ хлама. Но когда г. Виртъ под-

†) Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, «авторитетъ» котораго убѣдилъ нетолько Народную Газету, но и берлинскую Національную Газету объявить въ торжественныхъ передовыхъ статьяхъ, что мой законъ рабочей платы «давно опровергнутъ»! Пусть устыдятся онѣ теперь своего невѣжества!

нялъ противъ меня войну, одинъ изъ моихъ друзей, имѣющій больше досуга и терпѣнія, прислалъ мнѣ книгу, отмѣтивъ въ ней это мѣсто.—Г. президенту не понравились мои выраженія; замѣчу, что хотя я точно говорю безъ прикрасъ, но нельзя сказать, что я говорю кому-нибудь личности, потому что я строго не уклоняюсь отъ предмета; я говорю только грубости, а это огромная разница, господа. Грубить я могу и долженъ — это я Вамъ докажу. Всякій защитникъ великаго дѣла долженъ быть грубъ съ тѣми, кто плутнями заграждаетъ ему путь къ его великой цѣли. Такъ и я рѣшился безпощадно колотить умственной дубиной всякаго, кто плутовски протирается между мной и Вами. Я долженъ грубить для Вашей же пользы; могу я грубить потому, что еслибы г. Максъ Виртъ, который, конечно, вѣдь не преминетъ отвѣтить мнѣ, захотѣлъ точно также нагрубить мнѣ, то всегда будетъ огромная разница между тѣмъ, что онъ мнѣ скажетъ, и тѣмъ, что я ему говорю. Если, напр., онъ вздумаетъ назвать меня, какъ я его назвалъ, безсмысленнымъ ветошникомъ, то это возбудитъ только страшный хохотъ всѣхъ знающихъ меня людей науки. Между тѣмъ когда я называю его безсмысленнымъ ветошникомъ, всѣ спеціалисты видятъ, какая это глубокая истина, и каждое слово мое поражаетъ его, какъ дубиной! *(Одобренія.)*

Что же слѣдуетъ изъ этого закона, единогласно признаваемаго, какъ я доказалъ, всѣми людьми науки? Что изъ него слѣдуетъ?—спрашиваю я. Можетъ быть, Вы думаете, господа, что Вы люди? Вы страшно ошибаетесь, если разсматривать экономически, т. е. такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности! Въ экономическомъ смыслѣ Вы ничто иное, какъ товаръ. Высокая плата умножаетъ Васъ, какъ умножаетъ чулки при недостаткахъ ихъ; а потомъ Васъ опять сбываютъ, количество Васъ уменьшаютъ посредствомъ пониженія рабочей платы, посредствомъ того, что англійскій экономистъ Мальтусъ назвалъ задерживающими и разрушающими препятствіями, Васъ истребляютъ, какъ зловредныхъ насѣкомыхъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія членъ парижской академіи г. Діанъеръ доказалъ изслѣдованіемъ сорокалѣтняго періода въ Парижѣ и Ліонѣ, что всякое малѣйшее вздорожаніе хлѣба усиливаетъ смертность между рабочими. Что это такое, какъ не чистая голодная смерть? Если состоится союзъ, за который я борюсь, то въ его органахъ я подробно опишу этотъ процессъ истребленія лишнихъ работниковъ.

Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы прекратить это безчеловѣчіе, убѣдить общество въ необходимости его прекращенія, отыскать законное средство для этого. Но прежде чѣмъ идти далѣе, я долженъ отстоять другой важный пунктъ моего «Гласнаго Отвѣта» противъ крайне несправедливыхъ упрековъ и возраженій, поднятыхъ людьми совершенно не компетентными.

Въ моей брошюрѣ я сообщилъ разсчетъ, обнародованный тайнымъ совѣтникомъ Дитерици, о распредѣленіи дохода въ прусскомъ населеніи, составленный на основаніи офиціальныхъ податныхъ списковъ 1850 года. По этому приблизительному разсчету 89% населенія пользуются доходомъ не свыше 200 талеровъ, т. е. находятся въ чрезвычайно стѣсненныхъ обстоятельствахъ; затѣмъ 7% населенія находятся также въ очень скудныхъ условіяхъ, и только

4% пользуются благосостояніемъ. Какой потокъ сомнѣній и какая буря ярости поднялись противъ меня за сообщеніе этого разсчета! Одни кричали, что это былъ особенно неблагопріятный годъ; другіе — что цифры невѣрны, ложны, невозможны, третьи—что въ нихъ недоразумѣніе! На всѣ лады вопили противъ меня съ пѣной у рта за то, что я выдалъ, какъ ничтожно число имущихъ въ сравненіи съ числомъ неимущихъ. Вѣдь отъ неимущихъ стараются скрыть ихъ число, чтобы не давать имъ узнать своей силы. Среди яростныхъ криковъ заинтересованныхъ раздавались и искренніе возгласы крайняго изумленія и сомнѣнія людей благомыслящихъ и честныхъ. Это неудивительно. Я помню, что у меня у самого отъ изумленія книга выпала изъ рукъ, когда я въ первый разъ много лѣтъ тому назадъ принялся за статистику и наткнулся на подобное доказательство численнаго ничтожества имущихъ людей въ массѣ націи. Я привыкъ видѣть столько богатыхъ людей, что въ первую минуту не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Но мнѣ не пришло въ голову принять свое невѣжество за основаніе отвергать истину научныхъ фактовъ; наоборотъ, я былъ радъ, что узналъ истину. Статистика доказываетъ неопровержимо, и въ томъ и состоитъ заслуга моей агитаціи, что она выбрасываетъ въ публику вещи, хранившіяся до сихъ поръ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ въ сундукахъ ученой касты. Все это давнымъ давно извѣстно между профессорами, и никому не мѣшало; но когда сильная рука выбросила эти заповѣдныя тайны въ публику—вся печать и все общество подняли изъ-за этого цѣлый бунтъ! Правда, необходимымъ послѣдствіемъ выдачи этой тайны оказывается то, что абсолютно невѣжественная сволочь, не имѣющая ни малѣйшаго права подавать голосъ, также принимается судить и рядить, лгать и ругать, лѣзть ко мнѣ съ глупыми возраженіями, да еще напускать на себя видъ превосходства. Но дѣлать нечего, пусть ихъ! Вся эта безсмыслица недолговѣчна и скоро пройдетъ, а истина останется и пробьетъ себѣ путь.

Однако имѣли ли хотя малѣйшее право недовѣрять сообщеннымъ мною цифрамъ? Не было ли у этихъ цифръ всевозможныхъ гарантій въ вѣрности? Собственныхъ вычисленій я не сообщалъ и оговорилъ это обстоятельство. Конечно, всякій можетъ выставить на бумагѣ какія угодно цифры; бумага все терпитъ; это можетъ дѣлать всякая газета; но въ томъ-то и дѣло, что такія цифры ничего не значатъ! Я же слово въ слово списалъ результатъ вычисленій Дитерици, а этотъ недавно умершій ученый былъ членъ королевской берлинской академіи наукъ, первой ученой корпораціи страны, притомъ именно по отдѣленію статистики и именно ради своихъ заслугъ по статистикѣ. Далѣе, онъ былъ также за свои статистическія заслуги президентомъ правительственнаго статистическаго комитета въ Берлинѣ. Наконецъ, онъ работалъ съ помощью всѣхъ офиціальныхъ правительственныхъ средствъ, что для статистическихъ работъ самое важное, и разсчетъ его былъ напечатанъ въ офиціальныхъ изданіяхъ статистическаго комитета. Такой человѣкъ долженъ былъ знать свое дѣло. Что же можетъ значить противъ научныхъ удостовѣреній такого человѣка, главы этой науки во всей Пруссіи, яростный крикъ невѣждъ, вопящихъ: неправда? И не стыдно ли имѣть дерзость проти-

ворѣчить, когда прямая обязанность скромно поучаться? Нѣкій г. Вакернагель, не имѣющій ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ статистическіе споры, сдѣлалъ великое открытіе, что изъ пяти классовъ и одной промежуточной степени, на которые раздѣляетъ народонаселеніе классный податной законъ 30 мая 1820 г., служащій основаніемъ разсчету Дитерици, въ низшемъ классѣ налогъ можетъ по закону взиматься съ двухъ лицъ одной семьи, а въ извѣстныхъ случаяхъ по опредѣленію закона и съ трехъ. Я не говорилъ бы Вамъ объ этомъ открытіи и о самомъ Вакернагелѣ, еслибы не слышалъ, что брошюра его проникла и сюда, и еслибы берлинская Народная Газета и другіе либеральные журналы не увѣнчали ее своими лаврами съ великимъ ликованіемъ. Полагаю, что тайный совѣтникъ Дитерици не хуже Вакернагеля зналъ обстоятельство, по поводу котораго происходитъ это торжество; но оно не помѣшало ему основать статистическія среднія вычисленія «распредѣленія населенія по доходу» на этой цифрѣ налога; точно также не помѣшало оно и мнѣ воспользоваться вычисленіемъ Дитерици, которое я переписалъ съ совершенной точностью, безъ малѣйшаго искаженія и въ совершенно томъ же смыслѣ, какой оно имѣетъ у него. Что тайный совѣтникъ Дитерици рѣшился основать свой средній разсчетъ распредѣленія дохода на этомъ податномъ спискѣ, несмотря на то, что въ послѣднемъ изъ пяти классовъ списка семья по отношенію къ налогу представляется двумя, а въ извѣстныхъ случаяхъ и тремя лицами—то это оправдывается между прочимъ извѣстнымъ фактомъ, что въ семьяхъ низшаго класса—дѣтей гораздо больше, такъ что это вполнѣ уравновѣшиваетъ то обстоятельство.

Либеральная пресса и г. Вакернагель стараются скрыть и отрицать, что Дитерици признаетъ этотъ доходъ среднимъ доходомъ семьи; о лживости и наглости ихъ въ этомъ случаѣ можно судить по тому, что Дитерици, вычисливъ общій доходъ населенія и потомъ доходъ каждаго изъ пяти классовъ (тѣ самыя цифры, которыя я сообщилъ Вамъ въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ»), на той же самой страницѣ дѣлаетъ разсчетъ подушнаго дохода. Именно, онъ продолжаетъ такъ: «Слѣдовательно, подушный доходъ равняется въ первомъ классѣ среднимъ числомъ 860 т., во 2—291, въ 3—125, въ 4—62, въ 5—14 тал.» Между тѣмъ выше вычисленныя цифры, цитируемыя мною въ «Гласномъ Отвѣтѣ», были, какъ помните, въ 1 классѣ свыше 1,000, во 2-мъ 400—1,000, въ 3-мъ 200—400, въ 4-мъ 100—200, въ 5 — менѣе 100. На первый взглядъ каждому ясно, что эти цифры представляютъ средній доходъ семействъ, тогда какъ тѣ, которыя я теперь привелъ,—средній доходъ отдѣльныхъ лицъ. Либеральная пресса, увѣнчивающая Вакернагеля, не потрудилась даже дочитать цитированную мною страницу Дитерици, а то увидала бы, какое великое открытіе она славитъ!

Кромѣ того г. Вакернагель и либеральная пресса возразили, что тутъ рѣчь идетъ только о населеніи, подлежащемъ классному налогу. Господа! Прежде всего надо замѣтить, что рѣчь идетъ о процентныхъ отношеніяхъ населенія. Стало быть, что же значитъ это возраженіе? Населеніе, подлежащее классному налогу, простиралось тогда до $14^1/_2$ милліоновъ, подлежащее

мучной и мясной пошлинамъ — до 2 милліоновъ. Когда вычислено на основаніи списковъ класснаго налога, какъ распредѣляется доходъ между первыми 14 милліонами населенія, какой процентъ его получаетъ 100 тал. дохода, какой 200, 300 и т. д., то каждый статистикъ съ полнымъ правомъ заключитъ по большему числу, $14^1/_2$ милліоновъ, о меньшемъ, 2 милліонахъ, и тутъ не можетъ быть важной для общей статистики разницы. Слѣдовательно, еслибы Дитерици и дѣйствительно имѣлъ въ виду только подлежащее классному налогу населеніе, то процентное отношеніе остается неизмѣнно. Но и это неправда! На той же самой страницѣ у него сказано, что разсчетъ его обнимаетъ 16,331,187 жителей, т. е. все тогдашнее населеніе государства, подлежащее классной подати плюсъ подлежащее мучной и мясной пошлинѣ! — Видите, господа, съ какой сволочью, съ какими искаженіями приходится бороться! Не одинъ тяжкій трудъ выполнилъ я въ своей жизни; но будь я Геркулесъ, это была бы моя авгіева работа. †)

Но такъ какъ г. Вакернагелю и либеральной прессѣ угодно не признавать разсчета Дитерици и такъ какъ по имѣющимся даннымъ нельзя вычислить, сколько обязанныхъ податью лицъ приходится на каждую семью въ 5 податныхъ классахъ и какъ велико число членовъ семьи низшаго класса въ сравненіи съ меньшимъ числомъ членовъ семей высшихъ классовъ, то мы оставимъ въ сторонѣ разсчетъ Дитерици и докажемъ тоже самое другимъ, еще гораздо болѣе убѣдительнымъ образомъ; но прежде я покажу Вамъ, какъ

---

†) Въ примѣчаніи на стр. 247 моего «Гласнаго Отвѣта» дѣйствительно вкралась ошибка въ вычисленіи, хотя почти непримѣтно ничтожная по результату. Въ этомъ примѣчаніи, написанномъ второпяхъ въ корректурѣ, я говорю, что каждая душа, подлежащая классной подати, представляетъ «семью среднимъ числомъ изъ 3 лицъ слишкомъ.» Я получилъ этотъ результатъ изъ отношенія тогдашняго числа классноподатныхъ (4,950,454) къ числу 16,331,187 душъ. Но слѣдовало взять вмѣсто этого втораго числа число 14,500,000 душъ, составлявшихъ въ то время населеніе, подлежащее классному налогу (въ 1853 г. оно простиралось до 14,823,356 душъ, см. Дитерици, Bd. VII, p. 206). Въ такомъ случаѣ вышло бы, что каждая классноподатная душа представляетъ семью среднимъ числомъ въ $2^{93}/_{100}$ лицъ, такъ что слова «семью среднимъ числомъ изъ 3 лицъ слишкомъ» требуютъ ничтожной поправки такъ: «среднимъ числомъ изъ $2^9/_{10}$ лицъ слишкомъ». Ту же поправку надо сдѣлать и въ текстѣ этой страницы, гдѣ при корректурномъ чтеніи были внесены слова: «падаетъ, стало быть, на семью среднимъ числомъ изъ 5 или по меньшей мѣрѣ изъ 3 лицъ»; надо сказать: «на семью среднимъ числомъ изъ 5 или по меньшей мѣрѣ изъ $2^9/_{10}$ лицъ».

Вотъ и вся ошибка, какая существуетъ въ этомъ вычисленіи! Г. Вакернагель могъ и долженъ былъ исправить ее вмѣсто того, чтобы коверкать и искажать то, что вѣрно. Незамѣтная почти ошибка эта вышла оттого, что я второпяхъ взялъ общее число тогдашняго населенія вмѣсто числа классноподатныхъ, принявъ цифру 16,331,187, которую Дитерици упоминаетъ мимоходомъ, Bd. IV, p. 223, за цифру классноподатныхъ, такъ какъ въ настоящее время (1863) при общемъ населеніи въ 18 милліоновъ классноподатныхъ у насъ дѣйствительно около 16 милліоновъ и эта цифра, которую я имѣлъ въ виду при другихъ работахъ, вертѣлась у меня въ памяти.

судятъ объ изслѣдованіяхъ, подобныхъ разсчету Дитерици, настоящіе ученые и спеціалисты.

Еще въ 1848 г. тайный совѣтникъ Дитерици напечаталъ во II томѣ извѣстій статистическаго комитета гораздо менѣе точный, несравненно болѣе общій разсчетъ доходовъ на основаніи податныхъ списковъ 1846 г.; впрочемъ въ этомъ разсчетѣ единичные плательщики были помѣщены особо отъ семей. Результатъ былъ слѣдующій: изъ семей $2^3/_4{}^0/_0$ имѣютъ свыше 1,100 тал. дохода, $9^0/_0$ отъ 500 до 937 тал. и $88^0/_0$ низшаго разряда съ доходомъ 125—375 тал. Что касается единичныхъ плательщиковъ, то изъ нихъ 96% принадлежали къ низшему разряду съ доходомъ 30—60 тал. и не свыше 120 т. Дитерици оговаривалъ, что разсчетъ этотъ, какъ средній и приблизительный, не имѣетъ притязанія на совершенную точность; точно такую же оговорку сдѣлалъ и я въ «Гласномъ Отвѣтѣ». Г. Адамъ Зётберъ, фригендлеръ и буржуазный экономистъ, слѣдовательно послѣдователь противныхъ мнѣ научныхъ воззрѣній, но человѣкъ свѣдущій, спеціалистъ, перепечаталъ этотъ прежній разсчетъ Дитерици въ своемъ изданіи сочиненій Д. С. Милля (Bd. II, p. 147) и говоритъ по этому поводу: «Хотя разсчетъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на полную точность, но то, что въ немъ бросается въ глаза, это—поразительно малое число лицъ высшихъ сословій, обладающихъ значительнымъ доходомъ, и даже средняго класса, въ сравненіи съ громаднымъ множествомъ такихъ, которые или имѣютъ совершенно ничтожное имущество, или вовсе не имѣютъ его и живутъ, какъ говорится, изо дня въ день.» Такъ-то отзывается свѣдущій человѣкъ о разсчетѣ Дитерици, разсчетѣ притомъ гораздо болѣе общемъ. Сообщая Вамъ разсчетъ Дитерици, я именно и хотѣлъ показать Вамъ то, чѣмъ, по словамъ Зётбера, онъ бросается въ глаза; давать же строго-ариѳметически точную цифру статистика не можетъ, да и не имѣетъ интереса.

Теперь я намѣренъ опредѣлить имущественныя отношенія населенія гораздо болѣе точнымъ и убѣдительнымъ образомъ, чѣмъ они опредѣляются податными списками 1850 года. Я потому выбралъ для сообщенія въ «Гласномъ Отвѣтѣ» разсчетъ Дитерици, что въ немъ результатъ выставленъ ясно въ немногихъ цифрахъ, но вовсе не потому, чтобы находилъ его болѣе подходящимъ къ моей цѣли, чѣмъ другія вычисленія. Теперь я представлю Вамъ другой разсчетъ, дотого неумолимо строгій, что уже не допускаетъ никакихъ препирательствъ и недоумѣній, разсчетъ, гораздо болѣе точный и положительный, чѣмъ среднее статистическое вычисленіе; онъ неточенъ, можетъ быть, только въ томъ смыслѣ, что преувеличиваетъ число имущихъ. Вмѣсто среднихъ имущественныхъ условій *всего населенія* мы вычислимъ нѣчто другое, что гораздо легче сосчитать.

Мы вычислимъ *число имущихъ* въ націи и потомъ посмотримъ, сколько останется неимущихъ. Новый прусскій классный и подоходный податной законъ 1-го мая 1851 г. представляетъ для подобнаго точнѣйшаго разсчета гораздо лучшее, гораздо болѣе обстоятельное основаніе, чѣмъ старый классный податной законъ 1820 г. По этому закону, господа, каждый имѣющій въ

Пруссіи свыше 1,000 т. дохода подлежитъ классифицированному подоходному налогу. Въ 1854 г. государство обнародовало результаты податнаго списка за 1853 г. въ извѣстіяхъ статистическаго комитета, Bd. VII, p. 179—195. Какъ же Вы думаете, сколько было тогда во всей Пруссіи, т. е. изъ 17 милліоновъ человѣкъ, лицъ, имѣющихъ свыше 1,000 т. дохода? Не болѣе, не менѣе, какъ 44,407 лицъ—число ничтожное до смѣшнаго! Замѣтьте, господа, это уже не приблизительная цифра, а абсолютная, полученная посредствомъ сложенія, а не вычисленій. Могутъ возразить, что всякій имѣетъ интересъ скрывать свой доходъ отъ налога. Но, съ другой стороны, вѣдь и государство имѣетъ очень важный интересъ, такъ какъ дѣло идетъ о его доходѣ, и множество средствъ вѣрно оцѣнивать доходы.

У насъ въ Пруссіи часто слышатся жалобы на слишкомъ высокую оцѣнку дохода при взиманіи налога, и дѣйствительно, не всякій можетъ доказать, что доходъ его оцѣненъ преувеличенно, и не всякій хочетъ доказывать это изъ опасенія повредить своему кредиту; такимъ образомъ можно принять, что слишкомъ низкія оцѣнки уравновѣшиваются слишкомъ высокими. Но допустимъ, что не уравновѣшиваются, что низкихъ оцѣнокъ больше. На сколько же? Вѣдь, конечно, не больше извѣстнаго процента съ общей суммы. Положимъ, 2 или 3 или даже 5 процентовъ. Если взять даже 5 процентовъ, то на 44,407 человѣкъ это составитъ еще 2,000 человѣкъ—число слишкомъ ничтожное для нашего разсчета. Сообщая этотъ результатъ, тайный совѣтникъ Дитерици говоритъ: «Такимъ образомъ къ классифицированному подоходному налогу отнесено 44,407 лицъ. Предположивъ, что каждое изъ нихъ представляетъ семью изъ 5 лицъ, получимъ 222,035 душъ, т. е. только $1^3/_{10}\%$ всего населенія государства, могущихъ назваться зажиточными.» Это подлинныя слова Дитерици, которыя каждый можетъ прочесть у него! Слѣдовательно, какъ ни плутуй либеральная пресса, фактъ остается неопровержимъ! Вы слышите, что говоритъ Дитерици: число лицъ, могущихъ назваться зажиточными, составляетъ менѣе $1^1/_3\%$ населенія; притомъ и эти $1^1/_3\%$ получены Дитерици только на основаніи предположенія, что каждый изъ 44,407 человѣкъ, имѣющихъ свыше 1,000 талеровъ дохода, представляетъ семью изъ 5 лицъ. Но очевидно, что предположеніе это преувеличенно. Вопервыхъ, въ этомъ числѣ есть много одинокихъ людей, а вовторыхъ, въ высшемъ, имущемъ классѣ среднее число членовъ семей меньше 5. Но пойдемъ дальше. Дитерици совершенно правъ, находя, что всѣ имѣющіе менѣе 1,000 талеровъ дохода на семью изъ 5 лицъ уже не могутъ назваться зажиточными; но мы пойдемъ дальше и сосчитаемъ обширный классъ уже совершенно неимущихъ. Всѣ имѣющіе менѣе 1,000 т. дохода отнесены закономъ къ новому классному налогу; циркулярнымъ предписаніемъ министра финансовъ 8-го мая 1851 г. имѣющіе менѣе 500 т. дохода причислены къ двумъ низшимъ разрядамъ класснаго налога, а имѣющіе 500 и болѣе талеровъ—къ высшему третьему разряду съ разными подраздѣленіями. По оффиціальнымъ спискамъ число лицъ 3 разряда простиралось только до 91,530. Замѣчу кстати, что это не процентный разсчетъ. Слѣдовательно, надо принять

въ соображеніе, что это число относится только къ классноподатнымъ мѣстностямъ, не касаясь повинныхъ мучной и мясной пошлинѣ, которые впрочемъ составляютъ незначительную долю въ общей массѣ населенія. Населеніе классноподатное простиралось въ 1853 г. до 14,800,000 душъ, тогда какъ подлежащихъ мучной и мясной пошлинѣ было только $^1/_8$ этого числа — 1,800,000 душъ (См. Дитерици, Изв. стат. ком., Bd. VII, p. 206 sq.). Стало быть, положимъ, что въ населеніи, подлежащемъ мучной и мясной пошлинѣ, пропорціонально столько же лицъ, имѣющихъ 500 тал. дохода, сколько въ классноподатномъ; это предположеніе постоянно встрѣчается у Дитерици, и оно вообще общеупотребительно въ статистикѣ. Такимъ образомъ мы получаемъ еще 11,260 душъ, а во всемъ государствѣ лицъ, имѣющихъ 500 тал. дохода, — 102,790. Предположимъ, что каждое изъ нихъ представляетъ семью изъ 5 лицъ, хотя это не такъ, потому что въ этомъ числѣ много одинокихъ и много семействъ менѣе многочисленныхъ; получаемъ 513,950 душъ, т. е. менѣе 3% населенія. Всѣ остальные, имѣющіе менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 членовъ, очевидно находятся въ бѣдственномъ положеніи, въ нуждѣ. Итакъ, каковъ же результатъ этого изслѣдованія, совершенно точнаго и положительнаго, основаннаго уже не на среднихъ числахъ?

$1^3/_{10}$% населенія имѣютъ свыше 1,000 т. дохода
и 3% » » » 500 » »
итого $4^3/_{10}$% населенія.

Весь же громадный остатокъ, т. е. $95^7/_{10}$ процентовъ населенія, имѣетъ менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 лицъ! Стало быть, находится въ нуждѣ, принадлежитъ къ совершенно неимущему классу! А что я говорилъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ»? Что 89—96% населенія находятся въ стѣсненномъ положеніи. Какъ видите, это несомнѣнная истина, и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи дѣло оказалось почти еще хуже, такъ что г. Вакернагелю съ либеральной прессой приходится лопнуть со злости на неудачу всѣхъ своихъ попытокъ исказить истину. Да, господа! Отъ Васъ хотятъ скрыть Вашу многочисленность, чтобы скрыть отъ Васъ Вашу силу, ибо ей не достаетъ только одного — сознанія! Оттого всѣ и составили противъ Васъ заговоръ скрывать отъ Васъ эти цифры, извращать передъ Вами эти факты; но я разстрою всѣ плутни, хотя бы плуты треснули со злости! По недостатку времени я не буду сообщать Вамъ другихъ статистическихъ матеріаловъ, которые доказываютъ это еще яснѣе; но кого можетъ удивлять этотъ результатъ? Всякій, кто мало-мальски занимался статистикой, знаетъ, что это такъ и что тоже самое, что у насъ, происходитъ во всѣхъ большихъ государствахъ. Чтобы сомнѣваться или удивляться, надо быть совершенно несвѣдущимъ въ статистикѣ. Напр. проф. Летте въ Берлинѣ, слова котораго должны имѣть вѣсъ для моихъ противниковъ, потому что онъ одинъ изъ ихъ авторитетовъ, свидѣтельствуетъ въ своемъ сочиненіи о распредѣленіи поземельной собственности, что во Франціи считается 346,000 сельскихъ жи-

лищъ, вовсе не имѣющихъ оконъ, а только одну дверь, и 1,817,328 сельскихъ жилищъ съ однимъ окномъ и одной дверью; вотъ Вамъ 2,163,328 жилищъ, обитатели которыхъ, числомъ приблизительно до 10 милліоновъ человѣкъ, живутъ въ величайшей нищетѣ. По изслѣдованіямъ французскаго статистика барона де-Морогэ 7,500,000 человѣкъ во Франціи могутъ расходовать на пищу только по 91 франку, т. е. по 24 талера въ годъ. Если Вы заглянете въ книгу, обнародованную прусскимъ правительствомъ въ 1849 г., подъ заглавіемъ Сельскій рабочій вопросъ проф. фон-Ленгерке, и составленную на основаніи отчетовъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ Пруссіи, то увидите, что въ такомъ же положеніи находится и наше сельское населеніе. Я хотѣлъ сообщить Вамъ кое-что изъ нея, но не могу по недостатку времени †).

Правда, мнѣ писалъ даже одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ, присутствующихъ сегодня здѣсь — да впрочемъ почему не назвать его — это д-ръ Бюхнеръ: Я не хочу подвергать сомнѣнію данныя Дитерици, но долженъ сказать, что если это такъ, то я не понимаю, отчего половина прусскаго населенія не умерла давно съ голоду!

Я дамъ ему на это отвѣтъ ослѣпительный по простотѣ, отвѣтъ, который тѣмъ лучше удовлетворитъ его, что въ одномъ мѣстѣ своего отчета онъ самъ намекаетъ на него. Голодная смерть, господа, можетъ быть двоякой. Умереть отъ голода можно быстро, вдругъ упасть и умереть; но это бываетъ рѣдко; умираютъ отъ голода и исподволь, постепенно, если продолжительно расходуютъ больше силъ, чѣмъ могутъ возстановлять въ дурныхъ условіяхъ, при дурной пищѣ и вообще при дурномъ образѣ жизни, такъ что расходъ тѣла постоянно превышаетъ доходъ. Объяснить Вамъ это подробнѣе лучше всего можетъ самъ д-ръ Бюхнеръ, такъ какъ онъ знаменитый физіологъ. Голодная смерть втораго рода такъ медленна, что въ теченіе ея успѣваютъ народить дѣтей. Такимъ образомъ народонаселеніе и рабочій классъ умножаются, и процессъ умиранія съ голоду дѣлается постояннымъ. Что это такъ и дочего это такъ, я докажу Вамъ убѣдительными фактами.

Въ Англіи по Макъ-Коллоху ††) средняя продолжительность жизни $34^1/_2$ года. Но въ фабричныхъ городахъ, гдѣ преобладаетъ рабочее населеніе, дѣло измѣняется: въ Лидсѣ средній срокъ жизни 21 годъ, въ Манчестерѣ 20, въ Ливерпулѣ всего 17. Вы найдете эти факты въ отчетахъ, обнародованныхъ самими слѣдственными коммиссіями англійскаго парламента. Но чтобы не сказали, что я ссылаюсь на трудно доступный матеріалъ, замѣчу, что Вы можете найти эти цифры у Рау, «Народное хозяйство», Bd I, § 524. Еще болѣе интересные результаты получимъ, если сравнимъ смертность въ разныхъ сословіяхъ этихъ самыхъ городовъ.

Въ Престонѣ изъ богатыхъ и высшихъ чиновниковъ умираетъ ежегодно

---

†) См. выше ст. «Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ».

††) Statist, Account, I, p. 416. *(Пр. перев.).*

1 на 47,39, изъ мелкихъ промышленниковъ разнаго рода—1 на 31,63, изъ наемныхъ работниковъ — 1 на 18,28. Въ Брюсселѣ изъ высшихъ сословій умираетъ ежегодно 1 на 50,6, изъ мелкихъ промышленниковъ—1 на 27, изъ поденщиковъ — 1 на 14. Вы можете найти это у Дюкпесіо, знаменитаго генералъ-инспектора бельгійскихъ тюремъ †). А то заглянемъ въ Парижъ. Во второмъ округѣ умираетъ ежегодно 1 на 71, а въ 12 округѣ, бѣднѣйшей части города,—1 на 44 ††). Пойдем-те въ Манчестеръ; тамъ врачъ Голландъ раздѣлилъ улицы на 3 разряда и каждый разрядъ на 3 под-разряда по качеству жилищъ, и нашелъ, что смертность различна въ нихъ, составляя въ первомъ разрядѣ 1 на 51, а въ послѣднемъ — 1 на 25 †††). Какъ видите, правъ былъ знаменитый французъ, сказавшій: «Aisance est vitalité» — «благосостояніе—жизнь». По смертности въ Вашемъ классѣ Вы можете заключить, насколько средняя продолжительность жизни меньше у Васъ, чѣмъ у богатыхъ; но не хочу предоставлять Вамъ самимъ дѣлать это заключеніе. Сообщу цифры. Въ отчетѣ англійскаго парламента 1842 г. д-ръ Чадвикъ раздѣлилъ населеніе на три класса: зажиточный, средній и рабочій. Онъ доказалъ, что въ этихъ 3 классахъ средняя продолжительность жизни слѣдующая: въ Манчестерѣ 1 кл. 38 лѣтъ, 2 кл. 20, 3 кл. 17 лѣтъ; въ Лидсѣ 1 кл. 44, 3 кл. 19; въ Ливерпулѣ 1 кл. 35, 3 кл. 15; въ округѣ Бетнальгринъ въ Лондонѣ 1 кл. 45, 3 кл. 16. Это Вы можете найти у Дюкпесіо ††††). Не думайте, что это только заграницей такъ. Пойдем-те въ Берлинъ,—тамъ живетъ тайный совѣтникъ Энгель, въ настоящее время первый статистикъ Германіи. Онъ напечаталъ въ извѣстіяхъ статист. комитета за 1862 г.,—слѣдовательно, совсѣмъ новинка,—таблицу смертности въ Берлинѣ въ 1855—1860 гг.; тутъ онъ вычисляетъ средній возрастъ, котораго достигаютъ разные классы народа, распредѣляя ихъ по занятіямъ. Оказывается, что собственники и ничего не дѣлающіе люди, rentiers и particuliers, живутъ среднимъ числомъ $66\frac{1}{2}$ лѣтъ, машинные работники — $37\frac{1}{2}$, переплетчики — 35, а табачные и сигарные работники — 31 годъ. Тѣмъ неменѣе въ Берлинѣ удалось найти и уговорить 500 человѣкъ работниковъ постановить противъ меня рѣшеніе, что имъ не должно помогать! Правда, притомъ побоялись пригласить меня побесѣдовать съ этими работниками. Замѣтьте притомъ, что пятилѣтній періодъ слишкомъ коротокъ, чтобы выставить это отношеніе во всей его нормальной рѣзкости. Притомъ Берлинъ собственно не фабричный городъ, и впереди насъ ждетъ еще не то. Знаменитый французскій статистикъ Виллерме доказалъ, что въ фабричномъ Эльзасскомъ городѣ Мюльгаузенѣ дѣти фабрикантовъ имѣютъ вѣроятность дожить до 30 лѣтъ. Другими словами, половина дѣтей фабрикантовъ, родившихся въ 12-лѣтній періодъ, достигаетъ этого возраста,

†) Ducpétiaux, de la mortalité à Bruxelles, 1844.

††) Villermé, Journal des Economistes, novembre 1853.

†††) Report of inquiry into the state of large towns and populous districts, см. Roscher, I, p. 477.

††††) Ducpétiaux, de la condition physique et morale. T. I, p. 176.

между тѣмъ какъ дѣти прядильщиковъ, ткачей и слесарей мюльгаузенскихъ не имѣютъ вѣроятія прожить и два года! Другими словами: половина дѣтей прядильщиковъ, ткачей и слесарей мюльгаузенскихъ умираетъ на второмъ году жизни! †)

(Крики: Довольно! Довольно! Продолжать! Продолжать!)

Президентъ д-ръ Бюхнеръ: Я долженъ просить Васъ не прерывать оратора. Подумайте же, что надо предоставить г. Лассалю полную свободу для защиты.

Лассаль: Я принужденъ протестовать противъ слова, которое вырвалось у г. президента и на которомъ онъ вѣроятно не будетъ настаивать. Я здѣсь не обвиненный, и защищаться мнѣ не приходится. Я здѣсь, чтобы учить Васъ, а не для своей защиты! *(Рукоплесканія.)* Притомъ поймите, что я говорю не для своего удовольствія. Я готовъ тотчасъ перестать, если этого желаетъ большинство собранія. *(Рукоплесканія.)*

Дюкпесіо говоритъ ††): «Половина дѣтей ткачей умираетъ до года, тогда какъ у предпринимателей и купцовъ половина дѣтей доживаетъ до 30 лѣтъ». Когда у Васъ умираютъ дѣти, Вы приписываете это случаю, господа. Вы видите, что это не случай, а желѣзный статистическій законъ, коренящійся въ недостаткахъ Вашего положенія! Позвольте мнѣ заключить этотъ разборъ словами новѣйшаго статистика населенія, геттингенскаго профессора Ваппеуса, который говоритъ въ своей «Общей статистикѣ населенія», вышедшей въ 1858 г. †††): «Изъ этихъ образцовыхъ изслѣдованій—онъ говоритъ о трудахъ Виллерме, результаты которыхъ я только-что сообщилъ Вамъ — явствуетъ между прочимъ, что между работниками, занимающимися въ прядильныхъ и ткацкихъ, во всѣ возрасты господствуетъ самая сильная смертность. Въ 12-лѣтній періодъ 1823—34 половина дѣтей фабрикантовъ дожила до 29 лѣтъ, тогда какъ изъ дѣтей ткачей и прядильщиковъ — страшно повѣрить! — половина умерла раньше 2 лѣтъ! Эту ужасную смертность должно приписать нищетѣ родителей, особенно матерей, которыя могутъ кормить младенцевъ грудью только въ немногіе часы, проводимые дома, а остальное время вынуждены оставлять безъ всякаго попеченія. Такимъ образомъ результатомъ изслѣдованія опять оказывается, что дань, платимая смерти, всегда прямо пропорціональна недостаткамъ житейскаго положенія при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій».

Видите, господа, люди науки трепещутъ, сообщая этотъ ужасный результатъ. Если Вы готовы пожертвовать женами и дѣтьми и своимъ собственнымъ существованіемъ въ угоду своекорыстной манчестерской теоріи невмѣшательства государства въ общественныя отношенія, — то, пожалуй, рѣшайте противъ меня!

---

†) Villermé, Tableau de l'état phys. et morale. T. II, p. 374—386. Ducpétiaux, de la condition, T. I, p. 175.

††) Ducpétiaux, l. c.

†††) Bd. I, p. 318.

Хотя я самъ чувствую, господа, потребность кончить наконецъ статистическія доказательства, однако долженъ бросить еще краткій статистическій взглядъ на вопросъ, справедлива ли эпопея, распѣваемая гг. Бастіа, Шульце, Фаухеромъ, словомъ, манчестерцами, о томъ, будто прогрессъ Вашего положенія соотвѣтствуетъ прогрессу промышленности и національнаго богатства. Сообщу нѣсколько чиселъ. До 1783 г., т. е. до развитія фабрикъ, средняя продолжительность жизни въ Престонѣ была, по отчетамъ англійскаго парламента, $31^2/_3$ года, а съ тѣхъ поръ упала тамъ до $19^1/_2$ лѣтъ. Вы можете прочесть это у Рау ч. I, § 389 b. Вотъ какъ улучшилась Ваша участь отъ возрастанія національнаго богатства и Максъ Виртовскаго процвѣтанія промышленности! Если Вы не довѣряете относительной неточности списковъ смертности разныхъ эпохъ, то неугодно ли взглянуть на англійскіе списки налога для бѣдныхъ. Въ какой странѣ сильнѣе развились національное богатство, національный капиталъ, чѣмъ въ Англіи? Но взгляните на слѣдующія цифры. По офиціальнымъ англійскимъ спискамъ налога для бѣдныхъ, въ 1840 г. на общественный счетъ содержалось $8^2/_{10}\%$ населенія; три года спустя, въ 1843-мъ, уже $9^1/_2\%$, а еще 5 лѣтъ спустя, въ 1848-мъ, уже $10^4/_5\%$ †). Замѣтьте, господа, возрасло нетолько число содержимыхъ на общественный счетъ, что было бы естественно вслѣдствіе возрастанія самого населенія; нѣтъ, возросло ихъ процентное отношеніе. На одно и то же число лицъ въ 1843 и 1848 приходилось больше, на 25% больше бѣдныхъ, получающихъ офиціальное пособіе, чѣмъ въ 1840 г. Вы видите, стало быть, что я говорилъ правду въ «Гласномъ Отвѣтѣ». Въ обществѣ, гдѣ всякій предоставленъ своимъ индивидуальнымъ средствамъ, Ваше положеніе не поднимается съ возрастаніемъ національнаго богатства. Вы видите, что, наоборотъ, правъ Родбертусъ, который говоритъ еще рѣзче: «Положеніе Ваше, работниковъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, понижается».

И какъ быть иначе? Чѣмъ болѣе развивается крупная промышленность, тѣмъ болѣе обширная фабрикація, т. е. фабрикація съ машинами и съ большимъ капиталомъ, замѣняетъ мелкое самостоятельное ремесло и тѣмъ больше самостоятельныхъ ремесленниковъ превращается въ наемныхъ работниковъ. Далѣе, развитіе промышленности вызываетъ и въ самомъ ремеслѣ то же явленіе, состоящее здѣсь въ томъ, что и ремесло принимаетъ фабричный характеръ, т. е. ведется съ большимъ капиталомъ и съ большимъ числомъ подмастерьевъ, такъ что все меньше людей достигаютъ самостоятельности и возможности трудиться на собственный счетъ. Это я опять докажу Вамъ статистическими цифрами. Въ извѣстіяхъ статистическаго комитета Дитерици, Bd. VIII, S. 328, Вы можете найти данныя, основанныя на офиціальныхъ ремесленныхъ таблицахъ, объ измѣненіи въ числѣ мастеровъ и подмастерьевъ въ Пруссіи съ 1849 по 1852-ой. Въ эти три года населеніе вообще увеличилось на 3,30%, а число мастеровъ только на 3,28%, стало быть, пропорціонально увеличенію населенія умень-

†) См. списки во II томѣ Зётберова изданія Милля.

шилось, число же подмастерьевъ увеличилось на $9^1/_2\%$. Другими словами: число подмастерьевъ увеличилось втрое больше населенія и втрое больше числа мастеровъ; въ переводѣ съ статистическаго на простой языкъ это значитъ, что и ремесло все болѣе и болѣе утрачиваетъ то золотое дно, которое имѣло въ пословицѣ, а прежде и въ дѣйствительности. И въ ремеслѣ все болѣе и болѣе получаетъ преобладаніе фабричное крупное производство, въ которомъ на одного мастера приходится гораздо больше подмастерьевъ и гдѣ труднѣе добиваться возможности трудиться на собственный счетъ; такимъ образомъ развитіе промышленности ухудшаетъ положеніе и ремесленниковъ. Далѣе, съ развитіемъ промышленности населеніе возрастаетъ, а чѣмъ болѣе возрастаетъ населеніе, тѣмъ болѣе поднимается цѣна на хлѣбъ; рабочая же плата далеко не возвышается въ той мѣрѣ, какъ цѣна на хлѣбъ; въ этомъ случаѣ ссылаюсь на исторію цѣнъ Тука, изъ которой я приготовилъ выписки, но не буду сообщать ихъ, чтобы не терять времени †).

Вы, нѣмецкіе работники, престранные люди! Говоря съ англійскими или французскими работниками, приходилось бы толковать о томъ, какъ помочь ихъ печальному положенію, а Вамъ надо еще прежде доказывать, что положеніе Ваше печально. Пока у Васъ есть кусокъ скверной колбасы и стаканъ пива, Вы и не замѣчаете, что Вамъ плохо, и не знаете, что Вамъ чего-нибудь не достаетъ! Этому виной проклятая ограниченность Вашихъ потребностей! Какъ?—скажете Вы—довольствоваться малымъ развѣ дурно? Вѣдь это добродѣтель? Да, передъ проповѣдникомъ христіанской морали ограниченность потребностей—добродѣтель. Это добродѣтель индійскаго факира и христіанскаго монаха; но для историка и экономиста добродѣтель заключается не въ этомъ. Спросите всѣхъ экономистовъ, что для народа хуже всего?—Не имѣть потребностей, потому что потребности служатъ ему возбужденіемъ къ развитію и культурѣ. Неаполитанскій лаццарони оттого такъ отсталъ въ культурѣ, что не имѣетъ потребностей, что, добывъ пригоршню макаронъ, совершенно доволенъ и съ наслажденіемъ растягивается грѣться на солнцѣ. Отчего русскій казакъ такъ отсталъ въ развитіи? Оттого, что способенъ жрать сальныя свѣчи ††) и радъ, если можетъ напиться скверной сивухи. Имѣть какъ можно больше потребностей, но удовлетворять ихъ честнымъ и пристойнымъ образомъ — вотъ въ чемъ добродѣтель нашего экономическаго времени! И пока Вы не понимаете этого, пока Вы не слѣдуете этому, я проповѣдую Вамъ тщетно! *(Сильныя рукоплесканія даже изъ ложъ.)*

Теперь перейдемъ къ вопросу: можно ли Вамъ помочь или нельзя? И могутъ ли помочь Вамъ Шульце-Деличевскія ассоціаціи, а если нѣтъ, то не могутъ ли предложенныя мною Вами ассоціаціи, устроенныя при помощи государственной кредитной операціи? Посмотримъ, что можно сказать противъ

---

†) См. эти данныя въ «Косвенныхъ налогахъ». Т. I, стр. 168 и сл. *Пр. перев.*

††) Способность казаковъ ѣсть сальныя свѣчи выдумана нами, русскими, и выдумка, какъ видимъ, распространилась по свѣту. Впрочемъ дѣло не въ сальныхъ свѣчахъ, а въ скверной пищѣ вообще. *Пр. перев.*

этого средства? Что нашелъ возразить на мою брошюру г. Шульце-Деличъ въ рѣчи, которую говорилъ противъ меня въ Берлинѣ? Въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я показалъ, что ни сырьевыя, ни ссудныя, ни потребительныя общества не могутъ помочь рабочему сословію; что они могутъ оказать помощь, и то очень небольшую, только въ частныхъ случаяхъ и то только до тѣхъ поръ, пока не охватятъ собою значительной части Вашего сословія; но что едва получатъ такое распространеніе, какъ перестанутъ приносить и эту ничтожную помощь. Я логически вывелъ это изъ желѣзнаго закона рабочей платы. У г. Шульце-Делича не хватило недобросовѣстности противорѣчить этому закону; онъ этого не дѣлалъ. Этимъ угостилъ насъ г. Виртъ. Но если онъ не противорѣчитъ закону, то какъ можетъ онъ противорѣчить выводамъ изъ него? Что же онъ сдѣлалъ? Онъ ни единаго слова не отвѣчалъ на эту критику, хотя это долженъ былъ быть главный пунктъ его отвѣта. Такимъ образомъ онъ своимъ молчаніемъ выражаетъ согласіе со всѣмъ, что я говорилъ о невозможности улучшить положеніе Вашего сословія его средствами; въ одномъ мѣстѣ, правда очень неясномъ, онъ, повидимому, самъ сознается, что продолжительной помощи общества его не могутъ принести и что оказать ее могутъ лишь производительныя ассоціаціи. — Но вовторыхъ: хотя въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я отнесся къ г. Шульце-Деличу чрезвычайно учтиво, гораздо учтивѣе, чѣмъ приверженцы его имѣютъ привычку возражать мнѣ, однако сказалъ ему правду, сдѣлавъ ему тяжкій упрекъ въ томъ, что онъ обманываетъ и обходитъ Васъ своимъ ученіемъ объ улучшеніи Вашего положенія отъ возрастанія національнаго капитала. Это я подробно доказалъ, и г. Шульце не нашелъ ни слова въ отвѣтъ на мои доказательства.

Мы видѣли, чего не отвѣчалъ г. Шульце; теперь посмотримъ, что онъ отвѣчалъ. Г. Шульце самъ говоритъ, что, подобно мнѣ, желаетъ производительныхъ ассоціацій, причемъ вступаетъ въ странное противорѣчіе съ собственными приверженцами. Еще на дняхъ я прочелъ во Франкфуртскомъ Журналѣ статью, гдѣ прямо говорится противное, да еще съ прибавленіемъ, что Шульце вовсе и не желалъ помогать фабричнымъ работникамъ, а имѣлъ въ виду только мелкихъ ремесленныхъ мастеровъ. Ну, это ихъ дѣло. Но Шульце жалуется, что я сказалъ, что онъ не желаетъ производительныхъ ассоціацій. Я этого никогда не говорилъ; я не говорилъ, что онъ не желаетъ ихъ; я утверждалъ только, что онъ не можетъ создать ихъ, и что это такъ, онъ можетъ убѣдиться по результатамъ собственной дѣятельности. Вотъ его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ берлинской Національной Газетѣ. Въ ней онъ представляетъ краткій отчетъ о результатахъ своей дѣятельности. Судя по этому отчету, онъ создалъ удивительное множество ассоціацій: 450 ссудныхъ банковъ, 150 сырьевыхъ обществъ, 30—40 потребительныхъ обществъ, но ни одной производительной ассоціаціи, ни одного общества для фабричнаго крупнаго производства, кромѣ небольшой компаніи для тканья платковъ съ однимъ ткацкимъ станкомъ, состоящей всего изъ 50 человѣкъ работниковъ и столь ничтожной, что самъ г. Шульце не упоминаетъ о ней. Не должны ли такіе результаты 15-лѣтней дѣятельности показать человѣку,

что съ пустыми карманами работникамъ нельзя завести производительныхъ ассоціацій, а тѣмъ болѣе ассоціацій для крупнаго фабричнаго производства? Но этотъ человѣкъ такъ влюбленъ въ свои мѣщанскія идеи, что и 15-лѣтній опытъ не идетъ ему въ прокъ! Можете ли Вы, господа, при пустотѣ Вашихъ кармановъ, создать производительныя ассоціаціи въ мало-мальски обширныхъ размѣрахъ на свои собственныя средства? Впрочемъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я доказалъ Вамъ, что и это ни къ чему не повело бы, какъ въ Англіи, гдѣ существуетъ 50—60 подобныхъ ассоціацій; польза подобныхъ ассоціацій можетъ распространяться лишь на крайне ограниченное число частныхъ лицъ, для сословія же онѣ совершенно безполезны. Вспомните, что я доказалъ въ брошюрѣ: что ассоціаціи, основанныя на индивидуальныя средства рабочаго сословія, никогда не могли бы вмѣстить его въ мало-мальски заслуживающемъ вниманія числѣ. Что же возражалъ г. Шульце противъ предложеннаго мною средства основать производительныя ассоціаціи, такъ какъ вѣдь онъ увѣряетъ, что противъ нихъ самихъ ничего не имѣетъ? Что нашелъ онъ сказать противъ кредитной операціи государства?

Онъ выставилъ противъ меня принципъ, что государство не должно вмѣшиваться въ общественныя отношенія. Это единственный, не основанный на недоразумѣніи доводъ, который онъ привелъ противъ меня, и я самъ говорю Вамъ, что это дѣйствительно самый существенный пунктъ вопроса, принципъ всей предпринятой мной агитаціи. На вопросѣ этомъ идетъ, разыгрывается и должна рѣшиться вся начатая мною борьба. Шульце выставилъ противъ меня все полчище предразсудковъ общественнаго мнѣнія касательно того, что государство ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не должно вмѣшиваться въ условія обращенія. Для науки этихъ предразсудковъ не существуетъ; она давно уже отрѣшилась отъ нихъ; но для общественнаго мнѣнія образованной публики это положеніе еще догматъ, символъ вѣры! Но что это доказываетъ, господа? Всѣ нынѣшнія истины, единогласно признаваемыя всѣми нами, считались въ свое время нелѣпостями, а догматами образованнаго общества были противоположныя мнѣнія. Всѣ эти ложные догматы пали только потому, что противъ нихъ возставали мужественные люди, воззрѣнія которыхъ пролагали себѣ путь къ торжеству, правда, медленно, съ великими усиліями и среди горячей борьбы. Читали ли Вы мою «Программу Работниковъ»? Если не читали, то рекомендую прочесть. Я объясняю тамъ, что каждая эпоха имѣетъ свой господствующій принципъ, что господствующій принципъ нашей эпохи есть капиталъ и что въ каждую эпоху общественное мнѣніе состоитъ подъ владычествомъ господствующаго принципа, слѣдовательно, теперь подъ владычествомъ капитала. Очевидно, что общественное мнѣніе, общественный предразсудокъ эпохи, состоящей подъ владычествомъ капитала, долженъ заключаться именно въ томъ, чтобы считать невозможнымъ государственное вмѣшательство въ общественные вопросы, признавать конкуренцію—единственною рѣшительницею всѣхъ соціальныхъ отношеній и требовать, чтобы каждая личность была предоставлена своимъ частнымъ изолированнымъ силамъ. Это было бы очень справедливо, еслибы рѣчь шла о

соперничествѣ между капиталистами; но когда дѣло идетъ о соперничествѣ капиталистовъ съ неимущими, то эта конкуренція оказывается—борьбой вооруженныхъ противъ безоружныхъ! Притомъ Родбертусъ обращалъ Ваше вниманіе на вопросъ, какъ возникли нынѣшнія имущественныя отношенія. Развѣ онѣ начались подъ владычествомъ свободнаго соперничества? Развѣ основанія нынѣшнихъ имущественныхъ отношеній заложены свободнымъ промышленнымъ трудомъ? Нѣтъ, они результатъ двухъ тысячелѣтій исторіи. Это прошлое положило основанія нынѣшнихъ условій владѣнія. Въ эти двѣ тысячи лѣтъ существовали сначала рабство, потомъ крѣпостное право, потомъ вассальное подданство и цеховое принужденіе. Все это были государственныя учрежденія, совершенно положительныя государственныя учрежденія. Подъ гнетомъ этихъ учрежденій, принуждаемые ими, Вы, т. е. Ваши предки, рабы, крѣпостные, цеховые ученики и подмастерья, произвели то имущество, которымъ теперь владѣютъ нынѣшніе имущіе классы. Наконецъ настала Французская Революція и провозгласила правовую свободу и свободное соперничество; но у имущихъ осталось, конечно, имущество,—оружіе, выкованное для нихъ Вами, и теперь они позволяютъ Вамъ, безоружнымъ, вступать зубами и ногтями въ состязаніе, въ свободное соперничество съ капиталами и машинами, которые Вы создали для нихъ вѣковымъ трудомъ. И чтобы теперь имущіе осмѣливались говорить Вамъ, что государство отнюдь не должно облегчать Вамъ, работникамъ, какимъ бы то ни было учрежденіемъ, соперничество съ капиталомъ, который Вы создали тысячелѣтнимъ трудомъ по принужденію со стороны положительныхъ государственныхъ учрежденій? Гдѣ же справедливость? Гдѣ здравый смыслъ? Если имущіе будутъ толковать Вамъ про «свободное соперничество» и про то, что каждый долженъ быть предоставленъ собственнымъ изолированнымъ силамъ, то прежде всего они должны уравнять условія, чтобы соперничество могло быть дѣйствительно свободно. Слѣдовательно, или имущіе должны прежде лишиться своего имущества — что было бы безсмысленно — и соперничать съ Вами также только зубами и ногтями! Тогда другое дѣло! Тогда мы посмотрѣли бы, чья бы взяла! Но, разумѣется, имущіе не захотятъ избрать такого нелѣпаго пути. Въ такомъ случаѣ, чтобы соперничество было свободно, надо и Вамъ дать капиталъ; тогда Вы дѣйствительно будете имѣть возможность соперничать съ капиталистами. Въ этомъ и состоитъ мое предложеніе; къ тому оно практически и ведетъ, чтобы государство посредствомъ кредитной операціи доставило Вамъ капиталы и дало бы этимъ возможность вступить въ свободное, равносильное соперничество съ капиталистами. Но подобнаго свободнаго соперничества предприниматели не хотятъ; они желаютъ конкурировать съ Вами только на неравныхъ условіяхъ, желаютъ, чтобы это было соперничество невольное, борьба вооруженныхъ съ безоружными. Вотъ отчего они и подняли такой шумъ противъ моего предложенія. Свободное соперничество, какъ его нынѣче понимаютъ, эта фактическая зависимость, въ которую Вы поставлены своей прежней правовой зависимостью, низводитъ Васъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе еще худшее прежней правовой зависимости. Для міра вообще, для насъ, ну

ныхъ, великая промышленность и свободное соперничество были источниками богатства и благоденствія; но Ваше положеніе во многихъ отношеніяхъ стало при нихъ еще хуже, чѣмъ было прежде; укажу только на одно обстоятельство: они ввели въ крупныя отрасли фабричнаго производства дѣтскій трудъ. Дѣтскій трудъ на фабрикахъ ведетъ свое начало отъ изобрѣтенія хлопчатобумажной ткацкой машины Аркрайта въ концѣ прошлаго вѣка. Вотъ какое благодѣяніе оказало Вамъ свободное соперничество: теперь Ваши собственные дѣти 8, 7, 6 лѣтъ дѣлаютъ Вамъ конкуренцію, хотя въ этомъ возрастѣ должны бы ходить еще въ школу, а не на фабрику. Прежде отецъ кормилъ дѣтей, а теперь дѣти, которые, конечно, берутся предпочительно, потому что идутъ работать за меньшую плату, часто отнимаютъ хлѣбъ у отца,—дѣло противоестественное, и немудрено, что въ Англіи это влечетъ за собой самыя безнравственныя послѣдствія. Такимъ образомъ соперничество уничтожило у Васъ даже семью! Достаточно привести нѣсколько цифръ, чтобы приблизительно показать размѣры этого безобразія. По отчету англійскаго парламента за 1835 г. уже тогда на 190,710 взрослыхъ работниковъ на шерстяныхъ, хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шелковыхъ фабрикахъ приходилось 56,455 дѣтей 8 — 13 лѣтъ и 108,208 дѣтей 13 — 18 лѣтъ, стало быть, 164,663 дѣтей на 190,170 взрослыхъ работниковъ, что составляетъ 86% дѣтей, и одни дѣти 8—13 лѣтъ составляли 29% †). По Виллерме (II, p. 111) плата дѣтей, смотря по возрасту, простирается отъ 25 до 75 сантимовъ. Вы сами можете понять, да и Виллерме говоритъ, что это должно уменьшать Вашу плату. Или послушайте на этотъ счетъ отца прусской статистики, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гоффмана ††). «Такимъ образомъ, -- говоритъ онъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ, и всѣ благомыслящіе и разумные люди вполнѣ согласны съ нимъ, -- такимъ образомъ вкралось средство уменьшить плату за ручной трудъ; ужасы безнравственности были послѣдствіемъ его, что впрочемъ въ подобныхъ размѣрахъ принадлежитъ лишь новѣйшему времени и дошло при ткацкихъ и прядильныхъ машинахъ до того, что въ настоящее время большинство особенно знаменитыхъ фабричныхъ мѣстностей погибаетъ отъ этого зла. Положить ему предѣлы могутъ только очень энергическія правительства, и возвратъ къ лучшему возможенъ лишь постепенный. Англія, первая пошедшая по этому гибельному пути, первая начинаетъ теперь и сворачивать съ него, ограничивая работу дѣтей и женщинъ на фабрикахъ. Все сдѣланное въ этомъ отношеніи до сихъ поръ далеко недостаточно для обузданія зла; но въ этихъ попыткахъ проявляется по крайней мѣрѣ стремленіе законодательной и исполнительной власти освободить въ концѣ концовъ промышленность отъ позорнаго упрека въ томъ, что она умѣетъ покупать умноженіе благосостоянія націи только цѣной развращенія значительной части ея». У насъ дѣло еще

†) First report on mills and factories pro 1835. — См. Ducpétiaux, de la Condition, I, p. 15.

††) Посмерт. соч., S. 224.

не дошло до того, до чего оно дошло въ Англіи. Но многое Вы, вѣроятно, уже сами испытали или видѣли собственными глазами; въ сущности и у насъ есть уже все, но сравнительно въ меньшихъ размѣрахъ; впрочемъ, если дѣло оставить на произволъ судьбы, оно не замедлитъ пойти и дальше.

Дошло же во Франціи до того, что, какъ свидѣтельствуетъ Дюпенъ въ своихъ «Forces productives», въ Эльзасѣ 68% населенія, подлежащаго военной службѣ, не способны къ ней, а въ нѣкоторыхъ другихъ фабричныхъ департаментахъ даже 90%!

Намѣрены ли Вы, господа, прежде чѣмъ приняться за улучшеніе своего положенія, дождаться превращенія въ племя калѣкъ и уродовъ?

Итакъ, въ примѣненіи къ отношеніямъ капиталистовъ къ работникамъ принципъ государственнаго невмѣшательства, предоставленія всѣхъ на произволъ свободнаго соперничества, есть пустѣйшій и свирѣпѣйшій предразсудокъ!

Я говорю передъ Вами подъ контролемъ всей науки и подъ рискомъ потери всей славы, которую я пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ немаловажными трудами. Каждое слово, которое я произношу здѣсь, получитъ полную гласность. При всемъ этомъ я смѣло говорю, что этотъ предразсудокъ не просто предразсудокъ, а одинъ изъ безсмысленнѣйшихъ, глупѣйшихъ и враждебнѣйшихъ прогрессу предразсудковъ, какіе только я знаю!

Современныя чрезвычайно любопытныя событія въ Англіи доказываютъ впрочемъ, какъ презираетъ его тотъ самый классъ, который выдумалъ его, сами манчестерцы.

Вы знаете, что въ настоящее время въ хлопчатобумажныхъ округахъ Англіи, въ Ланкаширѣ, происходитъ кризисъ вслѣдствіе прекращенія ввоза хлопка по случаю американской войны. Работы прекратились, фабрики не дѣйствуютъ и работники хотятъ выселяться.

Но фабриканты, услышавъ это, разсудили: если работники выселятся массами, то по прекращеніи войны, когда снова начнется ввозъ хлопка, число работниковъ очень убудетъ, и имъ придется давать высокую плату. Стало быть, нашъ интересъ требуетъ удержанія работниковъ дома, чтобы число ихъ не уменьшалось, дабы по возобновленіи ввоза плата была такъ же низка, какъ прежде. И вотъ они подъ предводительствомъ президента Манчестерской торговой палаты, м-ра Поттера, члена парламента за Карлейль, потребовали, чтобы государство выдало денегъ для доставленія работникамъ работы не въ пользу государства и, конечно, только на время, пока не возобновится ввозъ хлопка; они требовали, чтобы государство вмѣшалось для ихъ выгоды, удержало работниковъ отъ выселенія и этимъ приготовило бы низкую плату за трудъ въ будущемъ. Даже «Times», буржуазная газета, рѣдко обнаруживающая совѣстливость, отозвалась съ негодованіемъ и презрѣніемъ объ этомъ требованіи, противорѣчащемъ всѣмъ заявленнымъ принципамъ манчестерцевъ. Со стороны тѣхъ немногихъ изъ числа имущихъ, которые понимаютъ дѣло, поддерживать предразсудокъ манчестерской школы—безсовѣстно; со стороны непонимающаго большинства имущихъ и образованныхъ классовъ — это безсмысленно. Но въ обоихъ случаяхъ это оправдывается или по крайней мѣрѣ

объясняется тѣмъ, что предразсудокъ этотъ выгоденъ имущимъ. Но какъ прикажете мнѣ назвать его, если я встрѣчу его въ Васъ? Тутъ ему и имени нѣтъ. Въ Васъ этотъ предразсудокъ самоубійственеиъ! Позвольте мнѣ говорить свободно, господа! Моя преданность дѣлу рабочаго сословія, порученія, которыя я долженъ выносить въ Вашемъ интересѣ со стороны всей либеральной прессы, даютъ мнѣ право говорить съ Вами свободно! Я хочу помочь Вамъ, но льстить Вамъ не хочу! И потому скажу Вамъ прямо, что въ Васъ этотъ предразсудокъ былъ бы самою послѣднею степенью позорнѣйшей слабости, какую я только могу себѣ представить; это было бы доказательствомъ, что Вы уже совершенно развращены нашей прессой, дошедшей съ 1849 г. до неимовѣрной гнусности, и лживой эпопеей, которую Вамъ поютъ объ улучшеніи Вашего положенія развитіемъ національнаго богатства! Послушайте, что говоритъ Милль, первый экономистъ Англіи: «Очень сомнительно, говоритъ онъ, облегчили ли до сихъ поръ всѣ механическія открытія дневной трудъ хотя одного человѣка; они имѣли лишь то послѣдствіе, что теперь ту же трудовую жизнь можетъ вести большее населеніе и что значительное число фабрикантовъ и другихъ лицъ можетъ пріобрѣтать больше богатствъ; кромѣ того они увеличили комфортъ средняго сословія; но до сихъ поръ они еще не начали производить тѣхъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ человѣчества, которыя должны по своей сущности произвести и въ будущемъ произведутъ». Тоже самое, но гораздо сильнѣе, высказалъ въ Берлинѣ, въ рѣчи, произнесенной въ консерваторіи, тайный совѣтникъ Энгель, признаваемый первымъ статистикомъ Германіи †). Это говоритъ наука, это говорятъ тайные совѣтники, какъ скоро являются представителями науки! Этого мало: возстаютъ люди науки, я, Родбертусъ, Вуттке, обращаются къ Вамъ лично или печатно и говорятъ Вамъ: Вамъ надо помочь! И Вы отвѣтите имъ: нѣтъ? И Вы, какъ прирученныя домашнія животныя, обратитесь противъ собственной породы? Это былъ бы фактъ дотого противоестественный, фактъ такого національнаго позора, что при одной мысли объ этомъ я краснѣю за Васъ! Какимъ хохотомъ отвѣчали бы на подобную вѣсть Ваши французскіе и англійскіе братья! При каждомъ извѣстіи о постановленіяхъ противъ меня рабочихъ обществъ я горѣлъ за Васъ со стыда! Но я объяснялъ это вліяніемъ дурныхъ руководителей, вводящихъ Васъ въ заблужденіе, тѣмъ, что никто не объяснилъ, не растолковалъ Вамъ правды, что Васъ всюду заставляли подавать голоса, не прочитавъ моихъ сочиненій. Поэтому я и пришелъ къ Вамъ. Если послѣ всего, что я сказалъ Вамъ сегодня и еще скажу, Вы рѣшите противъ меня, я не найду словъ, чтобы выразить свое негодованіе! Случалось, что работники въ отчаяніи, въ негодованіи на свое положеніе ломали машины, грабили, жгли, разрушали. Еслибы Вы сдѣлали это, это было бы грубо, глупо, преступно, и Вы можете быть убѣждены,

†) Эту цитату изъ рѣчи Энгеля см. въ статьѣ «Косвенные Налоги», т. I, стр. 213 и 214. *(Пр. перев.)*

что такой человѣкъ, какъ я, строжайше осудилъ бы подобный образъ дѣйствій. Но по крайней мѣрѣ это было бы естественное преступленіе! Есть пороки, свойственные одичалости и нищетѣ; бываютъ крайности преступныя, но представляющія естественныя излишества силы. Но еслибы Вы подали голоса противъ меня, противъ людей, говорящихъ, что слѣдуетъ помочь Вамъ, это было бы преступленіе противоестественное! Это была бы такая противоестественная слабость, такой недостойный недостатокъ мужества, что я словъ не нашелъ бы, чтобы заклеймить его. Говоря это, я вспоминаю слова одного великаго германскаго патріота, человѣка, составляющаго славу Франкфурта, въ которомъ онъ родился и въ которомъ я теперь говорю, слова, вырвавшіяся изъ больной груди его въ припадкѣ отчаянія въ 30-хъ годахъ. Это слова Людвига Бёрне: «Другіе народы—воскликнулъ однажды Бёрне—могутъ быть рабами; ихъ можно заковывать въ цѣпи, силой держать въ порабощеніи; но нѣмцы—лакеи; ихъ не приходится заковывать въ цѣпи; ихъ можно пускать бѣгать по дому на свободѣ!». Двадцать три года тому назадъ прочелъ я въ первый разъ эти слова, вырвавшіяся у Бёрне въ величайшей патріотической ярости, и 23 года я внутренно веду борьбу противъ этихъ словъ, которыя, разъ запавъ въ мою душу, ничѣмъ не изглаживались изъ нея. Но если теперь германскіе работники рѣшительнымъ большинствомъ обратятся противъ самихъ себя, — я перестану упорствовать въ отрицаніи этихъ словъ Бёрне и съ пылающимъ отъ стыда лицомъ подпишу полное согласіе съ ними! *(Продолжительныя сильныя рукоплесканія изъ залы и изъ ложъ. Голосъ: «Онъ оскорбляетъ націю!» Новыя рукоплесканія).*

Вотъ что я имѣлъ сказать Вамъ о принципѣ, а нынѣче рѣчь шла только о принципѣ, о принципѣ—провозгласить общее и прямое избирательное право нашимъ знаменемъ съ ясно выраженной цѣлью добиться улучшенія Вашего положенія чрезъ законодательство, чрезъ государственное вмѣшательство. Споръ о средствахъ въ сущности еще совершенно преждевременъ. Разборъ средствъ по-настоящему—дѣло законодательнаго собранія.

Средствъ можно придумать очень много весьма разнообразныхъ, и съ теченіемъ времени понадобится ихъ много. Но пока надо только, чтобы Вы согласились со мной въ принципѣ; тогда противники мои принуждены будутъ уступить мнѣ и на всѣхъ остальныхъ пунктахъ, потому что всѣ возраженія ихъ противъ моего предложенія разлетаются въ прахъ отъ критики, какъ я докажу Вамъ сейчасъ неопровержимѣйшимъ образомъ †). «Кон-

†) Для теоретиковъ дѣлаю—почти безполезное—примѣчаніе, что предложеніе производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ еще вовсе не представляетъ «рѣшенія соціальнаго вопроса». Въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» нигдѣ не говорится о «рѣшеніи» соціальнаго вопроса, и я избѣгалъ даже выраженія «соціальный вопросъ». Я говорилъ только про практическую мѣру для «улучшенія положенія работающихъ, нуждающихся классовъ». Окончательное «рѣшеніе соціальнаго вопроса» будетъ трудомъ поколѣній, результатомъ цѣлаго ряда учрежденій и мѣръ, изъ которыхъ каждая послѣдующая должна органически развиваться изъ предыду-

троль государства»! восклицали они: этотъ контроль, которому Вы должны подчиняться для всякой кредитной ссуды, угрожаетъ будто-бы Вашей личной свободѣ. Слыхано ли подобное недоразумѣніе или подобное искаженіе? Неужели Вы думаете, что я предамъ Васъ въ руки реакціи? Какого рода долженъ быть тотъ контроль, о которомъ я говорю? Очевидно, исключительно гражданскій, контроль въ смыслѣ частнаго права, вовсе не касающійся Вашей личной свободы, публичнаго права. Короче сказать, государство имѣло бы права кредитора. Напримѣръ, оно могло бы не допускать, чтобы машины, которыя оно доставило бы Вамъ своимъ кредитомъ, куда-нибудь отчуждались Вами или употреблялись Вами не на производство. Оно могло бы повѣрять Ваше счетоводство, чтобы видѣть, ведете ли Вы дѣла согласно постановленіямъ, Вами самими одобреннымъ и принятымъ. Такой родъ контроля былъ бы для Васъ очень удобенъ и полезенъ, потому что предохранялъ бы Васъ отъ легкомысленныхъ и несчастныхъ поступковъ Вашихъ дѣлопроизводителей, тогда какъ сами Вы по неопытности въ бухгалтеріи не могли бы вовремя замѣчать ихъ промаховъ или обмановъ; однимъ словомъ, государство имѣло бы только права, подобныя тѣмъ, которыя постановляются теперь въ извѣстныхъ договорахъ ежедневно во всемъ мірѣ и въ самой буржуазіи, права, подобныя правамъ такъ-называемаго безгласнаго компаньона или товарища на вѣрѣ. Буржуазы ежедневно вступаютъ въ подобныя товарищества на вѣрѣ. Слыхалъ ли кто, чтобы это лишало ихъ самостоятельности? Вовторыхъ, я имѣю для Васъ въ виду не теперешнее государство, а состоящее подъ господствомъ общаго и прямаго избирательнаго права. Поэтому смѣшно толковать тутъ про реакцію; вѣдь ясно, что при общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ государство будетъ совсѣмъ не то, что теперь.

Если сегодня я разстанусь съ Вами побѣжденный при подачѣ голосовъ, я, конечно, унесу съ собой очень плохое, очень жалкое мнѣніе о Васъ. Но все-же оно не будетъ дотого плохо, чтобы допускать возможность продолженія того хозяйничанья, какое вотъ уже 15 лѣтъ ведется въ Берлинѣ и во всей Германіи, при законодательной палатѣ, состоящей изъ представителей Вашихъ классовъ. Сопротивленіе исполнительной власти законодательной, реакціонное упорство административныхъ слугъ и пр. и пр.—все это было бы невозможно, еслибы парламентъ составлялся общимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ и состоялъ изъ Вашихъ представителей.

щей. Производительныя ассоціаціи, устроенныя государственнымъ кредитомъ, потому и рекомендуются какъ пролагающее путь средство, что должны создать въ будущемъ отношенія, которыя сами собою вызовутъ дальнѣйшее развитіе. Въ дальнѣйшемъ продолженіи рѣчи встрѣтимся мы еще съ краткими указаніями на это.

Что касается Вашей ассоціаціи, то для нея былъ бы просто изданъ законъ, опредѣляющій: открывать государственный кредитъ ассоціаціямъ, имѣющимъ искреннее желаніе образоваться и удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ, предписаннымъ законодательными собраніями. Тогда всѣ образующіяся ассоціаціи имѣли бы законное право на утвержденный палатою государственный кредитъ, какъ скоро удовлетворяли бы этимъ условіямъ. Слѣдовательно, Вамъ никакъ не пришлось бы зависѣть отъ расположенія какого-нибудь чиновника. Вамъ слѣдовало бы только соблюдать въ веденіи дѣлъ свои уставы, Вами самими принятые и одобренные. Притомъ буржуазы ежедневно пользуются государственнымъ кредитомъ. Во многихъ странахъ для этой цѣли спеціально существуетъ особое государственное учрежденіе — банкъ; напр. въ Пруссіи банкъ — учрежденіе государственное. Буржуазъ, дисконтируя въ банкѣ вексель, получаетъ кредиты изъ средствъ государства. Слыхалъ ли кто когда-нибудь, что это ставитъ его въ зависимость отъ государства?

Кромѣ того, г. Шульце восклицалъ: Откуда же взять тѣ тысячи милліоновъ, которыя нужны на это?! Видите, хотятъ запугать Ваше воображеніе! На это не нужно тысячъ милліоновъ. Допустите на минуту, что для нашей цѣли мы можемъ располагать только 100 милліонами талеровъ. И этого окажется на первое время слишкомъ много! Этой суммы такъ много, что сначала мы и не могли бы употребить ее всю на ассоціаціи! Капиталъ даетъ у насъ обыкновенно 5% . Этого процента не должно смѣшивать съ прибылью капитала. Предприниматель самъ платитъ процентъ капиталисту. Эти 5% составляютъ 5 милліоновъ талеровъ въ годъ, и мы, имѣя 100 милліоновъ, могли бы для той же цѣли, т. е. для основанія рабочихъ ассоціацій, ежегодно употреблять и эти проценты. Посредствомъ наростанія процентовъ на проценты эти 5 милл. въ годъ въ 14 лѣтъ удвоили бы капиталъ, и мы получили бы 200 милліоновъ, такъ что имѣли бы въ годъ 10 милл. процентовъ, которые могли бы употреблять на рабочія ассоціаціи. Предположимъ, беря среднее число всѣхъ ремеслъ безразлично, что на капиталъ въ 1 милл. тал. можно дать работу 4000 работниковъ; я беру это число примѣрно; вѣроятно, оно скорѣе слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ велико. Какъ бы то ни было, дѣло не въ цифрѣ, потому что она взята только для примѣра. Стало быть, на 100 милл. т. 400,000 работниковъ могли бы вступить въ ассоціаціи; полагая на семью среднимъ числомъ 5 лицъ, это составило бы 2 милліона населенія. На 10 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ можно было бы давать возможность свободы и благосостоянія ежегодно еще 40,000 работниковъ, т. е. 200,000 человѣкъ, а въ первыя 14 лѣтъ, когда получалось бы только по 5 милл. ежегодно, — 20,000 работниковъ съ ихъ семьями.

Такимъ образомъ былъ бы открытъ путь, которымъ въ извѣстный срокъ Вы всѣ были бы выведены изъ пустыни, всѣ рабочіе классы общества безъ исключенія. Но это еще бездѣлица! Вѣдь Вы знаете, что всѣ отрасли промышленности работаютъ помогая другъ другу; что для одного—продуктъ его

промышленности, то для другаго сырой матеріалъ, съ котораго онъ начинаетъ трудиться. Кожевникъ работаетъ для башмачника, ткачъ для портнаго, работники на желѣзныхъ и стальныхъ заводахъ для работниковъ на машинныхъ заводахъ, машинные работники для множества другихъ отраслей промышленности и т. д.

Слѣдовательно, если уже существуетъ напр. 70 или 80 большихъ ассоціацій, то для основанія 71-ой вовсе не нужно денегъ, а нуженъ только кредитъ 70 первыхъ, и этотъ кредитъ совершенно обезпечилъ бы ея существованіе, потому что она получала бы отъ существующихъ уже обществъ весь нужный ей сырой матеріялъ и всѣ машины. А при существованіи 71 ассоціаціи могла бы возникнуть безъ денегъ и 72-я, а при 150 ассоціаціяхъ могли бы образоваться безъ денегъ и еще 20, находя въ ихъ кредитѣ условіе своего труда. Такимъ образомъ Вы видите, что я разсчитывалъ слишкомъ умѣренно, полагая, что на 5—10 милліоновъ въ годъ можно было бы ежегодно освобождать 20,000—40,000 работниковъ; Вы видите, что какъ скоро ассоціаціи принялись и развились бы, можно было бы ежегодно вводить въ нихъ и выводить черезъ нихъ на свѣтъ свободы и благосостоянія гораздо большія массы работниковъ, чѣмъ я предположилъ въ моемъ примѣрномъ разсчетѣ. Поэтому я еще въ «Гласномъ Отвѣтѣ» замѣтилъ, что всѣ рабочія ассоціаціи должны соединиться кредитнымъ союзомъ.

Итакъ, Вы видите, что ужасающія цифры—выдумка; тысячъ милліоновъ вовсе не нужно; 100 милліоновъ на всю Германію было бы нетолько довольно, но даже слишкомъ много для начала. Но откуда взять 100 милліоновъ? Неужели кто-нибудь представляетъ себѣ дѣло такъ грубо невѣжественно, что думаетъ, что государство должно выдать эти 100 милліоновъ изъ своего кармана, изъ налоговъ? Такая мысль была бы величайшимъ заблужденіемъ и доказывала бы только совершенное невѣжество въ финансовыхъ вопросахъ, рѣшительное незнаніе функцій денегъ и кредита. Я объяснилъ еще въ «Гласномъ Отвѣтѣ», какъ легко было бы государству достать нужныя деньги, т. е. нужный кредитъ, никого не обидѣвъ ни на грошъ. Но оставимъ это въ сторонѣ. Представимъ себѣ на минуту дѣло въ такомъ грубомъ и ложномъ видѣ; предположимъ, что государству надо вынуть и положить эти 100 милліоновъ. Такъ на это я скажу, что не было еще ни одной войны, которая не стоила бы вдвое, а за что только не велись войны! Въ прошломъ столѣтіи онѣ велись за каждый капризъ любовницы, въ нынѣшнемъ за каждую честолюбивую страстишку государей, за какой-нибудь мелкій интересъ буржуазіи. Опійная война, которую Англія вела въ 40-хъ годахъ съ Китаемъ, стоила по крайней мѣрѣ вдвое, а между тѣмъ велась только для того, чтобы насильно пичкать китайцевъ опіемъ, т. е. за совершенно частный буржуазный интересъ сбыта. Слѣдовательно, на все находили эти 100 милліоновъ и вдвое, на удовлетвореніе всякаго ничтожнаго интереса имущаго класса, всякой фантазіи государей; только когда зашло дѣло о спасеніи человѣчества—денегъ не оказывается! *(Крики: Довольно! Продолжать!)* Если Вы еще разъ крикните: до-

вольно, то и будетъ Вамъ довольно, господа! Я перестану говорить. *(Крики: Довольно! Продолжать!).*

(Ораторъ прекращаетъ рѣчь. Сильное волненіе въ собраніи. Центральный комитетъ проситъ оратора продолжать. Многіе члены собранія поспѣшно входятъ на трибуну и уговариваютъ оратора не соглашаться. Послѣ краткаго совѣщанія съ г. Лассалемъ г. Гейманъ говоритъ съ трибуны: «Объявляю отъ имени г. Лассаля, что продолженіе и конецъ его рѣчи будутъ произнесены во вторникъ въ общемъ рабочемъ собраніи въ залѣ Гармоніи. Всѣ присутствующіе приглашаются туда». През. г. Лахманъ: «Объявляю собраніе закрытымъ.»)

Рѣчь 19 мая.

Господа!

Либеральная пресса надѣлала мнѣ бранныхъ упрековъ за мою рѣчь прошлаго воскресенья. Она нашла ужаснымъ, неслыханнымъ, что я говорилъ четыре часа. Но, господа, не отъ оратора, а отъ предмета рѣчи зависитъ длина ея, а предметъ моей рѣчи такъ важенъ, что его никакъ нельзя было удовлетворительно разсмотрѣть въ болѣе сжатомъ очеркѣ. Лютеръ спорилъ противъ Эка 14 или 17 дней — навѣрно не помню, а я думаю, что Ваше дѣло, то дѣло, о которомъ мы говоримъ теперь, нисколько не уступаетъ въ важности великому дѣлу XVI вѣка. Кромѣ того, меня упрекаютъ за то, что я сообщалъ Вамъ скучные, сухіе статистическіе матеріалы. Предположимъ даже, что эти матеріалы показались Вамъ незанимательными; все-таки я не могъ поступить иначе, не могъ обойтись безъ нихъ, и впредь всегда буду сообщать Вамъ подобныя данныя. Мы собираемся заниматься экономическими вопросами, а не краснобайствомъ. Вы еще не привыкли къ статистическому матеріалу; поэтому Васъ надо хорошенько начинить имъ, надо возбудить въ Васъ вкусъ къ нему. Упрекъ этотъ тѣмъ смѣшнѣе, что д-ръ Бюхнеръ писалъ мнѣ въ Берлинъ: главное, привезите побольше статистическаго матеріала. Я послѣдовалъ этому желанію, постарался, какъ Вы видѣли, удовлетворить его какъ можно щедрѣе, а либеральные журналы ставятъ мнѣ это въ упрекъ! И не смѣшно ли? Либеральная пресса говоритъ, что я надоѣлъ работникамъ скучной четырехчасовой рѣчью. Если такъ, то почему Вы сегодня здѣсь, господа? Отчего эта зала опять биткомъ набита? Развѣ Васъ привели сюда насильно? Вы пришли добровольно; этимъ Вы ясно показали, что прошлая рѣчь моя не показалась Вамъ слишкомъ длинна, что статистическія данныя не показались Вамъ слишкомъ сухи, что Вы достаточно образованны, чтобы понимать строгій интересъ подобныхъ рѣчей. Однимъ словомъ, это вполнѣ доказываетъ, до какой степени образованіе рабочаго сословія при его серьезномъ направленіи выше полуобразованности нашихъ либеральныхъ журнальныхъ писакъ! *(Рукоплесканія).*

Я начну сегодня съ того, на чемъ остановился въ воскресенье. Я пока-

залъ, что сто милліоновъ было бы для насъ нетолько достаточно, но для начала даже слишкомъ много.

Могутъ спросить, откуда взять эти сто милліоновъ? Господа! Я не могу и не буду пускаться здѣсь въ изложеніе длинной научно-финансовой теоріи, однако долженъ показать Вамъ вкратцѣ, какъ легко, какъ шутя можно достать эти сто милліоновъ, не заставляя бѣднаго крестьянина, о которомъ говоритъ либеральная пресса, вынимать на это ни копейки изъ кармана. Я ставлю вопросъ: на чемъ основаны банки, выпускающіе банковые билеты? На чемъ, говорю я, основана выгодность подобнаго предпріятія? Ни на чемъ иномъ, какъ на слѣдующемъ.

Имѣя въ своихъ кладовыхъ, положимъ, сто милліоновъ звонкой монетой, банкъ можетъ выпустить билетовъ на 400 милліоновъ, единственно на основаніи опытнаго факта, что больше четвертой части банковыхъ билетовъ никогда разомъ не предъявляются къ размѣну на звонкую монету. На этомъ простомъ правилѣ, на этомъ фактѣ опыта основаны всѣ европейскіе банки, выпускающіе банковые билеты. Этотъ фактъ есть фактъ соціальный, фактъ, основанный на общей природѣ всѣхъ. Никто его не дѣлалъ, ни Петръ, ни Иванъ, ни Степанъ. Это соціальный элементарный законъ, подобный естественнымъ элементарнымъ законамъ. Пользуясь этимъ закономъ, можно располагать, какъ въ нашемъ примѣрѣ, 300 милліонами, которые хотя не принадлежатъ тому, кто располагаетъ ими, но зато ни у кого и не взяты, и никто не чувствуетъ ихъ лишенія. Ибо банковые билеты служатъ своему владѣльцу, настоящему кредитору банка, точно такъ же, какъ служили бы ему серебряные талеры. Кромѣ того тутъ даже не приходится удостовѣряться, кто кредиторъ банка. Это—я, Вы, всѣ мы, каждый, кто на минуту имѣетъ въ карманѣ талеръ, который черезъ четверть часа оказывается уже у другаго.

Итакъ, я говорю, что, пользуясь этимъ соціальнымъ фактомъ, можно имѣть въ своемъ распоряженіи въ нашемъ примѣрѣ 300 милліоновъ, ни у кого ихъ не беря.

Не грѣшно ли и не стыдно ли давать частнымъ капиталистамъ или частнымъ компаніямъ капиталистовъ исключительное право пользоваться для своей частной выгоды этимъ фактомъ, основаннымъ на общей природѣ всѣхъ? А между тѣмъ такъ водится почти во всѣхъ государствахъ. То, что коренится въ общей природѣ всѣхъ и вызывается ею, а не частною волею, то должно и служить всѣмъ, т. е. государству. Стало быть, государство не имѣетъ права давать частнымъ компаніямъ исключительнаго права на выпускъ банковыхъ билетовъ, какъ дѣлаетъ теперь во многихъ странахъ. Смѣшанныхъ банковъ, какъ въ Пруссіи, также не должно существовать; банки, подобно монетѣ, скорѣе всего другаго должны быть государственной регаліей. Слѣдовательно, намъ необходимо имѣть германскій государственный банкъ, Банкъ Германіи. Тогда, господа, государство могли бы располагать вдвое и втрое большей суммой, чѣмъ сколько нужно для ассоціацій, и имѣло бы эти деньги, не беря ни гроша у «бѣднаго крестьянина», о которомъ поминаетъ берлинская «Народная Газета».

Но г. Шульце-Деличъ думаетъ, повидимому, что деньги или кредитъ государства приносятъ несчастіе! Въ своей берлинской рѣчи противъ меня онъ ссылался на парижскія ассоціаціи 1848 г., учрежденныя государствомъ съ государственной помощью; онъ говорилъ, что всѣ эти ассоціаціи лопнули и что иначе быть не можетъ, если вмѣсто самопомощи основываться на государственномъ пособіи.

Замѣчу мимоходомъ: не смѣшивайте, господа, этихъ парижскихъ ассоціацій, получавшихъ государственное пособіе, съ парижскими національными мастерскими. Нѣкоторые противники мои упрекали меня въ намѣреніи повторить попытку національныхъ мастерскихъ. Это доказываетъ ихъ глубокое невѣжество, потому что національныя мастерскія никогда не занимались производительнымъ трудомъ. Все дѣло было въ томъ, что работниковъ, оставшихся безъ хлѣба, кормили на общественную милостыню и заставляли заниматься непроизводительными земляными работами, чтобы не оставлять ихъ въ совершенной праздности. Я разъяснилъ все это въ особой статьѣ, напечатанной въ нѣсколькихъ газетахъ. Но спекулировать на общественное невѣжество такъ удобно, что и послѣ этого въ Штутгартѣ подбили рабочее общество постановить, что мое предложеніе клонится къ возобновленію французскихъ національныхъ мастерскихъ.

Г. Шульце не говорилъ этого; онъ говорилъ объ ассоціаціяхъ съ государственнымъ пособіемъ, основанныхъ въ Парижѣ уже по уничтоженіи національныхъ мастерскихъ. Но правъ ли онъ, утверждая, будто всѣ эти общества, основанныя съ помощью государственнаго кредита, погибли? Нѣтъ, господа! Это совершенная неправда, напротивъ того, нѣкоторыя изъ этихъ обществъ вели свои дѣла блистательнѣйшимъ образомъ, что я Вамъ сейчасъ докажу.

Но сперва спрошу еще: можно ли было бы удивляться, еслибы данный имъ кредитъ не принесъ никакихъ плодовъ? Это было бы нисколько неудивительно и ничего не доказывало бы противъ моего предложенія по слѣдующимъ причинамъ.

Вопервыхъ: Сколько, Вы думаете, было всего выдано на ассоціаціи? Всего государство ассигновало [я сообщаю Вамъ эти факты по сочиненію профессора Губера †), которое должно быть извѣстно г. Шульце-Деличу] 2,800,000 франковъ. Таковъ былъ кредитъ, открытый государствомъ. «Но изъ этой суммы — говоритъ Губеръ — 26 субсидій на 1,800,000 франковъ достались какимъ-нибудь двадцати крупнымъ фабрикантамъ въ провинціяхъ, буржуазамъ, которые, устраивая ассоціацію съ своими работниками, имѣли въ виду только пріобрѣсти предлогъ спасти свои дѣла, подвергнутыя опасности политическимъ кризисомъ. Впослѣдствіи у нихъ не было и помину объ ассоціаціонномъ дѣлежѣ или о выдачѣ работникамъ товарищеской доли. Изъ настоящихъ associations ouvrières (рабочихъ ассоціацій) пособія получили только 30, все въ Парижѣ, и всего на сумму 890,000 франковъ». Такъ говоритъ Губеръ. 890,000 франковъ ме-

†) Промышленныя и хозяйственныя общества, р. 78.

нѣе 240,000 талеровъ. Стало быть, неудивительно было бы, еслибы опытъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, на такую ничтожную сумму не далъ важныхъ результатовъ. Но это еще не все. Послушайте, что говоритъ Губеръ о томъ, въ какомъ духѣ велось это дѣло. Изъ исторіи Вамъ извѣстно, что въ то время въ Парижѣ господствовала отчаянная реакція. Губеръ говоритъ: «Проценты (которые работники должны были платить государству за пособіе), составлявшіе номинально 5, возрасли вслѣдствіе разныхъ побочныхъ повинностей до 10. Контроль былъ устроенъ совершенно въ духѣ обременительнѣйшей бюрократической администраціи и вскорѣ съ явной враждебностью или совершеннымъ равнодушіемъ и невнимательностью обращенъ противъ самаго принципа и опыта. Особенно послѣ государственнаго переворота рѣшительное недоброжелательство правительства къ ассоціаціямъ сдѣлалось несомнѣнно.» Итакъ, господа, какъ бы ни былъ неудаченъ этотъ опытъ, изъ этого нельзя было бы выводить никакихъ заключеній, такъ какъ выданнымъ кредитомъ управляли и распоряжались враждебно противъ самаго принципа ассоціацій. Но несмотря на все это, несмотря на ничтожество выданной суммы, на проценты, доведенные побочными повинностями до 10, несмотря даже на враждебный духъ административныхъ властей въ управленіи этимъ кредитомъ, онъ создалъ нѣсколько ассоціацій, изъ которыхъ нѣкоторыя вели свои дѣла даже очень успѣшно. Я ограничусь только примѣрами, сообщаемыми Губеромъ.

Но прежде я прочитаю Вамъ одно мѣсто изъ книги Губера, слишкомъ замѣчательное, чтобы пропустить его. Профессоръ Губеръ самымъ заслуженнымъ образомъ хлещетъ образованныя сословія и особенно печать за равнодушіе и недоброжелательство къ этому дѣлу, которыя они обнаружили въ то время. Онъ говоритъ: «Въ массѣ образованныхъ, богатыхъ, вліятельныхъ и въ печати господствовало глубокое игнорированіе или полнѣйшее равнодушіе своекорыстія въ своихъ разнообразныхъ формахъ; нѣкоторые доктринерные или бюрократическіе реакціонеры злорадствовали, ожидая неудачи ненавистныхъ ученій и стремленій; то же настроеніе, только, если возможно, еще усиленное, встрѣчаемъ мы и спустя четыре года. Все bona fide забыли или никогда ничего не знали! Нечего и говорить, конечно, что печать была слишкомъ готова поддакивать этому настроенію публики и государственной власти. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, доказывающихъ непониманіе своего высокаго призванія, она напрасно стала бы оправдываться своимъ стѣсненнымъ положеніемъ.» Такъ говоритъ профессоръ Губеръ, и до какой степени, до какой усиленной степени этотъ приговоръ его примѣняется къ нынѣшней нѣмецкой либеральной печати!

Я сказалъ, что, несмотря на все, нѣкоторыя ассоціаціи имѣли блистательный успѣхъ. Изъ приводимыхъ въ примѣръ Губеромъ †) замѣтимъ по-

†) Другіе примѣры у Лемерсье, «Etudes sur les associations ouvrières», p. 125. Кромѣ того замѣтимъ, что по свидѣтельству Лемерсье многія ассоціаціи, у кото-

первыхъ ассоціацію Ранке (Remquet), типографщиковъ. Она была учреждена въ сентябрѣ 1849 г. всего на 10 лѣтъ, такъ что черезъ 10 лѣтъ должна была уничтожиться въ силу своего устава. Она была основана съ государственнымъ пособіемъ въ 80,000 франковъ и при ликвидаціи своей въ силу устава въ 1859 г. должна была выплатить государству эту ссуду; за выплатой ея и всѣхъ прочихъ пассивовъ чистая выручка была раздѣлена между работниками, и на долю каждаго досталось среднимъ числомъ 10—11,000 франковъ; доли были различны, отъ 7,000 франковъ вдовамъ работниковъ, умершихъ раньше срока, до 18,000. Стоитъ только прочесть списокъ прибыли, ежегодно откладывавшейся этою ассоціаціею, чтобы дать ясное понятіе о ея выгодахъ. Въ первый годъ прибыли не было; Вы знаете, что всякое начало трудно. Во второй годъ было отложено прибыли 4494 фр. — очень немного. Въ третій годъ 6224 фр., въ 4-й—8500, въ 5-й—10,684, въ 6-й—14,357, въ 7-й—10,971, въ 8-й—11,427, въ 9-й—14,821. Такъ же успѣшно вела свои дѣла ассоціація золотыхъ дѣлъ мастеровъ, association d'ouvriers bijoutiers en doré, также получившая пособіе. Тоже самое должно сказать о такой же ассоціаціи столяровъ, называвшейся по имени учредителя monsieur Antoine. Этихъ немногихъ подробностей достаточно, чтобы показать Вамъ, что неправду говорилъ г. Шульце-Деличъ, будто всѣ основанныя съ государственнымъ пособіемъ ассоціаціи во Франціи погибли †). Деньги или кредитъ государства несчастія не приносятъ, какъ думаетъ г. Шульце, а какъ всякія деньги или какъ всякій кредитъ могутъ съ выгодою обращаться на производство.

Но, возражали мнѣ, какъ же быть съ сельскими работниками? Ихъ вѣдь еще больше, чѣмъ промышленныхъ. Въ Берлинѣ либеральная печать выразила даже предположеніе, что я навѣрно предложу дѣлежъ земель между сельскими работниками. (Это отличилась «Народная газета».) Невѣжество этого журнала такъ глубоко, что онъ не знаетъ даже того, что всѣ соціалисты, какіе когда либо существовали, всегда считали раздробленность поземельной собственности причиной народнаго обѣднѣнія и уменьшенія сельскаго продукта, отдавая впро-

---

рыхъ дѣла шли всего лучше, добровольно расторглись тотчасъ послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г. Лемерсье же говоритъ, что послѣ этого событія учрежденный для распредѣленія государственныхъ пособій conseil d'encouragement ни разу больше не собирался, а съ другой стороны наиболѣе процвѣтавшія ассоціаціи сами спасовали передъ контръ-революціей. Вотъ какъ невозможно экономическое освобожденіе работниковъ при реакціи!

†) Вотъ что говорилъ объ этомъ г. Шульце (см. Національную Газету 2 апрѣля № 155): «Да, конечно, эти первые работники, составившіе ассоціаціи, достигли цѣли, но потому, что полагались на самихъ себя и пользовались собственными силами. Стало быть, они достигли цѣли именно потому, что обошлись безъ помощи государства, а не несмотря на нее; будь они патентованы государствомъ, изъ нихъ вѣроятно ничего не вышло бы. Это доказываютъ французскія ассоціаціи; такъ тотчасъ послѣ февральской революціи было ассигновано на этотъ предметъ 3 милл. франковъ. На эти деньги поддерживалось 56 обществъ, которыя всѣ рушились, между тѣмъ какъ всѣ процвѣтающія до сихъ поръ никакихъ пособій не получали и всегда разсчитывали только на собственныя силы» (!!).

чемъ ему историческую справедливость въ томъ, что въ свое время оно имѣло хорошую сторону; всѣ соціалисты всегда полагали, что именно въ земледѣліи больше, чѣмъ гдѣ-либо, крупное производство, производство въ обширныхъ размѣрахъ, есть источникъ національнаго богатства и умноженія валоваго продукта земли, кромѣ развѣ тѣхъ исключительныхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ садовая обработка земли. Что же мнѣ возразить на замѣчаніе, что вѣдь и сельскіе работники принадлежатъ къ нуждающимся классамъ и не менѣе промышленныхъ нуждаются въ помощи? Что отвѣтить, кромѣ того, что это возраженіе есть мое собственное убѣжденіе, что оно вовсе не возраженіе! Кто же говоритъ Вамъ, что нужно помогать только промышленнымъ работникамъ? Не знаю, кто, только не я! Напротивъ того, я говорилъ Вамъ въ моей брошюрѣ, что государство принадлежитъ 89—95 процентамъ нуждающихся, включая сюда, разумѣется, всѣ классы, званія и ремесла рабочаго сословія! Этимъ я выразилъ довольно ясно для каждаго, кто только способенъ понимать, что надо помочь всѣмъ неимущимъ классамъ, потому что интересы всѣхъ неимѣющихъ капитала солидарны, что̀ понятно всякому, мало-мальски смыслящему въ экономическомъ дѣлѣ. Я не буду распространяться здѣсь о разныхъ мѣрахъ, которыя можно обратить на земледѣліе. Спрошу только, почему ассоціаціи не могутъ быть полезны сельскимъ работникамъ точно также, какъ и промышленнымъ? Чѣмъ это доказывается? Ничѣмъ! Послушайте по этому вопросу лучшаго англійскаго экономиста, Милля. Онъ говоритъ: «Нельзя разумно сомнѣваться въ томъ, что деревенская община въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, обрабатывая какъ общую собственность то же пространство земли, которое кормитъ нынѣшнее населеніе, и производя нужныя издѣлія посредствомъ совокупнаго труда и усовершенствованныхъ способовъ производства, могла бы производить достаточно для доставленія себѣ хорошихъ условій жизни. Такая община нашла бы средства получать полевой трудъ отъ каждаго способнаго къ работѣ члена общества, а въ случаѣ нужды и принуждать его трудиться». Итакъ, Милль не допускаетъ въ этомъ отношеніи даже разумнаго сомнѣнія. Можетъ быть этого авторитета мало? Въ такомъ случаѣ я могу сослаться на еще болѣе сильный авторитетъ барона фонъ-Тюнена, потому болѣе сильный, что съ одной стороны это одинъ изъ первыхъ экономистовъ, а съ другой — одинъ изъ лучшихъ практическихъ сельскихъ хозяевъ Германіи. Во II томѣ своей знаменитой книги «Изолированное государство», изданной въ 1850 г., онъ защищаетъ ассоціацію сельскихъ работниковъ. Это былъ человѣкъ истинно благородный и великодушный. Въ своемъ имѣніи Теловѣ въ Мекленбургѣ онъ устроилъ въ небольшихъ размѣрахъ ассоціацію своихъ крестьянъ, доставивъ имъ участіе въ пользованіи возрастающею производительностью, увеличивающимся продуктомъ своихъ полей. Онъ напечаталъ въ своей книгѣ планъ и уставъ этой ассоціаціи. Правда, зато едва книга эта вышла въ свѣтъ, какъ «Тюбингенская Газета» закричала: Тюнень— соціалистъ!

Всякій разъ, какъ какой-нибудь великій ученый начинаетъ изыскивать средства и пути къ улучшенію участи рабочихъ классовъ, противъ него под-

нимается этотъ крикъ, которымъ надѣятся убить его однимъ ударомъ: онъ соціалистъ! Господа! Если подъ соціализмомъ разумѣютъ желаніе и стараніе улучшить положеніе рабочихъ классовъ, помочь ихъ нуждѣ — ну, такъ, сорокъ тысячъ дьяволовъ!—да! мы соціалисты! *(Общія рукоплесканія.)* Думаютъ ли, что мы испугаемся слова? Нѣтъ, меня этимъ не напугаютъ! Неужели струсите Вы? Надѣюсь, нѣтъ!—Отчего же я не говорилъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ» особо о сельскихъ работникахъ? Да по очень простой причинѣ, что они подразумѣваются въ 89—95 процентахъ нуждающагося класса, о которыхъ я говорилъ и которымъ требовалъ помощи. Только начать я совѣтовалъ съ промышленныхъ работниковъ. Почему? Сельскій работникъ, господа, во многихъ отношеніяхъ, напр. со стороны денежной платы, находится въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ Вы; но во многихъ другихъ отношеніяхъ положеніе его лучше Вашего. Слѣдовательно, это не рѣшаетъ вопроса. Вопросъ о томъ, съ какого рода труда надо начать практическое улучшеніе его положенія, рѣшаетъ слѣдующее обстоятельство. Сельскій работникъ, хотя бы имѣлъ только одну корову, хотя бы обрабатывалъ свою пашню просто заступомъ и лопатой, все-таки воображаетъ себя собственникомъ; онъ еще не расположенъ къ ассоціаціи, а это расположеніе, готовность, нельзя вынудить, вызвать насильственно. Вызвать его можно только успѣхами; вызвать его, говорю, можно только однимъ: показавъ сельскому работнику великій успѣхъ ассоціаціи у промышленныхъ работниковъ.

Когда онъ увидитъ, какъ перемѣнилось ихъ положеніе, и на вопросъ, откуда взялось все это, получитъ отвѣтъ: изъ ассоціаціи, — тогда и у него явится такая же готовность и склонность къ ассоціаціи, какая преобладаетъ теперь между промышленными работниками. Кромѣ того, великая ассоціація промышленныхъ работниковъ создаетъ, какъ я, можетъ быть, объясню Вамъ въ другой разъ подробнѣе, совершенно новыя условія производства, которыя сдѣлаютъ необходимымъ и чрезвычайно легкимъ веденіе въ обширныхъ размѣрахъ и сельскаго хозяйства, что̀ послужитъ источникомъ обогащенія для всего общества, источникомъ изумительнаго увеличенія всего національнаго производства.

Слѣдовательно, промышленные работники должны быть только авангардомъ человѣчества. Главное, замѣтьте вотъ что: съ измѣненіемъ платы за простой ручной трудъ (это важнѣйшее изъ всѣхъ моихъ положеній для оцѣнки всего вопроса) въ человѣческомъ обществѣ измѣнятся вслѣдствіе органическаго взаимовліянія и платы за всякаго рода другія работы, какъ бы онѣ ни назывались.

Человѣческій трудъ вообще раздѣляется на обыкновенный физическій трудъ и на такъ-называемый качественный трудъ, который въ свою очередь распадается на множество степеней и сортовъ. Но нормой служитъ плата простаго труда, обыкновеннаго физическаго ручнаго труда; т. е. плата этого труда служитъ опредѣляющимъ основаніемъ вознагражденія всякаго другаго качественнаго труда въ человѣческомъ обществѣ. Я объясню Вамъ это нагляднымъ примѣромъ, который Вы запомните; онъ очень вѣренъ. Чѣмъ измѣ-

ряется возвышеніе? Разстояніемъ отъ уровня. Поднимите уровень, съ нимъ поднимется и возвышеніе. Слѣдующій примѣръ объяснитъ Вамъ это вполнѣ.

Когда 16 апрѣля въ Лейпцигѣ послѣ рѣчи работникамъ я сходилъ съ трибуны, ко мнѣ подошелъ благосклонный буржуазъ и сказалъ: Я слушалъ Васъ очень внимательно, но Вы не убѣдили меня.—Отчего?--спросилъ я.—По очень простой причинѣ,--отвѣчалъ онъ:--Ваше средство помогаетъ не всѣмъ. Согласитесь, что мелкій чиновникъ на 300 талерахъ жалованія находится относительно въ такомъ же плохомъ положеніи, какъ и наемный работникъ. Вѣдь не вздумаете же Вы заводить ассоціаціи и между мелкими чиновниками? Это вѣдь несообразно.—И онъ посмотрѣлъ на меня благосклонно, но съ лицомъ сіяющимъ отъ радости своему остроумію. Я сказалъ ему: Вы правы; мы, конечно, не можемъ устраивать ассоціацій между мелкими чиновниками. Но примите въ соображеніе слѣдующее: Неудивительно, что государство находитъ чиновниковъ за 200—300 талеровъ въ нынѣшнемъ обществѣ, гдѣ плата за простой ручной трудъ составляетъ 100—120—150 т. въ годъ. Но предположимъ, что удалось бы поднять доходъ простаго ручнаго работника, напр., до 600 талеровъ, неужели Вы думаете, что государство найдетъ тогда мелкихъ чиновниковъ, которые согласятся за 200—300 талеровъ исполнять качественный трудъ? Ну, нѣтъ, они найдутъ гораздо выгоднѣе пойти въ простые работники! *(Продолжительныя рукоплесканія.)* Запомните этотъ примѣръ и перенесите его на всякіе другіе случаи. Онъ для всѣхъ одинаково вѣренъ. Качественный трудъ всегда будетъ вознаграждаться пропорціонально простому физическому. Еслибы это было не такъ, еслибы вознагражденіе умственнаго и качественнаго труда не возрастало вообще въ одинаковой пропорціи съ возрастаніемъ обыкновеннаго физическаго труда, то не оплачивались бы труды и расходы подготовленія, необходимаго для всякаго качественнаго и умственнаго труда, въ обществѣ началъ бы ощущаться недостатокъ въ людяхъ, поставляющихъ этотъ родъ труда, и оно было бы принуждено рѣшиться давать качественному труду сравнительно высшую плату — все это по закону спроса и предложенія, изъ котораго, какъ видите, я умѣю дѣлать выводы не хуже моихъ противниковъ!

Стало быть, я требую отъ государства только минимума! Изъ него все остальное развилось бы органически само собою плодотворной силой жизни. Черезъ 50 лѣтъ послѣ этой мѣры нашъ міръ былъ бы неузнаваемъ!

Итакъ, Вы видите, господа, какъ рушатся сами собою всѣ возраженія моихъ противниковъ, какъ подрываютъ они сами себя! Еслибы я потребовалъ, чтобы всѣмъ помогли разомъ вдругъ, поднялся бы крикъ: Безумецъ! Сумасшедшій! Утопистъ! Хочетъ спасти разомъ всѣхъ правительственными указами! И это было бы справедливо. Но я требую помощи постепенной, хотя предназначенной для всѣхъ, и мнѣ на это кричатъ: А сельское населеніе? Стало быть, онъ не хочетъ помогать сельскому населенію! Стало быть, онъ хлопочетъ только о промышленныхъ работникахъ! Вы видите, господа, что это неправда; ассоціація съ своими послѣдствіями измѣнитъ положеніе всѣхъ: и сельскаго населенія, и промышленныхъ работниковъ, и сельскихъ, и фаб-

ричныхъ, и ремесленныхъ, и тѣхъ, которые занимаются качественнымъ трудомъ разнаго рода, стало быть, и мелкой буржуазіи противъ крупной. Но армія, выступая въ походъ, поднимается не вся вдругъ, а прежде всего выступаетъ авангардъ; по тысячѣ же причинъ, объяснять которыя я здѣсь не буду, авангардомъ человѣчества должны быть промышленные работники!

Г. Шульце упрекаетъ меня въ возбужденіи несчастнаго раздора между имущими и работающими классами; онъ обвиняетъ меня въ попыткахъ вызвать между ними столкновеніе. Это величайшая неправда! Развѣ Вы не видите, что нынѣшняя агитація имѣетъ какъ разъ противное значеніе? Я обратился съ воззваніемъ къ общественному убѣжденію и къ общественной совѣсти. Было бы величайшимъ фактомъ культуры, величайшимъ торжествомъ для германской націи, еслибы въ Германіи именно имущіе взяли на себя иниціативу въ соціальномъ вопросѣ, еслибы иниціатива эта явилась плодомъ науки и любви, а не ненависти и дикой санкюлотской ярости! А вѣдь такъ и есть! Люди, принявшіе иниціативу въ этомъ дѣлѣ, я, Родбертусъ, Вутке, Бухеръ, д-ръ Т. Мюллеръ †), присутствующій здѣсь и знакомый Вамъ, — всѣ мы по наукѣ и по состоянію принадлежимъ къ лучшимъ слоямъ имущихъ классовъ.

Неужели не видятъ, что это великій фактъ сословнаго примиренія и что ненависть и столкновеніе между классами грозитъ вызвать только безпримѣрная ярость, съ которою противятся нашимъ стремленіямъ? Еслибы удалось задушить эти стремленія, еслибы удалось, господа, примѣромъ ихъ гибели отвратить впредь будущихъ людей науки отъ подобной иниціативы, — тогда, конечно, намъ предстояло бы очутиться черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ разгарѣ пролетаріатской революціи и самимъ пережить ужасы іюньскихъ дней! Но мы не допустимъ этого; этому не бывать!

Но потому-то и нужно вóвремя открыть клапанъ, чтобы предупредить взрывъ. *(Продолжительныя рукоплесканія.)*

Вотъ почему я и нашелъ нужнымъ поднять знамя этой агитаціи среди глубокаго мира. Небо Европы покрыто грозными тучами, и меня не разъ спрашивали, почему я не подождалъ событій, которыя облегчили бы мнѣ мои старанія. Правда, я знаю, что во время лихорадочнаго жара, возбуждаемаго внѣшними событіями, гораздо легче одерживать блестящіе успѣхи, брать приступомъ извѣстныя позиціи.

Но такіе успѣхи, вызванные лишь подобнымъ искусственнымъ жаромъ, бываютъ непрочны и непродолжительны; вмѣсто твердой соціальной партіи подъ знаменемъ моимъ были бы только дикія страсти, масса, готовая такъ же быстро покинуть его, какъ и принять. Притомъ соціальное движеніе, поднявшееся въ дни насилія, было бы именно способно внушить имущимъ классамъ ненависть и страхъ, и ненависть и страхъ возбудить.

Поэтому я хотѣлъ дать этому убѣжденію возможность пробиться и прокопаться въ умы среди глубокаго мира. Я говорилъ Вашимъ лейпцигскимъ

†) Предсѣдатель франкфуртскаго рабочаго образовательнаго общества.

братьямъ, что не должно ненавидѣть имущихъ, ни буржуазію вообще, ни предпринимателей и хозяевъ въ частности. Современный порядокъ созданъ не буржуазіей; она не творецъ его, а невольный продуктъ. Имущіе классы должны, наоборотъ, добровольно посвящать свой умъ и развитіе на то, чтобы снять кандалы съ Вашихъ ногъ.

Но для этого прежде всего необходимо одно: чтобы Вы свидѣтельствовали, что дѣйствительно носите и чувствуете эти кандалы, требовали, заявляли свое желаніе, чтобы Васъ освободили отъ нихъ. Если Вы не будете дѣлать этого, то мы ничего не можемъ сдѣлать для Васъ! Если Вы допустите обморочить себя, убѣдить себя, что Вы свободны; если Вы позволите довести себя до лганія самимъ себѣ, — словомъ, если Вы, господа, сами отступитесь отъ себя, то отъ Васъ отступится Богъ и люди, и по-дѣломъ!

Одинъ аргументъ Шульце противъ меня, кажется, произвелъ въ Берлинѣ особенно сильное впечатлѣніе; но это такого рода аргументъ, что я въ Вашемъ же интересѣ долженъ особенно протестовать противъ него.

Въ заключеніи своей берлинской рѣчи работникамъ г. Шульце сказалъ слѣдующія слова, которыя я цитирую по «Національной Газетѣ»: «Теперь, господа, заодно со мной нападкамъ подверглись и сотрудники мои, тѣ, которые своими стараніями сдѣлали работникамъ доступнымъ состоящій въ ихъ распоряженіи капиталъ. Если Вамъ приходится выбирать между г. Лассалемъ и нами, то мы скажемъ только одно: тамъ фразы, а тутъ капиталъ; посмотримъ, что дольше выдержитъ».

Тутъ надо сдѣлать троякаго рода соображенія. Вопервыхъ, неправда, что я нападалъ на г. Шульце лично; въ моей брошюрѣ я отозвался объ его намѣреніяхъ, быть можетъ, даже съ преувеличенною признательностью. Если г. Шульце принимаетъ за личное нападеніе совершенно объективное разсужденіе мое о томъ, что его старанія не могутъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ, то вѣдь это ни на что не похоже; впрочемъ это еще неважно. Что же еще находимъ мы въ словахъ г. Шульце? Я никогда не требовалъ отъ работниковъ, чтобы они покидали Шульцевскія ассоціаціи; мнѣ этого и въ голову не приходило. Я не говорилъ, чтобы работники выбирали непремѣнно одно изъ двухъ—мое предложеніе или Шульцевское! Я только объяснялъ работникамъ, что Шульцевскія ассоціаціи никакъ не могутъ пособить всему рабочему сословію, а лишь частнымъ лицамъ, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ и не надолго. Значитъ ли это, что они должны избѣгать подобныхъ ассоціацій, не должны заводить ихъ, потому что онѣ могутъ быть полезны только въ частныхъ случаяхъ и только навремя, а не всему рабочему сословію? Очевидно, не значитъ. Отчего Вамъ не стараться пособлять себѣ пока по-возможности въ частности? Говорить подобное противъ Шульцевскихъ ассоціацій было бы все равно, что уговаривать человѣка, которому представляется случай получить высшую плату, не брать ея, потому что это не поможетъ положенію всего сословія! Это было бы глупо. Слѣдовательно, я не требовалъ въ моей брошюрѣ, чтобы Вы выбирали между мной и Шульцевскими ассоціаціями. Почему же Шульце требуетъ этого? Почему, если онъ

дѣйствительно любитъ Васъ и Ваше дѣло и дѣло Вашего сословія, почему грозитъ онъ Вамъ лишеніемъ своихъ капиталовъ? Я обращался къ Вашему разсудку — а Шульце-Деличъ отвѣчаетъ мнѣ практической угрозой!

Но далѣе, господа, что еще находимъ мы въ этой угрозѣ? Мы видимъ изъ нея, что Вы въ Вашихъ ассоціаціяхъ далеко не независимы и что онѣ основаны вовсе не на самопомощи, какъ увѣряетъ Васъ Шульце. Угроза доказываетъ, что Вы зависите отъ милости нѣсколькихъ капиталистовъ! Такъ вотъ каковы Шульцевскія свобода и независимость! Такъ вотъ какъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ! Еслибы я зависѣлъ отъ прихоти и милости нѣсколькихъ капиталистовъ, то, право, предпочелъ бы перейти въ зависимость къ государству, предпочелъ бы лучше зависѣть отъ всей духовной судьбы человѣчества, чѣмъ отъ каприза нѣсколькихъ капиталистовъ. *(Общія рукоплесканія.)*

Впрочемъ, господа, я упомянулъ здѣсь про зависимость отъ государства только въ противоположность той зависимости, которою стращаетъ Васъ Шульце; въ сущности же, какъ я объяснилъ Вамъ въ прошлый разъ, въ системѣ кредитовъ, которые государство должно открыть Вамъ, нѣтъ никакой зависимости, тѣмъ болѣе, что, какъ я сказалъ Вамъ, добиться этой системы Вы можете только при общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а общее и прямое избирательное право трудно совмѣстимо съ реакціоннымъ и бюрократическимъ правительствомъ.

На это впрочемъ возражали, что общее избирательное право вѣдь не магическій жезлъ. Конечно, нѣтъ! Я очень хорошо знаю это; но что это такое, я Вамъ скажу. Это—копье, само исцѣляющее раны, которыя наноситъ. Очень возможно, что при общемъ избирательномъ правѣ Вы и разъ, и два, и три ошибетесь въ выборахъ. Но развѣ политическія учрежденія основываются на два, на три года? Общее избирательное право учитъ и наставляетъ самымъ употребленіемъ своимъ,—и нѣтъ сомнѣнія, что Вы научитесь, потому что у Васъ матерью пониманія будетъ выгода, а выгода — страшная мать!

Теперь обратимся къ политическому вопросу. Меня упрекали въ томъ, что я несвоевременно мѣшаю развитію политической свободы, затрудняю политическое положеніе.

На этотъ упрекъ я скажу, что главное, чему Вы должны рукоплескать въ моей агитаціи, есть именно ея политическая сторона, моя политическая программа.

Какъ? Неужели въ Васъ уже нѣтъ ни одной демократической жилки?

Неужели этой неимовѣрно гнусной печати, вотъ уже 15 лѣтъ отравляющей Германію, удалось раздемократизировать Васъ и превратить въ либеральныхъ буржуазовъ, въ людей, вѣрящихъ въ прогрессъ на основаніи такъ-называемой прусской конституціи и такъ-называемой прусской конституціонной жизни? Если Вы не демократы, то кчему мнѣ толковать въ Вами?! Я не имѣю ни охоты, ни призванія говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ демократовъ! *(Браво.)*

Но если есть въ Васъ еще хотя одна демократическая жилка, то что

Вамъ дѣлать съ прогрессистской партіей? И какъ въ такомъ случаѣ можете Вы подать голоса заодно съ нею противъ меня, развернувшаго знамя демократіи? *(Бурныя рукоплесканія.)*

Что общаго у демократіи съ прогрессистской партіей?

Разберемъ.

Она сама отреклась отъ имени демократіи; она не демократична, не хочетъ быть демократической, и лучшее доказательство этого то, что она сама перестала такъ называться. Развѣ она безъ причины отреклась отъ этого стариннаго, честнаго имени? Развѣ безъ причины промѣняла бы она его на неопредѣленное и лукавое имя прогрессистовъ, еслибы хотѣла быть демократической?

Это отреченіе отъ имени демократіи важнѣе, чѣмъ Вы думаете, еще въ другомъ отношеніи.

Демократія была объединяющею связью между буржуазіей и рабочимъ сословіемъ. Но та сторона, сбросивъ это имя и отрекшись отъ него, разсѣкла эту связь, подняла знамя движенія уже не демократическаго, а либерально-буржуазнаго движенія, которому и Васъ заставляли слѣдовать и которому Вы досегодня и дѣйствительно слѣдовали.

Вотъ что значило объявленіе офиціальнаго органа берлинской прогрессистской партіи, берлинской «Народной Газеты», еще въ 1859 г., что демократіи больше не существуетъ †).

Но, не говоря объ имени, возьмемъ другіе факты. Несомнѣнно, что судьбы Германіи будутъ рѣшаться въ большихъ нѣмецкихъ государствахъ, а не въ мелкихъ, и потому нѣмецкая прогрессистская партія должна допустить, чтобы о ней судили по дѣйствіямъ того крыла ея, которое уже вступило въ дѣло, по дѣйствіямъ прусскихъ прогрессистовъ.

Нѣмецкіе прогрессисты попались относительно меня въ забавное противорѣчіе.

Спрашивается: сознаютъ ли они себя тожественными съ прусской прогрессистской партіей, сознаютъ ли они себя съ нею—одной и той же партіей, или нѣтъ?

Если они не сознаютъ себя тожественными съ ней, чего имъ отъ меня нужно? Въ такомъ случаѣ я не трогалъ ихъ, даже не упоминалъ о нихъ въ моей брошюрѣ.

Если они сознаютъ себя тожественными съ прусской прогрессистской партіей, то зачѣмъ же представитель ихъ, д-ръ Бюхнеръ ††), упрекаетъ меня

---

†) См. напр. статьи берл. «Нар. Газ.» 28, 29, 30 октября 1859 г. и др.

††) Въ печатномъ отчетѣ о моей брошюрѣ. Вотъ заглавіе этого отчета: «Г. Лассаль и Работники. Отчетъ и рѣчь о программѣ работниковъ Лассаля, произнесенная на рабочемъ собраніи въ Рёдельгеймѣ 19-го апрѣля 1863 г. по порученію центральнаго комитета работниковъ Майнскаго округа, д-ра Луиса Бюхнера, временнаго предсѣдателя Дармштадтскаго рабочаго образовательнаго общества, члена вышесказаннаго комитета. Предано печати по постановленію собранія». Объ этомъ произведеніи автора «Силы и матеріи» см. въ нашей біографіи Лассаля. *(Пр. перев.)*

за недостаточное различеніе нѣмецкой прогрессистской партіи отъ прусской?— Но, конечно, онѣ тожественны!

Порицала ли когда-нибудь за что-нибудь нѣмецкая прогрессистская партія свое прусское крыло? Не доказываетъ ли она своимъ ожесточеннымъ обращеніемъ противъ меня, въ моемъ столкновеніи съ прусской прогрессистской партіей, свое полное тожество съ нею?

Въ программѣ прусской партіи нѣтъ общаго избирательнаго права; она нетолько не вписала его въ свою программу, но вычеркнула изъ нея, когда оно было вписано г. Штрекфусомъ.

Я разсказалъ этотъ фактъ въ моей Лейпцигской рѣчи, которая издана и распространена. Ни одна газета, ни одна душа не опровергла его.

Кромѣ того, господа, гг. Фаухеръ и М. Виртъ прямо объявили въ Лейпцигѣ, что такъ какъ трех-классный избирательный законъ доставилъ такую палату, какъ нынѣшняя прусская, то—каково это покажется?—общаго избирательнаго права вовсе не нужно!!

Берлинская «Народная Газета» говорила еще 21 ноября 1858 г.: «Мы отложили и надолго отложили главный вопросъ демократіи, общее и тайное избирательное право».

Положимъ, что мы простили бы все это; но спрашивается, къ чему привело это буржуазно-либеральное движеніе и къ чему можетъ оно привести? Достигло ли оно хотя своихъ собственныхъ буржуазно-либеральныхъ цѣлей?

Факты теперь у всѣхъ на глазахъ, и каждый можетъ судить о нихъ. Къ чему, спрашиваю, привело буржуазно-либеральное движеніе въ 15 лѣтъ, протекшихъ съ 1848 г., въ теченіе которыхъ демократія держалась въ сторонѣ отъ политики?

Отъ компромисса къ компромиссу, отъ уступки къ уступкѣ, отъ посредничества къ посредничеству оно привело къ тому, что теперь у насъ въ Пруссіи нѣтъ даже того, что въ мелкихъ конституціонныхъ нѣмецкихъ государствахъ существуетъ съ 20-хъ годовъ, нѣтъ даже права утверждать бюджетъ, нѣтъ даже основанія какого бы то ни было конституціоннаго порядка, и мы живемъ подъ чистѣйшимъ самодержавіемъ! *(Браво!)* Такимъ образомъ либеральная буржуазія потеряла одно за другимъ всѣ завоеванія, пріобрѣтенныя въ 1848 г. демократіей цѣною своей крови. Она потеряла ихъ до послѣдняго, въ томъ числѣ даже право утверждать бюджетъ, которымъ сама больше всего дорожила. Но и послѣ этого прогрессистская партія, располагающая въ прусской палатѣ значительнымъ большинствомъ, не могла рѣшиться объявить правительству открытый и рѣшительный разрывъ, а все только препирается и посредничаетъ. Вмѣсто того, чтобы прервать съ правительствомъ всѣ отношенія, что было ея прямой обязанностью, она преспокойно засѣдаетъ съ нимъ за однимъ столомъ послѣ того, что сама объявила его подлежащимъ уголовной отвѣтственности! *(Браво!)*

Въ рѣчахъ своихъ она обвиняла правительство въ ниспроверженіи конституціи. Но это не мѣшаетъ ей спокойно засѣдать, сочиняя поправку за поправкой и такимъ образомъ помогая правительству притворяться, будто существуетъ конституціонный порядокъ.

Она по малодушію сдѣлалась сообщницей, соумышленницей правительства.

Мѣра терпѣнія нашего наконецъ переполнилась, что и должно было быть.

Отчего же я раньше не возсталъ противъ этого? Вѣдь я и вообще крайняя демократія, мы никогда не сомнѣвались, что движеніе, затѣянное либеральной буржуазіей вмѣсто демократическаго, кончится подобнымъ плачевнымъ образомъ.

Мы знали это давно, но считали себя обязанными ждать, пока не явятся факты, способные подѣйствовать на общественное убѣжденіе.

Теперь эти факты готовы. Кто теперь не видитъ, тотъ или слѣпъ, или не хочетъ видѣть.

Стало быть, теперь безсмысленно упрекать меня за разстройство согласія, потому что если высшее благо—доброе согласіе, то почему всѣмъ намъ и съ прогрессистами не броситься въ объятія абсолютистамъ и солдатчинѣ? *(Смѣхъ.)*

Надо знать, съ кѣмъ и съ чѣмъ согласіе; согласіе въ малодушіи, въ недостойномъ поведеніи, въ трусости — не особенное благо.

Гораздо лучше выдѣлить все свѣжее и собрать подъ великимъ и сильнымъ знаменемъ.

Два мѣсяца тому назадъ мнѣ еще возражали, что нашу прогрессистскую партію признаетъ даже вся либеральная печать Англіи. Два мѣсяца тому назадъ это была еще правда. Но прочтите, что писано съ тѣхъ поръ въ «Times», въ «Daily News» и др. уже не противъ правительства нашего, а противъ палатъ. Тамъ прямо говорится, что палата, допускающая такъ обращаться съ собой, есть для народа верхъ позора. *(Браво!)*

Въ чемъ же, стало быть, я былъ не правъ, господа? Развѣ въ томъ, что былъ политикомъ, т. е. зналъ за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ то, что теперь знаютъ всѣ безпристрастные люди?

Докторъ Бюхнеръ задаетъ мнѣ вопросъ: «Отчего вы не подождали, пока буржуазія кончитъ свою борьбу съ военнымъ самодержавіемъ?» На это я могу теперь отвѣтить вамъ съ очевидною истиною: «Я потому не дожидался этого, что никогда ничего подобнаго не дождался бы!»

Либеральной буржуазіи никогда не кончить этой борьбы побѣдоносно. Единственное средство добиться политической свободы заключается опять-таки въ поднятомъ мною движеніи. Я докажу Вамъ это рядомъ доказательствъ, которыя будутъ тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ долѣе будемъ мы углубляться въ нихъ, и потому я прошу Васъ посвятить имъ все Ваше вниманіе.

Я утверждаю, что наша либеральная буржуазія не въ состояніи побѣдить военщины, добиться политической свободы.

Первое и самое слабое доказательство этому въ томъ, что, какъ сословіе, буржуазія загубила свое развитіе въ полуобразованности.

Настоящее просвѣщеніе даетъ силу, полуобразованность отнимаетъ ее.

Но это — самое слабое доказательство. — Взгляните на факты.

Выказывала ли наша буржуазія когда-нибудь такую энергію, какую выказала французская въ 1789 и 1830 гг.? Совершила ли она когда-либо хотя одинъ энергическій поступокъ? — Никогда!

Когда во Франціи Людовикъ XVI вздумалъ распустить учредительное собраніе, буржуазія единогласно отвѣчала ему устами Мирабо: мы уступимъ только силѣ штыковъ.

Въ 1849 г. и въ этомъ городѣ засѣдало учредительное собраніе. Но когда прусскій король велѣлъ депутатамъ разойтись, большинство поспѣшно удрало по домамъ, и только ничтожное меньшинство устояло и переѣхало въ Штуттгартъ. Про королей говорится, что ихъ послѣдній доводъ, ultima ratio regum, — пушка.

Наша буржуазія никогда не рѣшится, что бы тамъ ни было, обратиться къ энергіи подобнаго довода! Ее остановитъ нетолько боязнь правительствъ, но и боязнь народа!

Теперь она надѣется обойти Васъ, но очень хорошо знаетъ, что въ пылу извѣстныхъ событій потеряетъ это вліяніе, и все-еще боится Васъ пуще абсолютизма! Вотъ почему, сколько ни сыплется на нее пинковъ сверху, она все-таки съ визгомъ припадаетъ къ подножью престола и упорно повторяетъ, что не теряетъ надежды. *(Шумныя рукоплесканія.)*

Но чтобы не сказали, что я описываю Вамъ своихъ противниковъ своими красками, позвольте мнѣ характеризовать ихъ Вамъ ихъ собственными словами; позвольте прочесть Вамъ выдержку изъ рѣчи г. Шульце-Делича, произнесенной во Франкфуртѣ (не знаю, въ какомъ) 30-го ноября прошлаго года, стало быть, уже при нынѣшнемъ министерствѣ, при нынѣшнемъ неисправленіи конституціи. Я заимствую этотъ отрывокъ не изъ какой-нибудь демократической газеты, а изъ совершенно преданной ему «Фоссовой Газеты». Онъ говоритъ, что совершить объединеніе Германіи исторически предназначено прусскому правительству вслѣдствіе его положенія въ Германіи; тутъ онъ принимается разглагольствовать слово въ слово такъ:

«Времена абсолютизма, хотѣвшаго управлять судьбами народовъ по своему капризу и себялюбивому произволу, миновали; и въ прусской династіи, такъ многократно благословенной Богомъ, найдется руководитель, который вполнѣ вѣрно пойметъ разъясненный монархическій принципъ и сумѣетъ дать ему вѣсъ на благо собственной странѣ и всей Германіи. Мужество и терпѣніе народа создадутъ въ прусской династіи такого руководителя, если его еще нѣтъ.» *(Хохотъ.)* «Онъ (народъ) доказываетъ свою истинную политическую зрѣлость именно тѣмъ, что въ противоположность другимъ народамъ гнушается революціоннымъ путемъ и приступаетъ къ агитаціи мирной и нравственной.»

И это, господа, говорилось послѣ того, какъ право утверждать бюджетъ было отвергнуто и самовластно предприняты военныя преобразованія на смѣхъ палатѣ! Это говорилось въ то время, когда положеніе дѣлъ въ принципѣ было уже совершенно то же, что теперь!

Итакъ, господа, кто же предаетъ Васъ реакціи, кто же покушается насильно отдать Васъ въ руки прусскимъ реакціонерамъ?

И чтобы Вы пошли подъ такое знамя? И чтобы подъ такимъ знаменемъ можно было надѣяться сломить такую реальную силу, какъ самодержавіе и военщина?

Изъ страха передъ вами хотятъ насильно внушить себѣ надежду на благодать свыше; но неужели можно что-нибудь сдѣлать при этомъ страхѣ передъ низшими, съ этой надеждой на высшихъ?

Знаете, что говоритъ Гете?

Was ist der Philister? Ein hohler Darm
Voll Furcht und Hoffnung, dass Gott erbarm! *(Хохотъ.)*

(Что такое филистеръ? Пустая кишка, полная страха и надежды, что богъ сжалится.)

Подобное филистерское движеніе не можетъ имѣть никакихъ результатовъ, и мы тщетно прождали бы ихъ цѣлые вѣка, цѣлые геологическіе періоды!

Теперь наконецъ я приведу послѣднее и самое рѣшительное доказательство, что либеральная буржуазія не можетъ водворить у насъ политической свободы.

До сихъ поръ я указывалъ Вамъ только факты. Теперь покажу глубокую необходимую причину.

Съ 1848 г. мы потеряли, укрѣпленіе за укрѣпленіемъ, позицію за позиціей, все, что завоевали тогда; Вы понимаете, что подобная 15-ти-лѣтняя исторія не можетъ быть случайна, что она должна имѣть внутреннюю причину, которая по необходимости воспроизводитъ ее.

Я объясню Вамъ эту причину.

Вы увидите, что ею объясняется вся исторія Германіи съ 1848 г. и вся французская исторія съ 1789-го; Вы увидите, что причина ничтожества нашей либеральной буржуазіи въ сравненіи съ французской заключается вовсе не въ одномъ національномъ характерѣ, а гораздо глубже, и что единственное средство добиться политической свободы состоитъ въ томъ, чтобы собраться подъ знамя, которое я сегодня отстаиваю.

Причина эта слѣдующая: теперь нельзя побѣдоносно завоевать одну политическую свободу, потому что за нее нѣтъ никакого матеріальнаго интереса, никакою сословнаго интереса и, стало быть, ни одного сословія.

Кто стоитъ теперь за политическую свободу энергически и самоотверженно? Кто?

Я, да еще какая-нибудь тысяча идеологовъ во всей Германіи.

Подъ идеологами я разумѣю теперь людей, прожившихъ свой вѣкъ въ книгахъ, привыкшихъ существовать въ идеяхъ и готовыхъ всѣмъ пожертвовать для нихъ. Кромѣ этихъ идеологовъ найдется, быть можетъ, по большей мѣрѣ тысячъ 10—15 человѣкъ, разсѣянныхъ по всей Германіи, которые, не будучи идеологами, по природѣ своей одарены горячей любовью къ свободѣ. Что можетъ сдѣлать эта горсть людей? И какое же сословіе стоитъ за политическую свободу?—Ни одно!

Либеральная буржуазія, правда, любитъ свободу, но какъ любятъ украшеніе въ комнатѣ, какъ любятъ красивый нарядъ; если можно получить его, то, конечно, хорошо, а нельзя, то можно и обойтись! За него не полѣзутъ ни въ огонь, ни въ воду.

Для буржуазіи главное — матеріальные интересы, торговля, промышленность, производство; все это требуетъ покоя, а серьезная борьба за свободу нарушила бы этотъ покой въ настоящемъ. Поэтому либеральная буржуазія тѣмъ легче обходится безъ политической свободы, что серьезная борьба за нее нарушила бы спокойствіе, а съ нимъ и ея матеріальные интересы.

Кто же, стало быть, какое сословіе стоитъ за политическую свободу? Работники? Да, на нѣсколько недѣль, на нѣсколько мѣсяцевъ, увлекшись пылкимъ, благороднымъ чувствомъ. Поэтому и въ будущемъ возможны такія минутныя вспышки, какъ въ мартѣ 1848 г., и такія же минутныя побѣды. Но долго и работники не могутъ выстоять за политическую свободу. Это невозможно.

Ихъ слишкомъ поглощаетъ забота о дневной платѣ, о своемъ и семей своихъ существованіи; одной политической свободой они не будутъ сыты, такъ что ихъ преданность ей вскорѣ ослабѣваетъ, и они предоставляютъ дѣламъ идти, какъ знаютъ.

Взгляните съ этой точки зрѣнія на Францію, и Вамъ объяснятся повидимому необъяснимыя противорѣчія французской исторіи, какъ революція 1789 г. и наполеоновскій государственный переворотъ 1851-го.

Революція 1789 г. была вовсе не политическою только; нелѣпо думать это.

Это была революція соціальная, революція матеріальныхъ интересовъ; для буржуазіи дѣло шло объ уничтоженіи феодальнаго производства въ промышленности и земледѣліи и о замѣнѣ его свободною эксплуатаціею капитала, которая теперь всюду господствуетъ.

Для этой цѣли у нея оказались пылъ и энергія.

Это была соціальная революція, и въ 1789 г., какъ и въ 1830-мъ дѣло шло о соціальныхъ матеріальныхъ интересахъ. Со стороны нынѣшняго Наполеона нечего опасаться возстановленія феодальныхъ порядковъ въ производствѣ, нарушенія матеріальныхъ интересовъ буржуазіи. При немъ вопросъ идетъ только о политической свободѣ, и тутъ французская буржуазія оказывается такою же вялой и слабой, какъ и наша, и 12 лѣтъ спокойно терпитъ похищеніе политической свободы.

Еслибы теперь наша буржуазія была заинтересована въ соціальныхъ вольностяхъ, какъ французская въ 1789 г.; еслибы ей приходилось отстаивать свободу капитала и всѣ свои связанные съ ней матеріальные интересы, то и въ ней нашлась бы, быть можетъ, такая же энергія, какою отличалась тогда французская буржуазія.

Но теперь дѣло не въ матеріальныхъ интересахъ. Наши правительства поступили предусмотрительно. Соціальную сторону революціи 1789 г. они ввели сами частью уже давно, а за одну политическую свободу буржуазія не пойдетъ въ огонь, за нее она способна только на благія пожеланія и невинныя упражненія въ краснорѣчіи.

Итакъ, мы видимъ, что за одну политическую свободу не стоитъ и не можетъ стоять ни одно сословіе.

Противъ же нея стоятъ военная партія и дворянство, самодержавіе и бю-

рократія, стоятъ съ величайшей энергіей, со всею энергіею, какую придаетъ отстаиваніе соціальныхъ интересовъ, потому что для этихъ сословій вопросъ идетъ о защитѣ остатковъ своего господства.

Слѣдовательно, за реакцію стоятъ сословія, одаренныя величайшей энергіей, стоящія за нее зубами и ногтями; за политическую же свободу нѣтъ ни одного сословія, никого, кромѣ нѣсколькихъ идеологовъ и мечтателей.

Удивительно ли послѣ этого, что политическая свобода въ теченіе 15 лѣтъ была на каждомъ шагу побѣждаема реакціей? Удивительно ли, что буржуазія не могла и не можетъ выйти побѣдительницей изъ борьбы своей съ военщиной?

Слѣдовательно, величайшій интересъ политической свободы состоитъ въ томъ, чтобы придать ей интересъ сословный, соціальный и притомъ именно интересъ неимущаго сословія, столь безконечно сильнѣйшаго числомъ и энергіей.

Каждый, кто искренно любитъ политическую свободу, долженъ быть благодаренъ мнѣ за это, потому что и политическая свобода побѣдитъ только подъ этимъ знаменемъ!

Теперь Вы видите, господа, какъ лживо обвиняютъ меня въ служеніи реакціи!

Я не говорю, что это неправда! Было бы недостойно меня оправдываться такимъ образомъ.

Рейнскіе работники, среди которыхъ я прожилъ 10 лѣтъ и которые знаютъ меня, съ негодованіемъ возстали въ Дюссельдорфѣ, Золингенѣ, Кельнѣ, Эльберфельдѣ противъ этой гнусной клеветы.

Итакъ, я не говорю, что это обвиненіе несправедливо; я говорю, что несправедливость его извѣстна самимъ обвинителямъ, что, слѣдовательно, они сознательно и позорно солгали, сказавъ какъ разъ противное тому, что сами думаютъ! Либеральная буржуазія опасается отъ меня не реакціи, какъ говоритъ, а наоборотъ, боится, что изъ моей агитаціи черезъ нѣсколько лѣтъ выйдетъ нѣчто, какъ разъ противоположное реакціи!

Дайте мнѣ 500,000 германскихъ работниковъ, которые вступили бы въ мой союзъ — и нашей реакціи не существовало бы! Наша буржуазія знаетъ это; этого-то она и боится, и поэтому-то она такъ яростно напала на меня, обвиняя въ служеніи реакціи; тогда какъ въ дѣйствительности боится отъ меня только серьезнаго служенія политической свободѣ!

Теперь подавайте голоса о предложеніи, которое я подалъ Вашему президенту, такъ какъ въ прошлый разъ не состоялось подачи голосовъ по подобному же поданному мною предложенію.

Подавайте голоса, каждый по совѣсти.

Еще одно замѣчаніе: разрывъ между нами и прогрессистами неизбѣженъ.

Этотъ разрывъ есть отдѣленіе плевелъ отъ зерна. И онъ есть уже совершившійся фактъ! Лейпцигъ, Гамбургъ, Золингенъ, Дюссельдорфъ, Кёльнъ уже не допустятъ спустить знамя этого движенія.

Разрывъ уже произошелъ: теперь уже не время дипломатничать и церемониться; каждый изъ Васъ долженъ по чести и совѣсти отходить къ плевеламъ или къ зерну!

Кромѣ того, я еще не опровергъ недоразумѣнія, будто я хочу поднять особое движеніе съ участіемъ одного рабочаго сословія; я никогда не думалъ этого.

Поднятое мною знамя есть знамя демократіи вообще.

Въ буржуазіи есть хорошіе, здоровые элементы. Я самъ и очень многіе изъ насъ принадлежимъ къ буржуазіи. Всѣ они должны быть и будутъ съ нами заодно.

Вѣдь не могу же я питать вражды къ членамъ сословія, къ которому самъ принадлежу. Я возстаю только противъ соннаго и вялаго движенія, которое буржуазія ведетъ какъ сословіе и можетъ вести только какъ сословіе, противъ либерально прогрессистскаго движенія.

Вопросъ состоитъ вотъ въ чемъ: Должны ли мы со всѣми крѣпкими элементами буржуазіи идти за этимъ безцвѣтнымъ, вялымъ либеральнымъ знаменемъ и заражаться его слабостью? Или не лучше ли намъ увлечь всѣ хорошіе элементы буржуазіи за своимъ знаменемъ и проникнуть ихъ нашей энергіей?

Я вызываю движеніе общее, демократическое, народное, а не сословное только; ни одинъ истинный демократъ не испугается мысли улучшить положеніе работающаго сословія чрезъ собраніе, избранное общею подачею голосовъ. Ни одно истинно демократическое сердце не устрашится того, чтобы соединеніе всей интеллигенціи общества помогло нуждающимся классамъ государственными мѣрами.

Въ этомъ, напротивъ того, заключается истинная выгода всѣхъ сословій.

Помогите же мнѣ держать это знамя, и черезъ годъ окажется все, что имѣетъ въ себѣ хоть каплю демократической крови во всей Германіи! *(Рукоплесканія.)*

Еще одно послѣднее слово. Что бы Вы ни постановили, вы не можете рѣшить, что я не правъ! Я уже оправданъ всѣми истинными людьми науки и современемъ буду оправданъ исторіей, потому что какъ вѣрно, что я теперь стою предъ Вами, такъ вѣрно и то, что настанетъ время, когда осуществятся подобныя государственныя учрежденія.

Въ одномъ только буду я не правъ, если Вы рѣшите противъ меня. Если Вы, если большинство нѣмецкаго рабочаго сословія рѣшитъ противъ меня, то это докажетъ, что нѣмецкое рабочее сословіе еще не созрѣло до пониманія и что, стало быть, я преждевременно задумалъ освобождать его.

Если Вы, если большинство рабочаго нѣмецкаго сословія рѣшитъ противъ меня—да, тогда я скажу г-ну Шульце: вы правы, эти люди еще не дошли до того, чтобы имъ можно было помочь!

Для себя лично, съ точки зрѣнія своего естественнаго эгоизма, я долженъ бы горячо желать, господа, чтобы Вы рѣшили противъ меня, потому что, еслибы Вы, и нетолько Вы, а дѣйствительное большинство нѣмецкаго рабочаго сословія рѣшило противъ меня, — тогда, оправданный наукой и увѣренный, что буду современемъ оправданъ и исторіей, я спокойно удалился бы въ тишь науки и съ грустной усмѣшкой надъ Вашей незрѣлостью наслаждался бы гдѣ-

нибудь на берегу Неаполитанскаго залива благорастворенiями южнаго климата. Я избѣжалъ бы жизни, полной мученій, усилій, непріятностей и трудовъ. Вы видите, какъ легко было бы мнѣ перенести неудачу.

Но Вы, господа, потеряли бы одного изъ лучшихъ друзей Вашего сословія, и не одного меня, а на цѣлые десятки лѣтъ отвадили бы всѣхъ отъ желанія помогать Вашему сословію. Каждый, кому пришло бы это желаніе, подумалъ бы: это сословіе еще незрѣло, примѣръ Лассаля долженъ служить предостереженіемъ! И вотъ почему, при той любви, которую я питаю къ дѣлу рабочаго сословія, я—говорю Вамъ это откровенно, господа, — съ душевнымъ трепетомъ жду Вашего рѣшенія!

Теперь рѣшайте!

(Громкія и продолжительныя рукоплесканія. Нѣсколько ораторовъ говорятъ за и противъ г. Лассаля; около 40 членовъ выходятъ изъ залы и кричатъ виваты Шульце-Деличу; затѣмъ рѣшеніе состоялось въ пользу предложенія г. Лассаля большинствомъ 400 голосовъ противъ 1).

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Помѣщаемъ здѣсь слѣдующіе документы касательно франкфуртскаго собранія:

1) Объявленіе Центральнаго Комитета въ доказательство, что онъ дѣйствительно лишилъ права голоса всѣхъ работниковъ Майнскаго округа, не состоящихъ членами его или рабочихъ образовательныхъ обществъ, чему въ нѣкоторыхъ городахъ не хотѣли вѣрить:

Рабочее собраніе

въ воскресенье, 17 мая, въ 3 часа пополудни, въ большой залѣ Зальнаю зданія."

Порядокъ дня:

1) Предложеніе майнскаго рабочаго образовательнаго общества касательно посѣщенія публичныхъ игорныхъ домовъ.

2) Предложеніе касательно приглашенія лейпцигскаго комитета учрежденія германскаго рабочаго союза на основаніи лассалевской программы.

Зала будетъ открыта съ $2^1/_2$ часовъ.

Нижнее пространство залы предоставляется членамъ рабочихъ обществъ, которые должны при входѣ предъявлять свои билеты.

Галлереи открыты слушателямъ съ платою за входъ по 6 крейцеровъ съ человѣка на покрытіе расходовъ.

Билеты на ложи выдаются съ пятницы 15 мая въ управленіи центральнаго комитета. (Гросе Эшенгеймерштрассе, 31.)

Самостоятельныя предложенія, имѣющія отношеніе къ этой программѣ, принимаются центральнымъ комитетомъ не позже пятницы 15 мая.

Впослѣдствіи иногородныя общества будутъ увѣдомлены, какія дирекціи же-лѣзныхъ дорогъ согласились открыть провозъ по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Центральный комитетъ работниковъ Майнскаго округа.

2) Въ опроверженіе ложнаго извѣстія «Франкфуртской Торговой Газеты» и другихъ либеральныхъ журналовъ, будто 17 мая «большинство работниковъ» вышло изъ залы съ виватами Шульце-Деличу, сообщаемъ заявленіе президента франкфуртскаго рабочаго образовательнаго общества, д-ра Т. Мюллера, помѣщенное въ нѣсколькихъ франкфуртскихъ газетахъ:

Рабочее собраніе 17 мая во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Нѣсколько солганныхъ цифръ.

По счету г. д-ра Гуна въ началѣ собранія присутствовало 527 членовъ рабочихъ обществъ майнскаго округа.

По собственнымъ словамъ нѣкоторыхъ членовъ центральнаго комитета въ залѣ не можетъ помѣститься болѣе 600 человѣкъ.

Въ протоколѣ центральнаго комитета было записано 1300 присутствующихъ будто-бы членовъ рабочихъ обществъ майнскаго округа.

Въ концѣ собранія троекратный виватъ Шульце-Деличу былъ провозглашенъ никакъ не болѣе, какъ 60 лицами, которые въ тоже время вышли изъ залы.

Въ это время лицъ, не принимавшихъ участія въ этихъ крикахъ, присутствовало отъ 200 до 250.

Неугодно ли кому-нибудь возразить на это?

Д-ръ Т. Мюллеръ,
Президентъ рабочаго образовательнаго
общества во Франкфуртѣ на Майнѣ.

3) Въ виду ложныхъ удостовѣреній франкфуртской либеральной печати, будто центральный комитетъ условился съ г. Лассалемъ, чтобы окончаніе его рѣчи было произнесено 14 іюня въ Дармштадтѣ, печатаю здѣсь письмо ко мнѣ изъ Оффенбаха г. Лахмана, предсѣдательствовавшаго въ концѣ собранія 17 мая:

Оффенбахъ, 22 мая 1863.

Многоуважаемый г. Лассаль!

Охотно готовъ отвѣтить на Ваши вопросы по чистой правдѣ, такъ какъ былъ изъ числа немногихъ, искренно не принадлежавшихъ въ этотъ день ни къ одной изъ партій.

Всѣ же прочіе, какъ противники Ваши, такъ и сторонники, и Вы сами (извините меня, милостивый государь, за выраженіе) были увлечены чувствомъ и страстью, такъ что теперь многія слова, которыя въ воскресенье считались ни по чемъ, показались бы рѣзкими. Но къ дѣлу. Передъ концомъ собранія 17 числа на вопросъ мой, согласитесь ли Вы окончить Вашу рѣчь черезъ 4 недѣли здѣсь или въ Дармштадтѣ, если нынѣшнее собраніе придется отсрочить, — Вы отвѣчали громко и внятно: да! и, казалось, даже желали этого. Это слышали кромѣ меня г. А. Кёнигъ (изъ центральнаго комитета) и г. Л. Зоннеманнъ, но дальнѣйшаго совѣщанія объ этомъ не было.

Пока я предсѣдательствовалъ, собранію было неоднократно заявлено, что подача голосовъ будетъ только черезъ 4 недѣли, когда всѣ ораторы ясно и опредѣленно выскажутся за и противъ, такъ что всѣ поймутъ.

Незадолго до закрытія собранія, когда нѣсколько господъ взошло на трибуну, и многіе изъ нихъ обращались къ Вамъ съ вопросами, такъ что о правильномъ соглашеніи нельзя было и помыслить, г. Гейманъ объявилъ съ трибуны, что г. Лассаль докончитъ свою рѣчь во вторникъ вечеромъ въ помѣщеніи общества, и пригласилъ желающихъ туда.

Затѣмъ я закрылъ собраніе.

Впослѣдствіи (когда нарушители порядка удалились) я опять спросилъ Васъ, не желаете ли Вы окончить Вашу рѣчь передъ нами, которые хотимъ дослушать Васъ до конца. Но Вы, милостивый государь, отказались на-отрѣзъ.

Вотъ по чистой правдѣ какъ было дѣло, сколько я помню.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ
А. Лахманъ.

Въ этомъ письмѣ удостовѣряется, что вопросъ президента во время засѣданія, согласенъ ли я вторично пріѣхать, «если собраніе почему-либо будетъ отсрочено», былъ лишь условенъ и не сопровождался никакимъ положительнымъ соглашеніемъ.

Притомъ вопросъ не имѣлъ того смысла, что пріѣду ли я для продолженія своей рѣчи; онъ и не могъ имѣть этого смысла, пока засѣданіе не было закрыто. Никто не могъ знать еще, что я буду принужденъ прервать рѣчь. Я самъ былъ убѣжденъ, что кончу ее и кончилъ бы, потому что собраніе 17 числа было закрыто въ 8 часовъ, а конецъ моей рѣчи былъ произнесенъ 19 числа всего въ $1^1/_2$ часа, такъ что времени было, стало быть, довольно. Вопросъ имѣлъ тотъ смыслъ, согласенъ ли я вернуться 14 іюня для преній, если въ этотъ день противники мои не успѣютъ высказаться. Еслибы меня дослушали до конца, я былъ бы очень радъ вторично пріѣхать выслушать противниковъ и возразить имъ; это я и отвѣчалъ на условные вопросы гг. д-ра Бюхнера и Лахмана.

Но когда умышленное буйство принудило меня прервать рѣчь, я, конечно, уже не могъ имѣть этой готовности; ея и не было дотого, что, по свидѣтельству г. Лахмана, нетолько со мной не состоялось никакого соглашенія, но я еще до конца собранія объявилъ черезъ г. Геймана, что буду продолжать рѣчь 19 мая, и рѣшительно отказался «по удаленіи нарушителей порядка» продолжать ее тотчасъ.

Ф. Лассаль.

II.

ГОСПОДИНЪ ВАКЕРНАГЕЛЬ ИЛИ НОВѢЙШІЙ ГЕРОСТРАТЪ.

Господинъ Вакернагель, новѣйшій Геростратъ, задался цѣлью списать славу, далеко превзойдя всѣ плутни, пущенныя противъ меня въ ходъ въ нынѣшнемъ спорѣ, и пріобрѣсти такимъ образомъ извѣстность, которой мы не будемъ оспаривать.

Для этой цѣли онъ избралъ область, очень пригодную для нея: область цифръ, знакомую весьма немногимъ и въ которой даже способные судить о ней очень рѣдко задаютъ себѣ трудъ прочитывать таблицы, провѣрять вычисленія, критиковать аргументы, служащіе имъ основаніемъ, и такимъ образомъ разоблачать искаженія и грубые обманы, совершаемые съ наглостью, достойною изумленія.

Въ моей франкфуртской рѣчи я уже достаточно изобличилъ искаженія и пожительныя выдумки г. Вакернагеля и доказалъ положительными цифрами, заимствованными изъ офиціальныхъ податныхъ списковъ, что не болѣе $1,^{31}$ процента всего населенія Пруссіи имѣетъ свыше 1,000 тал. дохода и только $4^{6}/_{10}$ процента, считая тутъ и имѣющихъ свыше 1,000, имѣетъ свыше 500 тал. дохода, съ разсчетомъ именно по 5 лицъ на семью.

Я доказалъ это въ моей франкфуртской рѣчи и еще подробнѣе въ моемъ новѣйшемъ сочиненіи «Косвенные Налоги», доказалъ такъ строго и положительно, что мои доказательства недоступны никакимъ извращеніямъ.

Но нечистая совѣсть и жажда славы не даютъ спать г. Вакернагелю. Онъ услыхалъ изъ газетъ о моей франкфуртской рѣчи и поспѣшилъ выступить противъ нея статьей «Лассаль и Статистика», помѣщенной въ «Нѣмецкой Всеобщей Газетѣ» отъ 7-го іюня и дотого наполненной въ каждой фразѣ выдумками, искаженіями и извращеніями, что право трудно настолько преодолѣть отвращеніе къ ней, чтобы отвѣтить на нее.

Но для блага дѣла мы рѣшимся на это.

Пунктъ первый. Г. Вакернагель упрекаетъ меня за то, что я считаю средній доходъ населенія, подлежащаго мучной и мясной пошлинамъ (составляющаго менѣе 2 милліоновъ), одинаковымъ съ среднимъ доходомъ классноподатнаго населенія (которое простирается до 15 милліоновъ). Этотъ упрекъ доказываетъ только невѣжество г. Вакернагеля. Въ статистикѣ такой пріемъ общеупотребителенъ. Доказательство: Извѣстія статистическаго комитета т. с. Дитерици, Bd. II, p. 117: «Можно попытаться вычислить на основаніи классноподатной оцѣнки на 1846 г. доходъ или вообще состояніе отцевъ семействъ и самостоятельныхъ отдѣльныхъ лицъ во всемъ Прусскомъ государствѣ, принявъ ту же оцѣнку въ разныхъ степеняхъ класснаго налога и для населенія, подлежащаго мучной и мясной пошлинамъ» и т. д.

Мало Вамъ этого доказательства, г. Вакернагель? Если мало, то загляните въ офиціальное изданіе королевско-прусскаго министерства финансовъ, представленное палатамъ при первомъ предложеніи нынѣшняго подоходнаго податного закона; въ этомъ первомъ проектѣ предполагалось ввести классный законъ и въ округахъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ (№ 172 печатныхъ документовъ 2-й палаты, 1849 г.). Тамъ сказано (p. 35): «Единственныя сколько-нибудь вѣрныя данныя для разсчета предстоящаго дохода съ подоходнаго налога представляютъ списки нынѣ существующаго класснаго налога; въ нихъ показано число подлежащихъ налогу семействъ и лицъ въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ до сихъ поръ классному налогу, и оцѣнены по-

общимъ признакамъ ихъ имущества; на основаніи этого можно разсчитать, какъ великъ можетъ быть сборъ новаго налога и съ городовъ, подчиненныхъ мучной и мясной пошлинамъ, пропорціонально имущественнымъ условіямъ ихъ населенія».

Пунктъ второй. — Въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я говорилъ, что сообщаю «съ совершенною точностью» результаты вычисленія, предпринятаго Дитерици, Bd. IV, p. 226, на основаніи стараго классно-податного налога. По этому разсчету:

«1/2 процента населенія имѣетъ свыше 1,000 т. дохода».

Я сообщилъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ» этотъ разсчетъ для краткости. Во франкфуртской же рѣчи я взялъ болѣе подробный разсчетъ VII тома, p. 179 sqq., извѣстій статистическаго комитета, сдѣланный на основаніи податныхъ списковъ на 1853 г. новаго подоходнаго налога 1851 года. По этому разсчету оказывается, что во всей Пруссіи было въ то время 44,407 лицъ, имѣющихъ свыше 1,000 т. дохода. Дитерици замѣчаетъ по поводу этихъ списковъ: «Такимъ образомъ классифицированному подоходному налогу подлежитъ 44,407 лицъ; полагая, что каждое лицо представляетъ семью изъ 5 членовъ, получаемъ 222,035 душъ, могущихъ назваться зажиточными, т. е. едва 1,31 процента всего населенія государства, простирающагося до 16,869,786 душъ.»

Я цитировалъ это замѣчаніе во франкфуртской рѣчи, и г. Вакернагель восклицаетъ по этому поводу: «Итакъ, «совершенная точность» 1/2 процента хватила только съ 1-го марта по 17-е мая.»

Что за безсмыслица! Оба раза я цитировалъ, и слѣдовательно, оба раза «совершенная точность» относится къ цитированнымъ текстамъ. Притомъ есть ли какая-нибудь разница для занимающаго насъ вопроса въ томъ, составляетъ ли число зажиточныхъ лицъ въ государствѣ 1/2 процента или 1,31 процента населенія? Для кого же Вы пишите, г. Вакернагель, скажите на милость, что рѣшаетесь городить такую чепуху? Сверхъ того, я замѣтилъ еще во Франкфуртѣ, что число 1,31 процента вышло у Дитерици отъ помноженія числа 44,407, подлежащихъ налогу, на 5, что преувеличено, такъ какъ, вопервыхъ, въ этомъ числѣ есть много одинокихъ лицъ, а вовторыхъ, въ семьяхъ высшихъ сословій нельзя полагать среднимъ числомъ по 5 лицъ, какъ полагается въ семьяхъ населенія вообще.

Г. Вакернагель разсуждаетъ далѣе: «Лассаль просто не сообразилъ, что процентъ Дитерици относится не къ общей цифрѣ населенія, а только къ числу платящихъ налогъ лицъ (семей и одиночныхъ плательщиковъ)». Это совершенная безсмыслица, такъ что даже непонятно, что онъ хочетъ сказать. То ли, что зачѣмъ я перенесъ разсчетъ населенія, подлежащаго классному налогу, на подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ? Въ такомъ случаѣ этотъ упрекъ уже опровергнутъ первымъ пунктомъ. А если не то, такъ это совершенная безсмыслица, потому что семьи и одиночные плательщики и составляютъ все подлежащее налогу населеніе!

Г. Вакернагель продолжаетъ: «Лассаль совершенно произвольно дѣлаетъ

эту поправку и повышаетъ на 1853 годъ свой первый классъ съ $^1/_2$ процента на $1^3/_{10}{}^0/_0$, какъ-будто это ровно ничего не значитъ.» Г. Вакернагель, никакой поправки я не дѣлаю, а оба раза цитирую Дитерици. Притомъ совершенно справедливо, что разница между $^1/_2{}^0/_0$ и $1^3/_{10}{}^0/_0$, — да еще послѣдняя цифра вдобавокъ явно преувеличена, — «ровно ничего не значитъ».

Далѣе Вы говорите: «Однако, казалось бы, Лассалю слѣдовало призадуматься надъ своимъ разсчетомъ, видя, что первый классъ его выросъ больше, чѣмъ втрое, съ $^4/_{10}{}^0/_0$ на $1^3/_{10}{}^0/_0$ (по настоящему Вамъ слѣдовало бы сказать: выросъ больше, чѣмъ вдвое, съ $^1/_2{}^0/_0$, какъ я цитировалъ по Дитерици, Bd. IV, p. 226, въ «Гласномъ Отвѣтѣ», на $1^3/_{10}{}^0/_0$, какъ я цитировалъ по Дитерици, Bd. VII, p. 179, во франкфуртской рѣчи), а второй поднялся съ $3^1/_4{}^0/_0$ только на $3^3/_{10}{}^0/_0$. Но Лассаль торопится пройти мимо, да еще упрекаетъ противниковъ въ искаженіи цифръ.»

Нѣтъ, г. Вакернагель, тутъ не надъ чѣмъ задумываться ни мнѣ, ни кому другому, кто не имѣетъ намѣренія плутовать въ вычисленіяхъ!

Разочетъ $^1/_2{}^0/_0$ основанъ на податныхъ спискахъ, составленныхъ по закону 1820 г. Разсчетъ $1^3/_{10}{}^0/_0$—на спискахъ новаго подоходнаго налога закона 1-го мая 1851 г. Слѣдовательно, удивляться рѣшительно нечему, что два разные податные закона оказываютъ въ своихъ результатахъ нѣкоторую разницу, притомъ очень незначительную. Это тѣмъ менѣе удивительно, что, какъ извѣстно, новый податной законъ 1851 г. изданъ съ нарочитой цѣлью возвысить сборъ съ имущихъ классовъ вслѣдствіе усиленія финансовой потребности государства. Въ объясненіи мотивовъ проекта закона прямо сказано, что до сихъ поръ этого нельзя было сдѣлать, потому что, при высшемъ размѣрѣ налога во 144 талера, власти, которымъ ввѣрена оцѣнка доходовъ, не рѣшались по естественному чувству справедливости оцѣнивать съ строгой точностью доходы лицъ, пользующихся лишь умѣреннымъ достаткомъ. Новый законъ долженъ устранить это зло умноженіемъ степеней налога, такъ что отнынѣ власти должны будутъ оцѣнивать строже, и онѣ дѣйствительно стали оцѣнивать точнѣе. Слѣдовательно, главною цѣлью и естественнымъ результатомъ новаго закона было умноженіе числа лицъ перваго класса, т. е. причисленныхъ къ имѣющимъ свыше 1,000 тал. дохода. Но такъ какъ въ первомъ податномъ классѣ (платящемъ такъ-называемый классифицированный подоходный налогъ) состояло удивительно ничтожное число лицъ, то прибавка къ нему и очень небольшого числа новыхъ плательщиковъ классифицированнаго налога, понятно, весьма значительно возвысила процентное отношеніе этого класса къ общему числу населенія. Если прежде къ этому классу принадлежало $^1/_2{}^0/_0$ населенія и потомъ прибавилось только $^8/_{10}{}^0/_0$, то это составило уже 1 и $^3/_{10}{}^0/_0$, т. е. болѣе чѣмъ удвоило процентное отношеніе этого класса къ общему числу населенія.

Что касается другихъ классовъ податнаго закона (т. е. классовъ, имѣющихъ менѣе 1000 т. дохода), то законъ вовсе и не имѣлъ въ виду умножать до такой степени число принадлежащихъ къ нимъ плательщиковъ! Оно должно было даже съ одной стороны нѣсколько уменьшиться, потому что многіе изъ

принадлежащихъ къ этимъ классамъ перешли теперь въ число плательщиковъ классифицированнаго подоходнаго налога. Притомъ прибавка къ остальнымъ классамъ такого числа лицъ, какое удвоило процентное отношеніе перваго класса, подняло бы ихъ процентное отношеніе къ общему числу населенія въ несравненно меньшей степени, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ гораздо больше лицъ.

Можетъ быть, Вы человѣкъ очень ограниченный, г. Вакернагель; это даже несомнѣнно. Но какъ бы Вы ни были ограничены, вы не могли не сообразить такихъ простыхъ, элементарныхъ фактовъ, и стало быть, Ваше «удивленіе» тому, что̀ иначе и быть не могло, какъ Вамъ самимъ a priori очевидно, происходитъ только отъ страсти къ плутовству и извращенію.

Пунктъ третій. Вслѣдъ затѣмъ Вы говорите: «Мы изобличимъ неловкое передергиваніе Лассаля, чтобы всѣ знали, кто плутуетъ въ цифрахъ. (Берегитесь, г. Вакернагель! Вы обвиняете меня въ плутовствѣ! Этимъ упрекомъ Вы принуждаете меня пожертвовать временемъ и терпѣніемъ на опроверженіе Вашей ерунды, на опроверженіе подробное, потому что дѣлается оно въ послѣдній разъ. Безъ этого упрека я предоставилъ бы читателямъ самимъ разбирать Ваши безсмыслицы. Но если окажется какъ разъ противное тому, что Вы утверждаете, т. е., что не я, а Вы лжете и плутуете, то я проучу Васъ съ неумолимою строгостью!) Лассаль позволяетъ себѣ смѣшивать второй классъ своего «Гласнаго Отвѣта» — доходъ 1000—400 т. — съ третьимъ разрядомъ закона 1 мая 1851, § 9, классомъ гораздо тѣснѣе ограниченнымъ, съ доходомъ 1000—500 т.; такимъ образомъ онъ сбрасываетъ незамѣтно подъ столъ, не говоря ни слова, двѣ верхнія ступени налога (7 и 8-ую втораго разряда), обнимающія по Дитерици доходы въ 500 — 400 т.! Вотъ такъ шулерская штука!»

На эти неутомимыя извращенія я отвѣчу слѣдующее.

Вопервыхъ: въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я самъ не вычислялъ по недостатку мѣста въ этой короткой брошюрѣ, а въ немногихъ строкахъ сообщилъ вкратцѣ вычисленіе статистика, признаннаго авторитетомъ и дѣлавшаго свой разсчетъ на основаніи офиціальныхъ источниковъ, вычисленіе Дитерици за 1850 г., основанное еще на старомъ классноподатномъ законѣ 1820 г. и сообразно ему распредѣленное на 5 классовъ, изъ коихъ первый заключаетъ доходъ свыше 1000 т., а второй — доходъ 400—1000 т.

Въ моей франкфуртской рѣчи и въ моемъ новѣйшемъ сочиненіи «Косвенные Налоги», которое Вы знаете, потому что цитируете, я, пользуясь большимъ просторомъ, предпринялъ самостоятельное вычисленіе. Въ основаніе его я беру, конечно, уже новый податной законъ 1851 г. и его результаты за 1853 г., опубликованные государствомъ. Притомъ я, разумѣется, долженъ держаться подраздѣленій и классовъ новаго закона. Понятно ли это Вамъ, г. Вакернагель? Новый законъ раздѣляется на классифицированный подоходный налогъ и классный налогъ, который въ свою очередь распадается на три разряда или 12 степеней въ восходящей линіи. Относительно классифицированнаго подоходнаго налога самимъ закономъ установлено, какой величины доходы подлежатъ ему; относительно классной подати это опредѣлено циркуляромъ ко-

рол. министерства финансовъ отъ 8 мая 1851 г. для третьяго разряда его, обнимающаго степени 9, 10, 11 и 12. Этимъ циркуляромъ предписано отнести

къ 12 степени доходъ въ 1000—900 т.,
къ 11 » » » 900—800 т.,
къ 10 » » » 800—650 т.,
къ 9 » » » 650—500 т.

Для дальнѣйшихъ степеней (1—8) не установлено опредѣленныхъ величинъ дохода, нѣтъ указанія, какой доходъ подлежитъ каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ законъ и правительственное распоряженіе идутъ въ своей классификаціи только до 500 т. дохода. Чему же Вы удивляетесь, г. Вакернагель, что и я не могу идти въ численномъ разсчетѣ ниже этой цифры? Какая же тутъ «шулерская штука» въ томъ, что я не предпринимаю произвольной оцѣнки и потому не хочу идти дальше того, насколько простирается положительное основаніе закона и правительственнаго предписанія?

Но далѣе. Все это и Вы случайно знали, потому что все это есть въ статьѣ Дитерици, помѣщенной въ VII Bd. Извѣстій Стат. Ком. p. 170 sqq. и на которую я ссылался во франкфуртской рѣчи и въ моемъ новѣйшемъ сочиненіи «Косвенные Налоги». Правда, прежде Вы не знали этой статьи, потому что иначе не нагородили бы такой ерунды въ своей брошюрѣ, не выступили бы съ древней таблицей чиновъ вычислять по ней нынѣшнія имущественныя отношенія и т. д. Но теперь Вы узнали о ней изъ этихъ двухъ рѣчей моихъ и стали сами цитировать ее. Стало быть, теперь Вы знаете ее. Но такъ какъ Вы знаете ее и всѣ эти только-что приведенные изъ нея факты, то спрашивается, какъ хватаетъ у Васъ безстыдства и безсовѣстности упрекать меня въ «шулерской штукѣ» за то, что я не хочу теряться въ предположеніяхъ и покидать положительныя основанія офиціальныхъ данныхъ?

Но это еще не все!

Въ статьѣ этой (Bd. VII, p. 175) Дитерици дѣлаетъ приблизительное предположеніе о величинѣ доходовъ низшихъ степеней, неопредѣленныхъ министерствомъ финансовъ. Теперь Вы ссылаетесь на это предположеніе Дитерици, совершенно перевирая его, какъ я докажу ниже. Но въ прежней Вашей брошюрѣ Вы именно отвергали какъ совершенно произвольное и бездоказательное предположеніе Дитерици о величинѣ доходовъ, соотвѣтствующихъ старымъ степенямъ класснаго налога. Вотъ чтобы отнять у подобныхъ Вамъ мелочныхъ спорщиковъ всякій предлогъ къ лаю, я и рѣшился держаться при новомъ подробномъ вычисленіи только достовѣрнаго офиціальнаго матеріала, избѣгая всякихъ произвольныхъ гипотезъ. А Вы называете это «шулерской штукой»!

Вовторыхъ: Для какихъ идіотовъ Вы пишите, г. Вакернагель? Какая важность для разбираемаго вопроса, для соціальнаго вопроса, въ томъ, имѣютъ ли столько-то процентовъ населенія 500 или 400 т. дохода на семью изъ 5 лицъ? Никакой, г. Вакернагель! Вѣдь Вы никого не разубѣдите, г. Вакернагель, въ томъ, что люди, имѣющіе 500 т. дохода въ годъ на семью изъ 5 лицъ, принадлежатъ къ неимущимъ классамъ, находятся въ «недостаточномъ, отѣснен-

номъ положеніи»! Слѣдовательно, еслибы было доказано, что во франкфуртской рѣчи я доказалъ, что только съ небольшимъ 4% населенія имѣютъ 500 и болѣе т. дохода и что, стало быть, 95 слишкомъ процентовъ населенія имѣютъ менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, то этимъ было бы вполнѣ доказано то, что я сказалъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ», что «89—96 % населенія находятся въ угнетенномъ, нуждающемся положеніи».

Пунктъ четвертый. Теперь принимаемся за главное! Вы затѣваете съ своей стороны вычислить, сколько процентовъ населенія имѣютъ 500—400 т. дохода, чтобы пополнить мой разсчетъ, идущій только до 500 т. дохода, и такимъ образомъ исправить его. Съ этой мыслью Вы послѣ словъ: «Вотъ такъ шулерская штука» принимаетесь разсуждать такъ: «Въ 7-й степени было 73,383 плательщика, въ 8-й — 32,721, итого, 106,144 человѣка; причисляя это число къ 91,530 плательщикамъ 3 разряда, получаемъ во второмъ Лассалевскомъ классѣ (имѣющихъ 1000—400 т. дохода) 197,644 плательщика, а помноживъ этотъ итогъ на 5 — 988,220 душъ, замѣтьте, только въ мѣстностяхъ, подлежащихъ классному налогу! Къ этому числу надо еще причислить души съ одинаковымъ достаткомъ, живущія въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ.

«Въ 1853 году на 14,931,551 душу населенія мѣстностей, подлежащихъ классному налогу, приходилось въ первомъ классѣ 5×21,639, т. е. 108,195 душъ или 0,^{725} % имѣющихъ 1000 и болѣе т. семейнаго дохода; между тѣмъ въ мѣстностяхъ подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ на 1,938,235 душъ населенія приходилось 5×22,768=113,840 (итого 222,035) душъ, т. е. 5,^{875} %, какъ явствуетъ изъ таблицы въ Изв. Стат. Ком. Bd. VII, p. 206; слѣдовательно, и для 2-го класса, къ которому въ мѣстностяхъ классноподатныхъ принадлежатъ 988,220 (т. е. 6,^{6} %) душъ, надо принять въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, соотвѣтствующее процентное отношеніе, которое дастъ 1,039,779 (53,^{6} %) душъ. Общій итогъ 2,029,999 душъ составитъ 12% общаго числа населенія, 16,869,786 душъ, а не 3¼ %, какъ сказано въ «Гласномъ Отвѣтѣ».»

Въ этомъ интересномъ вычисленіи скрываются двѣ плутни, которыя я сейчасъ покажу:

1) Откуда берете Вы цифры класснаго налога? Вы справедливо заимствуете ихъ изъ VII т. Изв. Стат. Ком., которыя я Вамъ указалъ. Число 91,530 лицъ (число принадлежащихъ къ 3-му податному разряду, 12—9 степенямъ, съ доходомъ 1000—500 т., какъ опредѣлено циркуляромъ министерства финансовъ) совершенно вѣрно и вычислено въ моей франкфуртской рѣчи. Но Вы хотите идти далѣе и разсчитать доходъ до 400 тал. Съ этою цѣлью Вы берете 32,721 лицо 8-й степени и 73,393 лица 7-й степени; цифры и тутъ приведены вѣрно. Но кто сказалъ Вамъ, что плательщики 7-й степени имѣютъ еще 400 т. дохода (плательщики 8-й конечно имѣютъ)? Вы ссылаетесь на предположеніе Дитерици. Вы говорите: «Онъ (Лассаль) сбрасываетъ незамѣтно подъ столъ, не говоря ни слова, двѣ верхнія степени налога (7 и 8-ю 2-го разряда), обнимающія по Дитерици доходы въ 500—400 т.» А въ примѣчаніи

къ этому говорите еще положительнѣе: «Второй разрядъ обнимаетъ по Дитерици (Bd. VII, l. c.) доходы въ 250—500 т. и раздѣляется на 5 степеней (4—8), изъ которыхъ каждая простирается на 50 талеровъ».

Прочитавъ это, не подумаетъ ли всякій, что по Дитерици каждая изъ этихъ пяти степеней простирается на 50 талеровъ, такъ что по Дитерици и принадлежащіе къ 7-й степени должны имѣть еще 400 т. дохода (450—400)?

Но Дитерици ничего подобнаго не говоритъ!

Вотъ его подлинныя слова, въ которыхъ онъ дѣлаетъ это предположеніе, совершенно лишь приблизительное и не основанное ни на какихъ разсчетахъ (Bd. VII, p. 175): «Если хотимъ имѣть приблизительное понятіе о доходахъ этого класса, то можно предположить, что онъ заключаетъ въ себѣ три разряда людей: имѣющихъ ежегодно 250—300 и 320 т., 320—400 т., 400—500 т. дохода.»

Итакъ, Дитерици ни единымъ словомъ не выражаетъ предположенія, чтобы каждая степень этого класса должна была простираться на 50 талер. Онъ раздѣляетъ его на три степени, изъ коихъ первая простирается на 50—70 т., вторая на 80, третья на 100 талеровъ. Онъ раздѣляетъ разрядъ, состоящій изъ 5 степеней налога, только на три степени дохода; поэтому невозможно сказать, какъ предполагалъ онъ составить ихъ, включить ли въ свой послѣдній разрядъ дохода только послѣднюю (8-ю) степень налога, или двѣ послѣднія, 7-ю и 8-ю. Судя по его словамъ и по тому обстоятельству, что чѣмъ выше у него степень, тѣмъ больше допускаетъ разницы въ доходѣ, можно скорѣе предположить, что къ послѣдней изъ нихъ (400—500 т.) онъ причисляетъ только послѣднюю (8-ю) степень налога и, стало быть, считаетъ податныхъ 7-й степени имѣющими менѣе 400 т. дохода.

Вы же дѣлаете совершенно произвольное и ни на чемъ не основанное предположеніе, выдумываете, что «каждая изъ этихъ 5 степеней простирается на 50 т.», ложно приписываете эту выдумку Дитерици и послѣ всего этого смѣло разсуждаете о «двухъ верхнихъ степеняхъ налога (7-й и 8-й), обнимающихъ по Дитерици доходы въ 500—400 т.»

Причина всѣхъ этихъ продѣлокъ очень понятна. Иначе Вы не имѣли бы никакого права причислить податныхъ 7-й степени налога къ имѣющимъ свыше 400 т. дохода. Слѣдовательно, Вы потеряли бы двѣ трети тѣхъ 106,144 классноподатныхъ лицъ съ доходомъ 500—400 т., которыхъ хотите во что бы то ни стало присоединить къ моему разсчету. Вы потеряли бы всѣхъ классноподатныхъ 7-й степени, т. е. 73,393 лица, и должны бы были удовольствоваться одною 8-ю степенью, т. е. всего 32,721 классноподатными съ доходомъ 500—400 т. Столь ничтожная добыча могла бы, разумѣется, только повредить Вашимъ цѣлямъ, вмѣсто того, чтобы послужить имъ, и вотъ Вы посредствомъ извращенія словъ Дитерици добываете болѣе увѣсистое число 73,393 классноподатныхъ. Эта добыча при Вашемъ ужасающемъ способѣ отыскивать число обязанныхъ мучною и мясною пошлинами по числу классноподатныхъ даетъ Вамъ возможность вывести итогъ, значительно расходящійся съ моимъ.

2) Теперь примемся за этотъ ужасающій разсчетъ, представляющій плутню несравненно большихъ размѣровъ. Тайна способа, которымъ Вы получили 12% населенія съ доходомъ свыше 400 т. на семью изъ 5 лицъ, заключается въ слѣдующихъ уже цитированныхъ словахъ Вашихъ: «и для 2-го класса, къ которому въ мѣстностяхъ классноподатныхъ принадлежитъ 988,220 (т. е. 6,^{6}%) душъ, надо принять въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, соотвѣтствующее процентное отношеніе, которое дастъ 1,039,779 (53,^{6}%) душъ. Общій итогъ 2,027,999 душъ составитъ 12% общаго числа населенія, 16,869,786 душъ, а не 3$^{1}/_{4}$%, какъ сказано въ «Гласномъ Отвѣтѣ».»

Итакъ «надо принять соотвѣтствующее процентное отношеніе»!

Потерпите минутку, примѣрный счетчикъ!

По цитируемой Вами указанной Вамъ мною статьѣ Дитерици въ VII томѣ Изв. Стат. Ком., въ то время (1853) классноподатнаго населенія было 14,931,551 душа, а обязаннаго мучной и мясной пошлинами только 1,938,235 душъ; тѣмъ неменѣе изъ числа первыхъ классифицированному подоходному налогу подлежали, т. е. имѣли свыше 1000 т. дохода, 21,639 лицъ, а изъ числа вторыхъ—22,768 лицъ (см. Дитерици, тамъ же, р. 180), стало быть, какъ Вы сами замѣчаете, по процентному отношенію—вторыхъ въ восемь разъ больше, чѣмъ первыхъ.

Въ этой-то восьмерной пропорціи вычисляете Вы и число имѣющихъ 1000—400 т. дохода въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ!

Ахъ, Вы, архи-плутъ!

Весьма естественно, что изъ ничтожной горсти людей, имѣющихъ свыше 1000 т. дохода, изъ 44,407 лицъ, подлежащихъ классифицированному подоходному налогу, въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, живетъ въ восемь разъ больше, пропорціонально населенію, чѣмъ въ классноподатныхъ мѣстностяхъ.

Въ большихъ городахъ толпятся всѣ богатые, всѣ живущіе рентами, крупные промышленники, купцы, банкиры, центральныя и провинціальныя власти, высшіе суды, университеты, высшіе офицеры и пр. и пр. Слѣдовательно, очень естественно и совершенно необходимо, чтобы подобныхъ людей встрѣчалось въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, сравнительно въ восемь разъ больше, чѣмъ въ другихъ.

И изъ этого Вы заключаете, г. Вакернагель, что та же пропорція относится и ко всей массѣ населенія большихъ городовъ? Вы думаете, что и 12—7 степени класснаго налога имѣютъ въ большихъ городахъ въ восемь разъ больше представителей, чѣмъ въ классноподатныхъ городахъ и мѣстностяхъ?

Куда же дѣваются въ Вашемъ разсчетѣ фабричные работники, ремесленники, подмастерья, слуги, мелкіе чиновники и бѣдная мелкая буржуазія разнаго рода, изъ которыхъ состоитъ главная масса населенія большихъ городовъ?

Уже не думаете ли Вы, г. Вакернагель, что въ большихъ городахъ работники, ремесленники, мелкіе чиновники, мелкіе буржуазы получаютъ въ

восемь разъ больше дохода, чѣмъ въ классноподатныхъ городахъ и округахъ?

Этой безсмыслицей Вы принуждаете себя сказать, что въ большихъ городахъ «нельзя указать никакого процента населенія для низшихъ степеней (4-й, 5-й и 6-й) 2-го разряда»! Вы принуждаете себя этою безсмыслицею къ дальнѣйшей безсмыслицѣ—утверждать, что въ большихъ городахъ «постепенно исчезаютъ» семьи съ 400 и ниже т. дохода!

Во франкфуртской рѣчи я показалъ число доходовъ, превышающихъ 1000 т., показалъ на основаніи офиціальныхъ податныхъ списковъ, которые касательно этой цифры дохода одинаково положительны, какъ для классноподатныхъ мѣстностей, такъ и для подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ. На основаніи офиціальныхъ же классноподатныхъ списковъ показаны доходы въ 1000—500 т.; число же такихъ доходовъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ (населеніе которыхъ составляетъ только $^1/_8$ всего населенія), я вычислилъ просто по проценту населенія, принявъ, что среднимъ числомъ каждой степени класснаго налога соотвѣтствуетъ пропорціонально такое же число въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ (см. 1-й пунктъ).

Вамъ, г. Вакернагель, этотъ способъ вычисленія неудобенъ. Вы знаете другой, гораздо болѣе точный. Вы просто принимаете за норму совершенно не нормальное и исключительное процентное отношеніе, въ которомъ состоитъ и долженъ состоять къ общему числу населенія классифицированный подоходный налогъ, т. е. доходъ свыше 1000 т., въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ. Это исключеніе, это восьмикратно преувеличенное процентное отношеніе Вы наивно принимаете за необходимое правило и для класснаго налога, вслѣдствіе чего масса населенія большихъ городовъ, не имѣющая такого дохода, конечно пропадаетъ, неизвѣстно куда!

Ахъ, Вы, архи-плутъ!

Правда, можно допустить, что въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, пропорція высшихъ и нѣкоторыхъ среднихъ степеней класснаго налога до нѣкоторой степени выше, чѣмъ въ классноподатныхъ. Тѣмъ неменѣе я имѣлъ полное право не входить во франкфуртской рѣчи въ изслѣдованіе этой разницы; я имѣлъ на это троякое основаніе:

1) Для точнаго опредѣленія въ цифрахъ этой разницы не существуетъ ни малѣйшихъ положительныхъ данныхъ, такъ что пришлось бы прибѣгнуть къ совершенно произвольнымъ, гадательнымъ гипотезамъ; 2) могущая быть тутъ разница вполнѣ вознаграждается преувеличеннымъ предположеніемъ, что каждый налогоплательщикъ зажиточнаго класса представляетъ семью изъ 5 лицъ; 3) наконецъ, помимо всего этого, если разложить болѣе благопріятное числовое отношеніе имущихъ къ неимущимъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, на общее число населенія, въ восемь разъ превышающее населеніе этихъ мѣстностей, то получится совершенно ничтожная разница въ процентныхъ отношеніяхъ степеней дохода къ общему числу населенія, а дѣло идетъ именно объ этихъ процентныхъ отношеніяхъ.

Это я вамъ и докажу въ заключеніе, г. Вакернагель.

Предлагая палатамъ на разсмотрѣніе первоначальный проэктъ закона 1 мая 1851 г., въ которомъ предполагалось отмѣнить мучную и мясную пошлину и ввести во всемъ государствѣ подоходный и классный налогъ (№№ 171 и 172 актовъ палаты, томъ II, годъ 1849), кор. прусское министерство финансовъ присовокупило къ этому проэкту «разсчетъ дохода, который можетъ доставить предлагаемый подоходный и классный налогъ». Въ этомъ разсчетѣ министерство предполагаетъ, что въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, къ классифицированному подоходному налогу и къ высшимъ степенямъ класснаго налога будетъ причислено «втрое больше налогоплательщиковъ» пропорціонально населенію, чѣмъ въ классноподатныхъ мѣстностяхъ. Это разсчетъ средній, обнимающій за одно съ высшими степенями класснаго налога и классифицированный подоходный налогъ, гдѣ, какъ извѣстно, пропорція въ восемь разъ больше; слѣдовательно, для однѣхъ высшихъ степеней класснаго налога она гораздо меньше тройной, если въ среднемъ разсчетѣ восьмерная пропорція классифицированнаго налога оказывается лишь тройной.

Но оставимъ это соображеніе въ сторонѣ и предположимъ, что и для однѣхъ высшихъ степеней класснаго налога существуетъ тройная пропорція. Что же получаемъ въ результатѣ?

Вопервыхъ, посмотрите, какая выходитъ громадная разница съ Вашимъ восьмернымъ разсчетомъ! Предполагая для мѣстностей, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, тройную пропорцію, прусское министерство финансовъ получаетъ въ результатѣ въ тѣхъ самыхъ степеняхъ налога, которыя Вы разсчитывали, 213,600 налогоплательщиковъ во всемъ государствѣ, какъ въ классноподатныхъ мѣстностяхъ, такъ и въ подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ.

Вы же съ Вашей восьмерной пропорціей находите 1,039,779 душъ, что даетъ по раздѣленіи на 5 ни болѣе, ни менѣе какъ 207,955 налогоплательщиковъ этихъ степеней въ однѣхъ только подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ мѣстностяхъ, т. е. въ $^1/_8$ населенія!

Ахъ, Вы, архи-плутъ!

Касательно числа налогоплательщиковъ низшихъ степеней, въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, министерство финансовъ говоритъ просто (S. 72): «Что касается низшихъ разрядовъ, то будущій доходъ класснаго налога по плану § 34 проэкта можно вычислить очень просто, прибавивъ къ извѣстному нынѣ числу податныхъ семей и одинокихъ плательщиковъ каждой степени—пропорціональное числу населенія подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ мѣстностей число приходящихся съ нихъ на каждую степень налога податныхъ семей и одинокихъ плательщиковъ.» Вы же необходимо приходите къ тому результату, что въ большихъ городахъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, семьи съ 400 и менѣе т. дохода «постепенно исчезаютъ».

Ахъ, Вы, архи-плутъ!

Однако повѣримъ-ка Вашъ разсчетъ, принявъ для большихъ городовъ предполагаемую министерствомъ финансовъ тройную пропорцію.

Мы увидимъ, какую ничтожную разницу это составитъ съ моимъ разсчетомъ, когда мы распредѣлимъ полученное процентное отношеніе на общее число населенія.

По Вашему разсчету изъ подлежащихъ классному налогу—988,220 душъ, т. е. 6,^{6} % классноподатнаго населенія, имѣютъ 1000—400 т. дохода на семью изъ 5 душъ. Слѣдовательно, для населенія мѣстностей, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, надо взять тройную пропорцію или круглымъ числомъ 19$^1/_2$ %; съ населенія въ 1,938,235 душъ это составляетъ 376,952 души въ такомъ же положеніи; такимъ образомъ имѣемъ 988,220 + 376,952=1,365,172 души, т. е. 8% всего населенія государства имѣющихъ свыше 400 т. дохода (кромѣ 1$^3/_{10}$ % имѣющихъ свыше 1000 т.) на семью изъ 5 лицъ. Всѣ Ваши возраженія противъ моего положенія, что «89—96% населенія находятся въ нуждѣ», сводятся стало-быть на то, что 1$^3/_{10}$+8= 9$^3/_{10}$ % всего населенія имѣютъ свыше 400 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, и что, слѣдовательно, — слышите Вы, дрязга! — не 89—96%, а 90$^7/_{10}$ процентовъ населенія находятся въ нуждѣ!

Но не забывайте, г. Вакернагель, что и этотъ изумительно блистательный результатъ полученъ Вами только благодаря искаженію словъ Дитерици, которое позволило Вамъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій снабдить доходомъ свыше 400 т. и 7-ую степень налога, заключающую въ себѣ 73,393 лица. Это было ловко сдѣлано; но если эту ловкость попридержать и отнять у Васъ захваченныя 73,393 лица 7-й степени, то получимъ слѣдующій разсчетъ:

91,530 лицъ 3-го разряда класснаго налога съ доходомъ 1000—500 т.
32,721 » 8-ой степени съ доходомъ 500—400 т.

итого 124,251 л. съ доходомъ свыше 400 т.; помноживъ это число на 5, получимъ 621,255 душъ, имѣющихъ въ классноподатныхъ мѣстностяхъ 1000—400 т. на семью изъ 5 лицъ. Съ 14,931,551 души классноподатнаго населенія это составляетъ 4$^2/_{10}$ %. Принявъ для однихъ классноподатныхъ средній разсчетъ, предполагаемый прусскимъ министерствомъ финансовъ для подоходнаго и класснаго налоговъ вмѣстѣ, т. е. предположивъ, что классноподатные лица съ доходомъ свыше 400 т. составляютъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, втрое большій процентъ населенія, чѣмъ въ классноподатныхъ, получимъ 12$^6/_{10}$ % съ 1,938,235 душъ, т. е. 243,639 душъ, имѣющихъ свыше 400 т. (до 1000 т.) дохода на семью изъ 5 лицъ!

Сложимъ 243,639 душъ
и 621,255 душъ

имѣемъ 864,894 д. или 5$^1/_8$ % всего населенія государства (16,869,786 душъ) съ доходомъ свыше 400 т. на семью изъ 5 лицъ. Придавъ къ этимъ 5$^1/_8$% 1$^3/_{10}$% имѣющихъ свыше 1000 т. дохода, получимъ во всемъ государствѣ менѣе 6$^1/_2$% имѣющихъ свыше 400 т. дохода.

Итакъ, во Франкфуртѣ я разсчиталъ, что 95% населенія имѣютъ менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 лицъ; а теперь съ Вами мы пришли къ тому, что 93½ % имѣютъ менѣе даже 400 т.! Или: въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я сказалъ, что «89—96% населенія находятся въ нуждѣ», а теперь получили въ результатѣ, что въ нуждѣ находятся, имѣя менѣе 400 т. на семью изъ 5 лицъ, 90⁷/₁₀—93½ % населенія, смотря по тому, отвергнемъ ли только одну изъ Вашихъ плутней или обѣ †).

Но и при всѣхъ плутняхъ, и съ восьмикратнымъ преувеличеніемъ, Вы добились только того, что нашли 12% населенія съ 400—1000 т. дохода, да 1³/₁₀ % съ доходомъ свыше 1000 т., итого 13³/₁₀ % съ доходомъ свыше 400 т. Слѣдовательно, если даже стерпѣть всѣ Ваши плутни, то все-таки по Вашему собственному разсчету оказывается 86⁷/₁₀ % населенія съ доходомъ менѣе 400 т.!

Не думаю, дрязга, чтобы кормильцы Ваши остались Вамъ благодарны за то, что Вы всѣми Вашими возраженіями и плутнями только доказали, какъ неопровержимо и неприступно положеніе моего «Гласнаго Отвѣта» о числѣ неимущихъ.

Пунктъ пятый. Вы говорите: «Впрочемъ не стоитъ и толковать съ тѣмъ, кто, какъ Лассаль въ своемъ новѣйшемъ произведеніи, считаетъ истинное благосостояніе только съ 2000 т. дохода и мѣриломъ его полагаетъ потребленіе устрицъ и шампанскаго».

Здѣсь Ваши плутни доходятъ до такой пошлости, что терпѣніе мое истощается, г. Вакернагель! Въ моемъ новѣйшемъ произведеніи «Косвенные Налоги», которое Вы здѣсь извращаете, я возражаю прокурору, который утверждалъ, что богатые взносятъ большую долю косвенныхъ налоговъ пошлинами, лежащими на предметахъ роскоши; я доказываю, какъ изумительна мала эта доля. Съ этою цѣлью я разсматриваю косвенные налоги, лежащіе на разныхъ предметахъ роскоши — шолкѣ, табакѣ, винѣ, шеколадѣ и т. д. Между прочимъ я привожу тутъ и таможенный сборъ съ устрицъ и шампанскаго, показывая, какъ мало приноситъ государству весь рядъ косвенныхъ налоговъ на предметы роскоши. Ни въ какомъ другомъ смыслѣ объ «устрицахъ и шампанскомъ» я не упоминаю, а Вы, безстыдный лгунъ, смѣете выворачивать изъ этого, что я «полагаю мѣриломъ благосостоянія устрицы и шампанское»! Откуда берется у Васъ храбрость на такія лжи? Неужели Вы рѣшительно-таки не боитесь позора? Неужели Вы такъ уповаете на покровительственное могущество либеральной прессы? Ошибаетесь, если думаете, что это единственная сила и что подъ ея покровомъ можно совершать какія угодно подлости! Рав-

†) Повѣряя цифры, я открываю, г. Вакернагель, что Вы «добавокъ и ихъ перевираете! Вы цитируете таблицу Дитериці, Bd. VII, p. 206, о числѣ населенія въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мелкой пошлинамъ, и показываете цифру 1,938,235 душъ. Но у Дитериці показано только 1,825,395 душъ. Такимъ образомъ Вы воспользовались 114,000 душами, что при Вашемъ увосемереніи, — да и при утроеніи процента, — не бездѣлица. Въ текстѣ я разсчитывалъ по Вашей выдуманной цифрѣ и не хочу задавать себѣ труда перечислять, а то разница вышла бы еще меньше.

нымъ образомъ я не «считалъ истиннаго благосостоянія только съ 2000 т. дохода». Но изслѣдуя, дѣйствительно ли значителенъ взносъ косвенныхъ налоговъ съ богатыхъ классовъ предметами роскоши, я мимоходомъ замѣтилъ, что 2000 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, представляютъ благосостояніе, причемъ эластическое слово «благосостояніе» употреблено мною, очевидно, уже не въ смыслѣ предѣла бѣдности. Благосостояніе въ послѣднемъ смыслѣ я считаю въ этомъ моемъ новѣйшемъ произведеніи (см. выше, стр. 179) съ 650 т. дохода на 5 лицъ, а во франкфуртской рѣчи съ 500 т.

Говорю Вамъ, г. Вакернагель, что терпѣніе мое лопнуло въ этомъ занятіи открывать плутню за плутнею, ложь за ложью. Вы принудили меня взяться за непріятную работу—задать Вамъ порку; ну такъ уже и выпорю же я Васъ!

Да и съ какой стати церемониться мнѣ съ Вами? Вы не писатель, а темный строчило темнаго журнала, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я изобразилъ въ «Юліанѣ»: «...шайка невѣжественныхъ и безсмысленныхъ малыхъ, негодныхъ ни къ какому гражданскому ремеслу, слишкомъ невѣжественныхъ, чтобы учить грамотѣ, слишкомъ неспособныхъ и лѣнивыхъ, чтобы служить писцами, и потому самому считающихъ себя призванными заниматься литературой и народнымъ просвѣщеніемъ». (См. Т. II, стр. 306.)

Но Вы поклялись снискать себѣ при этомъ случаѣ извѣстность, питая, новѣйшій Геростратъ, совершенное равнодушіе къ тому, чѣмъ снискать ее. И Вы очень хорошо знаете, что, разъ что человѣкъ забрелъ въ эту грязь, никакія щетки въ мірѣ не отчистятъ его. Вотъ и мнѣ пришлось вступить въ Васъ; ну хорошо же! По крайней мѣрѣ это не пойдетъ Вамъ въ прокъ!

Кчему, опять спрашиваю, церемониться мнѣ съ Вами? Правда, я привыкъ довольно терпѣливо переносить извращенія, тупоуміе и высокую степень недобросовѣстности. Въ наше время къ этому приходится привыкать!

Но кто такъ упорно громоздитъ плутню на плутню, ложь на ложь, разсчитывая на невнимательность читателей къ такой сухой матеріи, какъ цифры, и на защиту либеральной прессы, кто, самъ завѣдомо обманывая, съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ упрекаетъ въ обманѣ и шулерствѣ противника, кто невѣроятнымъ образомъ выворачиваетъ его слова, очень хорошо понимая ихъ настоящій смыслъ, кто наконецъ дѣлаетъ все это въ такомъ высокомъ и святомъ дѣлѣ, какъ рабочій вопросъ, гдѣ каждый, какихъ бы мнѣній ни былъ, если имѣетъ въ себѣ хотя искру нравственности, будетъ держаться строжайшей правды по крайней мѣрѣ въ фактахъ, — тотъ просто подлецъ, г. Вакернагель! Есть подлоги нравственные хуже подлоговъ вексельныхъ!

Затѣмъ прощайте, г. Вакернагель! Вы понимаете, что послѣ сказаннаго мнѣ больше не приходится говорить съ Вами. Хотя бы Вы продолжали Ваши плутни до конца дней — я Вамъ не отвѣчу больше ни слова.

Г. Вакернагель живетъ въ Эльберфельдѣ. Рейнскіе работники! Предаю этого человѣка Вашему справедливому презрѣнію!

Берлинъ, 11 іюня 1863.

Ф. Лассаль.

КЪ БЕРЛИНСКИМЪ РАБОТНИКАМЪ.

Воззваніе отъ имени работниковъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза †).

Берлинскіе работники!

Возвратясь сюда изъ агитаціонной поѣздки на Рейнъ, я нахожу настоятельнѣйшимъ долгомъ своимъ открыть Вамъ глаза на лжи, распространяемыя между Вами двумя здѣшними либеральными журналами, преимущественно занимающимися рабочимъ вопросомъ, «Народною Газетою» и «Берлинскою Реформою».

Обѣ эти газеты превзошли по поводу золингенскаго рабочаго собранія все, что до сихъ поръ совершали по части безстыдства!

Въ то время, какъ въ Золингенѣ десять тысячъ работниковъ рукоплескали принципамъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза и готовили мнѣ, какъ его президенту, безпримѣрное доселѣ на Рейнѣ торжество; въ то время, какъ я съ трудомъ удерживалъ народъ отъ нанесенія оскорбленій сопровождавшимъ меня жандармамъ, которымъ онъ приписывалъ намѣреніе арестовать меня, — эти журналы перепечатывали лживые отчеты нѣкоторыхъ рейнскихъ газетъ, гдѣ съ неслыханно-безстыднымъ извращеніемъ истины разсказывается, будто жандармы сопровождали меня для моей безопасности, для защиты меня отъ народной ярости!

Притомъ обѣ эти газеты напечатали только эти ложные разсказы. Вполнѣ правдивый отчетъ, написанный въ секретаріатѣ Общаго Германскаго Рабочаго

†) Этой брошюрѣ по времени предшествуетъ рѣчь «Празднества, пресса и франкфуртское депутатское собраніе», которую авторъ безпрестанно имѣетъ въ виду въ настоящей статьѣ. Поэтому рекомендуемъ прочесть сначала эту рѣчь во II томѣ, стр. 1—30. *Пр. перев.*

Союза, былъ до послѣдняго слова отвергнутъ редакціями какъ «Берлинской Реформы», такъ и «Народной Газеты». Изъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ онѣ однѣ отказались напечатать этотъ отчетъ, хотя не были на мѣстѣ дѣйствія и сталобыть не могли знать, на чьей сторонѣ правда. Онѣ не приняли его, желая, чтобы истина не попадалась Вамъ даже на глаза и чтобы такимъ образомъ Вы не могли судить, кто болѣе заслуживаетъ довѣрія!

«Народная Газета», поступая такимъ образомъ, при своемъ притязаніи быть преимущественно рабочимъ журналомъ, превзошла въ безстыдствѣ все, что до сихъ поръ было извѣстно въ исторіи!

Къ сожалѣнію, справедливо, что въ борьбѣ партій правда часто забывается и подвергается безнравственнымъ и жалкимъ искаженіямъ.

Но слыхано ли, напр., въ Англіи и во Франціи, чтобы, когда въ сословной борьбѣ этихъ странъ англійскіе чартисты или французскіе революціонные работники предпринимали великія манифестаціи для заявленія своихъ убѣжденій, либеральные англійскіе и французскіе журналы пытались переврать эти событія, выставивъ ихъ какъ разъ въ противоположномъ видѣ?

Они сожалѣли и скорбѣли въ такихъ случаяхъ о мнимомъ ослѣпленіи народныхъ массъ; но лгать въ глаза народу, который въ теченіе четверти часа безъ умолку кричалъ тысячами ртовъ «виватъ», что онъ кричалъ «долой» — есть спеціальное изобрѣтеніе нѣмецкой либеральной печати, какъ нельзя лучше характеризующее ея отношеніе къ народу!

Да, работники, честь этого изобрѣтенія принадлежитъ нѣмецкой либеральной печати! Такъ еще никто не лгалъ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ!

Но «Народная Газета» и «Берлинская Реформа» превзошли и всю остальную нѣмецкую печать.

Даже главный либеральный журналъ рейнской провинціи, «Кёльнская Газета», рѣшительно враждебная мнѣ, сообщила по поводу золингенскаго собранія только разсказъ секретаріата Общаго Германскаго Рабочаго Союза во всѣхъ подробностяхъ. Изъ лживаго повѣствованія «Эльберфельдской Газеты» она перепечатала только отрывки, тщательно выпустивъ главныя лжи, въ томъ числѣ и главнѣйшую — будто народъ провожалъ меня проклятіями и жандармы были принуждены защищать меня. Почему она поступила такъ? Потому что разсказъ Рабочаго Союза былъ столько же очевидно правдивъ, сколько описанія «Эльберфельдской» и «Барменской» газетъ очевидно лживы по собственнымъ противорѣчіямъ, а такая большая газета, какъ «Кёльнская», не могла компрометировать себя, печатая извѣстія, возмутительная лживость которыхъ извѣстна десяти тысячамъ присутствовавшихъ свидѣтелей.

Другіе журналы, даже столь злобные и враждебные, какъ «Рейнская Газета», сообщили лживыя выдумки «Эльберфельдской» и «Барменской» газетъ по крайней мѣрѣ заодно съ полнымъ разсказомъ Общ. Г. Рабочаго Союза, предоставляя такимъ образомъ своимъ читателямъ самимъ составлять себѣ понятіе о событіяхъ.

Даже столь непріязненный мнѣ журналъ, какъ берлинская «Національная Газета», перепечатала большую часть разсказа Рабочаго Союза, разсудивъ, что

ея читатели — богатый классъ — читаютъ не одни берлинскія газеты, и что, стало быть, отъ нихъ безполезно скрывать то, что́ они все равно прочтутъ въ другихъ журналахъ.

Только «Народная Газета» и «Берлинская Реформа», т. е. именно рабочія берлинскія газеты, довели безстыдство до того, что сообщили лишь нѣкіе разсказы, утаивъ отъ Васъ отчетъ Рабочаго Союза. «Реформа» утаила его совершенно, а «Народная Газета» привела изъ него только одно единственное слово въ насмѣшку!

Почему поступили эти газеты такимъ образомъ?

Не почему иному, какъ именно потому, что знаютъ, что читаются преимущественно Вами, работниками!

Не почему иному, какъ потому, что сами видѣли правдивость отчета Рабочаго Союза! Не почему иному, какъ потому, что понимали, что и Вы увидите правдивость его, если онъ попадется Вамъ на глаза! Не почему иному, какъ потому, что боялись, что какъ скоро Вы узнаете про энтузіазмъ рейнскихъ работниковъ, то и сами заразитесь и увлечетесь имъ! Вѣдь энтузіазмъ, эта высшая жизненная теплота духа, по счастью гораздо заразительнѣе въ народѣ, чѣмъ всякая физическая болѣзнь!

Правда, я принялъ дѣйствительныя мѣры для посрамленія этихъ гнусныхъ лжецовъ и для побѣдоноснаго возстановленія истины. Я тотчасъ напечаталъ въ газетахъ за своей подписью «Гласный Вызовъ», въ которомъ поручалъ золингенскому уполномоченному Общ. Г. Рабочаго Союза собрать 500 подписей золингенскихъ гражданъ всѣхъ сословій въ удостовѣреніе истины моего отчета †).

«Народная Газета» была принуждена напечатать этотъ «Гласный Вызовъ», подписанный моимъ именемъ, потому что знала, что я, какъ подвергшійся личнымъ нападкамъ, имѣю законное право заставить напечатать личное объясненіе и что кромѣ того я не премину напечатать его за деньги въ объявленіяхъ.

Этотъ «Гласный Вызовъ» достаточно доказываетъ истину моего разсказа. Ибо могъ ли бы я обратиться съ подобнымъ вызовомъ къ собственнымъ приверженцамъ, къ тысячамъ присутствовавшихъ работниковъ, еслибы было ложью то, что я приглашалъ засвидѣтельствовать?

Еслибы я рѣшился на это, то на вѣки вѣчные загубилъ бы себя во мнѣніи собственныхъ приверженцевъ, во мнѣніи цѣлыхъ тысячъ работниковъ, которые составляютъ и должны составлять мою партію; я сказался бы передъ ними презрѣннымъ лжецомъ!

Такъ не поступитъ ни одинъ вождь партіи, еслибы даже былъ настолько безсовѣстенъ, чтобы въ душѣ одобрять подобное средство. Онъ не сдѣлаетъ этого изъ благоразумія, по крайней мѣрѣ отъ своего имени.

Далѣе, могъ ли бы я съ такой увѣренностью распоряжаться собраніемъ

---

†) См. эти Отчетъ и Вызовъ въ приложеніи къ золингенской рѣчи, т. II, стр. 26 — 30. *Пр. перев.*

500 подписей и заранѣе печатать это распоряженіе, еслибы отчетъ, подтвержденія котораго я требовалъ, былъ ложенъ? Вѣдь мнѣ предстояла бы очевидная опасность, что собрать эти подписи будетъ невозможно, и я предстану такимъ образомъ передъ всей Германіей посрамленнымъ и изобличеннымъ лжецомъ.

Наконецъ, теперь, когда я пишу это, подписи эти собраны, налитографированы и разосланы по газетамъ, которыя должны были засвидѣтельствовать полученіе ихъ. Пусть послужитъ Вамъ это доказательствомъ удивительной организаціи, энергической дисциплины нашего союза, неутомимой дѣятельности истинныхъ работниковъ: эти 500 подписей были собраны нашимъ золингенскимъ уполномоченнымъ, оружейникомъ Вильмсомъ, менѣе чѣмъ въ 6 дней!

Пусть послужитъ Вамъ этотъ примѣръ свидѣтельствомъ глубокой лживости либеральной прессы и особенно «Народной Газеты»!

Освободитесь же наконецъ, берлинскіе работники, отъ враждебнаго свободѣ вліянія, которое имѣетъ на многихъ изъ Васъ эта гнусная газета!

Каждый демократъ долженъ удивляться и негодовать, видя, что многіе изъ Васъ до сихъ поръ не отдѣлались отъ этого вліянія.

Неужели Вы такъ забывчивы?

Неужели Вы не помните, что «Народная Газета» первая отреклась въ 1858 г. отъ имени демократіи и объявила, что демократія должна исчезнуть, слившись съ конституціонной партіей?

Неужели Вы не помните, что въ 1859 г. «Народная Газета» первая заговорила о томъ, что надо отступиться отъ требованія общаго избирательнаго права — отъ Вашего необходимаго знамени — и довольствоваться еще на неопредѣленное время трех-классным избирательнымъ закономъ, который оскорбляетъ Ваши права и унижаетъ Ваше сословіе?

Неужели Вы забыли, что въ 1858 г. «Народная Газета» первая подняла лживый крикъ про «новую эру» и этимъ трусливымъ обманомъ нанесла смертельный ударъ старой демократіи?

Неужели Вы не помните, что въ 1859 г., когда даже берлинская «Національная Газета» упорно противилась требованію временнаго усиленія арміи, справедливо говоря, что изъ временной организаціи арміи непремѣнно выйдетъ окончательная, — «Народная Газета» съ такимъ же упорствомъ печатала длинныя передовыя статьи подъ заглавіемъ «Честные люди», доказывая, что нельзя отказать въ этихъ милліонахъ такимъ честнымъ людямъ, какъ Шверинъ и Патовъ? Забыли ли Вы, что «Народная Газета» своимъ вліяніемъ склонила Палату отпустить правительству эти милліоны и что, стало быть, мы обязаны никому иному какъ «Народной Газетѣ» всѣмъ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ?

Я могъ бы продолжить этотъ обвинительный актъ до безконечности, еслибы перечисленныхъ здѣсь смертныхъ грѣховъ противъ политической свободы страны и демократическихъ принциповъ не было за-глаза достаточно для произнесенія приговора и еслибы я не спѣшилъ обратиться къ главному предмету этого воззванія къ Вамъ.

Васъ, берлинскіе работники, старались обмануть насчетъ рейнскихъ происшествій еще въ другомъ отношеніи. Въ одномъ изъ здѣшнихъ рабочихъ собраній были попытки вмѣнить мнѣ въ вину золингенскую ножевщину и возбудить въ Васъ негодованіе противъ рейнскихъ работниковъ!

Вмѣнять мнѣ въ вину эти ножи, пущенные въ ходъ на одномъ концѣ огромной залы, вмѣщающей 5000 человѣкъ, въ то время, какъ я говорилъ на противоположномъ концѣ, ножи, про которые я и не зналъ, пока по поводу ихъ жандармы не распустили собранія, и которые я и тутъ еще счелъ полицейской выдумкой, — вмѣнять мнѣ ихъ въ вину — верхъ нелѣпой злобы!

Точно также несправедливо было бы, еслибы Вы, берлинскіе работники, увлеклись криками про эти ножи до односторонняго осужденія рейнскихъ работниковъ.

Я, какъ и всѣ, сожалѣю, что дѣло дошло до ножей. Я сожалѣю, что это случилось и признаю это поступкомъ, превосходящимъ законную мѣру дозволеннаго отраженія силы силой.

Но какъ было дѣло и кто первый и истинный виновникъ этой ножевщины?

Въ Барменѣ и въ Золингенѣ были назначены не общія народныя собранія, а собранія исключительно Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ Барменѣ среди 3000 работниковъ явилось около 250 прогрессивныхъ фабрикантовъ — нѣкоторые вооруженные припрятанными свистками. Они старались свистомъ, шумомъ и наконецъ попытками провозгласить «виватъ» Шульце-Деличу—разстроить собраніе этихъ работниковъ, страстно преданныхъ принципамъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Тогда работники бросились на нарушителей порядка и, хотя не безъ насилія, но безъ всякаго физическаго ущерба, мгновенно выпроводили ихъ изъ залы, послѣ чего я могъ спокойно продолжать рѣчь.

Въ Золингенѣ въ большой стрѣлковой залѣ (Schützenhalle) было до 5000 работниковъ, и столько же толпилось передъ нею; туда же пробралось около сотни прогрессивныхъ фабрикантовъ.

Едва я началъ рѣчь, возобновились прежнія попытки прервать ее шумомъ и шарканіемъ. Работники съ быстротою молніи и безъ всякаго безполезнаго насилія выпроводили фабрикантовъ. Но дверей залы нельзя было затворить, потому что толпа, стоявшая снаружи, желала по-возможности слышать рѣчь. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, фабриканты попытались черезъ $^3/_4$ часа прервать рѣчь крикомъ «виватъ Шульце-Деличъ» чрезъ растворенную дверь.

При такомъ намѣренномъ и упорномъ вызывательствѣ ближайшая къ крикунамъ часть толпы не могла сдержать негодованія. Она бросилась на фабрикантовъ, осыпала ихъ побоями, и тутъ нѣкоторые изъ нихъ получили удары ножами, вслѣдствіе чего полиція противозаконно закрыла собраніе.

Какъ же, стало быть, было дѣло, берлинскіе работники?

Прежде всего спрашивается: зачѣмъ лѣзутъ прогрессисты въ собранія Общаго Германскаго Рабочаго союза? Что имъ тамъ дѣлать? Очевидно, — нечего, какъ мнѣ въ ихъ сборищахъ. Время преній между нами прошло. До учреж-

денія Общ. Г. Рабочаго Союза я могъ отправиться къ нимъ — и то по ихъ собственному приглашенію — во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ побилъ ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ †).

Но съ тѣхъ поръ основался Общ. Г. Рабочій Союзъ, и съ этой минуты намъ съ прогрессистами быть вмѣстѣ не пристало. Мы находимся въ отношеніяхъ самостоятельныхъ враждебныхъ партій, которыя должны идти самостоятельными отдѣльными путями. Общ. Г. Рабочій Союзъ образовался не для того, чтобы терять время на препирательства съ прогрессистами, а тѣмъ болѣе не затѣмъ, чтобы доставлять имъ удовольствіе разстраивать буйствомъ его собранія.

Что сказали бы прогрессисты, еслибы я подослалъ въ ихъ собранія нѣсколько человѣкъ работниковъ разстраивать ихъ виватами въ мою честь?

И какъ могло хватить у такой ничтожной горсти людей безстыдства буйствомъ и гвалтомъ мѣшать цѣлямъ собранія многихъ тысячъ, собравшихся въ единодушіи и одушевленіи?

Наконецъ, вотъ еще что: откуда набралась эта горсть людей такой храбрости, чтобы рѣшиться на оскорбительныя и вызывающія выходки противъ столькихъ тысячъ работниковъ, среди которыхъ находилась?

На это можно придумать только одинъ отвѣтъ: эта горсть людей потому разсчитывала на возможность безнаказанно производить всевозможныя безчинства противъ столькихъ тысячъ, что эти тысячи—работники, зависящіе отъ нихъ, господъ и хозяевъ труда!

Они били на зависимость работниковъ отъ нихъ, уповали на острастку голода, въ которой держатъ работниковъ!

Да, работники, въ 1848 году имущіе жаловались на рабочій терроръ; зато теперь стало наоборотъ — суконные сюртуки хотятъ держать подъ терроромъ полотняныя блузы! Нѣсколько фабрикантовъ хотѣли буйнымъ безчинствомъ насильно воспрепятствовать тысячамъ работниковъ свободно заявлять свои политическія воззрѣнія. И они увѣрены, что это можетъ сходить имъ съ рукъ безнаказанно, потому что вѣдь это ихъ работники, и они смѣютъ заявлять неудобныя для своихъ хозяевъ политическія воззрѣнія!

Но рейнскіе работники не таковы, чтобы допустить надъ собой опеку или терроръ своихъ хозяевъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Это-то чувство, чувство оскорбленія и униженія, которыя заключались въ нахальной выходкѣ небольшаго числа фабрикантовъ, въ выходкѣ, дававшей работникамъ чувствовать ихъ частную зависимость,—и возбудило въ нихъ такое негодованіе.

Если страсть увлекла ихъ въ крайности, что легко было предвидѣть, то кто первый и главный виновникъ этихъ крайностей, какъ не люди, такъ дерзко, упорно и оскорбительно вызывавшіе ихъ?

Но въ самой этой страсти Вы видите, берлинскіе работники, какъ часто въ жизни добро встрѣчается рядомъ со зломъ.

---

†) См. предыдущую франкфуртскую рѣчь (Книга для чтенія рабочимъ).
Пр. перев.

Безъ страсти въ исторіи камень съ камня не трогается! Безъ страсти не обходится ни одно изъ тѣхъ великихъ освобожденій, преемственный рядъ которыхъ составляетъ всю исторію человѣчества.

Главная причина нашего глубокаго упадка въ послѣднія четырнадцать лѣтъ заключается именно въ томъ, что всѣ политическія страсти угасли въ сердцѣ народа, и оттого мы и погрязли съ 1849 года въ такое болото!

Съ 1858 года прогрессисты учредили свой національный союзъ и свои такъ-называемыя рабочія образовательныя общества. Въ пять лѣтъ эти общества не придали ни малѣйшаго оживленія обращенію политической жизни въ жилахъ народа, не влили въ его сердце ни единой капли свѣжей крови! Общій Германскій Рабочій Союзъ существуетъ только четыре мѣсяца—и страсть уже пылаетъ въ народѣ!

Какъ бы ни заблуждалась эта страсть въ своихъ проявленіяхъ, привѣтствуйте въ ней, берлинскіе работники, заодно со мной радостный признакъ пробужденія въ народѣ политическаго возбужденія и политической жизни, признакъ того, что народъ начинаетъ стремиться къ своему великому назначенію!

Берлинскіе работники! Хотите ли Вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ Вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой, другъ для друга? Когда же имъ случается говорить передъ работниками или писать для работниковъ, они, конечно, благоразумно умалчиваютъ. Вы сейчасъ увидите!

Выходящая во Франкфуртѣ на Майнѣ «Южногерманская Газета» принадлежитъ къ числу усерднѣйшихъ органовъ погрессистской партіи, преданнѣйшихъ друзей г. Шульце-Делича. Поэтому съ самаго начала и до сего дня она была однимъ изъ самыхъ страстныхъ враговъ моихъ. Но она почти не читается работниками, и потому въ ней противники могутъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, рѣшиться сказать иногда правду. Послѣ барменскаго собранія газета эта помѣстила по поводу его слѣдующую передовую статью, которую я привожу подробно (№ 486 сентября 25):

«Рабочее движеніе на Нижнемъ Рейнѣ.»

«Съ Нижняго Рейна, 23 сентября. Кризисъ въ нашей государственной жизни развивается все шире и величавѣе. Изъ всѣхъ моментовъ его меньше всего обращаетъ на себя вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ важнѣе и опаснѣе—рабочее движеніе. Немногіе понимаютъ всю его важность. Обѣ господствующія нынѣ партіи, меньшая, стучащая скипетромъ, не помышляя объ его хрупкости, и большая, опирающаяся съ пріятнымъ чувствомъ безопасности на широкую спину буржуазіи, выжидая, когда минуетъ потокъ реакціи, — обѣ онѣ своимъ отношеніемъ къ рабочему движенію совершили величайшую изъ всѣхъ своихъ ошибокъ.

«Можно считать положительно рѣшеннымъ, что никогда еще за кулисами политической сцены не бывало такой глупой публики, какъ нынѣшнее поколѣніе нашихъ ультра-феодаловъ. Можно было бы еще до нѣкоторой степени

уважать ихъ теперешній образъ дѣйствій, еслибы думать, что они махнули на свое дѣло рукой и хотятъ съ рыцарственнымъ мужествомъ взорвать свою крѣпость вмѣстѣ съ непріятелемъ. Но этого думать нельзя. Господа эти, очевидно, надѣятся еще долго пробесѣдовать, уютно и пріятно засѣдая въ извѣстномъ домѣ на Лейпцигерштрассе †), насаждать въ свое удовольствіе свеклу и царствовать надъ своей челядью. Объ отступленіи они и не помышляютъ. Они увѣрены, что могутъ безнаказанно мутить низшіе слои населенія противъ богатой буржуазіи и возгордившагося средняго сословія, лишь бы отдѣлаться отъ ненавистнаго «прогресса». Въ послѣднее время они превзошли всѣ свои прежнія глупости явнымъ и тайнымъ поощреніемъ Лассаля и его разрушительныхъ стремленій, уподобившись Иванушкѣ дурачку, пилящему тотъ самый сукъ, на которомъ сидитъ. Пожалуй, скажутъ, что говорить о разрушительныхъ стремленіяхъ Лассаля бездоказательно есть съ нашей стороны petitio principii. Неужели же надо предварительно опровергать пошлые толки о томъ, что этотъ человѣкъ есть «орудіе реакціи», да еще «слѣпое»? Кто не хочетъ видѣть, съ тѣмъ не столкуешь. Вмѣсто того, чтобы убѣждать разсужденіями людей, успокоивающихъ себя относительно Лассаля пошлой фразой, что «его фантазіи, давно опровергнутыя опытомъ, не находятъ въ работникахъ почвы», мы лучше укажемъ имъ факты. Фразу это повторяютъ давно, а между тѣмъ число приверженцевъ Лассаля постоянно возрастаетъ. Замѣчателенъ фанатизмъ этихъ приверженцевъ. Наблюдая эту молодежь, мы находимъ въ ней совершенно не тотъ духъ, что въ тихой и безобидной привязанности къ Шульце-Деличу членовъ его обществъ. Пивныя кружки, летѣвшія въ прошлое воскресеніе въ выходившихъ прогрессистовъ въ Барменѣ, были оружіемъ не простой грубости, и слова Лассаля, что онъ пріѣхалъ «дѣлать смотръ», нельзя считать пустымъ хвастовствомъ. Изъ Золингена, гдѣ рабочее населеніе всегда отличалось мятежнымъ духомъ, насъ извѣщаютъ, что въ будущее воскресеніе тамъ ожидаютъ подобныхъ же, если не худшихъ сценъ. Мы могли бы сообщить отзывы, слышанные отъ работниковъ и имѣющіе гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ заявленія богатыхъ филистеровъ на торжественныхъ обѣдахъ готовности «жертвовать деньги и кровь» на общее дѣло.

«Потребительныя общества, размножающіяся со дня на день, не представляютъ достаточнаго оплота противъ этого направленія. Очень часто приходится слышать отъ учредителей ихъ, если они принадлежатъ къ рабочему сословію, что только пока не предстоитъ ничего другаго. Отъ дальнѣйшихъ поступковъ работниковъ удерживаетъ уваженіе къ просвѣщеннымъ людямъ, руководящимъ большинствомъ этихъ обществъ; но весьма ошибочно было бы думать, что въ этихъ обществахъ мы имѣемъ прочный корень противной партіи между самими рабочими. Между ремесленниками у Шульце-Делича много горячихъ приверженцевъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ въ такое рѣзкое противорѣчіе съ Лассалемъ, его стали уважать и купцы и фабриканты,

†) Палата господъ. *Пр. перев.*

еще недавно не хотѣвшіе знать его. Но фабричные работники и поденщики тѣмъ болѣе относятся къ нему съ недовѣріемъ, что имъ толкуютъ о немъ съ такою явной задней мыслью, и что они видятъ, какъ почитаютъ его ремесленники и купцы.

«Консерваторы еще пуще раздуваютъ это настроеніе. Нельзя безъ состраданія видѣть, какъ какіе-то оригиналы изъ духовенства, честолюбивые чиновники и коварные интриганы льстятъ работникамъ по приказанію центральныхъ властей феодальнаго государства въ государствѣ, чтобы пріобрѣсти какихъ-нибудь нѣсколько ничтожныхъ избирательныхъ голосовъ. Умныя газеты доказываютъ Лассалю, что незначительное число рабочихъ голосовъ никогда не составитъ палаты, способной поставить на первый планъ рабочій вопросъ. Вѣдь совъ въ Аѳины не носятъ! Политическую важность рабочему сословію придаютъ здоровые кулаки, голодные желудки, подвижность, рѣшительность. Не знаемъ, будетъ ли у насъ когда-нибудь армія гимнастовъ и вольныхъ стрѣлковъ, готовая идти на защиту конституціи; но то несомнѣнно, что если дѣла пойдутъ по нынѣшнему, то рабочая армія Лассаля не оставитъ въ нынѣшнемъ политическомъ строѣ Германіи камня на камнѣ, и первые не уцѣлѣютъ скипетръ, корона, звѣзды и другія игрушки. Лассалевская «теорія пріобрѣтенныхъ правъ»—по моему, сказать мимоходомъ, одно изъ важнѣйшихъ сочиненій въ литературѣ философіи права—заключаетъ въ себѣ все, изъ чего можетъ выйти практика отнятыхъ правъ, и для понимающихъ очень ясна. Въ Берлинѣ Лассаль еще не пріобрѣлъ такой силы, какую имѣетъ на Рейнѣ. Реакція старается распахать ему поле, съ котораго пожинать будетъ революція. Она помогаетъ Лассалю, а не наоборотъ. Благодаря глупости нашего правительства и ограниченной слабости, съ какою ведется дѣло либерализма, мы находимся теперь наканунѣ великаго соціальнаго переворота. Намъ давно сдается, что наемныя интеллигенціи официозной и феодальной печати также ясно понимаютъ все это, какъ и мы, и съ наслажденіемъ злобы играютъ при своихъ кормильцахъ роль мефистофелей.

«Минута приближенія указанной нами опасности будетъ предшествоваться очень замѣтными признаками. Уже теперь на прогрессистскую партію пала очень серьезная тѣнь, несмотря на 6 новыхъ пунктовъ, вслѣдствіе того, что по окончаніи сейма она безпомощно разбрелась; вслѣдствіе того, что во время «междуцарствія» вожди ея бездѣйствовали; вслѣдствіе того, что всѣ продукты ея печати отличаются совершеннымъ ничтожествомъ. Она пугается борьбы съ короной — а вѣдь въ этомъ и состоитъ смыслъ всего столкновенія. Все это рано или поздно должно привести къ тому, что и въ чисто политической области возникнутъ новыя стремленія и партіи. Представьте себѣ, что пассивное сопротивленіе послѣднихъ мѣсяцевъ продлилось бы еще нѣсколько лѣтъ: Каковы были бы послѣдствія этого? Вѣдь Пруссія не Куръ-Гессенъ и вѣдь одни выборы еще никогда не освобождали народа! Представляется простой вопросъ: найдется ли наконецъ энергія въ нѣкоторыхъ частяхъ прогрессистской партіи, въ палатѣ, между извѣстными вождями, или нѣтъ? Останется ли эта партія въ преловутой замкнутости, гдѣ лучшіе элементы нейтрализируютъ другъ друга;

уйдутъ ли опять, проболтавъ 6 мѣсяцевъ, по домамъ, чтобы засѣсть, сложа руки, или по большей мѣрѣ отпраздновать на торжественномъ обѣдѣ; взыщетъ ли литературное общество еще по талеру, чтобы опять угостить старой жвачкой? Если все это такъ будетъ, то по всѣмъ вѣроятіямъ настоящій «прогрессъ» отступится отъ этой партіи и бросится въ объятія общему германскому рабочему движенію. Всѣ элементы этого уже готовы».

Далѣе авторъ говоритъ, что единственное спасеніе заключается въ энергическомъ развитіи прогрессистской партіи.

Видите, работники? Здѣсь безъ обиняковъ признается все — и многочисленность приверженцевъ Общ. Г. Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь гг. фабрикантовъ и купцовъ къ Шульце-Деличу, и то, что теперь они прославляютъ его какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить Васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общ. Г. Рабочаго Союза — все, все.

И нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи, и опасеніе, что, наоборотъ, Общ. Г. Рабочій Союзъ перепилитъ сукъ, на которомъ вмѣстѣ засѣдаютъ прогрессисты съ реакціей, и многое другое — все признается здѣсь нашими противниками, равно какъ и истинный характеръ рейнскихъ собраній, но признается только въ газетѣ, не читаемой работниками, признается либералами въ задушевной бесѣдѣ между собой, а не передъ Вами! И авторъ, очевидно принадлежащій къ крайней сторонѣ прогрессистской партіи, сознается кромѣ того въ-заключеніе, что вскорѣ этой крайней сторонѣ ничего больше не останется, какъ примкнуть къ рабочему движенію!

Редакція «Южно-германской Газеты» прибавляетъ отъ себя къ этой передовой статьѣ своего корреспондента слѣдующее примѣчаніе:

«Статья эта, кажется, не вполнѣ избѣгаетъ упрека въ томъ, что слишкомъ торопится обобщить мѣстныя явленія; но нашъ г. корреспондентъ былъ всегда такимъ внимательнымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ мѣстныхъ явленій, что, несмотря на этотъ упрекъ, мы не колеблемся дать мѣсто его мыслямъ безъ всякихъ сокращеній.»

Слѣдовательно, авторъ этой статьи — давнишній и многоиспытанный корреспондентъ «Южно-германской Газеты».

Такимъ образомъ въ рядахъ нашихъ противниковъ господствуютъ смятеніе и замѣшательство, а Вы, берлинскіе работники, еще колеблетесь и не рѣшаетесь, недоумѣвая, кого держаться!

Развѣ вы не замѣтили, что въ послѣднее время «Народная Газета» и «Берлинская Реформа» усерднѣе прежняго принялись распространять толки о томъ, что я служу реакціи? Уже одна эта жалкая и неуклюжая клевета лучше всего доказываетъ Вамъ, какъ ужасно Васъ обманываютъ.

Какъ, берлинскіе работники? Неужели Вы можете въ самомъ дѣлѣ думать, что рейнское рабочее сословіе, это радикальнѣйшее въ политическомъ отношеніи рабочее сословіе во всей Германіи, этотъ авангардъ германскаго рабочаго сословія, будетъ рукоплескать реакціонеру? Вѣдь рейнскіе работники — самые развитые и матеріально, и умственно; матеріально — вслѣдствіе господствую-

щей тамъ широкой промышленности, умственно и политически — вслѣдствіе постоянныхъ соприкосновеній съ англійскими и французскими началами и вслѣдствіе высшаго матеріальнаго развитія, которое необходимо ведетъ и къ умственному.

Ничто не способствовало въ такой степени воспламененію въ рейнскихъ работникахъ негодованія и умноженію числа приверженцевъ Общ. Г. Рабочаго Союза, какъ эта постоянно повторяемая прогрессистами клевета, будто я служу реакціи.

Вѣдь рейнское рабочее сословіе знаетъ меня отлично! Десять лѣтъ прожилъ я среди него. Я провелъ съ нимъ и время революціи, и время реакціи.

Едва прогрессисты издали противъ меня кличъ, что я служу реакціи, какъ рейнскіе работники тотчасъ догадались, какой неслыханно грубый обманъ затѣянъ противъ народа, и тутъ къ движенію нашему пристали даже тѣ, кто до тѣхъ поръ еще не рѣшался.

Я объясню Вамъ, берлинскіе работники, причину этого обмана.

Я повторю Вамъ здѣсь то, что доказывалъ въ моей франкфуртской рѣчи — «книгѣ для чтенія рабочимъ».

Прогрессивные буржуазы ненавидятъ меня и ведутъ противъ меня войну не за то, что я служу реакціи, а наоборотъ, потому, что опасаются отъ меня революціи; не потому, что я кажусь имъ реакціонеромъ, а потому, что кажусь революціонеромъ! И я соглашался съ этимъ упрекомъ — сто разъ, всякій разъ, какъ слышалъ его, гдѣ бы мнѣ его ни дѣлали, соглашался съ этимъ въ сочиненіяхъ, въ рѣчахъ, не разъ даже въ судахъ!

Я призналъ его справедливымъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1849 г., въ моей ассизной рѣчи передъ рейнскими присяжными въ процессѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, гдѣ дѣло шло о моемъ существованіи, и опять призналъ его справедливымъ въ январѣ текущаго года передъ берлинскимъ уголовнымъ судомъ, въ рѣчи «Наука и Работники», какъ и два дня тому назадъ въ здѣшней корол. судебной палатѣ, въ процессѣ, гдѣ дѣло шло о моей личной свободѣ!

До моего «Гласнаго Отвѣта» прогрессисты всегда и относились ко мнѣ, какъ къ крайнему революціонеру, никогда не скрывая, что ужасъ, который я внушаю имъ, происходитъ именно отъ этой причины. Только со времени моего «Гласнаго Отвѣта» они подняли среди Васъ крикъ, что я служу реакціи!

И какой поводъ могъ подать имъ къ этому мой «Гласный Отвѣтъ»? Развѣ я совѣтывалъ въ немъ работникамъ не мѣшаться въ политику и держаться въ сторонѣ отъ нея?

Напротивъ, я говорю въ немъ, что «глупо думать, что работникамъ не слѣдуетъ заботиться о политическомъ развитіи и движеніи, что, наоборотъ, только отъ политической свободы могутъ они ожидать осуществленія своихъ законныхъ интересовъ» и т. д. Или, можетъ быть, я нападаю на прогрессистовъ за то, что они слишкомъ далеко заходятъ въ оппозиціи правительству? Нѣтъ, я нападаю на нихъ, нападаю сильнѣйшимъ образомъ, за то только, что они не идутъ довольно далеко, обнаруживаютъ безпримѣрную слабость и ма-

лодушіе, доказываютъ, что такой жалкой вялости никогда не доставить интересамъ свободы побѣду надъ рѣшительнымъ правительствомъ. Я говорю, что слѣдуетъ поддерживать прогрессистовъ противъ правительства въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у насъ съ ними общій интересъ, и принуждать ихъ «идти впередъ, не рѣшагнуть за свои нынѣшніе предѣлы»; еще въ послѣдней моей рейнской рѣчи я давалъ сигналъ подачи голосовъ на предстоящихъ выборахъ за прогрессистовъ противъ правительства, по причинамъ, которыя тутъ же объяснялъ.

Стало быть, спрашиваю еще разъ: почему же не скажутъ прогрессисты правду, что по своей преданности конституціи ненавидятъ меня какъ революціонера? Почему вмѣсто того они поднимаютъ противъ меня при Васъ лживый крикъ, что я служу реакціи?

Причина проста; столько же проста, сколько гнусна и возмутительна.

При Васъ прогрессисты не могутъ упрекать меня за то, что я революціонеръ. Они знаютъ, что выскажи они при Васъ этотъ упрекъ, истинную причину ихъ ненависти ко мнѣ, это имѣло бы единственнымъ послѣдствіемъ обращеніе всѣхъ Васъ въ моихъ приверженцевъ. Поэтому эти лицемѣры берутъ съ другаго конца и обвиняютъ меня предъ Вами въ служеніи реакціи, ненавидя меня какъ революціонера!

Берлинскіе работники! Хотите ли знать, реакціонеръ ли я? Прочтите мою рейнскую рѣчь (см. Т. II, стр. 1), прочтите мою рѣчь «Наука и Работники», прочтите всѣ мои рѣчи и брошюры, и Вы увидите, что у всѣхъ прогрессистовъ вмѣстѣ не хватило бы мужества на одну подобную рѣчь!

Вы видѣли только-что, какъ осмѣиваетъ «Южно-германская Газета» «нелѣпую выдумку», будто я служу реакціи.

Но Васъ, берлинскіе работники, прогрессисты считаютъ дотого глупыми, что навязываютъ Вамъ свои «нелѣпыя выдумки», надъ которыми сами хохочутъ!

Послѣдуйте же примѣру рейнскихъ работниковъ! Поймите по примѣру одной этой жалкой плутни, какъ грубо лгутъ Вамъ во всѣхъ отношеніяхъ прогрессистская печати, «Народная Газета» и вообще прогрессисты.

Что можетъ удержать Васъ, берлинскіе работники, отъ вступленія въ ряды Общ. Г. Рабочаго Союза?

Наше знамя есть прежде всего общее и прямое избирательное право, и это знамя есть необходимое и прирожденное знамя каждаго члена Вашего сословія. Еслибы даже были между Вами дотого ослѣпленные люди, что не желали бы улучшенія своего соціальнаго положенія, то все-таки каждый, искренно желающій общаго и прямаго избирательнаго права, долженъ вступить въ наши ряды.

Вѣдь съ пріобрѣтеніемъ общаго и прямаго избирательнаго права соціальные принципы Общ. Г. Рабочаго Союза еще не осуществились бы, пока не пріобрѣли бы за себя большинство законодательнаго собранія, избраннаго общей и прямой подачей голосовъ.

И наоборотъ, разъ что они имѣли бы за себя это большинство, всѣ искренно желающіе общаго и прямаго избирательнаго права должны были бы терпѣливо

подчиниться и соціальнымъ преобразованіямъ, которыя оно можетъ произвести въ странѣ постановленіями народныхъ представителей.

Итакъ, каждый искренній приверженецъ общаго и прямаго избирательнаго права долженъ, если не хочетъ обманывать Васъ или себя, вступить въ ряды нашего великаго союза, поставившаго это право своею ближайшею политическою цѣлью; онъ долженъ поддержать своимъ вступленіемъ нашу агитацію за это право.

А что можетъ связывать Васъ съ прогрессистами? Что Вамъ дѣлать съ ними?

Мы агитируемъ за общее и прямое избирательное право, а прогрессисты — за сохраненіе прусской конституціи!

Но, какъ я подробно доказалъ въ рейнской рѣчи, прусская конституція еще никогда ни на одинъ день не имѣла законнаго существованія!

Какъ я доказалъ въ рейнской рѣчи, прусская конституція есть лишь продуктъ и результатъ противозаконія, совершеннаго противъ народа незаконнымъ отнятіемъ общаго избирательнаго права, установленнаго закономъ 8 апрѣля 1848 года.

Какъ я доказалъ въ этой рѣчи, прусская конституція есть лишь компромиссъ буржуазіи съ правительствомъ, которому буржуазія предала закономъ утвержденное право народа, чтобы воспользоваться своей частной добычей.

Прусская конституція содержитъ въ себѣ трехклассный избирательный законъ, составляющій существенную часть ея и проникающій своимъ духомъ и всѣ прочія постановленія ея.

Прусская конституція исключаетъ общее и прямое избирательное право, которое не можетъ осуществиться, пока не устранена эта конституція.

Слѣдовательно, каждый, агитирующій въ пользу сохраненія этой конституціи, долженъ считаться врагомъ народной партіи, которая должна агитировать въ пользу общаго и прямаго избирательнаго права.

Стало быть, можете ли Вы, берлинскіе работники, бѣжать въ хвостѣ у прогрессистовъ, вмѣсто того чтобы собираться подъ необходимое знамя Вашего сословія, подъ знамя всей демократіи, знамя общаго и прямаго избирательнаго права?

Вотъ Вамъ примѣръ совершенной неспособности и полнаго ничтожества этихъ людей.

Это примѣръ самый свѣжій, примѣръ, который намъ представляетъ ихъ поведеніе въ важнѣйшемъ изъ вопросовъ, волнующихъ теперь Германію, въ великомъ національномъ вопросѣ по поводу преобразовательнаго акта германскихъ государей; это примѣръ, котораго безъ смѣха нельзя видѣть.

На франкфуртскомъ депутатскомъ собраніи 21 августа нынѣшняго года по старанію гг. Шульце-Делича и фонъ-Унру комитетъ постановилъ, что къ преобразовательному акту германскихъ государей не слѣдуетъ «относиться только отрицательно»; далѣе, по ихъ же настоянію, было постановлено слѣдующее: «Отъ дальнѣйшихъ дѣйствій германскихъ государей и правительствъ бу-

детъ зависѣть, признаетъ ли депутатское собраніе этотъ фактъ (преобразовательный актъ) ручательствомъ за то, что, послѣ неоднократныхъ безплодныхъ обѣщаній, права германскаго народа будутъ наконецъ удовлетворены достойнымъ его государственнымъ устройствомъ».

Г. Велькеръ предлагалъ во Франкфуртѣ отвѣтить на преобразовательный актъ государей заявленіемъ, что законнымъ правомъ націи должно считаться германское имперское уложеніе 1849 г.

Гг. Шульце-Деличъ и фонъ-Унру своимъ вліяніемъ на депутатское собраніе заставили взять назадъ это предложеніе. Оба они рѣшительнѣйшимъ образомъ говорили въ пользу вышеприведеннаго комитетскаго предложенія, которое и было единогласно принято. Г. Шульце-Деличъ исходилъ въ своихъ доводахъ изъ той мысли, что неполитично совершенно отвергать преобразовательный актъ; что имъ германскіе государи попались въ ловушку, гдѣ ихъ и надо держать! †)

Прекрасно! Это было въ августѣ! — Я не пропустилъ этого случая и въ

---

†) «Народная Газета» отъ 23 августа сообщаетъ изъ рѣчи г. Шульце-Делича между прочимъ слѣдующее: «Никто не желаетъ принимать его (преобразовательный актъ) просто. Но спрашивается, какъ отклонить его? Такъ ли, какъ хотятъ Велькеръ и Бекеръ, или такъ, какъ предлагаетъ комитетъ, поставивъ условія улучшенія? Путемъ простаго отказа трудно добиться парламента... Безусловный отказъ выведетъ государей изъ тяжелаго затрудненія. Надо поймать государей на словѣ; они сами будутъ дѣлать себѣ конкуренцію» и т. д. «Эльберфельдская Газета» отъ 24 августа (№ 232) приводитъ рѣчь г. Шульце-Делича гораздо подробнѣе и между прочимъ передаетъ изъ нея слѣдующее: «Что же мы сдѣлаемъ безусловнымъ отказомъ? Мы поможемъ государямъ выйти изъ громаднаго затрудненія... Отказываясь, Вы выводите ихъ изъ затрудненія. Государи скажутъ, что въ этомъ рѣшеніи принимали участіе и наши палаты; стало быть, скажутъ они, мы разрѣшены отъ всякихъ обязательствъ; пути соглашенія нація не хочетъ, а другой путь не хорошъ. Это было бы, господа, неполитично; надо не высказывать только принципы, а и осуществлять ихъ; иначе это будетъ донъ-кихотство. Это слабость нѣмецкаго народа, которой надо чуждаться (г. Шульце дѣйствительно совершенно чуждъ ея!). Лучше всего брать пока то, что предлагаютъ. Мы поймаемъ государей на ихъ предложеніяхъ. Эти предложенія вызовутъ духовъ, которыхъ они будутъ не въ состояніи изгнать. Не будемъ же помогать имъ изгнать этихъ духовъ! Не будемъ безусловно отказываться. Я знаю, что они хотятъ подвергнуть насъ испытанію; подвергнемъ испытанію ихъ самихъ»... «Во время преній прусской палаты депутатовъ по поводу послѣдняго адреса я сказалъ, что еслибы даже нынѣшнее прусское правительство взялось за это дѣло и захотѣло бы созвать германскій парламентъ, на него никто не пришелъ бы, и сама Пруссія первая. Не въ томъ дѣло, что невозможно единое главенство, а въ томъ, что прусское главенство въ настоящее время невозможно» и т. д.

Странно, что «Берлинская Національная Газета» скрыла отъ своей публики всю эту длинную рѣчь вождя своей партіи, упомянувъ о ней всего въ четырехъ строкахъ. Ужъ не предчувствовала ли она, какъ непріятна можетъ сдѣлаться эта рѣчь? Вмѣсто рѣчи она напечатала 23 августа передовую статью, гдѣ говорится, что «заявленіе франкфуртскаго депутатскаго собранія прекрасно, какъ по ясному и здравому политическому взгляду (?), такъ и по единодушію».

рейнской рѣчи показалъ прогрессистамъ, что своимъ постановленіемъ они измѣнили даже собственной точкѣ зрѣнія, что съ своей точки зрѣнія одно, что они могли дѣлать, это держаться имперскаго уложенія 1849 г., которое, хотя, какъ я тутъ же доказалъ, для Германіи есть чистая невозможность, но несмотря на это — или вѣрнѣе, поэтому самому — для прогрессистовъ представляетъ обязательную точку зрѣнія.

Удалось ли мнѣ убѣдить прогрессистовъ этою рѣчью, или они какимъ-нибудь другимъ путемъ дошли до открытія, что немножко ошиблись во Франкфуртѣ и приняли за искусственную хитрость просто природную глупость — какъ бы то ни было, только два дня тому назадъ, 12 октября, гг. фонъ-Унру и Шульце-Деличъ присутствовали въ собраніи Національнаго Общества въ здѣшней Арнимовской залѣ и говорили рѣчи, гдѣ въ противоположность своему франкфуртскому постановленію наотрѣзъ отвергали преобразовательный актъ, совершенно уничтожали его, трактовали его какъ вещь, съ которой не могутъ имѣть ничего общаго, и постановили, что «слѣдуетъ держаться противъ преобразовательнаго акта государей имперскаго уложенія 1849 г.»

Г. Шульце-Деличъ въ рѣчи своей говорилъ даже буквально слѣдующее (см. «Нац. Газ.» вечернее изд. 14 окт.): «Что представляетъ преобразовательный актъ для германской націи? Она не выигрываетъ черезъ него ни внѣшняго могущества, ни внутреннихъ правъ, напротивъ того, еще отказывается отъ права, когда бы то ни было требовать большаго, — да, принявъ его, и дѣйствительно была бы недостойна получить что-нибудь большее»!!!

Такимъ образомъ въ октябрѣ гг. фонъ-Унру и Шульце-Деличъ находятъ, что нація была бы недостойна получить что-нибудь большее, еслибы приняла тотъ самый преобразовательный актъ, о которомъ въ августѣ они постановляли во Франкфуртѣ, что нація должна принять его!

Работники! Вѣдь Вы люди, у которыхъ да значитъ да, а нѣтъ—нѣтъ! Что же можетъ быть у Васъ общаго съ флюгерами, лишенными всякихъ принциповъ? Что можетъ быть у Васъ общаго съ людьми, которые стоятъ во Франкфуртѣ, гдѣ преобладаютъ великогерманцы, за преобразовательный актъ, а въ Берлинѣ, гдѣ надо быть прусскимъ патріотомъ, противъ него? Что можетъ быть у Васъ общаго съ канатными плясунами, наряжающимися въ августѣ въ черно-желтое платье, а въ октябрѣ въ черно-бѣлое? Съ людьми — хуже флюгеровъ, потому что они мѣняютъ направленіе даже безъ вѣтра! Вѣдь съ августа въ положеніи германскаго вопроса со стороны нѣмецкихъ государей не произошло никакой перемѣны. Съ ихъ стороны не было сдѣлано въ это время ни единаго малѣйшаго шага, который могъ бы дать хотя какой-нибудь, хотя бы самый убогій предлогъ къ перемѣнѣ направленія!

Что Вамъ дѣлать съ людьми, которые даже въ важнѣйшемъ національномъ вопросѣ сами не знаютъ, чего хотятъ, а тѣмъ болѣе не могутъ сказать, чего Вамъ слѣдуетъ желать? Что Вамъ дѣлать съ людьми, которые не имѣютъ руководящаго принципа даже въ этомъ вопросѣ, охватывающемъ все наше су-

ществованіе, какъ націи? Что Вамъ дѣлать съ политическими ребятами, которые, какъ всѣ ребята, любятъ обезъянить взрослыхъ, смѣшиваютъ народную политику съ дипломатіей государей, гонятся за дипломатической хитростью и приэтомъ, естественно, попадаютъ въ бѣдственную необходимость признавать въ октябрѣ отчаянно глупымъ то, что въ августѣ казалось удивительно хитрымъ, рискуя найти въ январѣ, что октябрская мудрость ничѣмъ не лучше августовской глупости?!

Есть ли Вамъ, работники, какая-нибудь надежда когда-либо отстоять интересы свободы съ такими тупоумными, малодушными, чуждыми принциповъ существами, побѣдить въ союзѣ съ ними препятствія, которыя можно одолѣть только строгою послѣдовательностью принциповъ?

Стало быть, что же можетъ удержать Васъ отъ вступленія въ наши ряды?

Кромѣ того, не принуждаетъ ли Васъ, берлинскіе работники, къ этому и наша соціальная программа: улучшеніе Вашего соціальнаго положенія?

Кто изъ Васъ, работники, будетъ такъ глупъ и слѣпъ къ собственному интересу, чтобы не сознавать глубокой несправедливости своего сословнаго положенія и необходимости улучшить его?

Неужели Васъ удержитъ обманчивое слово «самопомощь»? Или ложное и лицемѣрное противорѣчіе, полагаемое между нимъ и предлагаемою мною помощью чрезъ законодательство?

Бѣдная, обманутая толпа, соблазняемая приманкою слова!

Можетъ ли быть болѣе великая «соціальная самопомощь», какъ состоящая въ преобразованіи государства и въ измѣненіи этимъ соціальныхъ условій?

Въ частной жизни каждая отдѣльная личность помогаетъ себѣ, насколько можетъ, своими изолированными силами.

Народы же и сословія могутъ помочь себѣ и всегда помогали себѣ только чрезъ законодательство.

Самопомощь народовъ и сословій состоитъ въ измѣненіи законодательства, во введеніи тѣхъ великихъ общихъ учрежденій, которыя обусловливаютъ всю соціальную жизнь.

Развѣ я предлагалъ Вамъ что-нибудь вродѣ той государственной помощи, какой недавно требовали въ Брюсселѣ — чтобы государство взяло работниковъ на содержаніе?

Нѣтъ, я отвергаю подобную мысль, потому что она опять-таки сводится на милостыню и подвергаетъ опасности Вашу самостоятельность и независимость.

Я требовалъ не больше и не меньше того, чтобы будущее государство, демократическое государство, возрожденное введеніемъ общаго и прямаго избирательнаго права, ссудило Вамъ посредствомъ чрезвычайно легкой для него кредитной операціи капиталы, нужные работникамъ для учрежденія производительныхъ ассоціацій.

Такая государственная помощь не представляетъ противоположности самопомощи. Напротивъ того, она только даетъ Вамъ возможность самопомощи

Она только даетъ Вамъ возможность улучшить свое положеніе самопомощью, помочь самимъ себѣ собственными предпріятіями, пожать самимъ для себя плоды своей рабочей силы. Дать Вамъ дѣйствительную возможность самопомощи значитъ ли уничтожать ее?

Развѣ прибыль, которую Вы будете извлекать изъ своихъ предпріятій, не будетъ результатомъ Вашей собственной дѣятельности и рабочей силы? Вѣдь вся разница будетъ только въ томъ, что плоды ихъ будутъ доставаться Вамъ, тогда какъ теперь отправляются цѣликомъ въ карманы предпринимателей, которые потомъ выбрасываютъ Вамъ жалкую подачку въ видѣ рабочей платы на необходимое поддержаніе существованія.

Развѣ рабочая плата, которую Вы теперь пріобрѣтаете въ предпринимательскихъ мастерскихъ съ помощью принадлежащихъ предпринимателямъ машинъ и орудій труда всякаго рода, этихъ воплощенныхъ капиталовъ, — не есть результатъ Вашей самопомощи оттого, что пріобрѣтается Вами съ помощью машинъ и инструментовъ, т. е. капиталовъ, не принадлежащихъ Вамъ?

Вѣдь наборщикъ въ мастерской предпринимателя работаетъ его литерами; вѣдь ткачъ на фабрикѣ и дома работаетъ надъ сырымъ матеріяломъ, принадлежащимъ предпринимателю; но изъ того, что инструменты и матеріялы эти не принадлежатъ этимъ работникамъ, слѣдуетъ ли, что пріобрѣтаемая ими этимъ трудомъ рабочая плата не есть результатъ ихъ самопомощи?

Или, можетъ быть, продуктъ труда только тогда считается самопомощью, пока ограничивается рабочей платой, т. е. необходимымъ поддержаніемъ жизни, опредѣляемымъ нынѣшнимъ взаимнымъ соперничествомъ работниковъ другъ другу, и пока весь излишекъ его сверхъ этой скудной подачки поступаетъ въ карманы предпринимателей? Развѣ рабочая плата перестанетъ быть результатомъ «самопомощи», какъ скоро возрастетъ настолько, что обниметъ собою весь продуктъ труда, въ томъ числѣ, стало быть, и прибыль?

Берлинскіе работники! неужели Вы не видите грубаго и неловкаго обмана, который затѣянъ противъ Васъ?

Если Вы въ самомъ дѣлѣ не видите, то можно бы посмѣяться надъ Вами и равнодушно отойти прочь отъ Вашего дѣла; но въ тепломъ сердцѣ тѣмъ болѣе возбуждается сочувствія и негодованія при видѣ Вашей честности, злоупотребляемой такимъ позорнымъ обманомъ.

Г. Шульце-Деличъ самъ вѣдь сознался въ этомъ обманѣ, объявивъ Вамъ въ засѣданіи рабочаго союза 21 іюня нынѣшняго года, что собралъ между имущими 100,000 талеровъ, чтобы дать необходимую ссуду производительнымъ ассоціаціямъ, которыя онъ намѣренъ основать!

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ моей агитаціи онъ нетолько спохватился заводить производительныя ассоціаціи, о которыхъ я говорилъ Вамъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ», но и сознался, что, если заводить ихъ, то необходимо, чтобы другіе ссудили Вамъ капиталы на производство, — что это необходимо, потому что у Васъ ихъ нѣтъ, а безъ нихъ производить невозможно!

Слѣдовательно, онъ самъ сознался, что ссуда капиталовъ со стороны, т. е. кредитъ на производство, не уничтожаетъ Вашей самопомощи.

А если такъ, то не все ли равно, получите ли Вы эти капиталы отъ нѣсколькихъ богачей или отъ всего народа, въ его единичной совокупности государства, чрезъ законодательное собраніе?

Нѣтъ, далеко не все равно! Данные нѣсколькими богачами, они будутъ унижающей Васъ милостыней! Милостыней, которая поставитъ Васъ въ долговременную зависимость отъ расположенія этихъ частныхъ лицъ! Тогда какъ данные всѣмъ народомъ, въ его единичной совокупности государства, они составятъ для Васъ прочное законное право, за которое Вы ни отъ кого не зависите и никому не обязаны.

Та же разница, что въ характерѣ этой помощи, обнаруживается и въ размѣрахъ ея. Со стороны частныхъ богачей она можетъ простираться до какой-нибудь сотни тысячъ, по большей мѣрѣ до сотенъ тысячъ талеровъ, стало быть, составить сумму, дотого ничтожную, что въ лучшемъ случаѣ она можетъ помочь только нѣкоторымъ изъ Васъ и возвысить ихъ изъ Вашего сословія. Но чтобы нѣкоторыя отдѣльныя личности возвышались изъ Вашего сословія — это не интересъ Вашего сословія, а какъ разъ противное его интересу! Для того же, чтобы возвысить Ваше сословіе, чтобы освободить не нѣсколько отдѣльныхъ личностей изъ работниковъ, а самый трудъ — нужны милліоны и много милліоновъ талеровъ, а это могутъ дать Вамъ только государство и законодательство.

Итакъ, повторяю опять, работники! Государственный кредитъ, вмѣсто того чтобы лишить Васъ самопомощи, доставитъ Вамъ именно настоящую возможность ея!

Развѣ Вы не знаете, что сотни буржуазовъ уже давнымъ давно были бы принуждены закрыть свои лавочки, еслибы не получали отъ государственныхъ банковъ подобныхъ ссудъ въ формѣ дисконта векселей? Но слыхали ли Вы когда-нибудь, чтобы буржуазы находились въ зависимости и существовали государственнымъ пособіемъ?

Берлинскіе работники! Въ какомъ непроницаемомъ мракѣ блуждали бы Вы, еслибы не поняли корыстной причины этого лицемѣрнаго надувательскаго противорѣчія, полагаемаго между самопомощью и требуемымъ мною кредитомъ! Безъ этого кредита Вы никогда не будете имѣть производительныхъ ассоціацій, никогда не получите возможности самопомощи. Безъ него она на вѣки останется для Васъ пустымъ обманчивымъ словомъ, которымъ Васъ дурачатъ! И только при учрежденіи этихъ кредитовъ для рабочихъ ассоціацій Вы достигнете дѣйствительной возможности самопомощи.

Но истинный смыслъ свободы, истинное содержаніе всякаго общественнаго порядка въ томъ именно и состоитъ, чтобы доставлять всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ дѣйствительную возможность самопомощи и саморазвитія, посредствомъ великихъ общихъ государственныхъ учрежденій, въ формѣ, всегда соотвѣтствующей потребностямъ данной эпохи; не исключительно полицейская цѣль предупрежденія преступленій, а это составляетъ конечную причину государства, которое принадлежитъ не министрамъ или королю, а существуетъ чрезъ всѣхъ и для всѣхъ. Вотъ

истинная причина, почему государства вообще существуютъ и почему люди не бродятъ безъ всякой общественной связи, предоставленные своимъ частнымъ силамъ, какъ звѣри!

Наконецъ, берлинскіе работники, развѣ я обращалъ Васъ къ помощи нынѣшняго, полицейскаго государства? Я обращалъ Васъ къ помощи государства будущаго, въ которомъ будетъ господствовать общее и прямое избирательное право, стало быть, государства, которое будетъ представлять высшее развитіе свободы и состоять подъ державой всего народа.

Чтобы открыть Вамъ, берлинскіе работники, глаза на все это сплетеніе обмановъ, Общій Германскій Рабочій Союзъ постановилъ поручить мнѣ обратиться къ Вамъ съ этимъ воззваніемъ и распространить его между Вами безплатно въ десяти тысячахъ экземпляровъ.

Берлинскіе работники! Я, обращающійся къ Вамъ здѣсь, защищаю не свое, а Ваше дѣло. Я, говорящій Вамъ здѣсь, говорю Вамъ не отъ своего лица, а отъ лица многихъ тысячъ работниковъ, поддерживаемый всѣмъ авторитетомъ, какой должно придать мнѣ въ Вашихъ глазахъ воплощеніе во мнѣ столькихъ тысячъ членовъ Вашего сословія!

Моими устами Вамъ говорятъ Ваши братья съ Рейна, съ Майна, съ Эльбы и съ береговъ Сѣвернаго моря! Они протягиваютъ Вамъ мозолистыя руки и требуютъ Вашего братскаго рукопожатія!

Они говорятъ Вамъ: Проснитесь изъ своего безучастія и вступайте въ нашъ братскій союзъ!

Они говорятъ Вамъ: Можете ли Вы идти въ хвостѣ у прогрессистовъ или пребывать въ лѣнивомъ равнодушіи, когда дѣло идетъ о политической свободѣ, о новомъ возстаніи демократіи, о матеріяльныхъ интересахъ Вашего сословія, объ избавленіи труда отъ дани капиталу?

Они говорятъ Вамъ: Подумайте о своихъ великихъ покойникахъ марта 1848 г.! Неужели Вы, сыновья и братья тѣхъ, которые были первыми въ тогдашнемъ движеніи, хотите быть послѣдними въ настоящемъ?

А вѣдь тогда дѣло шло только о политической свободѣ! Теперь же оно идетъ и о политической свободѣ, и объ интересахъ труда!

И тогда приходилось строить баррикады, — теперь же все дѣло пока только въ томъ, чтобы законно дозволеннымъ вступленіемъ въ нашъ союзъ, величавымъ обнаруженіемъ нашей численности и единодушія занять положеніе, которое будетъ имѣть огромное вліяніе и на правительство, и на прогрессистовъ, и вызвать новый оборотъ въ развитіи нашего народа!

Возстаньте же, берлинскіе работники! Запишитесь въ списки Общаго Германскаго Рабочаго Союза!

Вспомните слова, сказанныя мною Вамъ въ рейнской рѣчи: Тотъ изъ работниковъ, кто не вступаетъ въ Общій Германскій Рабочій Союзъ, не настоящій работникъ, потому что въ немъ нѣтъ или разумѣнія жизненныхъ интересовъ своего сословія, или мужества дѣйствовать за эти интересы!

Подумайте объ отвѣтственности, которой подвергаете себя дальнѣйшимъ колебаніемъ передъ Вашими братьями, передъ самими собой, передъ всей исто-

ріей! Всѣ важнѣйшіе центры Германіи за насъ. За насъ Лейпцигъ и фабричныя мѣстности Саксоніи. Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ идутъ подъ нашимъ знаменемъ.

Прусскія прирейнскія страны стремятся впереди всѣхъ неудержимымъ потокомъ!

Съ Берлиномъ за себя, — движеніе сдѣлается непобѣдимо!

Такъ захотите ли Вы, берлинскіе работники, взять на себя отвѣтственность въ остановкѣ своимъ поведеніемъ этого великаго германскаго движенія, въ ниспроверженіи торжества своего общаго дѣла?

Захотите ли Вы, работники столицы, обязанные идти впереди всѣхъ, подвергнуть себя упреку въ томъ, что послѣдніе пристали къ этому движенію?

Подумайте, какія пагубныя послѣдствія для Вашего собственнаго сословія будетъ имѣть Ваше враждебное или безучастное отношеніе къ движенію, которому рабочее сословіе въ столькихъ германскихъ городахъ и провинціяхъ предалось съ такимъ восторгомъ и одушевленіемъ!

Неужели даже и въ германскомъ рабочемъ сословіи проглянетъ исконная печальная черта нашей исторіи — разногласіе германскихъ государей и племенъ, и неужели опять погубитъ она наше національное развитіе?

Нѣтъ, прочь отъ Васъ эта мысль! Прочь и отъ меня!

Проснитесь же, берлинскіе работники, и — лучшіе впереди — записывайтесь въ списки нашего союза!

Отъ имени Общаго Германскаго Рабочаго Союза

президентъ **Фердинандъ Лассаль.**

Берлинъ, 14 октября 1863 г.

ПРОЦЕССЪ,

ПО ОБВИНЕНІЮ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ПРЕСТУПЛЕНІИ,

ПРОТИВЪ

ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ,

ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СУДѢ

12 МАРТА 1864 Г. †)

Засѣданіе суда происходило въ залѣ № 1-й зданія судебной палаты, Линденштрассе, № 15-й. За судейскимъ столомъ, стоящимъ у задней поперечной стѣны залы на эстрадѣ, возвышающейся на нѣсколько ступенекъ, засѣдаютъ: посрединѣ предсѣдательствующій суда, второй президентъ судебной палаты Бюхтеманъ и девять членовъ: по правую сторону тайные юстиціи и судебной палаты совѣтники Гутшмидтъ и Грейнъ и совѣтники судебной палаты Леонгардъ и Братрингъ; по лѣвую сторону тайный юстиціи и судебной палаты совѣтникъ Дрогандтъ и совѣтники судебной палаты Бекеръ, фонъ-Эльрихсъ, Фогель, Гоппе. (Письмоводитель: референдарій судебной палаты).

Мѣсто публичнаго обвинителя на правомъ концѣ стола занимаетъ оберъ-прокуроръ судебной палаты Аделунгъ.

Засѣданіе открыто ровно въ 10 часовъ пополудни провозглашеніемъ имени обвиняемаго, Фердинанда Лассаля. Онъ входитъ за рѣшетку суда съ своимъ защитникомъ, адвокатомъ Гольтгофомъ, и садится по правую сторону отъ него за столъ защиты, стоящій посрединѣ передъ ступенями эстрады суда.

---

†) Переводъ со 2-го изд., Лейпцигъ, 1868 г., изд. Лассалевскаго Общаго Герм. Раб. Союза. *Пр. перев.*

Передъ рѣшеткой — многочисленная публика, въ томъ числѣ нѣсколько депутатовъ и много членовъ Общ. Герм. Раб. Союза.

Судопроизводство началось установленіемъ личнаго тожества лица явившагося въ качествѣ обвиняемаго. Затѣмъ секретарь прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

ОБВИНЕНІЕ

оберъ прокурора при корол. судебной палатѣ противъ частнаго лица Фердинанда Лассаля, жительствующаго здѣсь, въ Потсдамерштрассе, 13, родившагося 11 апрѣля 1825 г. въ Бреславлѣ, несостоящаго солдатомъ и уже подвергавшагося наказанію шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, по приговору 5-го іюля 1849 года корол. Дюссельдорфскаго земскаго суда, за возбужденіе гражданской стражи къ насильственному сопротивленію до кровопролитія ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника въ отношеніи его служебныхъ обязанностей.

I.

Обвиняемый Лассаль, по собственному сознанію, есть авторъ брошюры «Къ берлинскимъ работникамъ, воззваніе отъ имени работниковъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Берлинъ, на коммиссіи у Р. Шлингмана, 1863 г.»

Брошюра эта напечатана въ октябрѣ 1863 г. у Вейнберга, Монбижуштрассе № 10, въ количествѣ 16,000 экземпляровъ и, по сознанію обвиняемаго, была обнародована въ смыслѣ закона о печати.

У издателя Шлингмана найдено только 2,960, а въ квартирѣ обвиняемаго только 25 экземпляровъ названной брошюры. 41 экземпляръ заарестованъ у газетнаго разсыльнаго Фалькенгагена.

Обнародованіемъ этой брошюры обвиняемый совершилъ дѣйствіе, которымъ приготовлялось государственно-преступное предпріятіе, а именно, клонящееся къ насильственному измѣненію прусскаго государственнаго порядка.

Въ брошюрѣ этой обвиняемый приглашаетъ берлинскихъ работниковъ ко вступленію въ основанный имъ «Общій Германскій Рабочій Союзъ».

Цѣль этого союза есть возстановленіе общаго равнаго и прямого избирательнаго права, какъ прямо явствуетъ нетолько изъ брошюры, но и изъ сообщаемаго при актахъ устава союза (см. ниже, приложеніе къ процессу).

Возстановленіемъ этого избирательнаго права обвиняемый по собственнымъ словамъ хочетъ «преобразовать» нынѣшнее прусское государство, поставить на его мѣсто «возрожденное демократическое государство», «которое должно быть высшимъ развитіемъ свободы и состоять подъ державой всего народа.» Программой этого будущаго государства должно быть «улучшеніе соціальнаго положенія работниковъ путемъ законодательства»; преимущественно же долж-

но оно будетъ доставить работникамъ посредствомъ кредитной операціи ссуду капиталовъ необходимыхъ имъ на устройство производительныхъ ассоціацій.

«Кто изъ Васъ, работники,—говорится въ брошюрѣ (стр. 348) — будетъ такъ глупъ и слѣпъ къ собственному интересу, чтобы не сознавать глубокой несправедливости своего сословнаго положенія и необходимости улучшить его?»

Этой цѣли союза можно достигнуть лишь измѣненіемъ прусской государственной конституціи 31-го января 1850 года, такъ какъ она не признаетъ общаго равнаго и прямого избирательнаго права. Обвиняемый и говоритъ это въ своей брошюрѣ прямо такъ (стр. 345):

«Прусская конституція еще никогда ни на одинъ день не имѣла законнаго существованія.

«Прусская конституція есть лишь продуктъ и результатъ противозаконія, совершеннаго противъ народа, незаконнымъ отнятіемъ общаго избирательнаго права, установленнаго закономъ 8-го апрѣля 1848 года.

«Прусская конституція есть лишь компромиссъ буржуазіи съ правительствомъ, которому буржуазія предала закономъ утвержденное право народа, чтобы воспользоваться своей частной добычей.

«Прусская конституція исключаетъ общее и прямое избирательное право, которое не можетъ осуществиться, пока не устранена эта конституція.

«Слѣдовательно, каждый, агитирующій въ пользу сохраненія этой конституціи, долженъ считаться врагомъ народной партіи, которая должна агитировать въ пользу общаго и прямого избирательнаго права.»

Что касается средствъ, которыми Рабочій Союзъ хочетъ достигнуть этого преобразованія государства, то въ уставѣ Союза, правда, говорится, что надо дѣйствовать только на широкомъ и законномъ пути, посредствомъ склоненія общественнаго мнѣнія въ пользу возстановленія общаго равнаго и прямого избирательнаго права. Но изъ подсудимой брошюры явствуетъ, что за этимъ средствомъ скрывается другое, которое и составляетъ истинную цѣль Союза, а именно:

Сперва повліять на правительство и на враждебныя политическія партіи сильнымъ соединеніемъ работниковъ, а если этого понудительнаго вліянія окажется недостаточно для того, чтобы произвести измѣненіе порядка, то употребить для этой цѣли, быть можетъ, и физическую силу.

Это явствуетъ изъ слѣдующаго:

Обвиняемый сообщаетъ въ своей брошюрѣ работникамъ передовую статью «Южно-германской Газеты», будто-бы органа прогрессистской партіи, написанную по поводу рабочаго собранія, устроеннаго имъ въ Барменѣ. Сущность этой статьи состоитъ въ раскрытіи настоящей цѣли рабочаго движенія, организованнаго обвиняемымъ; объясненіе это заимствуется изъ обнаружившагося характера устроенныхъ имъ рабочихъ собраній на Рейнѣ. Въ статьѣ высказывается опасеніе, что крайніе элементы прогрессистской партіи отрекутся отъ нея и бросятся въ объятія Общему Германскому Рабочему Союзу, «по-

-тому что она пугается борьбы съ короной, въ чемъ состоитъ смыслъ всего -столкновенія». Цѣль же рабочаго движенія состоитъ въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго порядка. Опасность разрушительныхъ стремленій обвиняемаго не должно представлять себѣ маловажной.

«Нелѣпо утверждать, будто обвиняемый служитъ орудіемъ реакціи». «Число его приверженцевъ постоянно возрастаетъ, и еще замѣчательнѣе ихъ фанатизмъ». «Пивныя кружки, летѣвшія въ прошлое воскресенье въ выходившихъ фабрикантовъ въ Барменѣ, были оружіемъ не простой грубости, и слова Лассаля, что онъ пріѣхалъ дѣлать смотръ, нельзя считать пустымъ хвастовствомъ». «Политическую важность рабочему сословію придаютъ здоровые кулаки, голодные желудки, подвижность, рѣшительность». «Не знаемъ— такъ слово въ слово говорится въ этой статьѣ — будетъ ли у насъ когда-нибудь армія гимнастовъ и вольныхъ стрѣлковъ, готовая идти на защиту конституціи; но то несомнѣнно, что если дѣла пойдутъ по-нынѣшнему, то рабочая армія Лассаля не оставитъ въ нынѣшнемъ политическомъ строѣ Германіи камня на камнѣ, и первые не уцѣлѣютъ скипетръ, корона, звѣзды и другія игрушки». «Мы находимся наканунѣ великаго соціальнаго переворота». Обвиняемый дѣлаетъ видъ, будто приводитъ эту статью только въ доказательство работникамъ, что и противники его, прогрессисты, признаютъ въ газетахъ, не читаемыхъ работниками, что онъ не реакціонеръ. Но въ дѣйствительности онъ имѣетъ въ виду этимъ косвеннымъ раскрытіемъ своихъ истинныхъ цѣлей склонить работниковъ къ вступленію въ Рабочій Союзъ.

Слѣдующее мѣсто доказываетъ, что онъ дѣйствительно считаетъ революціонныя заявленія хорошимъ средствомъ располагать къ себѣ работниковъ:

«Спрашиваю еще разъ: почему же не скажутъ прогрессисты правду, что по своей преданности конституціи ненавидятъ меня, какъ революціонера? Почему вмѣсто того они поднимаютъ противъ меня при Васъ лживый крикъ, что я служу реакціи? Причина проста. При Васъ прогрессисты не могутъ упрекать меня за то, что я революціонеръ. Они знаютъ, что выскажи они при Васъ этотъ упрекъ, истинную причину ихъ ненависти ко мнѣ, это имѣло бы единственнымъ послѣдствіемъ обращеніе всѣхъ Васъ въ моихъ приверженцевъ» (стр. 344).

Притомъ изъ брошюры обвиняемаго совершенно ясно, что сообщаемая имъ въ ней статья содержитъ выраженіе его собственныхъ мнѣній.

Сказавъ, что нѣкоторыя газеты намѣревались ввести работниковъ въ заблужденіе относительно разныхъ происшествій на рейнскихъ рабочихъ собраніяхъ, не упоминая объ упрекѣ въ реакціонерствѣ; коснувшись восторженной преданности ему рейнскихъ работниковъ, онъ приводитъ эту статью вслѣдъ за замѣчаніемъ, что четырехъ мѣсяцевъ еще не прошло съ учрежденія Общаго Германскаго Рабочаго Союза, а страсть уже пылаетъ въ сердцахъ народа. Приводя статью, онъ говоритъ (стр. 339):

«Хотите ли Вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами под-

тверждаютъ все, что я говорилъ Вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой, другъ для друга? Вы сейчасъ увидите!»

А приведя статью, говоритъ о ней (стр. 342):

«Видите, работники, здѣсь безъ обиняковъ признается все — и многочисленность приверженцевъ Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь гг. фабрикантовъ и купцовъ къ Шульце-Деличу, и то, что теперь они прославляютъ его, какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить Васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза — все, все.

«И нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи, и опасеніе, что, наоборотъ, Общій Германскій Рабочій Союзъ перепилитъ сукъ, на которомъ вмѣстѣ засѣдаютъ прогрессисты съ реакціей, и многое другое — все признается здѣсь нашими противниками, равно какъ и истинный характеръ рейнскихъ собраній.

«Такимъ образомъ въ рядахъ нашихъ противниковъ господствуютъ смятеніе и замѣшательство, а Вы, берлинскіе работники, еще колеблетесь и не рѣшаетесь, недоумѣвая, кого держаться!»

Итакъ, здѣсь обвиняемый положительно признаетъ вѣрнымъ то, что говорится въ статьѣ о фанатизмѣ и постоянномъ возрастаніи его приверженцевъ, равно какъ и объ истинномъ характерѣ рейнскихъ собраній. Въ статьѣ же о рейнскихъ собраніяхъ говорится, что они уже теперь представляютъ собою народное движеніе, опирающееся на физическую силу.

Впрочемъ свое намѣреніе прибѣгнуть въ случаѣ надобности къ силѣ для достиженія своей цѣли обвиняемый высказываетъ не косвенно только, сообщеніемъ этой статьи. Въ заключеніи своей брошюры онъ уговариваетъ работниковъ вспомнить о своихъ великихъ покойникахъ 1848 г. и даетъ несомнѣнно понять, что вся разница между тогдашнимъ народнымъ движеніемъ и организованнымъ имъ рабочимъ движеніемъ состоитъ въ томъ, что послѣднее должно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ не тотчасъ, а тогда только, когда окажется недостаточнымъ имѣемое въ виду на первый случай средство устрашенія правительства внушительнымъ сборомъ рабочей арміи (см. стр. 351).

II.

Какъ уже упомянуто, на стр. 341 говорится о «скипетрѣ, коронѣ, звѣздахъ и другихъ игрушкахъ».

Подъ отличіями монархіи, «скипетромъ и короной», разумѣется, очевидно, сама монархія. Она осмѣивается и оскорбляется названіемъ «игрушекъ», а такъ какъ монархія есть государственное учрежденіе, то мѣсто это подлежитъ § 101 Уголовнаго Свода.

На той же страницѣ говорится:

«Благодаря глупости нашего правительства и ограниченной слабости, съ

какою ведется дѣло либерализма, мы находимся теперь наканунѣ великаго соціальнаго переворота.»

Упрекъ членамъ королевскаго министерства въ «глупости», очевидно, есть оскорбленіе ихъ въ отношеніи служебныхъ обязанностей.

Вслѣдствіе этого и на основаніи заключенія отдѣленія королевской судебной палаты по государственнымъ преступленіямъ отъ 27-го января с. г. частное лицо Фердинандъ Лассаль обвиняется въ томъ, что въ Берлинѣ въ октябрѣ 1863 г. посредствомъ написанной и обнародованной имъ брошюры «Къ берлинскимъ работникамъ»:

a) подготовлялъ предпріятіе, клонящееся къ насильственному измѣненію прусскаго государственнаго порядка,

b) подвергалъ презрѣнію публичнымъ осмѣяніемъ государственное учрежденіе,

c) оскорбилъ членовъ королевскаго министерства относительно ихъ служебныхъ обязанностей.

Что составляетъ преступленія или проступки противъ §§ 66, 101 и 102 Уголовнаго Свода.

Предписывается:

Назначить срокъ для словеснаго судопроизводства и вытребовать отъ королевскаго дюссельдорфскаго оберъ-прокурора предварительные акты противъ Лассаля.

Берлинъ, 4-го февраля 1864 г.

Оберъ-прокуроръ **Аделунгъ**.

Судъ тотчасъ постановляетъ приказать прочесть брошюру обвиняемаго, «Къ Берлинскимъ Работникамъ», такъ какъ она составляетъ главное основаніе обвиненія. Чтеніе ея продолжалось до $11^1/_4$ часовъ.

Вслѣдствіе дальнѣйшаго постановленія былъ также прочитанъ § 1 устава Общаго Германскаго Рабочаго Союза, слѣдующаго содержанія:

«Подъ именемъ «Общаго Германскаго Рабочаго Союза» нижеподписавшіеся учреждаютъ въ государствахъ Германскаго Союза союзъ, который, исходя изъ убѣжденія, что только общее равное и прямое избирательное право можетъ дать удовлетворительное представительство соціальнымъ интересамъ германскаго рабочаго сословія и дѣйствительно уничтожить всѣ сословныя неравенства, ставитъ себѣ цѣлью:

Дѣйствовать на мирномъ и законномъ пути, преимущественно же склоненіемъ общественнаго мнѣнія, въ пользу возстановленія общаго равнаго и прямого избирательнаго права».

Президентъ. Спрашиваю Васъ, обвиняемый, признаете ли Вы себя виновнымъ въ поступкахъ, въ которыхъ обвиняетесь? (Обвиняемый отрицательно

качаетъ головой, и президентъ установляетъ достовѣрность упомянутаго въ обвиненіи прежняго наказанія шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, которому обвиняемый былъ подвергнутъ за возбужденіе дюссельдорфской гражданской стражи къ вооруженному сопротивленію въ ноябрѣ 1848 г. Вслѣдъ затѣмъ по собственному заявленію обвиняемаго установлена достовѣрность приговора, произнесеннаго надъ нимъ во второй инстанціи за рѣчь «Программа Работниковъ», къ денежной пенѣ въ 100 талеровъ, и вошедшаго со времени составленія обвинительнаго акта въ законную силу вслѣдствіе отказа на апелляцію).

Президентъ. Неугодно ли Вамъ объясниться насчетъ вмѣняемыхъ Вамъ въ вину фактовъ?

Лассаль. Охотно. Но дѣло въ томъ, что я нахожу въ обвиненіи очень мало фактовъ. Я учредилъ Общій Германскій Рабочій Союзъ, имѣющій цѣлью исключительно нравственную агитацію въ пользу возстановленія общаго равнаго и прямого избирательнаго права, склоненіемъ къ нему общественнаго мнѣнія. Я обнародовалъ прочитанное здѣсь воззваніе, въ которомъ состоитъ собственно corpus delicti обвиненія, только для опроверженія важныхъ выдумокъ и искаженій, распространенныхъ здѣшней прогрессистской печатью насчетъ нѣкоторыхъ происшествій на созванныхъ мною рейнскихъ рабочихъ собраніяхъ. Я опровергаю въ немъ между прочимъ то, что̀ печать эта говорила о малочисленности моихъ приверженцевъ на Рейнѣ, и наконецъ выдумку ея, будто я реакціонеръ или по крайней мѣрѣ служу реакціи. Въ опроверженіе этого я показалъ берлинскимъ работникамъ, что̀ говоритъ одна изъ прогрессистскихъ же газетъ, да еще одна изъ самыхъ страстныхъ служительницъ этой партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣждалъ ихъ не поддаваться долѣе подобнымъ обманамъ и вступать въ Общ. Г. Рабочій Союзъ, имѣющій здѣсь, какъ и въ другихъ прусскихъ городахъ, вполнѣ законное, признанное всѣми властями существованіе. Что касается всего остальнаго содержанія статьи «Южно-германской Газеты», на которую обвиненіе такъ напираетъ, то я, по моему разумѣнію, ни мало не отвѣтственъ за него, какъ докажу подробно въ защитительной рѣчи. Я привелъ статью эту только въ подтвержденіе нѣкоторыхъ фактическихъ спорныхъ пунктовъ, которые были для меня важны. Но мнѣ не было надобности говорить о разныхъ намѣреніяхъ и мысляхъ, которыя приписываетъ мнѣ корреспондентъ «Южно-германской Газеты», и о разныхъ гаданіяхъ его насчетъ будущности; поэтому я и не говорилъ объ этомъ. Третьяго же факта я не нахожу въ обвинительномъ актѣ.

Президентъ. Обвиненіе разумѣетъ, что избирательный законъ и избирательное право, какъ оно нынѣ существуетъ, составляютъ существенную часть конституціи. Вы же хотите совершенно преобразовать ихъ, хотите отмѣнить трехклассную избирательную систему и возстановить общее и прямое избирательное право. Не было ли бы это измѣненіемъ существующаго порядка?

Лассаль. Г. президентъ, все дѣло въ томъ, какими средствами производить измѣненіе; иначе вѣдь всякое стремленіе къ измѣненію конституціи будетъ государственнымъ преступленіемъ?

Президентъ. Но Вы обвиняетесь въ обращеніи къ насильственнымъ средствамъ.

Лассаль. Къ величайшему моему удивленію.

Президентъ. Чтобы показать, что статья «Южно-германской Газеты» дѣйствительно вѣрно передаетъ Ваши воззрѣнія и стремленія, Вы говорите: «Берлинскіе работники! Хотите ли Вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ Вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой, другъ для друга? Когда же имъ случается говорить передъ работниками или писать для работниковъ, они, конечно, благоразумно умалчиваютъ. Вы сейчасъ увидите!» За эти слова обвиненіе дѣлаетъ Васъ отвѣтственнымъ за статью.

Лассаль. Обвиненіе ошибается. Вѣдь я говорю:

«Хотите ли услышать изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ, все, что я сказалъ Вамъ собственными словами».

Это значитъ только вотъ что:

«Все, что я сказалъ Вамъ, говоритъ и «Южно-германская Газета».»

Но это вовсе не значитъ, что «все, что говоритъ эта статья, то и я говорю». *(Движеніе между судьями и въ публикѣ.)*

Президентъ. Но Вы сами прямо говорите, что хотите произвести на правительство «огромное вліяніе» внушительнымъ сборомъ рабочихъ массъ. Вы вспоминаете про баррикады 1848 г. и тутъ же говорите, что теперь дѣло идетъ прежде всего о подобномъ вліяніи. Какъ хотите Вы производить его?

Лассаль. Тутъ не можетъ быть сомнѣнія. Рѣчь идетъ о томъ огромномъ умственномъ вліяніи, которое развивается въ каждой умственной атмосферѣ распространеніемъ разумныхъ познаній. Напомню — мимоходомъ — примѣръ англійской агитаціи противъ хлѣбныхъ пошлинъ; она продолжалась пять лѣтъ, пріобрѣла за себя массы населенія и убѣдила наконецъ главу торійскаго министерства, сэра Роберта Пиля.

Президентъ. Большая разница! Тамъ дѣло шло объ отмѣнѣ какихъ-нибудь пошлинъ, а Вы хотите измѣнить часть конституціи!

Лассаль. Это одно и тоже, г. президентъ. Эти пошлины были основаны на законѣ. Относительно обязательной силы нѣтъ разницы между закономъ и конституціей.

Президентъ. Въ уставѣ Вашего союза сказано, правда, что измѣненія этого надо добиваться законнымъ путемъ; но Вы въ своемъ воззваніи обращаетесь къ страсти Вашихъ приверженцевъ. Страсть же не слѣдуетъ законнымъ и мирнымъ путемъ и не останавливается на немъ.

Лассаль. Это зависитъ оттого, какъ понимать слово страсть. Позволю себѣ процитировать изъ философіи исторіи Гегеля:

«Итакъ, мы говоримъ, что ничего не осуществлялось безъ участія интереса тѣхъ, кто содѣйствовалъ своею дѣятельностью. Интересъ же мы называемъ страстью, какъ скоро вся человѣческая индивидуальность со всѣми прочими интересами и цѣлями, какіе имѣетъ и можетъ имѣть, со всѣми прису-

щими ей струями желаній, полагается въ одинъ предметъ, сосредоточиваетъ въ этой цѣли всѣ свои потребности и силы. Слѣдовательно, мы должны сказать вообще, что ничего великаго не совершалось въ мірѣ безъ страсти.»

Въ томъ же смыслѣ и я принимаю слово страсть, что впрочемъ объяснено вкратцѣ въ моемъ воззваніи. Кромѣ того я оградилъ себя отъ недоразумѣній порицаніемъ тѣхъ явленій, въ которыхъ страсть выразилась въ барменскихъ и золингенскихъ происшествіяхъ.

Президентъ. Но Вы именно говорите *(читаетъ)*:

«Главная причина нашего глубокаго упадка въ послѣдніе 14 лѣтъ заключается именно въ томъ, что всѣ политическія страсти угасли въ сердцѣ народа, и оттого мы и погрязли съ 1849 г. въ такое болото.

«Съ 1858 г. прогрессисты учредили свой національный союзъ и свои такъ-называемыя рабочія образовательныя общества. Въ 5 лѣтъ эти общества не придали ни малѣйшаго оживленія обращенію политической жизни въ жилахъ народа, не влили въ его сердце ни единой капли свѣжей крови! Общ. Г. Рабочій Союзъ существуетъ только 4 мѣсяца — и страсть уже пылаетъ въ народѣ!

«Какъ бы ни заблуждалась эта страсть въ своихъ проявленіяхъ, привѣтствуйте въ ней, берлинскіе работники, заодно со мной радостный признакъ пробужденія въ народѣ политическаго возбужденія и политической жизни, признакъ того, что народъ начинаетъ стремиться къ своему великому назначенію».

Лассаль. Называя заблужденіемъ страсти даже столь маловажное насиліе, я, казалось бы, тѣмъ болѣе оградилъ себя отъ всякихъ недоразумѣній.

Президентъ. Вашъ отзывъ о поведеніи золингенскихъ фабрикантовъ очень рѣзокъ и способенъ возбудить работниковъ противъ ихъ хозяевъ.

Лассаль. Позвольте напомнить Вамъ, что воззваніе обращено къ берлинскимъ работникамъ.

Президентъ. Вы говорите *(читаетъ)*: «И какъ могло хватить у такой ничтожной горсти людей безстыдства буйствомъ и гвалтомъ мѣшать цѣлямъ собранія многихъ тысячъ, собравшихся въ единодушіи и одушевленіи?

«Наконецъ, вотъ еще что: откуда набралась эта горсть людей такой храбрости, чтобы рѣшиться на оскорбительныя и вызывательныя выходки противъ столькихъ тысячъ работниковъ, среди которыхъ находилась?»

Лассаль *(прерывая чтеніе)*: Да, это такъ!

Президентъ *(читаетъ)*: «На это можно придумать только одинъ отвѣтъ: эта горсть людей потому разсчитывала на возможность безнаказанно производить всевозможныя безчинства противъ столькихъ тысячъ, что эти тысячи — работники, зависящіе отъ нихъ, господъ и хозяевъ труда!

«Они били на зависимость работниковъ отъ нихъ, уповали на острастку голода, въ которой держатъ работниковъ».

Представляя золингенскихъ фабрикантовъ въ такомъ гнусномъ видѣ, Вы вызываете не общую страсть интересовъ, а иную.

Лассаль. Я только объясняю, какъ могли произойти эти буйства.

Президентъ. Вы говорите, что буйства были вызваны разсчетомъ на безнаказанность по причинѣ зависимаго положенія работниковъ. Стало быть, Вы представляете работниковъ зависимыми, что само по себѣ совершенно справедливо и само собою разумѣется; но Вы говорите это такъ, что слова Ваши могутъ возбудить въ работникахъ ненависть и вражду къ фабрикантамъ.

Лассаль. Я только излагаю обстоятельства, могущія объяснить поступки золингенскихъ работниковъ.

Президентъ. Вы указываете на острастку голода, въ которой держатъ работниковъ!

Лассаль. Я не могу быть отвѣтственнымъ за впечатлѣніе, какое производитъ изложеніе совершенно истинныхъ фактовъ. Въ барменскомъ собраніи въ числѣ 3000 работниковъ оказалось 200 прогрессистскихъ фабрикантовъ, которые пытались терроризировать собраніе. Они хотѣли помѣшать мнѣ говорить и прерывали меня свистками. Откуда взялась у нихъ храбрость на подобныя буйства противъ 3000 работниковъ, исполненныхъ, какъ они видѣли, одушевленія,—противъ сословія, отъ котораго вообще скорѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго, ожидаютъ обыкновенно насилій, что впрочемъ, конечно, несправедливо? Очевидно, они разсчитывали на то, что вѣдь это только простые работники! Въ Барменѣ они дважды прерывали собраніе. Я приглашалъ ихъ вести себя смирно, напоминая, что они въ гостяхъ у Союза, и говоря, что я ничего не имѣю противъ ихъ присутствія, но ожидаю отъ нихъ, если они мои противники, порядочнаго, по крайней мѣрѣ смирнаго, поведенія, въ противномъ же случаѣ буду принужденъ удалить ихъ, что совершится мгновенно и безъ малѣйшихъ затрудненій. Когда буйство упорно повторилось и въ третій разъ, дѣло дошло до крайности. Въ Золингенѣ до 5000 работниковъ собралось въ Шюценгалле и столько же передъ зданіемъ, за невозможностью войти. И здѣсь нѣсколько фабрикантовъ стали мѣшать собранію. Вся община была убѣждена, что такіе поступки не могутъ имѣть иного основанія, кромѣ разсчета на частную зависимость участвовавшихъ въ собраніи работниковъ отъ нарушителей спокойствія. Этимъ и объясняется бурная вспышка гнѣва золингенцевъ. Я долженъ былъ разсказать правду, какъ дѣло было, и не могъ останавливаться передъ соображеніемъ, что если поведеніе фабрикантовъ было позорно, то оно опозоритъ ихъ въ глазахъ работниковъ. Это не моя вина и не mon fait.

Президентъ. Обвинительный актъ приводитъ Ваши отзывы о прусской конституціи. Вы противопоставляете ея защитниковъ работникамъ и выдаете ихъ за враговъ народной партіи. Не ведетъ ли это къ возбужденію раздора между сословіями?

Лассаль. Конечно, каждое политическое раздѣленіе на партіи ведетъ къ нравственному раздору. Какъ скоро человѣкъ имѣетъ какія-нибудь политическія убѣжденія и распространяетъ ихъ, это непремѣнно ведетъ къ нравственному раздору, но нѣтъ никакой необходимости, чтобы это вело и къ иному раздору. Всякій, кто не раздѣляетъ извѣстнаго политическаго направленія, кто держится противнаго—врагъ, противникъ перваго; другаго имени ему нѣтъ.

Президентъ. Вы говорите о милостынѣ, унижающей работниковъ и держащей ихъ въ постоянной зависимости отъ расположенія богатыхъ?

Лассаль. Я говорю это не о рабочей платѣ, а о 100,000 талеровъ, которые г. Шульце-Деличъ собралъ для доставленія работникамъ кредита.

Президентъ. Вы положительно сказали, что пока дѣло должно идти объ употребленіи законныхъ средствъ, указывая этимъ, что потомъ послѣдуетъ противоположность законныхъ средствъ, въ чемъ и состоитъ государственное преступленіе.

Лассаль. Я нахожу, господа, чрезвычайно страннымъ, что обвиненіе обратило вниманіе именно на эту фразу брошюры. Эта фраза служитъ какъ разъ опроверженіемъ, рѣшительнѣйшимъ опроверженіемъ обвиненія. Въ ней проводится параллель съ 1848 г. У каждой эпохи свой законъ. Въ то время приходилось строить баррикады, а теперь дѣло не въ этомъ.

Президентъ. Что же имѣли Вы въ виду на будущее, говоря «пока»?

Лассаль. Пока дѣло въ томъ, чтобы пріобрѣсти какъ можно болѣе сильное нравственное вліяніе возможно большимъ усиленіемъ Общ. Г. Рабочаго Союза; а потомъ пойдетъ рѣчь, можетъ быть, о томъ, чтобы обратить это вліяніе на выборы, можетъ быть объ изданіи адресовъ съ многочисленными подписями, объ учрежденіи кассъ на общіе взносы для основанія большихъ органовъ печати, можетъ быть, наконецъ, объ устройствѣ совершенно мирныхъ, но внушительныхъ, громадныхъ народныхъ демонстрацій; вообще я не затруднюсь насчитать Вамъ сотню средствъ помимо вооруженнаго возстанія.

Президентъ. Заявляя свое согласіе со статьей «Южно-герм. Газ.», Вы подвергаете себя отвѣтственности и за осмѣяніе въ ней монархіи, какъ государственнаго учрежденія, уподобленіемъ скипетра и короны игрушкамъ.

Лассаль. Странно!—Я не писалъ этой статьи; это статья «Южно-герм. Газ.». Но я не могъ ничего выпускать изъ нея. Я могъ кончить на извѣстномъ мѣстѣ цитату изъ нея, и такъ и сдѣлалъ. Но то, что цитировалъ, долженъ былъ цитировать безъ пропусковъ. Еслибы я отмѣтилъ черточками, что дѣлаю въ ней пропуски, не преминули бы сказать — я имѣю дѣло съ недобросовѣстными противниками — «кто знаетъ, что тамъ еще было! Вѣрно онъ пропустилъ то, что было противъ него!» Такимъ образомъ я самъ разстроилъ бы то впечатлѣніе, для произведенія котораго цитировалъ эту статью. Если же бы я черточекъ не поставилъ, а просто пропускалъ, непремѣнно поднялся бы крикъ, что я исказилъ смыслъ статьи. Я не могу имѣть ничего общаго съ статьей враждебнаго мнѣ журнала: не могу постичь, какъ могутъ приписывать мнѣ тутъ какое-то communicatio animi. Мнѣ не было также надобности сообщать свое мнѣніе объ этой статьѣ; я привелъ ее только въ подтвержденіе того, что говорилъ, и этого съ меня было довольно отъ нея. Я и даю это понять совершенно ясно. Въ концѣ я говорю (*читаетъ*):

«Видите, работники, здѣсь безъ обиняковъ признается все — и многочисленность приверженцевъ Общ. Г. Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь гг. фабрикантовъ и купцовъ къ Шульце-Деличу, и то, что теперь они прославляютъ его, какъ противодѣ

противъ меня, какъ средство отвратить Васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общ. Г. Рабочаго Союза—все, все.

«И нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи, и опасеніе, что, наоборотъ, Общ. Г. Рабочій Союзъ перепилитъ сукъ, на которомъ вмѣстѣ засѣдаютъ прогрессисты съ реакціей, и многое другое — все признается здѣсь нашими противниками, равно какъ и истинный характеръ рейнскихъ собраній, не признается только въ газетѣ, не читаемой работниками, признается либералами въ задушевной бесѣдѣ между собой, а не передъ вами».

Вѣдь опасеніе, выражаемое здѣсь моими противниками, не есть мое преступленіе и упомянуто мною какъ argumentum a fortiori въ мою пользу. Кромѣ того, статья имѣетъ очевидное намѣреніе указать крайнимъ членамъ прогрессистской партіи средство противиться моей агитаціи и моимъ приверженцамъ. Слѣдовательно, о communicatio animi тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Оберъ-прокуроръ. На стр. 343 обвиняемый признаетъ себя революціонеромъ. Приэтомъ онъ именно ссылается на свою ассизную рѣчь, въ процессѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, передъ рейнскими присяжными. Эти акты здѣсь. Онъ говоритъ, что послѣдовательно держался всегда своихъ прежнихъ воззрѣній; слѣдовательно, можно заимствовать изъ его тогдашнихъ рѣчей толкованіе его нынѣшнихъ поступковъ. (*Впечатлѣніе*). Поэтому я прошу прочесть протоколъ судопроизводства въ дюссельдорфской исправительной апелляціонной палатѣ 5 іюля 1849 г., гдѣ въ концѣ упоминается о нѣкоторыхъ словахъ г. обвиняемаго.

Лассаль. Протоколъ, о которомъ говоритъ прокуроръ, мнѣ неизвѣстенъ; я никогда не читалъ его. Но я прошу позволенія объясниться по поводу этого предложенія. Правда, средства защиты и обвиненія далеко не равны; но во всякомъ случаѣ обвиненіе должно ограничиваться опредѣленнымъ даннымъ случаемъ, а иначе судопроизводство зайдетъ туда, куда никто не ждалъ и не гадалъ. Въ этомъ мѣстѣ воззванія я говорю только объ общихъ принципахъ направленія. Я революціонеръ, какъ другіе реакціонеры. Я говорю: прогрессисты нападаютъ теперь на меня какъ на реакціонера, тогда какъ до сихъ поръ всегда враждовали противъ меня, какъ противъ революціонера. Что я дѣйствительно революціонеръ, я сознавался въ этомъ по чистой совѣсти даже въ судѣ, т. е. въ такія минуты, когда подобное сознаніе было сопряжено для меня съ извѣстной опасностью. Чтобы доказать это, прокурору нѣтъ надобности вспоминать 1849 годъ. Я могу сослаться на судебныя рѣчи, которыя произнесъ недавно въ здѣшнемъ уголовномъ судѣ и въ корол. судебной палатѣ. Мнѣ и самому есть интересъ напомнить ихъ. Въ моихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ очень часто встрѣчается слово революція, и въ первомъ процессѣ, въ которомъ я теперь окончательно приговоренъ къ 100 тал. пени, прокуроръ уже пытался злоупотребить этимъ словомъ. Я опровергъ его, доказавъ, что беру это слово въ философскомъ его значеніи †).

†) Здѣсь Лассаль прочелъ выдержку изъ рѣчи своей «Наука и Работники», см. выше, стр. 58 и 59. *Пр. перев.*

Президентъ. Въ философскомъ смыслѣ Вы можете такъ понимать это слово; но многіе ли изъ работниковъ, которые читаютъ Васъ, поймутъ это такъ?

Лассаль. Конечно, многіе. Моя брошюра «Наука и Работники», содержащая эту рѣчь, сдѣлалась агитаціонной книгой, и рабочее сословіе въ состояніи понимать ее.

Адвокатъ Гольтгофъ. Я желалъ бы выразить свои сомнѣнія касательно формальной стороны предложенія об.-прокурора. Чтобы дать возможность судить объ уважительности предлагаемаго доказательства, надо указать прежде, какіе факты хочешь доказывать имъ. Господинъ же оберъ-прокуроръ хочетъ читать протоколъ, въ составленіи котораго обвиняемый не участвовалъ, для объясненія смысла нѣкоторыхъ поступковъ его. Я нахожу, что этого нельзя допустить и прошу положить на это резолюцію.

Оберъ-прокуроръ. Я предлагаю прочесть протоколъ, чтобы показать истинную разницу между революціей и реформой въ смыслѣ же обвиняемаго. Впрочемъ онъ вообще не можетъ предписывать мнѣ, какими доказательствами мнѣ пользоваться. Однако я только потому сослался на этотъ протоколъ, что онъ самъ напоминаетъ объ этомъ процессѣ въ «Воззваніи». Я могу воспользоваться тѣмъ, что онъ говорилъ въ томъ процессѣ о своемъ политическомъ положеніи, для истолкованія его нынѣшняго положенія и нынѣшнихъ поступковъ, такъ какъ онъ самъ заявилъ, что послѣдовательно сохранилъ свои тогдашнія политическія убѣжденія.

Лассаль. Очень благодаренъ г. оберъ-прокурору за то, что онъ такъ откровенно и прямо объяснилъ здѣсь въ выраженіяхъ, не оставляющихъ ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло идетъ здѣсь не о преслѣдуемомъ поступкѣ, а о направленіи,—что это процессъ тенденціозный. Однако я долженъ кое-что возразить ему. Сказавъ Вамъ, господа, что я революціонеръ, я заявилъ этимъ, что я человѣкъ, полагающій необходимымъ замѣнить существующій соціальный порядокъ новымъ принципомъ; но это не значитъ, чтобы я считалъ необходимымъ произвести эту перемѣну непремѣнно путемъ насилія. Если меня назовутъ революціонеромъ въ этомъ смыслѣ, я вполнѣ согласенъ на это названіе. Но противъ всякихъ другихъ выводовъ, какихъ г. оберъ-прокуроръ можетъ надѣлать изъ протокола процесса 1849 г., я долженъ рѣшительно протестовать, тѣмъ болѣе, что совершенно не знаю этого протокола, понятія не имѣю о томъ, что тамъ написано, и даже до сихъ поръ не зналъ о его существованіи. Было бы странно, еслибы г. оберъ-прокуроръ вздумалъ, напр., заключать изъ того, что я находилъ практичнымъ и цѣлесообразнымъ въ 1848 г., что я долженъ считать практичнымъ и цѣлесообразнымъ тоже самое и теперь. Вопросъ о средствахъ есть вопросъ времени, вопросъ практическихъ условій, а не принциповъ. Мои убѣжденія и принципы остались прежніе, господа. Дѣйствительно, я и теперь, какъ въ 1848 г., стремлюсь къ новому соціальному принципу, который провожу 15 лѣтъ всѣми силами, какими могу располагать, во всѣхъ моихъ ученыхъ сочиненіяхъ, народныхъ брошюрахъ, рѣчахъ, и постепенно осуществляю въ умственной области. Вопросъ же о средствахъ зависитъ

отъ политическихъ обстоятельствъ, отъ того, что́ практично при данныхъ условіяхъ. Въ 1848 и 1849 гг. тогдашнія практическія условія предписывали совершенно иныя средства, чѣмъ нынѣшнія. Въ вопросѣ о средствахъ, въ вопросѣ о томъ, можно ли и насколько можно прибѣгать къ силѣ, я предоставляю себѣ (*съ сильнымъ удареніемъ*) судить въ каждую данную эпоху различно, смотря по практическимъ условіямъ ея. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе, какъ проводить параллели относительно этого вопроса.

(Судъ удалился на совѣщаніе. По возвращеніи президентъ объявилъ резолюцію, чтобы, согласно предложенію прокурора, были прочитаны выдержки изъ протокола 1849 г. Что же касается выводовъ изъ него, то это будетъ дѣло дальнѣйшихъ преній и судейскаго рѣшенія.)

(Секретарь читаетъ протоколъ «публичнаго засѣданія исправительной апелляціонной палаты корол. дюссельдорфскаго земскаго суда.» Въ концѣ его говорится:

«Лассаль вторично повелъ рѣчь, говоря, что, какъ явствуетъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, онъ убѣждалъ защищать національное собраніе съ оружіемъ въ рукахъ, уничтожить королевскую власть, низвергнуть корону въ прахъ и т. д. и организовать вооруженное возстаніе. Онъ никогда этого не отрицалъ и совершенно откровенно признавалъ все это совершенно вѣрнымъ. Пусть же не оскорбляютъ его поступковъ и сознанія обвиненіемъ въ бунтѣ, когда онъ желалъ революціи и хотѣлъ насильственно низвергнуть правительство. Приговоръ оправдываетъ его по недостатку доказательствъ относительно статей 217 и 223 и распоряженія 1849 г., ст. 194, но признаетъ его виновнымъ въ возбужденіи 13 ноября 1848 г. на гауптвахтѣ гражданской стражи къ насильственному возстанію и полагаетъ ему въ наказаніе 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія».)

Лассаль. Мнѣ необходимо подробнѣе разсказать этотъ фактъ. Дѣло было такъ. Вы помните ноябрское столкновеніе 1848 г. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ я былъ убѣжденъ, господа, что расторженіе національнаго собранія незаконно и что страна обязана вооруженной силой защищать національное собраніе. Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ, и дѣйствовалъ въ Дюссельдорфѣ. Меня обвинили въ возбужденіи вооруженнаго возстанія противъ королевской власти и предали суду ассизовъ. Я и не думалъ отрицать этого намѣренія. Я сказалъ: Fecі et meo jure fecі! — сдѣлалъ, и сдѣлалъ по праву, поступилъ такъ, какъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, по своимъ понятіямъ о государственномъ правѣ считалъ своей обязанностью поступить. Присяжнымъ было угодно оправдать меня. Тогда меня предали исправительному суду, обвиняя, что я своею рѣчью возбуждалъ по крайней мѣрѣ къ сопротивленію правительственнымъ чиновникамъ,—преступленіе противъ статьи 209 Уголовнаго Свода. На это я сказалъ: Ну, нѣтъ! Вы обвиняете меня въ меньшемъ преступленіи, чѣмъ то, которое я совершилъ. Государственное преступленіе по опредѣленію тогдашняго рейнскаго права и преступленіе бунта по статьѣ 209 І. с. имѣютъ между собой общаго то, что оба предполагаютъ насильственные поступки; они различаются только по намѣренію. Если посту-

покъ обращенъ противъ королевской власти—онъ государственное преступленіе; если дѣло въ частномъ буйствѣ — это бунтъ. Объ этомъ я произнесъ рѣчь, длившуюся нѣсколько часовъ, а въ протоколѣ она приведена въ сокращеніи, составленномъ секретаремъ. Я не отвѣтственъ за выраженія, въ которыхъ онъ передалъ ее и которыя во многихъ отношеніяхъ очень нелѣпы. Это выраженія секретаря, а не мои, и, повторяю, я нахожу ихъ нелѣпыми.

Президентъ предоставилъ затѣмъ говорить въ поддержаніе обвиненія.

Оберъ-прокуроръ. Господа! Г. обвиняемый состоитъ или называетъ себя президентомъ Общ. Герм. Рабочаго Союза. Въ этомъ качествѣ онъ и обратился къ берлинскимъ работникамъ съ воззваніемъ, которое составляетъ предметъ обвиненія. По программѣ своей, которую Вы слышали, союзъ этотъ имѣетъ цѣлью добиваться общаго равнаго и прямого избирательнаго права; на это обращены всѣ его стремленія. Издавая это воззваніе, обвиняемый имѣлъ намѣреніе привлечь къ союзу и берлинскихъ работниковъ, чтобы съ ними добиться этого права, превратить нынѣшнее государство въ демократическое, которое будетъ въ состояніи доставить работникамъ посредствомъ обширныхъ кредитныхъ операцій производительныя ассоціаціи, долженствующія освободить ихъ отъ зависимости отъ фабрикантовъ.

Впрочемъ дѣло, господа, не столько въ его конечной цѣли, какое государство хочетъ онъ учредить, сколько въ томъ, какими средствами хочетъ онъ преобразовать государство. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе это должно совершиться посредствомъ отмѣны трехклассной избирательной системы и введенія общаго равнаго и прямого избирательнаго права. Несомнѣнно далѣе, что это произведетъ значительное измѣненіе въ нашей конституціи, ибо нельзя отрицать, что избирательный законъ составляетъ до нѣкоторой степени жизненный нервъ нашей конституціи. Онъ и самъ сознается въ этомъ, говоря, что безъ измѣненія конституціи не можетъ быть и рѣчи о преобразованіи государства. Избирательный законъ, господа, есть существенная часть нашей конституціи; нападающій на него нападаетъ на самую конституцію!

Неоспоримо также и то, что въ стремленіи къ измѣненію конституціи нельзя находить ничего недозволительнаго, если оно держится пути реформъ и законныхъ средствъ. Но оно дѣлается преступно, какъ скоро замышляетъ насильственное измѣненіе избирательнаго закона и, слѣдовательно, конституціи. Тогда это—предпріятіе, именуемое закономъ государственнымъ преступленіемъ. § 61 гласитъ *(читаетъ)*:

«Предпріятіе, имѣющее цѣлью..... 2) насильственно измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, или государственный порядокъ, или и т. д.... есть государственное преступленіе и наказывается смертью.»

Чтобы доказать, что въ данномъ случаѣ предстоитъ фактъ этого преступленія, намъ надо, стало быть, доказать г. обвиняемому, что онъ не пугается мысли добиваться осуществленія своего требованія силой.

Господа! Вопросъ о томъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ указываемое закономъ условіе насилія, можетъ быть, по моему мнѣнію, рѣшенъ на трояkомъ основаніи: личности г. обвиняемаго, средствъ, которыя имѣются въ его распоряженіи, и выраженій его брошюры.

Вопервыхъ, о его личности. Въ брошюрѣ онъ самъ называетъ себя революціонеромъ. Правда, онъ приписываетъ этому слову особенный смыслъ. Революція и реформа — говоритъ онъ — разнятся не средствами, а цѣлями. Первая имѣетъ цѣлью полную перемѣну, а вторая только измѣненіе. Господа! Допустимъ, что въ философскомъ смыслѣ эти опредѣленія и различія вѣрны; мы можемъ допустить это, потому что это теряетъ всякое значеніе, если вспомнить, къ кому обращено это воззваніе. Къ берлинскимъ работникамъ! Вѣдь мы знаемъ, господа, какія философскія и научныя понятія могутъ имѣть эти люди и какъ могутъ они понимать подобныя различія! Слушая про революцію, человѣкъ изъ рабочаго сословія непремѣнно представляетъ себѣ ничто иное, какъ насильственное ниспроверженіе существующаго порядка; будетъ ли насиліе произведено оружіемъ или безъ оружія — это все равно. Когда подобныя слова употребляются въ такихъ случаяхъ, какъ здѣсь, то можно признать, что г. обвиняемый въ своихъ предпріятіяхъ исходитъ изъ того положенія своего, которое самъ характеризуетъ, называя себя революціонеромъ. Изъ словъ его очевидно, что это положеніе пріятно ему, что онъ положительно кичится имъ! *(Впечатлѣніе въ публикѣ.)*

Я сослался на протоколъ дюссельдорфской исправительной палаты. Я не могу принять толкованія, угоднаго г. обвиняемому; онъ старается обойти все тогдашнее, какъ будто ничего этого не бывало, и представить заявленіе себя въ брошюрѣ революціонеромъ — совершенно невиннымъ; онъ говоритъ, что былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи, потому что дѣйствительно совершилъ государственно-преступные поступки, но былъ оправданъ ассизами, послѣ чего его стали судить за бунтъ. Въ опроверженіе этого новаго обвиненія онъ и сказалъ: я долженъ былъ отвѣчать за все это передъ ассизами, а они оправдали меня; я говорилъ, что хочу ниспровергнуть корону въ прахъ, хочу идти на защиту національнаго собранія и т. д. Положимъ, господа, что онъ говорилъ все это въ опроверженіе своей подсудности; что же изъ этого? Фактъ все-таки остается фактомъ, а именно, его заявленіе, что онъ имѣлъ намѣреніе защищать оружіемъ національное собраніе, ниспровергнуть правительство, разрушить королевскую власть и ниспровергнуть въ прахъ корону. Разъ, что онъ сказалъ это—это остается сказаннымъ, и словъ этихъ не уничтожить. Онъ долженъ сознаться и сознается, что и теперь держится тѣхъ же воззрѣній; я только для того и хотѣлъ обратить вниманіе на этотъ протоколъ, чтобы выяснить имъ истинное содержаніе настоящей брошюры.

Г. обвиняемый возражаетъ мнѣ, что революціонизмъ можетъ быть мирный; на это я отвѣчаю просто, что работники не понимаютъ этого, они представляютъ себѣ революціонера человѣкомъ, желающимъ насильственно измѣнить существующій порядокъ, «а ты самъ сказалъ,—говорятъ они,—что ты таковъ!» Обвиняемый прямо сказалъ на стр. 343:

«Я призналъ его (упрекъ въ революціонизмѣ) справедливымъ 14 лѣтъ тому назадъ, въ 1849 г., въ моей ассизной рѣчи передъ рейнскими присяжными въ процессѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, гдѣ дѣло шло о моемъ существованіи, и опять призналъ его справедливымъ въ январѣ текущаго года передъ берлинскимъ уголовнымъ судомъ, въ рѣчи «Наука и Работники», какъ и два дня тому назадъ въ здѣшней королевской судебной палатѣ, въ процессѣ, гдѣ дѣло шло о моей личной свободѣ.»

Господа, признанія обвиняемаго въ 1849 г. занесены въ протоколъ; въ немъ онъ повторяетъ то, въ чемъ сознался передъ ассизами. Стало быть, эти слова его могутъ служить ключемъ къ истолкованію его политическихъ воззрѣній, которыя онъ призналъ за собой. Въ виду этого истолкованія, его толкованіе своего революціонизма оказывается несостоятельнымъ; оно тѣмъ менѣе естественно, что воззваніе его обращено къ сословію, которое не можетъ дѣлать тѣхъ тонкихъ различій, которыя онъ подставляетъ.

Такимъ образомъ мы вполнѣ можемъ ожидать отъ г. обвиняемаго, что онъ захочетъ насильственно проводить высказанные имъ планы, а возможность такого предпріятія съ его стороны явствуетъ изъ средствъ, которыми онъ располагаетъ.

Господа! Онъ имѣетъ за себя огромное множество работниковъ,—рабочую армію, какъ онъ самъ часто выражается, армію, которой онъ неоднократно дѣлаетъ смотры. Эти выраженія чрезвычайно знаменательны. Они предвѣщаютъ образъ дѣйствій, далеко не мирный, не невинный. Онъ принимаетъ положеніе командира, повелѣвающаго толпами, которыя ведетъ въ бой. Въ концѣ своей брошюры онъ говоритъ тономъ полководца (стр. 352):

«Всѣ важнѣйшіе центры Германіи за насъ. За насъ Лейпцигъ и фабричныя мѣстности Саксоніи. Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ идутъ подъ нашимъ знаменемъ.

«Прусскія прирейнскія страны стремятся впереди всѣхъ неудержимымъ потокомъ.

«Съ Берлиномъ за себя, — движеніе сдѣлается непобѣдимо».

Очевидно, здѣсь имѣется въ виду не мирное движеніе.

Теперь возьмите въ соображеніе средства, которыми онъ располагаетъ: это—масса рабочаго сословія, которое, по его словамъ, держится фабрикантами подъ острасткой голода. Можно ли, господа, представить себѣ большую опасность для мира, какъ такое положеніе, гдѣ рабочее сословіе терпитъ голодъ? Вѣдь что такое работники? Это представители физической силы. При встрѣчѣ съ мирными праздничными процессіями работниковъ на улицахъ этого города Вамъ навѣрно приходила на умъ тревожная мысль: что было бы, еслибы эти силы и элементы, эти массы, движущіяся теперь мирной процессіей, закипѣли въ разнузданномъ движеніи, еслибы эти новѣйшіе циклопы, овладѣвъ оружіемъ, хотя бы то были лишь орудія ихъ мастерскихъ, возстали противъ существующаго порядка!—Не наводила ли на Васъ ужаса и тревоги эта мысль? Не страшны ли эти громадныя силы, которыми онъ обладѣетъ и которыя старается обратить на служеніе своимъ планамъ? Если эти силы бу-

дутъ организованы, да еще такъ стройно, какъ свидѣтельствуетъ указанный имъ примѣръ столь быстраго сбора въ Золингенѣ 500 подписей — то, вѣдь, это будетъ неотразимое полчище! А онъ еще говоритъ, что у нихъ «да значитъ да, а нѣтъ — нѣтъ»! Опасность, грозящая отъ подобныхъ массъ, слишкомъ очевидна, господа! А онъ ихъ-то и хочетъ вывести на борьбу за общее равное и прямое избирательное право. Повидимому, Союзъ совершенно невиненъ; это союзъ работниковъ, имѣющій цѣлью добиваться этого права законнымъ путемъ—такова по крайней мѣрѣ его программа. Но единственная ли это цѣль его, господа?—вотъ въ чемъ вопросъ; нѣтъ ли за ней другой, скрытой въ уставѣ отъ властей? Обвиняемый говоритъ, что Союзъ признанъ властями; если подъ признаніемъ онъ разумѣетъ уступку его требованіямъ, то объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Далѣе, спрашивается, не имѣетъ ли обвиняемый въ виду употребить этотъ Союзъ, если онъ даже самъ по себѣ имѣетъ пока въ виду законную цѣль, для насильственнаго переворота въ своемъ смыслѣ посредствомъ составляющихъ этотъ Союзъ массъ?

Рѣшительный утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ явствуетъ, господа, изъ того, что г. обвиняемый самъ говоритъ въ своей брошюрѣ. Онъ обращается къ фанатизму и страстямъ, очень хорошо зная, что изъ фанатизма и страстей не замедлятъ выйти дѣйствія. Онъ, правда, пытался придать этимъ словамъ не тотъ смыслъ, въ которомъ ихъ обыкновенно принимаютъ. Ссылаясь на Гегеля, котораго работники, разумѣется, не читали, онъ утверждаетъ, что подъ страстью слѣдуетъ разумѣть возвышенный, даже высшій интересъ къ какому-нибудь дѣлу. Работники такъ этого не понимаютъ и не поняли. Кромѣ того, эти слова находятся у него въ прямой связи съ насильственнымъ дѣйствіемъ. Извѣстно, что въ Барменѣ и Золингенѣ въ противниковъ стремленій г. обвиняемаго бросали пивными кружками и подчивали ихъ ножами. По этому-то поводу онъ говоритъ: «Если страсть увлекла ихъ въ крайности» и т. д. Изъ этого ясно, что г. обвиняемый во всякомъ случаѣ ожидаетъ отъ страсти дѣйствій. Кромѣ того онъ говоритъ, что тутъ страсть заблуждалась въ своихъ проявленіяхъ. Слѣдовательно, онъ осуждаетъ ее только въ этомъ случаѣ, вообще же вполнѣ одобряетъ ее. Онъ объясняетъ, что возбуждалъ только страсть интереса, а не страсть, выражающуюся насиліями, и въ доказательство указываетъ, что порицаетъ насиліе; но вѣдь это порицаніе относится исключительно къ одному этому частному случаю. Вообще же стоитъ только вызвать страсть, а дѣйствіе послѣдуетъ за ней какъ непосредственное, необходимое слѣдствіе. Онъ и самъ говоритъ это (стр. 338 и 339):

«Но въ самой этой страсти Вы видите, берлинскіе работники, какъ часто въ жизни добро встрѣчается рядомъ со зломъ.

«Безъ страсти въ исторіи камень съ камня не трогается. Безъ страсти не обходится ни одно изъ тѣхъ великихъ освобожденій, преемственный рядъ которыхъ составляетъ всю исторію человѣчества.

«Главная причина нашего глубокаго упадка въ послѣдніе 14 лѣтъ заклю-

чается именно въ томъ, что всѣ политическія страсти угасли въ сердцѣ народа, и оттого-то мы и погрязли съ 1849 г. въ такое болото.

«Съ 1858 г. прогрессисты учредили свой національный Союзъ и свои такъ-называемыя рабочія образовательныя общества. Въ 5 лѣтъ эти общества не придали ни малѣйшаго оживленія обращенію политической жизни въ жилахъ народа, не влили въ его сердце ни единой капли свѣжей крови. Общій Германскій Рабочій Союзъ существуетъ только 4 мѣсяца, и страсть уже пылаетъ въ народѣ.

«Какъ бы ни заблуждалась эта страсть въ своихъ проявленіяхъ, привѣтствуйте въ ней, берлинскіе работники, заодно со мной радостный признакъ пробужденія въ народѣ политическаго возбужденія и политической жизни, признакъ того, что народъ начинаетъ стремиться къ своему великому назначенію.»

Слыша подобныя вызывательства, никакъ нельзя сказать, господа, что дѣло идетъ о мирныхъ намѣреніяхъ.

Вся брошюра проникнута воспоминаніемъ о насиліяхъ въ Барменѣ и Золингенѣ, какъ духомъ всѣхъ этихъ стремленій; духъ этотъ господствуетъ не только въ строкахъ, которыя я сейчасъ прочелъ, но даже въ статьѣ «Южногерманской Газеты». Онъ сообщаетъ ее съ явнымъ намѣреніемъ показать работникамъ, какъ вѣрно судятъ о немъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Г. обвиняемый возражаетъ, что отношеніе его къ этой статьѣ надо понимать такъ, что «все, что онъ говорилъ работникамъ, говорится и въ статьѣ, но не все, что говорится въ статьѣ, говорено имъ работникамъ.» Онъ отрекается отъ всего, что сказано въ статьѣ, кромѣ признаній на стр. 343. Помоему, господа, съ этимъ нельзя согласиться; опять возвращаюсь къ соображенію: кому онъ говоритъ и какого пониманія можетъ ожидать отъ своихъ читателей? Онъ хочетъ показать имъ, кто онъ таковъ, но повидимому не хочетъ сказать этого прямо и потому ссылается только на эту статью. Во всякомъ случаѣ статья составляетъ существенную часть его брошюры. Онъ говоритъ:

«Видите, работники? Здѣсь безъ обиняковъ признается все — и многочисленность приверженцевъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь гг. фабрикантовъ и купцовъ къ г. Шульце-Деличу, и то, что теперь они прославляютъ его какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить Васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, — все, все?»

Изъ послѣднихъ словъ я заключаю, что вся статья представляетъ ipsissima verba обвиняемаго.

Но допустимъ, что это не такъ и что ему можно вмѣнять только то, что онъ прямо отъ себя говоритъ работникамъ по поводу этой статьи, то и этого вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что онъ замышляетъ — какъ объясняется въ статьѣ — пустить въ ходъ силу. Здѣсь опять говорится объ энтузіазмѣ, который ничто иное, какъ опять та же страсть и притомъ именно могущая

повести лишь къ насилію. Въ статьѣ особенно заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто:

«Пивныя кружки, летѣвшія въ прошлое воскресенье въ Барменѣ, въ выходившихъ прогрессистовъ, были оружіемъ не простой грубости» и т. д.

Здѣсь несомнѣнно указывается на революціонное насиліе; это—оружіе не простой грубости, а то, которое вообще доступно этому сословію. Въ той же статьѣ говорится далѣе:

«Политическую важность рабочему сословію придаютъ здоровые кулаки, голодные желудки, подвижность, рѣшительность. Не знаемъ, будетъ ли у насъ когда-нибудь армія гимнастовъ и вольныхъ стрѣлковъ, готовая идти на защиту конституціи; но то несомнѣнно, что если дѣла пойдутъ по-нынѣшнему, то рабочая армія Лассаля не оставитъ камня на камнѣ въ политическомъ строѣ Германіи, и первые не уцѣлѣютъ скипетръ, корона, звѣзды и прочія игрушки».

Это совершенно согласно съ сказаннымъ выше самимъ обвиняемымъ, что безъ страсти камень съ камня не трогается; въ статьѣ это повторяется почти слово въ слово, когда говорится, что рабочая армія Лассаля не оставитъ камня на камнѣ въ политическомъ строѣ Германіи. Если мы примемъ это въ такомъ смыслѣ, — а иначе нельзя принять, если взять въ соображеніе, къ кому обращено воззваніе,—то не останется сомнѣнія, что можно опасаться со стороны г. обвиняемаго насилія противъ государства. Вѣдь всѣмъ намъ совершенно ясно, что отъ страсти до насилія, какъ результата ея, шагъ не великъ.

Идея сочиненія получаетъ свое полное выраженіе въ концѣ. Тутъ онъ выразилъ несомнѣнно, что имѣетъ въ виду не просто преобразовательныя стремленія, а и насильственныя дѣйствія для достиженія своей цѣли, если встрѣтятся препятствія. На это указываютъ заключительныя слова воззванія. Въ нихъ напоминовеніе о баррикадахъ есть провозглашеніе насилія. Г. обвиняемый отвѣчаетъ на это, что это говорилось только о тѣхъ временахъ,—теперь же ему тѣмъ менѣе можно приписывать насильственные замыслы, что онъ именно этими словами противополагаетъ нынѣшнее время тогдашнему; но это не освобождаетъ его, господа, отъ упрека въ томъ, что онъ, говоря это, разумѣетъ насиліе. Вѣдь онъ вспоминаетъ о покойникахъ, павшихъ тогда на баррикадахъ, говоритъ о вооруженномъ возстаніи, и, хотя возражаетъ, что желаетъ подобнаго сопротивленія, но не подобнаго насилія, но одно слово его, на которое слѣдуетъ особенно обратить вниманіе, совершенно опровергаетъ это возраженіе и осуждаетъ его. Это слово «пока». Теперь, говоритъ онъ, дѣло пока только въ томъ, чтобы дѣйствовать посредствомъ вступленія въ союзъ, совершенно дозволенный закономъ. Господа! Слово «пока» очень выразительно и ясно показываетъ, что за этимъ «пока» должно воспослѣдовать нѣчто совершенно иное.

Если тутъ разумѣется понудительное вліяніе, то и тутъ логическимъ послѣдствіемъ можно признать только открытое насиліе. Но допустимъ, что дѣло только въ томъ, какъ онъ прямо объявилъ, чтобы произвести на правительство впечатлѣніе, представъ предъ нимъ во внушительномъ множествѣ; то

и это вѣдь будетъ vis compulsiva. Онъ говоритъ, что есть множество средствъ и путей вліять на правительство и добиваться политическихъ перемѣнъ, оставаясь въ законныхъ предѣлахъ, какъ напр. адресы, союзы и т. п. законныя средства; но это объясненіе здѣсь невозможно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ § 61 уголовнаго свода подъ словомъ «насильственно» законодатель разумѣлъ нетолько непосредственныя насильственныя дѣйствія, но и посредственное насиліе, vis compulsiva. Второе такъ же опасно, какъ и первыя. Обвиненіе имѣетъ въ виду такой случай, гдѣ нарушается свобода обсужденій законодательнаго собранія, гдѣ посредствомъ нарушенія этой свободы насильственно измѣняется государственный порядокъ.

Все въ мірѣ когда-нибудь уже бывало прежде, и все можетъ снова повториться. Господа, у Васъ вѣрно въ памяти ноябрскіе дни 1848 г., передъ назначеніемъ министерства Бранденбургъ-Мантейфеля. Мы видали сцены, происходившія передъ Консерваторіей и въ Каштановой Рощѣ точно такого же свойства, какъ тѣ, которыя представились бы намъ снова непосредственнымъ слѣдствіемъ теперешней агитаціи г. обвиняемаго. Вамъ извѣстно, что свобода совѣщаній палаты была совершенно уничтожена; немногіе консервативные члены національнаго собранія находились подъ терроромъ; жизни ихъ угрожали; при выходѣ ихъ изъ собранія красные, стоявшіе вокругъ Консерваторіи въ Каштановой Рощѣ, привѣтствовали ихъ веревками. Это было понудительное насиліе противъ законодательнаго собранія. Тутъ не нужно прямаго насилія, нѣтъ надобности, чтобы дѣло доходило до смертоубійствъ — что впрочемъ тоже средство годное, чтобы добиваться своего; но и этимъ понудительнымъ насиліемъ можно многое сдѣлать, и законодатель хотѣлъ предотвратить его повторенія, имѣя его въ свѣжей памяти, которая была еще жива при изданіи Уголовнаго Свода, не далекомъ отъ тѣхъ печальныхъ дней.

Разъ, что мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, насиліе,—у насъ получается понятіе государственнаго преступленія по смыслу § 61. Обвиненіе основывается на томъ, что здѣсь, правда, нѣтъ совершеннаго государственнаго преступленія, но есть факты, подходящіе подъ § 66, по которому должны наказываться поступки, подготовляющіе государственно-преступныя дѣйствія. Господа! При чтеніи обвиненія и сличеніи статей закона, на которыя оно ссылается, Вамъ, вѣрно, невольно вспомнился § 65, потому что въ немъ сказано: «Кто публично возбуждаетъ рѣчью или письменно къ совершенію дѣйствія, составляющаго государственное преступленіе по § 62», тотъ подлежитъ такому-то наказанію. Представляется, стало быть, вопросъ, почему же обвиненіе не взяло въ основаніе этотъ §? На это позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Будь въ брошюрѣ этой указано подобное дѣйствіе, она несомнѣнно подверглась бы обвиненію въ возбужденіи къ возстанію по § 65. Но обвиненіе не заходитъ такъ далеко въ обвиняемыхъ фактахъ. Оно не говоритъ, что обвиняемый издалъ воззваніе къ возстанію; оно говоритъ только, что онъ основалъ союзъ, котораго состоитъ президентомъ, и приглашаетъ ко вступленію въ него, желая воспользоваться имъ и употребить его для возстановленія общаго равнаго и прямаго избирательнаго права; онъ хочетъ производить на правительство понудительное влія-

ніе посредствомъ массъ, составляющихъ этотъ союзъ, и насиловать правительство или его законодательные факторы для осуществленія этого своего требованія. Вотъ въ чемъ состоитъ, господа, основаніе обвиненія, и спрашивается, составляютъ ли эти факты приготовительное дѣйствіе въ смыслѣ закона? Надо имѣть въ виду логическую связь между отдѣльными членами и различать приготовительное покушеніе отъ совершоннаго покушенія. «Покушеніе» въ государственномъ преступленіи разсматривается закономъ отдѣльно, какъ особый оттѣнокъ дѣла, который не есть еще начало выполненія, потому что начало выполненія государственно-преступнаго дѣла есть уже совершонное преступленіе. Еслибы даже оно и не было еще совершоннымъ преступленіемъ, то во всякомъ случаѣ тутъ не можетъ быть рѣчи о добровольномъ отступленіи отъ дѣла, потому что здѣсь вообще непримѣнимо законное понятіе не подлежащаго наказанію покушенія. Въ §§ 63, 64 и 65 опредѣлены спеціальные виды поступковъ, крайне опасныхъ для государства по самой сущности своей и потому подлежащихъ наказанію даже на степени еще только приготовительнаго покушенія. Въ § 63 говорится о заговорѣ, въ § 64 объ измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ правительствомъ, въ § 65 о рѣчи и письмѣ, какъ способахъ государственнаго преступленія. Потомъ въ § 66 говорится вообще: «Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственное преступленіе», должно быть наказуемо. Слѣдовательно, здѣсь разумѣются всѣ дѣйствія такого рода, кромѣ обозначенныхъ спеціально въ предыдущихъ §§.

Рѣшить, каковы эти дѣйствія, есть задача фактическаго опредѣленія. Несомнѣнно, что здѣсь подъ государственно-преступнымъ дѣйствіемъ разумѣется такое, которое еще не находится въ началѣ выполненія, но имѣетъ извѣстное отношеніе къ предпріятію, долженствующему выполниться, именно въ отношеніи подготовленія. Слова «всякія другія» относятся не къ предшествующимъ §§ 61 и 62, а должны быть понимаемы какъ обобщающая противоположность дѣйствіямъ, спеціально описаннымъ въ §§ 63, 64 и 65.

Исходя изъ этихъ основаній, мы должны несомнѣнно признать, что вмѣняемые г. обвиняемому въ вину факты слѣдуетъ разсматривать, какъ приготовительныя дѣйствія къ предпріятію, имѣвшему цѣлью насильственно измѣнить государственный порядокъ. Тутъ дѣло не въ томъ, чтобы уже былъ совершенъ какой-нибудь актъ насилія, чтобы было прямо обозначено насильственное дѣйствіе, которое должно было быть совершено, къ начатію котораго возбуждалось; нѣтъ, дѣло тутъ только въ томъ, тутъ по всему, что представляетъ обвиненіе можно признать только то, что обвиняемый далъ бы совершиться насилію, чтобы осуществить свои изъясненные имъ политическіе планы. Если Вы дадите на это отвѣтъ утвердительный, если Вы признаете, что его образъ дѣйствій имѣлъ въ виду государственно-преступное предпріятіе, тотъ образъ дѣйствій, который характеризуется учрежденіемъ извѣстнаго Союза, возбужденіемъ добиваться его цѣлей посредствомъ составляющихъ его массъ, а главное — собственными признаніями обвиняемаго въ подсудимой брошюрѣ: то не можетъ подлежать сомнѣнію, что весь поступокъ г. обвиняемаго подойдетъ подъ опредѣленіе § 66.

Насчетъ двухъ остальныхъ пунктовъ обвиненія, осмѣянія монархіи и оскорбленія членовъ государственнаго министерства, оберъ-прокуроръ только повторилъ сказанное во II статьѣ обвинительнаго акта. Въ-заключеніе онъ предложилъ приговорить обвиняемаго за нарушеніе §§ 66, 101 и 102 къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 3 года, къ денежной пенѣ во 100 талеровъ и къ полицейскому надзору на 5 лѣтъ. *(Впечатлѣніе въ публикѣ.)*

Президентъ предоставляетъ обвиняемому говорить въ свою защиту.

Адвокатъ Гольтгофъ. Прежде чѣмъ обвиняемый начнетъ говорить самъ въ свою защиту, я желалъ бы сдѣлать замѣчаніе насчетъ фактическаго опредѣленія. Со стороны оберъ-прокурора утверждается, что написанное въ многократно упоминавшемся протоколѣ есть дѣйствительно то, что обвиняемый говорилъ въ своей ассизной рѣчи передъ присяжными. Но сколько я могъ понять изъ чтенія протокола, онъ не говоритъ въ немъ о своей ассизной рѣчи, а объявляетъ только, что преслѣдовалъ цѣли, указанныя въ протоколѣ, въ той рѣчи, которая дала поводъ къ тогдашнему процессу по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Здѣсь же, въ подсудимомъ воззваніи, онъ ссылается спеціально на свою ассизную рѣчь. Я хочу только знать и установить, какъ переданы въ протоколѣ слова моего кліента: говоритъ ли онъ тамъ, что высказалъ эти цѣли въ ассизной рѣчи — этого онъ навѣрно не говоритъ — или въ прежней рѣчи.

Президентъ. Я уже объяснилъ и подтвердилъ, что этотъ протоколъ составленъ не передъ ассизами.

Послѣ дальнѣйшихъ вопросовъ президентъ подтверждаетъ, что протоколъ не заключаетъ въ себѣ никакой ссылки на ассизную рѣчь.

Президентъ. Обвиняемый, что имѣете Вы сказать въ свою защиту?

Лассаль. Высокій судъ! Меня часто обвиняли, но никогда еще обвиненіе не возбуждало во мнѣ такого страннаго чувства, какъ въ этотъ разъ. Мой защитникъ съ трудомъ уговорилъ меня допустить какую бы то ни было защиту. Мнѣ казалось, что я обязанъ въ доказательство моего уваженія и довѣрія къ Вамъ предоставить рѣшить это дѣло in contumaciam. Только замѣчаніе моего защитника, что это можетъ быть перетолковано въ худую сторону, могло отклонить меня отъ этого рѣшенія. Но теперь, разъ что я принужденъ защищаться, я желалъ бы, по страсти спеціалиста-юриста, чтобы обвиненіе было гораздо основательнѣе; причинъ къ оправданію было бы во всякомъ случаѣ слишкомъ достаточно, а между тѣмъ мнѣ по крайней мѣрѣ не приходилось бы терять словъ даромъ.

Прежде всего я возражаю обвиненію, что именно оно-то идетъ contra legem, искажаетъ §§ 65 и 66 уголовнаго свода. Меня обвиняютъ на основаніи напечатанной брошюры, заключающей приглашеніе берлинскихъ работниковъ къ вступленію въ Общ. Г. Р. Союзъ. О возбужденіи къ государственному преступленію посредствомъ печатнаго или устнаго слова говорится въ § 65, на основаніи котораго меня *не* обвиняютъ.

Вотъ этотъ §:

«Кто публично возбуждаетъ рѣчью или письменно къ совершенію дѣйствія, подлежащаго наказанію по § 62 какъ государственное преступленіе — подлежитъ наказанію заключеніемъ въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 10 лѣтъ или, если доказано существованіе смягчающихъ обстоятельствъ, аресту отъ 2 до 10 лѣтъ».

Отчего же, обвиняя меня на основаніи публичной рѣчи или обнародованнаго печатнаго сочиненія, меня не обвиняютъ по § 65? По той простой причинѣ, что по § 65 необходимо требуется, чтобы возбужденіе было обращено на совершонное государственно-преступное предпріятіе, и потому въ этомъ случаѣ нельзя было сослаться на § 65. Но еще невозможнѣе обвинять по § 66, потому что въ немъ говорится:

«Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственно-преступное предпріятіе» и т. д.

Что это значитъ? Это значитъ: всякое другое, т. е. не упомянутое въ предыдущемъ § 65 дѣйствіе, всякое другое подготовительное дѣйствіе, не состоящее въ публичной рѣчи или сочиненіи! Стало быть, по § 66 преслѣдованію подлежатъ реальныя дѣйствія, какъ напр. составленіе плановъ баррикадъ, собираніе запасовъ оружія и т. п. Возбужденіе, состоящее только въ публичной рѣчи или сочиненіи, можетъ быть преслѣдуемо только по § 65, но лишь въ томъ случаѣ, если оно обращено непосредственно на совершающееся затѣмъ государственное преступленіе. Другими словами: меня обвиняютъ въ подготовленіи государственнаго преступленія на основаніи сочиненія, въ которомъ я, по сознанію самого обвиненія, возбуждаю не къ непосредственному поднятію оружія, а лишь къ подготовительнымъ поступкамъ — т. е., въ дѣйствительности меня обвиняютъ въ возбужденіи къ подготовленію государственнаго преступленія, — преступленіи неслыханномъ, неизвѣстномъ закону и изобрѣтенномъ самимъ обвиненіемъ. Возбужденіе къ подготовленію государственнаго преступленія есть дѣйствіе, за которое законъ не полагаетъ отвѣтственности.

Перехожу ко второму возраженію, которое докажетъ Вамъ, что обвиненіе искажаетъ не только §§ 65 и 66, но всю систему законовъ по государственнымъ преступленіямъ. Я покажу Вамъ при этомъ, что въ этомъ отношеніи въ нашемъ законѣ нѣтъ пробѣловъ и, далѣе, что §§ 65 и 66 нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто первый наказываетъ, правда, только возбужденіе къ совершенному государственному преступленію, зато второй разумѣетъ въ числѣ другихъ дѣйствій, подготовляющихъ государственно-преступное предпріятіе, и возбужденіе, заключающееся въ публичной рѣчи или сочиненіи, но возбужденіе, обращенное только на приготовительное дѣйствіе.

Подготовленіе государственнаго преступленія подлежитъ наказанію; возбужденіе къ государственному преступленію есть лишь извѣстный видъ подготовленія, подготовленіе sui generis. Такъ понимаетъ его законъ и не можетъ понимать иначе, потому что и возбужденіе есть всегда непремѣнно дѣй-

ствіе. Но такъ какъ это дѣйствіе желаетъ не само осуществить содержаніе настоящаго преступленія, а вызвать его возбужденіемъ къ нему другихъ, то само оно есть приготовительное дѣйствіе. На этомъ основана вся система нашего законодательства. Въ §§ 61 — 63 дается понятіе совершоннаго государственнаго преступленія. Уже въ § 64 — замѣтьте, § 63 предшествуетъ § 65— уже въ § 64 законъ переходитъ къ преступленію подготовленія государственнаго преступленія. Онъ говоритъ:

«Такому же наказанію (какъ въ § 63) подлежатъ тѣ, кто приступаетъ къ подготовленію государственнаго преступленія посредствомъ или измѣнническихъ сношеній съ иностраннымъ правительствомъ, или злоупотребленіемъ ввѣренной ему государствомъ власти, или наборомъ военныхъ силъ, или обученіемъ военнымъ пріемамъ».

Такимъ образомъ уже съ этого § начинается область подготовительнаго государственнаго преступленія. Это неопровержимо доказываетъ, что въ слѣдующемъ § 65 возбужденіе къ государственному преступленію посредствомъ рѣчи или письма признается особымъ видомъ подготовленія. Окончательно доказывается это § 66, который говоритъ, беря все предыдущее въ совокупности:

«Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственно-преступное предпріятіе,» подлежитъ тому-то, подразумѣвая тутъ всѣ остальные, еще необозначенные спеціально способы подготовленія. Различаются, стало быть, три вида подготовленія государственнаго преступленія: вопервыхъ, реальныя дѣйствія, опредѣленныя въ § 64, почитаемыя особенно опасными; вовторыхъ, дѣйствіе, заключающееся въ возбужденіи посредствомъ устнаго и письменнаго слова, и наконецъ втретьихъ, всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственное преступленіе и еще не упомянутое въ §§ 64 и 65, т. е., реальное дѣйствіе, не заключающееся въ публичной рѣчи или сочиненіи, и не изъ тѣхъ, которыя опредѣлены подробно въ § 64.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ этого сопоставленія, подъ § 66 Угол. Св. подходятъ только реальныя дѣйствія, каковы напр. составленіе запасовъ пороха, свинца, оружія, сооруженіе баррикадъ, составленіе плановъ военныхъ операцій и т. д. Другими словами: государственное преступленіе, господа, никогда не можетъ быть совершенно словами; для этого оно слишкомъ существенное предпріятіе. Единственное исключеніе изъ этого составляетъ тотъ случай, гдѣ слова возбуждаютъ къ непосредственному поднятію оружія.

Вы найдете подтвержденіе этого въ сравненіи законодательствъ всѣхъ народовъ и временъ. Ни въ одномъ законѣ не бывало еще государственнаго преступленія, состоящаго въ словахъ, кромѣ возбужденія къ немедленному выполненію ихъ. Прокурорскій надзоръ самъ знаетъ это, но забываетъ въ процессѣ противъ меня. Сегодня за завтракомъ мнѣ попалась «Національная Газета» сегоднишняго числа. Тамъ напечатанъ отчетъ о процессѣ Лангерганса и защитительная рѣчь г. фонъ-Мерса. Въ процессѣ этомъ прокуроръ самъ случайно напалъ на нашъ вопросъ.

«Этотъ упрекъ обвиняемаго, говоритъ онъ, доказываетъ, что онъ не юристъ.

Чтобы существовало государственное преступленіе, нужно намѣреніе насильственно ниспровергнуть государственный порядокъ, нужно, стало быть, по крайней мѣрѣ возбужденіе къ насилію. Простое возбужденіе къ перемѣнѣ порядка не составляетъ преступнаго дѣйствія».

Почему же прокурорскій надзоръ забываетъ то, что самъ хорошо знаетъ, какъ скоро процессъ идетъ противъ меня? (*Впечатлѣніе между судьями.*)

Итакъ, §§ 64—66 совершенно разумно исчерпываютъ понятіе приготовленія государственнаго преступленія. Меня обвиняютъ въ приготовленіи государственнаго преступленія по § 66 и приэтомъ говорятъ, что приготовленіе это состоитъ въ публичномъ возбужденіи посредствомъ рѣчи или сочиненія, а по закону такое возбужденіе само есть лишь извѣстный видъ приготовленія и потому подлежитъ наказанію только въ томъ случаѣ, если подготовляетъ совершонное государственное преступленіе, возбуждаетъ къ совершонному государственному преступленію. Выходитъ, слѣдовательно, что меня обвиняютъ:

въ приготовленіи приготовленія государственнаго преступленія, т. е. въ преступленіи, совершенно неизвѣстномъ закону, въ приготовленіи «во второй степени»!

Потому-то такъ и прискорбно это обвиненіе, что старается создать въ этомъ отношеніи преступленіе, неслыханное въ законодательствахъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, crimen novum atque inauditum, преступленіе приготовленія приготовленія государственнаго преступленія.

Во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, господа, приготовленіе никогда не наказывается. Только въ государственномъ преступленіи по его опасности законъ доходитъ до наказанія самаго приготовленія, хотя это опредѣленіе состоялось не безъ горячаго спора между юридическими писателями насчетъ его теоретической основательности или противорѣчія его принципамъ уголовнаго права. Во всякомъ случаѣ приготовленіе отвѣтственно только тогда, когда приготовляется совершонное государственное преступленіе, когда приготовленіе состоитъ въ дѣйствіяхъ, непосредственно ведущихъ къ совершонному преступленію. Толковать же § 66 въ томъ смыслѣ, что по немъ наказанію подлежатъ и приготовленія во второй степени, приготовленія приготовляемаго государственнаго преступленія, — значитъ давать этому законоположенію такой широкій смыслъ, что отъ него житья на свѣтѣ не будетъ.

Тутъ невольно вспоминаются слова нашего поэта:

«Es ist ein rechtes Elend mit dem Hochverrath.
Er ist so schlimm, ja schlimmer selbst als Flöhe!
Allüberall zudringlich hüpft er einem an.
Schneutz ich die Nase—aber mein! 's ist Hochverrath!
Kratz ich am Kopfe—wehe mir! 's ist Hochverrath!
Ja selbst in 's Bette leg'ich mich des Nachts mit Angst,
Dasz mir ein hochverratherischer—Traum entfährt.» †)

†) «Просто бѣда съ государственнымъ преступленіемъ! Это такая скверность,

Президентъ. Прошу обвиняемаго не шпиговать свою защитительную рѣчь поэтическими изліяніями. Вообще замѣчу ему, что рѣчь его, кажется, предназначается больше для публики, чѣмъ для суда.

Лассаль. Я охотно прерву здѣсь эту цитату, г. президентъ, тѣмъ охотнѣе, что и по моимъ, и по Вашимъ воззрѣніямъ лучше, кажется, смотрѣть на дѣло, которое можетъ представляться такимъ комичнымъ, съ его глубокогрустной стороны. Если приготовленіе приготовленія можетъ подлежать наказанію, то наказанію подлежитъ всякое распространеніе разума и познаній. Въ этомъ-то и состоитъ глубокое варварство этого обвиненія! Всякое познаніе несовершенства и возможности усовершенствованія существующаго порядка можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ повести когда-нибудь къ насильственному вооруженному возстанію противъ этого порядка и быть, слѣдовательно, приготовленіемъ государственнаго преступленія. Всѣ извѣстные въ исторіи перевороты могутъ быть названы результатами предшествовавшихъ побѣдъ разума и распространенія этихъ познаній. Всѣ познанія разума тѣсно соединены между собой, такъ что, если подъ приготовленіемъ мы не будемъ разумѣть только приготовленіе непосредственнаго реальнаго предпріятія, а будемъ говорить о приготовленіи приготовленія, то намъ придется признать самый разумъ государственнымъ преступленіемъ! Вотъ почему, господа, законъ и признаетъ сочиненіе или рѣчь только тогда приготовленіемъ къ государственному преступленію, если они непосредственно ведутъ къ исполненію опредѣленнаго дѣйствія, совершающаго государственное преступленіе. Поэтому обвиненіе искажаетъ § 65. И по той же причинѣ дѣйствіе, не совершающее непосредственно государственнаго преступленія, а подготовляющее его, чтобы быть преступнымъ, должно быть реальнымъ дѣйствіемъ, состоящимъ не въ рѣчи или сочиненіи. И потому обвиненіе искажаетъ противъ меня § 66.

Третье возраженіе. § 66 искаженъ еще въ другомъ отношеніи. Въ немъ сказано: «Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственно-преступное предпріятіе.» Здѣсь, стало быть, предполагается существованіе «государственно-преступнаго предпріятія».

Въ обвиненіи не достаетъ малости, господа, — предпріятія. По закону, должно быть задумано и рѣшено опредѣленное государственно-преступное предпріятіе, это явствуетъ и изъ самыхъ словъ закона, и кромѣ того установлено отчетомъ коммиссіи второй палаты въ 1849 году. Такъ у Оппенгейма въ примѣчаніи I къ этому § говорится:

«Кромѣ того тутъ предполагается приготовленіе опредѣленнаго государственно-преступнаго предпріятія, какія опредѣлены въ §§ 61, 62»—

т. е., въ §§, толкующихъ о совершенномъ государственномъ пре-

---

хуже даже блохъ! Оно назойливо преслѣдуетъ человѣка на каждомъ шагу. Сморкаю ли носъ—нѣтъ, стой, это государственное преступленіе! Чешу ли голову—горе мнѣ!—государственное преступленіе! Даже въ постель ночью ложусь со страхомъ, чтобы не вырвалось у меня какого-нибудь государственно-преступнаго сна!»

ступленіи. Я говорю, что по закону должно быть задумано и рѣшено опредѣленное государственно-преступное предпріятіе, какое-нибудь объективное дѣйствіе, могущее имѣть слѣдствіемъ ниспроверженіе порядка; долженъ быть составленъ планъ насильственнаго ниспроверженія порядка, и тогда первый шагъ, приготовляющій выполненіе этого плана, будетъ подготовляемое государственное преступленіе. Здѣсь же нѣтъ предпріятія, т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ всего, нѣтъ ни плана, ни фактовъ, ни помина о выполненіи, о дѣйствіяхъ, долженствующихъ служить къ осуществленію плана — ничего. Обвинительный актъ нетолько не доказалъ ничего этого, но даже не пытался доказать. Онъ не указалъ никакого предпріятія. Онъ вмѣняетъ мнѣ въ вину постоянно только государственно-преступныя мысли, хотя такъ и выразиться по-настоящему нельзя, потому что тутъ противорѣчіе въ словахъ!

Господа, кто является къ Вамъ съ обвиненіемъ въ государственномъ преступленіи, долженъ прежде всего доказать двѣ вещи: вопервыхъ существованіе задуманнаго опредѣленнаго государственно-преступнаго предпріятія; вовторыхъ существованіе реальнаго дѣйствія, приготовляющаго выполненіе этого предпріятія. Обвинительный актъ даже не пытается удовлетворить первому изъ этихъ требованій; онъ даже не пытается указать Вамъ на какое-нибудь опредѣленное государственно-преступное предпріятіе, которое я задумалъ бы и подготовлялъ бы. Онъ толкуетъ все только о ядовитыхъ мысляхъ. Но въ чемъ же, спрашиваю я, состоитъ объективный фактъ преступленія? Покажите мнѣ время, мѣсто и образъ задуманнаго мною государственно-преступнаго предпріятія, которое я подготовлялъ своей брошюрой? Не хотѣлъ ли я, напр., взять въ плѣнъ короля по дорогѣ въ оперу, чтобы вынудить у него отмѣну конституціи? Или, можетъ быть, я намѣревался организовать огромное стеченіе народа передъ домами министровъ—хотя это было бы еще не настоящее насиліе — и заставить эту толпу до тѣхъ поръ кричать: «Долой министровъ!», пока министры эти не подадутъ въ отставку, потому что они слишкомъ вѣрные защитники и поборники конституціи? Или не затѣвалъ ли я поднять вооруженное возстаніе народа во всей странѣ, во всѣхъ провинціяхъ противъ правительства, чтобы принудить его отмѣнить конституцію? — Но правительство отдастъ конституцію и безъ такихъ хлопотъ! Если все это не то, то скажите же мнѣ, гдѣ, когда и какъ затѣвалось это государственно-преступное предпріятіе? Время и мѣсто суть первыя существенныя условія всякаго дѣйствія. Какъ представляетъ себѣ это прокурорскій надзоръ? Въ какое время замышлялъ я выполнить это предпріятіе, въ два года, въ пять, въ десять или въ сто лѣтъ? Въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» Лейпц. комитету, брошюрѣ, посредствомъ которой я основалъ Общ. Г. Р. Союзъ, я говорю, что намъ надо по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ на то только, чтобы проникнуть народъ нашими желаніями; а далѣе я говорю тамъ, что тогда правительства недолго будутъ въ состояніи противиться этимъ желаніямъ. Вотъ видите, господа: я говорю «недолго»! Однако сколько же это значитъ? Можетъ быть, десять лѣтъ, а можетъ быть и двадцать, а можетъ быть и сто? Что-то объ этомъ думаетъ прокуроръ? Далѣе, спрашивается, гдѣ хочу я совершить преступленіе? Здѣсь,

въ Берлинѣ? Неужели я уже настолько силенъ здѣсь, что могу поднять оружіе на ниспроверженіе конституціи противъ соединенныхъ силъ правительственныхъ войскъ и всѣхъ прогрессистовъ, которые не преминутъ вѣдь поспѣшить на помощь правительству, переодѣтые въ гражданскую стражу? Или на Рейнѣ, что ли, гдѣ, можетъ быть, я могъ бы располагать достаточными народными силами, но гдѣ я не могъ бы добраться до правительства и гдѣ у насъ на шеѣ очутились бы всѣ прусскія арміи? Или, можетъ быть, я хотѣлъ захватить врасплохъ въ постеляхъ и перерѣзать прогрессистовъ, этихъ живыхъ столбовъ конституціи? Или не намѣревался ли я поставить на сцену англійскій пороховой заговоръ и взорвать палату депутатовъ? Отчего же, ради всего на свѣтѣ, обвиненіе такъ стыдливо, такъ скромно, что не называетъ моего преступленія? Недавно мы слышали о процессѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, происходившемъ въ Парижѣ противъ итальянцевъ Греко, Императори и Трабуко. Что же? развѣ ихъ обвиняли въ покушеніи на жизнь императора Наполеона, ссылаясь лишь на какую-нибудь отвлеченную категорію закона? Французскій судъ, господа, съ хохотомъ или негодованіемъ отвергнулъ бы подобное обвиненіе. Въ обвинительномъ актѣ недостаточно привести категорію закона; въ немъ должны быть указаны конкретные факты, подходящіе подъ законъ. Такъ и было во французскомъ обвинительномъ актѣ: обвиняемые хотѣли бросить бомбы подъ карету Наполеона, когда онъ поѣдетъ въ оперу. Въ этомъ фактическомъ дѣйствіи судья могъ признать законную категорію покушенія на жизнь. Здѣсь же подобныхъ фактовъ не указывается, есть только ссылка на категорію закона! Государственное преступленіе, какъ видите, господа, дѣйствительно есть въ этомъ процессѣ; это—государственное преступленіе противъ права, совершонное обвиненіемъ!

(Оберъ-прокуроръ встаетъ, чтобы протестовать. Въ тоже время президентъ перебиваетъ обвиняемаго очень громко:)

Я долженъ прервать обвиняемаго. Выражаться здѣсь такимъ образомъ рѣшительно недозволительно...

Лассаль (*прерывая президента еще громче:*) Свободы моей рѣчи нельзя стѣснять, потому что мнѣ надо возражать на неслыханное обвиненіе...

Президентъ (*перебивая*). Защита не стѣсняется; но Ваше право защиты не уполномочиваетъ Васъ публично оскорблять Вашего обвинителя. Вы можете говорить, что по-Вашему обвиненіе несостоятельно; но называть его «государственнымъ преступленіемъ противъ права» — это упрекъ, котораго я не могу одобрить.

Лассаль. Но, г. президентъ, я говорю этимъ...

Президентъ. Мы всѣ очень хорошо понимаемъ, что Вы хотите сказать этимъ. Ведите свою защиту нѣсколько спокойнѣе, безъ такого увлеченія, которымъ сами себя горячите.

Лассаль. Вы говорите мнѣ о спокойствіи! Но прошу Васъ представить себѣ, что долженъ чувствовать обвиняемый въ виду такого — выражусь помягче — ужаснаго обвиненія, особенно если онъ отъ природы не рыба?

Президентъ. Вы иногда слишкомъ далеко заходите въ своей эксцентричности; старайтесь говорить умѣреннѣе. Продолжайте Вашу защиту.

Лассаль. Четвертое возраженіе мое еще подробнѣе выяснитъ это извращеніе всѣхъ понятій права. Въ обвинительномъ актѣ дѣло представляется такъ: Общій Германскій Рабочій Союзъ есть приготовляемое мною государственно-преступное предпріятіе; или, Общій Германскій Рабочій Союзъ есть дѣйствіе, подготовляющее государственно-преступное предпріятіе, а я съ своей стороны подготовляю этотъ Союзъ, приглашая вступать въ него. Въ обвинительномъ актѣ мысль эта ясно выражена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Еслибы это было такъ, я спросилъ бы: отчего же одинъ я стою передъ судомъ государственнымъ преступникомъ? Гдѣ же мои сообщники? Отчего не судится весь Общій Германскій Рабочій Союзъ? По смыслу обвиненія слѣдовало бы такъ. Но этого сдѣлать, правда, нельзя, потому что Союзъ этотъ совершенно законный, существующій на основаніи законнаго устава и признанный всѣми государственными властями. Его засѣданія всегда происходили публично и въ присутствіи полицейскихъ чиновниковъ. Я принесъ сюда нѣсколько полицейскихъ свидѣтельствъ, которыя пріобщаю къ актамъ. Кромѣ того въ качествѣ президента Союза я сношусь со всѣми властями, между прочимъ съ здѣшнимъ полицейскимъ управленіемъ, въ случаѣ надобности подаю отъ имени Союза письменныя жалобы министру внутреннихъ дѣлъ и нахожу у него правосудіе и защиту, если жалоба оказывается основательной. Это я могу также засвидѣтельствовать официальными документами. Этого мало: Вамъ извѣстно, господа, что для распространенія брошюръ надо имѣть разрѣшеніе на уличную продажу ихъ. Я обратился въ полицейское управленіе за этимъ разрѣшеніемъ, прося выдать его секретарю Союза на право распространенія, раздачи и продажи всѣхъ изданій Союза, и получилъ его. Вы видите, стало быть, господа, что Союзъ этотъ совершенно законенъ и признанъ всѣми государственными властями.

Тутъ прокурору остается сказать только одно: «Да, говоря объективно, Союзъ законенъ и неприкосновененъ; но для тебя, въ твоихъ мысляхъ онъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ для самого себя.» Въ моихъ мысляхъ онъ, по увѣренію прокурора, есть оружіе, которое я кую себѣ, чтобы когда-нибудь насильственно ниспровергнуть имъ государственный порядокъ.

Хотя во всемъ этомъ нѣтъ ни единаго слова правды, но допустимъ на минуту, что это такъ! Оказывается, даже при этомъ худшемъ для меня предположеніи, что настоящій смыслъ обвиненія далеко еще не то, какъ я его формулировалъ выше. Оказывается, что меня обвиняютъ даже не въ приготовленіи приготовленія государственнаго преступленія, какъ я сказалъ, а въ приготовленіи приготовленія мысли государственнаго преступленія! Да, совершенно такъ: приготовленіе приготовленія мысли государственнаго преступленія! Первое приготовленіе есть мое воззваніе, которымъ я приглашаю вступать въ Общій Германскій Рабочій Союзъ. Союзъ этотъ опять-таки вовсе не дѣйствіе, приготовляющее государственно-преступное предпріятіе, а самъ по себѣ совершенно законенъ. Но въ моей головѣ онъ при-

готовляетъ мысль государственнаго преступленія. И выходитъ, стало быть: приготовленіе приготовленія мысли государственнаго преступленія.

Я сказалъ, что прокуроръ не можетъ представить это дѣло иначе, какъ такъ: Союзъ самъ по себѣ законенъ и дозволенъ, но въ моемъ смыслѣ, въ моемъ зломъ помышленіи онъ — оружіе, которое я кую для совершенія государственнаго преступленія.

Положимъ, господа, я дѣлаю себѣ ружье. Я могу сдѣлать изъ него разное употребленіе, могу стрѣлять имъ оленей и дикихъ козъ, но могу и влѣзть съ нимъ на баррикаду, чтобы стрѣлять изъ него въ королевско-прусскую армію. Прокуроръ говоритъ тутъ: онъ сдѣлалъ себѣ ружье, и я утверждаю, что онъ имѣлъ приэтомъ не иную какую цѣль, какъ идти на баррикаду. Но вѣдь чтобы говорить это, ему слѣдовало бы прежде раскрыть и доказать мои сокровенные помыслы. Доказать тайный замыселъ, какой я могъ имѣть при дѣланіи ружья, ему такъ же невозможно, какъ доказать тайное намѣреніе, съ которымъ я, по его словамъ, учреждалъ Рабочій Союзъ.

Но положимъ, что обстоятельства въ этомъ примѣрѣ еще благопріятнѣе для прокурора. Положимъ, что, дѣлая ружье, я сказалъ кому-нибудь въ письмѣ, что дѣлаю ружье, чтобы идти на баррикаду; такимъ образомъ это намѣреніе было бы дознано. Но было ли бы изготовленіе ружья дѣйствіемъ, подготовляющимъ государственно-преступное предпріятіе? Нѣтъ, такое дѣйствіе оказалось бы только тогда, когда я началъ бы строить ту баррикаду, на которую намѣревался лѣзть съ этимъ ружьемъ.

Другія возраженія я приведу при разборѣ обвинительнаго акта. Они будутъ накопляться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что самыя рѣшительныя мы услышимъ въ концѣ.

Теперь же позвольте мнѣ сдѣлать краткій историческій очеркъ. Въ мартѣ прошлаго года я издалъ извѣстный «Гласный Отвѣтъ» Лейпцигскому комитету, гдѣ изложилъ планъ основанія Общаго Германскаго Рабочаго Союза и приглашалъ рабочее населеніе Германіи вступать въ него. Это еще не было дѣйствіемъ, подготовлявшимъ государственное преступленіе. Брошюра эта продается во всей Пруссіи съ законнаго разрѣшенія.

Въ маѣ я отправился въ Лейпцигъ, гдѣ фактически учредилъ Союзъ. И это еще не было дѣйствіемъ, подготовлявшимъ государственное преступленіе. Я возвратился въ Пруссію, назначалъ уполномоченныхъ и организовалъ Союзъ во всѣхъ прусскихъ городахъ, гдѣ только могъ. И тутъ не находили приготовленія къ государственному преступленію. Въ сентябрѣ я предпринялъ даже агитаціонную поѣздку, произносилъ длинныя рѣчи въ Барменѣ, Дюссельдорфѣ, Золингенѣ — все-еще нѣтъ приготовленія! Но вотъ оно начинается. Возвратясь съ Рейна, я нашелъ, что берлинская журналистика ужасно налгала объ этихъ событіяхъ, исказила ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. О происшествіи въ Золингенѣ, гдѣ десятитысячная толпа при неумолкаемыхъ виватахъ сдѣлала мнѣ невиданную на Рейнѣ овацію, она разсказывала, что жандармы были принуждены защищать меня отъ народа! Наконецъ она наговаривала берлинскому рабочему населенію на меня, будто я реакціонеръ.

Настоятельной обязанностью моей было вывести рабочее населеніе изъ обмана. Но какъ было опровергнуть разсказы берлинской журналистики? Я могъ распространять брошюры; но Вы знаете, господа, что передъ судомъ народа нельзя допрашивать свидѣтелей. При такихъ обстоятельствахъ я нашелъ чрезвычайно удобнымъ для себя, что одна прогрессистская газета сама напечатала статью, въ которой совершенно отступила отъ лживой тактики, соблюдаемой всею прогрессистскою печатью. Въ этой статьѣ правдиво говорилось о многочисленности и возрастаніи моихъ приверженцевъ и объ ихъ энтузіазмѣ. Слухъ о томъ, будто я служу реакціи, осмѣивался какъ выдумка и нелѣпая сказка. Правда, корреспондентъ украсилъ свою статью еще разными плодами своей фантазіи; но я не имѣлъ никакого повода ни соглашаться съ ними, ни опровергать ихъ, а тѣмъ менѣе не приходило мнѣ въ голову дѣлать въ моей брошюрѣ юридическихъ признаній. Я могъ только воспользоваться даже этими фантазіями, употребивъ ихъ какъ argumentum a fortiori, и потому перепечаталъ сознанія враговъ безъ всякихъ измѣненій.

Вотъ эта-то брошюра, очевидно имѣвшая цѣлью только вывести берлинскихъ работниковъ изъ обмана на мой счетъ и склонить ихъ ко вступленію въ нашъ Союзъ, и составляетъ будто-бы приготовленіе государственнаго преступленія. Возможно ли это? Я разберу обвинительный актъ по косточкамъ, и при-этомъ сами собой представятся возраженія на него.

Въ немъ говорится:

«Обвиняемый по собственному сознанію есть авторъ брошюры.

«Обнародованіемъ этой брошюры обвиняемый совершилъ дѣйствіе, которымъ приготовлялось государственно-преступное предпріятіе, а именно, клонящееся къ насильственному измѣненію прусскаго государственнаго порядка. Въ брошюрѣ этой обвиняемый приглашаетъ берлинскихъ работниковъ ко вступленію въ основанный имъ Общій Германскій Рабочій Союзъ.»

Вотъ, стало быть, къ какому дѣйствію воззваніе возбуждаетъ или которое оно приготовляетъ. Странное, право, преступленіе: приглашать ко вступленію въ законно-признанное общество! По крайней мѣрѣ, общество это должно оказываться государственно-преступнымъ предпріятіемъ. Обвиненіе продолжаетъ:

«Цѣль этого Союза есть возстановленіе общаго равнаго и прямого избирательнаго права.»

Но и это—эта цѣль моей цѣли—тоже вовсе не преступленіе. Такъ, можетъ быть, преступна цѣль въ третьей степени, цѣль цѣли этого избирательнаго права? Можетъ быть, она-то составляетъ преступленіе насильственнаго измѣненія? Вѣдь далѣе у меня объясняется, какъ посредствомъ этого избирательнаго права преобразуется современное прусское государство. Но нигдѣ не говорится о насильственномъ возстановленіи этого права; напротивъ того, общее равное и прямое избирательное право должно прекратить эру насилія и всякое сословное владычество. Обвинительный актъ идетъ далѣе:

«Этой цѣли Союза можно достигнуть лишь измѣненіемъ прусской государственной конституціи 31-го января 1850 г., такъ какъ она не признаетъ общаго равнаго и прямого избирательнаго права.»

Очень логично! Кто желаетъ общаго равнаго и прямого избирательнаго права, желаетъ, значитъ, того, чего нѣтъ въ конституціи. Противъ этого съ обвиненіемъ нельзя спорить. Но кчему тутъ это? Неужели я одинъ во всей Пруссіи не имѣю права находить конституцію неудовлетворительной или дурной? Вѣдь всѣ остальныя партіи свободно пользуются этимъ правомъ. Очевидно, все дѣло въ средствахъ, какъ произвести это измѣненіе. Положимъ, что я могъ бы убѣдить всѣ 18 милліоновъ прусскаго населенія, что лучше отмѣнить нынѣшнюю конституцію и возстановить общее и прямое избирательное право: было ли бы въ этомъ что-нибудь противозаконное? Очевидно, нѣтъ. Ну такъ неужели же мнѣ слѣдуетъ ждать, пока въ этомъ не убѣдятся всѣ 18 милліоновъ до послѣдняго дурака? Нѣтъ, господа, въ истинно умственномъ движеніи можно обойтись безъ этого, не прибѣгая и къ насилію. Для этого нужно только, съ одной стороны, вліять своими принципами на народныя массы, а съ другой, на образованнѣйшее меньшинство націи, и принципы не преминутъ оказать свое дѣйствіе, если только дѣйствительно заключаютъ въ себѣ истину. Вліяніе образованнѣйшихъ представителей націи въ свою очередь очень сильно, такъ что длинный путь чрезвычайно сокращается, и нѣтъ надобности ждать согласія послѣдняго дурака изъ 18 милліоновъ населенія.

Блистательный примѣръ этого представляетъ Англія. Въ 1841 г. тамъ началась агитація противъ хлѣбныхъ законовъ и продолжалась до 1846 г. Она велась совершенно народнымъ образомъ. Ричардъ Кобденъ, одѣтый въ бумажную работничью блузу, объѣзжалъ всѣ рабочіе округи Англіи. Всюду сливались народныя массы подъ девизъ: «Дешевый хлѣбъ», и отмѣна хлѣбныхъ законовъ сдѣлалась спеціально рабочимъ вопросомъ. Въ 1846 г. глава торійскаго министерства, сэръ Робертъ Пиль, до тѣхъ поръ отстаивавшій хлѣбные законы съ точки зрѣнія своей партіи, былъ принужденъ отмѣнить ихъ противъ воли своей партіи.

Меня за совершенно подобную агитацію прокуроръ обвиняетъ въ государственномъ преступленіи. Въ Англіи ни одинъ прокуроръ не посмѣлъ бы сдѣлать этого. Возымѣетъ ли у насъ избирательный вопросъ такой же исходъ? Поступитъ ли г. фонъ-Бисмаркъ такъ, какъ поступилъ сэръ Робертъ Пиль? Я не имѣю права разбирать здѣсь этотъ вопросъ, хотя ниже еще разъ брошу на него взглядъ. Во всякомъ случаѣ онъ не касается моего права производить эту агитацію. Когда Пиль отмѣнилъ хлѣбные законы и въ нижней палатѣ многіе голоса стали заявлять ему благодарность, онъ сказалъ: «Благодарите не меня, а Ричарда Кобдена». Меня же вмѣсто того прокуроръ обвиняетъ въ приготовленіи государственнаго преступленія! Это даетъ грустное понятіе о разницѣ между нашими и англійскими порядками.

Президентъ *(прерывая)*. Большая разница также между содержаніемъ настоящаго обвиненія и тогдашнимъ вопросомъ. Здѣсь Васъ обвиняютъ въ намѣреніи низвергнуть конституцію, а тамъ дѣло шло только объ отмѣнѣ одной пошлины. Поэтому прошу Васъ воздержаться отъ этого отклоненія.

Лассаль. Моя агитація, за которую я стою здѣсь обвиненнымъ, и аги-

тація Кобдена совершенно аналогичны, и сравнивать ихъ въ свою защиту я имѣю полное право. Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ конституціоннымъ постановленіемъ законодательныхъ факторовъ; и въ этомъ отношеніи статья конституціи не имѣетъ никакого преимущества надъ простымъ закономъ. Мы имѣемъ много рѣшеній Верховнаго Суда, приписывающихъ, наоборотъ, конституціи меньше силы, чѣмъ отдѣльнымъ законоположеніямъ. Я полагаю, что въ юридическомъ отношеніи не можетъ быть ничего священнѣе закона.

Президентъ. Не угодно ли Вамъ продолжать защиту.

Лассаль. Итакъ, я говорю, что, чего бы впрочемъ ни предстояло ожидать въ Пруссіи въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ такая агитація есть безусловная обязанность всякаго демократа. Предположите даже, что современемъ у насъ явится правительство, которое само захочетъ возстановить общее равное и прямое избирательное право. Вѣдь оно будетъ не въ состояніи сдѣлать этого, если не найдетъ общественное мнѣніе достаточно подготовленнымъ. Въ процессѣ въ королевской судебной палатѣ я указалъ разительный примѣръ этого. Я показалъ на основаніи официальныхъ документовъ, какъ въ 1849 г. министерство Мантейфеля хотѣло предпринять полную революцію въ податной системѣ,—отмѣнить косвенные налоги и ввести прямые. Но первый же проектъ закона, внесенный имъ въ палаты, получилъ въ одной очень слабое большинство, а въ другой провалился; всѣ газеты напали на него съ ожесточеніемъ и чуть не разорвали въ клочки. Вслѣдствіе всего этого министерство было принуждено отказаться отъ проекта, о которомъ говорило, что «правительство Е. В. короля давно считало эту реформу неотвратимымъ требованіемъ времени.» Послѣ 9-ти мѣсячной борьбы оно объявило, что «обнаружившіеся признаки не позволяютъ ему питать надежду найти общественное мнѣніе, на поддержку котораго оно особенно разсчитывало для осуществленія проекта, уже теперь достаточно подготовленнымъ въ его пользу.»

И съ этимъ вздохомъ г. фонъ-Мантейфель распростился съ своимъ проектомъ, который его министерство считало неотвратимымъ требованіемъ времени. Вы видите, стало быть, господа, что необходима энергическая агитація и обработка общественнаго мнѣнія даже для того, чтобы имѣть возможность хотя въ будущемъ вводить подобныя великія благодѣтельныя мѣры и учрежденія. Обвиненіе продолжаетъ:

«Что касается средствъ, которыми Рабочій Союзъ хочетъ достигнуть этого преобразованія государства, то въ уставѣ Союза, правда, говорится, что надо дѣйствовать мирнымъ и законнымъ путемъ, посредствомъ склоненія общественнаго мнѣнія въ пользу возстановленія общаго равнаго и прямого избирательнаго права».

Обвиненіе старается, кажется, внушить мысль о существованіи разницы между тѣмъ, что сказано въ союзномъ уставѣ въ виду судящихъ его властей, и тѣмъ, что я говорю работникамъ въ нашихъ бесѣдахъ между собой. Но наши засѣданія гласны; можетъ ли прокуроръ показать мнѣ полицейскій протоколъ, обвиняющій меня въ произнесеніи на нашихъ собраніяхъ иныхъ рѣчей, чѣмъ какихъ можно ожидать по нашему уставу? Чтобы окончательно убѣ-

диться въ несправедливости этого подозрѣнія, подсказываемаго обвиненіемъ, загляните въ тотъ самый «Гласный Отвѣтъ», въ которомъ я изложилъ планъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза и приглашалъ рабочее населеніе вступать въ него. Вы увидите, что паралель, которую я только-что провелъ между своей агитаціей и англійскимъ движеніемъ противъ хлѣбныхъ законовъ, взята мною здѣсь не какъ средство защиты, но что и въ «Гласномъ Отвѣтѣ» я точно также ссылаюсь на нее, чтобы показать работникамъ, какимъ путемъ можно добиться возстановленія общаго равнаго и прямого избирательнаго права. Въ этой брошюрѣ я говорю:

«Взгляните на Англію! — Болѣе пяти лѣтъ продолжалось великое движеніе англійскаго народа противъ хлѣбныхъ законовъ. Кончилось тѣмъ, что имъ пришлось пасть, что само торійское министерство было принуждено отмѣнить ихъ! — Организуйтесь въ общій германскій рабочій союзъ съ цѣлью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитаціи для введенія во всѣхъ германскихъ земляхъ общаго и прямого избирательнаго права. Какъ скоро въ этомъ союзѣ будетъ хотя 100,000 германскихъ работниковъ, онъ станетъ силой, которую каждому придется уважать. Призовите къ нему всѣхъ; пусть дойдетъ Вашъ призывъ въ каждую мастерскую, въ каждую деревню, въ каждую хижину. Пусть городскіе работники сообщатъ сельскимъ свое высшее пониманіе и образованіе. Говорите, разсуждайте всюду, ежедневно, неустанно, безпрерывно, въ мирныхъ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ сходкахъ, вездѣ настаивайте на необходимости общаго и прямого избирательнаго права, подобно великой англійской агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Чѣмъ больше милліоновъ голосовъ повторятъ Ваше требованіе, тѣмъ громче раздастся оно въ ушахъ тѣхъ, къ кому обращено.»

Вы видите, стало быть, господа, что я говорю въ агитаціонныхъ изданіяхъ Союза тоже самое, что здѣсь, въ защитительной рѣчи, и что въ нихъ говорится тоже самое, что предначертано уставомъ. Мы составляемъ союзъ агитаціи для убѣжденія общественнаго мнѣнія.

Что же говоритъ обвиненіе далѣе? Признавъ само, что по уставу мы предполагаемъ держаться мирнаго и законнаго пути, оно продолжаетъ такъ:

«Но изъ подсудимой брошюры явствуетъ, что за этимъ средствомъ скрывается другое, которое и составляетъ истинную цѣль союза, а именно, сперва повліять на правительство и на враждебныя политическія партіи сильнымъ соединеніемъ работниковъ, а если этого понудительнаго вліянія окажется недостаточно для того, чтобы произвести измѣненіе порядка, то употребить для этой цѣли, быть можетъ, и физическую силу».

Господа! Тутъ слова правды нѣтъ, какъ я ниже докажу еще подробнѣе. Но положимъ, что это правда; что же изъ этого слѣдуетъ? Обвиняютъ ли меня въ приготовленіи государственнаго преступленія? Нѣтъ, меня обвиняютъ въ приготовленіи, можетъ быть, государственнаго преступленія. Вы видите, это подлинныя слова обвиненія: «употребить для этой цѣли, быть можетъ, и физическую силу». Меня обвиняютъ въ приготовленіи дѣла, которое, можетъ быть, будетъ государственнымъ преступленіемъ, а можетъ

быть, и не будетъ, смотря по послѣдующимъ обстоятельствамъ, смотря по послѣдующему усмотрѣнію моему! Что же это за странное обвиненіе?!

Не вижу причины, почему мнѣ утомлять Васъ, господа судьи, представляя Вамъ мои возраженія въ той скучной формѣ, которая свойственна юриспруденціи. Я могу гораздо болѣе заинтересовать Васъ, облекши ихъ въ эстетическую форму, которая ни мало не повредитъ ихъ юридическому достоинству. Если дѣло дѣйствительно такъ, какъ представляетъ его обвинительный актъ, то я нахожусь въ томъ интереснѣмъ состояніи духа, въ какомъ Шиллеръ въ трагедіи «Смерть Валленштейна» изобразилъ своего героя. Валленштейнъ у Шиллера ведетъ дѣло такъ, чтобы имѣть возможность въ данную минуту распорядиться имъ въ какую угодно сторону — à deux mains: захочетъ — за императора и имперію, захочетъ — противъ нихъ. Какъ распорядиться — онъ самъ еще не рѣшилъ. Въ извѣстномъ монологѣ въ самомъ началѣ трагедіи онъ самъ описываетъ свое состояніе духа:

«Wär's möglich? — Könnt'ich nicht mehr, wie ich wollte?
Nicht mehr zurück, wie mir's beliebt?..†)

Президентъ *(прерывая)*. Я уже замѣтилъ обвиняемому, чтобы онъ не тратилъ наше время на поэтическія декламаціи.

Лассаль. Г. президентъ! Развѣ наши великіе поэты, развѣ Шиллеръ запрещенъ въ этой палатѣ?

(Президентъ говоритъ что-то обвиняемому, который громкимъ голосомъ, покрывающимъ слова президента, продолжаетъ.)

Лассаль. Это очень важное для меня мѣсто; въ немъ геніально выраженъ вопросъ, который теперь занимаетъ насъ. Вы обязаны выслушать его.

(Президентъ *молчитъ въ ожиданіи.)*

Лассаль — — «Ich müszte.

Die That vollbringen, weil ich sie gedacht?
Nicht die Versuchung von mir wies — das Herz
Genährt mit diesem Traum, auf ungewisse
Erfüllung hin die Mittel mir gespart,
Die Wege blos mir offen hab'gehalten?
Beim groszen Gott des Himmels! Es war nicht
Mein Ernst, beschloss'ne Sache war es nie!
In dem Gedanken blos gefiel ich mir,
Die Freiheit reizte mich und das Vermögen!» ††)

Вы видите, господа, что прокурору слѣдовало бы поучиться у поэта. Пре-

---

†) Возможно ль? — Неужели я уже не могу поступить, какъ захочу? Неужели не могу уже отступить, если вздумаю?

††) — — Неужели я долженъ совершить дѣло потому, что задумалъ его? Что не отогналъ искушенія, питалъ сердце этой мечтой, берегъ себѣ средства на нерѣшенное исполненіе, только держалъ себѣ пути открытыми? Клянусь великимъ Богомъ на небѣ! Я не задумывалъ этого серьезно, это никогда не было рѣшеннымъ дѣломъ! Меня только манила эта мысль, нравились свобода и возможность

ступленіе должно быть «рѣшеннымъ дѣломъ». Валленштейнъ говоритъ: «это никогда не было рѣшеннымъ дѣломъ». Поэтому когда въ концѣ монолога онъ приказываетъ ввести Врангеля, онъ самъ характеризуетъ положеніе дѣла, говоря, устремивъ взоръ на дверь:

«Noch ist sie rein — noch! das Verbrechen kann
Nicht über diese Schwelle noch! — So schmal ist
Die Gränze, die zwei Lebenswege scheidet!» †)

Въ психологическомъ смыслѣ граница, раздѣляющая два жизненные пути, быть можетъ, очень узка; но въ юридическомъ — это цѣлая пропасть, пропасть между дѣйствіемъ и недѣланіемъ!

Вы понимаете, что въ этомъ разговорѣ съ Врангелемъ Валленштейнъ не рѣшается на государственное преступленіе. Его удерживаетъ патріотизмъ. Онъ даже рѣшается на противное и возвѣщаетъ свое рѣшеніе своимъ приближеннымъ, Илло и Терцкому:

«Hört — noch ist nichts geschehn, und — wohl erwogen,
Ich will es lieber doch nicht thun.» ††)

Тутъ къ нему подходитъ графиня Терцкая. Она истощаетъ передъ нимъ все свое демоническое краснорѣчіе, и Шиллеръ показываетъ намъ его ходящимъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильнѣйшей душевной борьбѣ. Вдругъ онъ останавливается, и раздается приказаніе:

«Ruft mir den Wrangel, und es sollen gleich drei Boten Satteln!» †††)

Вы видите, господа, вотъ первая минута когда прокуроръ могъ бы вторгнуться въ трагедію съ своимъ аккомпаниментомъ. Но вѣдь я Врангеля еще не звалъ, не приказывалъ гонцамъ сѣдлать, и потому убѣдительно прошу прокурора подождать, вздумается ли мнѣ и когда вздумается сдѣлать это, а до тѣхъ поръ не вламываться съ своимъ аккомпаниментомъ!

Обвиненіе продолжаетъ:

«Сущность этой статьи состоитъ въ раскрытіи настоящей цѣли»... *(самъ себя прерывая:)*

Господа! Авторъ этой статьи ничего не можетъ раскрывать. Онъ можетъ выражать только свои догадки, свои ни для кого не обязательныя, можетъ быть, вѣрныя, а можетъ быть, вздорныя, догадки.

«... настоящей цѣли рабочаго движенія, организованнаго обвиненіемъ; объясненіе это заимствуется изъ обнаружившагося характера устроенныхъ имъ рабочихъ собраній на Рейнѣ. Въ статьѣ высказывается опасеніе, что крайніе

---

†) Она еще чиста! Преступленіе еще не можетъ перешагнуть за этотъ порогъ! Такъ узка граница, раздѣляющая два жизненные пути!

††) Слушайте, еще ничего не случилось — и, хорошенько взвѣсивъ, я предпочитаю не дѣлать этого.

†††) Позвать ко мнѣ Врангеля, и тотчасъ тремъ гонцамъ сѣдлать коней!

элементы прогрессистской партіи отрекутся отъ нея и бросятся въ объятія Общему Герм. Рабочему Союзу, ««потому что она пугается борьбы съ короной, въ чемъ состоитъ смыслъ всего столкновенія»». Цѣль же рабочаго движенія состоитъ въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго порядка.»

Нѣтъ! Даже и въ статьѣ «Южно-герм. Газ.» не говорится, чтобы такова была цѣль рабочаго движенія; говорится совершенно другое. Въ ней говорится о насъ, что мы — люди, отъ которыхъ можно ожидать при такихъ-то обстоятельствахъ того-то; что такова наша природа. Въ ней говорится: еслибы существовала Лассалевская армія, то въ нынѣшнемъ порядкѣ Германіи не уцѣлѣло бы камня на камнѣ. Но статья не говоритъ, что мы имѣемъ цѣлью собрать и снарядить такую армію; она не обвиняетъ меня въ организаціи такой арміи для указанной ею цѣли. Она только разсуждаетъ о нашей природѣ съ психологической точки зрѣнія. Но за то, какова наша природа, мы неотвѣтственны передъ судомъ; мы отвѣтственны только за цѣли, которыя преслѣдуемъ извѣстными дѣйствіями. Подобныхъ же цѣлей намъ не приписываетъ даже эта статья. Съ игривостью воображенія, свойственною газетчикамъ, авторъ этой статьи дѣлаетъ всевозможныя предположенія и разсуждаетъ между прочимъ о томъ, что могло бы случиться, еслибы я предводительствовалъ арміей. Увѣряю Васъ, господа, что я еще самъ не размыслилъ о томъ, что буду дѣлать, если когда-нибудь сдѣлаюсь главнокомандующимъ рабочей арміи *(тутъ президентъ не можетъ удержаться отъ улыбки)*, а тѣмъ менѣе могу я отвѣчать передъ судомъ за такія мысли и предположенія.

«Обвиняемый — продолжаетъ обвиненіе — дѣлаетъ видъ, будто сообщаетъ эту статью только въ доказательство работникамъ, что и противники его, прогрессисты, признаютъ въ газетахъ, не читаемыхъ работниками, что онъ не реакціонеръ. Но въ дѣйствительности»... (*прерывая себя*:)

Г. прокурору это, конечно, извѣстно гораздо лучше, чѣмъ мнѣ самому!

«...но въ дѣйствительности онъ имѣетъ въ виду этимъ косвеннымъ раскрытіемъ своихъ истинныхъ цѣлей склонить работниковъ къ вступленію въ Рабочій Союзъ.»

Опять за тоже! Будетъ ли приготовленіемъ къ государственному преступленію, если я стану кого-нибудь возбуждать къ вступленію въ недозволенное общество? Въ этомъ обвиненіи все какъ-то странно перепутано. Государственное преступленіе есть такое преступленіе, которое берется за недозволенные поступки, вслѣдствіе воззрѣній, быть можетъ, вполнѣ дозволительныхъ. Вспомните, напр., ту форму государственнаго преступленія, которая очень часто встрѣчалась въ прошлые вѣка и теперь еще можетъ встрѣтиться, напр. въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Это именно тотъ случай, когда человѣкъ по уважительнымъ юридическимъ и генеалогическимъ соображеніямъ убѣжденъ, что царствующій домъ владѣетъ престоломъ не по праву, что есть другое лицо, имѣющее больше правъ царствовать. Это мнѣнія вполнѣ дозволительныя; но, тѣмъ неменѣе, если на основаніи этихъ дозволительныхъ мнѣній будетъ приступлено къ извѣстнымъ недозволеннымъ дѣйствіямъ, то это будетъ — государственное преступленіе.

Меня же обвиняютъ, наоборотъ, въ томъ, что я вслѣдствіе въ высшей степени недозволительныхъ убѣжденій возбуждалъ—къ дозволительному дѣйствію! Странное преступленіе, и это-то и есть государственное преступленіе!

Еще въ другомъ отношеніи обвинительный актъ непонятенъ мнѣ. Неужели онъ не чувствуетъ, что эта брошюра, мое воззваніе къ работникамъ, никакъ не можетъ быть corpus delicti моихъ намѣреній, какъ онъ самъ представляетъ ихъ, а развѣ по большей мѣрѣ доказательствомъ ихъ? Если меня обвиняютъ на основаніи организаціи Общ. Г. Рабочаго Союза, если меня обвиняютъ, что организаціей этого союза я приготовлялъ государственное преступленіе, то обвинитель могъ бы попытаться доказать посредствомъ моей брошюры, какое употребленіе хотѣлъ я сдѣлать изъ Союза. Но сама эта брошюра, долженствующая по смыслу самого обвиненія быть только доказательствомъ моихъ намѣреній, никакъ не можетъ быть объективнымъ фактомъ государственнаго преступленія. Стало быть, все обвиненіе поставлено криво; брошюра можетъ доказывать мои намѣренія въ другихъ дѣйствіяхъ, но сама никакъ не можетъ быть объективнымъ фактомъ преступнаго дѣйствія. Она должна только указывать, съ какими мыслями организовалъ я Общій Герм. Раб. Союзъ; но меня не обвиняютъ за его основаніе!

Далѣе обвиненіе замѣчаетъ:

«Слѣдующее мѣсто доказываетъ, что онъ дѣйствительно считаетъ революціонныя заявленія хорошимъ средствомъ располагать къ себѣ работниковъ».

Господа! Я могъ употреблять слово «революція» въ научномъ смыслѣ. Самъ прокуроръ не отрицаетъ совершенной неприкосновенности этого значенія. Но онъ возражаетъ, что работникамъ оно неизвѣстно.—Онъ ошибается! Работники читаютъ мои сочиненія и знакомы съ этимъ значеніемъ уже по моей «Программѣ Работниковъ» и по моей защитительной рѣчи, «Наука и работники», въ здѣшнемъ уголовномъ судѣ.

Чрезвычайно удивила меня попытка обратиться даже къ воспоминаніямъ 1848 г., къ пресловутому протоколу, который Вамъ прочли здѣсь. Замѣчу одно: оберъ-прокуроръ считаетъ меня, кажется, отвѣтственнымъ за выраженія протокола; если считаетъ, то ошибается. Я не знаю, откуда взялся этотъ протоколъ; онъ составленъ не на судебномъ слѣдствіи. Притомъ могутъ ли эти отрывочныя фразы вѣрно передать сущность защитительной рѣчи, длившейся часовъ 5 въ полномъ собраніи суда? Какой-нибудь писецъ составилъ этотъ протоколъ въ выраженіяхъ нескладныхъ и нелѣпыхъ, и я рѣшительно отказываюсь отъ всякой отвѣтственности за него. Я уже сказалъ, какъ было дѣло. Въ столкновеніи 1848 г. я призывалъ народъ къ вооруженной защитѣ національнаго собранія. Времена были смутныя. Вся страна была раздѣлена на двѣ враждебныя, боровшіяся между собой партіи. А теперь прокуроръ старается внушить Вамъ мысли, что такъ какъ въ ноябрѣ 1848 г. я призывалъ народъ къ оружію противъ тогдашняго правительства, то и впослѣдствіи каждую минуту долженъ былъ готовъ схватиться за оружіе, какъ-будто тогдашнее столкновеніе было нормальнымъ положеніемъ, опредѣляющимъ и нынѣшнія отноше-

нія. Лучше не вспоминать о тогдашнихъ временахъ, господа! Вѣдь тогда корол. судебная палата въ первые дни ноябрскаго столкновенія сама распорядилась немедленно освободить арестованныхъ, находя незаконнымъ осадное положеніе, которому подвергъ Берлинъ королевскій генералъ фонъ-Врангель. Слѣдовательно, не будемъ вспоминать этого!..

(Прокуроръ и нѣкоторые старѣйшіе члены суда, Гутшмидтъ и Грейнъ, встаютъ и протестуютъ противъ справедливости и умѣстности этихъ словъ.)

Лассаль (*возвысивъ голосъ*). Я читалъ это въ тогдашнихъ газетахъ, и этого никогда впослѣдствіи не опровергали. Тогда писали, что трое или четверо первыхъ арестованныхъ правительствомъ были немедленно освобождены судебною палатою. Я читалъ также, что судебная палата...

Судья г. Гутшмидтъ (*прерывая, кричитъ:*) Неправда, что судебная палата порицала, какъ незаконное, осадное положеніе, учрежденное въ Берлинѣ генераломъ фонъ-Врангелемъ.

Президентъ. Ваши газеты были плохимъ источникомъ. Но прошу Васъ избѣгать подобныхъ неидущихъ къ дѣлу отклоненій. Они нисколько не помогаютъ дѣлу. Кчему Вы задѣваете тутъ мимоходомъ и судебную палату?

Лассаль. Неужели Вы не замѣчаете, г. президентъ, что оказываете мнѣ тяжкую несправедливость и очень важно перетолковываете мои слова. Перетолкованіе заключается вотъ въ чемъ: Я хотѣлъ только сказать, что во время такого сильнаго волненія, какъ въ ноябрѣ 1848 г., во время минутнаго междоусобія, когда вся нація раздѣлилась на два враждебные лагеря, каждый побуждался къ поступкамъ, которые не могутъ повторяться постоянно, въ любое время и безъ такого побужденія. Говоря это, я только хотѣлъ оградить себя противъ той логики, которая на основаніи поступка, совершеннаго въ такое чрезвычайно-критическое время, какъ ноябрскіе дни 1848 г., заключаетъ, что это долженъ быть обычный образъ дѣйствій.

Обвинительный актъ навязываетъ мнѣ отвѣтственность за газетную статью на томъ основаніи, что въ воззваніи я говорю:

«Хотите ли Вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ Вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой и другъ для друга? Вы сейчасъ увидите.»

Но вѣдь я говорю здѣсь очень ясно: все, что я говорю, говоритъ и эта статья. Но что я не подтверждаю всего, что говорится въ статьѣ, ясно уже изъ того, что, процитировавъ ее, я вслѣдъ затѣмъ отмѣчаю тѣ пункты, которые хотѣлъ доказать этой цитатой, а именно, вопервыхъ, многочисленность моихъ приверженцевъ, вовторыхъ, ихъ энтузіазмъ, втретьихъ, постоянное возрастаніе ихъ, вчетвертыхъ, прежнюю непріязнь фабрикантовъ къ Шульце-Деличу и нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи. Вся эта внутренняя связь выражена въ брошюрѣ очень ясно и обстоятельно вслѣдъ за цитатой.

Въ моему удивленію обвинительный актъ подчеркиваетъ слова моей брошюры: «*Истинный* характеръ рейнскихъ собраній». Я говорю о достойномъ, восторженномъ характерѣ этихъ собраній. Обвинитель-

ный актъ утверждаетъ далѣе, что я называю описаніе этихъ собраній въ статьѣ совершенно вѣрнымъ, а статья говоритъ о нихъ, что «они уже теперь представляютъ собою народное движеніе, опирающееся на физическую силу.» Я просто не могу понять этого. Господа! Развѣ на собраніяхъ этихъ было уже начало исполненія преступленія? Гдѣ же производятся процессы по этимъ государственнымъ преступленіямъ? Или, можетъ быть, это явствуетъ изъ приключенія съ пивными кружками, брошенными въ физіономіи нѣкоторыхъ прогрессистовъ? Можетъ быть, это государственное преступленіе?

«Впрочемъ не косвенно только» продолжаетъ обвинительный актъ «сообщеніемъ этой статьи высказываетъ обвиняемый свое намѣреніе прибѣгнуть въ случаѣ надобности къ силѣ для достиженія своей цѣли. Въ заключеніе своей брошюры онъ уговариваетъ работниковъ вспомнить о своихъ великихъ покойникахъ 1848 г.»...

(*Прерывая себя:*) Вотъ, господа, то преступленіе, объ изобрѣтеніи котораго съ такимъ презрѣніемъ говоритъ Тацитъ и которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ хвалилъ Брута и Кассія! Буду продолжать читать это разсужденіе обвиненія, съ трудомъ удерживая свое негодованіе:

«и даетъ несомнѣнно понять, что вся разница между тогдашнимъ народнымъ движеніемъ и организованнымъ имъ рабочимъ движеніемъ состоитъ въ томъ, что послѣднее должно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ не тотчасъ, а тогда только, когда окажется недостаточнымъ имѣющееся въ виду на первый случай средство устраненія правительства внушительнымъ сборомъ рабочей арміи.»

Повторяю, мнѣ трудно оставаться въ угодныхъ Вамъ предѣлахъ спокойствія, говоря объ этомъ разсужденіи. Что сказать объ обвинительномъ актѣ, который ухитряется трижды исказить одинъ и тотъ же фактъ. Вѣдь я говорилъ какъ разъ противное, что не надо прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ. Я говорю «пока» и «не», а онъ дѣлаетъ изъ этихъ словъ «не тотчасъ»; но это цвѣточки. Второе искаженіе еще важнѣе. Онъ прямо приписываетъ мнѣ выраженную мысль, что слѣдуетъ приняться за насильственныя мѣры. Въ какихъ словахъ, на какой страницѣ выразилъ я это? Вѣдь это уже черезчуръ, господа! Онъ смѣло говоритъ:

«должно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ тогда» и т. д.

Такимъ образомъ онъ приписываетъ мнѣ нетолько положительное выраженіе этой мысли, но даже указаніе срока. Далѣе: когда я говорилъ, что хочу собрать рабочую армію? Никогда, господа! О рабочей арміи говорила «Южно-германская Газета», да и то не говорила, что я хочу или буду собирать ее, а сказала только: если бы существовала Лассалевская рабочая армія, то политическому порядку Германіи пришлось бы плохо. Этими словами она хотѣла только выразить свое мнѣніе о нашихъ наклонностяхъ, а обвинительный актъ исподтишка превращаетъ это въ фактъ, что я намѣревался собрать рабочую армію.

Тутъ обвиненіе ссылается на мои заключительныя слова, будто-бы под-

тверждающія все, что оно утверждаетъ; я прочту ихъ, именно, чтобы показать, какія ужасныя штуки дѣлаетъ со мной обвиненіе.

«А въ то время приходилось строить баррикады, теперь же дѣло пока только въ томъ, чтобы совершенно законнымъ вступленіемъ въ нашъ Союзъ, внушительнымъ обнаруженіемъ нашей многочисленности и нашего единодушія занять положеніе, которое будетъ имѣть громадное вліяніе и на правительство, и на самихъ прогрессистовъ и дастъ новый оборотъ развитію нашего народа.»

Слѣдовательно, я упоминаю о насиліи только для того, чтобы сказать, что его не нужно. И на это-то прокуроръ ссылается! Я говорю отрицательно: теперь не надо насилія. Что же надо? Оба эти предложенія и положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ я слагаю въ положеніе: «Теперь дѣло пока только въ томъ, чтобы пріобрѣсти извѣстное нравственное вліяніе образованіемъ многочисленнаго законно-дозволеннаго Союза».

Но предположимъ, что въ моей душѣ дѣйствительно сидѣли всѣ тѣ мысли, которыя прокуроръ подглядѣлъ тамъ. Какой упрекъ можно было бы вывести изъ этого противъ меня кромѣ того, что я не закаялся на вѣчныя времена дѣлать революцію? Итакъ это отрицательное дѣйствіе, что я не далъ вѣчнаго заклятія дѣлать революцію, составляетъ по обвиненію мое государственное преступленіе, господа!

Итакъ, я разобралъ всѣ отдѣльные пункты обвиненія, и Вы видите, господа, что въ нихъ нельзя найти ни слѣда виновности, даже допустивъ, что все, что оно утверждаетъ, буквально вѣрно. Но можетъ ли быть тутъ хотя одно слово правдой? Другими словами: въ чемъ же состоитъ политическое или—что тоже—фактическое основаніе обвиненія?

Увы! политическія соображенія такъ же не дались прокурору, какъ и юридическія!

Въ настоящее время политическое положеніе нашей страны состоитъ въ томъ, что въ ней существуютъ три великія партіи: 1) прогрессистская партія или партія либеральной буржуазіи; 2) правительственная партія, подъ именемъ которой я разумѣю всѣ оттѣнки, и 3) партія, которой я имѣю честь предводительствовать—собственно народная партія.

При такомъ положеніи дѣлъ для моей партіи, очевидно, ничего не можетъ быть выгоднѣе, какъ чтобы ни одна изъ первыхъ не могла окончательно одолѣть другую и чтобы такимъ образомъ обѣ онѣ были принуждены дорожить, каждая по-своему, народомъ, цѣнить рѣшающій вѣсъ третьей партіи.

У прогрессистовъ это выражается тѣмъ, что радикальнѣйшій оттѣнокъ ихъ, какъ показываетъ Вамъ статья «Южно-герм. Газеты», хотя еще борется противъ меня, но помышляетъ уже передаться мнѣ.

Это стремленіе къ сближенію еще рѣшительнѣе въ консервативной партіи и въ правительствѣ въ силу одного древняго закона исторіи. Законъ этотъ, многократно подтвердившійся въ Англіи и Франціи, состоитъ въ томъ, что всѣ крайнія партіи всегда имѣютъ естественное влеченіе другъ къ другу противъ средней партіи, какое-то естественное сродство между собой, нѣчто вродѣ химическаго сродства.

Это обнаружилось у насъ въ высшей степени со стороны всѣхъ фракцій консервативной партіи. Консервативная партія постоянно поддерживала меня въ своихъ собраніяхъ и въ своихъ журналахъ («Крестовой Газ.», «Всеобщ. Народномъ Листкѣ», «Берлинскомъ Обозрѣніи» и т. д.).

Такъ, напр., глава консервативной партіи, г. І. Р. Вагнеръ, въ засѣданіи 22 іюня прошлаго года требовалъ положительно законнаго опредѣленія размѣра рабочей платы, съ тѣмъ притомъ, чтобы размѣръ ея былъ опредѣленъ ремесленными совѣтниками, избранными при участіи самихъ работниковъ.

Говоря о соціальныхъ стремленіяхъ, онъ разсуждаетъ такъ: «Это выражается и въ теоріяхъ Лассаля, который хочетъ доставить рабочему сословію участіе въ правленіи посредствомъ общаго избирательнаго права. Тѣмъ неменѣе дѣло это само по себѣ справедливо и мы до тѣхъ поръ ничего не достигнемъ въ этой сферѣ, пока сословіе это дѣйствительно не будетъ имѣть своего представительства въ правленіи.»

Въ-заключеніе онъ говоритъ: «Если Вы согласны съ этимъ, то изъ послѣднихъ соображеній выходитъ то, что заключается въ программѣ Лассаля, т. е. что правительство должно до извѣстной степени признать свое обязательство помочь работникамъ своей гарантіей и дать имъ возможность самимъ сдѣлаться предпринимателями.»

Въ засѣданіи народнаго Союза 10 октября (см. «Крест. Газ.» 25 окт.) онъ говорилъ о конституціи: «Я смѣло утверждаю, что прусская конституція въ нынѣшнемъ своемъ видѣ ни въ комъ не имѣетъ опоры, кромѣ какъ въ совѣсти прусскаго короля. Для однихъ ея слишкомъ мало, для другихъ слишкомъ много; т. е. прусскія партіи раздѣляются на желающихъ ограничить конституцію и на желающихъ расширить ее—во всякомъ случаѣ передѣлать. Той же конституціи, которая теперь существуетъ по буквѣ закона, никто въ сущности не желаетъ.» Въ-заключеніе онъ требуетъ даже общаго и прямого избирательнаго права, хотя, конечно, по-своему, съ сословнымъ оттѣнкомъ. Онъ говоритъ: «я съ своей стороны, не обинуясь, скажу, что для меня нашъ нынѣшній избирательный законъ недостаточно либералент и свободенъ; я желаю такого избирательнаго закона, въ которомъ ожили бы и осуществились бы идеи древняго германскаго права, а именно общее и прямое избирательное право, организованное съ уваженіемъ къ правдѣ, но впрочемъ по сословіямъ.»

Итакъ, Вы видите, господа, что г. юстицратъ Вагнеръ точно также желаетъ перемѣны конституціи, какъ и я. Какъ и я, онъ требуетъ общаго и прямого избирательнаго права. Гдѣ же равенство передъ закономъ? Отчего прокуроръ мѣряетъ насъ разной мѣркой и разными вѣсами? Отчего онъ только меня преслѣдуетъ обвиненіемъ въ государственномъ преступленіи?

Само правительство еще рѣшительнѣе идетъ къ сближенію съ моей партіей. Прочтите на пробу передовую статью, недавно помѣщенную въ официозномъ журналѣ нашего президента министровъ.

Въ передовой статьѣ «Сѣверо-германской Газеты» отъ 27 февраля теку-

щаго года приводится слѣдующая цитата изъ одного бельгійскаго журнала моей партіи:

«Нѣкоторые благонамѣренные люди думаютъ, не смѣя однако говорить это вслухъ, что лица, возвышенные революціей 1830 г., истаскались; что владычествующая надъ нами буржуазія ниже своего времени, что народъ, работники, словомъ—пролетаріатъ не имѣетъ представительства ни въ общинныхъ, ни въ провинціальныхъ совѣтахъ, ни въ палатахъ; что конституція можетъ быть совершенствуема, подобно всѣмъ человѣческимъ учрежденіямъ, и что ее необходимо немедленно измѣнить, главное, въ ея избирательномъ законѣ. Люди эти прибавляютъ, что новыя обстоятельства требуютъ и новыхъ дѣятелей и что мелкія націи гибнутъ навѣрно скорѣе отъ недостатка мужества, чѣмъ отъ излишней смѣлости.»

На это «Сѣверо-германская Газета» замѣчаетъ уже отъ себя:

«Мы безъ сомнѣнія не разъ еще будемъ имѣть случай говорить о томъ странномъ зрѣлищѣ, которое представляетъ теперь Бельгія; пока достаточно этого отзыва бельгійскаго журнала, требующаго, какъ послѣдняго средства спасенія, представительства пролетаріата въ общинныхъ и провинціальныхъ совѣтахъ и въ палатахъ. А Шульце съ Миллерами, тетушка Фоссъ и всѣ прочіе органы прогрессистовъ ежедневно трубятъ въ виду этихъ знаменій времени, что соціальный вопросъ мертвъ, что должна владычествовать буржуазія,—буржуазія, которая такъ истаскалась въ 33 года въ маленькой Бельгіи, что неспособна произвести ни одного порядочнаго министра! А что бы было, еслибы эти результаты, которые мы видимъ въ Бельгіи, обнаруживались въ большомъ государствѣ, въ государствѣ, которому надо отстаивать свою политику передъ иностранными державами? Что бы это было, милѣйшіе прогрессисты?»

Вы видите, господа, что это тѣ самыя воззрѣнія и теоріи, которыя я провожу въ моей агитаціи; тутъ во всемъ, даже въ словахъ, сравненіяхъ и выраженіяхъ, видно вліяніе моего послѣдняго экономическаго сочиненія «Господинъ Бастіа-Шульце или Капиталъ и Трудъ.» †)

Вы видите, господа, что вотъ уже всѣ принуждены говорить болѣе или менѣе по-моему: съ одной стороны, радикальный корреспондентъ «Южно-германской Газеты», съ другой юстицратъ Вагнеръ, прусскій народный союзъ, и наконецъ, само прусское правительство.

Когда я возсталъ, въ мартѣ прошлаго года, я былъ одинъ. Откуда же взялась у одинокаго человѣка такая сила, чтобы принудить всѣ партіи и самое правительство говорить въ его смыслѣ? Объясненіе очень просто: оттого такъ сильно мое вліяніе, что слово мое дѣйствуетъ неотразимо, съ одной стороны, на массу народа, а съ другой, быть можетъ, еще сильнѣе на меньшинство образованныхъ, именно на небольшое число самыхъ образованнѣйшихъ и самыхъ умнѣйшихъ представителей націи. Сліяніе этихъ двухъ крайнихъ умственныхъ слоевъ, непосредственнаго народнаго чувства съ влія-

†) См. Ц. т., стр. 51—233.

ніемъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей націи, производитъ умственное давленіе, которому трудно противиться. Кромѣ того, могущество мое зависитъ еще отъ того, что правительство и консервативная партія находятся въ борьбѣ съ буржуазіей и что въ этомъ столкновеніи обѣ враждующія стороны принуждены дорожить народомъ.

Вотъ отчего моя партія, столь юная, такъ скоро пріобрѣла такую силу, такое значеніе, такое вліяніе на всѣ партіи страны.

Но по прокурору выходитъ, что мнѣ чрезвычайно непріятно это вліяніе, доставляемое обстоятельствами моей партіи, и я только и думаю, какъ бы потерять его.

По прокурору выходитъ, что я ничего такъ не желаю, какъ отдать въ руки буржуазіи правительственную власть и всѣ ея силы насильственнымъ ниспроверженіемъ правительства; вѣдь ниспровергни я правительство, буржуазія, располагающая всѣмъ могуществомъ денегъ и владѣнія, не преминула бы забрать правительственную власть въ свои руки. Я этого-то и желаю, чтобы буржуазія, мой главный политическій врагъ, могла, овладѣвъ всѣми средствами правительственной власти, воздвигнуть гоненіе на меня и на мою партію и произвести среди насъ избіеніе! Я желаю этого, чтобы дать ей возможность заставить соединиться съ ней противъ меня всѣ тѣ элементы консервативной партіи, которые всегда стоятъ за всякій разъ существующій порядокъ! Я желаю, чтобы она могла, не стѣсняясь никакими остатками нравственнаго самостоятельнаго государственнаго контроля, удариться, сломя голову, въ осуществленіе своихъ манчестерскихъ теорій общества, противъ которыхъ я далъ клятву бороться не на животъ, а на смерть.

Хотя все это должно погубить меня и мою партію, тѣмъ неменѣе по обвиненію выходитъ, что я этого желаю, вѣроятно, въ угоду прокурору, чтобы дать хотя тѣнь правдоподобія его обвиненіямъ.

Господа! такъ какъ мы уже заговорили о политическомъ положеніи дѣлъ, которое служитъ фактическимъ основаніемъ этого обвиненія, то пойдемъ же въ этомъ направленіи дальше, возвысимъ эти пренія на высоту ихъ настоящаго предмета!

Прокуроръ обвиняетъ меня въ намѣреніи возстановить общее и прямое избирательное право и, слѣдовательно, низвергнуть конституцію!

Хотя не болѣе какъ частный человѣкъ, я говорю Вамъ прямо, господа: я нетолько хочу низвергнуть конституцію, но года не пройдетъ, какъ я низвергну ее!

Но какъ? Такъ, что при этомъ не прольется ни одной капли крови, ни одинъ кулакъ не поднимется на насиліе! Не пройдетъ, можетъ быть, и года, какъ общее и прямое избирательное право будетъ самымъ мирнымъ образомъ пожаловано намъ.

Ведя сильную игру, можно играть въ-открытую, господа! Самая сильная дипломатія та, которой нѣтъ надобности облекать свои разсчеты въ тайну, потому что они основаны на непоколебимой необходимости.

Поэтому я говорю Вамъ во всеуслышаніе въ этомъ торжественномъ мѣстѣ,

что года, можетъ быть, не пройдетъ, какъ г. фонъ-Бисмаркъ разыграетъ роль Роберта Пиля, какъ будетъ пожаловано общее и прямое избирательное право! Я зналъ это въ первый же день, когда начиналъ свою агитацію изданіемъ «Гласнаго Отвѣта», и это понимали всѣ, ясно смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ.

Правительство разыграетъ роль сэра Роберта Пиля, говорю я, уже по той простой причинѣ, что ему больше ничего не остается дѣлать.

Борьба непримиримая, смертельная идетъ между монархіей и буржуазіей. Кто первый подастся, тотъ погибъ!

Монархія не можетъ уступить передъ кликой, но, съ другой стороны, не можетъ увѣковѣчить тотъ беззаконный порядокъ, въ которомъ мы теперь живемъ.

Она не можетъ сдаться кликѣ, но не можетъ и сохранить надолго нынѣшній ненормальный порядокъ.

Стало быть, это борьба безъ конца и безъ исхода, борьба двухъ противниковъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ лагерѣ непобѣдимъ для другаго.

Въ этой безысходной борьбѣ мой голосъ открылъ единственный возможный, мыслимый исходъ, исходъ, имѣющій за себя высшую санкцію права и исторіи,—исходъ, состоящій въ томъ, чтобы вывести на арену самый народъ и возстановить его право!

Исходъ открытъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ умственной атмосферѣ возбуждено сильнѣйшее теченіе къ нему, теченіе, въ которомъ сливаются непосредственное народное чувство и всѣ сокровища первыхъ богачей области ума. Эта атмосфера стремится съ неотразимостью естественныхъ законовъ къ единственному отверстію, пробитому въ заколдованномъ кругѣ той безысходной борьбы.

Кромѣ того намъ предстоятъ великія внѣшнія столкновенія, какъ я ясно видѣлъ еще во время изданія «Гласнаго Отвѣта» и какъ теперь должно быть очевидно для всѣхъ. Въ виду этихъ столкновеній невозможно игнорировать народъ и необходимо все дѣлать, опираясь на народъ и на его симпатіи.

Намъ предстоятъ, господа, столь грозныя внѣшнія столкновенія, что если у нашего правительства не хватитъ ума во время — т. е. пока есть еще время — прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, чтобы оживить и одушевить народное сознаніе, сообщить народу громадныя жизненныя силы, нашей націи грозитъ опасность потерять національное существованіе и часть своей территоріи. Надѣюсь, непозволительно думать, что наше правительство окажется дотого не способнымъ!

Президентъ. Это черезчуръ! Я не могу долѣе дозволять Вамъ подобныхъ разглагольствованій о взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ. Я далъ Вамъ полную свободу разсуждать о внутренней политикѣ. Но пускаться во внѣшнюю — не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу.

Лассаль. Я рѣшительно протестую противъ какого бы то ни было нарушенія свободы моей защиты. Надо предоставить мнѣ судить, какъ мнѣ защищаться. Если Вамъ это не угодно, то предоставляю суду лишить меня слова и прервать защиту. Но пока слово за мной, я намѣренъ пользоваться имъ съ полнѣйшей свободой.

Обер-прокуроръ. Я самъ сказалъ, что стремленія къ измѣненію настоящаго избирательнаго права не составляютъ преступленія, пока держатся законнаго пути. Поэтому обвиняемый можетъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ возраженій по этому вопросу. Но обвиненіе утверждаетъ, что обвиняемый имѣетъ намѣреніе насильственно произвести это измѣненіе. Вотъ къ чему только относится обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Стало быть, все, что обвиняемый говоритъ о томъ, какъ можно произвести это измѣненіе мирнымъ путемъ, каковы намѣренія правительства и обѣихъ партій, будетъ ли пожаловано равное и прямое избирательное право, — все это не имѣетъ здѣсь никакого значенія. Такъ какъ онъ признаетъ, что стремится къ измѣненію избирательнаго права, то ему слѣдуетъ ограничить свою защиту доказательствомъ, что стремленія эти не сопряжены съ насиліемъ.

Президентъ. Говоря объ европейскихъ политическихъ вопросахъ и тому подобномъ, Вы вмѣшиваете въ защиту совершенно постороннія соображенія, объясненія, не имѣющія никакого отношенія къ предмету этихъ преній. Повторяю, если Вы хотите говорить о томъ, какъ тамъ великія державы относятся къ Пруссіи...

Лассаль *(прерывая президента)*: Не такъ же я нелѣпъ, какъ, кажется, предполагаютъ, чтобы пускаться въ подобныя изложенія этихъ отношеній; но мнѣ надо имѣть возможность касаться всего, чего я считаю нужнымъ коснуться. И я сейчасъ докажу, что, коснувшись этихъ отношеній, я не уклонился отъ предмета.

Прокуроръ обвиняетъ меня въ намѣреніи насильственно ниспровергнуть конституцію. Стало быть, онъ судитъ не по словамъ моимъ, не по тому, что я говорилъ въ уставѣ и въ сочиненіяхъ; иначе онъ не могъ бы обвинять меня, потому что тамъ всюду рѣчь только о мирной агитаціи. Но онъ не считаетъ мои слова истиннымъ выраженіемъ моихъ намѣреній, а указываетъ на будто-бы скрывающіяся за словами тайныя намѣренія мои касательно способа достиженія моей цѣли.

Приэтомъ онъ ссылается на то, что для возстановленія общаго и прямого избирательнаго права я, по его убѣжденію, и не могу имѣть иныхъ средствъ, кромѣ насилія. Слѣдовательно, господа, на такую инквизицію совѣсти не можетъ быть лучшаго возраженія, какъ показать конкретныя средства, на которыя я могу разсчитывать для возстановленія общаго и прямого избирательнаго права; показать Вамъ, что кромѣ насилія у меня есть весьма основательные, весьма дѣйствительные, вовсе не химерическіе средства и разсчеты. Тутъ вліяніе внѣшнихъ условій можетъ играть очень важную роль, стало быть, я вправѣ указать и на нихъ. Этимъ я доказываю, что приписываемые мнѣ замыслы выдуманы совершенно произвольно, потому что могутъ быть совсѣмъ другіе средства и разсчеты.

Вы очень нетерпѣливы, господа; но подумайте: вѣдь я защищаю свою честь и свое существованіе!

Адвокатъ Гольтгофъ. Я вынужденъ обратиться къ правосудію и справедливости высокаго суда. Г. обвиняемому необходимо разъяснить это дѣло

глубже и обстоятельнѣе, и онъ дѣлаетъ это, какъ считаетъ лучше. Впрочемъ что бы онъ ни сказалъ, Вы еще не доказали ему, что онъ дѣйствительно отклонился отъ предмета. Онъ же только-что убѣдительно доказалъ Вамъ необходимость всего сказаннаго имъ. Наконецъ обращаюсь къ простой справедливости высокаго суда. Г. оберъ-прокуроръ ждетъ отъ Васъ трехлѣтняго заключенія обвиняемаго; неужели Вы изъ чувства справедливости не позволите ему проговорить по часу противъ каждаго грозящаго ему года? *(Сильное впечатлѣніе.)*

Президентъ. Я не хочу стѣснять защиту обвиняемаго; я хотѣлъ въ его собственномъ интересѣ отклонить его отъ такого эксцентрическаго способа ея.

Лассаль. Итакъ, я говорю, что намъ предстоятъ столкновенія, въ которыхъ нельзя будетъ игнорировать народъ и придется дѣлать то, что будутъ дѣлать, опираясь на народъ и на его симпатіи.

Притомъ монархія не можетъ, конечно, уступить передъ кликой, но вполнѣ можетъ призвать на арену народъ и опереться на него. Ей стоитъ только вспомнить, кто тотъ столпъ, на которомъ она высится. Вѣдь не буржуазія, а народъ платитъ ея налоги! Вѣдь народъ, а не буржуазія, сражается за нее въ войнахъ! Наконецъ ей стоитъ только вспомнить свое происхожденіе, потому что вначалѣ всякая монархія была народною.

Правда, Луи-Филипповская монархія, монархія-креатура буржуазіи не можетъ сдѣлать этого. Но монархія, сохранившаяся еще въ своемъ первоначальномъ составѣ, опирающаяся, какъ искони, на рукоятку меча, вполнѣ могла бы сдѣлать это, еслибы рѣшилась преслѣдовать истинно великія, національныя и народныя цѣли.

Слѣдовательно, въ тотъ день, господа, когда Вы будете судить короля и правительство за ниспроверженіе конституціи пожалованіемъ общаго и прямого избирательнаго права — въ этотъ день я позволю прокурору привлечь и меня къ этой рѣшеткѣ, какъ нравственнаго сообщника, какъ умственнаго зачинщика этого ниспроверженія конституціи!

И въ этотъ день я буду слѣдующимъ образомъ защищать себя и своихъ сообщниковъ:

Прусская конституція, скажу я въ этой защитѣ, еще никогда ни на одинъ день не имѣла законнаго существованія!

Параграфомъ 6 закона 6 апрѣля 1848 г. король отказался отъ права издавать законы безъ согласія народныхъ представителей. Закономъ 8 апрѣля было введено общее избирательное право, правда, еще не прямое, но общее.

Въ декабрѣ 1848 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV пожаловалъ конституцію. Онъ могъ это сдѣлать, но чтобы получить окончательную законную силу, конституція эта должна была быть утверждена законными представителями народа.

Это видѣлъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV и для этой цѣли созвалъ народныхъ представителей въ Берлинъ.

Но прежде чѣмъ представительство было утверждено палатой, послѣдняя была въ 1849 г. распущена, общее избирательное право отмѣнено, пожалованъ нынѣшній трехклассный избирательный законъ, и конституція утверждена палатой, избранной на основаніи этого закона.

Король могъ, пожалуй, издать и этотъ трехклассный избирательный законъ. Но чтобы онъ получилъ окончательно законную силу, ему слѣдовало быть утвержденнымъ тогдашнимъ законнымъ, т. е. избраннымъ на основаніи общаго избирательнаго права, народнымъ представительствомъ.

Такого утвержденія онъ не получилъ. Онъ не получилъ его и до нынѣшняго дня. Слѣдовательно, всѣ созывавшіяся съ тѣхъ поръ палаты и утвержденная ими конституція лишены всякаго законнаго основанія.

Такъ какъ король самъ не могъ издавать закона съ окончательной законной силой безъ согласія законныхъ представителей народа, то не могъ дать полномочія на это и другимъ, т. е. членамъ палаты, избраннымъ по трехклассному избирательному закону. Того права, котораго я самъ не имѣю, я не могу и передавать. Стало быть, конституція съ перваго дня незаконна и недѣйствительна. Она и теперь, разумѣется, такъ же незаконна и недѣйствительна, какъ была 15 лѣтъ тому назадъ. Вы знаете юридическій принципъ, господа: Quod ab initio nullum est, nullo lapsu temporis convalescit.

Эта конституція и трехклассный избирательный законъ никогда не были утверждены народомъ посредствомъ выборовъ.

По офиціальной статистикѣ, недавно напечатанной въ правительственныхъ журналахъ, по трехклассному избирательному закону въ выборахъ никогда не участвовало болѣе 30% населенія, имѣющаго право на подачу голосовъ. Стало быть, объ утвержденіи трехкласснаго избирательнаго закона или конституціи народомъ не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно, конституція точно такъ же теперь не имѣетъ законнаго существованія, какъ въ первый день и какъ незаконны всѣ палаты, созывавшіяся со времени пожалованія избирательнаго закона въ іюнѣ 1849 г.

Буржуазія спокойно приняла и одобрила это ниспроверженіе народнаго права, беззаконное уничтоженіе общаго избирательнаго права. Она не протестовала противъ этого ни въ одномъ засѣданіи палатъ съ 1849 г.! Она съ восторгомъ приняла это ниспроверженіе народнаго права и отдѣльную добычу, которую швырнула ей королевская милость и которую она провозгласила правомъ страны. Она удалилась равнодушно и даже внутренно чрезвычайно обрадованная этимъ нарушеніемъ народнаго права. Теперь, поссорившись съ монархіей изъ-за толкованія этой королевской милости, она хочетъ бороться съ монархіей во имя права, хотя, какъ мы видѣли, основаніемъ ей служитъ не право, а правонарушеніе.

И это теперь вымещается ей, господа, потому что все вымещается еще на землѣ же!

Монархія однимъ ударомъ атакована, запугана и побѣждена во имя права; но это навело ее наконецъ на мысль самой разобрать это право, и она нашла, что буржуазія основывается вовсе не на своемъ правѣ, а на ея же милости.

Всякій почитаетъ право и склоненъ уважать его. Но никто не захочетъ, чтобы изъ его собственной милости дѣлали петлю на его же шею; ни отъ кого нельзя требовать согласія на это, слѣдовательно, и отъ монархіи.

Постоянно терпя нападки во имя «права», монархія вспомнила, что ей

гораздо удобнѣе обратиться къ истинному праву и призвать на арену народъ, чѣмъ уступать кликѣ и позволять нѣсколькимъ облагодѣтельствованнымъ ею личностямъ дѣлать изъ ея милости ей же на шею петлю.

Слѣдовательно, пожаловавшіе общее и прямое избирательное право не нарушители права, а возстановители права, возстановители народнаго права, а если въ 1848 г. было только общее избирательное право, теперь же введено общее и прямое избирательное право, то я скажу Вамъ на это, что сказалъ г. фонъ-Финке еще на соединенномъ сеймѣ 1847 г.: «Народныя вольности— это майоратъ, который съ теченіемъ времени можетъ только увеличиваться, но никогда не можетъ уменьшаться.»

Такъ, господа, буду я говорить въ защиту себя и своихъ соумышленниковъ въ тотъ день, когда Вы обвините меня какъ нравственнаго зачинщика ниспроверженія конституціи, и всю жизнь буду я гордиться тѣмъ, что сильнѣе, чѣмъ, можетъ быть, когда-либо было дано частному человѣку, способствовалъ возстановленію народнаго права.

(Обвиняемый садится, но президентъ напоминаетъ ему, что ему слѣдуетъ еще отвѣтить на II пунктъ обвиненія.)

Лассаль. Упоминаемыя во II пунктѣ будто-бы насмѣшливыя и оскорбительныя слова принадлежатъ не мнѣ, а заимствованы изъ «Южно-герм. Газеты» и приведены мною въ цитатѣ оттуда. Притомъ достаточно замѣтить, что если Вы, какъ я ожидаю, отвергнете обвиненіе въ государственномъ преступленіи, то само собою уничтожится то сочетаніе, вслѣдствіе котораго я и по этимъ пунктамъ сужусь не обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ, а государственнымъ. Съ нулемъ не можетъ быть сочетанія, а отвергнутое обвиненіе въ государственномъ преступленіи будетъ нулемъ. Еще нѣсколько замѣчаній. Говорятъ, что выраженіе «скипетръ, корона, звѣзды и прочія игрушки» есть осмѣяніе монархіи и составляетъ проступокъ противъ § 101 Уголовнаго Свода. Еслибы тутъ и въ самомъ дѣлѣ было осмѣяніе, то все-таки подъ этотъ § оно не подходило бы, потому что въ немъ говорится объ осмѣяніи учрежденій. Прокуроръ представляетъ себѣ монархію «государственнымъ учрежденіемъ», вродѣ мясной или мучной пошлины. Предоставляю впрочемъ монархіи вѣдаться съ прокуроромъ насчетъ этого представленія. Я же утверждаю только, что монархія есть не «учрежденіе монархіи», а сама монархія. Другими словами, монархія есть общее понятіе, а не отдѣльное учрежденіе въ государственномъ организмѣ. Слѣдовательно, § 101, говорящій объ осмѣяніи отдѣльныхъ учрежденій, сюда не идетъ. Не должно казаться страннымъ, что законъ полагаетъ наказаніе за проступокъ противъ меньшаго и не полагаетъ его за проступокъ противъ большаго. Примѣры этого встрѣчаются въ уголовномъ правѣ на каждомъ шагу, потому что уголовное право—область понятій, а не количества. Взгляните, напр., на § 100, въ которомъ говорится о возбужденіи подданныхъ государства къ взаимной ненависти или презрѣнію. Но положимъ, что какой-нибудь философствующій Тимонъ Аѳинскій сталъ бы возбуждать къ ненависти и презрѣнію не къ отдѣльнымъ сословіямъ, а ко всему міру; есть ли законъ, по которому его можно было бы наказать за это? (*Смѣхъ.*)

Притомъ тутъ и de facto нѣтъ никакого осмѣянія. Скипетръ, корона, звѣзды — не учрежденія, а символы монархіи. Осмѣяніе символовъ не есть осмѣяніе изображаемыхъ ими учрежденій. Наконецъ, слишкомъ придирчиво находить насмѣшку въ невинномъ словѣ «игрушки». Почти каждая идея публичнаго права — вспомните исторію римскаго права — облечена извѣстною торжественностью. Если взять эти внѣшніе символы отдѣльно, безъ отношенія ихъ къ идеѣ, которую они предназначены выражать, ихъ можно назвать игрушками. Самое большее, что можно вывести изъ этого выраженія, — это то, что авторъ этой статьи раціоналистъ и не придаетъ важности символическимъ выраженіямъ идей, такъ что склоненъ видѣть въ символахъ или торжественностяхъ лишь игрушки. Но это вовсе не осмѣяніе этихъ идей; слѣдовательно не осмѣяніе здѣсь идеи монархіи.

Перехожу ко второму упреку II пункта, упреку въ оскорбленіи членовъ королевскаго министерства въ отношеніи ихъ служебныхъ обязанностей. Упрекъ этотъ основанъ на слѣдующей фразѣ:

«Благодаря глупости нашего правительства» и т. д.

«Глупость», господа, выраженіе вовсе не оскорбительное. Мнѣ не хотѣлось бы цитировать поэтовъ, потому что это не нравится г. президенту (*смѣхъ*), но согласитесь, что великіе народные поэты опредѣляютъ значеніе словъ народнаго языка. Стало быть, въ этомъ отношеніи Вы должны держаться опредѣленій нашихъ поэтовъ. Фаустъ, изучившій все, говоритъ у Гёте:

Da steh' ich nun, ich armer Thor,
Und bin so klug als wie zuvor! †)

Называя себя «глупцомъ», Фаустъ не ругаетъ самъ себя, не думаетъ сказать этимъ, что я-де глупъ, а хочетъ только сказать, что взялся за средства, противорѣчащія той цѣли, которую задалъ себѣ, за средства, не ведущія къ этой цѣли. Вообще выраженіе «дѣлать глупость» значитъ браться за средства, которыя вмѣсто достиженія цѣли приводятъ по логикѣ дѣйствительности къ результатамъ, совершенно противнымъ. Такъ говорятъ вообще о всемъ родѣ человѣческомъ: «человѣческая глупость», потому что это общечеловѣческая слабость, которой никто не чуждъ и которая никогда не можетъ имѣть значенія положительнаго пятнающаго ругательства.

Еслибы я перепечаталъ эту статью съ мыслью воспользоваться ею для нанесенія подобнаго оскорбленія, то прежде всего оскорбилъ бы ею самого себя. Я вѣдь соціалистъ, желающій того соціальнаго переворота, о которомъ говорится въ этой фразѣ. Слѣдовательно, по-моему, со стороны правительства было бы не глупостью, а мудростью произвести его. Стало быть, между мною и враждебною мнѣ «Южно-герм. Газетой» нѣтъ никакого communicationis animi. Соумышленія же въ такихъ проступкахъ, какъ оскорбленія и осмѣянія, быть не можетъ; тутъ непремѣнно должно быть положительное communicatio animi. Я сказалъ, въ какомъ смыслѣ я перепечаталъ эту статью. Прокурорскій над-

†) «И вотъ, обманутый глупецъ, я все невѣжда наконецъ.» Фаустъ, ч. I, пер. Вронченко.

зоръ, руководствуясь тѣмъ самымъ воззрѣніемъ, которое я здѣсь изложилъ, велѣлъ прекратить слѣдствіе, начатое противъ семи либеральныхъ газетъ за перепечатку польской прокламаціи, именно потому, что тутъ не могло быть communicationis animi.

Адвокатъ Гольтгофъ. Еслибы было признано, что сущность обвиненія должна быть подведена подъ другія статьи уголовнаго свода, то мы должны съ своей стороны ожидать, что обвиненіе въ своемъ настоящемъ видѣ будетъ отвергнуто, и обвиняемому, въ случаѣ новаго преслѣдованія, будетъ данъ просторъ защищаться въ этомъ новомъ направленіи. Иначе обвиняемый будетъ осужденъ въ сущности безъ предварительнаго выслушанія. Касательно перваго пункта обвиненія замѣчу еще одно обстоятельство. Главное основаніе обвиненія въ подготовленіи государственнаго преступленія состоитъ, независимо отъ разныхъ побочныхъ соображеній, въ томъ, что обвиняемый перепечаталъ статью «Южногерм. Газ.» и этимъ показалъ, что желаетъ всего, о чемъ говорится въ этой статьѣ. Будь это справедливо, господа, мой кліентъ долженъ бы былъ перепечатать эту статью еще полнѣе. Какъ разъ послѣ того мѣста, на которомъ онъ прервалъ цитату, въ статьѣ говорится:

«Спасеніе же будетъ состоять въ томъ, что тѣ изъ вождей, которые заботятся не о блистаніи въ палатѣ, не о славѣ звучныхъ рѣчей, не о признательности избирательнаго округа за ихъ дешевую твердость, а объ освобожденіи народа изъ цѣпей абсолютизма, тѣсно соединятся, установятъ умственную связь со всѣми единомышленниками своими во всей странѣ, возстанутъ противъ кореннаго зла, словомъ и перомъ, и дадутъ знать, что противъ насильственнаго подавленія закона есть законное подавленіе насилія. Если возникнетъ этотъ духъ, рабочій вопросъ отойдетъ на второй планъ; вмѣсто вялой симпатіи въ Германіи, быть можетъ, поднимется вскорѣ то дѣятельное начало, которое государи постоянно забываютъ въ своихъ разсчетахъ».

Ничто, господа, не могло бы быть благопріятнѣе для мнимой цѣли моего кліента, какъ перепечатать именно этотъ отрывокъ, чтобы возбудить рабочую силу къ дѣйствію. Онъ не перепечаталъ его. Если онъ пропустилъ его, стало быть, онъ былъ ему ненуженъ. Пропускъ этотъ ясно доказываетъ, что онъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться этой статьей для раскрытія приписываемой ему цѣли его стремленій.

Оберъ-прокуроръ. Г. обвиняемый утверждаетъ, что для того, чтобы былъ фактъ преступленія, подлежащаго указанному въ обвиненіи §-у 66 У. С., необходимо, чтобы были опредѣленно условлены время, мѣсто, средства и прочія обстоятельства приготовляемаго государственнаго преступленія, такъ чтобы объ исполненіи его не могло уже быть никакого сомнѣнія; короче: приготовляться должно уже совершенно опредѣленное предпріятіе, рѣшенное во всѣхъ подробностяхъ. Изъ матеріаловъ Уголовнаго Свода слѣдуетъ какъ разъ противное. Законъ говоритъ въ этомъ § не объ опредѣленномъ предпріятіи, а о государственно-преступномъ предпріятіи вообще. Такимъ образомъ для основанія обвиненія достаточно, чтобы предпріятіе было показано лишь въ общихъ чертахъ. Въ настоящемъ же обвиненіи указывается намѣреніе не

вообще насильственно измѣнить государственный порядокъ, а совершенно опредѣленно — измѣнить существующій избирательный законъ и именно путемъ насилія. Обвиненіе указываетъ также, какимъ образомъ должно было быть произведено это насиліе, а именно, посредствомъ матеріальныхъ силъ Общ. Герм. Рабочаго Союза. Этого, по-моему, достаточно, чтобы найти г. обвиняемаго виновнымъ, потому что въ § 66 не сказано: «Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее — опредѣленное — государственно-преступное предпріятіе», а говорится безъ этого вставочнаго слова о государственно-преступномъ предпріятіи вообще; такое же предпріятіе достаточно дознано, какъ скоро доказаны условія измѣненія порядка и замышлявшагося насилія.

Это явствуетъ, какъ сказано, изъ матеріаловъ Уголовнаго Свода.

(Здѣсь прокуроръ читаетъ выдержку изъ матеріаловъ, гдѣ говорится, что коммиссія II палаты пыталась предотвратить слишкомъ широкое толкованіе этого §, но что предложенная ею для этой цѣли другая редакція его была отвергнута въ полномъ собраніи).

Вы видите, вставку эту хотѣли сдѣлать, но эта смягченная редакція была не принята, такъ что всякое дѣйствіе, въ которомъ можно указать какое бы то ни было отношеніе къ государственно-преступному предпріятію вообще, подходитъ подъ § 66.

Г. обвиняемый замѣчаетъ, что его обвиняютъ лишь на основаніи воззванія къ государственному преступленію, и заключаетъ изъ этого, что онъ подлежалъ бы только § 65, но что обвиненіе не можетъ утверждать, что воззваніе его возбуждаетъ къ дѣйствію, непосредственно совершающему государственное преступленіе. Отвѣчаю на это: хотя § 65 даетъ особое опредѣленіе указаннаго въ немъ рода возбужденія къ государственному преступленію, но это не исключаетъ возможности, чтобы воззваніе, хотя бы совершонное письменно или рѣчью, но не подлежащее преслѣдованію по § 65, подлежало § 66. Разница между этими двумя §§ заключается въ томъ, что въ § 65 говорится о возбужденіи къ дѣйствію, непосредственно совершающему преступленіе. Въ § же 66 объ этомъ ограниченіи уже не говорится, и нельзя же думать, что всякое возбужденіе, само по себѣ обращенное къ государственно-преступному предпріятію, но не удовлетворяющее требованіямъ § 65, должно оставаться безнаказаннымъ.

Это возбужденіе подходитъ подъ условія § 66. Рѣшить, есть ли распространеніе такихъ сочиненій, какъ подсудимое воззваніе, дѣйствіе, могущее вести къ государственному преступленію, — дѣло фактическаго разбирательства. Г. обвиняемый жалуется, что кромѣ возбужденія онъ не уличенъ ни въ какомъ реальномъ дѣйствіи, а такъ какъ возбужденіе это не обращено на непосредственное исполненіе, то онъ не подлежитъ отвѣтственности. Я на это повторяю, что нетолько одно его сочиненіе составляетъ подлежащій наказанію проступокъ, но и возбужденіе ко вступленію въ Союзъ, какъ объяснено въ сочиненіи, имѣетъ цѣлью возстановить общее равное и прямое избирательное право, притомъ, въ случаѣ надобности, силой.

Г. обвиняемый спрашиваетъ, отчего вмѣстѣ съ нимъ не обвинены члены

Союза. О, это дѣло совсѣмъ другое! Въ каждомъ преступленіи долженъ быть dolus. Члены Союза не знаютъ конечной цѣли г. обвиняемаго, потому что въ программѣ ихъ о ней не говорится ни слова. Вотъ почему работники и не могутъ считаться сообщниками его государственно-преступнаго предпріятія. Преступленіе его состоитъ не въ существованіи Союза, даже не въ возбужденіи ко вступленію въ него, а вообще въ томъ, что онъ хочетъ насильственно измѣнить избирательное право, т. е. часть конституціи, и собираетъ и находитъ для этого средства въ учрежденномъ имъ Рабочемъ Союзѣ.

Противъ этого онъ возражаетъ, что это было бы въ сущности лишь приготовленіемъ приготовляющаго дѣйствія. Я съ этимъ не могу согласиться. Подобно тому, какъ приготовленіемъ государственнаго преступленія было бы покупать пули и порохъ съ умысломъ на государственное преступленіе, такъ тѣмъ же былъ бы и просто заказъ этихъ снарядовъ, еслибы и тутъ участвовалъ этотъ умыселъ. Г. обвиняемый просто только играетъ словами, говоря о приготовленіи приготовленія преступленія. Приготовительныя дѣйствія могутъ примыкать другъ къ другу gradatim; послѣднее можетъ быть близко къ совершенному государственному преступленію, а первое—еще касаться предѣловъ дозволеннаго; между ними промежутокъ великъ, и въ немъ могутъ быть различныя дѣйствія, повидимому неодинаково вліяющія на конечный результатъ.

Г. обвиняемый все возвращается къ тому, что не вобуждалъ къ государственному преступленію principaliter. Правда, прямо онъ говоритъ только, что пока дѣло въ томъ и т. д. Expressis verbis здѣсь нѣтъ: «къ насилію». Но если г. обвиняемый говорилъ прямо только о «пока», то спрашивается: что же дальше? И когда рѣчь идетъ о понужденіи, то на это является логическій отвѣтъ. Что бы въ началѣ ни дѣлалось, но послѣднее средство принужденія есть необходимо самое насиліе. А насилія можно ожидать отъ него по тѣмъ средствамъ, которыми онъ располагаетъ, по всему его личному характеру. Такъ брошюра доходитъ, все сильнѣе и сильнѣе, до того мѣста, гдѣ онъ вспоминаетъ покойниковъ, павшихъ на барикадахъ 1848 г. Здѣсь мы видимъ, что онъ желаетъ насилія и не побоится его, какъ скоро предпріятію его представятся прочныя препятствія.

Я долженъ пополнить мое предложеніе прибавленіемъ, чтобы въ случаѣ осужденія обвиняемаго судъ постановилъ и уничтоженіе его брошюры.

Лассаль. Г. оберъ-прокуроръ совершенно невѣрно выводитъ изъ матеріаловъ Уголовнаго Свода, что не требуется приготовленія опредѣленнаго государственно-преступнаго предпріятія. Съ юридической точки зрѣнія объ этомъ не можетъ быть и спору. Ссылаюсь на примѣчанія къ § 66 у Оппенгейма. И въ отчетѣ коммисіи II палаты это положительно признано. Другой редакціи потому не приняли, что и нынѣшняя не оставляетъ ничего желать въ отношеніи точности и опредѣленности. Прокуроръ говоритъ далѣе, что предпріятіе опредѣляется ниспроверженіемъ конституціи посредствомъ возстановленія общаго и прямого избирательнаго права. Тутъ онъ очень заблуждается, смѣшивая цѣль предпріятія съ его опредѣленностью.

Въ § 61 говорится: «Предпріятіе, имѣющее цѣлью... насильственно измѣнить порядокъ престолонаслѣдія или государственный порядокъ.» Вотъ цѣль предпріятія, которое предполагается уже опредѣленнымъ; но это не опредѣленность его. Мое предпріятіе состоитъ—да въ чемъ же оно состоитъ? Г. оберъ-прокуроръ самъ теперь объявилъ—за что я ему очень благодаренъ—что я нигдѣ не возбуждалъ expressis verbis къ государственно-преступному дѣлу;—стало быть, мое государственно-преступное предпріятіе состоитъ—въ догадкѣ прокурора! Его догадка есть мое предпріятіе.

(Судъ удалился въ залу для совѣщаній. Послѣ совѣщанія, продолжавшагося около часу, онъ возвратился. Предсѣдательствующій объявилъ рѣшеніе, что обвиняемый, какъ ни эксцентрично содержаніе его воззванія къ берлинскимъ работникамъ, оправдывается отъ обвиненія въ государственномъ преступленіи; что вслѣдствіе этого, по отсутствію сочетанія, обвиненіе отвергается и въ двухъ остальныхъ пунктахъ, по которымъ ему предоставляется обратиться въ соотвѣтствующее отдѣленіе суда, и что вообще за прокурорскимъ надзоромъ остается право предпринять судебное преслѣдованіе въ другомъ мѣстѣ за содержаніе брошюры, которая временно оставляется подъ арестомъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

УСТАВЪ

ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО СОЮЗА.

§ 1.

Подъ именемъ «Общаго Германскаго Рабочаго Союза» нижеподписавшіеся учреждаютъ въ государствахъ Германскаго Союза Союзъ, который, исходя изъ убѣжденія, что только общее равное и прямое избирательное право можетъ дать удовлетворительное представительство соціальнымъ интересамъ германскаго рабочаго сословія и дѣйствительно уничтожить всѣ сословныя неравенства, ставитъ себѣ цѣлью дѣйствовать на мирномъ и законномъ пути, преимущественно же склоненіемъ общественнаго мнѣнія, въ пользу возстановленія общаго равнаго и прямого избирательнаго права.

§ 2.

Всякій нѣмецкій работникъ, по простому заявленію о своемъ желаніи вступить въ Союзъ, дѣлается членомъ его съ полнымъ, равнымъ правомъ голоса и можетъ во всякое время выйти изъ Союза.

Вопросъ о томъ, работникъ ли такой-то въ смыслѣ Союза, рѣшается правленіемъ Союза. Правленіе вправѣ принимать въ члены и не работниковъ, желающихъ вступить въ Союзъ и согласныхъ съ принципами и цѣлями его.

§ 3.

Резиденція Союза—Лейпцигъ. Въ Союзѣ не полагается побочныхъ союзовъ, и всѣ члены его, гдѣ бы ни жительствовали, принадлежатъ къ нему непосредственно.

Резиденція можетъ быть перенесена во всякое другое мѣсто указанной въ § 1 области простымъ постановленіемъ большинства правленія.

Резиденція остается та же, хотя бы правленіе заблагоразсудило иногда собраться для своихъ совѣщаній въ другомъ мѣстѣ.

§ 4.

Дѣлами Союза управляетъ правленіе, состоящее изъ президента и 24 членовъ, въ томъ числѣ кассира и секретаря, получающаго жалованье; всѣ эти лица должны жить въ области, указанной въ § 1.

Выборъ президента производится членами общею тайной и прямой подачей голосовъ, по крайней мѣрѣ за 6 недѣль до каждаго обыкновеннаго общаго собранія. Президентомъ провозглашается тотъ, кто получилъ абсолютное большинство голосовъ во всемъ Союзѣ. Если абсолютнаго большинства не выйдетъ, то немедленно, до общаго собранія, производится переизбраніе между двумя кандидатами, получившими наибольшее число голосовъ. Если по независящимъ отъ Союза обстоятельствамъ общее собраніе не можетъ состояться, то президентъ остается временно въ должности. Члены правленія избираются общимъ собраніемъ на годъ, съ тѣмъ, чтобы половина ихъ по истеченіи года вышла по жребію. Въ концѣ втораго года должны выйти и остальные.

Вышедшіе члены могутъ быть тотчасъ избраны вторично.

Президентъ имѣетъ право въ случаѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ ему исправлять свою должность, передать всѣ свои полномочія вице-президенту, котораго избираетъ изъ числа членовъ правленія.

§ 5.

Внутренней организаціей, веденіемъ дѣлъ, средствами дѣйствія на пути, указанномъ въ § 1, письмоводствомъ и кассой завѣдуетъ правленіе, рѣшающее дѣла простымъ большинствомъ.

Президентъ можетъ дѣлать всякія распоряженія самъ, если находитъ это безотлагательно нужнымъ, съ тѣмъ однако, чтобы распоряженія его были въ теченіе 3 мѣсяцевъ утверждены правленіемъ.

Въ этихъ случаяхъ отвѣтственность президента покрывается утвержденіемъ правленія, а если его не будетъ дано, то общаго собранія.

Президентъ назначаетъ время и мѣсто общихъ собраній и совѣщаній правленія.

Общія собранія должны происходить непремѣнно каждый годъ хотя однажды.

Впрочемъ президентъ обязанъ созвать въ теченіе 6 недѣль общее собраніе, какъ скоро большинство правленія или шестая часть всѣхъ членовъ Союза письменно заявитъ ему объ этомъ свое желаніе съ указаніемъ причины.

Президентъ обязанъ созывать правленіе на совѣщаніе всякій разъ въ теченіе 4 недѣль послѣ того, какъ большинство членовъ правленія заявитъ объ этомъ свое желаніе.

Всѣ изданія, дѣлаемыя отъ имени Союза, подписываются президентомъ.

§ 6.

Каждый членъ вноситъ при вступленіи два зильберграша, а потомъ еженедѣльно по пол-зильбергрошу. Неплатящій взноса въ теченіе 4 недѣль сряду перестаетъ быть членомъ.

Члены, поступающіе противъ цѣлей Союза или наносящіе своимъ поведеніемъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніи ущербъ достоинству рабочаго сословія, могутъ быть исключены правленіемъ.

Подвергшійся исключенію можетъ апеллировать на распоряженіе правленія ближайшему общему собранію, но апелляція его должна быть подписана 60 членами.

Союзъ учреждается пока на 30 лѣтъ, но этотъ срокъ можетъ быть продленъ на какое угодно время постановленіемъ общаго собранія.

§ 7.

Общее собраніе только въ томъ случаѣ можетъ заняться предложеніемъ преобразованія Союзнаго Устава, если предложеніе это будетъ подписано 60 членами Союза и за 3 мѣсяца до общаго собранія внесено въ правленіе, которое должно тотчасъ сообщить его всѣмъ членамъ.

Измѣненія Устава могутъ предприниматься только общимъ собраніемъ по заключенію большинства по крайней мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Притомъ они могутъ предприниматься не прежде, какъ по истеченіи 3 лѣтъ отъ учрежденія Союза.

(Слѣдуютъ подписи.)

Лейпцигъ, 23 мая 1863 г.

АГИТАЦІЯ

ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО СОЮЗА

и

ОБѢЩАНІЕ ПРУССКАГО КОРОЛЯ.

Рѣчь, произнесенная на празднествѣ годовщины Общаго Германскаго Рабочаго Союза въ Ронсдорфѣ 22 мая 1864 г.

Друзья!

Сегодня мы празднуемъ годовщину основанія Общаго Германскаго Рабочаго Союза! Недавно—въ мартѣ—былъ годъ, какъ началась эта агитація изданіемъ моего «Гласнаго Отвѣта» Лейпцигскому центральному комитету; сегодня годъ, какъ мы учредили въ Лейпцигѣ Общій Германскій Рабочій Союзъ, и вотъ рейнскія общины сошлись сюда праздновать это учрежденіе. Сегодня особенно кстати бросить взглядъ назадъ на протекшій годъ, на его результаты и успѣхи. И рѣдкому обществу можетъ такой обзоръ принести столько отрады, такое возвышающее духъ сознаніе! Чтобы достойно оцѣнить безпримѣрные успѣхи, одержанные нами въ такое короткое время, надо прежде всего вспомнить тѣ чрезвычайныя затрудненія, среди которыхъ Союзъ нашъ основывался. Противъ насъ была вся либеральная печать всѣхъ нѣмецкихъ странъ! Притомъ эта печать и прогрессистская партія, которой она была представительницей, пользовались еще ореоломъ популярности, достающимся всякой оппозиціонной партіи. Одинъ человѣкъ поднялъ это знамя противъ всѣхъ! Стало быть, не всего ли вѣроятнѣе было думать, что творенію нашему суждено явиться на свѣтъ мертворожденнымъ?

Напомню Вамъ одно чрезвычайно поэтическое средневѣковое сказаніе, которому въ народѣ вѣрили много вѣковъ. Говорили, что левъ родится всегда мертвымъ и что только страшное рыканіе льва-отца пробуждаетъ его къ жизни. Ну вотъ, мы разыграли эту легенду! Въ первый день наше дитя казалось мертво, но мы такъ страшно рычали, что эхо отдалось во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, и дитя пробудилось къ радостной жизни, доказавъ этимъ, что оно истый львенокъ! (*Продолжительныя рукоплесканія.*)

Я не буду входить въ этомъ обзорѣ во всѣ подробности, потому что это далеко превзошло бы предѣлы рѣчи. Укажу только на важнѣйшіе пункты, изображу въ бѣгломъ очеркѣ только тѣ успѣхи, которымъ придаю главное значеніе.

Начну съ того, что изъ всѣхъ союзовъ, возникавшихъ съ 1848 г., мы, сколько мнѣ извѣстно, — первый, имѣющій общину и въ Австріи. Добиться этого не удавалось еще ни Національному Союзу и ни одному изъ прогрессистскихъ союзовъ. Оно и понятно; Вы вѣдь знаете, что прогрессисты или либералы—тоже, что малогерманцы; эта партія всегда желала исключить австрійскія области изъ Германіи и для этой цѣли прежде всего заставить націю забыть сплеменность австрійскихъ областей. Она чуть-было не достигла этой цѣли! Мы, Общій Германскій Рабочій Союзъ, первые не признали этого искусственнаго и противоестественнаго раздѣленія и поставили наше знамя и въ Австріи, какъ и въ прочихъ Германскихъ областяхъ. Это даетъ намъ право на вѣчную гордость и славу. Мы сдѣлали это, не взирая на всѣ особенныя препятствія, съ которыми въ Австріи приходится бороться, потому что тамъ нѣтъ закона, разрѣшающаго союзы, и потому для учрежденія тамошняго союза пришлось испрашивать особое позволеніе правительства. Тѣмъ неменѣе славная Ашская община взяла на себя иниціативу, образовалась, я самъ написалъ объ этомъ пражскому намѣстничеству, и несомнѣнно, что если дѣло не встрѣтитъ тамъ прямыхъ запрещеній, которыя были бы совершенно неосновательны въ законномъ отношеніи, то Союзъ нашъ распространится въ австрійскихъ общинахъ быстро и обширно.

Но и за географическими предѣлами Германіи наши принципы и блескъ нашего знамени получили признаніе, на которое могли разсчитывать, если только вообще можно разсчитывать на силу истины и ума въ людяхъ. Укажу вкратцѣ лишь на два факта.

Лондонское нѣмецкое рабочее образовательное общество и общины республиканскаго народнаго Союза въ Швейцаріи единогласно приняли наши шлезвигъ-гольштинскія и польскія резолюціи.

Что касается успѣховъ нашихъ въ предѣлахъ отечества, то, по-моему, важны не столько многочисленность нашихъ общинъ почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и многочисленность ихъ членовъ, сколько главнымъ образомъ и прежде всего то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ общины нашего Союза возникаютъ, такъ сказать, черезъ generatio equivoca, т. е. самостоятельнымъ зарожденіемъ, безъ всякаго личнаго участія моего или кого бы то ни было изъ членовъ Союза. Это независимое размноженіе служитъ лучшимъ доказательствомъ силы, истины и популярности нашихъ принциповъ, ихъ зарождающей и плодотворной силы †).

---

†) Приэтомъ надо обратить еще особенное вниманіе на громадныя препятствія, всюду полагаемыя полиціей распространенію нашего Союза. Самое дѣйствительное и самое употребительное средство ея, особенно употребительное въ Рейнской провинціи, почти во всѣхъ общинахъ, гдѣ нашъ Союзъ имѣетъ точку опоры,

Не заходя дальше двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, я могу указать, напр., на Аугсбургъ, гдѣ ни у кого изъ насъ нѣтъ знакомыхъ и гдѣ сама собою образовалась маленькая община, не взирая на ярость либеральной печати. Нѣсколькимъ работникамъ случайно попались въ руки нѣкоторыя наши изданія; они собрались, составили общество и написали мнѣ, чтобы я назначилъ имъ уполномоченнаго.

Такъ было и въ Дуисбургѣ, гдѣ мы лично также ничего не предпринимали. Въ одинъ прекрасный день пятеро тамошнихъ работниковъ написали мнѣ, что прочли мою «Книгу для Чтенія Рабочимъ» и по прочтеніи рѣшились учредить общину, вслѣдствіе чего просятъ о назначеніи уполномоченнаго. Я назначилъ уполномоченнымъ одного изъ авторовъ письма, машиниста. Онъ тотчасъ устроилъ публичное собраніе, на которомъ, несмотря на присутствіе всего цвѣта мѣстныхъ прогрессистовъ, болѣе 50 человѣкъ въ тотъ же вечеръ записались въ члены нашего Союза.

Въ Бременѣ дѣло происходило, можно сказать, трогательно. Недавно я получилъ оттуда письмо за 43 подписями. Подписавшіеся извѣщаютъ меня, что уже почти два мѣсяца составляютъ общину, которую основали сами собой, но не хотѣли доводить этого до свѣдѣнія нашего Союза и присоединяться къ нему, пока въ ней не наберется мало-мальски порядочнаго числа членовъ. Теперь они извѣщаютъ о своемъ существованіи и просятъ о назначеніи уполномоченнаго.

Подобнымъ же образомъ учредилась на дняхъ община въ Альтонѣ, о чемъ я узналъ только въ Дюссельдорфѣ.

Но главное доказательство нашихъ успѣховъ представляетъ самъ Берлинъ. Вамъ извѣстно, что Берлинъ былъ всегда оплотомъ прогрессистовъ, лагеремъ г. Шульце-Делича. Затрудненія, встрѣченныя нами тамъ, неудивительны при той безпримѣрно лживой журналистикѣ, которая обманываетъ берлинскій народъ. О лживости ея Вы можете судить уже по тому, что тамошняя прогрессистская печать увѣрила берлинское населеніе, что въ прошломъ сентябрѣ въ Золингенѣ, гдѣ какъ Вы знаете—вѣдь и теперь между Вами много золингенцевъ—десять тысячъ работниковъ приготовили мнѣ неслыханное на Рейнѣ

состоитъ въ запугиваніи трактирщиковъ угрозой лишенія торговаго свидѣтельства и другихъ убытковъ за отдачу намъ въ наймы помѣщеній для собраній. Въ Дюссельдорфскомъ округѣ учрежденіе нашихъ общинъ почти нигдѣ не обошлось безъ этихъ противозаконныхъ угрозъ. Случалось, что трактирщиковъ, уже отдавшихъ въ наймы Союзу помѣщенія, заставляли угрозами нарушать условіе. Такъ было недавно въ Оберъ-Касселѣ и въ Крефельдѣ. Жалобы на это королевской Дюссельдорфской правительственной коллегіи были до сихъ поръ безплодны, потому что это вѣдомство держится правила отвергать ихъ какъ бездоказательныя, если бургомистры и полицейскіе, на которыхъ мы жалуемся, сами не сознаются въ своихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, чего отъ нихъ, конечно, нельзя ожидать; между тѣмъ, доказательство могли бы представить сами трактирщики, многочисленные свидѣтели, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже все мѣстное населеніе.

торжество, жандармамъ приходилось защищать меня отъ народной ярости. (*Продолжительныя выраженія негодованія въ собраніи.*)

Имъ точно также приходилось защищать меня отъ народной ярости тогда, какъ приходится теперь отъ Вашей ярости! (*Общій смѣхъ и рукоплесканія.*)

На берлинскомъ народномъ театрѣ—къ сожалѣнію и народный театръ въ Берлинѣ въ рукахъ прогрессистовъ—пѣли куплеты съ намеками на золингенское происшествіе:

Triumphe feiern nennt's Lassale,—
Rausschmeiszen sie ihn überall †),

— точно также, какъ теперь Вы меня выгоняете! (*Сильное движеніе и смѣхъ.*)

Я привелъ Вамъ эти примѣры, чтобы Вы не удивлялись препятствіямъ, которыя должны были встрѣтить вначалѣ наши стремленія среди народа, такъ ужасно и систематически надуваемаго.

Когда въ октябрѣ прошлаго года я возвратился въ Берлинъ изъ моей агитаціонной поѣздки на Рейнъ и созвалъ собранія нашего Союза, г. Шульце-Деличъ объявилъ публично въ своемъ рабочемъ Союзѣ—какъ свидѣтельствуютъ газеты его собственной партіи: Изъ Берлина соціализмъ поднялъ свою главу, въ Берлинѣ же надо и поразить его!

Вскорѣ должно было оказаться, какимъ оружіемъ предполагалось поражать насъ.

Мы сдѣлали распоряженіе, чтобы въ собранія наши имѣли доступъ только члены Союза или лица, записывающіеся въ члены при самомъ входѣ въ мѣсто собранія. Для большей предосторожности мы требовали даже, чтобы входящіе подписывались подъ нашимъ уставомъ, послѣ чего, казалось, ни одинъ мало-мальски честный человѣкъ не войдетъ въ собраніе, если не согласенъ съ принципами устава. Тѣмъ неменѣе въ наши собранія набиралось множество прогрессистовъ, приходившихъ мѣшать собранію и нарушать его возбужденіемъ шума. Вы понимаете, что это очень легко сдѣлать, даже еслибы озорниковъ было мало. Какъ скоро они поднимутъ шумъ, поднимутся противъ нихъ крики о водвореніи порядка, и такимъ образомъ безпорядокъ увеличится. Въ трехъ засѣданіяхъ приходилось намъ выдерживать такую борьбу, и только напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ удавалось мнѣ усмирять шумъ.

Въ одномъ изъ этихъ собраній случилось обстоятельство, которое почти могло ввести въ заблужденіе относительно чести націи!

Послѣ трехкратнаго повторенія подобныхъ происшествій я рѣшился отбросить всѣ предосторожности и стать съ противниками лицомъ къ лицу. Такъ какъ прогрессисты вынуждали меня вступить съ ними въ борьбу, то я предпочелъ вести борьбу крупную, чѣмъ мелочную.

Съ этою цѣлью я нанялъ большую залу эльдорадо, гдѣ помѣщается болѣе

†) Лассаль называетъ торжествомъ то, что его всюду выгоняютъ.

2000 человѣкъ, и объявилъ, что будутъ говориться рѣчи, къ слушанію которыхъ открывается доступъ и не-членамъ по билетамъ. Билеты я велѣлъ раздавать щедро всѣмъ желающимъ. Я, конечно, заранѣе зналъ, что прогрессисты примутъ это за вызовъ и не замедлятъ явиться во множествѣ.

Въ первомъ изъ этихъ собраній и произошло то обстоятельство, которое, какъ я сказалъ, почти могло ввести въ заблужденіе касательно чести нашей націи. Въ первомъ изъ собраній въ эльдорадо произошло вторженіе тридцати полицейскихъ, которые арестовали меня по обвиненію въ государственномъ преступленіи, по тому извѣстному Вамъ обвиненію, которое я потомъ поразилъ какъ остріемъ меча. И тутъ-то, когда полицейскіе арестовали меня, къ ихъ собственному неописанному удивленію присутствовавшіе прогрессисты разразились бурными рукоплесканіями и «виватами» полиціи! (*Общее движеніе, сильное негодованіе.*)

Такъ было въ Берлинѣ тогда; какъ теперь?

Вамъ извѣстно, что мнѣ удалось довольно скоро избавиться отъ ареста. Черезъ 3 дня я былъ освобожденъ, внеся залогъ, и хотя прокуроръ объявилъ приэтомъ, что оставляетъ за собой право немедленно вновь предложить арестовать меня, если я пойду въ своихъ предпріятіяхъ далѣе, тѣмъ неменѣе я въ самый день моего освобожденія не преминулъ назначить и объявить въ газетахъ новое собраніе въ эльдорадо.

Тогда оказалось, что усилія прогрессистовъ безсильны противъ нашей твердости, какъ морская пѣна противъ скалъ! Глубокій стыдъ началъ пробирать народъ. Мѣшать намъ уже не смѣли. Съ тѣхъ поръ мы еженедѣльно имѣли въ Берлинѣ собранія, проходившія мирно. У насъ составилась въ Берлинѣ славная община, занимающая теперь видное мѣсто между германскими общинами не по многочисленности, а по развитію и усердію. Это группа лучшихъ работниковъ. Вотъ уже 2 мѣсяца, какъ мнѣ ни разу не приходилось самому присутствовать на ихъ собраніяхъ; я могу спокойно предоставлять предсѣдательство въ нихъ нашему уполномоченному,—никто не посмѣетъ мѣшать теперь имъ.

Да и въ самихъ крикунахъ произошла большая перемѣна. Изъ ожесточенныхъ противниковъ они сдѣлались нашими тайными приверженцами, и только ложный стыдъ препятствуетъ еще имъ открыто пристать къ намъ; это ложный стыдъ, потому что по-настоящему нечего стыдиться, что кое-чему научился и пріобрѣлъ болѣе вѣрныя понятія.

Но и этотъ ложный стыдъ начинаетъ проходить. Уже по моемъ отъѣздѣ изъ Берлина нашъ тамошній Союзъ собирался на публичное засѣданіе, о которомъ меня извѣщаетъ нашъ секретарь; на засѣданіи присутствовало много шульцеанцевъ, и послѣ рѣчи депутаціи силезскихъ ткачей (о которой я разскажу Вамъ ниже) одинъ изъ шульцеанцевъ вышелъ и объявилъ, что былъ самымъ заклятымъ врагомъ Лассалевскихъ стремленій, но съ этихъ поръ дѣлается самымъ горячимъ приверженцемъ ихъ и придетъ на слѣдующее засѣданіе Союза, чтобы записаться въ члены его, если Союзъ сочтетъ его достойнымъ этой чести.

Въ берлинскомъ Рабочемъ Союзѣ г-на Шульце уже болѣе двухъ мѣсяцевъ происходитъ полное разложеніе. Не проходитъ почти ни одного засѣданія безъ того, чтобы г-ну Шульце не приходилось выслушивать отъ членовъ своего собственнаго общества, что они находятся «въ рабствѣ у капитала». Теперь мнѣ было бы очень легко, еслибы я захотѣлъ, отплатить г. Шульце сторицею съ процентами и процентами на проценты всѣ непріятности, которыя онъ намъ устраивалъ; мнѣ стоило бы только послать въ его собранія нѣсколько членовъ нашего Союза, чтобы воспользоваться господствующимъ тамъ настроеніемъ. Но это было бы недостойно и меня, и Васъ, и я не хочу этого.

Успѣхи нашей агитаціи бросаются въ глаза еще рѣзче при взглядѣ на всю рабочую массу. Въ Берлинѣ есть общество наборщиковъ, имѣющее 600—800 членовъ. Это общество рѣшило недавно подать просьбу министерству и въ основаніяхъ этого рѣшенія выразило полное признаніе справедливости нашихъ экономическихъ принциповъ, именно тѣхъ принциповъ, которые мы установили и доказали, а г. Шульце и экономисты его сорта такъ упорно отрицали; основанія эти, какъ Вы можете видѣть, заимствованы почти буквально изъ извѣстнаго уже Вамъ моего сочиненія «Бастіа-Шульце». Вотъ какъ начинается это рѣшеніе:

«Имѣя въ виду:

«1) что, какъ доказано опытомъ, рабочая плата не возрастаетъ въ одинаковой пропорціи съ возрастаніемъ цѣны на жизненныя потребности;

«2) что экономическій законъ спроса и предложенія приравниваетъ работника товару и своими послѣдствіями не обезпечиваетъ ему при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже минимума рабочей платы, необходимаго для существованія.»

Итакъ, Вы видите, что тотъ экономическій законъ, который я объяснилъ Вамъ въ «Бастіа-Шульце» и въ «Книгѣ для чтенія рабочимъ», какъ главное основаніе нашей экономической теоріи, чѣмъ возбудилъ такую ярость въ прогрессистахъ,—законъ, что подъ унизительнымъ господствомъ спроса и предложенія работникъ лишается своей человѣчности и экономически приравнивается товару,—подтверждается и признается здѣсь наборщиками самымъ положительнымъ образомъ!

Вы можете представить себѣ, какъ порадовались прогрессисты, когда справедливость нашего ученія, съ такимъ ожесточеніемъ оспариваемаго ими, была признана 600—800 берлинскихъ работниковъ, цѣлымъ цехомъ наборщиковъ, такъ какъ рѣшеніе это было принято въ обществѣ наборщиковъ почти единогласно!

Въ просьбѣ ихъ дѣло идетъ о правѣ стачекъ, т. е. о правѣ работниковъ составлять общій сговоръ на общее прекращеніе работъ, чтобы этимъ способомъ вытребовать себѣ повышеніе рабочей платы. Я никогда не скрывалъ отъ Васъ и еще недавно опять вкратцѣ указалъ въ «Бастіа-Шульце», что право это можетъ доставлять облегченіе нѣкоторымъ рабочимъ кружкамъ лишь въ очень рѣдкихъ и мимолетныхъ исключительныхъ случаяхъ, но никогда не можетъ дѣйствительно улучшить положеніе рабочаго сословія. Тѣмъ неменѣе

требованіе это, вопервыхъ, совершенно основательно въ юридическомъ отношеніи, а вовторыхъ, превосходно въ смыслѣ агитаціи, вслѣдствіе чего я считалъ и считаю своей обязанностью поддерживать его всѣми средствами, какими располагаю въ рабочихъ кружкахъ.

Едва просьба эта появилась въ печати, какъ одна берлинская газета, «Публицистъ», бывшая всегда послѣдовательницей экономическихъ ученій г. Шульце, накинулась на нее въ статьѣ, изъ которой я приведу Вамъ одно мѣсто для характеристики этихъ людей: «Свобода ассоціаціи — дѣло хорошее въ принципѣ (въ принципѣ, т. е. только въ принципѣ, т. е. только на сѣрой газетной оберточной бумагѣ); но если ею пользуются, чтобы возвышать заработныя платы (т. е. если изъ нея выходитъ какая-нибудь практическая польза работникамъ), между тѣмъ какъ предприниматель не можетъ продавать продуктъ потребителю дороже по причинѣ конкуренціи, то тутъ приходится наконецъ сказать, что всему должны быть границы, стало быть, и ассоціаціи». *(Громкій и продолжительный хохотъ.)*

Кромѣ того «Публицистъ» упрекалъ наборщиковъ въ «тиранiи массы надъ личностями». Тутъ терпѣніе берлинскихъ работниковъ лопнуло. Берлинскіе наборщики единогласно рѣшили написать брошюру, отпечатать ее въ 3000 экземплярахъ и безплатно распространять между работниками. Мнѣ передано много экземпляровъ для раздачи общинамъ нашего Союза. Я передамъ экземпляръ ея Вашему уполномоченному для прочтенія ея здѣсь, какъ всюду, въ первомъ же ординарномъ засѣданіи Союза и для распространенія потомъ въ мѣстномъ обществѣ наборщиковъ.

Вы увидите, друзья мои, что брошюра эта написана превосходно. А между тѣмъ ее писалъ не я и не какой-нибудь другой писатель, а простой работникъ. Тѣмъ неменѣе она написана такъ, что ни одинъ писатель не постыдится подписать ее. Дѣло въ томъ, что она написана работникомъ, состоящимъ членомъ нашего Союза въ Берлинѣ. Чѣмъ мы по справедливости можемъ гордиться, это тѣмъ, что всюду самые развитые работники принадлежатъ къ нашему Союзу. Подъ знаменемъ нашимъ и въ нашемъ лагерѣ собранъ цвѣтъ рабочаго сословія! *(Рукоплесканія.)*

Чтобы показать Вамъ духъ этого сочиненія, приведу изъ него только два мѣста — начало и конецъ.

Авторъ начинаетъ такъ: «Печально уже то, что изъ органовъ общественнаго мнѣнія именно тѣ меньше всего заступаются за интересы рабочаго сословія и больше всего замалчиваютъ его жалобы, на помощь которыхъ работники могли бы, казалось, главнымъ образомъ разсчитывать; но особенно возмутительно, что есть газеты, открыто идущія противъ интересовъ работниковъ.»

А въ заключеніе онъ говоритъ:

«Работники! Откройте глаза и знайте, что изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ ни одна не стоитъ за Ваше дѣло такъ, какъ бы слѣдовало—ни одна, ни одна!»

Итакъ, работники, Вы видите, что теперь и берлинскіе работники, 600—800 работниковъ одного только типографскаго мастерства, вторятъ тому воен-

ному кличу противъ либеральной печати, который годъ тому назадъ я поднялъ за Васъ въ Лейпцигѣ, въ то время почти одинъ!

Недавній случай въ Гамбургѣ представляетъ столь же разительное доказательство распространенія нашей агитаціи, возрастанія нашихъ успѣховъ. Это стачка работниковъ на Лауэнштейновской экипажной фабрикѣ. На этой фабрикѣ работы начинались въ 5 часовъ утра, и работники утверждаютъ, что это единственная фабрика этого мастерства во всей Германіи, такъ рано начинающая работы. Они заявили весьма скромное требованіе—работать только съ 6 часовъ утра. Для этой цѣли они избрали коммиссію, а коммиссія—оратора, которымъ, разумѣется, былъ опять-таки непремѣнно одинъ изъ мѣстныхъ членовъ нашего Союза. Вмѣсто всякаго отвѣта хозяинъ разсчиталъ оратора. Тутъ работники вышли изъ терпѣнія! Черезъ день, послѣ краткаго совѣщанія, всѣ они, числомъ 800, прекратили работы. Вотъ до чего развилось подъ вліяніемъ агитаціи нашего великаго Союза сословное сознаніе работника, вотъ какъ возвысилось чувство чести Вашего сословія! Подобнаго случая до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не бывало нигдѣ въ Германіи; до сихъ поръ онъ былъ невозможенъ. Это могло случиться только при существованіи нашего Союза и притомъ только въ городѣ, гдѣ, благодаря нашей славной и многочисленной гамбургской общинѣ, принципы Общаго Германскаго Рабочаго Союза имѣютъ преобладающій авторитетъ. Итакъ, фабрика прекратила работы, и хозяинъ, рѣшившійся съ своей стороны не уступать, вознамѣрился обратиться за работниками въ Берлинъ, Лейпцигъ и другія мѣста. Гамбургскіе работники тотчасъ обратились ко мнѣ, прося меня употребить все вліяніе, какимъ я могу располагать, на удержаніе работниковъ другихъ городовъ отъ поступленія на эту фабрику. Вы понимаете, конечно, какую подлость дѣйствительно сдѣлалъ бы тотъ работникъ, который поступилъ бы туда при такихъ обстоятельствахъ и сталъ бы такимъ образомъ служить орудіемъ противъ интересовъ своего собственнаго сословія. Поэтому я тотчасъ напечаталъ письмо гамбургскихъ работниковъ въ берлинскомъ «Общенародномъ Листкѣ», газетѣ, конечно, реакціонной, потому что либеральные журналы навѣки закрыты всѣмъ жалобамъ и интересамъ работниковъ *(Сильныя рукоплесканія.)*

Прошу уполномоченнаго прочесть эту статью. *(Уполномоченный читаетъ слѣдующее:)*

РАБОЧЕЕ ДѢЛО.

«Въ Гамбургѣ производитъ сильное впечатлѣніе стачка 800 работниковъ экипажной фабрики Лауэнштейна. Намъ пишутъ объ этомъ слѣдующее:

«*Гамбургъ.* Въ среду 27 апрѣля работники Лауэнштейновой экипажной фабрики собрались въ залѣ г. Луммерта по поводу устройства кассы для больныхъ. По рѣшеніи этого очереднаго вопроса было многими предложено и единогласно рѣшено воспользоваться случаемъ, который представляетъ недавній переходъ фабрики въ руки акціонернаго общества, чтобы по соглашенію съ фаб-

рикантомъ сократить рабочее время на часъ, положивъ начинать работы въ 6 часовъ вмѣсто 5. Избранный для этой цѣли комитетъ написалъ фабриканту очень вѣжливое письмо съ просьбой принять въ соображеніе это предложеніе работниковъ и согласиться съ ними объ немъ мирнымъ образомъ, такъ какъ желательно сохранить добрыя отношенія между хозяиномъ и работниками. Затѣмъ комитетъ изложилъ фабриканту дѣло еще обстоятельнѣе, напомнивъ ему о человѣколюбіи и гуманности и указавъ, что его фабрика единственная въ Германіи, работающая такъ долго; кромѣ того ему было объяснено, что многіе работники вынуждены обстоятельствами жить далеко отъ фабрики, такъ что къ рабочему времени прибавляется еще время на длинный путь къ фабрикѣ и обратно. Фабрикантъ, выслушавъ все это, отпустилъ депутацію, сказавъ, что подумаетъ. Результатомъ его размышленій было то, что въ субботу онъ разсчиталъ предсѣдателя комитета, говорившаго съ нимъ отъ имени своихъ товарищей. Послѣднему было очень трудно удержать возмущенныхъ этимъ работниковъ отъ безразсудствъ и насилій.—Въ понедѣльникъ, 2 мая, всѣ работники явились по обыкновенію въ 5 часовъ утра на работу, но къ 8 часамъ согласились потребовать всѣмъ разсчета. Такъ и сдѣлали. Работники, никогда прежде не могшіе согласиться между собой на счетъ посторонникъ ихъ интересамъ вопросовъ, составили тутъ плотную массу, исполненную величайшаго единодушія. Начали съ того, что всѣ корпораціи обратились къ своимъ подмастерьямъ и послали ихъ къ фабриканту заявить ему ихъ требованія; но фабрикантъ отвергъ всѣ требованія и наотрѣзъ объявилъ, что ни на что не согласенъ. Тогда вся масса работниковъ двинулась къ хозяйской конторѣ и послала къ нему депутатовъ съ предложеніями, которыя онъ также отвергъ повелительнымъ тономъ и приказалъ немедленно идти на работу. Работники послали затѣмъ депутатовъ въ ратушу, чтобы увѣдомить полицію о происходящемъ. Между тѣмъ фабрикантъ пригласилъ десять полицейскихъ, которые однако, увидя, какъ идетъ дѣло, нашли невозможнымъ произвести аресты для удовлетворенія желанія добраго хозяина. Чтобы ни подъ какимъ видомъ не подвергать себя обвиненію въ бунтѣ (впрочемъ, несмотря на это, «Гамбургскія Вѣдомости» не преминули на другой же день обвинить ихъ въ этомъ), работники рѣшили продолжать спокойно работать до пятницы, такъ какъ на фабрикѣ рабочая недѣля начиналась съ этого дня.

«Если взять въ соображеніе, что при такихъ условіяхъ и при такомъ рабочемъ времени работникъ, опоздавшій случайно, напр. въ понедѣльникъ, на фабрику къ назначенному часу, наказывался кромѣ потери заработка еще штрафомъ въ 8 шиллинговъ, то получимъ нѣкоторое слабое понятіе объ ужасающемъ обращеніи съ работниками на Лауэнштейновой фабрикѣ.

«Чтобы не оставаться безъ работниковъ, г. Лауэнштейнъ поручилъ своимъ агентамъ набирать рабочія руки для его фабрики въ другихъ областяхъ. Пусть работники другихъ городовъ не упускаютъ изъ виду своихъ интересовъ и не поддаются на приманки агентовъ Лауэнштейновскаго акціонернаго общества.»

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я предпринялъ мою настоящую поѣздку. Но еще въ Кельнѣ я получилъ извѣстіе, что гамбургскій фабрикантъ

былъ вынужденъ уступить и что теперь рабочее время начинается тамъ съ 6 часовъ, какъ требовали работники. Вы видите въ этомъ успѣхъ сословнаго сознанія, пробужденнаго въ работникахъ агитаціей нашего Союза.

Принципы наши, такъ сказать, носятся въ воздухѣ, т. е., говоря опредѣленнѣе, суть лишь выраженіе реальныхъ условій нынѣшняго общества, такъ что должны возникать уже вслѣдствіе одного вліянія этихъ условій, стало быть, даже въ такихъ рабочихъ кружкахъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нашей дѣятельности и о нашихъ сочиненіяхъ. Недавно я видѣлъ очень любопытный примѣръ этого. Въ Силезіи, въ Вюстегирсдорфѣ, есть большая хлопчатопрядильная и ткацкая фабрика, принадлежавшая до 1848 г. государству, но тутъ проданная въ частныя руки за кусокъ хлѣба и печеное яблоко либеральнымъ министромъ г. Ганземаномъ, который, разумѣется, нашелъ несообразнымъ съ либеральными принципами, чтобы государство занималось фабрикаціей. Купилъ ее г. Рейхенгеймъ, тотъ самый г. Рейхенгеймъ, который извѣстенъ Вамъ по моему «Бастіа-Шульце» за прогрессивнаго депутата и закадычнаго друга г. Шульце-Делича. Работники этой фабрики говорятъ въ своемъ прошеніи, что пока она была государственною собственностью, положеніе ихъ было сносно и обращеніе съ ними гуманно; но съ 1858 г. они попали въ такую крайность, что наконецъ ими овладѣло отчаяніе, и они рѣшились обратиться съ прошеніемъ къ королю. Для этой цѣли они послали въ Берлинъ депутацію, которая должна была выхлопотать аудіенцію у короля и просить его о какомъ-нибудь измѣненіи невыносимаго положенія ихъ.

Дѣло это было затѣяно совершенно помимо насъ. Мы не имѣли въ этой странѣ ни вліянія, ни связей; сочиненія наши были тамъ неизвѣстны.

Депутація ткачей прибыла въ Берлинъ, пробыла тамъ четыре недѣли прежде чѣмъ добилась аудіенціи, посѣщала въ это время тамошніе рабочіе кружки и слышала въ нихъ совѣты, отъ однихъ—обратиться къ г. Шульце-Деличу, отъ другихъ — ко мнѣ. Они предпочли послѣдовать второму совѣту. «Мы не знаемъ Вашихъ сочиненій, — сказали они мнѣ, пріѣдя ко мнѣ,—знаемъ про Васъ только одно: что всѣ либеральныя газеты нашей провинціи страшно бранятъ Васъ; это-то и внушило намъ убѣжденіе, что вы-то намъ и нужны!» (*Шумныя рукоплесканія.*)

«Мы не ученые», продолжали эти славные, смышленые люди, «и никто изъ ученыхъ не интересовался нами; но одно можемъ мы сказать вамъ, какъ общее и безусловное убѣжденіе всѣхъ силезскихъ ткачей: намъ нельзя помочь иначе, какъ государственной помощью; мы, правда, не знаемъ, какъ это сдѣлать; это дѣло ученыхъ; но одно мы знаемъ, что если государство не вступится за насъ, то въ рукахъ фабрикантовъ мы пропадемъ!» (*Громкія рукоплесканія, многократные клики силезскимъ ткачамъ.*)

Они сообщили мнѣ копію съ своего прошенія королю. Я прочту Вамъ кое-что изъ него, чтобы Вы услышали изъ устъ самого народа во всей ихъ наготѣ тѣ факты, которые извѣстны Вамъ изъ моей книги «Косвенные налоги».

«Съ 1858 г. братья Рейхенгеймы и сосѣдніе фабриканты братья Кауфманы завели систему пониженія рабочей платы, повергшую всѣ семейства

страны въ отчаяніе и распространившую величайшую нищету. Въ настоящее время средній работникъ, работая съ величайшимъ усердіемъ по 12 часовъ въ сутки, зарабатываетъ среднимъ числомъ въ недѣлю отъ 1 т. 24 зильб. до 1 т. 27½ зильб. †). (*Взрывъ негодованія въ слушателяхъ.*)

«Только выгоднѣйшая работа доставляетъ 2 т. 23 зильб. въ недѣлю, зато менѣе искусные работники получаютъ только отъ 28 зильб. до 1 т. ††) (*Восклицанія удивленія и негодованія.*)

«Если жены работаютъ вмѣстѣ съ мужьями на фабрикѣ, то лишній заработокъ выходитъ очень невеликъ, да и тотъ теряется на содержаніе двойнаго хозяйства, когда квартира въ 1 — 2 часахъ пути отъ фабрики.»

Затѣмъ слѣдуетъ таблица цѣнъ на квартиры и съѣстные припасы; далѣе работники жалуются на недостатокъ путей сообщенія, что не позволяетъ имъ искать работы въ другихъ мѣстахъ (вотъ она пресловутая шульце-деличевская свобода переходовъ!) Потомъ приводится разсчетъ, сколько необходимо нужно работнику:

«Обыкновенная квартира для семьи съ платою въ день	1	зильб.	8 фен.
½ фунта мяса или сала	2	»	»
Картофель или овощи	2	»	»
Хлѣба для 4 особъ	3	»	» †††)
Итого въ день	8	зильб.	8 фен.

«Въ мѣсяцъ это составляетъ 8 тал. 20 зильбергрошей, между тѣмъ какъ едва зарабатывается 8 талеровъ. Стало быть, объ освѣщеніи, отопленіи, одеждѣ, платѣ за школу нечего и толковать.

«Но этого мало,— самымъ безсовѣстнымъ образомъ обсчитываютъ на рабочемъ времени, чтобы и изъ этой-то ничтожной платы дѣлать еще вычеты.»

Въ заключеніе говорится, что малѣйшая, самая скромная жалоба г. Рейхенгейму или его прикащикамъ наказывается немедленнымъ удаленіемъ съ фабрики.

Ниже Вы услышите отъ меня чрезвычайно важныя извѣстія объ аудіенціи, испрошенной этою депутаціею. Но сперва надо коснуться еще одного обстоятельства.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ нашего успѣха служитъ изданная въ мартѣ книга «Бастіа-Шульце», поэтому о ней необходимо упомянуть вкратцѣ. Никогда еще, друзья, не удавалось мнѣ оказать Вашему дѣлу столь важной услуги, какъ этой книгой. Консервативные журналы отдали ей полную справедливость, но либеральные рѣшились замолчать ее! Но Вы понимаете, друзья, что теперь поздно замалчивать! Если прогрессистская партія хотѣла замолчать насъ, если мы казались ей слишкомъ ничтожными, чтобы говорить о насъ, то замалчиваніе слѣдовало начать еще въ прошломъ году,

†) Около 1 р. 60 к. — 1 р. 70 коп.

††) 2 т. 23 зильб. — 2 р. 45 коп.; 28 зильб. — 1 т. — 85 — 90 коп.

†††) Зильбергрошь — 3 копейкамъ приблизительно.

когда мы только-что подняли наше знамя. Но послѣ того, какъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ прогрессистская партія ежедневно издавала противъ насъ во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ неистовѣйшіе вопли ярости, нынѣшнее молчаніе ея въ виду этого теоретическаго и систематическаго произведенія доказываетъ только, что она чувствуетъ себя не въ силахъ идти противу рожна и возразить что-нибудь мало-мальски состоятельное на это теоретическое сочиненіе!

Но на это есть и болѣе ясныя доказательства.

Изъ всѣхъ прогрессистскихъ газетъ одна, штеттинская «Остзейская Газета», редактируемая манчестерцемъ г. Вольфомъ, экономистомъ шульцевскаго направленія, осмѣлилась взяться за подробную критику этой книги въ рядѣ передовыхъ статей. И едва принялась она за это, какъ, несмотря на всѣ ругательства и на ярость свою, была вынуждена высказать очень любопытныя признанія.

Прочту Вамъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи:

«Быть можетъ, говоритъ она, наши читатели спросятъ, зачѣмъ мы вообще обращаемъ вниманіе на Лассаля? Но несправедливо было бы судить его исключительно по этой сторонѣ его литературной дѣятельности. Мы и прежде не могли не признавать за нимъ обширную ученость и глубину мысли, и новѣйшее сочиненіе его представляетъ много доказательствъ и того, и другаго. Впрочемъ тѣмъ хуже для него, что при всемъ знаніи и умѣ онъ не можетъ возвыситься надъ сферой людей, за которыми можно признать какія угодно достоинства, только не образованность.

(Кажется, прогрессисты никого не признаютъ «образованнымъ», кто не преисполненъ благоговѣнія къ нимъ).

«Впрочемъ онъ, повидимому, самъ понимаетъ заключающееся въ этомъ противорѣчіе; потому что приводитъ во введеніи какъ-бы въ оправданіе своего тона отвѣтъ знаменитаго философа Шеллинга на нападки одного рецензента; этотъ отвѣтъ приводится въ защиту брани ученаго противъ нападковъ профановъ. Но исторія нѣмецкой литературы и безъ того, къ сожалѣнію, не бѣдна примѣрами подобнаго сознательнаго и умышленнаго нарушенія всѣхъ понятій приличія; она ими богаче любой другой европейской литературы. Но нельзя сказать, чтобы этотъ тонъ нашихъ великихъ ученыхъ послужилъ на пользу и на преуспѣяніе нашего умственнаго развитія. (Стало быть, сознается, что это общій тонъ великихъ ученыхъ въ отношеніи невѣжественныхъ болтуновъ). Особенно не поможетъ онъ цѣлямъ Лассаля, хотя даже зависть должна сознаться, что въ этомъ отношеніи Лассаль превзошелъ всѣхъ. Желали бы мы знать, какой образованный человѣкъ не отвернется съ отвращеніемъ отъ его новѣйшаго произведенія. Несмотря на это (замѣтьте эту фразу, друзья; изъ-за нея-то я и цитирую эту статью), мы, хотя принадлежимъ къ его рѣшительнѣйшимъ противникамъ, больше всего сожалѣемъ объ этомъ, нетолько потому, что его крайне слабые въ своихъ результатахъ нападки на наше направленіе въ концѣ концовъ побиваютъ сами себя, но, говоря откровенно, потому, что при всемъ томъ мы находимъ въ его полемикѣ множество положительно цѣнныхъ мыслей, съ которыми частью совершенно согласны».

Каково! Наконецъ дошло до того, что прогрессисты уже соглашаются со мной! Какъ такъ? Они находятъ у меня «множество положительно цѣнныхъ мыслей, съ которыми частію совершенно согласны», и тѣмъ неменѣе остаются при своемъ и считаютъ себя правыми! Каждый изъ васъ, кто читалъ мою книгу, понимаетъ, что въ ней ничего нельзя отдѣлять отъ другаго, потому что вся книга есть строго логическое развитіе одной мысли. Надо или признавать ее цѣликомъ отъ перваго слова до послѣдняго, или цѣликомъ отвергать. «Остзейская Газета» обѣщала доказать въ дальнѣйшихъ статьяхъ, какимъ образомъ она «частію совершенно» согласна съ этимъ множествомъ положительно цѣнныхъ мыслей и тѣмъ неменѣе остается права противъ меня. Вы понимаете, съ какимъ любопытствомъ я ждалъ обѣщанныхъ статей! Но продолженіе не выходило съ 5 марта, когда явилась статья, которую я Вамъ прочелъ, до сегодня. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ мои друзья, которымъ я поручилъ караулить эту газету. Должно думать, что эта газета получила отъ прогрессистской партіи внушеніе; вѣроятно, ей было замѣчено, что настоящій случай одинъ изъ тѣхъ, гдѣ вѣрнѣе молчать, чѣмъ пускаться въ длинныя разсужденія, памятуя правило: говорить хорошо, а молчать еще лучше.

Вы, конечно, понимаете, друзья, что невозможно убить молчаніемъ такой теоретическій и систематическій трудъ, невозможно особенно въ Германіи, которая къ счастію до сихъ поръ осталась отечествомъ мысли и науки.

Блистательнѣйшіе представители нѣмецкой науки заявили мнѣ словесно и письменно глубокую признательность и горячую симпатію по поводу этого труда. Говорю это не для удовлетворенія личнаго самолюбія, потому что по своему положенію въ наукѣ стою выше такого тщеславія, а для того, чтобы представить Вамъ еще одно ручательство за непоколебимость научнаго основанія нашихъ стремленій. Вы понимаете, что съ моей стороны было бы нескромностью называть здѣсь имена и пускаться о предметѣ въ подробности. Одно я могу и долженъ Вамъ сказать, что славнѣйшія имена Германіи подтвердили мнѣ съ тѣхъ поръ—если мнѣ нужны были подтвержденія — что я правъ въ каждой строчкѣ и въ каждомъ словѣ.

Мало того: рѣдкая недѣля проходила съ тѣхъ поръ, безъ того, чтобы я такъ или иначе не слыхалъ отъ кого-нибудь изъ самихъ буржуазовъ — вѣдь и между буржуазами есть честные и благомыслящіе люди, — что моя книга убѣдила и обратила многихъ изъ нихъ.

Но теперь я представлю Вамъ доказательство, далеко превосходящее все предыдущее.

Недавно одинъ князь церкви, архіепископъ майнцскій, баронъ фонъ-Кеттелеръ, былъ побужденъ совѣстью принять участіе въ рѣшеніи рабочаго вопроса. Это — человѣкъ, почитаемый на Рейнѣ чуть не святымъ, человѣкъ, многіе годы преданный ученымъ изслѣдованіямъ. Онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Рабочій вопросъ и христіанство», а въ ней высказалъ полное согласіе со всѣми моими экономическими положеніями и тезисами противъ прогрессистовъ. Онъ высказался такъ рѣзко и чистосердечно, что мнѣ необходимо представить Вамъ хотя нѣсколько отрывковъ изъ его книги.

Вы помните, что главное основаніе всего спора составляетъ тотъ «желѣзный экономическій законъ», какъ я назвалъ его въ «Гласномъ Отвѣтѣ», по которому рабочая плата подъ вліяніемъ спроса и предложенія никогда надолго не поднимается выше минимума необходимѣйшихъ средствъ существованія. Вы помните, какъ сравнительно кротко выразился я въ «Гласномъ Отвѣтѣ», сказавъ Вамъ: Поверните спину всякому, кто будетъ отрицать передъ Вами этотъ желѣзный экономическій законъ, потому что или онъ ничего не смыслитъ въ экономической наукѣ, или намѣревается обмануть Васъ. Стало быть, я еще имѣлъ снисхожденіе оставить хотя эту дилемму.

Вы помните также, съ какой яростью, съ какой пѣной у рта накинулась на меня вся прогрессистская партія, гг. Шульце, Виртъ, Фаухеръ и тому подобные нули, и вся либеральная печать, и съ какимъ остервененіемъ отрицали они этотъ законъ.

Архіепископъ, основываясь на доказательствахъ, представленныхъ мною въ «Гласномъ Отвѣтѣ», въ «Книгѣ для чтенія Рабочимъ» и наконецъ систематически въ «Бастіа-Шульце», доходитъ до того, что не оставляетъ прогрессистамъ даже этого выбора между невѣжествомъ и плутовскимъ умысломъ. По совѣсти онъ находитъ себя вынужденнымъ объявить напрямикъ, что всякій, оспаривающій этотъ законъ послѣ приведенныхъ мною доказательствъ желаетъ обмануть народъ!

Вы знаете, друзья мои, что я не принадлежу къ числу людей благочестивыхъ. Тѣмъ неменѣе я имѣю право придавать чрезвычайную цѣну этимъ словамъ архіепископа, который при всей кротости и снисходительности, свойственныхъ его сану, чувствуетъ себя однако обязаннымъ по совѣсти говорить съ такою же строгостью, съ какою говорилъ я въ званіи народнаго трибуна, судящаго безпощадно, и прямо обвиняетъ прогрессистскую партію, за упорное отрицаніе доказаннаго мною экономическаго закона, въ умышленномъ обманѣ!

Судите же, до какой ясности долженъ былъ я довести эти доказательства, чтобы побудить князя церкви заговорить такимъ языкомъ!

Судите также, каково было безпримѣрное безстыдство прогрессистовъ и ихъ печати, такъ упорно отрицавшихъ передъ Вами справедливость этого закона!

Судите, до какой степени эти люди долго обманывали Васъ и желали бы продолжать обманывать!

Также опредѣленно говоритъ архіепископъ въ другомъ мѣстѣ о неопровержимой экономической вѣрности нашихъ принциповъ и стремленій. Такъ напр. онъ говоритъ на стр. 62: «Партіи, главнымъ представителемъ которой служитъ самъ Лассаль, принадлежитъ неоспоримая заслуга раскрытія съ неумолимой правдой и рѣзкостью этого положенія рабочаго сословія, все существованіе котораго ограничено безусловно необходимыми потребностями жизни. Поэтому она совершенно вѣрно ставитъ аксіомой положеніе: что кто хочетъ основательно и дѣйствительно помочь работникамъ, долженъ найти средства открыть рабочему сословію наряду съ скудной рабочей платой новый и болѣе богатый источникъ пріобрѣтенія. Она говоритъ, что рѣшеніе этой задачи есть

пробный камень для оцѣнки достоинства представляемыхъ предложеній. Хотя она не отрицаетъ, что стремленія либеральной партіи могутъ доставить рабочему сословію нѣкоторыя облегченія, однако вмѣстѣ съ тѣмъ она убѣдительно доказала, что стремленія эти не въ состояніи предохранить рабочее сословіе отъ гибели, куда влечетъ его общая конкуренція, притомъ именно съ капиталомъ, а тѣмъ болѣе не въ состояніи надолго возвысить бытъ его вообще.»

Также рѣшительно подверждаетъ архіепископъ мои доказательства, что предложенія г. Шульце-Делича и прогрессистской партіи никоимъ образомъ не могутъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ. Онъ говоритъ объ этомъ, р. 57: «Задача состоитъ въ томъ, чтобы помочь освободиться изъ угнетеннаго положенія рабочему сословію, котораго эксперименты либеральной партіи довели дотого, что все существованіе его зависитъ отъ рабочей платы, доставляющей только необходимѣйшія средства самой скудной жизни, да и тѣ ему приходится почти вымаливать ежедневно на рынкѣ труда при колебаніи спроса и предложенія. Въ новѣйшее время совершенно очевидно доказано, что общества, предлагаемыя либеральной партіей, какъ средство помощи, въ обширныхъ размѣрахъ безполезны. Въ этомъ отношеніи доказательства Лассаля не опровергнуты и неопровержимы.»

Эти свидѣтельства тѣмъ важнѣе, что самъ архіепископъ, конечно, не принадлежитъ къ числу нашихъ приверженцевъ. Онъ дѣлаетъ возраженія противъ цѣлесообразности и противъ законности нашихъ стремленій. Въ отношеніи цѣлесоообразности онъ опасается увлеченія въ выполненіи нашихъ соціальныхъ мѣръ. Я не раздѣляю этого опасенія, потому что мнѣ извѣстно Ваше самообладаніе, о которомъ я скажу еще ниже.

Насчетъ законности нашихъ стремленій архіепископъ сомнѣвается, въ правѣ ли государство направлять посредствомъ требуемыхъ мною средствъ и учрежденій собственность будущаго — потому что вѣдь рѣчь у насъ идетъ не о теперешней, уже пріобрѣтенной собственности, а о будущей — въ такіе опредѣленные, предначертанные пути, въ такіе заранѣе опредѣляющіе ее каналы.

Но и тутъ архіепископъ отдаетъ намъ полную справедливость. Онъ сознается, что подобное сомнѣніе можетъ возникать только въ тѣхъ, кто, какъ онъ самъ, считаетъ частную собственность божественнымъ учрежденіемъ; съ точки же зрѣнія мнѣній, господствующихъ теперь въ государствѣ, въ наукѣ и въ либеральной партіи, гдѣ частная собственность считается человѣческимъ учрежденіемъ, не можетъ даже рождаться сомнѣнія въ справедливости требуемыхъ мною мѣръ.

Онъ говоритъ (р. 77): «Съ точки зрѣнія либеральной партіи и той науки, которая преподается теперь со столькихъ каѳедръ отъ имени правительства, нельзя возбуждать никакихъ сомнѣній противъ законности мѣръ, предлагаемыхъ Лассалемъ. Это лишь чрезвычайно скромное начало совсѣмъ иного рода дѣлъ, которыя должны предстоять съ этой точки зрѣнія.»

Вы понимаете, до какой степени важно для насъ это сознаніе, потому что люди, почитающіе частную собственность божественнымъ учрежденіемъ, въ на-

стоящее время такая рѣдкость, что, не будь у насъ другихъ противниковъ, дѣло наше было бы выиграно безъ малѣйшаго труда.

Великое общее умственное движеніе, вызванное нами въ націи, внесло результаты нашей агитаціи, убѣжденіе въ справедливости нашихъ ученій и въ своевременности нашихъ требованій, въ самые авторитетные и высокопоставленные кружки и вызвало въ нихъ явленія величайшей важности. Въ доказательство этого я представлю Вамъ офиціальный фактъ чрезвычайнаго значенія, на который прошу обратить все Ваше вниманіе.

Я опять возвращаюсь къ депутаціи ткачей, о которой разсказывалъ Вамъ. За два дня до моего отъѣзда изъ Берлина она получила аудіенцію у короля.

Я представлю Вамъ подлинное доказательство того, что́ король сказалъ на этой аудіенціи, и нетолько того, что онъ сказалъ, но и того—что еще важнѣе — что́ онъ хотѣлъ сказать.

Вы понимаете, конечно, что офиціозныя газеты могутъ печатать о томъ, что король говоритъ на аудіенціяхъ, лишь по доставляемымъ имъ отчетамъ государственнаго министерства. Поэтому послѣ пріема ткачамъ было сказано прійти на другой день въ государственное министерство за полученіемъ описанія аудіенціи, которое они могутъ напечатать.

Работники пришли и получили корректурный оттискъ «Цейдлеровой Корреспонденціи», который Вы здѣсь видите. (*Ораторъ поднимаетъ листъ.*) Это—описаніе аудіенціи, составленное для «Цейдлеровой Корреспонденціи» въ самомъ государственномъ министерствѣ. Работники отправились съ этимъ листомъ ко мнѣ, отдали мнѣ его и уполномочили меня воспользоваться имъ по усмотрѣнію, такъ какъ онъ предназначенъ къ обнародованію. Я прочту Вамъ этотъ отчетъ, составленный самимъ государственнымъ министромъ. Вотъ что въ немъ говорится:

«Его Величество король соизволили вчера пополудни удостоить пріемомъ депутацію бѣдныхъ ткачей изъ Силезскаго Ризенгебирге и принять отъ нихъ записку и прошеніе касательно ихъ положенія. Ткачи пожелали принести свои жалобы къ подножію престола, дабы въ этомъ высшемъ прибѣжищѣ всѣхъ подданныхъ испросить помощи своимъ страданіямъ, которыя, вслѣдствіе пониженія платы нанимателями, дошли дотого, что они рѣшительно не могутъ существовать, а между тѣмъ нищета ихъ не позволяетъ имъ доставить своимъ семьямъ честнаго содержанія переселеніемъ въ болѣе благопріятныя мѣстности. Триста ткачей избрали изъ своей среды троихъ и прислали ихъ депутатами дерзнуть обратиться къ монарху.

«Мы слышали, что его Величество король приняли депутацію очень милостиво и сказали, что поручили своимъ министрамъ приготовить быструю и дѣйствительную законную помощь, насколько она возможна.

«Его Величество ласково выслушали наивную рѣчь этихъ людей, подробно освѣдомились о разныхъ обстоятельствахъ и напомнили, что, къ сожалѣнію, подобныя условія и прежде уже (1844) имѣли печальныя послѣдствія, которыя теперь слѣдуетъ предупредить. Его Величество, узнавъ, что нѣкоторыя семьи ткачей лишены работы за участіе въ обращеніи къ престолу, выразили

величайшее порицаніе противъ такихъ поступковъ. Его Величество отпустили депутацію съ утѣшительной надеждой на скорое по-возможности, законное рѣшеніе вопроса и на улучшеніе черезъ это ихъ бѣдственнаго положенія. Королевское обѣщаніе (замѣтьте, друзья мои,—обѣщаніе!—такъ и сказано: обѣщаніе!) отрадно прозвучитъ во всѣхъ домахъ Ризентебирге и принесетъ новую надежду и силу мужественнаго терпѣнія многимъ сотнямъ бѣдствующихъ честныхъ семействъ.»

Таковъ офиціозный разсказъ «Цейдлеровой Корреспонденціи», исходящій изъ самого государственнаго министерства.

Въ немъ три обстоятельства имѣютъ чрезвычайную важность:

1) Признаніе королемъ, что необходимо уладить рабочій вопросъ законодательствомъ, слѣдовательно, признаніе главнаго принципа, въ пользу котораго мы начали нашу агитацію; признаніе необходимости и справедливости того, что я во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ указывалъ Вамъ какъ квинтъ-эссенцію нашихъ требованій; признаніе принципа, служащаго основаніемъ всей агитаціи Общаго Германскаго Рабочаго Союза и составляющаго наше коренное требованіе, въ противоположность принципу либеральной экономіи, что положеніе работниковъ должно быть беззащитно предоставлено игрѣ свободнаго соперничества, господству «спроса и предложенія»; признаніе непреложной справедливости и неприкосновенной правды нашего принципа. Мы добились этого признанія нетолько отъ епископовъ, но и отъ королей!

2) Обѣщаніе короля — я говорю: обѣщаніе! — что рабочій вопросъ будетъ улаженъ законодательствомъ и будетъ оказана законодательная помощь рабочему сословію, притомъ по-возможности скоро! Въ 1844 г. противъ бѣдствій силезскихъ ткачей обращали на нихъ же штыки, а теперь король обѣщаетъ измѣнить ихъ положеніе законодательствомъ! Вы видите, друзья, что обѣщаніе это—наше дѣло! Посмотримъ, нарушитъ ли монархія это обѣщаніе, измѣнитъ ли она своему слову, данному рабочимъ классамъ! Вы понимаете, по крайней мѣрѣ, что думать это было бы оскорбленіемъ величества! Это обѣщаніе налагаетъ на Васъ, работники, обязанность неустанно распространять его въ Вашихъ кружкахъ, благовѣстить о немъ ежедневно и повсемѣстно, напоминать о немъ безпрерывно! Обѣщаніе, котораго не напоминаютъ, почти нельзя назвать обѣщаніемъ. Это какъ вексель, который я подписалъ, но который мнѣ не предлагаютъ къ уплатѣ. Но если Вы съ достаточной энергіей будете распространять это обѣщаніе въ рабочихъ массахъ и безпрерывно напоминать о немъ побудительно, то оно будетъ сдержано!

Наконецъ въ этомъ обѣщаніи короля содержится еще другое.

Король, признавая справедливость нашего ученія и нашихъ требованій, обѣщалъ уладить рабочій вопросъ и пособить рабочей нуждѣ законодательствомъ, какъ мы сами желали въ нашихъ сочиненіяхъ. Но прогрессистская палата, палата, избранная на основаніи жалованнаго трехкласснаго избирательнаго закона, ни подъ какимъ видомъ не согласится дать королю деньги, нужныя для этой цѣли, и точно также ни подъ какимъ видомъ не согласится утвердить по-

добный законъ, еслибы даже онъ былъ осуществимъ безъ денегъ. Только избранное общимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ законодательное собраніе утвердитъ этотъ законъ. Слѣдовательно, такъ какъ король обѣщалъ уладить рабочій вопросъ и пособить рабочей нуждѣ посредствомъ закона, законъ же этотъ можетъ быть утвержденъ только законодательнымъ собраніемъ, избраннымъ общею и прямою подачею голосовъ, то король, давъ это обѣщаніе, обѣщалъ, какъ видите, вмѣстѣ съ тѣмъ и общее прямое избирательное право, т. е. то коренное право, которое одно даетъ Вамъ ручательство, что рѣшеніе соціальнаго вопроса будетъ предпринято съ тою строгостью, съ тою стойкостью, съ тѣмъ смысломъ и въ тѣхъ размѣрахъ, при которыхъ только и можно получить плодотворные результаты. Я вѣдь уже доказалъ Вамъ въ моемъ «Бастіа-Шульце», что всѣ попытки въ малыхъ размѣрахъ слишкомъ подвержены неудачамъ и этимъ ведутъ только къ возбужденію противъ нашего дѣла несправедливыхъ и вредныхъ предубѣжденій. Итакъ, въ королевскомъ обѣщаніи силою логики включено, обѣщано и общее и прямое избирательное право, это необходимѣйшее ручательство за все остальное, это безусловное conditio si ne qua non!

Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, какой союзъ, спрашиваю, могъ когда-либо похвалиться такими успѣхами, представляющими здѣсь результаты одного только года дѣятельности?

Мы принудили работниковъ, народъ, ученыхъ епископовъ, короля свидѣтельствовать истину нашихъ принциповъ!

Другой въ высшей степени важный результатъ нашей дѣятельности есть просвѣщеніе народа. Наши противники толкуютъ про образованіе, но не распространяютъ его; мы распространяемъ, не толкуя. Издалъ ли когда-либо какой-нибудь союзъ въ теченіе одного года такое множество книгъ, до такой степени способствующихъ распространенію въ народѣ научныхъ понятій и просвѣщенія и такъ глубоко проникшихъ въ массы?

Но не забудемъ, что я не одинъ, а только первый, поднялъ это знамя противъ дюппельскихъ укрѣпленій прусской прогрессистской партіи, не заботясь, послѣдуетъ ли кто-нибудь за мной. Говорю: не заботясь, потому что питалъ твердую увѣренность, что представители германскаго духа не покинутъ меня одного въ этой неравной борьбѣ! И довѣріе это не обмануло меня! Возсталъ цѣлый рядъ знаменитыхъ именъ, чтобы поддержать мои стремленія и распространять ихъ среди Васъ, склонять Васъ къ нимъ книгами, статьями, рѣчами, пропагандой и своимъ авторитетомъ. Профессоръ Вуттке въ Лейпцигѣ, Родбертусъ, Лотаръ Бухеръ, д-ръ Даммеръ, Георгъ Гервегъ въ Цюрихѣ, полковникъ Беккеръ въ Женевѣ, котораго можно назвать деканомъ всѣхъ нѣмецкихъ демократическихъ эмигрантовъ, писатель и адвокатъ д-ръ фонъ-Швейцеръ во Франкфуртѣ, старѣйшій германскій соціалистъ М. Гессъ, писатель Беригардъ Беккеръ во Франкфуртѣ, котораго скоро выйдетъ добросовѣстный историческій трудъ о германской революціи, заранѣе рекомендуемый мною Вамъ, бывшій депутатъ адвокатъ Мартини въ Каукэменѣ — всѣ дѣйствовали за насъ и дали мнѣ воз-

можность достигнуть того, чего мнѣ одному никогда не достичь бы. Провозгласимъ же этимъ людямъ троекратный виватъ!

(Все собраніе встаетъ и трижды провозглашаетъ восторженный виватъ.)

Мнѣ надо упомянуть еще объ одномъ очень важномъ элементѣ нашего успѣха. Я говорю о твердомъ духѣ строгаго единства и самообладанія, господствующемъ въ нашемъ Союзѣ. И въ этомъ отношеніи, въ этомъ отношеніи даже больше всего, нашъ Союзъ представляетъ въ исторіи явленіе совершенно новое, которому суждено составить эпоху. Этотъ обширный Союзъ, простирающійся почти на всѣ германскія области, движется и дѣйствуетъ съ цѣлостнымъ единствомъ личности! Лично я былъ и меня знаютъ въ очень немногихъ общинахъ, и однако отъ Рейна до Сѣвернаго моря, отъ Эльбы до Дуная я еще ни разу не слыхалъ «нѣтъ», хотя вся власть, которую Вы ввѣрили мнѣ, основана только на продолженіи Вашего вполнѣ добровольнаго согласія.

Ужъ не скажутъ ли, что я прибѣгалъ противъ Васъ къ насильственнымъ средствамъ? Правда, Вы ввѣрили мнѣ власть на 5 лѣтъ; но Вы знаете, что я самъ тотчасъ отказался бы отъ нея, еслибы между Вами оказалось какое-нибудь неудовольствіе или недовѣріе. Этой-то власти, основанной на вполнѣ добровольномъ продолженіи Вашего согласія, вполнѣ достаточно, чтобы заставлять Васъ дѣйствовать сообща, какъ-бы управляемыхъ электрическою искрою! Куда я ни приходилъ, всюду слышалъ отъ работниковъ рѣчи, сущность которыхъ въ томъ, что: мы должны сковать изъ общей воли всѣхъ насъ одинъ молотъ и вручить его тому, къ уму, характеру и намѣреніямъ котораго питаемъ необходимое довѣріе, чтобы онъ дѣйствовалъ этимъ молотомъ. Такимъ образомъ тѣ два полюса, которые наши государственные люди считали до сихъ поръ несоединимыми, сочетаніе которыхъ почиталось философскимъ камнемъ политики — свобода и власть, эти двѣ рѣшительнѣйшія противоположности, тѣсно соединены въ нашемъ Союзѣ, который такимъ образомъ служитъ въ маломъ видѣ прообразомъ нашей будущей общественной формы въ обширныхъ размѣрахъ. Въ насъ нѣтъ и слѣда того придирчиваго духа либерализма, той болѣзненной страсти каждаго имѣть свое мнѣніе и знать дѣло лучше другихъ, которыми пропитана наша буржуазія. Въ этомъ отношеніи наши противники, какъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, смотрятъ на насъ со стыдомъ и завистью; иногда они, какъ лисица въ сказкѣ, объясняютъ въ свое оправданіе, что единодушіе работниковъ возможно только благодаря ихъ непросвѣщенію! Жалкое и лживое объясненіе! Не говоря уже о томъ, что здравый смыслъ работниковъ все-таки гораздо дороже полузнанія буржуазіи и не говоря о томъ, что въ работникѣ духъ свободы несравненно живѣе, чѣмъ въ буржуазѣ, — вѣдь въ Союзѣ нашемъ довольно людей, принадлежащихъ по положенію къ буржуазіи: предпринимателей, купцовъ, адвокатовъ.

Всѣ тѣ мыслители и писатели, имена которыхъ я перечислилъ Вамъ, первые подаютъ примѣръ подчиненія своей личности общему дѣлу. Подчиненіе это основано ни на чемъ иномъ, какъ на самомъ духѣ нашего Союза, на ясномъ пониманіи, что только диктатура ума, а не болѣзненное придирчивое са-

молюбіе индивидуальныхъ претензій можетъ выполнить великіе, громадные труды переходныхъ состояній общества. *(Долгія шумныя рукоплесканія.)*

Наконецъ еще послѣдній элементъ успѣха!

Послѣдній знакъ успѣха есть постигшее меня преслѣдованіе! Таковъ естественный законъ политики, что гоненіе возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣхомъ. До сихъ поръ мнѣ удавалось выручать свою шкуру. Я поразилъ какъ мечомъ обвиненіе въ государственномъ преступленіи, которымъ думали поразить меня. Но вотъ въ Дюссельдорфѣ я приговоренъ in contumaciam къ годичному тюремному заключенію за то, что—страшно сказать!—нападалъ на либеральную печать! †) Впрочемъ, дѣло довольно понятно. Въ старыхъ провинціяхъ у насъ народъ еще большею частью держится либерализма, а чиновники—реакціонеры; на Рейнѣ же, гдѣ всѣ вообще гораздо развитѣе, народъ у насъ почти весь демократиченъ, а чиновники — прогрессисты. Можно ли удивляться моему осужденію, зная, что въ судѣ надо мной засѣдали все приверженцы прогрессистской партіи? Вчера еще почта привезла мнѣ извѣстіе, что я опять приговоренъ въ Берлинѣ in contumaciam къ 4-мѣсячному тюремному заключенію. Несмотря на врачебное свидѣтельство о необходимости мнѣ ѣхать на воды — куда, какъ Вамъ извѣстно, я теперь и ѣду — несмотря далѣе на отсутствіе вызванныхъ защитой свидѣтелей, судъ не захотѣлъ отсрочить дѣло и предпочелъ осудить меня безъ меня и безъ моихъ свидѣтелей. Однако я надѣюсь еще справиться съ обоими этими приговорами, какъ справился со многими другими! Но какъ бы ни былъ силенъ человѣкъ, есть степень озлобленія, противъ которой никто не устоитъ. Это меня не заботитъ. Вы понимаете, конечно, что, поднимая это знамя, я заранѣе зналъ, что лично могу погибнуть въ этой борьбѣ. *(Сильное волненіе въ собраніи.)* Но тѣ чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ мысль о возможности моей личной гибели, я лучше всего могу выразить стихомъ римскаго поэта:

«Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!»

Что значитъ:

«Когда погибну, пусть изъ костей моихъ возникнетъ мститель и преемникъ!»

Пусть не погибнетъ со мной это великое и національное культурное движеніе, пусть зажженный мною пожаръ пожираетъ вокругъ себя все дальше и дальше, пока живъ будетъ хотя одинъ изъ Васъ!

Обѣщайте мнѣ это и въ знакъ обѣщанія поднимите руки!

(Собраніе въ величайшемъ волненіи поднимаетъ руки. Продолжительныя рукоплесканія.)

†) См. Т. II, стр. 32.

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦІИ.

Рѣчь, произнесенная въ одномъ берлинскомъ бюргерскомъ окружномъ собраніи, въ 1862 г.

Господа!

Я получилъ приглашеніе произнести рѣчь въ этомъ уважаемомъ собраніи и избралъ предметъ, рекомендующій себя самъ Вашему вниманію, какъ самый современный. Я буду говорить о сущности конституціи.

Замѣчу заранѣе, господа, что рѣчь моя будетъ строго научна. Тѣмъ неменѣе или, вѣрнѣе, именно поэтому каждый изъ Васъ будетъ въ состояніи слѣдить за ней отъ начала до конца и вполнѣ понять ее.

Ибо, господа, истинная научность — полезно напоминать это — состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ той ясности мысли, которая, ничего не предполагая заранѣе, шагъ за шагомъ выводитъ все сама изъ себя, но именно поэтому-то непреодолимо овладѣваетъ умомъ каждаго внимательнаго слушателя.

Эта ясность мысли не нуждается ни въ какихъ предвзятыхъ убѣжденіяхъ въ слушателяхъ. Наоборотъ, состоя, какъ я сказалъ, ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ отсутствіи всего предположеннаго заранѣе, предвзятаго, и выведеніи всего изъ самой себя, она не терпитъ предвзятыхъ убѣжденій. Она именно требуетъ, чтобы слушатели не приносили съ собой предвзятыхъ мнѣній, прочныхъ предубѣжденій; чтобы они, какъ бы часто ни размышляли и ни разсуждали о предметѣ, изслѣдовали его теперь сызнова, какъ-бы еще не зная о немъ ничего твердо опредѣленнаго; чтобы они хотя на время изслѣдованія отдѣлались отъ всего, что привыкли думать объ этомъ предметѣ.

Итакъ, я начну мою рѣчь вопросомъ: что такое конституція? въ чемъ состоитъ сущность конституціи?

Теперь всѣ съ ранняго утра до поздняго вечера толкуютъ о конституціи. Во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ трактирахъ только и рѣчи, что о конституціи.

Однако если я спрошу серьезно: въ чемъ состоитъ сущность, понятіе конституціи, — то весьма опасаюсь, что изъ столькихъ разсуждающихъ най- я очень немного способныхъ дать удовлетворительный отвѣтъ.

Многіе при этомъ вопросѣ почувствуютъ необходимость схватиться за томъ собранія прусскихъ законовъ 1850 г. и вычитать въ немъ о прусской конституціи.

Но Вы видите, что это не будетъ отвѣтомъ на мой вопросъ. Вѣдь въ томъ этомъ помѣщено только особенное содержаніе извѣстной, именно прусской конституціи, и стало быть онъ не можетъ дать отвѣта на вопросъ: въ чемъ состоитъ сущность, понятіе конституціи вообще?

Если я задамъ этотъ вопросъ юристу, онъ скажетъ мнѣ въ отвѣтъ: «Конституція есть договоръ, клятвенно заключенный между королемъ и народомъ и устанавливающій основные принципы законодательства и правленія страны». Или, такъ какъ есть и республиканскія конституціи, онъ дастъ болѣе общее опредѣленіе: «Конституція есть провозглашенный въ странѣ основной законъ, устанавливающій организацію публичнаго права въ этой націи».

Но всѣ эти и тому подобныя формальныя юридическія опредѣленія такъ же далеки отъ настоящаго отвѣта на мой вопросъ, какъ и предыдущій отвѣтъ. Всѣ они представляютъ лишь внѣшнее описаніе того, какъ дѣлается конституція и что она дѣлаетъ, не объясняя, что такое конституція. Они даютъ критеріи, признаки, по которымъ можно внѣшнимъ и юридическимъ образомъ узнать конституцію. Но они не говорятъ намъ, въ чемъ состоитъ понятіе, сущность конституціи. Поэтому они оставляютъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи насчетъ того, хороша или дурна, возможна или невозможна, прочна или непрочна данная конституція. Обо всемъ этомъ мы могли бы судить только зная сущность конституціи вообще; тогда только могли бы мы рѣшить, соотвѣтствуетъ ли данная конституція этой сущности или какъ она къ ней относится. Но этой сущности намъ совершенно не объясняютъ подобныя юридическія внѣшнія опредѣленія, которыя одинаково примѣнимы ко всякому листу бумаги, подписанному націей, или націей и ея королемъ, и объявленному конституціей, каково бы ни было его содержаніе. Только понятіе конституціи служитъ источникомъ всего конституціоннаго искусства и всей конституціонной мудрости, которыя вытекаютъ изъ него, шути, сами собою, какъ Вы убѣдитесь, когда мы найдемъ это понятіе.

Итакъ, повторяю: что такое конституція, въ чемъ состоитъ сущность, понятіе конституціи?

Мы еще не знаемъ этого, потому что должны найти отвѣтъ, отыскивая его сообща. Чтобы найти его, прибѣгнемъ къ методу, къ которому всегда слѣдуетъ обращаться, когда желаешь получить ясное понятіе о какомъ-нибудь

предметѣ. Этотъ методъ очень простъ, господа. Онъ состоитъ въ томъ, что мы сравниваемъ вещь, понятія которой ищемъ, съ другой однородной ей, и стараемся какъ можно яснѣе и рѣзче понять разницу, существующую между ними, не смотря на ихъ однородность.

Обращаясь къ этому методу, я ставлю вопросъ: какая разница между конституціей и закономъ?

Конституція и законъ по сущности, очевидно, однородны. Конституція должна имѣть силу закона; стало быть, она должна быть также закономъ. Но она должна быть нетолько закономъ, а болѣе, чѣмъ закономъ; слѣдовательно, тутъ есть и разница. Сотни фактовъ доказываютъ, что разница точно существуетъ, что конституція должна быть не просто закономъ, а болѣе, чѣмъ закономъ.

Такъ напр., Вы не находите ничего дурнаго въ томъ, что издаются новые законы. Напротивъ того, Вы знаете, что необходимо, чтобы почти каждый годъ издавалось больше или меньше новыхъ законовъ. А между тѣмъ нельзя издать ни одного новаго закона, не измѣняя этимъ существующихъ законныхъ отношеній. Новый законъ, не приносящій никакой перемѣны въ существующемъ законномъ порядкѣ, былъ бы совершенно безсмысленъ, излишенъ и не былъ бы изданъ. Итакъ, Вы не находите ничего дурнаго въ измѣненіи законовъ, а напротивъ считаете его вообще правильной задачей правительственныхъ учрежденій. Но какъ только коснутся конституціи, Вы возмущаетесь и кричите: не трогайте конституціи! Отчего такая разница? Разница эта дотого неоспорима, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ прямо законополагается: конституція не можетъ быть измѣняема; въ другихъ полагается, что измѣнять ее можно только $^2/_3$ голосовъ законодательнаго собранія, а не простымъ большинствомъ; въ третьихъ установлено, что законодательное собраніе даже въ соединеніи съ прочими правительственными властями не можетъ дѣлать измѣненій въ конституціи, а можетъ только предлагать ихъ для произведенія же ихъ должно быть избрано страной спеціально ad hoc новое собраніе представителей.

Всѣ эти факты выражаютъ, что по общему чувству народовъ конституція должна быть чѣмъ-то еще болѣе святымъ, крѣпкимъ и неизмѣннымъ, чѣмъ обыкновенный законъ.

Спрашиваю, стало быть, опять: чѣмъ отличается конституція отъ обыкновеннаго закона?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ: конституція не просто законъ, какъ всякій другой, а основной законъ страны. Очень возможно, господа, что въ этомъ отвѣтѣ скрывается въ неясной формѣ истина. Но форма такъ неясна, что въ ней отвѣтъ этотъ ни къ чему не служитъ. Тотчасъ возникаетъ другой вопросъ: какая разница между закономъ и основнымъ закономъ? Стало быть, мы ни на шагъ не ушли дальше. У насъ оказалось только новое названіе основной законъ; но оно нисколько не помогаетъ намъ, пока мы не знаемъ, какая разница между основнымъ закономъ и другимъ закономъ.

Попробуемъ, не приблизимся ли къ дѣлу, если разберемъ, какія представленія заключаются въ названіи «основной законъ»; другими словами: чѣмъ основной законъ долженъ отличаться отъ другаго закона, чтобы оправдать свое названіе «основнаго закона».

Основной законъ долженъ, слѣдовательно:

1) быть закономъ, болѣе глубокимъ, чѣмъ другой обыкновенный законъ; это показываетъ названіе основной; но онъ долженъ также,

2) какъ основной законъ, быть именно основаніемъ другихъ законовъ, т. е., стало быть, основной законъ долженъ быть производительнымъ агентомъ другихъ обыкновенныхъ законовъ, чтобы составлять ихъ основаніе; слѣдовательно, основной законъ долженъ дѣйствовать и во всѣхъ другихъ обыкновенныхъ законахъ.

3) Но то, что имѣетъ основаніе, не можетъ уже по произволу быть такъ или иначе; оно должно быть именно таково, каково есть. Основаніе его не допускаетъ его быть инымъ. Только неосновательное и потому случайное можетъ быть таковымъ, какимъ есть, а также, пожалуй, и инымъ. Но все имѣющее основаніе необходимо есть таково, каково есть. Напр., планеты имѣютъ извѣстное движеніе. Движеніе это или имѣетъ опредѣляющее его основаніе, или не имѣетъ его. Если не имѣетъ, то оно случайно и можетъ каждый моментъ быть инымъ. Но если оно имѣетъ основаніе, а именно, какъ говорятъ натуралисты, силу притяженія солнца, то этимъ дано уже, что движеніе планетъ опредѣлено и регулировано основаніемъ, притягательной силой солнца, такъ, что не можетъ быть инымъ, чѣмъ есть. Слѣдовательно, въ представленіи основанія заключается мысль дѣятельной необходимости, дѣйствующей силы, которая необходимо дѣлаетъ основанное тѣмъ, чѣмъ оно есть.

Итакъ, если конституція составляетъ основной законъ страны, то она есть нѣчто, что мы должны опредѣлить подробнѣе, или, какъ мы пока нашли, есть дѣятельная сила, необходимо дѣлающая всѣ другіе законы и правовыя учрежденія, установляемыя въ странѣ, тѣмъ, чѣмъ они суть—это для насъ первый проблескъ свѣта, господа — такъ что съ этихъ поръ въ странѣ не могутъ издаваться никакіе законы, кромѣ именно этихъ.

Но есть ли въ странѣ что-нибудь, господа — при этомъ вопросѣ начинаетъ постепенно разливаться полный свѣтъ — есть ли въ странѣ что-нибудь, какая-нибудь опредѣляющая дѣятельная сила, которая вліяла бы на всѣ издаваемые въ странѣ законы такъ, чтобы они до извѣстной степени были необходимо таковы и не иные, каковы суть?

О, конечно, господа, нѣчто такое есть, и это нѣчто ничто иное, какъ фактическія отношенія силы, существующія въ данномъ обществѣ.

Фактическія отношенія силы, существующія въ каждомъ обществѣ, суть та активно-дѣйствующая сила, которая опредѣляетъ всѣ законы и правовыя учрежденія этого общества такъ, что въ существенныхъ чертахъ они не могутъ быть иными, чѣмъ каковы суть.

Спѣшу пояснить это понятнымъ примѣромъ. Въ той формѣ, въ какой я

представляю его, онъ, правда, совершенно невозможенъ. Но не говоря уже о томъ, что ниже мы, можетъ быть, увидимъ, какъ возможенъ этотъ примѣръ въ другой формѣ, дѣло вообще не въ томъ, можетъ ли случиться что-нибудь подобное, а только въ томъ, чтобы на этомъ примѣрѣ изучить природу вещей, которая обнаружилась бы, еслибы онъ случился.

Вамъ извѣстно, господа, что въ Пруссіи только то имѣетъ законную силу, что обнародовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается въ оберъ-гофъ-типографіи Декера. Оригиналы законовъ сохраняются въ извѣстныхъ государственныхъ архивахъ; печатныя собранія законовъ — въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и магазинахъ.

Предположимъ же, что сдѣлался страшный пожаръ, въ родѣ гамбургскаго, и что въ немъ сгорѣли всѣ эти государственные архивы, библіотеки, магазины и оберъ-гофъ-типографія Декера; предположимъ, что по странному стеченію обстоятельствъ тоже случилось и въ другихъ городахъ монархіи, что погорѣли даже частныя библіотеки, въ которыхъ были собранія законовъ, такъ что во всей Пруссіи не осталось ни единаго закона въ достовѣрной формѣ.

Такимъ образомъ страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ, и ей ничего не оставалось бы, какъ приняться за составленіе новыхъ.

Ну какъ же Вы думаете, господа? Можно ли было бы поступать въ этомъ случаѣ произвольно, надѣлать произвольныхъ новыхъ законовъ, какіе кому вздумалось бы? Посмотримъ.

Положимъ, Вы сказали бы: законы погибли, будемъ дѣлать новые и при этомъ уже не дадимъ монархіи того положенія, которое она до сихъ поръ занимала; или даже вовсе не дадимъ ей никакого положенія.

Король просто-на-просто сказалъ бы на это: законы погибли; но что же изъ этого? Фактически мнѣ повинуется армія, идетъ, куда я прикажу ей, фактически коменданты арсеналовъ и казармъ выдадутъ по моему приказу пушки, и артиллерія выѣдетъ съ ними на улицы, и, опираясь на эту фактическую силу, я не хочу, чтобы Вы дѣлали мнѣ иное положеніе, кромѣ того, какого я желаю.

Вы видите, господа,—король, которому повинуются войска и пушки, есть часть конституціи!

Или, положимъ, Вы сказали бы: насъ 18 милліоновъ пруссаковъ. Въ числѣ этихъ 18 милліоновъ есть непримѣтная горсточка крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Мы не понимаемъ, почему такой ничтожной горсточкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ обладать такимъ же вліяніемъ, какъ всѣмъ 18 милліонамъ вмѣстѣ, составляя палату господъ, обсуждающую постановленія палаты депутатовъ, избранной всею націею, и отвергающую ихъ, какъ скоро они чего-нибудь стоятъ. Положимъ, Вы разсудили бы такъ и сказали бы: мы всѣ — «господа» и не хотимъ особой палаты господъ.

Не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію, господа, что крупные дворяне-землевладѣльцы не могли бы вывести противъ Васъ своихъ крестьянъ. Напротивъ того, имъ, вѣроятно, было бы не мало хлопотъ прежде всего удрать отъ своихъ крестьянъ.

Но крупные дворяне-землевладѣльцы всегда имѣли большое вліяніе на дворъ и на короля и, благодаря этому вліянію, могли бы выслать за себя войска и пушки съ такимъ же удобствомъ, какъ еслибы сила эта находилась въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Итакъ, Вы видите, господа, что дворянство, имѣющее вліяніе на короля и на дворъ, есть часть конституціи.

Или предположимъ обратный случай, что король и дворянство согласились бы возстановить средневѣковое цеховое уложеніе, притомъ нетолько въ мелкихъ ремеслахъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отчасти дѣйствительно пытались, а въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ оно существовало въ средніе вѣка, т. е. во всемъ производствѣ общества, стало быть, и въ крупной фабричной промышленности, въ машинномъ производствѣ. Вамъ извѣстно, господа, что при средневѣковой цеховой системѣ крупный капиталъ не могъ производить, крупная фабричная промышленность, машинное производство были невозможны. Ибо въ этой системѣ существовали напримѣръ всюду законныя разграниченія отраслей труда, хотя бы даже самыхъ ближайшихъ и сродныхъ другъ другу, и ни одинъ промышленникъ не могъ соединять двѣ такія отрасли. Штукатурщикъ не могъ замазать щели, кузнецы вели безконечные процессы со слесарями о границахъ своихъ ремеслъ, набойщикъ не могъ взять въ работу красильщика. Кромѣ того въ цеховой системѣ было точно опредѣлено закономъ и количество производства каждаго промышленника, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ промыслѣ каждый мастеръ могъ занимать лишь равное, закономъ опредѣленное число рабочихъ силъ.

Вы видите, что уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинами, системою машинъ, не могло бы для просуществовать при цеховомъ уложеніи. Для крупнаго производства необходимы: 1) соединеніе разнообразнѣйшихъ отраслей труда въ рукахъ одного крупнаго капитала; 2) производство массами и свободное соперничество, т. е. стало быть неограниченное употребленіе рабочихъ силъ.

Что вышло бы, еслибы тѣмъ неменѣе захотѣли ввести нынѣче цеховое уложеніе?

Гг. Борзигъ, Эгельсъ и т. д., крупные хлопчато-бумажные, шелковые и пр. фабриканты закрыли бы свои фабрики и распустили бы своихъ рабочихъ; даже дирекціямъ желѣзныхъ дорогъ пришлось бы сдѣлать тоже; торговля и промышленность остановились бы; множество ремесленныхъ мастеровъ отчасти по необходимости, отчасти добровольно распустили бы своихъ подмастерьевъ; вся эта громадная масса народа хлынула бы въ улицы, требуя хлѣба и работы; за ней стояла бы, воспламеняя ее своимъ вліяніемъ, ободряя своимъ значеніемъ, поддерживая своими деньгами, крупная буржуазія, и вспыхнула бы борьба, въ которой побѣда не могла бы остаться за арміей.

Итакъ, господа, Вы видите, что Борзигъ и Эгельсъ, вообще крупные промышленники суть часть конституціи.

Или положимъ, что правительство захотѣло бы принять мѣру, рѣшительно оскорбляющую интересъ крупныхъ банкировъ, — предположимъ, что правитель-

ство сказало бы напримѣръ: королевскій банкъ не долженъ служить, какъ служитъ теперь, крупнымъ банкирамъ и капиталистамъ, которые и безъ того располагаютъ всѣми деньгами и всѣмъ кредитомъ и которые теперь одни могутъ дисконтировать въ банкѣ на свои подписи, т. е. одни получаютъ кредитъ; королевскій банкъ не долженъ еще удешевлять имъ кредитъ, а долженъ служить на то, чтобы сдѣлать кредитъ доступнымъ бѣднымъ и посредственнаго состоянія людямъ; поэтому надо организовать его такъ, чтобы онъ далъ этотъ результатъ. Состоялось ли бы это, господа?

Правда, господа, это не вызвало бы возстанія. Однако для нынѣшняго правительства это все-таки было бы невозможно.

Правительству, господа, случается по-временамъ надобность въ такихъ денежныхъ средствахъ, въ такихъ массахъ денежныхъ средствъ, какихъ оно не осмѣливается собрать въ формѣ налоговъ. Въ этихъ случаяхъ оно прибѣгаетъ къ поѣданію будущихъ средствъ, т. е. дѣлаетъ займы и выдаетъ за нихъ государственныя бумаги. Для этого ему нужны банкиры. Правда, съ теченіемъ времени большая часть государственныхъ бумагъ опять переходитъ въ руки всего имущаго класса націи и мелкихъ капиталистовъ. Но на это надо время, часто много времени. Правительству же деньги нужны сейчасъ и разомъ или въ немногіе сроки; для этого ему нужны посредники, которые дали бы ему всю сумму и взяли бы на себя сбыть государственныя бумаги, выдаваемыя имъ за это, мало по малу публикѣ, притомъ съ барышемъ для себя на повышеніи курса, которое искусственно доставляется этимъ бумагамъ на биржѣ. Этими посредниками служатъ крупные банкиры, и потому правительство не можетъ теперь ссориться съ ними.

Итакъ, Вы видите, господа, что банкиры Мендельсонъ, Шиклеръ, вообще биржа — часть конституціи.

Или, положимъ, правительство вздумало бы напримѣръ издать уголовный законъ вродѣ китайскихъ, чтобы за воровство, совершенное сыномъ, наказывать отца. Затѣя эта не пошла бы въ ходъ, потому что противъ нея слишкомъ сильно возмутилось бы общее развитіе, общее сознаніе. Всѣ чиновники, даже тайные совѣтники, всплеснули бы руками, и сами члены палаты господъ нашли бы это предосудительнымъ. Слѣдовательно, Вы видите, господа, что въ извѣстныхъ предѣлахъ и общее сознаніе, общее развитіе есть также часть конституціи.

Или, положимъ, правительство рѣшилось бы удовлетворить дворянство, банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ, но зато лишить политической свободы мелкую буржуазію и работниковъ. Удалось ли бы это, господа? О, конечно, господа, на-время это удалось бы; мы уже видали, что это удается, и ниже будемъ еще имѣть случай взглянуть на это.

Но предположимъ такой случай: вздумали лишить мелкую буржуазію и работниковъ нетолько политической, но и личной свободы, т. е. вздумали объявить ихъ лично несвободными, крѣпостными или подданными землевладѣльцевъ, какъ было во многихъ странахъ въ отдаленныя столѣтія среднихъ вѣковъ. Удалось ли бы это, господа? Нѣтъ, это не удалось бы, хотя бы всѣ

соединились на это, и король, и дворянство, и вся крупная буржуазія. Въ виду этого Вы сказали бы: нѣтъ, пусть лучше насъ убьютъ, а этого мы не потерпимъ. Работники выйдутъ на улицы и безъ закрытія Борзигомъ и Эгельсомъ фабрикъ, вся мелкая буржуазія пойдетъ имъ на помощь, и такъ какъ соединенное сопротивленіе ихъ побѣдить было бы очень трудно, то Вы видите, господа, что въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и Вы всѣ — часть конституціи.

Итакъ, господа, мы видѣли, что̀ такое конституція страны, а именно: существующія въ странѣ фактическія отношенія силы.

Что же такое то, что обыкновенно называется конституціей? Что такое правовая конституція? Теперь Вы сами видите, господа, что̀ это такое.

Эти фактическія отношенія силы записываются на бумагѣ, выражаются письменно, и какъ скоро они написаны, они уже не просто фактическія отношенія силы, а права, правовыя учрежденія, и кто возстаетъ противъ нихъ—наказывается!

Точно также теперь Вамъ само собою понятно, господа, какъ дѣлается это записываніе фактическихъ отношеній силы, превращающее ихъ въ правовыя отношенія.

Разумѣется не пишутъ: г. Борзигъ—часть конституціи, г. Мендельсонъ—часть конституціи и т. д., а выражаютъ все это гораздо просвѣщеннѣйшимъ образомъ.

Напр. если хотятъ установить, что небольшое число крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ должно имѣть въ монархіи столько же и болѣе власти, сколько всѣ бюргеры, работники и крестьяне взятые вмѣстѣ, то этого отнюдь не напишутъ прямо и открыто. Для этой цѣли издадутъ законъ, подобный, напр., жалованному трехклассному избирательному закону 1849 г., которымъ раздѣлятъ всю страну на три класса избирателей по размѣру платимыхъ ими налоговъ, который опредѣляется, конечно, величиной ихъ имущества.

По офиціальнымъ спискамъ, господа, составленнымъ правительствомъ въ 1849 г. по изданіи этого трехкласснаго избирательнаго налога, во всей Пруссіи было тогда:

3,255,600 общинныхъ избирателей, которые раздѣлялись на три класса слѣдующимъ образомъ:

Къ первому избирательному классу во всей Пруссіи принадлежало . . . . . 153,808 избирателей
ко второму . . . . . 409,945 »
къ третьему . . . . . 2,691,950 »

Повторяю, господа, что цифры эти заимствованы изъ офиціальныхъ списковъ.

Вы видите изъ нихъ, что 153,808 очень богатыхъ людей имѣютъ въ Пруссіи столько же политической власти, сколько 2,691,950 бюргеровъ, крестьянъ и работниковъ; далѣе, что эти 153,808 очень богатыхъ людей и 409,945 умѣренно богатыхъ, составляющихъ второй классъ избирателей,

имѣютъ ровно вдвое политической власти, чѣмъ вся остальная нація, такъ что 153,808 очень богатыхъ и половина 409,945 избирателей втораго класса имѣютъ уже больше политической власти, чѣмъ другая половина умѣренно-богатыхъ втораго класса и 2,691,950 третьяго, взятые вмѣстѣ.

Изъ этого Вы видите, господа, что такимъ способомъ въ результатѣ получается совершенно тоже, какъ еслибы прямо написать въ конституцію неделикатныя слова: богатый долженъ имѣть въ 17 разъ больше политической власти, чѣмъ другой гражданинъ, или столько же, сколько 17 другихъ гражданъ.

До изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона у насъ существовало законно-учрежденное, закономъ 8 апрѣля 1848 г., общее избирательное право, признававшее за каждымъ гражданиномъ, все равно, богатъ ли онъ или бѣденъ, одинаковое избирательное право и одинаковую политическую власть, одинаковое право на участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Въ этомъ Вы видите, господа, подтвержденіе сказаннаго мною выше, что къ сожалѣнію легко отнять у Васъ, бюргеровъ и работниковъ, Вашу политическую свободу, если только не посягать непосредственно и радикально на Ваши личныя блага, тѣла и собственность. Вы допустили безъ труда отнять у Васъ избирательное право, и до сихъ поръ не слыхать ни о какой агитаціи для возвращенія его.

Далѣе, если хотятъ установить въ конституціи, чтобы небольшое число дворянъ землевладѣльцевъ обладало такою же властью, какую имѣютъ всѣ богатые, зажиточные и неимущіе вмѣстѣ, какую имѣютъ избиратели всѣхъ трехъ классовъ вмѣстѣ, т. е. какую имѣетъ вся нація, то этого опять-таки отнюдь не выразятъ непросвѣщеннымъ образомъ на прямикъ—ибо замѣтьте, господа, разъ навсегда: все ясное и прямое—грубо и непросвѣщенно. Въ конституціи напишутъ: изъ представителей древняго и упроченнаго землевладѣнія съ нѣкоторыми несущественными дополненіями учреждается палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представляющихъ всю націю; такимъ образомъ горсточкѣ старинныхъ землевладѣльцевъ дается политическая власть, перевѣшивающая единогласную волю націи и всѣхъ ея классовъ.

Равнымъ образомъ, когда хотятъ, чтобы король одинъ имѣлъ столько же и даже гораздо больше политической власти, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація, даже съ прибавленіемъ дворянъ землевладѣльцевъ, то дѣлается это такъ:

Въ 47 статьѣ конституціи пишется: «Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи», а въ статьѣ 108 говорится: «Армія конституціи не присягаетъ». Рядомъ съ этой статьей воздвигается теорія, въ принципѣ дѣйствительно основываемая ею, именно, теорія, что въ отношеніи арміи король занимаетъ совершенно иное положеніе, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій, что въ отношеніи арміи онъ нетолько король, а нѣчто еще другое, совершенно особенное, таинственное и неизвѣстное, для обозначенія чего изобрѣтаютъ слово «военный государь» — Kriegsherr; по этимъ

соображеніямъ оказывается, что палатѣ депутатовъ или націи дѣла нѣтъ до арміи, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея дѣла и организацію, а только выдавать на нее деньги. И надо сознаться—правда выше всего — что теорія эта точно имѣетъ нѣкоторое основаніе въ статьѣ 108 конституціи. Опредѣляя, что армія не должна присягать конституціи, какъ обязаны всѣ государственные служители и самъ король, конституція признаетъ этимъ въ принципѣ, что армія стоитъ внѣ конституціи и ничего не имѣетъ съ ней общаго, что она относится единственно и исключительно къ особѣ короля, а не къ странѣ.

Какъ скоро установлено, что король назначаетъ на всѣ должности въ арміи и что армія относится къ нему особеннымъ образомъ, этимъ однимъ королю дано нетолько столько же, а вдесятеро больше политической власти, чѣмъ сколько имѣетъ ея вся страна вмѣстѣ взятая, даже въ томъ случаѣ, еслибы въ дѣйствительности настоящая сила страны въ десятеро, въ двадцать, въ пятьдесятъ разъ превышала силу арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста.

Политическое средство власти короля, армія, организовано, постоянно въ сборѣ, отлично дисциплинировано, ежеминутно готово дѣйствовать; напротивъ того, сила, заключающаяся въ націи, хотя бы въ дѣйствительности несравненно большая, неорганизована, господа; воля націи и особенно степень рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда можетъ быть легко узнана ея членами; поэтому никто въ точности не знаетъ, сколько народа пойдетъ за нимъ. Притомъ у націи нѣтъ тѣхъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ я уже упоминалъ—пушекъ. Правда, онѣ пріобрѣтаются на деньги гражданъ; правда, онѣ изготовляются и совершенствуются науками, развиваемыми гражданскимъ обществомъ, физикой, техникой и пр. Стало быть, уже самое существованіе ихъ доказываетъ, какъ велика сила гражданскаго общества, какъ велики успѣхи наукъ, техническихъ искусствъ, отраслей фабрикаціи и труда всякаго рода. Но здѣсь-то вспоминается стихъ Виргилія: «Sic vos non vobis!» Ты дѣлаешь это, да не про себя! Пушки изготовляются всегда только для организованной силы; поэтому страна знаетъ, что при столкновеніи найдетъ эти дѣтища, этихъ свидѣтелей своей силы противъ себя. Вотъ отчего меньшая, но организованная сила часто, подолгу пересиливаетъ гораздо большую, но неорганизованную силу націи, пока наконецъ, при продолжительномъ завѣдываніи и управленіи національными дѣлами въ смыслѣ противномъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство.

Итакъ, господа, мы знаемъ теперь сущность обѣихъ конституцій страны, ея дѣйствительной конституціи, реальныхъ отношеній силы, существующихъ въ странѣ, и ея писанной конституціи, которую въ отличіе отъ первой можемъ назвать хотя бы листомъ бумаги.

Дѣйствительное уложеніе, дѣйствительную конституцію имѣла всякая страна всегда, какъ Вы сами сейчасъ поймете; нѣтъ предубѣжденія болѣе

ложнаго, ведущаго къ болѣе вздорнымъ заключеніямъ, какъ общераспространенное, господствующее мнѣніе, будто уложенія или конституціи составляютъ исключительную особенность новѣйшаго времени. Каждая страна необходимо имѣетъ реальное уложеніе или конституцію, также необходимо, какъ всякое тѣло, всякій организмъ, непремѣнно такъ или иначе устроенный, имѣющій какую-нибудь, хорошую или дурную, конституцію. Вѣдь въ каждой странѣ непремѣнно же существуютъ какія-нибудь фактическія отношенія силы.

Когда во Франціи задолго до французской революціи прошлаго вѣка, подъ абсолютной легитимной монархіей, король Людовикъ XVI декретомъ 3 февраля 1776 г. отмѣнилъ дорожную повинность, обязывавшую крестьянъ безвозмездно работать на дорогахъ, проводить и чинить ихъ, и взамѣнъ того ввелъ для покрытія дорожныхъ расходовъ налогъ, падавшій и на земли дворянства, французскій парламентъ воспротивился этому и возразилъ: Le peuple de France est taillable et corvéable à volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer, т. е. «французскій народъ (народъ не привилегированный, низшій) можетъ быть облагаемъ податями и повинностями по произволу; это часть конституціи, которую король не можетъ измѣнять.»

Вы видите, стало быть, господа, что и тогда, какъ теперь, говорили о конституціи и даже о такой, которую король не можетъ измѣнять. Правда, то, чему здѣсь придается значеніе конституціи, — возможность по произволу облагать низшій народъ податями и повинностями, — не было въ то время записано въ особой граматѣ, въ которой были бы переписаны всѣ права страны и всѣ важнѣйшіе правительственные принципы, это было просто выраженіемъ фактическихъ отношеній силы въ средневѣковой Франціи. Въ средніе вѣка низшій народъ былъ дѣйствительно такъ безсиленъ, что его можно было по произволу облагать податями и повинностями; съ этими фактическими отношеніями силы всегда и соображались, народъ всегда такъ и обременяли. Этотъ фактическій ходъ дѣлъ давалъ такъ-называемые прецеденты, которые играютъ такую важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ въ средніе вѣка, а въ Англіи до сихъ поръ. При фактическомъ обремененіи народа часто и высказывался фактъ, что можно обременять народъ такимъ образомъ; иначе впрочемъ и быть не могло. Высказанный фактъ этотъ становился государственно-правовымъ принципомъ, на который потомъ въ подобныхъ случаяхъ ссылались. Впрочемъ разныя особенныя обстоятельства, коренившіяся въ фактическихъ отношеніяхъ силы, нерѣдко получали и особенное выраженіе и признаніе на пертаментѣ. Такимъ образомъ возникали разныя franchises, вольности, права, льготы, статуты сословій, промысловъ, городовъ и т. д.

Всѣ эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты, вольности, уложенія, привилегіи составляли въ совокупности конституцію страны, и все это было въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ простымъ наивнымъ выраженіемъ реальныхъ отношеній силы, существующихъ въ странѣ.

Слѣдовательно, дѣйствительную конституцію имѣли всѣ страны во всѣ

времена. Стало быть, новѣйшему времени исключительно свойственны не дѣйствительныя, а писанныя конституціи или листы бумаги: чрезвычайно важно не упускать этого изъ вида.

Въ самомъ дѣлѣ, въ новѣйшее время мы видимъ почти во всѣхъ государствахъ стремленіе къ пріобрѣтенію писанной конституціи, которая должна содержать и утверждать въ одной граматѣ, на листѣ бумаги всѣ учрежденія и правительственные принципы страны.

Что за причина этого исключительнаго стремленія новѣйшаго времени?

Это также очень важный вопросъ, и, только отвѣтивъ на него, можно узнать, какъ надо браться за дѣланіе конституціи, что слѣдуетъ думать о сдѣланныхъ уже конституціяхъ и какъ относиться къ нимъ; словомъ, только этотъ отвѣтъ можетъ научить всему конституціонному искусству и всей конституціонной мудрости.

Итакъ, я спрашиваю: что за причина исключительнаго стремленія новѣйшаго времени къ дѣланію писанныхъ конституцій?

Ну, господа, въ чемъ же можетъ заключаться эта причина?

Очевидно, лишь въ томъ, что въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ силы, существующихъ въ странахъ, одержимыхъ этимъ стремленіемъ, произошла перемѣна. Не произойди перемѣны въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ силы общества, останься эти отношенія прежними, было бы невозможно и немыслимо, чтобы это общество почувствовало стремленіе къ новому уложенію. Оно осталось бы при прежнемъ; самое большее, что оно могло бы сдѣлать—это собрать въ одной граматѣ разсѣянныя части своей конституціи.

Какъ же происходитъ перемѣна въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ силы общества?

Представьте себѣ средневѣковое государство съ рѣдкимъ населеніемъ, какъ всѣ тогдашнія государства, съ королемъ и съ дворянствомъ, которому принадлежитъ большая часть земли. По малочисленности населенія лишь самая ничтожная часть его можетъ находиться въ распоряженіи у промышленности и торговли; большинство населенія нужно еще для обработки земли и производства необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ большая часть земли въ рукахъ дворянства, то населеніе это находитъ занятіе и работу у дворянства, къ которому состоитъ въ различныхъ отношеніяхъ вассаловъ, крѣпостныхъ, наслѣдственныхъ фермеровъ и т. д.; всѣ эти разнообразныя отношенія состоятъ въ разныхъ степеняхъ одного и того же—зависимости населенія отъ дворянства; эта зависимость заставляетъ населеніе служить дворянству вассальную службу и сражаться за него въ его войнахъ. На излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые дворянство получаетъ съ своихъ помѣстій, оно содержитъ въ своихъ замкахъ рейтаровъ и тѣлохранителей, вообще разныхъ солдатъ.

Противъ этой силы дворянства государь не имѣетъ въ сущности никакой дѣйствительной силы, кромѣ помощи тѣхъ дворянъ, которые добровольно — принудить ихъ ему трудно — откликнутся на его призывъ, да пожалуй еще ничтожную, нестоющую помина помощь немногихъ и слабонаселенныхъ городовъ.

Какова, полагаете Вы, будетъ конституція подобнаго государства?

Она необходимо будетъ такова, какою ее опредѣляютъ эти дѣйствительныя отношенія силы страны.

Конституція будетъ сословная; дворянство будетъ первымъ и во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ сословіемъ. Безъ его согласія государь будетъ не вправѣ предписать ни гроша налога; отношеніе его къ дворянству будетъ не иное, какъ primus inter pares, перваго между равными.

И дѣйствительно, господа, такова была въ средніе вѣка конституція Пруссіи и большей части другихъ государствъ.

Но теперь предположимъ, что населеніе все болѣе и болѣе умножается, промышленность и ремесла начинаютъ процвѣтать и этимъ даютъ необходимыя средства существованія для новаго возрастанія населенія, которое начинаетъ наполнять города. Капиталъ и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и городскихъ гильдій. Что теперь будетъ?

Возрастаніе городскаго населенія, независящаго отъ дворянства, интересы котораго даже противоположны его интересамъ, служитъ на пользу государю; съ возрастаніемъ населенія умножается число способныхъ носить оружіе, которыми государь можетъ располагать; горожане и промыслы, сильно терпящіе отъ безпрерывныхъ дворянскихъ усобицъ, должны желать гражданскаго спокойствія и безопасности, правильнаго правосудія въ странѣ, въ интересахъ торговли и производства; поэтому они охотно поддерживаютъ государя деньгами и людьми; на ихъ субсидіи государь можетъ, какъ только ему понадобится, набрать порядочную военную силу, далеко превосходящую силы дворянства. Тогда государи начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать власть дворянства, отнимать у него право вести войны; они будутъ разрушать его замки, если оно нарушаетъ законы страны; наконецъ съ теченіемъ времени промышленность дотого разовьетъ денежное богатство и населеніе страны, что дастъ государю возможность составить постоянную армію; государь двинетъ свои полки на собраніе чиновъ, какъ великій курфирстъ, и со словами Фридриха Вильгельма I: je stabilirai die Souveränetät wie einen rocher de bronze †) — уничтожитъ податную льготность дворянства и положитъ конецъ праву его утверждать налоги.

Вы видите, что здѣсь съ перемѣной реальныхъ отношеній силы происходитъ и перемѣна конституціи; возникаетъ абсолютная монархія.

Государю нѣтъ надобности писать новую конституцію; монархія слишкомъ практична, чтобы заниматься этимъ. У государя въ рукахъ реальное фактическое средство власти, постоянная армія, составляющая дѣйствительную конституцію этого общества; съ теченіемъ времени государь и его приверженцы сами высказываютъ это, называя страну «военнымъ государствомъ».

†) Обыкновенная манера этого короля выражаться смѣсью коверканнаго французскаго съ нѣмецкимъ; этою фразою онъ хотѣлъ сказать: утвержу самодержавіе, какъ бронзовую скалу. *Пр. перев.*

Дворянство далеко не имѣетъ возможности соперничать съ государемъ и давно должно было отказаться отъ самостоятельной военной силы. Оно забыло свое прежнее противодѣйствіе государю, забыло, что было равнымъ ему, переѣхало большею частью изъ своихъ замковъ въ резиденцію, получило тамъ пенсіи и жалованья и послужило къ усиленію блеска и значенія монарха.

Но промышленность и ремесла развиваются все болѣе и болѣе; съ ихъ процвѣтаніемъ населеніе все возрастаетъ и возрастаетъ.

Повидимому, этотъ прогрессъ попрежнему служитъ только на пользу государя, который можетъ вслѣдствіе этого постоянно увеличивать свою армію и такимъ образомъ достигаетъ наконецъ всемірнаго значенія.

Но развитіе гражданскаго общества достигаетъ наконецъ такихъ громадныхъ, такихъ гигантскихъ размѣровъ, что государь не можетъ даже посредствомъ арміи удерживаться въ равной прогрессіи съ этимъ возрастаніемъ силы гражданъ.

Чтобы пояснить это, вотъ Вамъ нѣсколько цифръ, господа.

Въ 1657 г., Берлинъ имѣлъ 20,000 жителей. Почти въ тоже время, въ эпоху смерти великаго курфирста армія простиралась до 24—30,000 человѣкъ.

Въ 1803 г., въ Берлинѣ было уже 153,070 жителей.

Въ 1819 г., шестнадцать лѣтъ спустя, въ Берлинѣ было уже 192,646 жителей.

Въ этомъ году армія простиралась до 137,639 человѣкъ; въ то время, какъ Вамъ извѣстно, въ силу закона сентября 1814 г., который теперь хотятъ отнять у насъ, ландверъ не причислялся къ арміи.

Вы видите, что армія была тогда вчетверо больше, чѣмъ при великомъ курфирстѣ.

Но число жителей Берлина возросло въ 9 разъ.

Но тутъ начинается еще болѣе необыкновенное развитіе.

Въ 1846 г. населеніе Берлина—всѣ цифры заимствованы мною изъ офиціальныхъ источниковъ—дошло до 389,308 жителей, почти до 400,000, стало быть, увеличилось съ 1819 г. вдвое. Въ 27 лѣтъ оно больше, чѣмъ удвоилось, а теперь, какъ Вамъ извѣстно, простирается до 550,000 жителей.

Армія же была въ 1846 г. силою только въ 138,810 человѣкъ. Стало быть, она почти не увеличивалась съ 1819 г., не участвуя ни на шагъ въ громадномъ развитіи гражданства †).

При такомъ громадномъ развитіи гражданство начинаетъ сознавать себя самостоятельной политической силой. Рука объ руку съ этимъ развитіемъ на-

†) Теперь это нѣсколько измѣнилось. Правда, населеніе продолжаетъ слѣдовать тому же громадному возрастанію и въ пять лѣтъ, съ 1862 г. по 1867 г., возросло съ 550,000 до 700,000. Но армія простиралась въ 1868 году до 977,262 человѣкъ (военное положеніе). Половина этого числа приходится на ландверъ, причисляемый теперь къ арміи (законъ 1814 г. уничтоженъ), но все-таки собственно полевой арміи подъ ружьемъ остается 511,826 человѣкъ по военному положенію, стало быть, составляетъ вмѣсто трети — двѣ трети берлинскаго населенія. *Пр. перев.*

селенія еще болѣе развивается общественное богатство; также сильно развиваются и науки и общее образованіе общественнаго сознанія, что, какъ мы видѣли, составляетъ также часть конституціи. Граждане начинаютъ разсуждать такъ: мы не хотимъ долѣе быть управляемой массой, неимѣющей собственной воли; мы хотимъ сами владычествовать, и надо, чтобы государь управлялъ нами и завѣдывалъ нашими дѣлами лишь такъ, какъ мы сами хотимъ.

Короче сказать, господа, реальныя фактическія отношенія силы, существовавшія въ странѣ, опять измѣнились. Другими словами: въ обществѣ наступило—18 марта 1848 г.!

Такимъ образомъ здѣсь случилось какъ разъ то, что въ началѣ нашего изслѣдованія мы предположили совершенно невозможнымъ примѣромъ. Мы предположили, что общество лишилось всѣхъ своихъ законовъ отъ пожара. На самомъ дѣлѣ они погибли не отъ пожара, а отъ бури.

«Das Volk stand auf,
Der Sturm brach los.»
«Народъ возсталъ, буря разразилась.»

Послѣ побѣдоносной революціи въ обществѣ частное право остается неприкосновеннымъ, но всѣ законы публичнаго права ниспровергнуты или сохраняютъ лишь временное значеніе, и надо дѣлать новые.

Такимъ образомъ представляется необходимость сдѣлать новую писанную конституцію, и вотъ король самъ сзываетъ въ Берлинъ національное собраніе, чтобы постановить, какъ сперва говорили, новую писанную конституцію или, какъ говорили потомъ, чтобы согласиться съ нимъ насчетъ ея!

Теперь спрашивается: какія условія нужны, чтобы писанная конституція была хороша и прочна.

Изъ всего нашего изслѣдованія очевидно слѣдуетъ, господа, что для этого необходимо одно условіе, а именно, чтобы писанная конституція соотвѣтствовала дѣйствительной, т. е. реальнымъ отношеніямъ силы, существующимъ въ странѣ. Какъ скоро писанная конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительной, между ними происходитъ столкновеніе, котораго ничѣмъ нельзя предупредить и въ которомъ писанная конституція, листокъ бумаги, неизбѣжно побѣждается дѣйствительною конституціею. дѣйствительными отношеніями силы, существующими въ странѣ.

Что же слѣдовало сдѣлать?

Слѣдовало прежде всего сдѣлать не писанную, а дѣйствительную конституцію, т. е. измѣнить существовавшія въ странѣ реальныя отношенія силы, измѣнить ихъ въ пользу гражданъ.

Правда, 18 марта показало, что сила націи уже теперь больше силы арміи. Послѣ долгаго и кроваваго боя войска были принуждены отступить.

Но я уже указалъ Вамъ на важную разницу между силой націи и силой арміи, по которой сила арміи, хотя собственно меньшая, оказывается однако съ теченіемъ времени болѣе дѣйствительной, чѣмъ превосходящая ее размѣромъ сила націи.

Разница эта, Вы помните, состоитъ въ томъ, что сила націи не организована, а сила арміи организована, ежедневно готова возобновить бой и потому должна оказаться съ теченіемъ времени болѣе дѣйствительною, удержать побѣду за собой противъ большей, но не организованной силы націи, которая сплотняется въ дружную массу лишь въ рѣдкія минуты чрезвычайнаго возбужденія.

Слѣдовательно, чтобы побѣда 18 марта не осталась необходимо безплодной для народа, надо было воспользоваться минутой ея для преобразованія организованной силы арміи такъ, чтобы она не могла болѣе служить государю средствомъ противъ націи.

Надо было напр. ограничить службу солдата шестимѣсячнымъ срокомъ. Этотъ срокъ признается первѣйшими военными авторитетами совершенно достаточнымъ, чтобы дать солдату полное военное обученіе, а съ другой стороны, онъ слишкомъ кратокъ, чтобы внушить солдату особый духъ касты; онъ настолько кратокъ, что требуетъ постояннаго возобновленія арміи изъ среды народа и этимъ превращаетъ ее изъ войска государя въ народное войско.

Далѣе слѣдовало постановить, чтобы всѣ низшіе офицеры, по крайней мѣрѣ до маіора включительно, не назначались свыше, а избирались самими войсками, чтобы офицерскія должности замѣщались не во враждебномъ народу духѣ, что такъ способствуетъ обращенію арміи въ слѣпое орудіе власти государя.

Слѣдовало также постановить, что всѣ проступки служащихъ въ арміи, кромѣ спеціально военныхъ, должны подлежать обыкновенному гражданскому суду; это научило бы армію считать себя общею съ народомъ, а не чѣмъ-то особымъ, какою-то отдѣльною кастою. Далѣе, всѣ пушки, которыя должны вѣдь служить только на защиту страны, слѣдовало отдать на храненіе городскимъ властямъ, избираемымъ народомъ, за исключеніемъ небольшого числа необходимыхъ для военныхъ упражненій. Часть этой артиллеріи слѣдовало употребить на образованіе артиллерійскихъ отрядовъ гражданскаго ополченія, національной гвардіи, чтобы такимъ образомъ доставить народу и пушки, эту столь важную часть конституціи.

Ничего этого не было сдѣлано весной и лѣтомъ 1848 г., и послѣ этого можно ли удивляться, господа, что въ ноябрѣ мартовская революція была обращена вспять и осталась безплодной? Разумѣется, нельзя, и реакція была необходимымъ послѣдствіемъ того, что въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы не было произведено никакой перемѣны.

Государямъ, господа, служатъ гораздо лучше, чѣмъ Вамъ! Слуги государей не краснобаи, какими часто бываютъ слуги народа. Это люди практическіе, инстинктивно понимающіе, въ чемъ суть. Господинъ фонъ-Монтейфель былъ плохой ораторъ. Но это былъ человѣкъ практическій! Разогнавъ въ ноябрѣ 1848 г. національное собраніе и выставивъ на улицѣ пушки, за что прежде всего принялся онъ? Не строчить ли реакціонную конституцію? Какъ бы не такъ! Онъ зналъ, что всегда успѣетъ сдѣлать это! Въ декабрѣ 1848 г. онъ даже самъ далъ Вамъ писанную конституцію, довольно либеральную. Съ

чего же началъ онъ въ ноябрѣ? Что было его первой мѣрой? О, Вы конечно помните: онъ началъ съ обезоруженія гражданъ. Видите господа, первымъ дѣломъ побѣдителя должно быть обезоруженіе побѣжденнаго, если онъ не хочетъ, чтобы борьба ежеминутно возобновлялась.

Наше изслѣдованіе, господа, вначалѣ было очень медленно, потому что мы искали прежде всего самого понятія конституціи. Быть можетъ, нѣкоторымъ оно показалось слишкомъ медленнымъ. Но зато Вы видѣли, что, какъ только мы нашли это понятіе, передъ нами одно за другимъ раскрылись поразительнѣйшія послѣдствія, и теперь мы знаемъ этотъ предметъ гораздо лучше, яснѣе и глубже, чѣмъ другіе, мало того, мы пришли къ выводамъ, большею частію совершенно противоположнымъ тѣмъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ, которыя господствуютъ въ общественномъ мнѣніи.

Разсмотримъ вкратцѣ еще нѣсколько такихъ выводовъ.

Я показалъ, что въ 1848 г. не было принято ни одной необходимой мѣры для измѣненія существовавшихъ въ странѣ фактическихъ отношеній силы и для превращенія арміи изъ преторіанцевъ государя въ народное войско.

Было впрочемъ сдѣлано одно предложеніе, клонившееся къ этой цѣли и представлявшее первый шагъ на этомъ пути. То было предложеніе Штейна принудить министерство издать приказъ по арміи, имѣвшій цѣлью заставить удалиться изъ нея всѣхъ реакціонерныхъ офицеровъ.

Но Вы помните, господа, что едва берлинское національное собраніе приняло это предложеніе, какъ вся буржуазія и половина страны завопили: національное собраніе должно дѣлать конституцію, а не разбирать дрязги съ министерствомъ, не должно тратить время на понуканія, не должно вмѣшиваться въ дѣла исполнительной власти; дѣлайте конституцію, только и знайте, что дѣлать конституцію, кричали они, точно загорѣлось!

Вы видите, господа, что вся буржуазія, цѣлая половина страны, говорившая это, не имѣла ни малѣйшаго понятія о сущности конституціи!

Сочиненіе писанной конституціи было самымъ не важнымъ дѣломъ; это можно было сдѣлать, еслибы понадобилось, въ трое сутокъ; это было послѣднее, о чемъ слѣдовало думать; сдѣланное преждевременно, оно было безполезнѣйшимъ дѣломъ.

Преобразовать дѣйствительныя, фактическія отношенія силы въ странѣ, вмѣшаться въ исполнительную власть, такъ вмѣшаться, такъ фактически преобразовать ее, чтобы она уже никогда не могла самостоятельно противостать волѣ націи—вотъ въ чемъ было дѣло, вотъ что слѣдовало сдѣлать, чтобы писанная конституція могла быть прочна.

Такъ какъ національное собраніе принялось за писанную конституцію слишкомъ рано, то ему не дали времени даже кончить ее и прогнали его при помощи не сломанныхъ орудій силы исполнительной власти.

Второй выводъ: Предположите, что національное собраніе не прогнали бы, что ему удалось бы выработать и постановить конституцію.

Измѣнило ли бы это хоть сколько-нибудь существенно теченіе дѣлъ?

Нисколько, господа, и доказательство этому представляютъ самые факты.

Хотя національное собраніе было прогнано, но король по оставленнымъ имъ бумагамъ самъ сочинилъ и провозгласилъ 5 декабря 1848 г. конституцію, въ главныхъ пунктахъ совершенно такую же, какой мы могли ожидать отъ національнаго собранія.

Эта конституція была не навязана королю, а провозглашена имъ самимъ, добровольно дана имъ послѣ побѣды. Казалось бы, что тѣмъ болѣе можно разсчитывать на ея прочность.

Нѣтъ, господа! Невозможно! Если у Васъ въ саду растетъ яблоня, и Вы повѣсите на нее ярлыкъ съ надписью: сіе есть фига—сдѣлается ли яблоня фигой? Нѣтъ, и хотя бы всѣ Ваши домочадцы, хотя бы всѣ жители околотка собрались и громогласно, торжественно поклялись и присягнули: сіе есть фига—дерево останется, чѣмъ было, и на будущій годъ это окажется, когда на немъ выростутъ яблоки, а не фиги.

Тоже и съ конституціей. Все равно, что ни написать на листкѣ бумаги, если написанное противорѣчитъ реальному положенію вещей, фактическимъ отношеніямъ силы.

Король сдѣлалъ добровольно на листкѣ бумаги 5 декабря 1848 г. много уступокъ, которыя всѣ противорѣчили дѣйствительной конституціи, реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, которую король удержалъ въ своихъ рукахъ неослабленною. Поэтому дѣйствительная конституція должна была шагъ за шагомъ пробиться чрезъ писанную съ такою же необходимостью, какая заключается въ законѣ тяготѣнія.

Такъ, хотя конституція 5 декабря 1848 г. была принята ревизіонным собраніемъ, король долженъ былъ произвести въ ней первое измѣненіе,—жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 г. Съ помощью палатъ, порожденныхъ этимъ избирательнымъ закономъ, были произведены въ конституціи дальнѣйшія существеннѣйшія передѣлки, пока въ 1850 г. король не присягнулъ ей, а какъ только присягнулъ, такъ тутъ-то и началось настоящее перекраиваніе! Съ 1850 г. не проходило года безъ передѣлокъ въ конституціи! Любое знамя, перебывавшее въ ста сраженіяхъ, меньше ободрано и протыкано, чѣмъ наша конституція!

Третій выводъ: Вамъ извѣстно, господа, что въ нашемъ городѣ есть партія, органомъ которой служитъ «Народная Газета», партія, [illegible] съ лихорадочнымъ трепетомъ за этотъ оборвышъ знамени, за [illegible]звѣченную конституцію, называющая себя поэтому «неизмѣнными приверженцами конституціи» и избравшая боевымъ кличемъ вопль: «Давайте держаться конституціи, ради бога конституція, караулъ, спасите, гибнетъ, погибаемъ!»

Какъ скоро Вы видите партію,—все равно, гдѣ и когда бы Вы ни видѣли ее, — которая издаетъ наподобіе боеваго клича трепетный вопль «держаться за конституцію»,—что заключите Вы изъ этого явленія, господа? Я спрашиваю Васъ, господа, не о намѣреніяхъ, не о желаніяхъ Вашихъ; я спрашиваю Васъ только о мысляхъ Вашихъ: что заключите Вы изъ этого явленія?

Не будучи пророками, Вы съ величайшей увѣренностью скажете при видѣ этого: *эта* конституція находится при послѣднемъ издыханіи; она уже все равно, что трупъ; еще нѣсколько лѣтъ, и ея не будетъ.

Причины просты. Когда писанная конституція соотвѣтствуетъ существующимъ въ странѣ фактическимъ отношеніямъ силы, подобныхъ воплей не раздается. Къ такой конституціи никто не подступится, и всякій побоится коснуться ея. Никому въ голову не войдетъ ввязываться съ ней въ борьбу, а еслибы кто ввязался, то ему пришлось бы плохо. Гдѣ писанная конституція соотвѣтствуетъ реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, тамъ невозможно подобное явленіе, чтобы какая-нибудь партія взяла себѣ особымъ боевымъ кличемъ «держаться за конституцію». Гдѣ подобный кличъ раздается, онъ самъ служитъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ признакомъ, что онъ—вопль страха; другими словами: онъ доказываетъ, что въ писанной конституціи есть нѣчто, противорѣчащее дѣйствительной конституціи, фактическимъ отношеніямъ силы. А гдѣ такое противорѣчіе существуетъ, тамъ писанная конституція погибла неизбѣжно, и никакой богъ, никакіе вопли не спасутъ ее!

Она можетъ измѣниться въ двѣ противоположныя стороны, вправо и влѣво, но уцѣлѣть не можетъ. Это доказываетъ всякому здравомыслящему человѣку самый вопль о сохраненіи ея. Она можетъ измѣниться вправо, если измѣненіе предприметъ правительство, чтобы согласовать писанную конституцію съ фактическими условіями организованной силы въ обществѣ. Или выступитъ неорганизованная сила общества и снова докажетъ свое превосходство надъ организованной. Въ такомъ случаѣ конституція будетъ измѣнена и отмѣнена влѣво, какъ въ первомъ—вправо. Но во всякомъ случаѣ она погибла.

Если Вы нетолько запомните и тщательно обдумаете рѣчь, которую я имѣлъ честь произнести передъ Вами, господа, но выведете изъ нея всѣ послѣдствія, какія вытекаютъ изъ нея, то пріобрѣтете все конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость. Конституціонные вопросы прежде всего вопросы силы, а не права; дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ существующихъ въ странѣ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы; писанныя конституціи тогда только имѣютъ значеніе и прочность, если представляютъ точное выраженіе дѣйствительныхъ отношеній силы въ обществѣ—вотъ принципы, которые Вамъ надо затвердить. Сегодня я объяснилъ Вамъ эти принципы, освѣтивъ ихъ только со стороны военной силы, потому что, вопервыхъ, время не позволяло мнѣ разобрать другія стороны, а вовторыхъ, войско есть рѣшительнѣйшая и важнѣйшая изъ организованныхъ силъ. Но Вы понимаете, что тоже относится къ организаціи служителей правосудія, чиновниковъ администраціи и т. д.; все это также организованныя средства силы общества. Запомните эту рѣчь, господа, чтобы знать, если когда-нибудь опять получите возможность самимъ дѣлать себѣ конституцію, какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, знать, что дѣло дѣлается не исписываніемъ бумаги, а измѣненіемъ фактическихъ отношеній силы.

А пока, для вседневнаго обихода, Вы сами, и безъ моихъ указаній, узнаете изъ этой рѣчи, изъ какой потребности проистекаютъ нынѣшнія военныя реформы, предлагаемыя правительствомъ, его требованіе увеличить армію. Вы сами укажете пальцемъ сокровенный источникъ этого предпріятія.

Господа! Служители монархіи—практики, а не краснобаи; но такихъ практическихъ служителей слѣдуетъ пожелать и Вамъ.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦІИ.

РѢЧЬ ВТОРАЯ (1863 г.).

Въ моей послѣдней рѣчи, господа, я объяснилъ Вамъ сущность конституціи, въ особенности прусской. Я показалъ Вамъ, какъ надо отличать дѣйствительную конституцію отъ писанной только, или листка бумаги, показалъ, что дѣйствительная конституція страны состоитъ въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы, существующихъ въ данномъ обществѣ; я показалъ Вамъ, что писанная конституція, если не соотвѣтствуетъ фактическимъ отношеніямъ организованной силы общества, если, слѣдовательно, она просто лишь листокъ бумаги,—должна необходимо, непремѣнно и безъ всякаго спасенія погибнуть подъ гнетомъ организованныхъ отношеній силы. Въ этомъ случаѣ, сказалъ я, непремѣнно будетъ одно изъ двухъ: или правительство предприметъ перемѣну конституціи, чтобы согласовать писанную конституцію съ фактическими отношеніями организованной силы общества, или поднимется неорганизованная сила общества, снова докажетъ свое превосходство надъ организованной и необходимо измѣнитъ влѣво отношенія организованныхъ силъ общества, т. е. самую сущность конституціи,—какъ правительство,—въ случаѣ своей побѣды, измѣняетъ ее въ той или другой формѣ вправо.

Въ заключеніе этой рѣчи я сказалъ, что если Вы хорошенько обдумаете ее и выведете изъ нея всѣ послѣдствія, какія она содержитъ, то пріобрѣтете полную конституціонную мудрость. Если это правда, если полное пониманіе принциповъ, развитыхъ въ этой рѣчи, и выводъ изъ нея всѣхъ послѣдствій этихъ принциповъ дѣйствительно даютъ полное конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость, то они должны также давать націи указаніе

вѣрнаго и единственнаго пути счастливо и побѣдоносно выйти изъ современнаго столкновенія.

Это указаніе мнѣ дѣйствительно очень легко дать Вамъ сегодня. На основаніи теоріи, которую я развилъ въ прошлый разъ передъ Вами, я опредѣлю теперь средства, необходимо и единственно ведущія къ побѣдоносному разрѣшенію столкновенія, возникшаго между правительствомъ и палатой.

Прежде чѣмъ приступимъ къ этому, взглянемъ еще разъ, какъ безусловна моя теорія сущности конституціи, которая послужитъ основаніемъ моимъ сегоднишнимъ изслѣдованіямъ.

Вамъ извѣстно, господа, до какой степени подвергается оспариванію каждое политическое положеніе противными политическими партіями. Въ томъ, что̀ одна партія признаетъ неоспоримо-истиннымъ, нѣтъ ничего, что не отвергалось бы другою съ такою же положительностью, какъ совершенно ложное. Подчасъ можно почти подумать—и слабые, скептическіе умы дѣйствительно приходятъ къ такому убѣжденію — что истины вовсе нѣтъ, нѣтъ единаго общечеловѣческаго разума. Мысль эта является, когда видишь, съ какимъ презрѣніемъ и ожесточеніемъ, съ какой послѣдовательностью и вѣрностью принципамъ одна партія преслѣдуетъ, какъ абсолютно ложное, то, что у другой партіи также рѣшительно считается абсолютно дознаннымъ, аксіомой. Въ этомъ рѣзкомъ диссонансѣ мнѣній, въ этомъ дисгармоническомъ, раздирательномъ концертѣ положеній, взаимно обличающихся во лжи, только наукѣ дано выводить по-временамъ на свѣтъ божій истину, столь ясную и разительную, что самыя противоположныя политическія партіи не могутъ не признать ее. Такіе случаи представляютъ поэтому всегда истинное торжество наукъ и сильнѣйшее доказательство справедливости теоріи. Одинъ изъ этихъ рѣдкихъ случаевъ представился теперь относительно конституціонной теоріи, которую я изложилъ Вамъ въ прошлой рѣчи.

Какъ Вамъ извѣстно, господа, я принадлежу къ партіи чистой и радикальной демократіи.

Несмотря на это, даже столь противоположный воззрѣніямъ моей партіи политическій органъ, какъ «Крестовая Газета», не могъ не признать напряженъ безусловной истины моей конституціонной теоріи. Въ № 132 (8 іюня 1862 г.) эта газета посвящаетъ моей теоріи передовую статью и въ ней называетъ ее по-своему: «рѣчь надѣлавшаго въ свое время шума революціонера изъ евреевъ, который съ вѣрнымъ инстинктомъ потрафилъ пальцемъ въ самую центру, но высказалъ еще не все, что знаетъ и думаетъ.»

Что касается послѣдняго обстоятельства, то я исправлю эту ошибку, если это ошибка. «Крестовая Газета» можетъ быть увѣрена, что я исполню ея предчувствіе и постепенно своевременно выскажу все, что знаю и думаю. Пока я только намотаю на усъ ея признаніе, что моя конституціонная теорія попала въ центру. Но нетолько «Крестовая Газета» — сами министры вполнѣ признали вѣрность моей теоріи.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ 12 сентября 1862 г. военный министръ, г. фонъ-Роонъ, объявилъ, что, по его воззрѣнію на исторію, главное содер-

жаніе исторіи, нетолько международной, но и внутренней исторіи каждаго отдѣльнаго государства, состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ, за силу и за распространеніе силы, между отдѣльными факторами.

Какъ видите, господа, это буквально та самая теорія, которую я изложилъ съ историческими подробностями въ моей рѣчи весной прошлаго года и потомъ обнародовалъ брошюрой.

Но замѣчательно, что въ той же рѣчи, нѣсколькими строками ниже предыдущаго, военный министръ говоритъ, что въ Берлинѣ внѣ палаты депутатовъ есть агитаторы, «обнаруживающіе — это его подлинныя слова — письменно и устно, въ печати и въ окружныхъ собраніяхъ, въ высшей степени дикія и, по моему мнѣнію, разрушительнѣйшія стремленія.»

Сколько мнѣ извѣстно, въ здѣшнихъ окружныхъ собраніяхъ кромѣ моей рѣчи не было произнесено ни одной, къ которой могло бы сколько-нибудь относиться выраженіе «разрушительнѣйшія стремленія»; притомъ министерская «Звѣздная Газета» тогда же неоднократно обвиняла мою рѣчь, которую я читалъ въ трехъ или четырехъ собраніяхъ, въ разрушительныхъ стремленіяхъ; принимая все это въ соображеніе въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что военный министръ только-что призналъ основную мысль моей рѣчи своимъ собственнымъ историческимъ воззрѣніемъ, я нахожусь вынужденнымъ принять на свой счетъ, на счетъ этой самой рѣчи моей о сущности конституціи, говоренной въ окружныхъ собраніяхъ, обвиненіе министра въ разрушительныхъ стремленіяхъ, насколько оно касается окружныхъ собраній.

Но я, съ своей стороны, вынужденъ назвать очень страннымъ и дикимъ, что г. военный министръ находитъ въ моихъ устахъ разрушительнымъ то самое историческое воззрѣніе, тѣ самыя слова даже, которыя въ своихъ устахъ считаетъ, конечно, весьма консервативными.

Впрочемъ, дѣло было еще гораздо страннѣе и диче. Военный министръ упрекалъ по этому поводу палату за то, что она не выразила порицанія этимъ стремленіямъ, обнаружившимся въ окружныхъ собраніяхъ и печати. Вопервыхъ, дѣло ли палаты выражать мнѣ порицаніе! Но всего уморительнѣе, что военный министръ не видитъ, что, приглашая палату выразить порицаніе историческому воззрѣнію, которое только-что призналъ своимъ собственнымъ, самъ приглашаетъ ее этимъ выразить порицаніе ему самому и его собственнымъ воззрѣніямъ!

Впрочемъ, это только потѣшные пустячки, за которые пусть военный министръ раздѣлывается, какъ знаетъ, съ логикой; къ нашему вопросу они не идутъ; для насъ важно только засвидѣтельствовать фактъ, что военный министръ принимаетъ развитую въ моей прошлой рѣчи теорію о сущности конституціи.

Да и самъ нынѣшній президентъ министровъ, г. фонъ-Бисмаркъ, былъ такъ любезенъ, что не оставилъ засвидѣтельствовать, притомъ отъ имени всего министерства, справедливость моего историческаго воззрѣнія.

Вамъ извѣстно, что утверждать или отвергать государственный бюджетъ есть начертанное въ конституціи неоспоримое и неоспариваемое право палаты.

Палата воспользовалась этимъ правомъ Г. фонъ-Бисмаркъ собственно не отрицаетъ, что это ея право. Но въ засѣданіи 7 октября онъ говоритъ: «Подобные вопросы права разрѣшаются обыкновенно не сопоставленіемъ противоположныхъ теорій, а постепенно государственно-правовой практикой.» Если разобрать эти слова внимательнѣе господа, то мы найдемъ въ нихъ всю мою теорію, правда, облеченную въ нѣсколько болѣе сдержанныя, болѣе стыдливыя выраженія, какъ приличествуетъ министру. Право палаты г. фонъ-Бисмаркъ переводитъ смягченнымъ выраженіемъ вопросъ права. Онъ не отрицаетъ — какъ тутъ отрицать? — что этотъ вопросъ права или это право написано на листкѣ бумаги, находится въ конституціи. Но, говоритъ онъ, въ томъ-то и штука, что оно находится только на листкѣ бумаги, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности рѣшается государственно-правовой практикой. Вы видите, что подъ смягченнымъ выраженіемъ «государственно-правовая практика», т. е. то, что дѣлается на самомъ дѣлѣ въ противоположность пустому праву или теоріи права, здѣсь разумѣется та сила, которую я назвалъ яснѣе реальными фактическими отношеніями силы. Переведя фразу г. фонъ-Бисмарка съ министерскаго на простой неприкрашенный языкъ, мы получимъ такое разсужденіе: Пускай, говоритъ онъ, листокъ бумаги за васъ. Но за меня реальныя фактическія отношенія организованной силы, армія, финансы, суды, а вѣдь рѣшаютъ-то дѣло въ послѣдней инстанціи, опредѣляютъ-то государственно-правовую практику эти реальныя фактическія отношенія силы.

Приговоръ этихъ реальныхъ фактическихъ отношеній силы, говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ депутатамъ, низводитъ ваше право на степень лишь вопроса права, и эти же отношенія силы служатъ мнѣ порукой, что вопросъ рѣшится не въ пользу вашего лишь теоретическаго, лишь бумажнаго права. «Постепенно, говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ, государственно-правовая практика рѣшитъ этотъ вопросъ права, т. е. это столкновеніе права лишь писаннаго съ желѣзными отношеніями силы, въ совершенно иномъ смыслѣ.» Тутъ у г. Бисмарка кроется еще другая мысль. Вы помните, какъ я объяснялъ въ прошлой рѣчи что такое конституціонный прецедентъ. Если я имѣю на что-нибудь, вопервыхъ, силу, то я имѣю на это, вовторыхъ, и право. Въ примѣръ я привелъ положеніе средневѣковаго французскаго государственнаго права: «народъ можетъ быть по произволу облагаемъ податями и повинностями.» Положеніе это, сказалъ я, было вначалѣ ничто иное, какъ простое выраженіе фактическихъ отношеній силы въ средневѣковой Франціи. Простой народъ былъ въ средніе вѣка дѣйствительно такъ безсиленъ, что его можно было по произволу обременять податями и повинностями; сообразно этимъ фактическимъ отношеніямъ силы всегда и поступали. Народъ всегда такъ и обременяли. Этотъ фактическій порядокъ давалъ такъ-называемые прецеденты, которые въ Англіи до сихъ поръ играютъ важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ. При фактическомъ обремененіи народа естественно часто и высказывался фактъ, что можно обременять народъ подобнымъ образомъ. Высказанный фактъ этотъ становился государственно-

правовымъ правиломъ, на которое потомъ въ подобныхъ случаяхъ ссылались.

Вы видите, господа, что г. фонъ-Бисмаркъ очевидно имѣетъ въ виду это самое, утверждая, что дѣло будетъ рѣшено въ совершенно другомъ смыслѣ постепенно государственно-правовою практикою.

Если теперь, въ 1862 г., — хочетъ сказать г. фонъ-Бисмаркъ,—у меня окажется сила провести это, то въ 1866 г., если я опять захочу увеличить армію противъ воли палаты, сдѣлать расходы, неодобренные палатой, у меня будетъ уже и право на это, потому что тогда я сошлюсь уже на нынѣшній случай, какъ на прецедентъ. Если въ 1870 г. мнѣ вздумается еще увеличить армію и расходовать финансы противъ воли палаты, я буду имѣть уже совершенно неоспоримое право на это, потому что буду имѣть возможность сослаться уже на два прецедента, на цѣлую «государственно-правовую практику».

Пріятнымъ намекомъ, что не въ послѣдній разъ увеличиваетъ онъ армію противъ воли палаты и дѣлаетъ запрещенные ею расходы, что и впредь намѣренъ онъ поступать подобнымъ образомъ; этимъ утѣшительнымъ обѣщаніемъ возвысить постепенно до значенія неоспоримой государственно-правовой практики произвольное увеличеніе арміи и расходовъ противъ воли палаты; этой восхитительной перспективой г. фонъ-Бисмаркъ хочетъ укротить палату и страну и утѣшить ихъ въ нарушеніи бумажной конституціи или пустой теоріи права.

Конечно, Вамъ можетъ это показаться страннымъ утѣшеніемъ. Вѣдь это все равно, какъ еслибы я Васъ билъ и старался склонить смирно переносить побои обѣщаніемъ, что и впредь буду отпускать Вамъ ихъ щедро и во множествѣ.

Но при всемъ томъ разборъ этихъ словъ г. президента министровъ доказываетъ Вамъ, что онъ глубокій и тонкій знатокъ сущности конституціи, что онъ вполнѣ держится моей теоріи, отлично знаетъ, что дѣйствительная конституція страны состоитъ не въ бумажномъ листкѣ, а въ фактическихъ отношеніяхъ силы, что на самомъ дѣлѣ она дѣлается, опредѣляется этими отношеніями, а не бумажнымъ правомъ; что онъ какъ нельзя яснѣе понимаетъ, что такое прецедентъ и какъ имъ можно потомъ воспользоваться.

Итакъ, господа, я могу обратить Ваше вниманіе и особенно вниманіе присутствующихъ здѣсь представителей полицейской власти на то обстоятельство, что я держусь принциповъ, признанныхъ всѣми высшими правительственными властями и не допускающихъ никакихъ опроверженій.

Не удивляйтесь, господа, встрѣчая столь ясное пониманіе въ правительственныхъ лицахъ. Я и въ прошлый разъ замѣтилъ Вамъ, что у государей отличные слуги, что слуги государей не краснобаи, но люди практическіе, обладающіе, при болѣе или менѣе выработанномъ теоретическомъ сознаніи, вѣрнымъ инстинктомъ сути дѣла.

Въ подтвержденіе вѣрности моей теоріи я могу привести не одни воззрѣнія правительственныхъ лицъ, а, что гораздо важнѣе, и самыя событія, подтверждающія ее самымъ разительнымъ образомъ.

Вы помните пророчество, которое я вывелъ какъ третій выводъ изъ моихъ основныхъ положеній, въ прошлой рѣчи моей.

Я объяснилъ Вамъ въ ней, какъ и почему наша нынѣшняя конституція необходимо находится въ агоніи и почему она должна въ скоромъ времени непремѣнно подвергнуться измѣненію вправо, правительствомъ, или влѣво, народомъ, но никакъ не можетъ долго остаться этою нынѣшнею опредѣленною конституціею. Я сказалъ тогда, что «наша конституція находится при послѣднемъ издыханіи; это уже почти трупъ; еще нѣсколько лѣтъ — и ея не будетъ». Я не хотѣлъ слишкомъ пугать Васъ и потому сказалъ: «еще нѣсколько лѣтъ».

Событія показали, что мнѣ слѣдовало бы сказать: еще нѣсколько мѣсяцевъ и ея не будетъ.

Самъ президентъ палаты депутатовъ, г. фонъ-Грабовъ, засвидѣтельствовалъ теперь, при закрытіи палаты, что конституція потерпѣла «тяжкій ущербъ».

Палата господъ — учрежденіе, составляющее часть этой самой конституціи — нарушила ее, утвердивъ государственный бюджетъ, отвергнутый второю палатою. Еще болѣе тяжко и важно нарушеніе, которому подверглась она со стороны самого правительства. Палата не согласилась на расходы на преобразованіе арміи, а правительство само говоритъ, что продолжаетъ расходовать деньги на этотъ предметъ послѣ постановленія палаты, какъ расходовало до него.

Итакъ, господа, логика оказалась права, — наша нынѣшняя конституція есть, по крайней мѣрѣ на время, конституція несуществующая въ дѣйствительности, и исторія несравненно превзошла срокъ, назначенный моимъ пророчествомъ.

Слѣдовательно, Вы можете вполнѣ довѣрять непоколебимой вѣрности моей конституціонной теоріи. Еслибы затѣмъ изъ этой теоріи, подтвержденной всѣми сторонами и самыми событіями, мы могли бы съ логической послѣдовательностью вывести средство склонить на свою сторону побѣду въ настоящемъ столкновеніи, то оно дало бы намъ бодрость и увѣренность, господа. Ибо мы могли бы быть тогда убѣждены, что это средство, какъ рожденное этою теоріею, точно такъ же безусловно вѣрно, какъ она сама, и должно навѣрное вести къ побѣдѣ.

Такое средство вытекаетъ изъ этой теоріи съ очевидностью, и оно-то составляетъ предметъ моей настоящей рѣчи.

Сперва поставимъ вопросъ какъ должно. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ важна прежде всего постановка вопроса, и ошибочный результатъ часто бываетъ слѣдствіемъ лишь ложной постановки вопроса.

Вопросъ нельзя ставить такъ: какъ сохранить и упрочить эту конституцію, т. е. именно вотъ эту опредѣленную январскую конституцію 1850 г., какъ она есть, во всей ея плоти и кожѣ? Если, господа, Вы поставите вопросъ такъ, то ни я, ни кто-нибудь другой не будетъ въ состояніи дать истинное рѣшеніе его, иное рѣшеніе, кромѣ мнимаго, какъ никто не въ состояніи придать

трупу гальванизаціей иной жизни, кромѣ призрачной. Достаточно будетъ одного примѣра. Каждому изъ Васъ ясно, что, напр., палата господъ, составляющая вѣдь также часть конституціи 1850 г. и пользующаяся своимъ положеніемъ, чтобы систематически противиться всѣмъ рѣшеніямъ палаты депутатовъ, не можетъ быть сохранена. Но уничтоженіе ея уничтожило бы нынѣшнюю конституцію въ одной изъ главныхъ основъ ея. Впрочемъ, вопросъ не представляется Вамъ такъ. Въ этомъ видѣ онъ вовсе и не интересуетъ Васъ. Какой интересъ можетъ имѣть для Васъ сохраненіе, напр. § 108: «Армія не присягаетъ конституціи»? Или чѣмъ заинтересованы Вы въ сохраненіи § 111, уполномочивающаго правительство объявлять въ извѣстныхъ случаяхъ осадное положеніе, прекращать дѣйствіе нѣсколькихъ самыхъ важнѣйшихъ статей конституціи и нарушать ненарушимѣйшія права человѣка и гражданина? Или можетъ ли интересовать Васъ сохраненіе § 106, запрещающаго судьямъ разбирать законность королевскихъ распоряженій? Или можетъ ли интересовать Васъ сохраненіе § 109, освобождающаго правительство отъ обязанности испрашивать разрѣшеніе палатъ для собиранія разъ уже существующихъ налоговъ? Всѣ эти частные примѣры доказываютъ, что и сохраненіе всей конституціи цѣликомъ, со всею плотью и кожей, также неинтересно для Васъ, какъ и невозможно. Въ настоящемъ столкновеніи для Васъ интересно только одно: отстоять безусловное, признанное даже въ этой конституціи право народа утверждать чрезъ своихъ представителей бюджетъ, право, которое существуетъ на вѣчныя времена и всегда войдетъ во всѣ будущія конституціи.

Итакъ, въ настоящемъ своемъ видѣ вопросъ представляется Вамъ такъ: какъ отстоять и осуществить право народа отвергать чрезъ своихъ представителей расходныя статьи государственнаго бюджета, которыя ему кажутся лишними?

Какъ въ прошлый разъ, я прибѣгну для рѣшенія этого вопроса къ косвенному методу; т. е., я покажу сперва, какія средства не годятся для этой цѣли, какъ бы ни казались они пригодны.

Если не ошибаюсь, многіе думаютъ, что палата должна въ слѣдующую сессію прибѣгнуть къ отказу въ налогахъ, чтобы принудить правительство возвратиться на законный путь.

Какъ ни хорошо, можетъ быть, кажется это средство въ теоріи, на дѣлѣ оно было бы совершенно ошибочно и никакъ не могло бы привести къ цѣли.

Вопервыхъ, надо сознаться, что въ виду § 109 нашей конституціи болѣе чѣмъ сомнительно, имѣетъ ли палата право отказывать правительству въ налогахъ, уже существующихъ.

Но предполагая даже за ней это право, предполагая, что въ нашей конституціи безъ обиняковъ признано право ея отмѣнять налоги,—средство это все-таки остается непрактичнымъ и безсильнымъ.

Отмѣна налоговъ сама по себѣ вовсе еще не есть возстаніе. Это есть законное средство, употребляемое въ Англіи и весьма рекомендуемое поклонниками англійской конституціи, принуждать правительство къ уступкамъ народной волѣ въ разныхъ спорныхъ вопросахъ. Одной угрозы альдерменовъ Сити

отмѣнить налоги было достаточно въ дѣлѣ билля реформы 1830 г., чтобы корона уступила и предприняла пополненіе палаты перовъ, чтобы побѣдить ея сопротивленіе.

Такъ какъ средство это пользуется большимъ авторитетомъ въ Англіи, то немудрено, что теперь и у насъ многіе помышляютъ о немъ подобно тому, какъ уже пытались прибѣгнуть къ нему въ ноябрскомъ столкновеніи 1848 г. Національное собраніе 1848 г., какъ учредительное собраніе, безспорно имѣло право постановить отмѣну налоговъ; но и его постановленіе осталось безплодно, не привело ни къ малѣйшему дѣйствительному успѣху, и точно такой же или еще болѣе жалкій результатъ имѣло бы теперь повтореніе этой мѣры вполнѣ или лишь частью.

Отчего зависитъ такая разница, господа, что мѣра, столь дѣйствительная въ Англіи, должна остаться столь недѣйствительною у насъ? Въ моей теоріи Вы тотчасъ найдете отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вамъ выяснится при этомъ случаѣ одно важное явленіе нашей прошлой исторіи—исходъ ноябрскаго столкновенія 1848 г., и выясненіе его предохранитъ Васъ отъ ошибокъ въ будущемъ.

Кто въ ноябрѣ 1848 г. считалъ дѣйствительной мѣрой отказъ въ налогахъ и кто теперь обращаетъ взоры къ этой мѣрѣ, упускаетъ изъ виду не болѣе ни менѣе, какъ анализированное въ моей теоріи коренное различіе между дѣйствительною и писанною только конституціями.

Въ Англіи дѣйствительное уложеніе страны конституціонно, т. е. въ этой странѣ перевѣсъ реальныхъ фактическихъ отношеній, даже организованной силы, на сторонѣ націи.

Въ такой странѣ легко выполнить отказъ въ налогахъ. Въ такой странѣ правительство не можетъ даже допустить, чтобы мѣра эта была испробована; оно принуждено уступить передъ одной угрозой. Кромѣ того, въ такой странѣ отмѣна податей употребляется нетолько для отраженія нападеній на существующую конституцію, а наоборотъ, какъ въ 1830 г. въ дѣлѣ о биллѣ реформы, для торжества благопріятныхъ народу нападеній на конституцію. Эта мѣра представляетъ тамъ организованное, законное, мирное средство подчинять правительство волѣ народа.

Иное дѣло у насъ въ Пруссіи, гдѣ и теперь, какъ въ ноябрѣ 1848 г., существуютъ лишь писанныя конституціи или обломки конституцій, а всѣ фактическія средства организованной силы находятся исключительно въ рукахъ правительства.

Чтобы ясно представить себѣ эту разницу, стоитъ только вообразить себѣ, каковы были бы въ дѣйствительности послѣдствія отмѣны налоговъ въ Англіи и въ Пруссіи. Итакъ, предположимъ, что англійская нижняя палата постановила бы отмѣну налоговъ, а правительство захотѣло бы все-таки взимать ихъ. Является ко мнѣ англійскій сборщикъ податей и хочетъ взыскать налогъ. Я противлюсь и выталкиваю его за дверь. Меня отдаютъ подъ судъ. Но англійскій судья оправдываетъ меня или даже еще похваляетъ за то, что я не потерпѣлъ беззаконнаго насилія. Сборщикъ является вторично съ солдатами.

Я продолжаю сопротивляться, собравъ своихъ друзей и домочадцевъ. Солдаты стрѣляютъ, ранятъ и убиваютъ. Я отдаю ихъ подъ судъ, и хотя они дѣйствовали по приказанію начальства, но въ Англіи это не прикрываетъ виновныхъ въ противозаконіи, и солдатъ просто на просто приговариваютъ къ смертной казни за убійство. Но предположимъ, что я съ друзьями отвѣчалъ на стрѣльбу солдатъ и также переранилъ и убилъ ихъ. Меня отдаютъ подъ судъ. Но попрежнему судъ оправдываетъ меня, такъ какъ я сопротивлялся беззаконному насилію.

Далѣе. Всѣ въ Англіи знаютъ, что дѣло приметъ подобный ходъ, и потому всѣ шансы побѣды заранѣе на сторонѣ народа; вслѣдствіе этого всѣ откажутся платить подати; всѣ сдѣлаютъ это, даже тѣ, кто безучастенъ къ вопросу или предпочелъ бы заплатить; однако они также откажутся, чтобы не заслужить ненависти согражданъ, которые навѣрно останутся побѣдителями, чтобы не прослыть сквернымъ гражданами.

Далѣе. Какое у правительства средство сломить сопротивленіе англійской нижней палаты и народа? Армія? Но со времени билля о Правахъ англійское правительство обязано ежегодно просить у парламента позволенія держать войско. Это позволеніе дается ему ежегодно и всегда только на годъ такъ-называемымъ mutiny-act'омъ, которымъ правительству дается вмѣстѣ съ тѣмъ также лишь на годичный срокъ дисциплинарная власть надъ солдатами для наказанія неповиновенія и бунта; безъ этого акта солдаты состояли бы подъ общими законами страны. Въ томъ же актѣ подробно опредѣляется количество войскъ, которое правительству позволяется держать, и жалованіе имъ. Что же вышло бы, еслибы англійское правительство вступило въ борьбу съ нижней палатой? Нижняя палата просто отказала бы по истеченіи года въ возобновленіи mutiny-act'а, и съ этой минуты правительство не могло бы ни держать войско, ни платить ему, ни подавлять бунтовъ, ни подвергать солдатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, и они могли бы разойтись и разошлись бы. Но этого мало. Я сказалъ, что въ mutiny-act'ѣ ежегодно опредѣляется количество войскъ, которое правительству позволяется содержать. Въ послѣдній годъ (1861—62) количество это для Великобританіи и всѣхъ ея колоній, за исключеніемъ Индіи, простиралось до 99,000 человѣкъ. По меньшей мѣрѣ половина этого количества нужна для многочисленныхъ колоній Англіи, гдѣ войска особенно необходимы. Стало быть, на Великобританію съ ея 25 милліонами народонаселенія приходится не болѣе 50,000 чел. войска. Вы понимаете, что съ такими силами нельзя отваживаться на борьбу съ націей.

Но далѣе переберемъ послѣдствія одно за другимъ.

Такъ какъ очевидно, что всѣ воспротивятся платежу налоговъ; такъ какъ это до безконечности умножаетъ шансы народа на побѣду, и безъ того стоящіе всѣ на его сторонѣ; такъ какъ наконецъ англійское правительство можетъ держать въ Англіи лишь очень слабое войско, то оно не можетъ разсчитывать даже на собственныхъ чиновниковъ, даже на тѣ средства власти, которыми дѣйствительно обладаетъ. Вы понимаете, господа, что въ подобномъ столкновеніи поведеніе массы чиновниковъ сообразуется главнымъ образомъ съ ихъ

мнѣніемъ о томъ, кто изъ двухъ, народъ или правительство, вѣроятнѣе останется побѣдителемъ. Какъ на биржѣ hausse и baisse опредѣляются, большею частью, мнѣніемъ большинства еще при самомъ открытіи биржи о томъ, что восторжествуетъ, hausse или baisse, такъ и поведеніе чиновниковъ, составляющее значительный элементъ побѣды, зависитъ отъ мнѣнія ихъ о томъ, чья возьметъ. Если чиновники думаютъ, что побѣдителемъ будетъ правительство, они ревностны, непоколебимы, энергичны. Если обстоятельства таковы, что они принуждены предполагать противное, то они оказываются нерѣшительны, несмѣлы, протестуютъ, измѣняютъ, перебѣгаютъ. Это весьма естественно. Одинъ не хочетъ рисковать своей шкурой, другой своею должностью и жалованіемъ, третій — соціальнымъ уваженіемъ. Такъ какъ положеніе англійскаго народа въ случаѣ отмѣны налоговъ нижней палатой было бы заранѣе такъ сильно, что всѣ были бы увѣрены въ его побѣдѣ, то англійскіе чиновники всей массой отпали бы отъ правительства, и тамошнему президенту министровъ пришлось бы для взысканія налоговъ самому съ нѣсколькими тварями изъ породы Катилинъ, которымъ нечего терять, стрѣлять изъ пушекъ и хватать людей за шиворотъ.

А такъ какъ дѣло въ дѣйствительности произошло бы въ Англіи подобнымъ образомъ, то тамъ едвали и можетъ дойти до приведенія въ исполненіе отмѣны податей, постановленной нижнею палатою. Правительство непремѣнно уступитъ раньше, и все кончится мирной демонстраціей.

Но представьте себѣ, что прусская палата постановила отказать правительству въ налогахъ, имѣя на это такое же неоспоримое право, какое имѣла въ ноябрѣ 1848 г.

Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство, не взирая на это постановленіе, принялось бы энергически взыскивать налоги. Положимъ, я вытолкалъ сборщика податей. Меня отдаютъ подъ судъ, и судьи, безъ всякихъ разсужденій и не обращая вниманія ни на какое краснорѣчіе, приговариваютъ меня къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за сопротивленіе правительственной власти. Сборщикъ податей является съ солдатами, которые стрѣляютъ въ меня и въ соединившихся со мной друзей моихъ, ранятъ и убиваютъ. Ни одна душа не можетъ привлечь этихъ солдатъ и этого сборщика къ суду. Они дѣйствовали по приказанію высшаго начальства, что прикрываетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности. Но я также стрѣлялъ въ сборщика и въ агентовъ вооруженной силы, ранилъ и убилъ нѣсколькихъ. Меня судятъ, осуждаютъ и казнятъ.

И такъ какъ это непремѣнно будетъ такъ, и такъ какъ, слѣдовательно, всѣ шансы заранѣе противъ лица, неплатящаго налога, то лишь очень небольшое число самыхъ твердыхъ и вѣрныхъ принципамъ людей рѣшится отказаться отъ взноса податей; и такъ какъ это опять такъ, то шансы правительства на побѣду снова тѣмъ болѣе возрастаютъ; и такъ какъ и это такъ, такъ какъ правительство не обязано у насъ ежегодно испрашивать парламентскаго позволенія на содержаніе опредѣленнаго количества войскъ и дисциплинарной власти надъ нимъ; такъ какъ, наконецъ, наше правительство располагаетъ арміей не

въ 50,000 человѣкъ противъ 25 милліоновъ населенія, какъ въ Англіи, а 140,000 войска (а по новой организаціи арміи даже 200,000 войска) †) противъ 18 милліоновъ населенія, — то громадное большинство его чиновниковъ останется вѣрно ему въ этомъ столкновеніи; итакъ vice versa каждое изъ этихъ обстоятельствъ обусловливается другими и обусловливаетъ ихъ; вслѣдствіе всего этого, отмѣна налоговъ не можетъ принести намъ ничего иного, кромѣ судебнаго преслѣдованія храбрѣйшихъ гражданъ, какъ въ 1848 г.

Изъ этого Вы видите, господа, что отмѣна налоговъ служитъ дѣйствительнымъ средствомъ только въ рукахъ народа, который имѣетъ на своей сторонѣ реальныя средства власти организованной силы, народа, который уже занялъ крѣпость; но это средство совершенно недѣйствительно въ рукахъ народа, который имѣетъ лишь писанную конституцію и только еще собирается завоевать крѣпость реальныхъ средствъ власти.

Теоретическое непониманіе этого погубило національное собраніе 1848 г. Для народа, который еще только собирается брать эту крѣпость, отмѣна налоговъ имѣла бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы предназначалась служить для произведенія общаго возстанія.

Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надѣюсь, никто не помышляетъ о возстаніи. По причинамъ, въ объясненіе которыхъ позвольте мнѣ не входить, оно теперь совершенно невозможно.

Иное было дѣло во время отмѣны налоговъ въ ноябрѣ 1848 г. При тогдашнемъ общемъ возбужденіи очень легко могло бы произойти общее возстаніе, и отмѣна налоговъ, постановленная національнымъ собраніемъ, имѣла бы разумный смыслъ, еслибы національное собраніе пошло послѣдовательно далѣе и декретировало бы національное возстаніе. Но, какъ Вамъ извѣстно, этому помѣшало изобрѣтеніе господиномъ фонъ-Унру пассивнаго сопротивленія прискорбной памяти.

Нынче же, когда, повторяю, мысль о возстаніи была бы въ виду обстоятельствъ минуты совершенно безсмысленна и когда такая попытка только доставила бы правительству легкое торжество, — нынче отмѣна налоговъ была бы средствомъ противнымъ цѣли.

Стало быть, его надо оставить въ покоѣ; возстаніемъ въ настоящую минуту также ничего не подѣлаешь. Что же остается? Неужели у насъ нѣтъ уже никакихъ средствъ?

Есть средство, господа! Палата обладаетъ средствомъ непреодолимой силы и дѣйствительности, средствомъ, которое безусловно сломитъ сопротивленіе правительства.

Я представлю Вамъ его въ формулѣ дотого простой, что именно по этой чрезвычайной простотѣ она, можетъ быть, покажется Вамъ непонятной; сред-

---

†) Въ настоящее время это отношеніе еще неблагопріятнѣе. Пруссія располагаетъ въ сѣверо-германскомъ Союзѣ 511,000 чел. войска (не считая ландвера и гарнизоновъ) противъ 29 милліоновъ населенія. *Пр. перев.*

ство состоитъ просто на просто въ томъ, чтобы палата заявила то, что есть!

Чтобы понять, что это значитъ, чтобы познать глубину, скрывающуюся подъ этою простою формулою, мы должны возвратиться къ вопросу:

Что такое лжеконституціонализмъ и какъ онъ возникаетъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть очень ясенъ Вамъ изъ моей прошлой рѣчи.

Я показалъ вамъ въ ней, что пока землевладѣніе и земледѣльческое производство было главнымъ источникомъ общественнаго богатства и пока эта главная сила находилась фактически въ рукахъ земледѣльческаго дворянства, конституція по необходимости была сословная, а монархія — очень ограничена.

Далѣе, я показалъ Вамъ, подтверждая свои выводы на каждомъ шагу исторіей, какъ съ возрастаніемъ населенія и связаннымъ съ этимъ обстоятельствомъ усиленіемъ промышленнаго, гражданскаго производства начинается отклоненіе взаимныхъ отношеній силы въ пользу монархіи, такъ что, когда промышленное буржуазное производство дѣлается преобладающимъ источникомъ общественнаго богатства, водворяется абсолютная монархія, а дворянство ниспадаетъ на степень безсильнаго украшенія престола.

Наконецъ, втретьихъ, я показалъ Вамъ, какъ при дальнѣйшемъ развитіи промышленности и ремеслъ, развитіи, принявшемъ громадные размѣры и обусловившемъ все болѣе и болѣе сильное возрастаніе народонаселенія, наступило время, когда монархія не могла даже съ помощью регулярныхъ войскъ удержаться въ равновѣсіи съ этимъ усиленіемъ гражданства; какъ гражданство, почувствовавъ себя истиннымъ обладателемъ общественной силы, захотѣло и располагать ею по своей волѣ, и какъ въ обществѣ, реальныя отношенія силы котораго такъ измѣнились, необходимо наступило 18 марта 1848 г.

Но я показалъ Вамъ, господа, въ моей рѣчи и то, какимъ образомъ и почему, при всемъ превосходствѣ общественной силы гражданства и даже при побѣдоносномъ обнаруженіи этой силы 18 марта 1848 г., борьба еще не кончилась и не могла еще кончиться. Я показалъ Вамъ, что при всемъ превосходствѣ общественной силы гражданства, сила эта неорганизована, тогда какъ сила, которой располагаетъ правительство, хотя гораздо меньше, но организованна, стало быть, дисциплинирована и ежеминутно готова возобновить бой; такимъ образомъ я показалъ Вамъ, что если гражданство не поспѣшитъ воспользоваться минутой своей побѣды, чтобы взять въ свои руки и организованную силу, абсолютизмъ непремѣнно улучитъ минуту побѣдоносно возобновить бой и надолго сдержать силу гражданства, несмотря на ея превосходство.

Такъ и случилось у насъ, и всѣ Вы помните время этого событія: контръреволюцію ноября 1848 г.

Что же станетъ дѣлать абсолютизмъ послѣ подобной побѣдоносной контръреволюціи?

Абсолютизмъ хочетъ продолжаться. Это правда. Но значитъ ли это, что онъ хочетъ продолжаться въ старой формѣ, въ видѣ голаго, открытаго абсо-

лютизма? Разобьетъ ли онъ конституцію и будетъ ли царствовать прежнимъ абсолютнымъ образомъ, вовсе безъ конституціи? Нѣтъ, онъ не такъ глупъ! Его прежнее пораженіе, у насъ 18 марта, показало ему, что неорганизованная общественная сила гражданства въ сущности далеко превосходитъ его; что хотя онъ на время побѣдилъ ее въ благопріятную минуту дисциплиной организованной силы, но гражданство попрежнему осталось, правда, неорганизованной, однако все-же превосходной общественной силой; что, слѣдовательно, ежеминутно можетъ произойти новое столкновеніе, въ которомъ онъ, абсолютизмъ, будетъ снова побѣжденъ и навѣки погибнетъ, если на этотъ разъ его пораженіемъ воспользуются лучше!

Сознавъ превосходство общественной силы гражданства, абсолютизмъ получилъ смутное понятіе о томъ, что, какъ человѣкъ можетъ родить только человѣка же, обезьяна—только обезьяну же, вообще всякое существо можетъ произвести только подобное же ему, по его образу и подобію созданное существо, такъ и неорганизованная элементарная сила, господствующая въ обществѣ, воспроизводитъ организованную силу — т. е. правительственную форму — подобною себѣ и сотворенною по своему образу и подобію.

Все это абсолютизмъ понимаетъ болѣе или менѣе смутно. Я сказалъ Вамъ, что правительственные лица — люди практическіе и обладаютъ вѣрнымъ инстинктомъ сути дѣла. Про это говоритъ еще старая, чрезвычайно вѣрная поговорка: кому Богъ даетъ должность, тому даетъ и разумъ. Дѣйствительно, должность умудряетъ человѣка самымъ положеніемъ, въ которое ставитъ его; она даетъ ему условіями этого положенія пониманіе такихъ вещей, которыхъ онъ прежде, можетъ быть, не понималъ. Это вѣрно и необходимо, хотя болтуны не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о необходимости этого.

Еще старый дипломатъ Талейранъ сказалъ: On peut tout faire avec les bayonnettes, excepté s'y asseoir — «со штыками можно все сдѣлать, только сѣсть на нихъ нельзя». Вы понимаете, почему, господа. Штыки воткнутся въ сѣдалищныя мяса. Этой остротой Талейранъ хотѣлъ выразить мысль, что въ данную минуту штыками можно надѣлать, чего угодно, но нельзя сдѣлать изъ нихъ прочнаго основанія.

Итакъ, абсолютизмъ, какимъ бы неподатливымъ ни представлялся, не находитъ однако удовольствія въ существованіи вѣчно сомнительномъ, состоящемъ въ вѣчномъ открытомъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силы, ежеминутно подвергнутомъ риску, что лавина этихъ отношеній обвалится ему на грудь и раздавитъ его.

Ему остается одно средство,—какъ можно дольше продлить лжеконституціонализмъ.

Вы знаете, что это за штука.

Абсолютизмъ издаетъ конституцію, въ которой низводитъ право народа и его представителей на ничтожнѣйшій и необезпеченный ни единой дѣйствительной гарантіей минимумъ; этимъ онъ заранѣе отнимаетъ у народныхъ представителей частью возможность, частью охоту занять противъ него самостоятельное положеніе. Каждую попытку депутатовъ провести противъ правитель-

ства волю народа онъ клеймитъ именемъ «парламентскаго режима», какъ будто парламентскій режимъ не составляетъ въ дѣйствительности одинъ сущность всякаго истинно-конституціоннаго правительства. Наконецъ онъ предоставляетъ себѣ, про себя, считать несостоявшимся всякое постановленіе народнаго представительства, несогласное съ волей правительства, спокойно сохраняя однако всегда внѣшнюю выставку конституціонныхъ формъ.

Какъ скоро абсолютизмъ сдѣлалъ этотъ шагъ, принялъ форму лжеконституціонализма, онъ пріобрѣлъ большую выгоду и на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе.

Еслибы онъ хотѣлъ продолжать существованіе въ своей старой, откровенной формѣ, ему нельзя было бы разсчитывать на долгую жизнь. Открытое, признанное противорѣчіе его съ общественнымъ строемъ сдѣлало бы его низверженіе настоятельнымъ, безсмѣннымъ паролемъ всего общества.

По самой природѣ вещей все общество необходимо сдѣлалось бы ничѣмъ инымъ, какъ однимъ обширнымъ заговоромъ на низверженіе своей правительственной формы. Такого положенія не выдержать долго ни одному правительству! Правительство можетъ въ благопріятную минуту съ успѣхомъ собрать свои войска и предпринять побѣдоносное нападеніе, побѣдоносную контръ-революцію. Положеніе его уже затруднительнѣе, если ему приходится не нападать, а защищаться. Въ этой борьбѣ правительства съ народомъ выгода всегда на сторонѣ нападающаго, по той причинѣ, что ему принадлежитъ выборъ благопріятной для него минуты. Вотъ почему въ нашемъ столѣтіи почти всегда удавались засады правительства противъ народа, но зато по той же причинѣ имѣли успѣхъ и всѣ почти революціи народа.

Однако правительство можетъ съ успѣхомъ отразить нападеніе народа, ожидаемое заранѣе на извѣстный срокъ, напр. въ теченіе мѣсяца или нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но правительству чрезвычайно трудно держаться постоянно на военной ногѣ въ теченіе большихъ періодовъ времени въ ожиданіи нападенія, которое воспослѣдуетъ, неизвѣстно когда, можетъ быть, въ самую неблагопріятную минуту, среди самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ другаго рода. Подобнаго положенія правительство не можетъ долго выдержать и потому не можетъ и принять его.

Но абсолютическое правительство можетъ выиграть чрезвычайно много, если облечется въ пустую внѣшность конституціонализма и подъ нею будетъ продолжать прежній абсолютизмъ. Тутъ однородность, повидимому, успѣшно водворенная, формы правленія съ господствующимъ въ обществѣ сословіемъ можетъ усыпить и удовлетворить послѣднее. То, чего еще предстоитъ добиваться, кажется уже достигнутымъ. Этотъ обманъ успокоиваетъ, ослабляетъ и притупляетъ борьбу, частью удовлетворяетъ, частью повергаетъ въ индифферентизмъ народныя массы. Съ этихъ поръ къ ниспроверженію правительства стремятся только силы, дѣйствующія въ обществѣ безсознательно, а не собственное сознаніе этого общества.

Лжеконституціонализмъ есть, стало быть, вовсе не пріобрѣтеніе на-

рода, а напротивъ того, пріобрѣтеніе абсолютизма, упрочивающее его существованіе. Чрезвычайно важно, господа, замѣтить и помнить это.

Лжеконституціонализмъ состоитъ, слѣдовательно, какъ Вы видѣли, въ томъ, что правительство утверждаетъ то, чего нѣтъ; что оно объявляетъ государство конституціоннымъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности оно абсолютно; онъ состоитъ во лжи.

Абсолютное, несомнѣнно побѣдоносное средство противъ этой лжи и ея силы необходимо состоитъ въ ея обличеніи; оно состоитъ просто въ разсѣяніи этого обмана, въ воспрепятствованіи дальнѣйшему дураченію и въ пресѣченіи такимъ образомъ вліянія этой поддѣльной формы на жалкій людъ, который она сбиваетъ съ толку.

Оно состоитъ въ вынужденіи правительства сбросить личину и явиться передъ всѣмъ свѣтомъ формально тѣмъ, что оно въ сущности есть: правительствомъ абсолютнымъ.

Палата, сказалъ я, должна заявить то, что есть, и въ этомъ состоитъ безусловно побѣдоносное средство ея противъ правительства.

Это значитъ, что тотчасъ по собраніи своемъ палата должна издать рѣшеніе, которое я для большей ясности формулирую здѣсь примѣрно такъ.

Палата тотчасъ по собраніи своемъ постановляетъ слѣдующее:

«Принимая во вниманіе, что палата отвергла бюджетъ расходовъ на новую организацію арміи; принимая во вниманіе, что, несмотря на это, правительство по собственному сознанію продолжаетъ со дня этого рѣшенія расходовать на этотъ предметъ попрежнему; принимая во вниманіе, что, пока это продолжается, прусская конституція, воспрещающая дѣлать расходы, неодобренные палатой, — ложь; принимая во вниманіе, что при такихъ обстоятельствахъ, пока продолжается подобное положеніе дѣлъ, со стороны представителей народа было бы недостойно, и составляло бы даже прямое соучастіе ихъ въ нарушеніи конституціи правительствомъ, помогать правительству сохранять внѣшній видъ конституціоннаго порядка дальнѣйшимъ засѣданіемъ въ палатѣ и приниманіемъ участія въ правительственныхъ дѣлахъ, — палата постановляетъ прекратить свои засѣданія на неопредѣленное время, а именно до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказательства, что прекратило неутвержденные расходы.»

Какъ скоро палата постановитъ это, правительство будетъ безусловно побѣждено. Объяснить это легко на основаніи предыдущаго.

Палата имѣетъ полное право сдѣлать это постановленіе; ни прокуроръ, ни суды не могутъ придраться къ ней за это.

Правительству остается, стало быть, только слѣдующій простой выборъ: или уступить, или не уступать. Если оно не захочетъ уступить, то ему придется рѣшиться править наголо абсолютнымъ правительствомъ. Правда, оно могло бы прибѣгнуть къ третьей мѣрѣ — распустить патату. Но результатъ этого былъ бы такъ мимолетенъ, что объ этомъ почти не стоитъ говорить. Новые депутаты были бы вѣдь избраны съ тѣмъ же паролемъ, и новая палата тотчасъ постановила бы то же рѣшеніе.

Остается, слѣдовательно, попрежнему, что правительству пришлось бы рѣшиться или уступить, или на вѣчныя времена управлять безъ палаты.

Оно не можетъ, господа, избрать второе. На это есть тысячи причинъ.

Взгляните, господа, на Европу. Куда Вы ни взглянете, всюду увидите государства съ конституціонными формами, за единственнымъ исключеніемъ Россіи, гдѣ и общественныя условія совершенно иныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Самъ Наполеонъ не могъ обойтись безъ конституціонной внѣшности. Онъ далъ себѣ палату депутатовъ.

Уже одинъ фактъ этой повсемѣстности конституціонныхъ формъ доказываетъ Вамъ, что въ современныхъ условіяхъ европейскихъ государствъ заключается необходимость, въ силу которой въ нихъ нельзя править безъ этихъ формъ. А моя теорія показала Вамъ ясно причину этого факта въ общественныхъ условіяхъ населенія и производства.

Взгляните на Австрію, которая представляетъ разительнѣйшее подтвержденіе сказаннаго мною. Послѣ вооруженной контръ-революціи 1849 г. конституція была уничтожена въ Австріи. Не потому, чтобы правительство Австріи было хуже и реакціоннѣе нашего! Нѣтъ, вовсе не потому: австрійское правительство было только наивнѣе, меньше ухищренно, чѣмъ наше. Поэтому достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы австрійское правительство нашло нужнымъ совершенно добровольно возстановить конституціонную форму, безъ всякаго возстанія, безъ всякаго понужденія со стороны народа. Практика научила австрійское правительство уму разуму, и оно поняло, что безъ конституціонной внѣшности, откровенно являясь голымъ абсолютизмомъ, ему придется вести очень сомнительное существованіе и очень скоро разлетѣться въ дребезги.

Посудите же, какъ невозможно, чтобы Пруссія, именно Пруссія, при своемъ сильномъ среднемъ сословіи, одна во всей Европѣ существовала безъ конституціонныхъ формъ.

Подумайте далѣе, какъ слабо оказалось бы прусское правительство противъ другихъ, какъ невозможно сдѣлалось бы для него сохранить свое нынѣшнее дипломатическое положеніе, какъ при каждомъ внѣшнемъ столкновеніи ему приходилось бы сносить унизительнѣйшіе и нестерпимѣйшіе щелчки отъ другихъ правительствъ, еслибы оно открыто стало въ такое постоянное противорѣчіе съ своимъ народомъ и такимъ образомъ не могло бы болѣе ни передъ кѣмъ скрывать своей внутренней слабости.

Да не подумаетъ кто-нибудь изъ Васъ, господа, что мысли эти непатріотичны. Вопервыхъ, въ политикѣ, какъ въ естествознаніи, необходимо изслѣдовать все, что существуетъ, и стало-быть принимать въ соображеніе всѣ вліяющія силы. Антагонизмъ государствъ, ихъ противорѣчіе другъ другу, ихъ взаимная зависть, ихъ дипломатическія столкновенія—все это составляетъ вліяющую силу, которую необходимо брать въ соображеніе. Дѣло не въ томъ, хорошо все это или дурно, а въ томъ, что это такъ есть. Вовторыхъ, господа, въ историческихъ изслѣдованіяхъ въ тиши моего кабинета я неоднократно имѣлъ случай уяснить себѣ съ совершенною точностью ту великую

истину, что невозможно даже разсчитать, на какой ступени варварства коснѣли бы еще мы и весь міръ, еслибы взаимная зависть и вражда правительствъ не составляли дѣйствительнаго средства принуждать ихъ къ внутреннему прогрессу! Наконецъ, господа, вѣдь существованіе германской націи не настолько сомнительно, чтобы пораженіе ея правительствъ представляло для него дѣйствительную опасность. Если Вы изучали исторію подробно и съ отчетливымъ пониманіемъ, то должны были убѣдиться, что нашъ народъ совершилъ столь громадные и великіе культурные труды, пролагающіе путь остальной Европѣ и служащіе ей на немъ руководящимъ свѣточемъ, что въ необходимости и неистребимости нашего національнаго существованія сомнѣваться невозможно. Слѣдовательно, еслибы мы были вовлечены въ большую внѣшнюю войну, то въ ней, конечно, могли бы погибнуть разныя наши правительства—саксонское, прусское, баварское; но, какъ фениксъ изъ пепла, возсталъ бы изъ ихъ развалинъ неистребимый, вѣчный германскій народъ — а вѣдь для насъ важенъ только онъ!

Отъ внѣшнихъ обстоятельствъ перенесите взоръ на внутреннія — на финансовое положеніе. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1841 г., въ абсолютномъ государствѣ, бюджетъ Пруссіи простирался до 55 милліоновъ.

Теперь, въ 1863 г., бюджетъ правительства составляетъ не менѣе 144 милліоновъ. Въ 20 лѣтъ бюджетъ, т. е. бремя налоговъ, утроился.

Правительство, вынужденное удовлетворять подобному бюджету, правительство, которое такимъ образомъ неотступно осаждаетъ карманъ каждаго гражданина, должно соблюдать по крайней мѣрѣ видъ, что имѣетъ на это согласіе всѣхъ и каждаго.

Патріархальнаго абсолютизма было достаточно для прежнихъ простыхъ патріархально ограниченныхъ отношеній, для бюджета въ 55 милліоновъ, изъ которыхъ притомъ больше пятой части доставлялось доходомъ съ коронныхъ имуществъ; но бюджетъ въ 144 милліона уже нельзя долго взыскивать въ Пруссіи простымъ указомъ.

Но главное, господа, вспомните положенія, выведенныя выше изъ нашей теоріи. Обстоятельства, которыя мы только-что разсмотрѣли, суть лишь частныя реальныя слѣдствія этихъ положеній. Вспомните, что, какъ я доказалъ, правительству невозможно вступить въ явное и откровенное противорѣчіе съ общественнымъ порядкомъ. Еслибы правительство захотѣло, во что бы то ни стало, сдѣлать это, рѣшилось бы править самодержавно безъ палаты, то этотъ поступокъ палаты — заявленіе того, что есть — принудивъ правительство откровенно признать себя абсолютнымъ, убилъ бы иллюзію, сорвалъ бы личину, просвѣтилъ бы несмыслящихъ, ожесточилъ бы равнодушныхъ къ болѣе тонкимъ различіямъ. Съ этой минуты вся буржуазія была бы увлечена въ постоянную, непрерывную борьбу противъ правительства, все общество превратилось бы въ организованный заговоръ противъ него, и правительству оставалось бы только заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ узнать часъ своей гибели.

Вотъ какая сила въ заявленіи того, что есть! Это могучее политиче-

ское средство! Фихте въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельствуетъ, что «заявленіе того, что есть», было любимымъ средствомъ перваго Наполеона, и дѣйствительно, онъ обязанъ ему большею частію своихъ успѣховъ.

Всякое великое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается.

Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его.

Дѣйствительно, господа, мнѣ слѣдовало бы, собственно говоря, явиться въ этой рѣчи обвинителемъ тяжкихъ политическихъ преступленій, еслибы я не предпочиталъ ради согласія воздержаться отъ этого. Въ послѣднее время, въ такъ-называемой новой эрѣ, отъ самаго начала ея, система руководителей народной партіи — хотя я никого не называю по имени, но Вы, конечно, понимаете, что я имѣю въ виду «Народную Газету» — состояла ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ заявленіи того, чего нѣтъ! Они полагали, что необходимо скрывать, замазывать, прикрывать; надо—разсуждали они—до тѣхъ поръ твердить правительству, что оно конституціонно, пока оно само повѣритъ этому! Стало быть они хотѣли обморочить правительство. Но всякій реальный успѣхъ въ жизни и въ исторіи достигается лишь реальной переработкой и передѣлкой, но никакъ не морочеміемъ! Эти нищіе духомъ не видѣли, что, сами того не желая, сдѣлались правительственными агентами, какъ по средству своему, такъ и по дѣйствію этого средства. По средству, потому что это—то самое средство, которое, какъ мы видѣли, употребляетъ абсолютизмъ, прикрывающійся поддѣльнымъ конституціонализмомъ — заявленіе того, чего нѣтъ. По дѣйствію этого средства, потому что эти нищіе духомъ не видѣли, что ложь, повторяемая ежедневно въ ихъ газетахъ, будто правительство конституціонно, проповѣдуется передъ народомъ и что это ежедневное повтореніе доставляетъ ей наконецъ вѣру въ народѣ. Эти нищіе духомъ не понимали, что своею ложью только ободряютъ правительство шагъ за шагомъ идти дальше по очищенному ему пути лжеконституціонализма и дойти наконецъ до требованія военныхъ преобразованій. Правительство вѣдь само удивлялось тому кредиту и той репутаціи, которые они ему стряпали, тому ореолу «новой эры», который они нахлобучивали ему на голову. Эти нищіе духомъ вѣчно кричатъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ про безнравственность, а сами не поняли, что ложь — средство глубоко безнравственное, могущее служить въ политической борьбѣ развѣ правительственному макіавеллизму, но никакъ не интересамъ народа.

Эти нищіе духомъ должны нести значительную долю отвѣтственности за то, что дѣла дошли до нынѣшняго положенія.

Кто, какъ не они, въ своихъ передовыхъ статьяхъ, кричали: «министры—честные люди! Честные люди! Надо вѣрить министрамъ!» и этими криками побудили палату согласиться на единовременную выдачу денегъ на военныя преобразованія лжеконституціонному министерству Шверина и Патова, что въ то время было гораздо легче отказать. Стало быть, ихъ вина, что преобразованіе арміи было затѣяно, потому что безъ единовременной выдачи де-

негъ это было бы невозможно, и слѣдовательно, ихъ вина, что мы очутились теперь въ этомъ тяжкомъ столкновеніи.

Но, господа,—миръ прошлому!

Зато тѣмъ строже, тѣмъ ревнивѣе должны мы наблюдать въ настоящей тяжкой борьбѣ, чтобы народъ не былъ снова обмороченъ, на счетъ своего права, политикой лживаго утаиванія.

Я объяснилъ Вамъ средство, которое должно безусловно и навѣрно доставить народу побѣду. Хлопочите объ этомъ. Между депутатами и общественнымъ мнѣніемъ необходимо взаимнодѣйствіе. Сдѣлайте найденное нами средство лозунгомъ агитаціи. Распространяйте его, отстаивайте его въ кружкахъ Вашихъ знакомыхъ, въ публичныхъ и частныхъ мѣстахъ, всюду, гдѣ только можете. Считайте всякаго несогласнаго на это средство сознательнымъ или безсознательнымъ врагомъ праваго дѣла.

Кромѣ этого средства у палаты нѣтъ никакого. Какое же иное? Очевидно, что было бы самой жалкой и нелѣпой иллюзіей думать, что палата можетъ побѣдить правительство, продолжая засѣдать и отвергать другія, хотя бы всѣ, требованія министерства. Если правительство попираетъ ногами и считаетъ недѣйствительнымъ, несуществующимъ, игнорируетъ первый безспорно конституціонный отказъ палаты, то возможно ли, чтобы второй, третій, четвертый отказы ея имѣли больше силы? Напротивъ того, правительство только привыкаетъ считать недѣйствительными неудобныя для него рѣшенія палаты. Нетолько правительство, и народъ привыкнетъ къ этому. Пріятная привычка презирать рѣшенія палаты водворится въ народѣ почти еще сильнѣе, чѣмъ въ правительствѣ и — замѣтьте — съ полнымъ правомъ. Палата, соглашающаяся продолжать разсуждать и дѣйствовать заодно съ правительствомъ, продолжать разыгрывать свою роль въ комедіи лжеконституціонализма, послѣ того какъ попраны ея конституціонныя рѣшенія,—такая палата была бы худшимъ сообщникомъ правительства. Этимъ она дала бы ему возможность уничтожать конституціонныя права народа подъ прикрытіемъ сохраняемой внѣшности конституціонныхъ формъ. Палата была бы преступнѣе самого правительства, потому что защитникъ правъ, измѣняющій этимъ правамъ, гораздо виновнѣе противника ихъ.

Еще, если это возможно, хуже будетъ, если палата согласится въ этомъ вопросѣ на компромиссъ, напр. на 2-х-лѣтній срокъ службы. Противъ этого Вы должны особенно громко протестовать, господа. Въ этомъ вопросѣ не можетъ быть никакихъ компромиссовъ. Еслибы правительство предложило напр. компромиссъ 2-х-лѣтняго срока службы и палата приняла бы его, то всѣ интересы страны были бы преданы и проданы ею ради условія, которое, хотя само по себѣ не лишено значенія, но сравнительно съ важностью всего вопроса совершенно ничтожно. Дѣло въ томъ, что если организація арміи будетъ принята, хотя бы съ ограниченіемъ службы 2-х-лѣтнимъ срокомъ — у насъ утягиваютъ ландверъ—все народное ополченіе, составляющее истинную силу страны — присоединяя его къ военному резерву и отдавая подъ команду ар-

мейскимъ офицерамъ †). Мы лишаемся ландвера. При этомъ капитальномъ вопросѣ — сохранитъ ли страна свой ландверъ или потеряетъ — вопросъ о срокѣ службы, будетъ ли онъ 2-хъ или 3-х-лѣтній, совершенно исчезаетъ, равно какъ и вопросъ о расходахъ.

Но даже и вопросъ о ландверѣ отходитъ на второй планъ.

На первомъ планѣ стоитъ въ этомъ дѣлѣ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекращать расходы, въ которыхъ палата отказала ему? Правительство, не взирая на отказъ палаты, продолжало эти расходы, какъ-будто постановленія палаты никогда не существовало. Если при такомъ положеніи дѣлъ палата пойдетъ на какой бы то ни было компромиссъ, напр. на 2-х-лѣтній срокъ службы, то это будетъ уже не компромиссъ, не соглашеніе, а совершенное предательство общественнаго права. Тогда Бисмарковская государственно-правовая практика благополучно водворится на семи сваяхъ, а вѣдь правило ея — если правительство находится въ столкновеніи съ конституціоннымъ правомъ палатъ, то палаты должны уступать. Вотъ какое правило будетъ установлено этимъ прецедентомъ.

Поэтому считайте сознательнымъ или безсознательнымъ, и въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе опаснымъ, врагомъ праваго дѣла всякаго, кто заикается про компромиссъ.

Во всякомъ случаѣ, господа, наше средство безвредно. Оно ничего не испортитъ, потому что каждый изъ Васъ пойметъ, что если правительство такъ твердо рѣшилось на абсолютизмъ, что даже послѣ подобнаго заявленія палаты не уступитъ и будетъ править безъ палатъ въ формѣ открытаго абсолютизма, то тѣмъ менѣе можетъ палата заставить его отказаться отъ абсолютическаго лжеконституціонализма и согласиться на истинный конституціонализмъ уступчивымъ продолженіемъ веденія съ нимъ дѣлъ; этимъ она дастъ ему только средство продолжать комедію лжеконституціонализма. Лжеконституціонализмъ же гораздо вреднѣе открытаго абсолютизма, потому что сбиваетъ съ толку народный смыслъ и, какъ всякая основанная на лжи правительственная система, развращаетъ народную нравственность.

Итакъ, наше средство во всякомъ случаѣ безвредно для страны. Оно и безопасно для депутатовъ, и чтобы рѣшиться на него, нужны только смыслъ и энергія; особеннаго же мужества не требуется. Единственное пожертвованіе, какого оно требуетъ отъ депутатовъ, состоитъ въ худшемъ случаѣ въ отреченіи на время отъ значенія офиціальнаго положенія.

Наконецъ, какъ я уже сказалъ, средство это необходимо и во всякомъ случаѣ побѣдоносно.

Поэтому должно предполагать, что правительство не устоитъ передъ нимъ.

Но, можетъ быть, оно не покорится тотчасъ и нѣкоторое время будетъ упорствовать править безъ палатъ. Это будетъ для Васъ еще выгоднѣе, господа.

---

†) Такъ и вышло. *Пр. перев.*

Я говорю, что это будетъ еще выгоднѣе для Васъ. Потому что тѣмъ болѣе унизится потомъ правительство передъ величіемъ народа, когда впослѣдствіи будетъ принуждено уступить. Тѣмъ болѣе признаетъ оно превосходство надъ собой общественной силы гражданства, когда ему придется поклониться народу и палатѣ.

Тогда, господа, Вамъ можно будетъ побѣдоносно предписать свои условія. Тогда Вамъ можно будетъ осуществить парламентскій порядокъ, безъ котораго существуетъ лишь лжеконституціонализмъ!

СИЛА И ПРАВО.

ГЛАСНОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «РЕФОРМЫ» †).

Многоуважаемый г. редакторъ!

Въ передовой статьѣ «Берлинской Реформы» 7 февраля по поводу адреса палаты господъ сказано между прочимъ:

---

†) Статьѣ этой предпослано примѣчаніе, которое мы сообщаемъ здѣсь въ выноскѣ, такъ какъ оно характеризуетъ отношенія либеральной прессы къ Лассалю и вообще журнальные нравы, свойственные не однимъ прусскимъ газетамъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Февраля 7 въ «Берлинской Реформѣ» явилась передовая статья, побудившая меня послать въ эту газету настоящую статью съ просьбой о напечатаніи ея.

Мнимо «радикальная» «Берлинская Реформа» отказала въ этой просьбѣ.

Тогда я послалъ статью въ «Фоссову Газету», объяснивъ въ письмѣ, что если сверхъ ожиданія и чаянія редакція найдетъ неудобнымъ помѣстить ее въ своей газетѣ статьей, то я прошу напечатать ее въ объявленіяхъ и прислать мнѣ счетъ стоимости; въ отвѣтъ на это я получилъ отъ редакціи «Фоссовой Газеты» слѣдующій отзывъ:

«Милостивый Государь!

«Нижеподписавшійся сожалѣетъ о невозможности напечатать вашу прилагаемую при семъ статью ни въ какой изъ желательныхъ Вамъ формъ, такъ какъ по его мнѣнію нѣкоторыя мѣста ея подлежатъ важнымъ сомнѣніямъ относительно законовъ о печати (!).»

«Графъ Крассовъ согласился съ Лассалемъ, что нынѣшнее столкновеніе есть вопросъ силы.»

Извѣстно, что «Народная Газета» — виновница недоразумѣнія, будто я въ моихъ брошюрахъ о конституціи проповѣдую теорію первенства силы передъ правомъ. Нашлись и въ публикѣ тупицы, принявшіе эту остроумную мысль и начавшіе высказывать при случаѣ убѣжденіе, что г. фонъ-Бисмаркъ дѣйствуетъ какъ мой ученикъ.

Отзывъ Вашей статьи по своей формѣ можетъ подтвердить это недоразумѣніе въ другихъ. И хотя трудно отвѣтить на это чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ улыбки, однако я хочу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать слѣдующія краткія замѣчанія.

Еслибы я создавалъ міръ, то весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ я исключительнымъ образомъ сошелся бы съ желаніями «Народной Газеты» и графа Шверина, и устроилъ бы міръ такъ, чтобы въ немъ право предшествовало силѣ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ моей этической точкѣ зрѣнія и моимъ желаніямъ.

Но, къ сожалѣнію, мнѣ не приходилось создавать міра, и потому я вы-

---

Разумѣется, эти «сомнѣнія относительно законовъ о печати», приводимыя въ извиненіе, ничто иное, какъ отговорка. Статья не представляетъ ни малѣйшаго повода къ законному преслѣдованію, которому впрочемъ могъ бы подвергнуться я одинъ, какъ отвѣтственный подписавшій ее авторъ. Во всякомъ случаѣ «Фоссова Газета» ничего не теряла бы, еслибы даже былъ конфискованъ листъ ея приложеній, въ которомъ она помѣстила бы мою статью въ объявленіяхъ.

Но такова свобода печати, даруемая берлинскими органами прогрессистской партіи демократіи, какъ скоро она позволитъ себѣ сказать слово, неподходящее къ идеямъ прогрессистской партіи.

Подавлять, замалчивать на смерть, не давать пикнуть ничему, что отличается отъ умственной ветоши прогрессистской партіи,— такова тактика этой партіи и ея органовъ.

Еще надняхъ ни одна изъ этихъ газетъ, какъ и прогрессистская «Рейнская Газета», не упомянула объ объясненіи депутата Мартини причинъ, по которымъ онъ отказался отъ представительства, потому что услышать это объясненіе было бы непріятно ушамъ прогрессистовъ.

Я нашелъ болѣе, чѣмъ безполезнымъ стучаться еще въ дверь г. Цабеля — «Національной Газеты». По прежнимъ опытамъ я достаточно убѣдился, какой это мастеръ, какой несравненный мастеръ въ искусствѣ замалчиванія и непропусканія.

Я уже начиналъ подумывать — вотъ до чего доводитъ демократію въ Пруссіи заговоръ прогрессистской клики! — не отправить ли статью въ «Крестовую Газету», чтобы отъ вѣжливости врага получить возможность высказаться, которой мнѣ не давали прогрессисты.

Но я разсудилъ, что могу обойтись безъ этого и не доставлять такой радости искусной на клеветы «Народной Газетѣ». Мнѣ оставалось средство обнародовать мою статью брошюрой, что я и дѣлаю.

Берлинъ, 13 февраля 1863 г.

Ф. Лассаль.

нужденъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, какъ похвалы, такъ и порицаніе, за его устройство.

Въ моихъ брошюрахъ о конституціи я имѣлъ цѣлью объяснить не то, чему слѣдовало бы быть, а то, что въ дѣйствительности есть; эти брошюры заключаютъ въ себѣ не этическій трактатъ, а историческое изслѣдованіе.

Въ нихъ я показываю, что хотя несомнѣнно, что право должно бы предшествовать силѣ, но въ дѣйствительности сила всегда предшествуетъ праву и до тѣхъ поръ предшествуетъ ему, пока право съ своей стороны не наберетъ достаточно силы, чтобы сломить силу безправія.

Въ этихъ брошюрахъ, вопервыхъ, показано, что это такъ исторически; вовторыхъ, — какъ обязательно для всякой теоріи, — въ нихъ объяснены внутреннія причины того, что въ дѣйствительности сила предшествуетъ праву; но въ нихъ не говорится ни единаго слова о вопросѣ совершенно постороннемъ историческому изслѣдованію, имѣющему цѣлью показать только то, что есть,—о вопросѣ: какъ слѣдовало бы быть по моему субъективному сознанію! — Мы не будемъ касаться этихъ глубокихъ внутреннихъ причинъ. Но относительно доказательства, представляемаго историческими фактами, позвольте мнѣ представить нѣкоторые отечественные воспоминанія и вопросы, такъ какъ теперь какъ разъ идетъ недѣля «отечественныхъ событій».

Что чему предшествовало — право силѣ или сила праву, когда въ ноябрѣ 1848 г. прусское національное собраніе было разогнано штыками?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда палата, созванная для пересмотра, была распущена вопреки § 112 жалованной конституціи 1849 г.?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда въ іюлѣ 1849 г. законное общее избирательное право было отмѣнено и пожалованъ трехклассный избирательный законъ?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда этотъ жалованный трехклассный избирательный законъ утверждался собраніемъ, на основаніи его самого избраннымъ, между тѣмъ какъ по праву и по закону утвердить его могла только палата, избранная на основаніи существовавшаго до него общаго избирательнаго права?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда собраніе, избранное на основаніи этого незаконнаго трехклассаго избирательнаго закона и бывшее развѣ сборищемъ нотаблей, но никакъ не законнымъ представительствомъ страны, присвоило себѣ полномочіе утверждать этотъ избирательный законъ и конституцію, не имѣя на то ни малѣйшаго законнаго полномочія?

А теперь, что чему предшествуетъ, право силѣ или сила праву, когда палата объявила, что правительство нарушаетъ конституцію, а правительство, спокойно улыбаясь, продолжаетъ свои мѣропріятія и палата все-таки поко-

рятся этому и своими засѣданіями придаетъ правительству конституціонную внѣшность?

Я полагаю, теперь каждому пора бы наконецъ убѣдиться, что въ дѣйствительности сила предшествуетъ праву!

Но я долженъ отклонить отъ себя даже то лестное увѣреніе, будто г. фонъ-Бисмаркъ и графъ Крассовъ дѣйствуютъ какъ мои ученики.

Дѣйствующій несетъ, конечно, полную отвѣтственность за нравственное и правовое достоинство своихъ дѣйствій. Но теоретическому изслѣдователю исторіи дѣло только до того, что́ объективно есть; онъ долженъ раскрывать законы, опредѣляющіе это, а не разсуждать о томъ, какъ бы слѣдовало быть. Стало быть, въ немъ его субъективная этическая точка зрѣнія не отожествляется съ содержаніемъ его познанія, какъ у дѣйствующаго съ содержаніемъ дѣйствій. Г. фонъ-Бисмаркъ подтверждаетъ то, что я показалъ въ исторіи природой дѣйствительности. Но, показывая ее, я не указывалъ въ ней этическаго правила для дѣйствій, которому г. фонъ-Бисмаркъ могъ бы слѣдовать.

Какой же смыслъ имѣетъ, послѣ всего перечисленнаго выше, благочестивый восторгъ, съ которымъ палата приняла слова графа Шверина, что въ прусскомъ государствѣ «право предшествуетъ силѣ»? Это похвальныя ребяческія желанія — и больше ничего! Торжественное значеніе имѣло бы это только у людей, рѣшившихся дать праву и силу!

Какой смыслъ имѣетъ, что графъ Шверинъ осмѣливается теперь толковать о томъ, что «право предшествуетъ силѣ», послѣ того какъ въ званіи депутата и министра онъ принималъ положительное участіе почти во всѣхъ вышеисчисленныхъ правонарушеніяхъ?

Во всемъ прусскомъ государствѣ ни одна душа не смѣетъ заикаться о «правѣ» кромѣ демократіи, старой истинной демократіи! Потому что она одна всегда держалась права и никогда не унижала себя никакими компромиссами съ силой.

Графъ Шверинъ не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что участвовалъ въ большей части правонарушеній.

«Народная Газета» не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что признавала, часто даже прикрашивала и прославляла, собраніе нотаблей и всѣ правонарушенія.

Г. фонъ-Унру не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что въ заключительныхъ актахъ національнаго собранія 1848 г. хранится еще его протестъ, въ которомъ онъ торжественно объявляетъ недѣйствительнымъ, ничтожнымъ и незаконнымъ все, что теперь самъ творитъ.

Прогрессистская партія не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что принимаетъ очевиднѣйшее попраніе его.

Демократія — и въ томъ ея гордость! — одна имѣетъ право говорить о правѣ, потому что одна никогда не освящала его нарушеніе!

Какъ часто упрекали насъ именно за это «Народная Газета» и подобные ей журналы, называя насъ отвлеченными поклонниками права! Теперь

они перемѣнили оружіе и упрекаютъ насъ въ поклоненіи силѣ, въ «погонѣ за политикой силы»! Ложь! Демократія всегда непоколебимо стояла за право. А «Народная Газета», графъ Шверинъ, г. фонъ-Унру и прогрессистская партія дѣйствительно покинули право, чтобы въ этой передрягѣ захватить долю силы. Но, покинувъ право, они, конечно, получили отъ силы, на которую захотѣли промѣнять его, только пинки! И по дѣломъ!

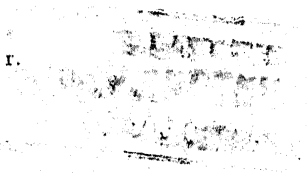
Только въ демократіи все право — только въ ней будетъ и сила!

Прошу Васъ, многоуважаемый господинъ редакторъ, напечатать эту статью, для обращенія на путь истинный многихъ очень сбитыхъ съ толку головъ въ настоящее смутное время.

Съ отличнымъ уваженіемъ

Ф. Лассаль.

Берлинъ,
7 февраля 1863 г.



КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СОЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ РУССКАГО НАРОДА. Сочиненіе *Ав. Щапова.* Изданіе Н. П. Полякова. Цѣна 2 р.

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА ВЪ РОССІИ. Наблюденія и изслѣдованія *Н. Флеровскаго.* Въ трехъ частяхъ. Изданіе Н. П. Полякова. Цѣна 3 р. Содержаніе: Предисловіе. — Часть I. Работникъ Сибири, сѣверной и пустынной Россіи. — Работникъ бродяга. — Сибирскій земледѣлецъ. — Зауральскій рабочій. — Положеніе работника на сѣверѣ. — Астраханская губернія. — Національности. — Часть II. Работникъ Земледѣльческой Россіи. Земледѣлецъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Вологодской губерніи. — Примѣры анархіи въ поземельныхъ отношеніяхъ. — Вліяніе помѣщичьихъ земель на благосостояніе Россіи. — Земледѣлецъ степной полосы между Ураломъ и Волгой. — Земледѣлецъ черноземной полосы. — Часть III. Работникъ промышленной Россіи. — Работникъ пріискатель. — Горный рабочій. — Впечатлѣніе, которое производятъ промышленныя губерніи и данныя статистики. — Фабричное и мелкое производство. — Хожденіе на заработки. — Нравственное настроеніе работника въ промышленныхъ губерніяхъ и въ цивилизованной Европѣ. — Русскій пролетарій. — Заключеніе.

СВОБОДА РѢЧИ, ТЕРПИМОСТЬ И НАШИ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ. Изданіе второе, Н. П. Полякова. Цѣна 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ЛЮДВИГА БЁРНЕ, въ переводѣ П. Вейнберга. Въ двухъ томахъ. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Изданіе Н. П. Полякова. Цѣна за два тома 3 р. 50 к. Содержаніе I тома: Жизнь и литературная дѣятельность Людв. Берне (статья П. Вейнберга). — Объявленіе автора объ изданіи избранныхъ сочиненій его. — Менцель Французоѣдъ. — Сумасшедшій въ гостинницѣ «Бѣлаго Лебедя», или нѣмецкія газеты. — Изъ моего дневника. — Романъ. — Въ защиту евреевъ. — Достопримѣчательности Франкфуртской цензуры. — Критическія статьи. Содержаніе II тома: Парижскія письма 1830 — 1833 гг. — Афоризмы и отрывочныя замѣтки. — Смѣсь (Надгробное слово Жанъ-Полю Рихтеру. — Объявленіе объ изданіи журнала «Вѣсы». — Гамлетъ. — Къ нѣмецкимъ ученымъ. — Искусство въ три дня сдѣлаться оригинальнымъ писателемъ).

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ ФР. М. ВОЛЬТЕРА. Переводъ Н. Н. Дмитріева. Цѣна 2 р. 50 к. — Содержаніе: Свѣтъ какъ онъ есть. — Кривой носильщикъ. — Cosi-Sancta. — Задигъ, или судьба. — Мемнонъ, или человѣческая мудрость. — Бабабекъ и факиры. — Микромегасъ. — Двое утѣшенныхъ. — Исторія путешествій Скарментадо. — Сонъ Платона. — Кандидъ, или оптимизмъ. — Разсказъ о добромъ браминѣ. — Бѣлый и черный. — Жано и Коленъ.—Простодушный.—Человѣкъ съ сорока экю. — Вавилонская принцесса.—Письма Амабеда.—Исторія о памяти.—Бѣлый быкъ.—Похвальное слово разуму.—Исторія Женни, или атеистъ и мудрецъ. — Уши графа Честерфильда. — Индійскій разсказъ. — Слѣпые судьи цвѣтовъ.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ДЖОНА ТИНДАЛЯ. Съ дополненіями по французскому изданію Муаньо. Переводъ подъ редакціею профессора С.-Петербургскаго Университета Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Съ 28 рисунками въ текстѣ. Изданіе Н. Полякова. Цѣна 75 к. Содержаніе: Тепло и Холодъ; шесть лекцій, читанныхъ въ дѣтской аудиторіи въ 1867 г. — Матерія и Сила; лекція, читанная въ Донди, въ присутствіи 3000 рабочихъ. — Сила; бесѣда въ Королевскомъ Институтѣ 6 іюня 1862 г.—Прибавленіе Муаньо.

ОСНОВАНІЯ БІОЛОГІИ. Сочиненіе *Герберта Спенсера.* Въ двухъ томахъ (полное и оконченное сочиненіе). Съ портретомъ автора и 297 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Ал. Герда. Изданіе Н. П. Полякова. Цѣна за два тома 4 р. Содержаніе I тома: Предисловіе. — Часть I. Данныя Біологіи. — Органическая матерія. — Дѣйствія силъ на органическую матерію. — Воздѣйствія органической матеріи на силы. — Ближайшее опредѣленіе жизни. — Соотвѣтственность между жизнью и ея обстоятельствами. — Степень жизни измѣняется со степенью соотвѣтственности. — Область Біологіи. — Часть II. Наведенія Біологіи. — Ростъ. — Развитіе. — Отправленіе. — Трата и возстановленіе. — Приспособленіе. — Индивидуальность. — Генезисъ. — Наслѣдственность. — Измѣнчивость. — Классификація. — Распредѣленіе. — Часть III. Прогрессъ жизни. — Предварительное объясненіе. — Общій обзоръ гипотезы Спеціальнаго Творенія. — Общій обзоръ гипотезы Прогресса.—Доводы изъ Классификаціи.—Доводы изъ Эмбріологіи. — Доводы изъ морфологіи. — Доводы изъ Распредѣленія. — Причины Органическаго Прогресса.—Внѣшніе дѣятели.— Внутренніе дѣятели. — Непосредственное уравновѣшеніе.—Косвенное уравновѣшеніе.—Взаимнодѣйствіе факторовъ.— Совпаденіе доказательствъ.—Приложеніе къ 1 тому: О самозарожденіи и о гипотезѣ физіологическихъ единицъ. — Содержаніе II тома: Часть IV. Морфологическое Развитіе.—Задачи Морфологіи. — Морфологическое сложеніе растеній.—Морфологическое сложеніе животныхъ.—Морфологическое дифференцированіе въ растеніяхъ. — Общія формы растеній. — Формы вѣтвей. — Формы листьевъ. — Формы цвѣтковъ. — Формы растительныхъ клѣточекъ.—Морфологическое дифференцированіе въ животныхъ. — Общія формы животныхъ.— Формы позвоночныхъ скелетовъ.— Формы животныхъ клѣточекъ.—Сводъ морфологическаго развитія.—Часть V. Физіологическое Развитіе. — Задачи физіологіи. — Дифференцированіе между внѣшними и внутренними тканями растеній. — Диффер. во внѣшнихъ тканяхъ растеній. — Диффер. во внутреннихъ тканяхъ растеній. — Физіологическое интегрированіе въ растеніяхъ. — Диффер. между внѣшними и внутренними тканями животныхъ.—Диффер. во внѣшнихъ тканяхъ животныхъ.—Диффер. во внутреннихъ тканяхъ животныхъ.—Физіологическое интегрированіе въ животныхъ.—Сводъ физіологическаго развитія.—Часть VI. Законы размноженія.—Дѣятели.—Апріорическое начало. — Обратное апріорическое начало.—Трудность индуктивной провѣрки.—Антагонизмъ между ростомъ и безполымъ генезисомъ. — Антаг. между ростомъ и половымъ генезисомъ.—Антаг. между развитіемъ и генезисомъ, безполымъ и половымъ.— Антаг. между тратою и генезисомъ. — Совпаденіе генезиса съ обильнымъ питаніемъ.—Частности этихъ отношеній.—Истолкованіе и ограниченіе. — Размноженіе человѣческаго рода.—Человѣческое населеніе въ будущемъ.— Приложенія ко II тому: А) Замѣщеніе у растеній осевыхъ органовъ листовыми; В) Разборъ теоріи проф. Овена о позвоночномъ костякѣ; С) О циркуляціи соковъ и образованіи древесины въ растеніяхъ.